

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855296 9

* QCA

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1853.

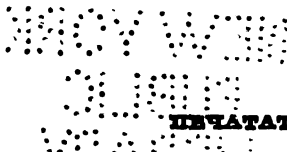
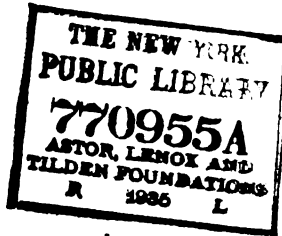
ТОМЪ V.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІЯХЪ: Л. СТЕПАНОВОЙ, УНИВЕРСИТЕТСКОЙ И В. ГОТЬЕ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы не опечатана представлено было узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 7 дня, 1853 года.

Цензоръ *Д. Ржевскій.*

МОСКВИТЯНИНЪ

1853.

№ 17.

Сентябрь.

кн. 1.

РОГОВСКОЙ.

(РАЗСКАЗЪ).

—
I.

Въ *** губерніи, *** уездѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги, стоитъ село Знаменское, куда мы и попросимъ на нѣкоторое время нашего читателя.

Знаменское небогатое имѣніе, въ немъ всего двѣсти душъ, но крестьяне въ хорошемъ состояніи, земли довольно, сбытъ хлѣба выгоденъ, и Палагея Петровна Разумова, владѣтельница этого имѣнья, живетъ себѣ припѣваючи съ возлюбленной внучкой.

Палагеевъ Петровнѣ уже семьдесятъ лѣтъ отъ роду; лѣтъ двадцать какъ она овдовѣла, отдавши все мужнино имѣніе сыновьямъ своимъ. Свое же родовое село Знаменское прочила она внучкѣ, оставшейся сиротою по смерти отца своего, старшаго сына Разумовой, и матери, промотавшихъ все свое состояніе.

Варенька попала въ домъ бабушки пяти лѣтъ отъ роду.

Старушка скоро привязалась къ ребенку за его ласки, за миленькое личико, и не жалѣла ничего на ея воспитаніе.

*

PERL JAN 21 1935

Дѣвочкѣ было еще семь лѣтъ, а при ней ужъ были двѣ гувернантки, Французенка и нѣмка, обѣ знавшія и музыку. Для русскаго языка былъ нанятъ учитель изъ уѣзднаго города. Закону Божию училъ ее сельскій священникъ, кончившій курсъ наукъ магистромъ Богословія.

Палагея Петровна была сама женщина очень образованная и была въ состояніи отчасти слѣдить за воспитаніемъ своей внучки. Дѣти ея жили далеко, каждый въ своемъ семействѣ, и навѣщали ее рѣдко, что способствовало еще болѣе исключительному попеченію ея о внучкѣ.

Время текло своей чередою, старушка старѣлась, дѣвочка подростала, но это время не измѣняло привязанности Разумовой. Она только и видѣла радости, что въ своей Варенькѣ, восторгаясь ея успѣхами въ наукахъ или музыкѣ, и щедро дарила наставниковъ и наставницъ.

О всемъ думала, все помнила бабушка, что только касалось воспитанія милой внучки.

Лѣтъ до десяти не было у нея танцевальнаго учителя, и это сильно беспокоило старушку. Горю ея помогла странствующая труппа актеровъ, поселившаяся въ губернскомъ городѣ. Изъ труппы этой переманила она къ себѣ на цѣлый годъ актера, который выучилъ Вареньку всѣмъ современнымъ танцамъ въ совершенствѣ.

Конечно, Палагея Петровна могла бы поѣхать въ столицу для воспитанія внучки, но съ самаго дѣтства Вареньки ей запаала самолюбивая мысль воспитать ее въ деревнѣ, и основательно образованную повезти въ Москву,—а тамъ и похвастать, что деревенское образованіе можетъ быть не хуже столичнаго.

Положимъ, что мысль эта была довольно странная, но какъ же не простить какой-нибудь странности старому человѣку.

— Вотъ вырастешь, образуюсь, говорила она часто Варенькѣ, и поѣдемъ съ тобою въ Москву. Тамъ у меня много родныхъ и знакомыхъ осталось. Повезу тебя къ нимъ, мою деревенщину, и посмотримъ на ихъ столичное-во воспитаніе.

За этимъ слѣдовали взаимныя горячіе поцѣлуи.
Прошелъ еще годъ.

Варенькѣ минуло шестнадцать лѣтъ.

По этому году назначено было везти ее въ Москву. Но назначеніе это было сдѣлано давно, бабушкѣ не было тогда еще шестидесяти лѣтъ, а въ этомъ году ей минуло семьдесятъ. Бабушка ходила тогда молодцемъ, а теперь стала слабѣть, больше сидѣла въ своихъ креслахъ, выходила только въ церковь, и то опираясь на палочку и на внучку.

Не одни лѣта были причиною упадка здоровья Палаген Петровны. Последнее время мучила ее мысль о необходимости устроить Вареньку. Прежнее намѣреніе поѣхать въ Москву, похвастать своею воспитанницей, мало по малу охладѣло въ старушкѣ.

— Гожусь ли я дряхлая старуха на то, чтобы вывозить въ свѣтъ дѣвушку, и могу ли усмотрѣть за нею, говорила она, глядя на внучку. Положиться на прежнихъ людей, на этихъ гувернантокъ, тоже не рѣшусь. Хотя житье онѣ давно при моей Варенькѣ, да все она имъ чужая. При-томъ же пора и отпустить ихъ. Чтѣ знали они—ей передали, а четыре тысячи въ годъ не бездѣлица, пригодятся Варѣ на приданосъ.

Гувернантки были отпушены. А между тѣмъ Варенькѣ шестнадцать лѣтъ, Варенька невѣста. Надо подумать о ея будущности.

Больше всего пугала старушку мысль, что она умретъ прежде, нежели устроить Вареньку.

Мысль эта заставляла ее часто проливать украдкой слезы и дѣйствовала разрушительно на ея здоровье.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда по обыкновенію сосѣди Разумовой заѣхали къ ней послѣ обѣдни поздравить ее съ праздникомъ, привезли они ей вѣсть, что въ уѣздномъ ихъ городѣ назначена полковая квартира одного гусарскаго полка, и что, вѣроятно, поставятъ и по деревнямъ солдатъ и офицеровъ.

— Чтѣ жъ, батюшки, милости просимъ, отвѣчала старушка: подѣлимся чѣмъ, Богъ послалъ.

По отъездѣ сосѣдей въ головѣ Палагеи Петровны мелькнула мысль: что если бы изъ числа этихъ офицеровъ выискался хорошій женихъ Варенькѣ. Она рѣшилаеь почаще приглашать ихъ къ себѣ и выбрать изъ нихъ мужа своей внучкѣ. Что внучка ея всѣмъ понравится, въ этомъ она ни на минуту не сомнѣвалась, надо было только хлопотать о томъ, чтобы добрый человекъ понравился Варенькѣ.

О приходѣ гусарь у Вареньки съ Машей были тоже свои переговоры, и Маша предсказывала, что всѣ будутъ у ногъ ея барышни.

Прошло нѣсколько дней, и въ одно прекрасное утро ласкѣй Разумовой доложилъ ей, что прѣехалъ гусарскій корнетъ Султановъ и желаетъ се видѣть.

Старушка приказала просить къ себѣ офицера, а случившейся тутъ Варенькѣ посоветовала поправить туалетъ свой и выдти послѣ къ гостю.

Александръ Николаевичъ Султановъ былъ единственный сынъ помѣщика двухъ-сотъ душъ, воспитывался дома, на двадцатомъ году поступилъ юнкеромъ въ гусары, а черезъ два года былъ произведенъ въ офицеры. Въ этомъ же году лишился онъ отца и матери и получилъ слѣдующее ему наследство.

Съ перваго взгляда можно было счесть его за человека неглупаго. Онъ уже понатерся въ общество и зналъ наизусть общія мѣста гостинныхъ разговоровъ, но узнавши его покороче, каждый приходилъ къ одному краткому заключенію: мальчѣ бы хорошъ, да глуповатъ.

Природный недостатокъ Султанова скрывался подъ очень завлекательной наружностью. Роста онъ былъ не высокаго, но прекрасно сложенъ, брѣнетъ, съ черными глазами. Цвѣтъ лица его былъ, что называется, кровь съ молокомъ, и все это довершалось недавно пробившимися усиками и красивымъ гусарскимъ мундиромъ.

Прибавимъ къ этому, что онъ былъ чрезвычайно ловкій танцоръ, и мы по неволѣ признаемъ въ немъ нѣкоторыя права на то, чтобы понравиться женщинѣ, по крайней мѣрѣ на первое знакомство.

Сосѣди, посѣщавшіе почтенную старушку, восхищались ея воспитанницей, сколько въ угоду воспитательницы, столько и потому, что Варенька стоила въ самомъ дѣлѣ похвалы всѣхъ, кто только съ нею знакомился.

Кромѣ гувернантокъ при Варенькѣ была няня. Цѣло эту Палагею Петровна, опять по своеобразности своего характера, выбрала не изъ старушекъ, какъ это дѣлается болѣею частію, но приставила къ своей внучкѣ дѣвушку лѣтъ двадцати пяти.

— Она привыкнетъ къ моей Варенькѣ съ ея дѣтства, говорила старушка, и будетъ ей слугою и впоследствии. Сдѣлается Варенька хозяйкой, — она будетъ смотреть за ея хозяйствомъ, и когда уже состарѣется, тогда Варенька будетъ сама въ лѣтахъ и не будетъ нуждаться въ вѣрной службѣ своей.

Въ пятнадцать лѣтъ дозволено было Варенькѣ чтеніе сначала русскихъ, а потомъ и иностранныхъ писателей. Книжки, даваемые Варенькѣ, Палагея Петровна прочитывала прежде сама или поручала это дѣлать гувернанткамъ. Последніи не всегда добросовѣстно выполнили это порученіе, и дѣвушкѣ попадались иногда новѣйшіе романы, заставлявшіе ее мечтать и задумываться.

До пятнадцати лѣтъ текла юность Вареньки беззаботно и весело. Бабушка ея только и думала о томъ, чтобы внучкѣ ея было хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Въ свободные отъ занятій часы доставляли ей всевозможныя деревенскія развлечения. Каждое желаніе Вареньки было закономъ для цѣлаго дома и въ ту же минуту исполнялось.

Хотя желанія эти были болѣею частію дѣтскія и невинныя, но несмѣленное и постоянное исполненіе ихъ баловало дѣвушку.

Попадавшіеся ей въ руки романы познакомили ее съ другою, неизвѣстною ей жизнью, дали поводъ думать о возможности жить безъ бабушки, возможности, которая, до тѣхъ поръ, никогда и не приходила ей въ голову.

Объ этой-то жизни, объ этихъ новыхъ впечатлѣніяхъ любила она говорить съ своей няней Машей.

Палагея Петровна, приставивъ Машу къ своей любимицѣ, не ошиблась въ выборѣ. Маша была дѣвушка добрая, честная и умная.

Отецъ и мать ея, старинные слуги Разумовой, воспитали ее въ страхъ Божиимъ и въ сердечной приверженности къ господамъ своимъ.

Исполнять эти вкоренившіяся въ ней начала, служба барышня, Машѣ было тѣмъ легче, что она всею душою любила сначала маленькую, а потомъ молодую госпожу свою. Не желая или не имѣя случая выдти за-мужъ, Маша посвятила себя безотчетно Варварѣ Павловнѣ, и привязалась къ ней, словно къ родной своей дочери.

Неглупая отъ природы и грамотная, Маша любила читать разныя попадавшіяся ей подъ руку книжки; а иногда читала вслухъ вечеромъ у постели барышни и усыпляла свою баловницу.

Вотъ въ это-то время, когда, простившись съ бабушкой и съ гувернантками, Варенька уходила въ свою комнату, начинались ея бесѣды съ Машей.

Она рассказывала ей содержаніе какой-нибудь занимательной книжки и иногда дѣлала разныя приложенія къ себѣ.

Говоря, напримѣръ, о любви и объ участи любившихъ другъ друга, спрашивала она свою няню:

— Чтò, Маша, если я полюблю кого-нибудь, а онъ меня любить не будетъ?

— Какой вздоръ вы говорите, барышня, отвѣчала ей няня: ну, какъ же онъ не будетъ любить васъ?... Вѣдь ужъ этого не скроешь, всѣ знаютъ, что вы красавица. Господь наградилъ васъ и умомъ, бабушка васъ всему научила.... ну, какъ же не любить то-васъ?

— А право, Маша, мнѣ бы хотѣлось полюбить кого-нибудь, чтобы узнать, весело это или скучно....

— Не торопитесь, барышня, придетъ время, полюбите, выйдете за-мужъ и няню свою позабудете.

— Чтò ты, Маша, какъ тебѣ не стыдно, говорила Варенька, чуть не плача, да я съ тобою никогда и ни за что не расстанусь.

На другой и въ слѣдующіе дни она была уже любезнѣе съ своимъ постояльцемъ: вмѣстѣ гуляли, играли, пѣли. Оба были еще очень молоды. Варенька ребенокъ и по лѣтамъ, а Султановъ по несовершенноразвитой головѣ своей.

Варенька правилась ему каждый день все болѣе и болѣе, а она сознавалась по вечерамъ Машѣ, что Султановъ, просто, душка, и что она любитъ его безъ памяти.

Палагея Петровна замѣчала взаимную склонность молодыхъ людей, сначала ей радовалась, но потомъ, взглядывшись пристальнѣе въ Султанова, увидѣла, что онъ не далекъ, и и что не годится въ мужья Варенькѣ, для которой, какъ для ребенка, нуженъ бы мужъ—человѣкъ солидный, который бы на время заступилъ ей мѣсто отца.

Она уже собиралась было говорить объ этомъ со внучкой и посоветовать ей не слишкомъ сближаться съ гусарникомъ, но переговоры эти какъ-то отлагались со дня на день, а тутъ подошли Варенькины именины.

День этотъ еще заранѣе положено было праздновать танцами. У одного изъ сосѣдей Пелагеи Петровны были свои музыканты, которыхъ онъ и обѣщалъ прислать на это время въ Знаменское. Кавалеровъ не занимать стать, когда въ уѣздѣ стоитъ гусарскій полкъ, за то въ барышняхъ былъ маленкій недостатокъ. Сверстницъ Вареньки вовсе не было въ сосѣдствѣ, а было дѣвушкѣ пять много ее постарше, да три-четыре замужнія дамы, еще не отказавшіяся отъ удовольствія прыгать подь музыку.

Приглашенія были разсланы за нѣсколько дней. Султановъ взялся хлопотать о кавалерахъ, Варенька заботилась о своемъ розовомъ газовомъ платьѣ, а на долю Пелагеи Петровны осталось думать о томъ, чтобъ гости были всѣмъ довольны, и чтобъ не ударить лицомъ въ грязь.

Нѣсколько разъ были совѣщанія съ поваромъ. Въслѣдствіе этихъ совѣщаній посылались подводы въ уѣздный городъ, а одна была даже отправлена въ губернскій для закупки лучшихъ винъ и конфектъ.

Насталъ наконецъ давно ожидаемый день св. Варвары. Послѣ обѣдин отслужили въ домъ Разумовой молебень, а

тамъ стали съѣзжаться сосѣди и гусары поздравлять дорогую имянинницу.

Каждого изъ новопрѣзжихъ сравнивала Варенька съ своимъ Султановымъ, и всѣ сравненія были въ его пользу. Тотъ былъ гораздо старше его, тотъ хуже лицомъ, тотъ какъ-то неповоротливъ, словомъ—одинъ Султановъ, по мнѣнью имянинницы, былъ достоинъ ея вниманія.

Къ вечеру общество увеличилось, явились дамы, разряженные въ провинціальному вкусу. Барышни были еще одѣты сносно, т.-е. довольно просто, кромѣ одной, насадившей на юбку своего газоваго платья золотые и серебряные цвѣты, отломанные, вѣроятно, отъ привезенной изъ столицы вербы. Изъ дамъ двѣ надѣли свои подвѣчные платья, а одна такъ наколола даже себѣ на голову вѣнокъ изъ флёръ д'оранжа, украшавшій ее въ день вѣчанья.

Послѣ чаю загрѣмѣла музыка и начались танцы.

Эти танцы рѣшили въ головѣ Вареньки ея участь.

Султановъ танцевалъ такъ ловко и граціозно, что прочіе кавалеры казались передъ нимъ какими-то ступами.

Съ восторгомъ смотрѣла Варенька, какъ скользилъ онъ по паркету съ другими дамами, какъ ловко ихъ повертывалъ, какъ мило кончалъ фигуру, какъ быстро останавливался на мѣстѣ и отводилъ даму къ ея кавалеру.

Нужно ли говорить, что въ продолженіе вечера болѣе всѣхъ танцевала она съ Александромъ Николаевичемъ.

Палагея Петровна, приходившая во время танцевъ нѣсколько разъ въ залу, невольно любовалась, когда ея внучка носилась по залѣ съ Султановымъ; казалось, они не касались земли, оба увлеченные вихремъ танца, оба ловкіе, оба красивые, какъ бы созданные другъ для друга.

— Славная бы парочка, думала со вздохомъ старушка, когда бы голова его походила на его ноги.

Танцевали бы до разсвѣта, но Палагея Петровна, уставшая отъ дневныхъ хлопотъ, велѣла давать ужинать и отпустила музыкантовъ.

Послѣ ужина гости болѣею частью разѣхались, ночевать остались только самыя близкіе Палагеи Петровны.

— Честь имѣю рекомендоваться, сказалъ офицеръ, войдя въ комнату старушки. Я корнетъ Султановъ, мнѣ назначена со взводомъ квартира въ вашемъ селѣ. Я прѣхалъ впередъ, а солдаты будутъ здѣсь къ вечеру.

— Очень рада познакомиться, отвѣчала ему Палагел Петровна; становой уже увѣдомилъ меня о назначеніи комнѣ постоя. Солдатушкамъ вашимъ квартиры давно готовы. Ну, а сами-то вы, батюшка, если не побрезгуете хлѣбомъ-солью старухи, прошу васъ остановиться у меня въ домѣ. Я велю вамъ отвезти покойную комнатку.

— Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, отвѣчалъ корнетъ, и постараюсь заслужить ваше доброе расположеніе.

— Садитесь-ка, батюшка, а вотъ и молодая моя хозяйка, прибавила старушка, указывая на входившую Вареньку.

Варенька присѣла, Султановъ очень ловко поклонился, не забывъ при случаѣ зазвенѣть шпорами.

Варенька уже взрослая дѣвушка, и пора нарисовать портретъ ея читателю.

Хотѣлось бы очень не впасть въ общую колею романистовъ, изображающихъ героинь своихъ красавицами, но что же дѣлать, если Варенька была въ самомъ дѣлѣ очень хороша собою?

Роста была она средняго, сложена такъ, какъ только могла бы желать этого самая причудливая красавица. Русые, очень свѣтлые, мягкіе ея волосы носила она большею частію локонами въ угоду бабушкѣ. Голубые глаза ея отгнѣялись темными рѣсницами и притягивали къ себѣ того, кто долго на нихъ засматривался. Черты лица не имѣли греческой правильности, но представляли собою необыкновенно милое цѣлое. Ручки и ножки ея были безукоризненны.

Султановъ провелъ цѣлый день у Разумовой, заговаривалъ съ Варенькой, она отвѣчала ему очень смѣло. Застѣнчивости она не знала съ малолѣтства.

Къ вечеру, кажется, всѣ остались довольны другъ другомъ.

Султанову отведенъ бывшій кабинетъ Разумова, куда онъ и отправился мечтать о своей бѣлокурой хозяйкѣ.

Впродолженіе дня Маша не разъ подходила къ дверямъ, а иногда подъ разными предлогами входила и въ комнату, чтобы хорошенько разсмотрѣть новаго постояльца.

— Какъ знать, думала она, можетъ это и суженый моей барышни.

Съ виду онъ ей очень понравился.

Раздѣвая барышню, заговорила она о Султановѣ.

— А вѣдь постоялецъ-то нашъ очень красивъ собою, барышня, сказала она.

— А каковъ мундиръ, Маша, просто прелесть!

— Что жъ, барышня, я вотъ поразспрошу у его лакея, каковъ онъ правомъ-то, а тамъ и съ Богомъ; чѣмъ не женихъ?

— Видишь, какая ты, Маша, говорила, смѣясь, Варенька: то, бывало, говоришь мнѣ, чтобы я не торопилась, а теперь сама торопишься.

— Что жъ я сказала? Я говорю только, что поговорю съ лакеемъ. Можетъ, онъ какой сорванецъ или злой, да грубый, такъ зачѣмъ онъ намъ?

— Нѣтъ, Маша, я не думаю, чтобы онъ былъ злымъ: по лицу его сей-часъ видно, что онъ человекъ добрый.

— А вотъ посмотримъ. Ложитесь-ка, сударыня, ужъ время-то за полночь, почивать пора.

— Прощай, Маша, сказала Варенька, а ты все-таки поговори съ его лакеемъ.

Переговоры Маши съ лакеемъ Султанова, расхвалившимъ до нельзя своего барина, были переданы отъ слова до слова Варварѣ Павловнѣ, и корнеть выигрывалъ все болѣе и болѣе въ ея мнѣніи.

Много значитъ первое впечатлѣніе, особенно для дѣвушки. Конечно, она можетъ и отказаться отъ него впоследствии, но для этого нужна уже борьба. Первое впечатлѣніе было въ пользу Султанова, и такъ какъ ничто покуда не говорило противъ него, оно все болѣе и болѣе развивалось въ сердцѣ Варшкы.

Офицеры, бывшіе на вечеръ, зашли послѣ ужина покурить, по дорогѣ, въ комнату Султанова, и громко поздравляли его съ невѣстой.

— Да, господа, говорилъ Султановъ, я, просто, влюбился по уши. Завтра же дѣлаю предложеніе. Коли не откажутъ, приглашаю васъ на свадьбу и ставлю шесть дюжинъ шампанскаго.

На другой день Варенька встрѣтила съ грустнымъ лицомъ Султанова и объяснила ему свое горе. Бабушка провела очень дурно ночь и была такъ слаба, что не вставала съ постели. Султановъ пожалѣлъ о болѣзни бабушки, потому молодые люди занялись музыкой, стали вспоминать о вчерашнемъ вечерѣ, и бабушка, затворенная въ своей спальнѣ, была по немногу забыта.

Султановъ не забылъ однако своего намѣренія, объявленнаго наканунѣ товарищамъ, и придумывалъ, какъ приступить къ дѣлу.

Рѣшиться на женитьбу было ему не трудно: онъ былъ человекъ независимый, а долго обдумывать это важное дѣло по слабости ума не считалъ онъ необходимымъ. Мѣсячное знакомство съ Варенькой казалось ему очень достаточнымъ срокомъ для окончательнаго сватовства.

И вотъ, не придумавшій ничего оригинальнѣе, опустился онъ передъ Варенькой на колѣни и сказалъ ей торжественнымъ голосомъ:

— Варвара Павловна, я люблю васъ, рѣшите мою участь.

Варенька немного сконфузилась, но слова Султанова были ей по сердцу.

— Чтò вы это?... встаньте, Александръ Николаевичъ, говорила она, покраснѣвши... какъ же могу рѣшить я вашу участь?

— Скажите мнѣ, что я вамъ не противенъ.

— О, нисколько.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ на васъ жениться, сказалъ Султановъ, приподнимаясь и цѣлуя ручку Вареньки.

— Надо поговорить объ этомъ съ бабушкой, отвѣчала дѣвушка; вотъ жаль только, прибавила она, что бабушка сегодня больна.... Впрочемъ, я одна могу поговорить съ ней.

Маша видѣла изъ-за двери всю эту сцену, и невольно плакала, глядя, какъ рѣшается участь ся милой барышни.

Варенька побѣжала къ бабушкѣ, а Султановъ, очень довольный собой, остался расхаживать по залѣ.

— Бабушка!... сказала Варенька, войдя въ комнату Палагеи Петровны.

— Что, другъ мой?... спросила ее старушка.

— Бабушка! я пришла говорить съ вами о серьезномъ дѣлѣ: Александръ Николаевичъ сдѣлалъ мнѣ сейчасъ предложеніе.

— Ужъ сдѣлалъ? проговорила Палагея Петровна, приподнимаясь на постель.

— Да, бабушка, и я пришла узнать ваше мнѣніе.

Старушка боялась опечалить свою возлюбленную внучку прямымъ отказомъ, и рѣшилась оставить ее покуда въ неизвестности.

— Да понимаешь ли ты, другъ мой, какое это важное дѣло—замужство? О немъ надо подумать да подумать.

— Что жь, отвѣчала Варенька, уже недовольная, что бабушка не сейчасъ исполняетъ ея желаніе. Что жь, я объ этомъ думала, Александръ Николаевичъ меня любить и мнѣ онъ нравится, чего жь еще?

— А того, душа моя, что ты у меня еще ребенокъ, да и онъ-то очень молодъ. Женитесь—и будете не жена съ мужемъ, а дѣти.

— Такъ неужели, бабушка, нужно дожить до старости, чтобы выдти за-мужъ?

На глазахъ Вареньки уже навертывались слезы, а слезы эти были вострый ножъ Палагеи Петровны.

— Но ты не печалься, мой ангелъ, постыдила сказать она, дай мнѣ немножко подумать. Не могу жь я такъ сейчасъ и рѣшиться съ тобою разстаться. Поди, поцѣлуй меня,

дитя мое; развѣ ты ужь очень любишь Александра Николаевича?

— Очень, бабушка, отвѣчала дѣвухка сквозь слезы. Мнѣ кажется, я умру, если вы не согласитесь на нашу свадьбу.

— Вотъ ужь и вздоръ говоришь ты, Варенька; какъ тебѣ не стыдно убивать старуху такими словами! Ты знаешь, какъ я люблю тебя и чего я не сдѣлаю для твоего счастья. Ну, успокойся, другъ мой, скажи Александру Николаевичу, что бабушка благодарить, дескать, за честь, которую вы намъ сдѣлали, и просить сколько-нибудь времени подумать, а потомъ и дать отвѣтъ.

— Нѣтъ, я вижу, бабушка, что вы не согласны, проговорила Варенька, и залилась горькими слезами.

— Ахъ, Боже мой!... говорила старушка, да она рѣшилась уморить меня. Полно, дурочка, не плачь, какъ тебѣ не стыдно.... Ну кто тебѣ сказалъ, что я не согласна?... Я говорю, дай подумать.... больше тебѣ скажу: мнѣ самой Александръ Николаевичъ нравится....

При этихъ словахъ Варенька поднимала свою головку, и уже съ улыбкой смотрѣла на бабушку.

— Ну да, нравится, продолжала Палагея Петровна. Вотъ, Богъ дастъ, мнѣ будетъ получше, я сама переговорю съ нимъ.

Варенька бросилась на шею бабушки, и сказала, цѣлуя ее:

— Смотрите жь, душенька бабушка, вы общались.

И съ этими словами она убѣжала въ залу.

Тамъ передала она своему жениху неполное согласіе бабушки, прибавивъ, чтобы онъ этого не пугался, потому что бабушка никогда и ни въ чемъ ей не откажетъ.

Молодые влюбленные занялись по обыкновенію мечтами о будущности, различными эфемерными планами, которые всегда дѣлаются передъ свадьбой, но сбываются очень рѣдко.

По уходѣ Вареньки, Палагея Петровна вельма позвать къ себѣ Машу. Она очень любила няню своей внучки и знала ея привязанность къ своей воспитанницѣ. Притомъ же Машѣ было уже сорокъ лѣтъ, съ ней можно и посоветоваться.

— Слышала ты, Маша, что у насъ въ домѣ дѣлается? спросила старушка.

— Какъ же, сударыня, я сама видѣла, какъ онъ и на колыньки-то передъ барышней становился.

— Ну что жь, Маша, мнѣ это дѣло не совсѣмъ нравится.

— Чѣмъ же, матушка барыня?

— Да больно простоватъ онъ, а Варя еще ребенокъ; какой онъ ей мужъ?

— Вамъ, матушка барыня, это дѣло лучше моего известно, а по мнѣ бы онъ баринъ хорошій.

— Глупъ, Маша, просто глупъ, ужъ я на него присмотрѣлась. Да вотъ бѣда, Варенька-то такъ и разливается, плачетъ. Огорчить-то мнѣ ее, бѣдняжку, не хочется.

— По моему, сударыня, можетъ онъ и глупенекъ, а всѣтаки не пошлый дуракъ какой. Не всѣ же умницы. За то у насъ барышня умная, она его уму разуму научить.

— Нѣтъ ужъ плохо, Маша, какъ жена мужа учить будетъ.

— Что жь дѣлать-то, матушка; я бы и не посмѣла вамъ такъ докладывать, да вѣдь гдѣ жь ихъ жениховъ-то искать? Молодыхъ господъ къ намъ не ѣздитъ; собирались было вы въ Москву, да съ вашимъ ли это здоровьемъ. А помилуй Богъ, что съ вами случится, въ животъ и смерти Господь воленъ, куда мы тогда съ барышней дѣнемся? Ну, другой женихъ найдется, поди, узнавай его, а этого по крайней мѣрѣ знаемъ. И люди его всѣ хвалятъ. Говорятъ, баринъ добрый, не капризный....

— Слова бы не сказала, когда бъ онъ былъ хоть не много поумнѣй.

— Да что жь, матушка барыня, въ его глупости? Будетъ любить, зла не сдѣлаетъ.

— Все это такъ, но, главное, стара и больна я. Повѣхали бы мы съ Варей въ Москву.... Родныхъ у насъ тамъ много; стала бы она выѣзжать, и какую бы партію сдѣлала! Собой она красавица, умна, училась хорошо, да и приданымъ бы

не побрезгали. Знаменское-то, вѣдь, плохой годъ пятнадцать тысячъ дастъ доходу. Ну, а теперь другое дѣло. О Москвѣ и не думай, насилу хожу. Поди себѣ, Маша, я подумано, да помолось Богу.

Размышленія Палагеи Петровны привели ее къ тому, что она по неволѣ должна была согласиться съ простыми доводами Варенькиной няньки. Не мало содѣйствовало этому и опасеніе, что Варенька будетъ грустить, убиваться, если она откажетъ Султанову.

— А можетъ быть, думала Палагея Петровна, съ лѣтами войдетъ онъ и въ разумъ. На все, впрочемъ, воля Божія,—чему быть, того не миновать.

На другой день утромъ Варенька пришла по обыкновенію къ Палагее Петровнѣ. Старушка чувствовала себя еще слабѣе. Послѣ нѣсколькихъ поцѣлуевъ Варенька спросила:

— Что жъ, бабушка, рѣшились ли вы отвѣчать Александру Николаевичу?... Вѣдь онъ будетъ у меня спрашивать.

— Скажи ему, другъ мой, отвѣчала старушка, что я согласна. Видно такъ угодно Богу.

Варенька бросилась на шею къ бабушкѣ, цѣловала ее, плакала, благодарила. Старушка прослезилась въ свою очередь, и обѣщала сдѣлать помолвку, какъ только встанетъ съ постели.

Оставивъ бабушку, Варенька пошла одѣваться. Одѣвшись, сошла внизъ, и, увидѣвши въ залѣ Султанова, чрезвычайно подошла къ нему и сказала торжественно:

— Вы можете поцѣловать вашу невѣсту.

Султановъ, конечно, воспользовался этимъ позволеніемъ.

Слухъ о помолвкѣ барышни минутой разнесся по всему дому, и поздравленіямъ не было конца.

Между тѣмъ, здоровье Палагеи Петровны не поправлялось. Не чувствуя никакой особенной болѣзни, она каждый день все болѣе и болѣе слабѣла.

— Не лучше ли мнѣ при жизни благословить ихъ, думала она: все вдвоемъ да вдвоемъ молодые люди,—Богъ знаетъ, что можетъ случиться.

Приванная на советъ Маша подтвердила мнѣніе барыни, прибавивъ, что и свадьбой бы медлить не слѣдовало.

Палагея Петровна пригласила священника, велѣла принести себѣ икону Богоматери, и, лежа въ постели, благословила свою внучку.

Свадьбу назначили черезъ недѣлю, что приходилось какъ разъ на другой день Крещенья.

Приданое Вареньки готовилось уже давно, серебро отдала ей бабушка все свое, а за матеріей на подвенечное платье отправлено нарочно въ губернской городъ.

Срочная недѣля пролетѣла быстро въ разныхъ приготовленіяхъ, и наступилъ наконецъ день, назначенный для свадьбы.

Палагея Петровна была все слаба и не вставала съ постели, но не соглашалась отлагать вѣнчанія, — просила только, чтобъ не приглашать много гостей, и кончить дѣло безъ особеннаго шума.

Согласно ея желанію приглашены были только не многіе сосѣди, необходимые для занятія нѣкоторыхъ должностей при вѣнчаньѣ. У Султанова посаженымъ отцомъ былъ его полковникъ, а шаферами два офицера. У Вареньки посаженымъ отцомъ — одинъ изъ старинныхъ друзей Палагеи Петровны, а шаферомъ тоже одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ.

Палагея Петровна со слезами благословляла свою внучку, Варенька тоже плакала, цѣлуя руки своей воспитательницы, цѣловала Машу, гостей, сидѣвшихъ въ комнатѣ, и даже стоявшихъ у дверей горничныхъ.

Все время вѣнчанья Палагея Петровна усердно молилась.

Въ церкви Варенька уже не плакала и была дивно хороша подъ вѣнцомъ своимъ.

На вопросъ, любила ли она жениха своего, она, конечно, отвѣтила бы: всемъ сердцемъ. Но этотъ отвѣтъ дала бы ея неопытность. Она была еще такъ молода, что сама хорошо не понимала чувствъ своихъ. О любви она только слышала, да читала въ романахъ. Султановъ ей понравился, и ей показалось, что она его любить страстно. Ей и въ голову не

приходило анализировать своего чувства, на чем-нибудь испытать его. По первому впечатлѣнію приняла она свое чувство за любовь, и въ этомъ не разочаровывалась. Она даже не замѣтила, что женихъ ея глуповатъ,—она любовалась только его усиками, и какъ дитя играла его киверомъ и шурками, часто не обращая вниманія на то, что онъ говорилъ ей. Такъ-то, шутя и ребячась, выходила Варенька за-мужъ.

Султановъ же любилъ ее болѣе истинно. Онъ любилъ ее за красоту ея, любилъ и потому, что чувствовалъ надъ собою ея превосходство, не смотря на дѣтскую ея рѣзвость. Умы ограниченные скоро и невольно подчиняются уму для нихъ высшему и питають къ нему своего рода благоговѣніе. При всей простотѣ своей онъ былъ сознательно доволенъ дѣлаемой имъ партіей. Онъ понималъ, что Варенька такая для него жена по красотѣ и состоянію, на какую онъ никогда, и не рассчитывалъ.

Изъ церкви всѣ опять собрались вокругъ постели Палагеи Петровны, и принимали ея поздравленія.

Пройдемъ молчаніемъ нѣсколько дней послѣ замужства Вареньки, проведенныхъ ею съ своимъ молодымъ супругомъ.

Не прошло еще и недѣли послѣ свадьбы, какъ рано утромъ постучались въ комнату молодыхъ, и Маша стала звать Вареньку къ бабушкѣ.

Старушкѣ сдѣлалось дурно еще ночью, но она не велѣла будить внучатъ своихъ, послала за священникомъ, исповѣдалась и приобщилась Святыхъ Таинъ. Къ утру она немного успокоилась, но, чувствуя приближеніе кончины, послала за Варенькой.

Испуганная, выбѣжала Варенька къ Машѣ, и та сказала ей, что бабушкѣ очень дурно, и чтобы она тише входила къ ней.

Войдя въ комнату Палагеи Петровны, и увидѣвши покрытое предсмертною блѣдностью лице ея, Варенька зарыдала и бросилась цѣловать ея руки.

— Не плачь, дитя мое, говорила нетвердымъ голосомъ старушка: всякому приходитъ пора оставлять это временное

жилице и отходить къ Богу. Довольно я тобою радовалась.... Теперь прощай, моя Варя, люби своего мужа и молись за свою бабушку. Все, что я имѣю, принадлежитъ тебѣ; духовную найдутъ въ моихъ бумагахъ.

Но Варенька не слыхала этихъ словъ старушки: она лишилась чувствъ, прильнувши къ рукамъ ея.

Дѣвушки подняли ее и вынесли въ другую комнату.

Палагея Петровна слабѣла все болѣе и болѣе.

Она поманила къ себѣ Машу, бѣгавшую отъ умирающей къ лежащей безъ чувствъ госпожѣ своей.

— Тебѣ, Маша, проговорила почти шепотомъ старушка, поручаю я мою Вареньку: смотри за ней какъ за родною дочерью. На мужа я не надѣюсь.... не оставляй ее.... а я буду тамъ за нее.... молиться.

Это были послѣднія слова Палагеи Петровны. Она отошла тихо, какъ будто уснула.

Когда одѣвшійся Султановъ вошелъ въ ея комнату, все было уже кончено, и покойницу готовились класть на столъ.

II.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Палагеи Петровны.

Духовная ея давно была вскрыта и прочитана, и Варенька введена во владѣніе селомъ Знаменскимъ.

Наступила весна, гусарскій полкъ долженъ былъ идти въ дивизионный сборъ, и Султанову приходилось слѣдовать за полкомъ.

Привыкать опять къ военной дисциплинѣ, познѣжившись въ Знаменскомъ, было ему не по-нутру, и онъ, съ согласія жены, подалъ въ годовой отпускъ съ тѣмъ, чтобы въ сентябрь получить чистую отставку.

Потеря бабушки произвела сильное впечатлѣніе на Вареньку: долго плакала, долго тосковала она, не принимая

никакихъ утѣшеній. Только разставшись навсегда съ этою доброю старушкой, поняла она, какъ сильно она была къ ней привязана и какъ была любима покойницей.

Цѣлые дни проводила она одна въ своей комнатѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и не выходя даже къ обѣду. Мужъ не смѣлъ и не умѣлъ утѣшать ее, и ѣздилъ въ это время по сосѣдямъ.

Справедливо говорятъ, что горе старить челоуѣка. Такое же дѣйствіе имѣло оно и на Вареньку. Она не постарѣла годами, но поняла, что она уже женщина, что она ужъ не ребенокъ, и всѣ дѣйствія ея стали степеннѣе и положительнѣе.

Варенька грустила, но время шло, и, какъ върнѣйшее лекарство всѣхъ недуговъ душевныхъ, лечило и ея душу. Воспоминанія о бабушкѣ стали рѣже посѣщать ее, она стала обращать вниманіе и на другіе предметы; весна, молодившая природу, нагнала улыбку и на уста молодой женщины, и Варенька снова разцвѣла, снова похорошѣла.

Она еще любила мужа, но ужъ не была слѣпа къ нему: она обращала вниманіе на различныя промахи его въ дѣлахъ и разговорахъ, и часто замѣчала ему, что онъ говоритъ и дѣлаетъ глупости.

Въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, Маша являлась всегда защитницею барина, и, оставаясь наединѣ съ Варенькой, укоряла ее, говоря, что она должна почитать и уважать своего мужа, а что промахи водятся за всѣми. Варенька горячо любила свою няню, охотно слушала ее и сейчасъ же извинялась передъ мужемъ.

Весна и лѣто, имѣющія столько пріятныхъ развлеченій для деревенскихъ жителей, прошли незамѣтно для обитателей села Знаменскаго. Султановъ все собирался поѣхать въ свою деревню, бывшую въ другой губерніи, но не собрался до осени.

Съ наступленіемъ дождей и непогодъ осеннихъ, Варенька стала скучать въ деревнѣ, и предложила мужу поѣхать въ Москву. Тамъ было у нея много родныхъ; она хотѣла съ ними

познакомиться и попробовать этой свѣтской жизни, которая была для нея совершенною новостію.

Желанія жены были закономъ для Султанова.

Сейчасъ же стали укладываться и собираться.

Старинная карета бабушки оказалась еще годною для дороги, а для города положено было купить, по прїѣздѣ, новую на лежачихъ ресорахъ.

У Вареньки была своя четверня караковыхъ лошадей, которыхъ она очень любила и каждый день ходила сама кормить хлѣбомъ. Этихъ лошадей отправили въ Москву съ обозомъ, а въ карету взяли почтовыхъ.

Маша, конечно, поѣхала съ барыней.

Взгрустнулось было Варенькѣ при прощаньѣ со Знаменскимъ, особенно, когда сходила она на могилу бабушки, но ее утѣшила мысль, что весною они опять сюда вернутся.

Прѣхавши въ Москву, Султановы остановились на нѣсколько дней въ гостиницѣ, и въ это время Александръ Николаевичъ отыскалъ квартиру.

Нанятая имъ квартира была въ лучшей части города, прекрасно меблирована и для двоихъ представляла барское помѣщеніе.

Между тѣмъ подошелъ обозъ, привели лошадей, прїѣхали лишніе люди, и мало по малу Султановы устроились на городской ладъ.

Маленькая французская каретка уже нѣсколько разъ свозила Варвару Павловну на Кузнецкій Мостъ, и гардеробъ ея сравнялся съ гардеробомъ московскихъ барынь.

Устроившись окончательно, Султановы поѣхали съ визитами, сначала къ роднымъ, а потомъ и знакомымъ покойницы.

Между родными оказалась тетка Вареньки, двоюродная сестра ея матери, женщина, жившая очень открыто и имѣвшая вѣсь въ обществѣ. Анна Алексѣевна Петерсова обласкала свою племянницу. Она таки была и отъ природы женщина родственная, но расположенію ея къ Варенькѣ способствовало много и желаніе имѣть въ своей гостиной такую

хорошенькую племянницу. Она не замедлила отдать визитъ Варенькѣ и просила ее ѣздить къ себѣ почаще, безъ церемоніи.

Кромѣ Петерсовой нашлась еще кузина Султановой, княгиня М***. Эта женщина была еще очень молода, богата, хороша собой и почиталась одною изъ львицъ города. Она скоро сблизилась съ Варенькой, и не мудрено угадать, что въ ея обществѣ черезъ мѣсяцъ наша провинціалка совершенно преобразилась.

Театры, маскарады, собранія, горы и другія общественныя увеселенія посѣщались Варенькой очень часто, и вездѣ слышала она одобрителный шопотъ своей наружности. Тетка и кузина тоже не уставали твердить ей, что она красавица, и эти слухи, эти увѣренія невольно развивали въ ней врожденное всѣмъ женщинамъ общее кокетство.

Султановъ не всегда сопутствовалъ женѣ своей въ ея въѣздахъ: онъ полюбилъ клубъ, и частенько просиживалъ тамъ до поздней ночи.

Пріѣздъ въ Москву не мало способствовалъ охлажденію Вареньки къ ея мужу. Тутъ стали ей очевиднѣе его недостатки. Часто въ обществѣ онъ не находилъ, чѣмъ отвѣчать, или отвѣчалъ такую глупость, что заставлялъ краснѣть жену свою. Легко вообразить, какъ это бѣсило Вареньку, сознававшую, что сама она занимаетъ очень видное мѣсто во всѣхъ гостиныхъ.

Маша все еще защищала Александра Николаевича передъ барыней, но видѣла, что говоритъ противъ себя, и порой съ грустію задумывалась о будущей судьбѣ этого неровнаго супружества.

Варенька, ознакомившаяся съ жизнью общественной, прослушавшая нѣсколько тирадъ своей милой кузины о любви, о замужствѣ, убѣдилась наконецъ, что она не любитъ, да и не любила своего мужа, что чувство, принятое ею сначала за любовь, было пустое дѣтское увлеченіе, и что напрасно поторопилась она выходить за-мужъ.

Но дѣло было сдѣлано, возвратъ невозможенъ. Надо было покориться своей участи. Въ бѣсѣдахъ съ Машей откры-

вала она ей свою душу, но получала отъ нея подобныя наставленія:

— Что жь, матушка, Варвара Павловна, ну, положимъ, что баринъ не стоить васъ, вы и умнѣе и лучше его, но васъ вѣдь онъ любитъ, все, что вы скажете, исполняетъ. Чего жь еще желать вамъ?

— Да онъ стыдитъ меня, Маша, въ обществѣ.

— Не вездѣ его берите: можно къ роднымъ, а въ чужой домъ и однѣ можете съездить. Мужъ мой, молъ, боленъ. Нынче это водится.

Посѣщая постоянно клубъ, Султановъ встрѣтилъ тамъ своего давнишняго знакомаго по полку, ремонтера, полковника Петра Петровича Ледера, очень обрадовался этой встрѣчѣ, и на другой же день пригласилъ его къ себѣ обѣдать.

Полковникъ Ледеръ ремонтировалъ съ самаго поступленія своего на службу.

Наука въ лошадахъ далась ему, не смотря на ограниченность умственныхъ его способностей, и вывела его въ люди.

Мы встрѣчаемъ его уже полковникомъ, не смотря на то, что ему не болѣе тридцати двухъ или трехъ лѣтъ отъ роду.

Зиму эту жилъ онъ въ Москвѣ потому, что ремонтъ его былъ уже купленъ, а на свободѣ хотѣлось ему заняться отыскиваніемъ себѣ невѣсты съ хорошенькимъ приданымъ.

Состоянія Ледеръ не имѣлъ никакого, но при расчетливости ему оставались хорошіе барыши отъ ремонта. Этихъ остатковъ онъ не копилъ, но, проживая ихъ, давалъ себѣ видъ чловѣка со средствами. Онъ имѣлъ карету, въ которой ѣздилъ дома и по дорогамъ, справедливо думая, что, видя чловѣка, ѣздящаго постоянно въ каретѣ, никто не сочтетъ его за то, что онъ есть въ самомъ дѣлѣ, т.-е. за жениха безъ гроша.

Варвара Павловна была предупреждена о пріѣздѣ Ледера, и встрѣтила его очень радушно.

Наружность его однако ей не понравилась, хотя съ перваго взгляда онъ казался собой не дурень.

Роста онъ былъ небольшого, довольно плотенъ. Волосы очень черные, до того, что борода его имѣла постоянно

синій отливъ, не смотря на ежедневное бритье. Глаза тоже черные и довольно большіе, но онъ какъ-то странно ворочалъ ими. Густыя черныя брови почти повисли надъ глазами. Усы, сросшіеся подъ островатымъ, небольшимъ носомъ, были не велики, вслѣдствіе привычки Ледера обкусывать ихъ зубами.

Варенька понравилась ему съ перваго знакомства, и онъ, просто, влюбился въ нее, позабывъ свои намѣренія жениться. Это вовсе не гармонировало съ его нѣмецкимъ хладнокровіемъ, но видно грѣхъ да бѣда случается со всякимъ.

Султановъ чрезвычайно за нимъ ухаживалъ и просилъ ѣздить къ себѣ какъ можно чаще, увѣряя, что и жена очень рада этому знакомству.

Ледеръ не преминулъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Учащая мало по малу свои визиты, познакомился онъ со всеми домами, гдѣ бывала Варенька, и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался почти домашнимъ человѣкомъ у Султановыхъ.

Любовь его къ Варенькѣ разгоралась все болѣе и болѣе. Варенька замѣчала это и съ нимъ кокетничала. Игра въ любовь занимала ее, какъ и всякую молодую женщину, а Ледеръ былъ до крайности смѣшенъ въ изліяніяхъ своей страсти. Эти выходки ужасно забавляли ее.

Особенно смѣшило ее то, что полковникъ часто разчувствовывался до слезъ, и дѣлалъ при этомъ самыя глупѣйшія мины.

Конечно, всѣ эти объясненія были въ отсутствіе мужа, да тотъ не скоро бы и замѣтилъ волокитство ремонтера. Частые визиты его объяснял онъ дружбою полковника къ себѣ, а вниманіе къ нему жены—желаніемъ сдѣлать ему удовольствіе.

Не долго однако жъ занимали Вареньку посвещенія Ледера: однообразныя выходки его скоро ей надоѣли, и она стала подумывать, какъ бы удалить его.

Однажды вечеромъ разговорила она объ этомъ съ Машей.

Маша, свято исполнявшая послѣднія слова Палагеи Петровны, побуждаемая къ этому и своею собственною при-

визанностию къ барынѣ, слѣдила по возможности за каждымъ шагомъ ея. Она видѣла частыя посѣщенія Ледера, поняла ихъ причину, но, взглядывшись пристально въ этого человека и въ обращеніе съ нимъ Варвары Павловны, она нисколько не боялась за послѣднюю. Напротивъ, по ея понятіямъ, можетъ быть отчасти и основательнымъ, волокитство этого господина могло послужить ея барынѣ въ пользу. Этотъ неопасный обожатель служилъ какъ бы преградою другимъ, желавшимъ, можетъ быть, занять это мѣсто. А эти другіе могли, пожалуй, завлечь и погубить Вареньку.

На слова Варвары Павловны, что ремонтърь надобль ей какъ горькая рѣдка, и что она не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться, Маша сказала:

— Охота вамъ, барыня, такъ беспокоиться: ну пусть себѣ ѣздитъ да вретъ, да плачетъ. Какая онъ вамъ помѣха? Понадобится что купить, сдѣлать, такъ его же пошлете, какъ лакейшку. Ну, иногда и разсмѣшитъ. Я сама часто смотрю на васъ въ щелочку да помираю со смѣху. Право, барыня, не гоните его. Ну, онъ тамъ что болтаетъ, а вы его не слушайте, да о другомъ думайте.

— Я и то, Маша, его не слушаю, да мочи нѣтъ надобль, жужжить, точно жукъ какой. А, правда, онъ похожъ на жука?

— Похожъ, похожъ, отвѣчала, смѣясь, Маша, ну и не троньте его жужжить.

Ледеръ ѣздилъ по прежнему; посѣщенія его не мѣшали однако жъ выѣздамъ Султановой, и она проводила внѣ дома очень пріятно время.

Наступали праздники, а съ ними должны были увеличиться и общественныя удовольствія. Поговаривали о многихъ балахъ, раутахъ, и Варенька рассчитывала на нихъ повеселиться.

Однажды утромъ ѣздила она вмѣстѣ съ своей кузиной, княгиней М^{***}, въ магазины, и послѣдняя завезла ее къ себѣ обѣдать.

— Будутъ у тебя гости? спросила Султанова.

— Нѣтъ, даже мужа нѣтъ дома: онъ объѣдаетъ въ клубъ. Будетъ только одинъ молодой человекъ Роговской.

— Я его встрѣчала?

— Можетъ быть. Мы съ нимъ очень дружны, онъ иногда бываетъ остеръ и забавенъ. Я ужасно люблю слушать его сужденія о современномъ обществѣ. Иногда они очень вѣрны и оригинальны.

— Ну чтожь, онъ, по крайней мѣрѣ, любезенъ?

— Не скажу,—онъ только вѣжливъ. Говорятъ, онъ имѣетъ успѣхъ въ женщинахъ, но при всей своей дружбѣ ко мнѣ онъ никогда не довѣрялъ мнѣ своихъ сердечныхъ секретовъ.

Въ четыре часа доложили княгинѣ о прїѣздѣ Роговскаго.

— Здравствуйте, Константинъ Николаевичъ, сказала княгиня, протягивая руку вошедшему молодому человеку. Рекомендую вамъ мою кузину Варвару Павловну Султанову.

— Вы всегда такъ добры ко мнѣ, княгиня, отвѣчала Роговской, кланаясь Султановой, что меня не удивляетъ это новое доставляемое мнѣ удовольствіе.

— Помните, продолжала княгиня, мы какъ-то толковали съ вами о родствѣ, и вы доказывали, что мы съ вами родня. Стало быть вы родня и Варенькѣ.

— Очень помню разговоръ этотъ, княгиня, и горжусь родствомъ этимъ.

— Такъ прошу же любить вашу новую кузину, а теперь пойдемъ ѣсть. Nous avons couru toute la matinée et je meurs de faim.

III.

Познакомимъ читателя покороче съ Роговскимъ.

Родители Константина Николаевича были небогатые, но столбовые русскіе дворяне. До осмилѣтняго возраста воспитывался онъ дома, подъ руководствомъ иностраннаго гувернера, а по девятому году отданъ въ казенное учебное заведеніе. Еще въ дѣтствѣ отличался онъ быстрымъ соображеніемъ, понятливостію, хорошей памятью, а въ заведеніи въ продолженіе всего курса былъ постоянно однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Шестнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ университетъ и вышелъ оттуда со степенью кандидата.

Съ поступленіемъ въ университетъ, сталъ онъ знакомиться съ жизнью. Въ Москвѣ онъ жилъ одинъ, безъ своихъ родителей, проживавшихъ по большей части въ деревнѣ.

Прямо съ лавки школьника вдругъ сдѣлался онъ нѣкотораго рода хозяиномъ. У него была небольшая отдѣльная квартира, свои люди, свои лошади. Эта независимость не избаловала его, какъ случается это часто съ молодыми людьми, оставленными на произволь своей молодости. Онъ жилъ тихо и смирно, занимался дѣломъ, посѣщалъ небольшой кругъ общества и присматривался къ людямъ.

По выходѣ изъ университета, онъ опредѣлился въ службу и исполнялъ довольно добросовѣстно возложенныя на него обязанности. Средства къ жизни, кругъ дѣйствій его, увеличились, а съ ними увеличился и кругъ его знакомыхъ.

Въ минуту появленія на сцену нашего разсказа Роговской—молодой человекъ дватцати шести лѣтъ отъ роду. Наружность его: довольно высокій ростъ, бѣлокурые волосы, лице далеко некрасивое, но сносное для мужчины, глаза цвѣта неопредѣленнаго, но способные выразить и радость, и горе, и другія душевныя впечатлѣнія.

Ни въ одеждѣ, ни въ манерахъ его нѣтъ ничего

изысканнаго, ничего такого, что бы резко выдавало его изъ толпы.

Появляясь въ обществѣ, никогда не старался онъ стать съ перваго раза на первомъ планѣ, иногда и оставлялъ его, не будучи замѣченнымъ. Между знакомыми его были различныя о немъ мнѣнія. Различіе это зависѣло отъ того, до какой степени передъ кѣмъ открывалъ онъ свою душу.

Одни, видая его въ большихъ обществахъ спокойно, но разумно поддерживающаго какой-нибудь разговоръ, называли его *un homme comme il faut*.

Другіе, подслушавъ случайно сорвавшійся упрекъ современности или выраженное имъ мнѣніе о людскомъ несовершенствѣ, съ насмѣшкою говорили, что онъ корчитъ героя нашего времени.

Многіе считали его просто хорошимъ, добрымъ мальчмъ, а нѣкоторые человѣкомъ съ душой и сердцемъ.

Которое же мнѣніе было истинно? Что за человѣкъ былъ Роговской на самомъ дѣлѣ?...

Онъ былъ человѣкъ, какъ и самъ почиталъ себя, очень обыкновенный.

Свѣтлый и вѣрный взглядъ на вещи, данный ему отъ природы, повѣрилъ онъ опытами жизни. Судьба очень рѣдко улыбалась ему, и молодья мечты о счастьѣ, теплая вѣра въ одно прекрасное въ мѣрѣ, чаще разбивались о холодность людей и о предразсудки общества, чаще, нежели встрѣчали дружескій отголосокъ въ томъ, что его окружало.

Не скоро разставался онъ съ своими очарованіями, долго боролся съ дѣйствительностію, желая увѣрить себя, что и люди и общество лучше, чѣмъ они ему кажутся, но понималъ наконецъ тщету этой борьбы.

Признавши себя неспособнымъ вполне слиться душою съ окружающимъ его обществомъ, онъ старался однако жъ не давать другимъ замѣчать своей исключительности. Только рѣдко, и то съ тѣми, которыхъ считалъ онъ своими пріате-

лями, вырывались у него задумчивыя вѣрованія, но, кромѣ этихъ рѣдкихъ случаевъ, онъ всегда подлаживался подъ тонъ того общества, въ которомъ находился.

Прибавимъ, что онъ имѣлъ рѣдкую волю надъ самимъ собою, всегда безропотно переносилъ страданія душевныя и телесныя, и никогда не напрашивался на участіе.

Онъ имѣлъ самую теплую вѣру въ Провидѣніе, но удалялся всегда отъ споровъ о религіи, не желая показаться ханжею вольнодумцамъ и вольнодумцемъ для ханжей.

Онъ былъ патріотъ въ душѣ, онъ искренно любилъ все родное, все русское, но никогда особенно громко не говорилъ объ этомъ.

Онъ имѣлъ самыя чистыя понятія о чести, онъ считалъ для себя закономъ свое слово, и въ своихъ поступкахъ старался всегда быть прежде правымъ передъ самимъ собою и передъ своею совѣстью, а потомъ уже передъ другими.

Онъ былъ самолюбивъ, можетъ быть даже болѣе, чѣмъ слѣдовало, но это самолюбіе не могло быть никому обидно. Съ людьми чѣмъ-нибудь его низшими, онъ былъ снисходительнѣе и вѣжливѣе, чѣмъ съ равными, но не позволялъ никому наступить себѣ на ногу.

Онъ мало вѣрилъ въ родство, особенно, если не замѣчалъ въ немъ родства души, а видѣлъ только одни родственныя линіи.

Еще менѣе вѣрилъ онъ въ дружбу, убѣдившись безчисленными опытами въ справедливости пословицы, что дружба до чернаго лишь дня. Конечно, этой пословицѣ, какъ и всѣмъ правиламъ, допускалъ онъ исключенія.

О любви имѣлъ онъ тоже свои особенныя понятія.

Любовь почиталъ онъ самымъ лучшимъ, самымъ священнымъ чувствомъ человѣческаго сердца. Это чувство считалъ онъ вѣчнымъ. На этомъ основаніи, каждый человѣкъ, по его мнѣнію, могъ любить только однажды. Любви этой не могли и не должны были уничтожить ни время, ни разлука, ни отсутствіе взаимности. Будучи раздѣлена, любовь эта росла

и крыла; отвергнутая, она жила страданіемъ въ сердце чело-
вѣка.

Любовь, по его мнѣнію, была чужда эгоизма. Конечною
цѣлю любви должно было быть счастье любимаго предмета.
Раздѣленіе этого счастья было пожертвованіе этимъ счас-
тіемъ для предмета любви—необходимостию.

Все это разумѣлъ онъ, впрочемъ, о любви истинной, но
признавалъ въ людяхъ еще низшую степень этого чувства,
называя ее увлеченіемъ.

Допуская одинакіе признаки любви и увлеченія, онъ
отличалъ последнее отъ первой его ошибочностию, непродол-
жительностию, отсутствіемъ силы, полного довѣрія, безгра-
ничнаго уваженія и возможности переходить отъ одного
предмета на другой.

Большую часть убѣжденій своихъ подкрѣплялъ онъ, по
крайней мѣрѣ, для себя, собственнымъ опытомъ. Такъ точно
утвердился онъ и въ понятіяхъ своихъ о любви.

Давно уже любилъ онъ одну дѣвушку. Подробности
этой любви мы не будемъ рассказывать: они, можетъ быть,
были бы длиннѣй всей этой повѣсти. По дѣлу въ томъ, что,
не смотря на всѣ препятствія къ ихъ соединенію, на всю
безнадежность этого чувства, онъ любилъ ее горячо, по своимъ
понятіямъ, истинно. Въ это же время, конечно, въ долгія от-
сутствія любимаго предмета, увлекался онъ и другими. Увле-
ченія эти проходили, мѣнялись, но ни одно изъ нихъ не по-
колебало чувства заветнаго. Оно жило по прежнему въ его
сердцѣ, то радовало, то терзало его, но оставалось неизмѣн-
нымъ спутникомъ его духовной жизни.

До сихъ поръ говорили мы о достоинствахъ Роговскаго,
упомянувши только о нѣкоторомъ излишкѣ его самолюбія;
но такъ какъ совершенство невозможно, то и герой нашъ
имѣлъ свою слабую сторону.

Эту слабую сторону составляли хорошенькія женщины.
Они заставляли нерѣдко Роговскаго дѣйствовать вопреки сво-

имъ правиламъ и оправдывать свои дѣйствія различными софизмами, очень остро придуманными, но не убѣждавшими даже самого ихъ автора. Теорія любви и увлеченія была тутъ въ полномъ ходу, но высказывалась далеко не такъ искренно, какъ высказана, она читателю. Развитію этой стороны нашего героя способствовали сначала удачи, а потомъ и особенное умѣнье обращаться съ женщинами, почерпнутое изъ пристального ихъ изученія.

Не разъ представлялись Роговскому случаи жениться и сдѣлать хорошую партію, иногда даже проносился между его знакомыми слухъ, что онъ женится; часто получалъ онъ совѣты жениться съ указаніемъ невесты, но совѣты эти, на которые вслухъ отвѣчалъ онъ тѣмъ, что жениться не намѣренъ, встрѣчали въ душѣ его одну горькую улыбку презрѣнія. Современныя понятія о женитьбѣ казались ему не только не истинны, но жалки.

Онъ никакъ не допускалъ возможности жениться по расчету.

Счастливыя супружества, заключенныя на этомъ основаніи, считалъ онъ исключеніемъ изъ правила, и въ доказательство истины своего мнѣнія ссылался на рѣдкость подобныхъ исключеній.

Ему казалось страннымъ, когда кто-нибудь говорилъ, что ему представляются двѣ партіи, и что онъ не знаетъ, на которую рѣшиться.

Полагая единственнымъ основаніемъ женитьбы любовь истинную, а цѣлію—разумное соединеніе двухъ существъ въ одно, онъ находилъ смѣшнымъ, когда это соединеніе дѣлалось на основаніи чиновъ, связей или богатства между людьми, часто чуждыми другъ друга и по чувству, и по уму, и по всему тому, что должно быть тождественно въ супругахъ.

Таковъ былъ Роговской. Но не пора ли намъ вернуться въ столовую княгини М***?

Впродолженіе обѣда между сидѣвшими за столомъ были самыя пустые разговоры. Толковали о модахъ, о предсто-

явившихъ балахъ и собраніяхъ, и немножко о французской трушгѣ.

Посль обѣда въ будуарѣ княгини вмѣсто кофе подали желтый чай.

— Ты, можетъ быть, удивляешься, Варенька, сказала княгиня, что не подали кофе. Вيني своего двоюроднаго брата. Правда, я и сама виновата, что балую его, но когда у насъ нѣтъ чужихъ за обѣдомъ, мы покоряемся его вкусу и пьемъ чай вмѣсто кофе.

— Можетъ, быть Варвара Павловна не согласна съ моимъ вкусомъ, сказалъ Роговской, и вы, княгиня, напрасно заставляете ее кушать, что ей не нравится.

— О, нѣтъ, я сама очень люблю чай, сказала Варенька, и съ удовольствіемъ выпью чашку.

Роговской куда-то торопился и скоро уѣхалъ.

— Ну, что, Варенька, спросила княгиня, какъ находишь ты моего пріятеля?

— Онъ, кажется, не глупъ, отвѣчала Султанова, но отчего же не попросилъ онъ позволенія пріѣхать къ своей новой кузинѣ?

— Самолюбіе, другъ мой: ему хотѣлось, чтобы ты его пригласила.

— Что жъ, я бы очень рада, чтобы онъ къ намъ ѣздилъ.

— При первомъ свиданіи я ему передамъ это, и онъ къ тебѣ явится...

Воротившись домой, Варенька была какъ будто чѣмъ-то не довольна. Цѣлый вечеръ думала она свои хорошенькія губки, и не пустые рассказы мужа, ни тяжелые вздохи Ледера не могли развеселить ее. Какая жъ была этому причина?

Султановой было досадно, что она пробыла нѣсколько часовъ съ молодымъ человѣкомъ, и онъ не только не сказалъ ей ничего любезнаго, но даже ни разу пристально не взглянулъ на нее; онъ друженъ съ княгиней, женщиной вполне свѣтской, а поступаетъ вовсе не похоже на свѣтскаго моло-

даго человека. Вследствие этой досады Роговской долго оставался въ воображеніи Вареньки.

На другой день она пробыла все утро дома; ей по чему-то казалось, что провинившійся молодой человекъ долженъ исправить свою ошибку и прѣхать къ ней, но ожиданія ея не сбывались. Они не сбывлись и въ слѣдующіе дни: Роговской не ѣхалъ; но Варенька его не забывала. Чувства рождаются въ сердцѣ женщинъ иногда безотчетно. Такъ было и съ Султановой. Она ужасно досадовала на Роговскаго, готова была надѣлать ему всевозможнаго зла за то, что онъ не ѣдетъ, а между прочимъ горька нетерпѣніемъ увидѣть его.

Встрѣтившись гдѣ-то съ княгиней, она спросила ея о Роговскомъ.

— Я что-то его не вижу, отвѣчала княгиня, а что? Онъ, видно, интересуется тебя; этотъ магнетизеръ ужь не опуталъ ли тебя своими волшебными сѣтями?

— Quelle idée! Я такъ спросила.

— Впрочемъ мы можемъ навѣрно его сегодня увидѣть. Пынце маскарадъ, а онъ постоянный посѣтитель собранія. Хочешь, поѣдемъ?

— Пожалуй, отвѣчала, какъ бы нехотя, Варенька.

— Закутайся хорошенько, онъ не узнаетъ тебя, и ты можешь интриговать его.

Залы собранія были уже полны народа, и время близилось къ полуночи, когда черное атласное домино подошло къ Роговскому, стоявшему у одной изъ колонъ залы.

— Ты скучаешь? спросила его маска.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Роговской, я былъ въ пріятномъ ожиданіи твоего прихода.

— Какъ будто ты зналъ, что я подойду къ тебѣ.

— Я зналъ это точно такъ же, какъ знаю то, что ты красавица, что мы поѣдемъ ходить съ тобой и проведемъ очень пріятно время.

— Вотъ ты ошибаешься: я очень дурна и ходить съ тобой не намѣрена.

— Что ты хороша, я узналъ это по звуку твоего голоса, а что ты намбрена ходить со мной, я знаю по тому, что ты подошла ко мнѣ одна, и еще по тому, что надѣюсь, что ты исполнишь мою просьбу и позволишь мнѣ послушать подольше этотъ миленькій голосокъ.

— Пожалуй поидемъ, только я скоро тебя оставлю.

— Признаюсь тебѣ, милая маска, сказала Роговской, подавая ей руку, я не понимаю, для чего прибѣгать къ окольнымъ дорогамъ, когда можно идти дорогой прямою. Ты хотѣла ходить со мной, за это желаніе я сердечно благодарю тебя, но зачѣмъ было не сказать этого прямо, зачѣмъ заставлять другаго угадывать свои желанія и рисковать быть не угаданной?

— Но ты самъ, проповѣдующій откровенность, говорила маска, будто ты всегда говоришь прямо, что чувствуешь.

— Но крайней мѣрѣ, я стараюсь дѣлать это, и, кажется, дѣлаю.

— Посмотримъ, скажешь ли ты правду: ты узналъ меня?

— Нѣтъ, мнѣ кажется даже, что я тебя не знаю.

Роговской говорилъ противъ себя. Онъ имѣлъ необыкновенный даръ узнавать лице подъ маскою, а узнать Султанову помогло ему и то, что онъ видѣлъ, какъ она ходила съ княгиней.

— Въ самомъ дѣлѣ ты не знаешь меня, сказала Варенька, но я тебя знаю, знаю, что ты дѣлаешь, гдѣ ты бываешь, за кѣмъ ты воличишься.

— Позволь, маска: послѣдняго ты знать не можешь. Я въ настоящее время ни за кѣмъ не ухаживаю, а если и намбрень приволокнуться, такъ это еще секретъ.

— Я знаю, за кѣмъ.

— За кѣмъ же?

— За княгиней М***

— Какой вздоръ! мы съ ней старые друзья. Да нѣтъ, ты не знаешь дамы, которая начинаетъ затрогивать мое сердце; признаюсь тебѣ, я самъ видѣлъ ее одинъ разъ въ жизни.

— Ну, такъ не знаю, отвѣчала Варенька и невольно покраснѣла подъ маской.

Ужели этого намека Роговскаго было достаточно, чтобы уничтожить всю прежнюю на него досаду Султановой?

Должно быть такъ, потому что Варенька уже ее не помнила.

Большую часть маскарада проходила она съ Роговскимъ. Онъ очень мило шутилъ, хвалить глаза ее, ручки, но говорилъ все это довольно холодно, какъ будто безъ участія сердечнаго. Разставшись съ нимъ, она была и довольна, и не довольна своимъ вечеромъ.

Передъ окончаніемъ маскарада княгиня прошла мимо Роговскаго и, не измѣняя своего голоса, сказала ему:

— Роговской, ваша новая кузина поручила мнѣ передать вамъ свое желаніе видѣть васъ у себя; мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы самимъ предупредить это желаніе.

— Вы, можетъ быть, правы княгиня, отвѣчала молодой человѣкъ, но вы знаете, что я не всегда бываю догадливъ.

— Я знаю, что вы очень хитры. Когда жъ вы будете у Султановой?

— Вѣроятно, завтра.

На другой день Варенька рассказала мужу, какъ познакомилась она у княгини съ Роговскимъ, что онъ родня ей, и что вчера въ маскарадъ просилъ позволенія къ нимъ прѣхать.

Александръ Николаевичъ былъ не прочь отъ новаго знакомства. Самъ онъ не часто вѣдиль въ общество, но дома, гдѣ гостей занимала жена его, онъ любилъ иногда видѣть чужаго человѣка и сказать съ нимъ нѣсколько словъ.

Ожиданія покойной Палаген Петровны не сбывались надъ Султановымъ: онъ не только не умнѣлъ, но, напротивъ, становился постоянно глупѣе. Умственныя способности его разстроивались, впрочемъ, вслѣдствіе болѣзни. Съ нимъ часто дѣлались ужасныя головныя боли, сопровождаемыя различными послѣдствіями. Призывались доктора, давали ему различныя

лекарства, но никогда не могли унять боли, до тѣхъ поръ, пока она сама не проходила. Собирали даже одинъ разъ консилиумъ, на которомъ было рѣшено, что у Султанава происходитъ постоянное разжиженіе мозга, и при отложеніи его дѣлаются головныя боли. Конечно, этого заключенія не сообщили пациенту.

Александръ Николаевичъ, впрочемъ, не сдѣлался еще окончательно дурачкомъ: ему случалось иногда и здраво рассуждать о нѣкоторыхъ предметахъ, разумѣтся, болѣе или менѣе обыкновенныхъ. Одно только оставалось въ немъ по прежнему—это любовь его къ женѣ, доходившая до полного благоговѣнія. Слова Вареньки были для него закономъ, исполненіе желаній ея—его лучшимъ удовольствіемъ.

Часу во второмъ пріѣхалъ Роговской.

Султанова познакомила его съ мужемъ и съ толкавшимся уже тутъ Ледеромъ.

Константинъ Николаевичъ пробылъ не долго, былъ очень любезенъ съ мужемъ, заговаривалъ и съ ремонтеромъ, просилъ Вареньку позволить ему почаще навѣщать ее, и между прочимъ сказалъ, что онъ былъ вчера въ маскарадѣ, что провелъ тамъ очень пріятно время, и что очень жаль, что Варвара Павловна не была тамъ.

— Да Варенька была вчера въ маскарадѣ, перебилъ его Султановъ.

— Вы были, кузина, сказалъ Роговской, и не подошли ко мнѣ. Богъ съ вами, вы лишили меня очень пріятныхъ минутъ.

— Я была очень не долго, отвѣчала, нѣсколько сконфуженная, Варенька, и не видала васъ.

Во все время визита Роговскаго, Ледеръ курилъ трубку изъ длиннѣйшаго чубука, желая, вѣроятно, показать, что онъ свой человекъ въ этомъ домѣ и очень коротокъ съ Султановой.

Когда гость уѣхалъ, начались о немъ толки.

Султановъ говорилъ, что Константинъ Николаевичъ ему очень нравится; а Ледеръ нашелъ, что онъ фатъ, даже

невъжа, потому что прѣхалъ въ первый разъ въ домъ въ спуртукъ.

Варенька не высказала своего мнѣнія: она молчала и думала.

Она не сознавалась, что любитъ Роговскаго, но ей ужасно хотѣлось, чтобъ онъ полюбилъ ее, чтобы этотъ холодный, по видимому, человекъ разогрѣлся подъ ея взглядами, чтобы сказать ей отъ души тѣ немногія любезности, которыя говорилъ онъ до сихъ поръ будто нехотя.

Рождаящееся чувство Султановой имѣло чисто духовныя начала. Паружность Роговскаго ей не нравилась, но она любила эту холодность его рѣчи, это отсутствіе селадонства и желанія говорить безпрестанно комплименты. Она по чему-то увѣрялась, что Роговской можетъ, умѣетъ быть любезнымъ, но тогда, когда заговорить въ немъ чувство. Разбудить это чувство сдѣлалось для нея самою мнимою мечтою, но будетъ ли онъ отвѣчать на него, объ этомъ она себя еще не спрашивала.

Роговской началъ ѣздить къ Султановымъ, получивши визитъ Александра Николаевича, но не учащалъ своихъ посѣщеній; съ Варенькой былъ онъ постоянно въжливъ и на правѣ родства часто говорилъ съ ней довольно откровенно, но всегда избѣгалъ разговоровъ, касающихся любви.

Ледеръ чрезвычайно пристально слѣдилъ за его посѣщеніями и никогда не оставлялъ его наединѣ съ Варенькой.

Мама сначала было косилась на новаго знакомаго, но присутствіе полковника уничтожило ея опасенія.

Чувство Вареньки росло въ ея сердцѣ, не спрашивая на то позволенія. Каждый разъ открывала она въ Роговскомъ какую-нибудь хорошую по ея мнѣнію сторону: то былъ онъ добръ, то великодушень, и т. п. Но все холоденъ, холоденъ какъ ледъ, какъ человекъ совершенно равнодушный къ женщинамъ.

Только однажды осталась какъ-то Варенька одна въ гостиной по непонятной оплошности ремонтера, и Роговской, молча, долго смотрѣть на нее.

Желая прервать это молчаніе, Варенька подняла на него свои глазки и встрѣтила совершенно новый для нея взоръ Роговскаго.

Этотъ взоръ былъ полонъ любви, грусти и какой-то мольбы.

— Какъ странно вы сегодня смотрите, проговорила она, желая скрыть свое смущеніе.

— Чѣмъ же странно, кузина? спросилъ Роговской, но уже глаза его приняли обычное хладнокровное выраженіе.

Варенька опять взглянула на него.

— Не знаю, можетъ быть, мнѣ такъ показалось, сказала она, досадуя, что Роговской смотрѣть уже иначе.

Эта сцена, этотъ взглядъ не выходили изъ головы Вареньки.

Онъ любитъ меня, говорила она сама съ собою, но не хочетъ въ этомъ сознаться.

Какой странный, гордый этотъ человекъ!

Дни шли за днями, а Роговской въ любви не открывался. Варенька сердилась, иногда даже плакала.

— Чтò я сдѣлала ему, думала молодая женщина, за что онъ меня такъ мучить?

Казалось бы, чѣмъ же мучилъ ее Роговской, а между тѣмъ мучилъ въ самомъ дѣлѣ. Варенька не спала часто ночи, ѣздила безпрестанно къ княгинѣ, чтобъ встрѣтить тамъ своего мучителя, ѣздила и въ маскарады, но не подходила къ нему.

— Неужели мнѣ самой сказать ему, что я люблю его? говорила наконецъ Варенька сквозь слезы. Безчувственный, безжалостный человекъ!... А вѣдь права была княгиня, говоря, что онъ приворожилъ меня.... я, просто, люблю его, а кажется бы, за что? Собою онъ не хорошъ.... говорить мало, не танцуетъ.... но какъ мило цѣлуетъ онъ руку.... Никогда не нагнется къ рукѣ, а какъ-то оригинально подноситъ ее къ губамъ.... А какъ онъ тогда смотрѣлъ на меня!... Нельзя же такъ притворяться.... Отчего же онъ не смотреть на меня такъ всегда, безсовѣстный!...

И невольныя слезы катились изъ глазъ Вареньки.

— Надо же однако чѣмъ-нибудь это кончить, сказала она съ нѣкоторою рѣшимостію. Я не могу долѣе выносить моего положенія. Если онъ не любитъ меня, я не буду съ нимъ встрѣчаться, уѣду, можетъ быть, забуду.... Но какъ же кончить?... какъ спросить его?... Всѣ говорятъ, что онъ человекъ благородный. Чтò, если я напишу ему письмо?... Какъ-то странно писать первой мужчинѣ.... Но чтò же дѣлать, когда нѣтъ другаго средства выдти изъ этого несноснаго положенія!...

Эти разсужденія перерывались вздохами, слезами, и привели Султанову къ тому заключенію, что написать письмо было необходимо. Оставалось придумать письмо и найти случай отдать его.

Письмо было написано въ ту же ночь и положено въ портъ-моне Вареньки, но она уже нѣсколько разъ видѣлась съ Роговскимъ, а все никакъ не рѣшалась заговорить о письмѣ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

МОСКВИТЯНИНЪ.

1853.

№ 18.

Сентябрь.

кн. 2.

РОГОВСКОЙ.

(РАЗСКАЗЪ).

—
IV.

Въ девять часовъ вечера домъ Миловановыхъ былъ уже великолѣпно освѣщенъ.

Парадные двери, украшенныя на этотъ случай двумя лампами, были отворены настежь.

Лакеи во фракахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ столпились въ передней и не спускали глазъ съ двери, ведущей на крыльцо.

Хозяинъ, почтенный, но еще свѣжій старичокъ, прохаживался по залѣ, поправляя воротникъ своего галстука или обмахивая перчаткою воображаемую пыль на жилетъ.

Супруга его, дама лѣтъ пятидесяти, уже давно готовая къ приему гостей, сидѣла въ гостиной и по временамъ подходила къ зеркалу полюбоваться своимъ головнымъ уборомъ. Женщина все женщина, и, хотя у Катерины Ивановны было двѣ дочери за-мужемъ и одна невѣста, а новый головной уборъ занималъ ее точно такъ же, какъ бывало это въ года ея молодости.

Посидѣвши не много, она дернула сонетку.

Вошелъ лакей.

— Узнай, готова ли барышня, сказала Милованова.

— Я давно готова, мамаша, говорила изъ другой комнаты дѣвушка, остановившаяся передъ зеркаломъ, чтобы застегнуть перчатку.

— Пора, та сѣге, пора, уже десятый часъ. Ты знаешь, что иные любятъ прѣзжать рано. Не лѣшко же, какъ хозяйка не одѣта.

— Я давно ужъ одѣлась, продолжала дочь Миловановой, входя въ гостиную, да парихмахеръ этотъ ужасно опоздалъ, и только сейчасъ прикалывали мнѣ цвѣты.

Авдотья Николаевна, такъ звали дочь хозяйки дома, была дѣвушка лѣтъ двадцати, брюнетка, средняго роста, и съ прекрасной таліей, какъ и всѣ молодыя дѣвушки. Черные глаза, интересно-блѣдный цвѣтъ лица и ловко гантированныя ручки—все это дополнялось розовымъ тарлатановымъ платьемъ съ безчисленными оборками.

— Покажись-ка мнѣ, сказала ей мать, вставая съ своего мѣста.

Дѣвушка повернулась на право и на лѣво и вопросительно взглянула на мать свою.

— Все очень мило, проговорила Катерина Ивановна, ты будешь сегодня очень авангажна.

— Очень рада, только, пожалуйста, мамаша, не велите подавать рано ужинать, никогда не дадутъ протанцовать мазурки.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, скажи, впрочемъ, объ этомъ отцу.

Съ девяти часовъ стали съезжаться.

Сначала показались мужчины, прѣбывшіе поиграть въ карты, за ними танцующіе кавалеры, потомъ матушки съ дочками, молодыя дамы съ мужьями и безъ мужей, и наконецъ молодые люди, прѣзжающіе на балъ не для танцевъ и не для картъ, а чтобы съ кѣмъ-нибудь видѣться, поглядѣть на веселящееся общество, или просто, чтобы не обидѣть пригласившаго ихъ хозяина.

Изъ послѣднихъ былъ и Роговской.

Онъ не танцовалъ съ самаго выхода своего изъ университета, и это дѣлалъ онъ не потому, что слѣдовалъ многимъ молодымъ людямъ, бросающимъ пржеде времени танцы, чтобы корчить изъ себя людей разочарованныхъ, а потому, что онъ

просто, не любилъ танцевъ и съ-молоду былъ на это не мастеръ.

Въ карты игралъ онъ, когда нужно было составить партію въ угоду хозяина дома, но не имѣлъ и къ этому занятію особаго пристрастія.

На вечерахъ онъ любилъ становиться въ дверяхъ залы и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту вертящуюся молодежь. Перекидывался иногда фразами съ танцующими, и, полюбившись вдоволь чужимъ весельемъ, уходилъ въ заднія комнаты отдохнуть, куря папиросу или сигару.

Къ Миловановымъ пріѣхалъ Роговской не безъ цѣли. Наканунѣ, заѣхавши съ визитомъ къ Султановымъ, онъ видѣлъ у нихъ приглашеніе на этотъ балъ и надѣялся встрѣтить здѣсь Варвару Павловну.

Казалось бы, за чѣмъ гоняться ему за этой женщиной? Безспорно, она молода и прекрасна и съ нимъ крайне любезна. Но вѣдь онъ ничего къ ней не чувствуетъ, между тѣмъ постоянная рана его сердца болитъ по прежнему. Хотя мужъ Варвары Павловны и больно простоватъ, но за то при ней безотлучно жуковидный полковникъ, а эти воздыхатели слѣдятъ за предметами своего обожанія гораздо строже, чѣмъ самые ревнивые мужья.

Все это думалъ и самъ Роговской, но съ болью сердца онъ уже давно свѣкся, въ этотъ завѣтный уголокъ не было ужъ двери женщинамъ. А почему жъ не поболтать съ хорошенькой барынькой, хотя бы только для того, чтобы посмѣяться надъ ея нѣмцемъ. При томъ же Варенька такъ мила, и хоть дальная, а все ему кузина.

Султанова пріѣхала на балъ очень поздно; мужа она оставила дома. Почти все общество было ей знакомо, и долго переходили изъ рукъ въ руки ея хорошенькія ручки. Кто упрекалъ ее за поздній пріѣздъ, кто хвалилъ нарядъ ея.

Нарядъ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ, хотя и очень простъ, а главное — шелъ къ Варенькѣ. Голубое атласное платьѣ ея было отдѣлано лучшими блондами, на шеѣ висѣлъ брилліантовый крестикъ на черненькомъ до невѣроятности тонкомъ шнурочкѣ, волосы на головѣ какъ-то оригинально взбиты и кромѣ двухъ брилліантовыхъ шпилекъ не

имѣли другаго украшенія. Виновать, одна изъ шпидекъ поддерживала прекрасную бѣлую камелію. Безукоризненныя ножки Варвары Павловны были обуты въ голубые атласныя башмаки и готовились терзать сердца ея будущихъ кавалеровъ.

Здороваясь съ пріятельницами и знакомыми, Султанова искала кого-то глазами по залѣ, не нашла, и надула немного губки.

Между тѣмъ танцы шли своимъ чередомъ, и Варенька, закруженная лихими вальсерами и полькерами, почти безъ силъ опустилась въ кресло подлѣ своей знакомой, проговоривъ:

— *Vraiment, je n'en puis plus!*

Ледеръ, уже давно выжидавшій случая подойти къ предмету своего обожанія, воспользовался этою минутою и приблизился къ ея креслу своимъ обычнымъ кавалерійскимъ шагомъ.

— Какъ вы поздно пріѣхали сегодня, Варвара Павловна, сказалъ онъ, дѣлая сладкую мину; а я-то жду васъ здѣсь съ десяти часовъ.

— Право? какъ бы нехотя проговорила Варенька, а Роговской здѣсь?

— Извините мою невѣжливость, но зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?

— Онъ, кажется, вамъ не нравится?— Да не въ томъ дѣло, здѣсь онъ или нѣтъ?

— Кажется, здѣсь, отвѣчалъ полковникъ, закусывая одинъ изъ усовъ своихъ, что дѣлалъ онъ обыкновенно въ минуты досады. Что же, прибавилъ онъ, прикажете вамъ привести его?

— Приведите.

— Нѣтъ, ужъ покорный слуга, я не намѣренъ бѣгать за этимъ мальчишкой.

— Зачѣмъ же вы вызываетесь на услугу, а потомъ отъ нея отказываетесь, и еще говорите, что меня любите, сказала Султанова и кокетливо взглянула на нѣмца.

При этомъ взглядѣ закусанный усъ быстро выпрыгнулъ изъ зубъ ремонтера и глаза заблестали радостью.

— Что хотите приказывайте мнѣ, Варвара Павловна, началъ онъ убедительно, только не посылайте за этимъ Рогов-

скимъ. Ну видѣть его не могу подлѣ васъ. Просто, желудокъ его не перевариваетъ.

— Что такая за ненависть?

— Развѣ я не вижу, что онъ за вами волочится, и, признаюсь, мнѣ за васъ страшно. Вы знаете, какъ я люблю васъ, какъ дорого мнѣ ваше спокойствіе, а этотъ чело­вѣкъ не подорожитъ имъ. Я разспрашивалъ о немъ у многихъ, и мнѣ такъ поразказали, особенно про его поступки съ женщинами. Да, это просто подлець.

— Потихе, Петръ Петровичъ, прервала его съ нѣкоторою досадою Султанова, онъ мнѣ родня и я прошу выразаться о немъ повѣжливѣе. Да и неровно онъ услышитъ ваши лестные о немъ отзы­вы, пожалуй, онъ не будетъ такъ терпеливъ, какъ я.

— Что же вы думаете, я его боюсь? да я...

Ледеръ остано­вился на половинѣ фразы и отошелъ въ сторону.

Къ Варварѣ Павловнѣ подошелъ Роговской.

— Какъ вы хороши сегодня, кузина, сказалъ онъ, взявши ее за руку.

— Вы находиве? я чрезвычайно устала, меня измучили эти кавалеры.

Султанова нарочно говорила о своей усталости. Она уже отдохнула, но надо же было чѣмъ-нибудь объяснить легкій румянецъ, пробѣжавшій по ея бархатнымъ щечкамъ.

— Я не люблю танцевъ, говорилъ Роговской, садясь въ случайно очистившееся соседнее кресло, но въ эту минуту жалю, что не танцую и не могу подобно другимъ васъ помучить.

— Такъ вамъ было бы пріятно помучить меня? спросила Варенька, поднявъ на него свои голубые глазки.

— Пріятно потому, что я знаю, какъ всѣ женщины любятъ эти мученія.

— Нѣтъ, вы хорошо дѣлаете, что не танцуете, продолжала

она, глядя на Роговскаго, вамъ не идутъ танцы. Vous avez l'air d'un homme posé.

— N'est ce pas? А между прочимъ я еще не во всемъ остепенился.

— Чего же не достаетъ вамъ?

— Я еще не нашель сердца, на которомъ бы чувство мое окончатально остановилось.

— То-есть, вы еще никого не любите?

— Будто я сказала что-нибудь подобное?

— Такъ стало, любите?

— Можетъ быть.

— А васъ любить та, которую вы осчастливили вашего любовью? продолжала, съ улыбкой, спрашивать Султанова.

— Кажется, нѣтъ, впрочемъ я загадаю. Взгляните на меня.

Варенька взглянула на Роговскаго, опять покраснѣла и опустила глаза.

— Кажется, нѣтъ, сказала Роговской, а про себя онъ конечно говорилъ другое. Замѣшательство молодой женщины не ускользнуло отъ его опытнаго глаза. Оно невольно льстило его самолюбію, а самолюбіе—великій двигатель. Пріятно было Роговскому и то, что онъ встрѣтился съ женщиной еще сохранившей дѣтскую наивность чувствъ, не смотря на сильную дозу кокетства и большую привычку свѣтскости. Женщина, краснѣющая на балъ, да это, просто, рѣдкость.

Онъ еще разъ поглядѣлъ на Султанову. Она была дивно хороша въ своемъ смущеніи. Руки безсознательно перебирали концы пояса, глаза необыкновенно внимательно слѣдили движеніе рукъ. Женщина высказывалась и была бы понята каждымъ не только Роговскимъ.

Докучливый кавалеръ прибѣжалъ изъ залы и просилъ Султанову на редову.

Роговской остался на своемъ мѣстѣ и задумался

Варенька скоро вернулась; замѣшательства ея уже не было слѣда.

— О чемъ вы думаете? спросила она молодого челоуька.

— Хочу ѣхать домой, отвѣчалъ онъ.

— Что же?... вамъ скучно?...

— Нѣтъ, но я прїѣзжалъ сюда собственно для того, чтобъ полюбоваться вами. Полюбовался, и довольно.

— Ну, а если я попрошу васъ остаться?

— Я останусь, только не долго.

— Вотъ видите, у меня есть къ вамъ дѣло.... Просьба....

И Варвара Павловна снова переконфузилась.

— Вы, конечно, не сомнѣваетесь, что я весь къ услугамъ вашимъ, поспѣшилъ сказать Роговской.

— Я вѣрю вамъ, мнѣ нужно вамъ вѣрить.... продолжала, краснѣя, молодая женщина, мнѣ хотѣлось о многомъ поговорить съ вами, я знала, что я васъ увижу, но знала также, что говорить здѣсь будетъ не удобно. Вы зовете меня кузиной, и это дало мнѣ право на откровенность....

— Что же, вы, вѣрно, написали? спросилъ Роговской, начинавшій догадываться.

— Да, я привезла сюда это письмо, но теперь ни за что вамъ не отдамъ его.

— Кузина, не шутите мною такъ безжалостно, вы понимаете, какъ интересно знать мнѣ, что написали вы. Ради Бога, дайте мнѣ письмо это,

— Мы скоро ѣдемъ въ деревню. Прїѣзжайте проводить насъ, и въ этотъ день получите письмо мое.

— Но за-чѣмъ же заговорили вы о письмѣ, когда не хотѣли отдать его....

Когда бъ вы знали, какъ и когда я его писала:—я не спала всю ночь.... я плакала....

— Послушайте, сказалъ Роговской, вставая, это безчеловѣчно. Скажу болѣе, это не благородно. Отдайте мнѣ письмо ваше.

Варенька какъ будто испугалась этого отчаяннаго тона Роговскаго, вынула свой порт-моне и стала открывать его.

— Киньте мнѣ его въ шляпу, говорилъ Роговской, я съ вами раскланяюсь, и никто этого не замѣтитъ.

Синенькій почтовый листочекъ, очень аккуратно сложенный, полетѣлъ въ шляпу молодого челоуька; лице Вареньки вспыхнуло пожаромъ.

Роговской мило раскланялся, и, отходя, сказалъ громко:

— Ваша правда, здесь ужасно жарко.

Варенька провожала его глазами. Может быть, ей хотелось бы догнать его, вырвать у него назад этот почтовый листочекъ, но было уже поздно. Роговской пробрался меж танцующихъ и исчезъ въ передней.

— Чтб я надълала! говорила про себя молодая женщина, и не могла еще хорошенько придти въ себя.

— Насилу-то ухаль, раздался подлѣ нея голосъ Ледера.

Она испугалась этого голоса: ей казалось, что все видятъ и замѣчаютъ ея смущеніе, а можетъ и видѣли передачу записки; но какъ бы то ни было, надо было преодолеть себя.

— Не правда ли, какъ здесь жарко? сказала она своему обожателю, стараясь сохранить твердость голоса.

— Я не скажу, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, очень жарко, у меня даже голова дурна; прикажите, пожалуйста, подать мою карету.

Полковникъ отправился хлопотать о каретѣ. Варвара Павловна хотѣла ухать незамѣченно, но въ дверяхъ залы столкнулась съ хозяйкой дома.

— Не стыдно ли такъ рано? сказала ей Катерина Ивановна. Вѣдь вы у насъ царица бала.

— Pardon, chère dame, простите меня, я бы осталась у васъ до утра, но мужъ боленъ, онъ одинъ дома и хотѣлъ ждать меня. Пожалуйста не сердитесь: вы знаете, что мнѣ нигдѣ не бываетъ такъ весело, какъ у васъ.

— Ну, Богъ съ вами, прощайте, моя милая, я на дняхъ у васъ побываю.

— Прощайте, mille choses à Eudoxie.

Балъ кончился на разсвѣтъ.

Въ угоду Авдотьи Николаевны медлили ужиномъ и успѣли посвятить два часа на мазурку.

V.

Садясь въ сани, Роговской крикнулъ своему кучеру: пошелъ.

Привыкнувшій къ звукамъ голоса своего барина, кучеръ понялъ, что на этотъ разъ надо было вѣхать скоро.

Роговской былъ до лошадей охотникъ и особенно любилъ коня съ вѣдой.

Прозябнувшій рысачокъ его, почуявъ даваемую ему волю, неся во всю рысь, и легонькія санки перепрыгивали черезъ ухабы, не успѣвая опуститься до дна ихъ.

Прѣѣхавъ домой, Роговской прошелъ прямо въ кабинетъ свой, и, не раздеваясь, началъ читать письмо Султановой.

Письмо было на французскомъ языкѣ; въ немъ говорилось слѣдующее:

«Вы, конечно, удивитесь, что я, первая, пишу къ вамъ и пишу о своей любви, прежде нежели вы дали мнѣ на это право. Будьте однакожъ снисходительны, поймите, что любовь моя должна быть очень сильна, если я не въ состояніи болѣе скрывать ее и рѣшаюсь высказаться. Я не могу дать себѣ отчета, за что я люблю васъ, но люблю, какъ никогда еще не любила. Будьте откровенны, скажите мнѣ правду, какой отвѣтъ найдеть любовь моя въ вашемъ сердцѣ. О! ради Бога! не лгите. Мнѣ будетъ легче перенести извѣстіе о вашемъ равнодушіи, нежели убѣдиться въ послѣдствіи, что я вами обманута. Будьте жъ благородны, отвѣчайте мнѣ, положи руку на сердце. Завтра мужъ мой пригласитъ васъ обѣдать. Привезите назадъ письмо мое».

— Очень мило и очень оригинально, сказалъ про себя Роговской, складывая письмо Султановой.

Онъ велѣлъ дать себѣ раздѣться, надѣлъ халатъ и отпустилъ челоуѣка.

Закуривши сигару, снова развернулъ онъ Варенькино посланіе; еще разъ прочелъ его и задумался объ отвѣтѣ.

— Сказать ей всю правду, разоблачить передъ нею былую и настоящую повѣсть души!.. она не пойметъ этого,

она еще ребенокъ, ей, кажется, еще нѣтъ полныхъ девятнадцати лѣтъ. Но при этомъ надо будетъ предложить ей довольствоваться этими бѣдными остатками чувства. Конечно, лѣта ея, красота могутъ еще воспламенить ихъ, но какой жалкій отвѣтъ на эту пылкую, безъ сомнѣнія, первую любовь ея!... Сказать ей просто, что я не люблю ее, что она мнѣ не нравится, что я люблю другую? Это будетъ сбивать на Оньгина.... Если кто узнаетъ подобную продѣлку, то будетъ хотеть надо мною. Положимъ, что я могу стать выше этого смѣха и заставить молчать, кого придется; но я не скажу полной правды.... Варенька мнѣ нравится.... конечно, не столько, не такъ, какъ....—И завѣтное имя замерло въ устахъ Роговскаго.

На нѣсколько минутъ забыта была и Варенька и все, что его окружало. Глазамъ его явился милый образъ, мечты улетѣли далеко. Сердце забилося такъ сладко. Онъ какъ будто кому-то улыбался, къ кому-то простиралъ свои руки, въ неизъяснимомъ восторгѣ шепталъ чье-то имя, и невольная слеза выкатилась изъ глазъ его.

Эта слеза пробудила его изъ его восторженнаго состоянія, вильнѣе исчезло, Роговской вернулся къ дѣйствительности.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди его на прощаніе прекрасной мечты, посѣтившей его душу, и глаза упали на развернутое письмо Султановой.

— Нѣтъ, говорилъ Роговской, не хочу ее обманывать, я не могу любить ее. Конечно, она обидится, разсердится, можетъ и поплачетъ, но я буду правъ передъ самимъ собою. Эту жертву принесу я той, кому давно отдано все лучшее, все святое, все завѣтное души и сердца.

Отворивъ письменный столъ, Роговской достала листочекъ почтовой бумаги и написалъ слѣдующій отвѣтъ Султановой:

«Варвара Павловна!

Въ письмѣ вашемъ вы обратились къ моему благородству, вы просите полной моей откровенности. Какъ ни тяжело мнѣ исполнять ваше желаніе, но я хочу быть достоинъ вашего довѣрія. Мнѣ очень грустно, что я возбудилъ въ васъ то

чувство, на которое нѣтъ отвѣта въ моемъ сердцѣ. Бы такъ молоды, такъ хороши, такъ достойны истиннаго чувства любви, что мнѣ больно не быть въ состояніи любить васъ, но это такъ. Я никого не люблю въ настоящую минуту. Я постараюсь избѣгать случаевъ встрѣчи съ вами. Когда пройдетъ ваше увлеченіе, мы можемъ еще встрѣтиться друзьями. А теперь, постарайтесь забыть меня.

Примите увѣреніе и пр.

Написавши это письмо, Роговской спряталъ его въ столъ и легъ спать.

За благородный поступокъ судьба послала ему прекрасныя сновидѣнія, но въ нихъ не участвовала Варенька.

Долго проспалъ онъ на другой день, и былъ еще въ постель, какъ лакей подаль ему записку.

Записка была отъ Султана и заключала въ себѣ очень вѣжливое приглашеніе прѣхать къ нимъ обѣдать за-просто.

Роговской всталъ и написалъ Султанову, что съ удовольствіемъ воспользуется его приглашеніемъ.

Не даромъ говоритъ пословица, что утро вечера мудренѣе.

Припоминая происшествія вчерашняго дня, Роговской не могъ оторваться отъ этого милаго, сконфуженнаго личика Вареньки.

— А вѣдь она любитъ меня, думалъ Роговской, я убью ее своимъ отвѣтомъ.

— Не легко бываетъ нашему брату, когда напрасно потрапишь передъ женщиной свое краснорѣчіе и вмѣсто отвѣта на выражаемое ей чувство получишь холодный или насмѣшливый отвѣтъ. Каково же будетъ бѣдной Варенькѣ!

— Не въ правъ ли она сказать мнѣ: будто вамъ такъ трудно было полюбить меня!

— Она первая говорить о любви своей; эти случаи рѣдки.

— Чтò сдѣлаю я однакожь дурнаго, если скажу ей, что люблю ее?

— Супружескаго счастья я не разстрою: оно уже разстроено ея письмомъ, да она и не можетъ любить этого дурака.

— Я скажу неправду.... Но впрочемъ не совершенную неправду.... Это неправда только по моимъ собственнымъ понятіямъ.... Она мнѣ нравится, я способенъ ею увлечься.... А увлеченіе сходить за любовь у другихъ сплошь да рядомъ.

— Я не запятнаю ея имени; никто и никогда не узнаетъ нашихъ отношеній.

— За то я доставлю ей нѣсколько минутъ счастья. Она будетъ увѣрена въ любви взаимной, а эта увѣренность есть высшее наслажденіе. Она обречена судьбою на грустную жизнь съ глупымъ мужемъ. Какъ тяжела должна быть такая жизнь въ ея лѣта.... Ну, я приду ей на помощь, я украшу по возможности безотрадные дни ея.... А та....

— Что же, она проститъ мнѣ, если любить меня...? Чего не простишь тому, кого любишь.... Притомъ же это отчасти доброе дѣло.

Подобныя разсужденія были всегда готовы у Роговскаго, когда дѣло шло о хорошенькой женщинѣ. Сначала онъ себя оправдывалъ, а потомъ доходилъ до такого заключенія, что, поступивъ иначе, онъ именно и сдѣлалъ бы дурное дѣло.

Съ этой-то настроенностію души вынулъ онъ изъ стола вчерашнюю свою записку и перечелъ ее.

— Конечно, возвышенно и благородно, сказалъ онъ, улыбаясь, пахнетъ даже временами рыцарства, но грубовато,.... получить такой отвѣтъ такой душкѣ, какъ Варенька.... Нѣтъ, пусть судятъ меня какъ угодно, я не способенъ обидѣть женщины.... и женщины милой, любящей....

Съ послѣдними словами вчерашнее писаніе рвалось потихоньку на части, и доставался изъ стола свѣжій листокъ бумаги. На этомъ листочкѣ Роговской написалъ уже совсѣмъ другое. Вотъ что именно должна была прочесть въ этотъ день Султанова:

«Прочитавши письмо ваше, я долго думалъ, что вижу прекрасный сонъ. Когда бы вы знали, какъ дрожалъ, какъ боялся я, что меня разбудятъ и отнимутъ у меня мои дивныя грѣзы. Сегодняшнее приглашеніе нѣсколько убѣдило меня въ томъ, что счастье мое не чуждо дѣйствительности. Вы спра-

пиваете меня, люблю ли я васъ, какъ будто есть возможность не любить васъ, какъ будто вы сами не увѣрены въ могущество красоты и души вашей. Я полюбилъ васъ съ первой нашей встрѣчи, но не высказывалъ этого чувства, боясь, что холоднымъ отвѣтомъ вы разрушите на всегда мечты мои о блаженствѣ взаимности. Я довольствовался вашимъ взглядомъ, вашею улыбкою, стараясь угадывать въ нихъ одобреніе чувствъ моихъ; я страдалъ неизвѣстностію, но эта неизвѣстность была сладка моему сердцу, потому, что могла еще разрешиться безконечнымъ для меня счастьемъ. Нужно ли говорить, можно ли выразить, какъ великъ былъ восторгъ души моей, когда вы сами рѣшились сказать мнѣ,—что я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ. Я радовался какъ ребенокъ, читая письмо ваше, но нисколько не удивлялся вашему поступку. Вы поступили, какъ должна бы поступать каждая женщина. Вы заговорили прямо о вашемъ чувствѣ, вы выказали его благородно, не прибѣгая къ кокетливымъ выходкамъ, унижающимъ достоинство любви. Повинуюсь вамъ, возвращаю вамъ письмо ваше, но, признаюсь, мнѣ дорога эта жертва. Примите ее какъ первый залогъ моей безграничной любви и горячей признательности за счастье, которымъ вы меня дарите.

Вашъ» и пр.

— Право, отвѣчать иначе было бы безсовѣстно, говорилъ Роговской, складывая письмо свое. Ну, а теперь она должна быть довольна.

Когда Султанова вернулась домой съ бала Миловановыхъ, мужъ ея давнымъ-давно блаженствовалъ въ объятіяхъ Морфея.

Войдя въ свою спальню, она торопливо сбрасывала съ себя свои наряды, спѣша остаться одна.

По уходѣ горничной, она упала на колѣни передъ образомъ, и слезы градомъ покатались изъ глазъ ея.

О чемъ молилась она?

Она сама этого не знала.

Тутъ было все—и раскаяніе въ томъ, что она написала и отдала письмо, и страхъ за отвѣтъ на него. Тутъ были

и мольбы о прощениі, и просьбы счастья, въ которомъ было ей до сихъ поръ отказано, и просто бессознательные порывы, убѣдительныя призыванія, очень понятныя въ тѣ минуты, когда душа переполнена какимъ-нибудь чувствомъ

Ночь провела Варвара Павловна очень безпокойно.

Она и засыпала, но какое-нибудь сновидѣніе сейчасъ же будило ее.

То казалось ей, что всѣ смотрятъ на нее съ презрѣніемъ и укоряютъ ее въ томъ, что она бросилась на шею мужчины.

То чудился ей Роговской, съ насмѣшливой улыбкой возвращающій ей письмо ея.

То представлялся мужъ, переродившійся въ здравомыслящаго челоѵька и требующій отчета въ ея дѣйствіяхъ.

Какъ нарочно всю ночь ни одной утѣшительной картины.

Султанова была очень блѣдна поутру, что замѣтилъ даже ея мужъ, а Ледеръ, прѣхавшій за долго передъ обѣдомъ, предлагалъ даже послать за докторомъ, увѣряя, что Варвара Павловна серьезно больна, только скрываетъ это.

Докторъ точно былъ нуженъ: Варенька ждала его, ждала со страхомъ и трепетомъ.

Въ четвертомъ часу зазвонили въ передней.

Султанова вздрогнула и поблѣднѣла больше прежняго.

Вошелъ Роговской.

— Мегсі, благодарствуйте, что прѣхали, закричалъ Султановъ, пожимая ему обѣ руки.

Ледеръ поклонился очень сухо.

Варенька привстала, и, не поднимая глазъ, подала руку прѣхавшему.

— Вы, кажется, нездоровы, сказалъ ей Роговской.

— Да, такъ, немножко... вѣроятно, вчера простудилась.

— Больна, Варенька больна, говорилъ Султановъ; предлагалъ послать за докторомъ, не хочетъ. Что жъ прикажете дѣлать, не хочетъ.

Стали говорить о вчерашнемъ балѣ.

— Ахъ, кстати... pardon.... сказалъ Роговской, простите

мою забывчивость. Вы приказали мне переписать вамъ стихи Лермонтова; я исполнилъ ваше порученіе; боюсь только, что написалъ неразборчиво.

При этомъ онъ вынулъ изъ бумажника письмо свое и очень спокойно передалъ Султановой.

— Какіе это стихи? спросилъ мужъ. Хороши?... прочти-ка, Варенька.

— Варвара Павловна не вдругъ разберетъ мою руку, сказалъ Роговской; если угодно, я вамъ прочту ихъ.

Онъ попросилъ у Вареньки письмо, и, развернувъ его, прочелъ всѣмъ извѣстные стихи: «ДарыТерека», потомъ свернулъ опять и отдалъ по принадлежности.

Легкій румянецъ не покидалъ лица Вареньки все это время. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, она встала и вышла изъ гостиной.

Ледеръ бессознательно подозрѣвалъ что-то въ привозѣ стиховъ этихъ, но разуверился, когда молодой человекъ прочелъ ихъ вслухъ.

Ему и не пришло въ голову, что, зная что-нибудь наизусть, можно читать это, глядя на строчки, говоряція вовсе о другомъ предметѣ.

Скоро Варвара Павловна вернулась опять въ гостиную.

Давишняя болѣзненная блѣдность ея исчезла какъ бы по мановенію волшебника.

Голубые глазки ея блестяли радостью, по губкамъ бѣгала самодовольная улыбка.

Сѣли обѣдать.

Султановъ болталъ о разныхъ вздорахъ, Роговской выслушивалъ его съ большимъ вниманіемъ, и постоянно имъ занимался.

Ледеръ говорилъ больше съ хозяйкой, и только тогда принималъ участіе въ разговорѣ мужчинъ, когда зашла рѣчь о лошадяхъ.

Тутъ высказалъ онъ самыя подробныя знанія свои въ этомъ дѣлѣ, и чуть не полчаса рассказывалъ исторію одной

лошади, переходившей изъ рукъ въ руки и доставшейся наконецъ ему за безцѣнокъ.

— Хоть бы вы меня пожалѣли, Петръ Петровичъ, сказала Султанова: я уже сотый разъ слышу эту исторію.

— Будто я вамъ это рассказывалъ? спросилъ немецъ.

— Будто вы мнѣ рассказываете что-нибудь другое.

И Варенька громко засмѣялась.

Мужъ ея захохоталъ еще громче.

— Вы вѣчно шутите, замѣтилъ ремонтеръ, порядкомъ сконфуженный.

Роговской соблюдалъ нейтралитетъ. Онъ былъ не прочь добить, какъ говорится, Ледера, но, по его мнѣнію, это было слишкомъ легко и не стоило торопиться.

Послѣ обѣда онъ оставался не долго.

Постоянное присутствіе мужа и ремонтера не дали ему возможности поговорить съ Варенькой.

Въ общемъ разговоръ намекнулъ онъ о томъ, что завтра назначенъ маскарадъ въ собраніи, и при прощаніи выразительно пожалъ ручку Вареньки и шепнулъ ей: до завтра.

Когда Роговской уѣхалъ, Варенька стала опять жаловаться на головную боль и ушла въ свою спальню, — вѣроятно для того, чтобы еще разъ, а можетъ и много разъ прочесть строки, мѣляя ея сердцу.

Султановъ предложилъ Ледеру уснуть до чаю, и оба отправились въ кабинетъ его.

VI.

Перечитывая отвѣтъ Роговскаго, Варенька считала себя счастливѣйшею женщиной. Она не знала, какъ благодарить судьбу, что пришла ей мысль написать къ нему. Въ его письмѣ останавливалась она надъ каждой фразой, надъ каждымъ словомъ, сравнивала это письмо съ своимъ письмомъ, и находила, что въ письмѣ Роговскаго гораздо больше любви,

больше нежности. Она цѣловала письмо это, спрятала его на сердце и цѣлый день съ нимъ не разставалась.

Удавалось ли ей остаться одной хоть на мгновение, она вынимала заветную бумажку, глаза ея падали на какую-нибудь строчку, она пробѣгала ее, улыбалась и снова прятала свое сокровище.

Первый разъ скрывалась она отъ Маши, боясь справедливыхъ ея упрековъ. Она и хотѣла подѣлиться съ ней своею тайною, но почему-то все отлагала это со дня на день.

Маша замѣтила однакожь, что отъ нея что-нибудь таится. Отъ нея не скрылись ни слезы барыни, ни вдругъ появившаяся ея веселость. Она терялась въ догадкахъ о причинѣ этой переменны. Приходила иногда ей мысль о какихъ-нибудь шалостяхъ Роговскаго, но она простаивала цѣлые часы у дверей во время его посѣщенія, внимательно слушала разговоръ его съ Варенькой, и приходила къ тому заключенію, что влюбленные стали бы говорить иначе.

— Подожду, думала Маша, вѣрно сама все расскажетъ; ужь я знаю ее, не утерпѣть.

Султанова сказала за обѣдомъ, что она ѣдетъ въ маскарадъ; Ледеръ при мужъ вызвался проводить ее; отказаться было неловко, и она согласилась.

Роговской прѣхалъ въ маскарадъ ранѣе обыкновеннаго, но дождался не долго; приземистый полковникъ, постукивая шпорами и чрезвычайно довольный своею судьбою скоро ввелъ въ залу Вареньку.

Увидѣвши Роговскаго, Султанова сказала Ледеру:

— Петръ Петровичъ, я васъ оставляю: лиѣ нужно сказать нѣсколько словъ Роговскому; подождите меня въ зеленой залѣ, — я тамъ буду искать васъ.

Ледеръ сдѣлалъ очень непріятную гримасу, и, оставивъ руку Вареньки, отправился въ зеленую залу. Долго сидѣлъ онъ тамъ на одномъ изъ кресель, покусывая усы свои. Ревность разжигала и бѣсила его. Каждые полчаса казались ему вѣчностью. Нѣсколько разъ выходилъ онъ на порогъ большой

залы, и всматривался въ толпу, но никакъ не видалъ тѣхъ, кого ему было нужно. Въ себя отъ досады возвращался онъ къ своему креслу и придумывалъ различные планы мщенія женщины, которая, пренебрегая его любовью, бѣгаетъ цѣлый вечеръ съ отвратительнымъ для него мальчишкой.

А между тѣмъ Варенька, веселая и счастливая, забыла и думать о своемъ аргусѣ, гуляя съ Роговскимъ.

Сначала подала она ему руку нѣсколько сконфуженная, но увѣренія въ любви, слова горячей благодарности, которыми началъ разговоръ Константинъ Николаевичъ, скоро ее ободрили.

— А помните тотъ вечеръ, когда вы подошли ко мнѣ у колонны? говорилъ ей Роговской.

— Такъ вы тогда узнали меня?

— Какъ будто можно не узнать приближенія той, кого любишь.

— Отчего жъ ни слова не намѣкали вы тогда о своемъ чувствѣ? спрашивала Султанова.

— Оттого, что вы тогда еще не любили меня?

— Когда же вы признались бы, если бы не получили письма моего?

— Вѣроятно, никогда.

— Но это безсовѣстно.

— Нѣтъ, это только согласно съ моими убѣжденіями. Отъ васъ хотѣлъ я не той любви, о которой привыкли мы слышать иногда отъ кокетливой женщины, не той, которая выражается только въ умильномъ взглядѣ, ничѣмъ не обязывающемъ пожатію руки. Я хотѣлъ отъ васъ любви полной, безграничной, — любви, равной моему собственному чувству. Я хотѣлъ, чтобы эта любовь овладѣла всѣмъ существомъ вашимъ, чтобы она сдѣлалась второю вашею жизнью, чтобы передать ее мнѣ было для васъ величайшимъ наслажденіемъ.

— Чѣмъ же отвѣтили бы вы на такую любовь? спросила Варенька, невольно увлеченная словами Роговскаго.

— Тѣмъ, чѣмъ отвѣчаю теперь на ваше милое признаніе: клятвою посвятить вамъ всю жизнь мою, забыть весь міръ,

чтобы жить одной несравненной Варенькой и счесть себя счастливецъ, если она позволить мнѣ умереть у ногъ своихъ.

Въ первый разъ слышала Варенька подобныя выраженія порывовъ сердца; голось Роговскаго выходилъ, казалось, прямо изъ души, въ немъ было столько теплоты, столько истины, онъ такъ хорошо вторилъ ей собственному чувству, что молодая женщина върила ему безусловно.

— Но мы послѣ завтра ѣдемъ въ деревню, сказала со вздохомъ Султанова.

— Нельзя отложить этой поѣздки? спросилъ Роговской съ участіемъ.

— Нельзя, мы уже отправили много вещей и почти все уложено.

— Да, это грустно. Терять счастье почти въ ту минуту, когда оно улыбнулось намъ!

Варенька поникла печально головою, и оба молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Знаете что, Варвара Павловна, сказалъ наконецъ Роговской, я прѣйду къ вамъ въ деревню.

— Прѣдете!.... почти вскрикнула Варенька, не ожидавшая этого утѣшенія.

— Прѣйду, мой несравненный ангель, говорилъ Роговской, пожимая ея ручку. Прѣйду, а то я рискую умереть съ тоски, не видя васъ.

— Обѣдайте у насъ завтра. Это будетъ послѣдній разъ въ Москвѣ.

— Хорошо. Я прѣйду попозже, и вашъ муженекъ поневоля оставитъ меня обѣдать.

Въ подобныхъ разговорахъ пролетѣлъ цѣлый вечеръ, и когда Роговской взглянулъ на часы, было уже половина третьяго.

— Боже! какъ поздно! сказала Варенька, мнѣ пора домой. А Ледеръ этотъ ждетъ меня; что онъ обо мнѣ подумаетъ?

— Охота вамъ думать о всякой дряни. Можетъ, онъ давно ужъ уѣхалъ.

— О нѣтъ, онъ, вѣрно, ждетъ меня, но признаюсь вамъ, я бы не хотѣла его видѣть теперь; проводите меня до экипажа.

Роговской отыскалъ лакея Султановой, одѣлъ, укуталъ Вареньку и пошелъ провожать ее на подъездъ.

Когда жандармъ прокричалъ ожидаемую карету, Роговской почти шепотомъ сказалъ Варенькѣ:

— Развяжите вашу маску.

Султанова взглянула на него вопросительно, но, идя къ двери, исполнила его желаніе.

Ледеръ, почувствовавшій все ужасныя терзанія ревности, уѣхалъ изъ собранія въ четвертомъ часу. На другой день, во время бритья своего, онъ принужденъ былъ подстричь лѣвый усъ, потому что правый былъ до половины обкусанъ.

Онъ очень рано отправился къ Султановымъ и съ трудомъ скрывалъ накипѣвшую въ груди его досаду.

Султанова не бѣю дома. Варенька была одна и встрѣтила его чрезвычайно любезно. Довольство, счастье блистало въ глазахъ молодой женщины. Казалось, она готова была приласкать каждаго, простить самому смертельному врагу своему.

— Хорошъ кавалеръ, сказала она, смѣясь Ледеру. Куда вы это вчера пропали? Я три раза приходила въ зеленую залу, и васъ тамъ не было. Хорошо еще, что встрѣтился мнѣ князь М*** и проводилъ меня до кареты.

Веселость Вареньки не сообщилась однако Ледеру, и онъ отвѣчалъ ей, вопреки обычной своей любезности, довольно грубо.

— Не знаю, входили ли вы въ зеленую залу, сказалъ онъ, а знаю только то, что я просидѣлъ тамъ до четырехъ часовъ утра и все ждалъ васъ, тогда какъ господинъ Роговской напѣвалъ вамъ свои любезности.

— Изъ чего вы взяли говорить со мной такимъ тономъ?... спросила невольно обиженная Варенька. И что пристаєте вы ко мнѣ съ Роговскимъ?....

— А то, сударыня, что я другъ вашего мужа и долженъ предупредить его.

— Какъ это кстати!... говорила все болѣе и болѣе сердившаяся молодая женщина. Я сама давно собиралась сказать мужу, что вы надѣбаете мнѣ вашими пошлыми объясненіями. Мы однимъ разомъ сдѣлаемъ два дѣла.

Ледеръ не ожидалъ этого оборота. Онъ думалъ испугать Вареньку и убедить ее отказать отъ дому Роговскому, а между тѣмъ выходило, что онъ самъ рисковалъ навсегда разстаться съ предметомъ своего обожанія.

Не зная, какъ лучше вывернуться, онъ рѣшился извиниться передъ Султановой.

— Простите меня, Варвара Павловна, сказалъ онъ, что я позволилъ себѣ нѣсколько грубо говорить съ вами. Конечно, вы увѣрены, что я никогда не захочу ссорить васъ съ вашимъ мужемъ. Но согласитесь, что, жалѣя васъ, не могу же я хладнокровно смотрѣть, какъ этотъ мерзавецъ за вами ухаживаеъ.

— Вы опять браните при мнѣ Роговскаго. Кажется, я уже одинъ разъ запретила вамъ говорить про него дурно. Да и какъ вы не поймете, что бранить человека за глаза, а въ глаза быть съ нимъ очень любезнымъ—значить поступать неблагородно.

— Я это ему въ глаза скажу, продолжалъ ремонтеръ, уже не могшій владѣть своей досадой.... Я его застрѣлю, я его стуломъ убью.

— Сдѣлать все это, говорила Варенька, почему-то увѣренная, что ея Костя не можетъ бояться какого-нибудь Ледера, сдѣлать все это можете вы сегодня же. Роговской хотѣлъ быть у насъ.

— Вы, вѣрно, думаете, что я трусъ, что я испугаюсь его?

— Право, я о васъ ровно ничего не думаю.

— Согласитесь, что вамъ очень бы хотѣлось, чтобы я подставилъ свой лобъ подъ пулю вашего Роговскаго?

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы оставили меня въ покоѣ. Чтѣ вы толкуете мнѣ о пуляхъ? Давно бы вызвали Константина Николаевича, и не приставали бы ко мнѣ.

— Я бы вызвалъ его, но онъ такъ въжливъ, что не подастъ къ этому повода.

Вернулся Султановъ.

— Я видѣла вчера въ маскарадѣ Роговскаго, сказала Варенька мужу; онъ хотѣлъ захватить къ намъ проститься.

Я думала было пригласить его обѣдать, но не знала, какъ тебѣ это понравится.

— Зачѣмъ не пригласила?... говорилъ Александръ Николаевичъ; ну, мы его, не пустимъ, если прѣдетъ.

— Пожалуй я признаюсь тебѣ, отчего я не пригласила его, говорила шутливымъ тономъ Варенька: я боялась, что ты будешь меня ревновать къ нему.

— Къ нему?... къ Роговскому? вскричалъ Султановъ и расхохотался. Вотъ ужъ къ нему-то не буду, ужъ вовсе не дамскій кавалеръ.

Улыбка Вареньки не выразилась на лицѣ ея, Ледеръ готовъ былъ лопнуть съ досады, но никакъ не могъ достать зубами обгрызенныхъ усовъ своихъ.

Время близилось къ обѣду, и Роговской прѣхалъ по обѣщанію къ Султановымъ.

Со вчерашняго маскарада Константинъ Николаевичъ казался очень довольнымъ судьбою. Любовь Вареньки заглушила въ немъ на нѣкоторое время его постоянныя негодованія на суетныя условія общественной жизни. Это теплое, молодое чувство мирило его съ враждебными ему людьми, онъ забывалъ ихъ, чтобы думать только о своей блондинкѣ красавицѣ. — Сердце его не устояло передъ этими лазурными глазками, и онъ увлекся ими до того, что способенъ былъ оправдывать это увлеченіе передъ другими черными глазами, смотрящими на него издали.

— Не знаю, думалъ онъ, долго ли будетъ мнѣ нравиться Варенька, но я не заставлю ее раскаяваться въ ея привязанности. Конечно, нужно много любви въ отвѣтъ на ея чувство, но я найду ее, да и кто не отыщетъ любви для этого милаго созданія!

— Обѣдайте у насъ, было первое слово Султанова при входѣ Роговскаго. Мы завтра ѣдемъ, оставайтесь.

— Охотно, отвѣчалъ Роговской и остался.

Варенька встрѣтила его приветливой улыбкой, Ледеръ едва поклонился. — Роговской замѣтилъ досаду ремонтера и проворчалъ сквозь зубы:

— Ну, ты теперь держи ухо востро, жуковидный немецъ.

За обѣдомъ Ледеръ сидѣлъ постоянно надувшись. Султановъ любезничалъ съ Константиномъ Николаевичемъ.

— Вы такъ добры ко мнѣ, сказалъ къ чему-то послѣдній, что, признаюсь, я душевно жалую о вашемъ отъѣздѣ. Позвольте однакожь, любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, чѣмъ-нибудь мнѣ утѣшить себя. Это утѣшеніе по отъѣздѣ вашему можетъ доставить мнѣ только ваше позволеніе навѣстить васъ весною въ вашей деревнѣ.

— Какая славная мысль! подхватилъ Султановъ. Милости просимъ.... Пріѣзжайте хоть на все лѣто. Зови же его, Варенька.

— Я буду очень рада, отвѣчала Султанова, и на этотъ разъ говорила при всѣхъ, что чувствовала.

— А меня не приглашаете?... спросилъ Ледеръ.

— Вы и сами пріѣдете.

Ледеръ, казалось, готовъ былъ съѣсть глазами Роговскаго, но этотъ искалъ только случая погулять на счетъ нѣмца.

— Что вы такъ страшно смотрите на меня, полковникъ? спросилъ, улыбаясь, Роговской. Предупреждаю васъ, что я не изъ храбрыхъ и подобные взоры могутъ испугать меня.

Слова эти возбудили общій смѣхъ; засмѣялся даже самъ Ледеръ. Заговорили между тѣмъ о храбрости, о присутствіи духа.

— Храбрость должна быть врожденною каждому мужчине, говорила Султанова, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ мужчина трусъ что-то такое странное, что я не умю назвать его.—Это было сказано безотносительно, но Ледеръ принялъ почему-то слова эти за намекъ на свою особу, и рѣшился какъ-нибудь переменить о себѣ мнѣніе Султановой.

— Мнѣ не приходилось, началъ онъ, испытать храбрости на себѣ подобныхъ, но были случаи, гдѣ я достаточно доказалъ свое присутствіе духа. Это именно при нѣсколькихъ встречахъ съ волками.

Варенька переглянулась съ Роговскимъ, Султановъ весь обратился въ слухъ.

— Однажды, продолжалъ ремонтеръ, ѣхалъ я ночью одинъ въ саняхъ и задремалъ. Вдругъ начинаю чувствовать,

что мнѣ кто-то щекотитъ ухо. Признаюсь, я полѣнился поднять голову и только что отмахнулся рукой. Но щекотаніе не кончилось, я слышу его другой, третій, четвертый разъ. Наконецъ это мнѣ надоѣло, я приподнимаюсь и вижу, какъ вы думаете, кого же?... Волка, огромнаго волка, который лизалъ мнѣ ухо. Движеніе мое испугало его, и онъ убѣжалъ, но я нисколько не потерялся.

— Чортъ возьми!... какой случай!... вскричалъ Султановъ.

Роговской улыбался, Варенька едва удерживалась отъ смѣха.

— Подобныя вещи случались со мной не разъ, говорилъ Ледеръ, ободренный возгласомъ Султанова. Помнится еще, одинъ разъ были мы на охотѣ. Гончія выгнали волка, онъ бѣжалъ очень шибко, ушелъ отъ собакъ, и я одинъ, разгорячившись, его преслѣдовалъ. Вдругъ волкъ остановился; я соскочилъ съ лошади, и самъ не помню, какъ очутился верхомъ на звѣрь. Вообразите мое положеніе,—мнѣ нечѣмъ было приколотъ его. Чтѣ дѣлать?... думалъ, думалъ—и рѣшился пришибить его стременемъ.

Султановъ продолжалъ съ удивленіемъ смотреть на рассказчика, но Варенька не выдержала и расхохоталась, Роговской улыбнулся тоже недоверчиво.

— Вы, кажется, не вѣрите? спросилъ Ледеръ, взбѣшенный насмѣшливою улыбкой Роговскаго.

— Помилуйте, какъ смѣю я не вѣрить вамъ, отвѣчалъ Роговской; я улыбнулся только, вообразивши эту прекрасную картину всадника на волкѣ, позволявшемъ между прочимъ рассуждать о способахъ его убіенія. Мнѣ интересно бы знать для полноты этой сцены костюмъ вашъ.

— Вы, кажется, милостивый государь, смѣетесь надо мною? сказалъ ремонтеръ, уже не скрывая своего гнѣва.

— Могу ли я надъ вами смѣяться?... говорилъ иронически Роговской. Да и что жъ тутъ смѣшнаго? Увлеченіе охотника, похавшаго на охоту безъ ножа и забывшаго вмѣстѣ съ оружіемъ и то, какъ очутился онъ верхомъ на волкѣ. Это очень вѣроятно,

— Милостивый государь!... я не позволю вамъ надъ собой издѣваться.

— Я и не осмѣлось просить этого позволенія.

— Какъ вы смѣете! закричалъ внѣ себя ремонтёръ и вскочилъ съ своего стула.

— Извините меня, продолжалъ по прежнему Роговкой, что, не смотря на все уваженіе къ вашей достославной ообщѣ, я позволю себѣ замѣтить вамъ, что люди, посѣщающіе прядочное общество, не кричатъ при дамахъ.

— Вы... я... я вызываю васъ на дуэль, проговорилъ Ледеръ, садясь на мѣсто и задыхаясь отъ злости.

— Еще одна и послѣдняя съ моей стороны невѣжливость, — прошу убѣдительно Варвару Павловну, которой, вѣроятно ювсе не пріятна вся эта сцена, простить меня. Замѣчу вамъ, г. полковникъ, что на дуэли не вызываютъ публично, если не хотятъ, чтобъ этотъ вызовъ показался чѣмъ-нибудь похожимъ на разсказъ о лизаніи волка; а говорить то, что я сейчасъ скажу вамъ: вы имѣете надобность серьезно переговорить со мною, — вотъ мой адресъ. — При этомъ Роговской подаль Ледеру свою карточку. — Завтра до двѣнадцати часовъ я жду васъ. Вы конечно, понимаете, что разговоръ нашъ конченъ.

— Хорошо-съ, отвѣчалъ Ледеръ, хорошо-съ, я у васъ буду.

Султановъ, разиня ротъ, слушалъ всѣ эти переговоры, нѣсколько разъ хотѣлъ вступить, но не зналъ, чью принять сторону. Ледеръ его старинный пріятель, но и Роговской очень ему нравился.

Варенька сначала слушала хладнокровно эту сцену и восхищалась твердостью и умомъ своего милаго. Но когда дошло дѣло до дуэли, то она невольно вздрогнула и готова была броситься между враждовавшими.

Роговской очень учтиво извинился передъ ней и передъ мужемъ, и просился съ ними, возобновивъ свое обѣщаніе пріѣхать къ нимъ въ деревню.

По отъѣздѣ Роговскаго, Ледеръ тоже началъ было извиняться передъ Султановой. но она была такъ разстроена, что не нашлась ничего отвѣчать ему, а только сказала:

— Мы завтра ъдемъ рано и съ вами не увидимся; прощайте

Съ этими словами она ушла въ свои комнаты.

Эта холодность поразила до того влюбленного полковника, что онъ уже забылъ свою ссору и думалъ только о дѣлаемой имъ утратѣ.

Султановъ долго не могъ придти въ себя отъ всего слышаннаго.

— Такъ вы будете стрѣляться? спрашивалъ онъ Ледера.

Но Ледеръ еще не опомнился отъ удара, нанесеннаго Варенькой его сердцу.

— Хорошо ты стрѣляешь? спросилъ опять Султановъ, взявши ремонтера за руку.

— Что?... спросилъ какъ бы проснувшійся Ледеръ.

— Я спрашиваю, хорошо ли ты стрѣляешь; Роговской, говорятъ, рѣдко промахивается въ карту.

— Провались ты съ твоимъ Роговскимъ.

— Да вѣдь ты его вызвалъ.

— Ну, вызвалъ, такъ вызвалъ.

— Ну, онъ тебя убьетъ.

— Пожалуй и не убьетъ.

— Ну, ты его убьешь, говорилъ Султановъ, принимавшій живое участіе въ этомъ дѣлѣ.

— А вотъ увидимъ, сказалъ Ледеръ. А покуда прощай, у меня дома есть дѣло. Завтра я заѣду проводить васъ.

Ледеръ торопливо собрался и уѣхалъ.

Вечеромъ Роговской получилъ отъ Вареньки записку, полную отчаянія, страха за жизнь его и мольбы прекратить какъ-нибудь это дѣло. Онъ отвѣчалъ Варенькѣ, прося ее успокоиться, и увѣрялъ, что, любимый ею, онъ можетъ бояться толькой одной опасности — утраты любви ея, прибавивъ, что съ первою почтою будетъ писать къ ней.

На другой день Султановы уѣхали, но Ледеръ не являлся провожать ихъ.

Варенька немного успокоилась запиской Константина Николаевича, но все была грустна и всю дорогу ни съ кѣмъ не говорила, даже съ Машей.

Разлитіе рѣки подѣ однимъ изъ проѣзжаемыхъ ими городовъ задержало нѣсколько дней нашихъ путешественниковъ, такъ что, пріѣхавши въ Знаменское, Варенька нашла уже тамъ письмо, присланное съ экстра-почтою.

Узнавъ руку Роговскаго, она убѣждала въ свою спальню и заперлась, чтобы прочесть милья ей строки. Присылка письма доказывала, что Роговской живѣ, но онъ могъ быть раненъ, боленъ. Варенька со страхомъ и трепетомъ разорвала конвертъ и нашла въ немъ слѣдующую коротенькую записку.

«Спѣшу уведомить тебя, мой дорогой другъ, что человекъ, любящій тебя больше жизни, живѣ и здоровъ. Безстрашный ремонтеръ у меня не былъ; я посылалъ къ нему на квартиру, и мнѣ сказали, что онъ въ ту же ночь уѣхалъ къ ремонту. Я живѣ, моя дорогая Варенька, для того, чтобы любить тебя и блаженствовать при мысли, что я любимъ тобою. Многое рвется у меня на эту записочку, но мнѣ пріятнѣе будетъ все это сказать тебѣ въ ту радостную минуту, когда я буду у ногъ твоихъ. До свиданія. Весь твой.»

Эта записка разогнала грусть Вареньки; она снова повеселѣла и на вопросъ мужа, отъ кого получила письмо, сказала ему, что отъ кузины. Письмо было написано по-французски, а Султановъ не зналъ этого языка. Обманывая въ этомъ случаѣ мужа, Варенька не рисковала быть обличенной.

VII.

Думать о миломъ сердцу, писать ему чуть не каждую почту самыя нежныя письма, было лучшими, любимыми занятіями Вареньки. Но мало писать и думать,— надо говорить о томъ, чѣмъ переполнено сердце, и вотъ наша влюбленная барыня рѣшилась доверить свою тайну Машѣ.

Въ одинъ изъ вечеровъ призвала она ее въ свою комнату и повела рѣчь издалека.

— Ты, Маша, видала у насъ Роговскаго? спросила она.

— Видала, барыня, отвѣчала няня, понимая, что наконецъ-то узнаетъ она всю подноготную.

— Нравится онъ тебѣ, Маша?

— Да чѣмъ же ему мнѣ нравится, барыня: собой онъ не хорошъ.

— Не хорошъ, повторила Варенька, надувая немного губки; у тебя только и есть одинъ красавецъ, Александръ Николаевичъ.

— А что жь? баринъ и въ самомъ дѣлѣ красавецъ.

— Стало быть, ты не любишь Rogovskogo? спросила Варенька со вздохомъ.

— За что жь мнѣ его не любить?... сказала Маша, да зачѣмъ вы, барыня, про него у меня спрашиваете?

— Такъ, Маша, ни за чѣмъ; мнѣ очень жаль, что ты не любишь его.

— Да полноте, Варвара Павловна, ужь говорите прямо, — видно онъ вамъ приглянулся?

— Нѣтъ, Маша, право, я такъ.

— Пора мнѣ знать васъ, сударыня, продолжала Маша: вѣдь за тѣмъ и призвали, чтобы все рассказать мнѣ.

— Какая ты плутовка, Маша!... сказала, улыбувшись, Варенька, какъ ты это все угадываешь!... Правда твоя, мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой.... Я знаю, ты будешь бранить меня, но послушай, Маша, ты не понимаешь, что значить любить, а я... я люблю, Маша...

Маша задумалась и молчала.

— Я сама не знаю, какъ это случилось, Маша. Сначала онъ мнѣ не нравился, а потомъ.... потомъ онъ сдѣлался мнѣ необходимъ.... Глядѣть на него, слушать его стало для меня лучшимъ удовольствіемъ.... И что странно, Маша.... я какъ будто боюсь его; мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ повелѣвалъ мною, мнѣ было бы такъ сладко ему повиноваться. А какъ онъ уменъ, Маша, какъ хорошо говорить!.... Какъ непохожъ онъ на всѣхъ этихъ франтиковъ, которые врутъ намъ разныя глупости.... въ его словахъ такъ и слышишь его душу.... Вѣдь онъ любитъ меня, Маша.

Маша покачала головою.

— Ты не вѣришь, Маша?... отчего жь ты не вѣришь?... Будто нельзя ужь любить меня?

— Не то я думаю, барыня, сказала Маша серьезным тономъ. Кого жь и любить, коли не васъ; да любить-то васъ никому нельзя, кромъ барина. Онъ вамъ мужъ, онъ только и можетъ любить васъ.

— Что же мнѣ дѣлать, Маша, если я не люблю его? Виновата ли я, что меня ребенкомъ за него выдали.

— А кто жь виноватъ, барыня? Вѣдь вы сами упросили бабушку.

Маша помнила и свое участіе въ этомъ дѣлѣ, но ей грустно было въ этомъ сознаться.

— Вѣдь вы сами, продолжала она, говорили, что любите Александра Николаевича больше всего на свѣтѣ.

— Мало ли что говорятъ дѣви; вольно же ихъ слушать.

— Попробовали бы васъ тогда не послушать, вы бы тогда такой кутерьмы надѣлали, что Боже упаси. Да ужь какъ бы тамъ не было, дѣло сдѣлано; вы жена, онъ мужъ, и третьяго тутъ любить не слѣдуетъ, а то грѣхъ, великой грѣхъ, барыня.

Варенька испугалась этихъ словъ Маши. Увлекаясь Роговскимъ, она слушалась только влеченія своего сердца, она не спросила себя, до какой степени, это влеченіе законно. Первый разъ намекнули ей о погрѣшности ея чувства, и не сознаться въ справедливости словъ этихъ было невозможно.

Варенька помолчала, подумала и горько заплакала.

— Да, это правда, Маша, это грѣхъ, говорила она... О я несчастная! за чѣмъ не подумала я объ этомъ прежде!...

Долго плакала она, долго упрекала себя.

— Что жь дѣлать, Маша?... Научи меня, что дѣлать, говорила она своей нянь.

— Что дѣлать, барыня?... Надо выкинуть все это изъ головы.

— Какъ будто это такъ легко! сказала Варенька, не переставая плакать.

— Хоть и не легко, а нужно, продолжала Маша.

— Да вѣдь ты не все знаешь, вѣдь мы другъ другу пишемъ, онъ хотѣлъ прѣхать въ Знаменское.

— Все знаю, барыня; ну что жь!... писемъ его вы не

читайте и ему не отвѣчайте, а если прїѣдетъ, скажите ему, что вы его любить не можете, что вы одумались, что это грѣхъ. Послушайтесь меня, Варвара Павловна, помогите горю, пока еще есть время.

— Ты права, Маша, сказала Варенька со вздохомъ.... я постараюсь тебя послушаться.... я не буду писать ему, а ты бери съ почты письма и не подавай мнѣ ихъ.... Кромѣ его я ни отъ кого не жду писемъ....

Казалось, Султанова рѣшилась переломить себя, заглушить свое чувство. Простые, но истинные доводы Маши сильно подѣйствовали на ея душу, еще способную ко всему прекрасному и благородному, но скользкокъ путь порока, и удержаться на этомъ пути, уже разъ сбившись съ прямой дороги, не легко.

День, другой Варенька имѣла довольно твердости, чтобы казаться спокойной; вечерніе разговоры съ Машей придавали силы ея рѣшимости, но скоро чувство взяло свое. Она стала тосковать, плакать, перестала ѣсть, перестала выходить изъ своей комнаты. Разсѣдно слушала она по вечерамъ Машу и на слова ея отвѣчала одними вздохами и слезами. Образъ Роговскаго не оставлялъ ее ни днемъ, ни ночью; то слышала она полныя страсти его рѣчи, то видѣла мольбу его влюбленнаго взгляда, то трепетала передъ его упреками въ бездушности и непостоянствѣ, то страдала его страданіями, — словомъ, этотъ образъ, какъ злобный геній, уничтожалъ въ ней на мигъ вспыхнувшее влеченіе къ добру и къ истинѣ и снова покорялъ ее своей неотразимой власти.

Прошло двѣ недѣли по прїѣздѣ Султановыхъ въ деревню, и Варенька слегла въ постель. Она замѣтно таяла, худѣла, но не могла объяснить домашнимъ причины своей болѣзни и не позволяла посылать за докторомъ. Одна Маша знала тайну ея грусти, она одна просиживала цѣлыя ночи у ея постели, со слезами прося ее не огорчаться, и увѣряя, что, еще немножко, и все пройдетъ и забудется. Но ничто не проходило, ничто не забывалось. Потускнѣли блестящіе глазки Вареньки, поблѣднѣли ея розовыя щечки, и безотрадная неотразимая грусть наложила печать свою на это милое, живое созданіе.

Александръ Николаевичъ говорилъ, что она хандрить, сначала требовалъ послать за докторомъ, но, услышавши рѣшительный отказъ жены на эту посылку, пересталъ и говорить объ этомъ, вздѣлъ въ поле, въ гости, и только утромъ и вечеромъ входилъ въ спальню Вареньки, чтобы поцѣловать ея ручку и спросить о ея здоровьи.

Долго была Маша неумолима, но слезы горячо-любимой барыни, ея худоба, блѣдность, переломили твердость этой благородной дѣвушки.

Въ одну изъ бессонныхъ ночей, проводимыхъ его съ Варенькой, когда послѣдняя, казалось, выплакала всѣ свои слезы и бессознательно вперила куда-то свои потухающіе взоры, Маша вынула изъ кармана два письма и молча подаѣла ихъ своей барынь. Безумный крикъ радости вырвался у Вареньки при видѣ руки Роговскаго; она бросилась на шею своей нянь, плакала, цѣловала ее, благодарила, называла самыми нѣжными именами и довела ее до слезъ.

— Прости меня, не сердись, говорила Варенька: я хотѣла, я старалась позабыть его, но нѣтъ, Маша, не могу, это выше силъ моихъ. Что будетъ, то будетъ; видно, такова судьба моя.

Говоря это, она распечатывала горячія посланія Константина Николаевича. Посланія эти, конечно, были не такыя, чтобы ослабить рѣшимость ея слѣдовать влеченію, какъ она говорила, судьбы своей: они оживили утомленное борьбою ея сердце, дали новую пищу чувству, которое, покорясь на мгновеніе разсудку, загорѣлось съ новою, неодолимою силою.

Маша не радовалась радости Вареньки, но не имѣла силъ остановить ее какимъ-нибудь правдивымъ замѣчаніемъ: она боялась прежнихъ слезъ, прежней грусти, и, соболевшая душою, улыбалась въ угоду своей балованной любимицѣ.

Нужно ли говорить, что болѣзнь Вареньки кончилась въ тотъ же вечеръ и съ первою же почтою полетѣло самое нѣжное посланіе Роговскому. Въмѣсто отвѣта на это посланіе и какъ разъ въ день прихода почты пронеслась по Знаменскому лихая тройка и остановилась у господскаго дома.

Прѣхалъ Роговской.

Султановъ выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать дорогаго гостя, сбнималъ его, благодарилъ за сдержанное слово и повелъ его къ женѣ. Варенька вздрогнула при первомъ звукѣ колокольчика: сердце подсказало ей, что ѣдетъ ея милый, и обрадованная и испуганная въ одно и то же время, долго не рѣшалась она идти на встрѣчу Роговскому.

Собравшись съ силами, вышла она наконецъ въ гостиную. Смущеніе ея не скрылось отъ гостя, но онъ постарался помочь ей одолѣть его. Поцѣловавши ея руку, началъ онъ передавать ей извѣстія о ея московскихъ знакомыхъ, о тамошнихъ новостяхъ, разсказалъ два-три смѣшные анекдота и помогъ Варенькѣ совершенно оправиться.

Съ хозяиномъ былъ онъ необыкновенно вѣжливъ, предупредителенъ и съ перваго же дня забралъ его, что называется, въ свои руки. Слабые остатки разсудка Султанова легко и скоро подчинились вліянію Роговскаго, и Александръ Николаевичъ готовъ былъ глядѣть на все глазами своего гостя, думать умомъ его.

До самаго вечера въ день пріѣзда послѣдняго, Александръ Николаевичъ не оставялъ его, водилъ по хозяйству, по конюшнямъ, ѣздилъ съ нимъ въ поле смотрѣть всходившіе посѣвы, и навсе это Роговской соглашался съ большимъ удовольствіемъ, обо всемъ входилъ въ самыя подробныя разсужденія съ своимъ хозяиномъ.

Роговской пробылъ въ Знаменскомъ двѣ недели.

Варенька считала себя вполне счастливою его присутствіемъ.

Она любила его со всемъ увлеченіемъ молодости, со всеми очарованіями раздѣленного чувства.

Роговскому она очень нравилась, ему пріятно было видѣть эту наивную привязанность къ себѣ существа милаго и молодого, сладко было слушать бѣненіе этого нѣжнаго сердца, бившагося для него одного, сладко видѣть порывы души, полной имъ однимъ и забывшей все остальное.

Иногда Варенька забывалась, при мужѣ говорила Роговскому «ты», или что-нибудь подобное, и выводить ее изъ эгихъ промаховъ было уже обязанностію Константина Николаевича.

По счастью обоимъ, ему это удавалось, и Султановъ ничто не подозрѣвалъ.

Не станемъ подробно описывать всего времени, проведеннаго Роговскимъ въ Знаменскомъ, предоставляя читателю самому вообразить и эти невыразимые отрывочные разговоры, и эти полные значенія украдочные взгляды, и пр. и пр.

Роговской строго запретить Варенькѣ плакать при его отъѣздѣ, и, простившись съ ней наканунѣ наединѣ, онъ очень холодно простился съ ней, садясь въ экипажъ свой.

VIII.

Простившись съ обитателями Знаменскаго, Роговской не разъ оглянулся назадъ, не разъ вздохнулъ по миломъ уголку, который покидалъ на неизвѣстное время.

Недолго пробылъ онъ вмѣстѣ съ Варенькой, но это короткое время было такъ полно ощущеній, что забыть его было не возможно. Тепло было Роговскому отъ любви его милой, пріятно, невыразимо пріятно было подумать, что такъ не трудно ему было дать ей нѣсколько дней счастья. Эта мысль въ настоящемъ наполняла всю его душу, не давалъ мѣста другой мысли, мысли болѣе разумной, мысли о будущемъ Вареньки.

Онъ проходилъ въ памяти часъ за часомъ свою жизнь въ Знаменскомъ, самодовольно улыбался, припоминая различныя реблчества Султановой, свидѣтельствовавшія о ея безотзетной къ нему привязанности; вспоминалъ ея замѣшательство, чту безусловную покорность при прощаніи, эти слезы, не смѣвшія покинуть ресницъ ея, и, послѣ всѣхъ подобныхъ припоминаній, пришелъ онъ къ такому заключенію:

— Если не суждено мнѣ быть счастливымъ вполне, говорилъ онъ самъ съ собою, если та, которую люблю я, никогда не будетъ принадлежать мнѣ и я не узнаю блаженства взаимной любви ея, я могу, я долженъ довольствоваться любовью Вареньки. Она любитъ меня. Да, я долженъ дорожить этою

находкою. Варенька, если не вылечить моего сердца, по крайней мѣрѣ облегчить его страданія.

Съ такими мыслями, имѣющими явно цѣлю оправдать въ собственныхъ глазахъ поведеніе свое съ Варенькой, прѣхалъ Роговской въ Москву.

Знакомые и пріатели его замѣтили, что онъ сталъ веселѣй обыкновеннаго. Одни приписывали это вліянію весны, другіе, знавшіе его поѣздки, дѣлали особыя заключенія, и въ заключеніяхъ этихъ слышалось имя Вареньки, но последнее мнѣніе говорилось шопотомъ и не при Роговскомъ. Всѣ знали, что онъ всегда готовъ горячо заступиться за честь извѣстной ему женщины.

Прошло нѣсколько времени, какъ Роговской вернулся въ Москву. Каждую почту получалъ онъ письма отъ Вареньки. Сначала письма эти были полны отчаянія, грусти объ его отъѣздѣ, потомъ стали въ нихъ появляться планы на будущее, мечты о пріѣздѣ въ Москву, о свиданіи, и Константинъ Николаевичъ душевно радовался, что дитя его, — такъ называлъ онъ Султанову, — перестало плакать.

Вдругъ приходитъ почтовый день, и нѣтъ письма изъ Знаменскаго. Роговской подумалъ, что опоздала почта. Но вотъ проходитъ еще день, другой, третій, проходитъ еще день почтовый, а писемъ нѣтъ.

Роговской сталъ беспокоиться. Первою мыслью его было, что Варенька къ нему охладѣла, но охладѣть такъ скоро!..

Онъ написалъ письмо въ Знаменское, прося разрѣшить его недоумѣніе; отвѣта не было.

— Ужели она разлюбила меня! думалъ Роговской; ужели я такъ жестоко обманулъ въ ней, и любовь для нея то же, что для большой части женщинъ, т.-е. минутное увлеченіе, временный капризъ сердца!.. Ужели, подобно имъ, считаетъ она, что нѣсколько клятвъ, двѣ-три дурноты и письмо съ мольбою о возвращеніи портрета и писемъ достаточны для повѣсти сердца! Но такъ притворяться не возможно.... я безумецъ.... я говорю, какъ школьникъ, въ первый разъ сошедшійся съ женщиной.... я обижаю Вареньку, я обижаю себя.... Конечно, можетъ и меня обмануть женщина, потому что для

изученія ихъ мало цѣлой жизни, но Варенька!... нѣтъ, я клевету на нее.... Какъ же однако объяснить ея молчаніе?... Не отвѣчать на мое последнее письмо.... Писать еще, не ловко.... Послать, повѣхать самому, еще хуже....

Этъ думы, эти слова Роговскаго не были слѣдствіемъ обиженнаго самолюбія. Но къ Варенькѣ онъ привязался довольно сильно, и потерять ее, а еще болѣе, потерять вѣру въ ея любовь къ нему, было тяжело герою нашего разсказа.

Заглянемъ въ Знаменское.

По отъѣздѣ Константина Николаевича Варенька дала волю слезамъ своимъ и плакала почти безъ умолку. Но, любивши и прежде гулять, теперь безпрестанно бродила она по саду и по роцѣ, избѣгая свидѣтелей своей грусти. Маша скорбѣла душою, видя это отчаяніе своей барыни, и ужъ забѣла свою прежнюю досаду и упреки за привязанность ея къ Константину Николаевичу. Напротивъ, она сама заговаривала о немъ съ Варварой Павловной, хвалила его и всячески старалась утѣшить свою питомицу.

— Ну, о чемъ вы плачете? говорила она съ участіемъ Варенькѣ; настанетъ осень, поѣдемъ въ Москву, и опять съ нимъ увидите.

— А до осени, Маша?... Вѣдь цѣлые четыре мѣсяца... я не переживу ихъ....

И слезы прерывали слова Вареньки.

— Полно вамъ, барыня, слезами его сюда не воротить; истоскуетесь, исхудаете, — ему же стыдно будетъ показаться.... вѣдь вотъ и Константинъ Николаичъ любить васъ, а вѣрно теперь не плачетъ....

— Когда онъ заплачетъ, я умру тогда, перебила ее Варенька; ты не знаешь, Маша, что значать слезы мужчины и мужчины такого, какъ Костя.... И не говори мнѣ объ этомъ.... чтобы онъ заплакалъ!... Да что же тогда будетъ со мною.

Между этими-то слезами были писаны первыя письма къ Роговскому. Отвѣты его, полные любви и увѣреній въ ея истинъ, разгоняли по немногу грусть Вареньки. Самъ Александръ Николаевичъ утѣшалъ ее безпрестанными похвалами ухва-

шему гостю, а съ Машей кромѣ Кости не было другихъ разговоровъ.

Варенька начинала уже пересиливать тоску свою, плакала рѣже и старалась жить въ будущемъ, мечтая о блаженствѣ зимою въ Москвѣ, какъ вдругъ неожиданное происшествіе какъ громомъ поразило молодую женщину.

Мужъ ея поѣхалъ въ гости къ одному изъ соседей, въ бѣговыхъ дрожжахъ и на молодой лошади. Лошадь эта чего-то испугалась дорогой, принялась бить, понесла, расколотила дрожки, и долго тащила за собою не хотѣвшаго выпустить возжи Сулганова. Это упорство стоило ему жизни. Лошадь ударила его ногою въ голову.

Работавшіе въ полѣ мужики видѣли эту кровавую сцену, бросились на помощь барину, но было уже поздно. Когда они подбѣжали къ нему, онъ былъ уже безъ дыханія.

Потуживъ по-своему о баринѣ, мужички раздѣлились на двѣ партіи: одни побѣжали ловить барскую лошадь, а другіе подняли мертвое тѣло и понесли въ село.

Варенька ходила по саду и оттуда увидала эту процессію, идущую къ дому.

Не понимая, въ чемъ дѣло, побѣжала она ей на встрѣчу и почти наткнулась на окровавленный, обезображенный трупъ своего мужа.

Нужно ли говорить, что она лишилась чувствъ при видѣ этой ужасной картины?

До похоронъ и послѣ похоронъ мужа, Варенька была безутышиа.

Была ли эта горестъ слѣдствіемъ раскаянія или упрековъ совѣсти, мы не знаемъ, но самый любимый мужъ не былъ оплаканъ своею женою искреннѣе, чѣмъ Сулгановъ.

Каждое утро ходила Варенька на его могилу и долго просиживала на ней, грустная, задумчивая.

Можетъ быть, другая женщина обрадовалась бы этому происшествію, даващему ей возможность соединиться съ любимымъ ей человекомъ. Но Варенькѣ эта мысль и не приходила въ голову. Грусть, одна грусть томилъ ея сердце въ настоящемъ и не давала ей времени заглянуть въ будущее.

Воспоминанія о Роговскомъ не покидали ее, но какое-то новое, мучительное чувство, чувство угрызенія совести примышивалось теперь къ этимъ воспоминаніямъ, и ей почему-то казалось, что она и его потеряла.

Получая письма Роговскаго, она читала ихъ, плакала, но не отвѣчала ни строчки. Она не могла сама дать себѣ полного отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; каждая мысль, лишь только зарождалась въ головѣ ея, сгбнялась сей-часъ же кровавою картиною погибшаго мужа.

Такъ прошло нѣсколько времени.

Въ одно изъ обычныхъ посвященій Варенькою кладбища пошелъ сильный и холодный дождь. Она вся промокла и простудилась.

Маша очень испугалась за барыню, уговаривала ее принять какія-нибудь средства, чтобы предупредить послѣдствія этой простуды, но убѣжденія ея остались тщетными.

Между прочимъ къ вечеру же Варенька почувствовала сильный жаръ, а ночью стала такъ сильно бредить, что Маша послала въ городъ за докторомъ.

Пріѣхавшій медикъ нашель, что у Султановой развивается сильная нервная горячка, прописаль лекарства, за которыми послали въ городъ, и уѣхаль, общая черезъ день навѣстить больную.

Лекарства не дѣлали никакой помощи, Варенька не приходила въ себя. Въ безпамятствѣ призывала она то мужа, то Роговскаго, вспоминала иногда свою бабушку, и звала безпрестанно Машу, которая не отходила отъ нея.

Докторъ пріѣхаль вторично, поглядѣль на больную, покачалъ головою, и, увзжая, велѣль прислать за собою, если сдѣлается какая нибудь перемена.

Перемены не было.

Болезни минуло уже шестеро сутокъ.

На седьмой день Варенька пришла на мгновеніе въ себя и узнала Машу.

Не спавшая всь ночи Маша съ дѣтскою радостію бросилась цѣловать руки Вареньки, когда увидѣла, что глаза ея смотрѣли на нее не бессознательно. Но больная какъ будто

чувствовала, что не надолго возвратился къ ней разумъ, и торопилась сказать слабымъ голосомъ:

— Маша!... пошли за нимъ.... я умру.... мнѣ нужно его видѣть.... скорѣе....

Маша начала было уговаривать ее, что не надо отчаяваться, что болѣзнь, Богъ дастъ, пройдетъ; но уже Варенька не слыхала этихъ увещаній: горячешный жаръ снова овладѣлъ ея головою и безсвязныя рѣчи обличали возобновившееся безпамятство.

— Что дѣлать!... думала Маша: докторъ не подастъ никакой надежды. Батюшка просиживаетъ здѣсь цѣлые дни, но бѣдняжка-то все безъ памяти.... Надо послать въ Москву.... и она этого желаетъ, да, можетъ, — Богъ милостивъ, — какъ онъ пріѣдетъ, не полегчаетъ ли ей....

Всѣ ключи были въ рукахъ Маши; люди, бывшіе въ домѣ, всѣ уважали ее и слушались. Въ тотъ же день отправилъ Маша эстафету къ Роговскому и сама написала ему слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь

Константинъ Николаевичъ!

«У насъ случились большія несчастія. Александръ Николаевичъ приказалъ вамъ долго жить, вотъ ужъ третья недѣля; а барыня простудилась и больны отчаянно, желаютъ васъ видѣть. Пріѣзжайте поскорѣе. Пишу къ вамъ сама, потому что Варвара Павловна седьмой день безъ памяти. Пріѣзжайте же поскорѣе.

Остаюсь извѣстная вамъ Маша.»

Роговскій ложился уже спать, когда человѣкъ подаль ему это письмо, сказавши, что оно прислано съ эстафетой.

Едва дочелъ онъ письмо, какъ сей-часъ же послалъ за лошадьми, и еще не разсвѣтало, какъ ямская тройка мчала его по большой дорогѣ.

Полученное извѣстіе изъ Знаменскаго ужасно встревожило Константина Николаевича. Привыкши всегда и вездѣ владѣть собою, выказывалъ онъ свое нетерпѣніе только погоняя ямщиковъ, но душа его сильно страдала.

— Бѣдная!... думалъ онъ, воображая отчаянно больную Вареньку; а я позволялъ себѣ обвинять ее... Я понимаю теперь ея молчаніе, понимаю, какое чувство не позволило ей написать мнѣ о смерти мужа... Но почему не уведомили они меня до сихъ поръ о ея болѣзни?... Она страдала, а я и не воображалъ этого... она звала меня, а я въ это время, можетъ быть, хохоталъ и смѣялся... Бѣдная Варенька!... Но эти кавальи вовсе не ѣдутъ.

И новое обѣщаніе ямщику прерывало эти грустныя размышленія.

— Простудилась! вѣрно горячка, говорилъ опять самъ съ собою Роговской... Есть ли тамъ докторъ?... Напрасно я не взялъ кого-нибудь изъ Москвы... Какая непростительная оплошность!...

— Пошолъ!... пошолъ!... кричалъ онъ ямщику почти ежеминутно.

— Хорошо еще, что подлѣ нея Маша... дѣвушка эта не глупая, и, сколько я могъ замѣтить, очень привязана къ Варенькѣ... Но все-таки деревня... отсутствіе помощи... Бѣдная Варя!...

Почти мѣше сутокъ проѣхалъ Роговской разстояніе трехъ-сотъ верстъ, и пріѣхалъ наконецъ въ Знаменское.

— Лучше ли барынь? спросилъ онъ встрѣтившаго его лакея.

— Все въ одномъ положеніи-съ, отвѣчалъ послѣдній.

Роговской вошелъ въ залу и послалъ за Машей.

Маша сей-часъ же вышла. Глаза ея были заплаканы, и сама она ужасно похудѣла.

— Ну что, Маша?... спросилъ ее Роговской.

— Плохо, сударь, ничего не кушаетъ и въ себя не приходитъ. Вотъ сегодня девятый день. Давеча былъ докторъ, и рукой махнулъ.

Тяжело было сердцу Роговскаго слушать эти печальныя извѣстія, но онъ превозмогъ себя и спросилъ довольно твердымъ голосомъ:

— Не испугаю я ее, если войду къ ней?

— Нѣтъ, не испугаете, отвѣчала Маша; она васъ и не узнаеть.

Роговской вошелъ потихоньку въ спальню и едва удержался на ногахъ при видѣ Вареньки.

Какая страшная перемена!

Куда дѣвалась эта жизнь, блиставшая въ свѣтлыхъ глазахъ ея?

Эти глаза глубоко врезались въ свои орбиты и глядели безъ сознанія.

Нѣтъ и тѣни этого круглаго, свѣжаго личика. Щеки ввалились и на нихъ игралъ болезненный румянецъ.

Только волосы не изменялись отъ болезни и распущенные лежали въ безпорядкѣ на подушкѣ.

Руки ея, которыя такъ часто хвалили ей Роговской, похудѣли до того, что походили на руки ребенка.

— Поди, отдохни, Маша, сказала Роговской, не желая имѣть свидѣтеля своего смущенія. Поди себѣ, другъ мой, а я побуду здѣсь.

Не знаемъ, поняла ли его Маша, но сей-часъ же ушла изъ спальни.

Роговской опустился на колѣни у постели Вареньки и взялъ ее за руку.

— Варенька!... Варенька!... говорилъ онъ въ полголоса, ты не узнаешь меня?

Блуждающіе глаза Вареньки обратились на него, румянецъ живѣе заигралъ на щекахъ ея.... Нѣсколько минутъ пристально смотрѣла она на Роговскаго; замѣтно было, что она усиливалась разглядѣть его, и вотъ мало по малу на глазахъ ея стали появляться слезы, на устахъ навертывалась улыбка.

— Костя!... прошептала Варенька голосомъ, полнымъ радости, хотѣла приподняться и безъ чувства упала на подушку.

Роговской позвонилъ.

Вошла Маша и невольно замѣтила слезы на глазахъ его. Онъ забылъ отереть ихъ.

— Она узнала меня, сказала Роговской, но ей вдругъ сдѣлалось дурно.

Вмѣстѣ съ Машей стали они хлопотать вокругъ Вареньки, давали ей нюхать спиртъ, терли виски, но безчувственное состояніе продолжалось болѣе часу.

Когда Варенька пришла въ себя, она почувствовала себя гораздо легче. Воспаленіе освободило голову, но разлилось ангоновымъ огнемъ по ея внутренности.

Роговской сидѣлъ у ея постели, ожидая минуты ея пробужденія, и его перваго увидѣли открывшіеся глаза ея.

— Какой ты добрый, Костя! сказала Варенька; какъ я рада, что ты пріѣхалъ со мною проститься!

— Зачѣмъ это слово, Варенька? я пріѣхалъ не проститься, а постараться помочь тебѣ... Богъ...

— Милостивъ, хочешь ты сказать, перебила его Варенька; это правда... Онъ милостивъ... потому что не наказалъ меня за мое прошлое, а позволяеетъ мнѣ еще разъ увидѣть тебя.

— Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ, Варенька: эти слова для меня невыносимы.

— Они истинны, другъ мой: я чувствую, что я умираю... Боли никакой нѣтъ, но внутри горитъ страшный огонь... Прощай, Костя.

Роговской понималъ, что въ самомъ дѣлѣ не было уже никакой надежды, и, не смотря на всю силу воли, не могъ преодолѣть себя, не могъ найти словъ утѣшенія, и, молча, крѣпко цѣловалъ руку Вареньки.

Маша не уходила и со слезами смотрѣла на эту сцену.

— Онъ плачетъ, Маша, сказала Варенька почувствовавъ на рукѣ своей слезу Роговскаго. А помнишь, что я говорила тебѣ о слезахъ его? Полно, Костя, продолжала она тихо, но твердымъ и внятнѣмъ голосомъ. Полно, не жалѣй меня...

Роговской наконецъ превозмогъ себя. Когда онъ поднялъ голову, глаза его были сухи.

— Не плачу, Варенька, проговорилъ онъ, но меня убиваетъ твое отчаяніе... какъ можно терять всякую надежду въ твои лѣта!...

Варенька грустно улыбнулась.

— Если бы я не знала тебя, сказала она, если бы я не знала, что ты съумѣешь перенести горе, я, можетъ быть, стала

бы тебя обманывать.... Но я вѣдь знаю тебя.... ты не плачешь, но я понимаю, какъ тяжело тебѣ.

— Варенька! ты мучишь меня.

— Прости меня, мой добрый Костя... Мнѣ больно, потому что ты будешь грустить обо мнѣ... я бы хотѣла жить.... но.... но мы теряемъ время.... Маша, попроси священника.

Маша поспѣшила исполнить это приказаніе.

— А ты, Костя, помолись обо мнѣ.... тамъ я за тебя буду горячо молиться.... Знаешь что.... я хотѣла попросить тебя.... Общай мнѣ не любить никого такъ, какъ ты любилъ меня....

— Варенька.... началъ было Роговской.

— Нѣтъ, не надо, перебила его Варенька, не надо.... люби, Костя, люби.... Когда бы ты зналъ, какъ сладко быть тобою любимой!...

Пришелъ священникъ.

Роговской вышелъ изъ комнаты, и, не смотря на позднюю ночь, пошелъ въ садъ. Прохладный воздухъ освежилъ нѣсколько его голову, полную самыхъ грустныхъ, самыхъ безотрадныхъ размышленій.

Долго бродилъ онъ по аллеямъ сада, и остановился наконецъ передъ балкономъ.

— Давно ли, думалъ онъ, давно ли я привѣзжалъ сюда. Думалъ ли я тогда, что такъ скоро, такъ неожиданно потеряю ее!... Девятнадцать лѣтъ!... Чего не доставало ей, чтобы наслаждаться жизнью!... Живу же я, нося въ груди смертельную рану.... А можетъ быть, ей была гибельна встрѣча со мною.... Убитый самъ, я убиваю другихъ моею привязанностью.... А она все еще любитъ меня.... Бѣдная Варенька!... Когда бы ты знала, что даже въ эту ужасную минуту я не могу забыть другой женщины!... Но ты не узнаешь этого.

Священникъ совершилъ надъ Варенькой христіанскій обрядъ. Маша уже нѣсколько времени искала Роговскаго.

Услышавши, что зовутъ его, Константинъ Николаевичъ вошелъ въ комнату Вареньки.

Варенька была еще спокойнѣе, но ежеминутно слабѣла, и голосъ ея становился все тише и невнятнѣе.

— Дай мнѣ руку, Костя, сказала она вошедшему Роговскому.

Роговской съѣлъ къ постели и взялъ ее за руку. Рука была уже холодна и судорожно сжимала его руку.

— Тебѣ лучше, Варенька? спросилъ онъ больную.

— Кос...тя...

Это было последнее слово, послѣдній вздохъ Вареньки.

Глаза ея сами закрылись, лице было чрезвычайно спокойно. Рыданія, готовыя вырваться изъ груди Роговскаго, какъ тяжелый камень давили его сердце. Онъ хотѣлъ отойти отъ постели, но рука его была въ рукѣ Вареньки, въ рукѣ холодной какъ ледь. Онъ поцѣловалъ эту холодную руку, бережно высвободилъ изъ нея свою и вышелъ въ другую комнату.

Здѣсь встрѣтила его Маша, разливавшаяся горькими слезами.

— Ну, Маша, все кончено! сказалъ ей Роговской глухимъ голосомъ.... Прощайте.... похороните ее безъ меня.... я не могу здѣсь остаться.... я могу измѣнить себя.... а это будетъ пятномъ ея памяти.... Прощай, Маша.

Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ и велѣлъ запрягать лошадей своихъ.

Черезъ полчаса въ залъ господскаго дома села Знаменскаго горѣли вокругъ стола церковныя свѣчи, и молитвенный голосъ причета пѣлъ вѣчную память новопреставленной боярынь Варварь.

— Два слова объ участи лицъ, являвшихся въ разсказѣ.

Княгиня М*** душевно жалѣла о смерти Вареньки и по прошествіи нѣкотораго времени съ участіемъ говорила объ этомъ съ Роговскимъ, окончивъ свой разговоръ словами:

— Vous у etes pour quelque chose, mon cher cousin.

Впрочемъ она по прежнему весела и счастлива.

Ледеръ женился на дѣвушкѣ съ состояніемъ, слезно увидѣвъ ее въ самой страстной любви, и толстѣеть, гдѣ слѣдуетъ толстѣть помѣщику.

Мама получила вольную отъ новыхъ владѣтелей Знаменскаго, но осталась тутъ доживать дни свои и молиться на могилѣ Вареньки.

Роговской долго грустилъ, долго не показывался друзьямъ своимъ, но время смягчило грусть его, — онъ появляется въ обществѣ, украдкой вздыхаетъ; но о ней ли?... Онъ вздыхалъ такъ часто и прежде.

В. В.

У современныхъ писателей вышло изъ моды оканчивать свои романы и повѣсти какимъ-нибудь нравоученіемъ, а между тѣмъ подобное окончаніе облегчало бы читателю трудъ въ отыскиваніи вывода изъ того, что прочелъ онъ. На этотъ разъ мы сдѣлаемъ читателю эту услугу. Прочитавшій со вниманіемъ приведенный разсказъ, увидитъ ясно, что *нѣтъ никакого счастья тамъ, гдѣ оно не имѣетъ религіознаго основанія*. Варенька считала себя двѣ недѣли счастливою; но за это счастье заплатилась мѣсяцами слезъ по отъѣздѣ Роговскаго, угрызениями совѣсти по смерти мужа, и наконецъ преждевременною смертію. Умирая, сознала она наконецъ всю важность своего преступленія, и выразила это сознаніе въ томъ, что удивлялась милосердію Божию, наказывающему ее только смертію. Роговской, человекъ честныхъ и благородныхъ правилъ, но увлекшійся на пути соблазна, не является ни на минуту вполне счастливимъ, а между тѣмъ уноситъ за собою обвиненіе въ безвременной кончинѣ любившей его женщины. Если прибавимъ къ этому, что то, что принимала Варенька за счастье, было призракъ, потому что Роговской не любилъ ее такъ, какъ она думала, — то невольно придемъ къ такому заключенію: *На порочномъ основаніи нѣтъ счастья, да и самый призракъ его влечетъ за собою раскаяніе и наказаніе*.

ВАРРЕНЪ ГАСТИНГСЪ.

СТАТЬЯ НАКОНЕЦЪ.

(Записки о жизни Варрена Гастингса, первого генерал-губернатора бенгальскаго, составленныя по оригинальнымъ документамъ Г. Р. Глейгома).

—
(Окончаніе).
—

Наконецъ Гастингсъ былъ безопасенъ со стороны совѣта, но ему представлялись новыя и болѣе важныя затрудненія. Финансы находились въ большомъ разстройствѣ. Гастингсъ долженъ былъ найти средство не только поддерживать губернаторство бенгальское, но также покрывать огромныя издержки войны противъ Индусовъ и Европейцевъ, а сверхъ всего этого посылать значительныя суммы въ Англію. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ обобралъ Великаго Могола и поработилъ Рогилловъ; и теперь еще изобрѣтательность его не была истощена.

Прежде всего онъ возымѣлъ виды на Бенаресъ. Городъ этотъ, по своему богатству, народонаселенію и славѣ, могъ считаться однимъ изъ первыхъ въ цѣлой Азіи. По общему мнѣнію, нѣсколько милліоновъ жителей населяли этотъ лабиринтъ высокихъ зданій, богатыхъ храминъ, изящныхъ минаретовъ, рѣзныхъ балконовъ, къ которымъ привѣшивались цѣлыми сотнями обезьяны. Путешественникъ насилу могъ протѣсниться черезъ толпу бродягъ и быковъ. Мраморныя ступени, ведущія къ Гангесу, цѣлый день были покрыты безчислен-

нымъ множествомъ усердныхъ поклонниковъ. Школы и храмы призывали тысячи набожныхъ Индусовъ изъ всѣхъ странъ, гдѣ почиталось ученіе браминовъ. Впрочемъ не одно суевѣріе привлекало посѣтителей къ этой великой столицѣ; торговля имѣла столько же поклонниковъ, какъ религія. Вдоль всего берега священной рѣки можно было видѣть флоты богато-нагруженныхъ кораблей. На бенаресскихъ фабрикахъ ткались изящныя шелковыя матеріи, украшающія балы въ С.-Джемсъ и Petit Trianon, на базарахъ бенаресскія кисеи и удскія сабли были перемѣшаны съ драгоценными камнями Голконды и шалами Кашмира. Эта богатая столица съ окружающими землями долго находилась подъ непосредственнымъ господствомъ индійскаго князя, платившаго дань монгольскимъ императорамъ. Во время смутъ въ Индіи владѣльцы бенаресскіе освободились отъ дѣйскаго двора, но должны были подчиниться удскому набобу. Они просили у Англичанъ защиты отъ притѣсненій этого могучаго сосѣда. Англичане согласились имъ покровительствовать, и наконецъ набобъ-визирь торжественнымъ договоромъ уступилъ компаніи всѣ свои права на Бенаресъ. Съ этихъ поръ раджа сдѣлался вассаломъ бенгальскаго правительсва, призналъ его господство надъ собой и обязался посылать въ Фортъ-Вильямъ ежегодную дань. Эту дань въ точности вышлачивалъ царствующій раджа Чейте-Сингъ.

Каковы именно были законныя отношенія между Англичанами и бенаресскимъ раджей? вотъ вопросъ, который далъ поводъ къ продолжительнымъ спорамъ. Съ одной стороны, утверждали, что Чейте-Сингъ былъ только богатый вассалъ, помощи котораго правительство могло требовать во всѣхъ государственныхъ затрудненіяхъ. Съ другой доказывали, что онъ былъ независимый владѣлецъ, обязавшійся только платить известную дань компаніи, и что сверхъ этой дани Англичане не имѣли никакихъ правъ на него. Можно найти много доводовъ въ пользу того и другаго мнѣнія, но мнѣ кажется, ни одно изъ нихъ не справедливо. Англійскіе политики привыкли разсуждать о подобныхъ вопросахъ, какъ будто бы существовала въ Индіи известная и опредѣленная

конституціи, по которой ихъ можно бы рѣшать. Дѣло въ томъ, что такой конституціи не было во время промежутка, между паденіемъ дома Тамерлана и окончательнымъ установленіемъ англійской власти. Старинный порядокъ вещей исчезъ, новый еще не образовался. Вездѣ встрѣчалось неустройство и беспорядокъ; все находилось въ такомъ же переходномъ состояніи, какъ Европа во время разрушенія Карлоvingской имперіи. Кто возьмется рѣшить, какъ далеко простирались права Гуго-Капета на герцоговъ нормандскаго и британскаго. При такомъ положеніи дѣлъ слово «конституціональное право» не имѣетъ никакого значенія. Еслибъ Гуго-Капету вздумалось овладѣть всѣми землями герцога нормандскаго, его поступокъ могъ бы назваться несправедливымъ и безнравственнымъ, но онъ не былъ бы незаконенъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова.

Таково было и положеніе Индіи лѣтъ 60 тому назадъ. Изъ всѣхъ существующихъ державъ ни одна не могла имѣть притязанія на законность, или опираться на другое право, кромѣ недавняго завладѣнія. Во всѣхъ почти областяхъ настоящая власть и власть титулярная были раздѣлены. Судя по наружнымъ формальностямъ и церемоніямъ, наследникъ Тамерлана былъ еще неограниченнымъ повелителемъ, а набобы только его намѣстниками. Въ дѣйствительности же онъ не былъ свободенъ. Набобы въ иныхъ мѣстахъ были совершенно самовластны, въ другихъ они зависѣли отъ компаніи. Между Мараттами также наследникъ Севажди продолжалъ носить титулъ раджи; но онъ содержался въ строгомъ заключеніи. Пешва или первый министръ его сдѣлался потомственнымъ правителемъ государства.

Пешва въ свою очередь сталъ приближаться къ тому же униженному положенію, въ которое онъ привелъ своего повелителя. Однимъ словомъ, отъ Гималая до Майсора нельзя было найти ни одного правительства, въ которомъ соединялось бы законное право съ дѣйствительною властью.

Гастингсъ вскорѣ догадался, что такое состояніе дѣлъ давало огромное преимущество даровитому и неслишкомъ совѣстливому правителю. Во всякомъ національномъ вопросѣ

онъ могъ выбирать между авторитетомъ *de facto* и авторитетомъ *de jure*, и само собою разуметсяя, что одно изъ нихъ должно было соответствовать его выгодамъ. По этому, онъ во всякомъ спорѣ прибѣгалъ къ доводамъ, которые соглашались съ его настоящею цѣлью, не стараясь даже быть послѣдовательнымъ, и такимъ образомъ всегда находилъ оправданія своимъ поступкамъ.

Правда, и противники Гастингса могли прибѣгнуть къ этимъ уверткамъ, но въ государственныхъ распряхъ софизмы рѣшительно ни къ чему не ведутъ, когда они не опираются на дѣйствительную силу. У Гастингса было одно правило, которое онъ охотно повторялъ и отъ котораго никогда не отклонялся. Это то, что, если возникнетъ спорный вопросъ между двумя правительствами, и они не могутъ согласиться, остается только прибѣгнуть къ открытой силѣ, и мнѣнiе сильнѣйшаго должно имѣть верхъ. Въ Индiи безпрестанно встрѣчались такiе спорные вопросы. Англiйское правительство было сильнѣе всѣхъ другихъ, слѣдовательно, оно могло дѣлать все, что ему вздумается. Ему вздумалось потребовать денегъ отъ Чейте-Синга.

До этихъ поръ входило въ его виды обращаться съ нимъ, какъ съ владѣтельнымъ княземъ; теперь ему показалось выгоднѣе поступать съ нимъ, какъ съ подданнымъ. Гастингсу нужна была значительная сумма. Известно было, что Чейте-Сингъ получалъ большiе доходы, и предполагали, что онъ накопилъ огромныя богатства. Къ-тому же его не любили въ Калькуттѣ. Въ то время, когда губернаторъ находился въ самомъ затруднительномъ положенiи, Чейте-Сингъ заискивалъ милость Франсиса и Клэверинга. Гастингсъ, который болѣе изъ политики, нежели изъ мстительности, никогда не оставлялъ никакой обиды безнаказанною, хотѣлъ, чтобы участь Чейте-Синга послужила сосѣднимъ владѣльцамъ такимъ же урокомъ, какимъ была смерть Нункомара для жителей Бенгала.

Въ 1778 году, когда вспыхнула война съ Французами, отъ Чейте-Синга потребовали, кромѣ обыкновенной дани, лишнiихъ 50,000 ф. стер.; 1779 года ему велѣли выплатить такую же сумму; 1780 года это требованiе было по-

вторено. Надѣясь заслужить нѣкоторое снисхожденіе, Чейте-Сингъ тайно предложилъ губернатору 20,000 ф. стер. Враги Гастингса утверждаютъ, что онъ взялъ эту сумму съ тѣмъ, чтобъ ее присвоить себѣ. Достоверно то, что онъ нѣсколько времени безо всякой видимой причины скрывалъ это дѣло отъ директоровъ и отъ членовъ совета. Наконецъ, однакожь, онъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, устоялъ противъ этого искушенія, внесъ деньги въ казну и еще сильнѣе сталъ настаивать на требованіяхъ англійскаго правительства. Раджа, по обыкновенію всѣхъ Индійцевъ, извинялся, просилъ объ отсрочкѣ, говорилъ о своей бѣдности. Но отъ Гастингса не такъ легко было отдѣлаться. Онъ прибавилъ къ прежнимъ требованіямъ 10,000 ф. стер., въ видѣ штрафа за отлагательство, и выслалъ военную силу, чтобъ разыскать ихъ. Деньги наконецъ были заплачены, но этого было недостаточно. Последнія происшествія на югѣ Индіи еще увеличили денежныя затрудненія компаніи. Гастингсъ рѣшился обратиться Чейте-Синга, и, во что бы то ни стало, найдти предлогъ къ ссорѣ съ нимъ. Вскорѣ раджа получилъ повелѣніе содержать кавалерійскій полкъ въ службѣ англійскаго правительства. Онъ возражалъ и старался уклониться отъ повиновенія. Этого-то генераль-губернатору и хотѣлось. Наконецъ онъ имѣлъ предлогъ, чтобъ наказать, какъ преступника, самаго богатаго изъ своихъ вассаловъ. «Я рѣшился», говоритъ самъ Гастингсъ, «извлечь изъ его неповиновенія всевозможную пользу для компаніи и заставить его дорого заплатить за непокорность». Намѣреніе его было дѣлать все большія и большія требованія, чтобъ довести раджу до сопротивленія, и тогда въ видѣ наказанія отнять у него всѣ его земл.

Чейте-Сингъ былъ близокъ къ отчаянію. Онъ предложилъ 200,000 ф. стер., чтобъ умиловитъ англійское правительство. Но Гастингсъ отвѣчалъ, что не возьметъ менѣе полмилліона. Онъ даже задумалъ продать Бенаресь удскому двору, какъ онъ нѣкогда продалъ Аллагабадъ и Рогилькункъ; однако, это дѣло трудно было сладить на такомъ разстояніи, и онъ рѣшился посѣтить Бенаресь.

Чейте-Сингъ принялъ его со всеми знаками глубочайшаго почтенія; онъ отправился со всѣмъ дворомъ на встречу высокаго посѣтителя, и выразилъ свое прискорбіе о неудовольствіи Англичанъ. Онъ даже снялъ свой тюрбанъ и положилъ его къ ногамъ Гастингса, что въ Индіи почитается выраженіемъ глубочайшей преданности и покорности. Обращеніе Гастингса отличалось холодною строгостью. Прибывъ въ Бенаресъ, онъ послалъ Чейте-Сингу бумагу, гдѣ означены были всѣ требованія англійскаго правительства. Въ отвѣтъ на это раджа старался оправдаться отъ всѣхъ обвиненій, приведенныхъ противъ него. Но Гастингса, которому нужны были деньги, а не извиненія, трудно было обмануть обыкновенными индійскими увертками; онъ тотчасъ же велѣлъ арестовать раджу и поставить его подъ присмотръ двухъ сепойскихъ отрядовъ.

Принимая такія строгія мѣры, Гастингсъ не показалъ своего обыкновеннаго благоразумія. Вѣроятно, что такъ-какъ онъ не могъ лично изучить нравы всѣхъ индійскихъ племенъ, ему не была известна разница между Бенгальцами и жителями верхнихъ областей. Онъ находился теперь въ странѣ гораздо болѣе благопріятной развитію человеческой силы, въ странѣ, которая была отечествомъ не одного храбраго воина, съ успѣхомъ сражавшагося въ англійскихъ рядахъ. Раджа пользовался большою популярностью. Правленіе его всегда было кротко и справедливо; богатство и благополучіе его области представляло разительную противоположность съ жалкимъ положеніемъ Багара подъ нашимъ господствомъ и бѣдностью владѣній набоба-визиря. Національные и религіозныя предрасудки, съ которыми въ Индіи смотрѣли на Англичанъ, нигдѣ не были такъ сильны, какъ въ великой метрополіи браминскаго ученія. По-этому ясно, что генералъ-губернаторъ, прежде чѣмъ оскорбить Чейте-Синга, долженъ бы былъ собрать войско довольно сильное, чтобъ заглушить всякое сопротивленіе. Но онъ не принялъ этой предосторожности; горсть сепойевъ, сопровождавшая Гастингса, была бы, вѣроятно, достаточна, чтобъ привести въ ужасъ Муршедабадъ или предмѣстья Калькутты; но она не могла сразиться съ неустрашимымъ народомъ бенаресскимъ. Улицы, окружающія

дворецъ, были наполнены безчисленною толпою, большая часть которой была вооружена по обычаю Верхней Индіи. Изъ этого стеченія народа вскорѣ произошла драка, а изъ драки рѣзня. Англійскіе офицеры отчаянно защищались противъ одолевавшей ихъ толпы, и пали наконецъ съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ спойи были зарѣзаны, двери взяты приступомъ. Пленный князь, забытый своими сторожами, во время безпорядка, нашелъ дверь, выходящую на утесистый берегъ Гангеса, спустился къ рѣкѣ посредствомъ каната, сдѣланнаго изъ тюрбановъ его прислужниковъ, нашелъ лодку и переправился на противоположный берегъ.

Если Гастингсъ своею неосторожностью поставилъ себя въ опасное и затруднительное положеніе, надо сознаться, что онъ съ удивительнымъ искусствомъ и присутствіемъ духа изъ него выпутался. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 50 человекъ. Зданіе, въ которомъ онъ находился, было со всѣхъ сторонъ окружено бунтовщиками. Но твердость его духа осталась непоколебима. Съ другой стороны рѣки, раджа посылалъ извиненія и предложенія о мирѣ. Гастингсъ не отвѣчалъ. Нашлось нѣсколько искусныхъ и предприимчивыхъ людей, которые взялись пробраться черезъ толпу неприятелей и принести извѣстіе о послѣднихъ происшествіяхъ въ англійскій лагерь. Индійцы имѣютъ обыкновеніе носить большія золотыя кольца въ ушахъ. Во время своихъ путешествій они изъ предосторожности снимаютъ эти кольца и на мѣсто ихъ кладутъ кусочекъ дерева или сверточекъ бумаги въ отверстіе уха, чтобъ оно не заросло. Гастингсъ такимъ образомъ вдѣлъ въ уши своихъ посланныхъ письма самаго малаго размѣра. Нѣкоторыя изъ нихъ были назначены комендантамъ англійскихъ войскъ; одно было написано Гастингсомъ къ женѣ, чтобъ успокоить ее на его счетъ; одно наконецъ было къ агенту, которому онъ поручилъ переговоры съ Мараттами; нужны были инструкціи для этихъ переговоровъ, и губернаторъ написалъ ихъ въ эту минуту ужасной опасности съ невозмутимымъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа.

Между тѣмъ положеніе Англичанъ становилось все хуже и хуже. Одинъ англійскій офицеръ, болѣе храбрый, нежели благоразумный, и съ нетерпѣніемъ ждавшій случая отличиться, сдѣлалъ преждевременное нападеніе на туземцевъ. Отрядъ его былъ сжатъ въ узкой улицѣ и окруженъ яростной толпой. Онъ палъ съ многими изъ своихъ солдатъ, остальные обратились въ бѣгство. Этотъ случай произвелъ то дѣйствіе, которое въ Индіи неизбежно слѣдуетъ за каждымъ, хотя незначительнымъ, пораженіемъ Англичанъ. За нѣсколько сотенъ миль кругомъ вся страна пришла въ движеніе. Все народонаселеніе Бенареса взялось за оружіе. Земледѣльцы оставляли поля и жатвы и спѣшили на помощь своему князю. Возмущеніе распространилось до Уды. Несчастные жители этой области возопили противъ набоба-визиря; объявили, что не намерены болѣе платить налоговъ, и обратили въ бѣгство сборщиковъ податей.

Даже Багаръ былъ готовъ къ бунту. Надежды Чейте-Синга стали возрастать. Въмѣсто того, чтобъ смиренно просить о пощадѣ, какъ покорный вассалъ, онъ вдругъ принялъ тонъ завоевателя, и угрожалъ, что выгонитъ изъ Индіи бѣглыхъ притѣснителей. Но англійскія войска быстро собирались. Офицеры и даже частныя лица были страстно привязаны къ губернатору, и спѣшили къ нему на помощь съ рѣдкимъ рвеніемъ и готовностію. Майоръ Попгамъ (Porham), храбрый и опытный воинъ, отличившійся въ мараттской войнѣ, взялъ на себя начальство. Пестройное войско Чейте-Синга вскорѣ было разсыяно, а его крѣпости взяты приступомъ. Въ нѣсколько часовъ болѣе 3,000 человекъ оставили его знамена и возвратились къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ. Несчастный князь навсегда покинулъ свое отечество. Прекрасная область его была присоединена къ британскимъ владѣніямъ. Правда, одинъ изъ его родственниковъ былъ назначенъ на его мѣсто, но съ этихъ поръ бенаресскаго раджу, подобно набобу бенгальскому, не допускали къ дѣйствительному участию въ дѣлахъ.

Черезъ этотъ переворотъ къ доходамъ компаніи прибавилось 200,000 ф. ст. въ годъ. Ожиданія Гастингса все-таки

не были удовлетворены. Общая молва приписывала Чейте-Сингу баснословныя богатства, а сумма, которую нашли у него, не превышала $\frac{1}{4}$ милліона ф. ст., и ее тутъ же раздѣлили между войскомъ. Обманутый въ своихъ надеждахъ на Бенаресъ, Гастингсъ набросился на Уду. Суджа-Доула давно умеръ. Сынъ и наследникъ его, Азафъ-уль-Доула былъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ и самыхъ порочныхъ князей Индіи. При дворѣ царствовала самая безмѣрная расточительность, въ области же его бѣдность и безпорядокъ. Благодаря искусной политикѣ англійскаго правительства, онъ мало по малу изъ независимаго князя сдѣлался вассаломъ компаніи. Только посредствомъ англійскаго отряда могъ онъ защититься отъ нападений сосѣднихъ племенъ, презиравшихъ его слабость, и отъ мести подданныхъ, ненавидѣвшихъ его. Ему выслали этотъ отрядъ, и онъ взялся содержать его. Съ этого времени независимость его кончилась. Гастингсъ хорошо понималъ выгоды своего положенія, и рѣшился вполне ими воспользоваться. Вскорѣ набобъ началъ жаловаться на тяжесть обязательствъ, которыми онъ обременилъ себя. По его словамъ, доходы его были недостаточны, съ служителями не изъ чего было расплачиваться, онъ не могъ долѣе удовлетворять издержкамъ, требуемымъ англійскимъ войскомъ. Но Гастингсъ ничего не хотѣлъ слышать. Визирь, говорилъ онъ, попросилъ бенгальское правительство выслать ему войско и обещалъ за него заплатить. Войско ему выслали; сколько же времени оно должно было оставаться въ Удѣ, объ этомъ умалчивалъ договоръ. Слѣдовательно, если договорщики не могли на этотъ счетъ согласиться, оставалось рѣшить споръ правомъ сильнѣйшаго.

Гастингсъ хорошо зналъ, что тотчасъ по удаленіи англійскаго войска въ Удѣ воцарится величайшій безпорядокъ, и что этимъ, вѣроятно, воспользуются мараттскія шайки. Онъ допускалъ, что удскіе финансы находились въ большомъ разстройствѣ; но онъ не безъ справедливости приписывалъ это разстройство неспособности и порокамъ самого Азафа, и возражалъ, что, еслибъ его освободили отъ издержекъ на войско, онъ тѣмъ болѣе сталъ бы расточать на своихъ негод-

ныхъ любимцевъ. Гастингсъ имѣлъ намѣреніе лично отправиться въ Лукновъ и тамъ переговорить съ Азафъ-уль-Доулой. Но набобъ-визирь предупредилъ его, и съ малочисленною свитою поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Мѣстомъ свиданія они избрали крѣпость, выстроенную на крутомъ утесѣ Хунаръ, на берегахъ Гангеса. Тотчасъ можно было видѣть, что переговоры едва ли кончатся миролюбивымъ образомъ. Гастингсу нужны были деньги, Азафъ-уль-Доуль хотѣлось, чтобъ ему спустили даже прежніе долги. Трудно было совмѣстить эти противоположныя требованія. Генералъ-губернатору и Азафъ-уль-Доуль оставалось одно средство, чтобъ согласить обоюдныя выгоды свои: это было обратиться къ третьему лицу. На это они рѣшились, и, странно сказать, жертва, которую они избрали, была связана съ однимъ изъ нихъ узами самаго близкаго родства. Мать покойнаго набоба и жена его (мать настоящаго владѣльца Уды) носили титулъ княгини или бѣгумъ удскихъ. Онѣ пользовались значительнымъ вліяніемъ на Суджу-Доулу, который, по смерти своей, оставилъ имъ огромныя богатства, помѣстьями и наличными деньгами. Онѣ все еще жили въ его любимомъ дворцѣ въ Файседабадѣ, въ то время, какъ дворецъ Азафъ-уль-Доулы находился въ богатомъ Лукновѣ, имъ самимъ основанномъ на берегахъ Гутти.

Азафъ-уль-Доуль не разъ удавалось выманить у матери значительныя суммы денегъ. Наконецъ она обратилась съ жалобами къ Англичанамъ, которые точно вступились за нее. Былъ заключенъ торжественный договоръ, по которому она соглашалась давать денежную помощь своему сыну, а онъ обязывался болѣе не нарушать ея законныхъ правъ. За соблюденіе этого договора формально поручилось бенгальское правительство. Но времена перемѣнились, нужны были деньги, и правительство, которое нѣкогда дало это ручательство, не устыдилось побуждать Азафа къ самому наглому нарушенію священнаго договора. Нуженъ былъ предлогъ для расхищенія, противорѣчащаго не только торжественнымъ обещаніямъ, не только самымъ обыкновеннымъ правиламъ справедливости и челоуѣколюбія, но и тому великому закону дѣтской любви,

котораго не чужды даже самыя дикія племена, или народы, испорченные полуобразованіемъ. У Гастингса всегда былъ готовъ предлогъ. Революція бенаресская причинила безпорядки и въ Удъ. Въ этихъ безпорядкахъ заблагоразсудилось ему обвинить удскихъ бѣгумъ. Не было никакого доказательства въ пользу этого обвиненія, исключая народной молвы, которая, переходя отъ одного къ другому, приняла нѣкоторую вѣроятность. Обвиненнымъ не позволили даже защищаться, ибо генераль-губернаторъ хорошо зналъ, что, еслибы онъ повелъ это дѣло судебнымъ порядкомъ, онъ, вѣроятно, не нашелъ бы законнаго повода, чтобы обобрать своихъ жертвъ. Онъ условился съ набобомъ-визиремъ, что всѣ помѣстья благородныхъ бѣгумъ будутъ описаны въ пользу компаніи, которая приметъ это какъ удовлетвореніе за долги удскаго правительства. Покуда Азафъ-уль-Доула находился въ Хунарь, онъ совершенно покорился ясному и энергическому уму англійскаго политика, но когда они разстались, набобъ-визирь началъ думать съ безпокойствомъ объ обязательствахъ, которыя онъ принялъ. Мать и бабушка его протестовали противъ такого насильства, и просили о пощадѣ. Сердце Азафа, хотя испорченное, не было совершенно безчувственно, и силы оставили его въ рѣшительную минуту. Даже англійскій резидентъ въ Лукновѣ, не смотря на свою преданность Гастингсу, не имѣлъ духа прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Но генераль-губернаторъ былъ неумолимъ. Онъ написалъ резиденту въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ, и объявилъ, что, если описъ, о которой онъ условился съ набобомъ, не будетъ совершена безо всякаго отлагательства, онъ самъ прибудетъ въ Лукновъ и приметъ тѣ мѣры, на которыя не могли рѣшиться его слабыя сподвижники. Тотчасъ по полученіи этого письма, резидентъ, напуганный угрозами Гастингса, отправился къ набобу и настоятельно требовалъ, чтобы хунарскій договоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Азафъ-уль-Доула согласился, но въ то же время торжественно объявилъ, что онъ уступаетъ одной силѣ. Помѣстья немедленно были конфискованы; деньгами же не такъ легко можно было овладѣть. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. От-

рядъ англійскаго войска двинулся на Файзедабадь и окружилъ дворець. Несчастныя бѣгумы были приговорены къ строгому заключенію, но и этимъ нельзя было привести ихъ къ повиновенію. Наконецъ Гастингсъ прибѣгнувъ къ еще сильнѣйшему понудительному средству, о которомъ до сихъ поръ мы не можемъ говорить безъ горя и стыда. Два изъ самыхъ старыхъ служителей Суджи-Доулы, пользовавшіеся довѣріемъ и привязанностью его семейства, были схвачены и брошены въ тюрьму. Тамъ они претерпѣли ужасныя мученія. Ихъ лишали воздуха и движенія, почти морили голодомъ, и подвергли даже пытку, съ цѣлю заставить ихъ повелительницъ выдать желаемыя деньги. Мѣра эта имѣла полный успѣхъ, и когда Гастингсъ удостовѣрился, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ все богатство удскихъ бѣгумъ, онъ наконецъ согласился освободить несчастныхъ стариковъ. Ихъ дряхлый видъ, дрожащія члены, и слезы благодарности, когда передъ ними отворились двери тюрьмы, растрогали даже англійское войско.

Намъ нельзя не упомянуть о поведеніи сэра Импея въ этомъ случаѣ. Ему, конечно, было трудно вмѣшаться въ дѣло, вовсе не относящееся до него и до его должности, но, вѣроятно, онъ нашелъ нѣчто особенно привлекательное въ позорѣ, связанномъ съ лукновскими дѣлами. Онъ поспѣшилъ туда со всевозможною скоростью. Его встрѣтила толпа людей съ доносами на удскихъ бѣгумъ; доносовъ этихъ онъ не читалъ; иныхъ онъ не могъ прочесть потому, что они были на нарѣчійхъ сѣверной Индіи и съ нимъ не было переводчика. Онъ со всевозможною скоростью взявъ присягу со всѣхъ обвинителей, не сдѣлавъ имъ ни одного предварительнаго вопроса, не осведомившись даже о томъ, прочли ли они эти показанія, въ истинѣ которыхъ они готовы были присягнуть; потомъ онъ отправился назадъ въ Калькутту, чтобъ поспѣть къ открытію засѣданій.

Онъ самъ признался, что дѣло это вовсе не подлежало его вѣдомству. По закону онъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ преступленія удскихъ урожденцевъ; онъ не имѣлъ никакого права судить несчастныхъ бѣгумъ, и даже

не добивался этого. Съ какой же целью предпринялъ онъ такое длинное путешествіе? Очевидно для того, чтобъ своимъ присутствіемъ нѣсколько узаконить поступки того, кто недавно его подкупилъ, и чтобъ обвиненія и доносы, которыхъ онъ не могъ понимать и даже не прочесть, получили бѣльшій вѣсъ черезъ подпись перваго сановника въ Индіи.

Время приближалось однако, когда онъ долженъ былъ постыднымъ образомъ лишиться этой должности, которую такъ нагло обезчещивалъ. Состояніе Индіи сильно занимало англійскій парламентъ. Подъ конецъ американской войны, два комитета Нижней Палаты занимались восточными дѣлами, одинъ подъ предсѣдательствомъ Эдмунда Бурка, другой подъ предсѣдательствомъ даровитаго, но перемѣчиваго Генриха Дундэса, который въ то время былъ лордомъ адвокатомъ шотландскимъ. Не смотря на огромныя перемѣны, происшедшія съ тѣхъ поръ въ нашихъ азіятскихъ владѣніяхъ, отчеты, представленныя Нижней Палатѣ этими комитетами, могутъ быть для насъ въ высшей степени занимательны и поучительны. Компанія не была еще въ связи ни съ одной изъ великихъ политическихъ партій, раздѣлявшихъ государство. Министры не имѣли никакой причины защищать индійскія злоупотребленія, напротивъ того, они по возможности старались доказать, что имъ съ пользою можно было бы вверить управленіе нашимъ индійскимъ государствомъ. Поэтому, мнѣніе Нижней Палаты о поданныхъ отчетахъ носило отпечатокъ сильнѣйшаго негодованія. Различныя поступки Гастингса, а въ особенности дѣло съ Рогилламп, заслужили самое строгое порицаніе; и, по предложенію мистера Дундэса, рѣшено было, что компанія должна отставить генералъ-губернатора, навлекшаго такія бѣдствія на Индійскій народъ и такой позоръ на имя Англичанъ. Былъ также принятъ законъ для ограниченія власти верховнаго судища. Сдѣлка Гастингса съ главнымъ судьей была осуждена въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, и государю подано прошеніе о томъ, чтобы воротить сэра Пмпея въ Англию и потребовать отъ него отчетъ во всѣхъ его преступленіяхъ.

Сэра Импея потребовали въ Англію черезъ письмо отъ государственнаго секретаря; но Остъ-Индская компанія рѣшительно отказалась отставить Гастингса отъ должности губернатора; она очень справедливо утверждала, что имѣла право назначать и отставлять генераль-губернаторовъ по собственному благоусмотрѣнію, и касательно этого выбора не была обязана слѣдовать ничѣмъ предписаніямъ. Поддерживаемый такимъ образомъ своими начальниками, Гастингсъ продолжалъ управлять Бенгаломъ до весны 1785 года. Правленіе его, сначала такое бурное, кончилось въ совершенномъ спокойствіи. Въ советѣ онъ болѣе не встрѣчалъ систематической оппозиціи своимъ мѣрамъ. Въ Индіи, наконецъ, воцарился миръ. Мараттская война кончилась, Гейдера уже не было въ живыхъ; съ сыномъ его Типоо былъ заключенъ договоръ, и майсорскія войска оставили Карнатику. Съ тѣхъ поръ какъ кончилась американская война, у Англіи не было европейскихъ соперниковъ или непріятелей на восточныхъ моряхъ.

Послѣ общаго обзора правленія Гастингса, нельзя не сознаться, что, несмотря на преступленія, опозорившія его, оно принесло значительную пользу государству.

Англія перешла черезъ тяжелое испытаніе. Правда, она сохранила свое мѣсто въ первомъ ряду европейскихъ державъ, и мужество, съ которымъ она выдержала неровную борьбу, внушило всѣмъ окружающимъ народамъ высокое понятіе объ ея энергіи и силѣ, но все же она осталась побѣжденною во всѣхъ странахъ свѣта, кромѣ одной. Она не только была принуждена признать независимость 13-ти колоній, населенныхъ ея сынами, и успокоить Ирландцевъ, давъ имъ право самимъ составлять свои законы, но и на Средиземномъ морѣ, въ Мексиканскомъ заливѣ, на берегахъ Африки, и на материкѣ Америки, она должна была уступить плоды своихъ прежнихъ побѣдъ. Испанія вновь овладѣла Миноркой и Флоридой, Франція—Сенегаломъ и многими Вестъ-Индскими островами. Англія ничего не потеряла только тамъ, гдѣ ея выгоды были вѣрны попеченіямъ Гастингса. Вопреки совокупнымъ усиліямъ Европы и Азіи, власть наша на востокѣ значительно увеличилась. Бенаресь былъ завоеванъ, набобъ-ви-

зирь покоренъ. Этимъ распоряженіемъ нашего господства, и даже тѣмъ, что Фортъ-Вильямъ и Фортъ-Сенъ-Джорджъ не были заняты непріятельскими войсками, мы обязаны искусству и рѣшительности Гастингса.

Внутренняя администрація его также даетъ ему право стать на ряду съ самыми замѣчательными лицами того времени. Онъ уничтожилъ систему двойнаго правленія, онъ перевелъ всю власть въ руки Англичанъ. Изъ страшной анархїи онъ умѣлъ вывести нѣкоторый порядокъ, хотя грубый и недостаточный. Все управленіе, судопроизводство, сборъ податей, соблюденіе общественнаго порядка въ области, не менѣе обширной владѣній Людовика XVI, или императора Юсифа, было въ его рукахъ. Правда, что система его, даже послѣ всѣхъ улучшеній, принесенныхъ шестидесятилѣтнимъ опытомъ, все еще нуждается въ перемѣнахъ, и что, когда онъ оставилъ Бенгаль, она была гораздо несовершеннѣе, нежели въ настоящее время; но тотъ, кто подумаетъ о трудности возсоздать съ самыхъ основаній такое сложное и многостороннее устройство, сознается, что геній Гастингса въ самомъ дѣлѣ достоинъ удивленія. Къ-тому же мы не должны забывать, что онъ не получилъ воспитанія государственнаго человѣка, что прямо изъ школы его послали въ контору, что лучшие года своей жизни онъ провелъ торговымъ агентомъ, вдали отъ всякаго просвѣщеннаго общества, и что, наконецъ, всѣ тѣ, къ которымъ онъ могъ бы обратиться за совѣтомъ, были еще менѣе образованы, нежели онъ. Въ Европѣ, министръ, при первомъ вступленіи своемъ въ должность, окруженъ опытными и искусными государственными людьми; у Гастингса же было этого пособія, онъ могъ положиться только на собственныя познанія и на собственную энергію. Прежде нежели образовать своихъ помощниковъ, онъ долженъ былъ образовать самого себя. Надо прибавить, что въ самыхъ важныхъ своихъ предпріятіяхъ онъ былъ постоянно остановленъ предписаніями своихъ начальниковъ или пересиленъ большинствомъ въ совѣтъ. Мнѣ кажется, что ни одинъ государственный человѣкъ не подвергался такимъ тяжелымъ испытаніямъ; положеніе его нельзя даже сравнить съ поло-

женіемъ Мальборуга, когда ему во всемъ перечили нѣмецкіе депутаты, или Вэллингтона, когда онъ имѣлъ дѣло въ одно время съ португальскимъ правительствомъ, испанскими Юнтами и сэромъ Персивалемъ. Къ-счастью, Гастингсъ былъ въ состояніи выдержать всякое испытаніе; не смотря на сильную и энергическую натуру свою, онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ переносилъ самыя жестокія обиды, хладнокровно дожидаясь удобнаго случая, чтобъ за нихъ отмстить. Следствіемъ этого было, что, никогда не теряя присутствія духа, онъ всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ увертки гибкаго и изобрѣтательнаго ума. По-этому самыя многосложныя затрудненія не могли озадачить его; и, каково бы ни было наше мнѣніе о справедливости и законности иныхъ изъ его распоряженій, мы не можемъ не сознаться, что они почти всегда достигали своей цѣли. Кромѣ этой удивительной изобрѣтательности, Гастингсъ обладалъ въ высокой степени другой способностью, не менѣе нужной для него: мы говоримъ о замѣчательномъ его талантѣ къ политическимъ преніямъ.

Для англійскаго сановника на Востокъ увлекательный слогъ также необходимъ, какъ для министра въ Англии даръ слова. Здѣсь обыкновенно судятъ о дарованіяхъ чловѣка по его краснорѣчію; государственный чловѣкъ въ Индіи можетъ сдѣлаться извѣстнымъ только черезъ свои письма и свои рапорты. У насъ въ Англии встрѣчаются иногда люди, которые говорятъ лучше, нежели соображаютъ; точно также не трудно найти агентовъ Остъ-Индской компаніи, которые особенно умны въ письмахъ.

Между всеми агентами, которые отличались своими депешами и рапортами, Гастингсъ неоспоримо занимаетъ первое мѣсто. Онъ-то и придалъ оффиціальному письмоводству индійскаго правительства тотъ отличительный характеръ, который оно до сихъ поръ сохраняетъ.

Онъ имѣлъ дѣло не съ обыкновеннымъ противникомъ; но даже Фрэнсисъ, вопреки самому себѣ, принужденъ былъ сознаться, что съ Гастингсомъ невозможно справиться. И точно, нельзя не удивляться искусству генераль-губернатора представить дѣло съ надмежащей точки зрѣнія, запутать все то, что онъ

не желалъ, чтобъ другіе поняли, и выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ все, что для него могло быть выгодно. Слогъ его нельзя безусловно похвалить; вообще говоря, онъ отличался энергіей, чистотою и гладкостью, но иногда былъ слишкомъ выпрѣннъ и напыщенъ. Можетъ быть, пристрастіе Гастингса къ персидской литературѣ имѣло вліяніе на его вкусъ. Такъ какъ мы коснулись его литературныхъ занятій, то не можемъ не упомянуть о просвѣщенномъ его покровительствѣ наукамъ и искусствамъ. Покровительство это онъ съ похвальною щедростію простиралъ на путешествія, ученія изслѣдованія, опыты и новыя изданія. Правда, ему почти не удалось ввести въ Индію ученость Запада; время еще не пришло, когда можно было познакомить молодыхъ Бенгальцевъ съ твореніями Мильтона, Адама Смита, или замѣнить европейскою наукою суевѣрныя преданія браминовъ. Но все же нельзя не удивляться человеку, который изъ торговаго прикащика сдѣлался правителемъ обширной области, и обремененный дѣлами, окруженный людьми столь же занятыми, какъ онъ, отдаленный отъ всякаго образованнаго общества, умѣлъ своимъ примѣромъ и своею щедростію поощрять успѣхи наукъ.

Персидскую и арабскую литературу онъ основательно изучилъ. Санскритскій языкъ не былъ ему извѣстенъ, но онъ ревностно поощрялъ и поддерживалъ тѣхъ, которые старались познакомить съ нимъ европейскихъ ученыхъ. Подъ его покровительствомъ азіатское общество начало свое блистательное поприще. Оно хотѣло было выбрать его председателемъ; но, съ обыкновеннымъ умомъ своимъ, онъ уступилъ эту честь сэру Вильяму Джонсу. Остается намъ еще упомянуть о главной услугѣ, оказанной Гастингсомъ изучавшимъ восточную литературу. Бенгальскіе пундиты всегда тщательно отклоняли всѣ попытки иностранцевъ проникнуть въ завѣтные тайны, заключающіяся въ ихъ священныхъ книгахъ. Религія ихъ потерпѣла гоненія отъ Магомтанъ. Все, что они знали о португальскомъ правительствѣ, заставляло ихъ опасаться преслѣдованія и отъ христіанъ. Гастингсу удалось своимъ благоразуміемъ и умѣренностью удалить это опасеніе; онъ первый изъ всѣхъ европейскихъ правителей умѣлъ заслужить

довѣріе потомственныхъ жрецовъ Индіи и уговорить ихъ раскрыть передъ англійскими учеными всѣ таинства стариннаго браминскаго богословія и законодательства.

Нельзя не сознаться, что Гастингсъ въ высшей степени обладалъ искусствомъ внушать довѣріе и преданность огромному народонаселенію, вѣрному его попеченіямъ. Еслибъ онъ сдѣлался популярнымъ между Англичанами тѣмъ, что предоставлялъ туземцевъ грабежу и притѣсненіямъ, или еслибъ онъ заслужилъ привязанность Бенгальцевъ, сдѣлавъ себя враговъ изъ Англичанъ, въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Замѣчательно то, что, бывши главою горсти иностранцевъ, имѣвшихъ неограниченную власть надъ огромнымъ туземнымъ народонаселеніемъ, онъ пользовался любовью обоихъ племенъ. Преданность къ нему гражданскихъ чиновниковъ была замѣчательно сильна и постоянна: во всѣхъ его несчастіяхъ и опасностяхъ они горой стояли за него. Въ то же время, войско любило его съ увлеченіемъ, которому мы рѣдко видѣли примѣры. Даже въ распряхъ своихъ съ военачальниками онъ всегда имѣлъ войско на своей сторонѣ. Популярность его между туземцами была не менѣе замѣчательна. Онъ отлично владѣлъ всеми мѣстными ихъ нарѣчіями, хорошо изучилъ ихъ нравы и склонности. Если ему и случалось иногда, и только въ важныхъ случаяхъ, съ намѣреніемъ дѣйствовать наперекоръ всѣмъ ихъ понятіямъ, то онъ этимъ болѣе выигралъ въ ихъ уваженіи, нежели утратилъ ихъ любовь. Вообще онъ тщательно избѣгалъ всего того, что могло оскорбить ихъ предразсудки. Правленіе его во многихъ отношеніяхъ было недостаточно, но понятіе Бенгальцевъ о хорошемъ правленіи довольно ограничено. Во время господства набобовъ страшная мараттская кавалерія ежегодно истаптывала плодотворныя намывныя поля, но даже Маратты не могли состязаться съ могучими «сынами моря», и богатые жатвы нижняго Гангеса безопасно созрѣвали подъ защитою англійскаго меча.

Первые англійскіе завоеватели были болѣе хищны и болѣе безжалостны, нежели сами Маратты, но это поколѣніе пчезло. Какъ ни была недостаточна полиція, какъ бы ни

были тяжелы налоги при Гастингсъ, весьма вѣроятно, что даже самые старые Бенгальцы не помнили такихъ спокойныхъ и благополучныхъ временъ. Впервые послѣ долгихъ смуть бенгальская область была подчинена правительству довольно сильному, чтобъ защитить ее отъ внешнихъ нападений, и довольно справедливому, чтобъ воздержаться отъ всякихъ внутреннихъ притѣсненій. Все это хорошо располагало народъ. Въ то же время, постоянный успѣхъ Гастингса, и гениальный образъ, которымъ онъ умѣлъ вывести себя изъ всякихъ затрудненій, дѣлали его предметомъ почти суевѣрнаго удивленія; а болѣе чѣмъ царское великолѣпіе, которымъ онъ окружалъ себя, должно было ослѣплять народъ еще дѣтственный и неразвитой. Теперь еще, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ, въ Индіи говорятъ объ немъ, какъ о самомъ великомъ изъ Англичанъ; и кормилицы убаюкиваютъ своихъ питомцевъ дребезжащими пѣснями о быстрыхъ лошадяхъ и богато-убранныхъ слонахъ сагиба Варрена Гастингса.

Самые важные проступки Гастингса не повредили его популярности, потому что отъ нихъ пострадали одни сосѣднія державы. Читатели наши уже видѣли, что мы не намерены защищать эти проступки, но, чтобъ справедливо ихъ осудить, мы должны принять въ соображеніе побудительныя причины, которыми былъ движимъ виновный. Побудительная причина, внушившая Гастингсу самая явная несправедливости, была дурно направленная любовь къ отечеству. Законы справедливости, чувства челоѣколюбія, вѣрность данному слову, по его мнѣнію, были ничтожны передъ выгодами государства. Это, конечно, не оправданіе относительно правильности нравственности или просвѣщенной политики, но нельзя же не поставить различія между преступленіями, происходящими отъ излишней ревности объ общемъ благѣ, и преступленіями, внушенными личнымъ корыстолюбіемъ. Гастингсъ имѣетъ полное право на это различіе. Нѣтъ никакихъ причинъ подозрѣвать, что рогильская война, бенаресская революція или процессъ удскихъ бѣгумъ, хоть сколько-нибудь обогатили его. Мы не утверждаемъ, чтобы во всѣхъ денеж-

*

ныхъ дѣлахъ онъ показалъ эту утонченную совѣстливость, это строгое безкорыстіе, которыя теперь составляютъ отличительную черту остъ-индскихъ чиновниковъ. Но если принять въ соображеніе его воспитаніе и искушенія, которыми онъ былъ окруженъ, нельзя его строго осуждать за нѣкоторыя сдѣлки, которыя теперь назвали бы, можетъ быть, незаконными и неспозволительными, но которыя соответствовали понятіямъ того времени. Очевидно, что нельзя его упрекнуть въ алчности; иначе онъ возвратился бы въ свое отечество первымъ богачемъ въ Европѣ; ибо ему не трудно бы было обогатиться на счетъ данниковъ компаній и сосѣдственныхъ владѣльцевъ. Онъ же привезъ съ собою очень ограниченное состояніе. Мистриссъ Гастингсъ, сколько намъ извѣстно, была менѣе совѣстлива на этотъ счетъ. По свидѣтельству многихъ, она очень охотно принимала подарки, и такимъ образомъ накопила безъ вѣдома мужа очень значительную сумму. Мистриссъ Гастингсъ пользовалась такимъ вліяніемъ на своего мужа, что довольно вѣроятно, что все добивались ея благосклонности. Здоровье ея наконецъ пострадало отъ жаркаго климата, и генераль-губернаторъ принужденъ былъ послать ее въ Англію. По всему видно, что онъ любилъ ее любовно, свойственной людямъ съ сильнымъ характеромъ и сосредоточенными чувствами. Въ Калькуттѣ долго шла рѣчь о великолѣпной отдѣлкѣ корабля, на которомъ она отправилась въ Англію, и объ огромныхъ суммахъ, издержанныхъ на украшеніе ея каюты. Мы должны здѣсь замѣтить, что письма Гастингса къ женѣ очень характеристичны; они нѣжны, полны знаковъ уваженія и довѣренности, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько церемонны. Торжественная вежливость, съ которой онъ приветствуетъ свою изящную Маріанну, напоминаетъ сцены между сэромъ Чарльзомъ Грандиссономъ и Гэрриэтой Байрономъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Гастингсъ захотѣлъ послѣдовать за своей женою. Когда было объявлено, что онъ собирается оставить свою должность, можно было видѣть, до какой степени онъ умѣлъ привязать къ себѣ своихъ подчиненныхъ. Со всѣхъ сторонъ получалъ онъ адреса отъ Европейцевъ и Азіатовъ, отъ гражданскихъ чиновниковъ, отъ во-

енныхъ, отъ купцовъ. Въ день его отъезда вся набережная была покрыта толпою его друзей и приверженцевъ; многие провожали его въ шлюбкахъ.

О путешествіи Гастингса намъ почти ничего неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ искалъ развлеченія въ своихъ книгахъ и своемъ перѣ, и что, между прочимъ, написалъ довольно удачное подражаніе Горациеву «*Otium divos rogat*». Эта маленькая поэма была посвящена мистеру Шору, человеку, отличавшемуся своей честностью, безкорыстіемъ и любовью къ людямъ, но, подобно многимъ приверженцамъ Гастингса, ужъ черезъ чуръ снисходительному къ своему другу. Путешествіе совершилось необыкновенно скоро по тому времени: черезъ четыре мѣсяца послѣ своего отъезда, Гастингсъ прибылъ въ Плаймауть; онъ тотчасъ же отправился въ Лондонъ, представился двору, явился передъ своими начальниками, и поселился съ женой въ Чэльтенгэмъ. Пріемъ, который ему сдѣлали, вполне его удовлетворилъ. Король обошелся съ нимъ какъ нельзя лучше. Королева, которую уже прежде осуждали за ея видимое пристрастіе къ «изящной Маріаннѣ», была не менѣе милостива къ Гастингсу. Директоры приняли его въ торжественномъ засѣданіи, и объявили ему единодушную свою благодарность. Но всему, говоритъ Гастингсъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, три мѣсяца послѣ пріѣзда, «по всему я могу видѣть, что я пользуюсь хорошимъ мнѣніемъ моего отечества.»

Спокойный и торжествующій тонъ его переписки тѣмъ замѣчательнѣе, что ему были извѣстны нападенія, которыя готовились на него. Около недѣли спустя по прибытіи Гастингса въ Плаймауть, Буркъ хотѣлъ предъявить Нижней Палатѣ предложеніе, касающееся «лица, только что возвратившагося изъ Индіи», но, такъ какъ засѣданіе приближалось къ концу, нельзя было приступить къ такому важному и обширному вопросу.

Очевидно, что Гастингсъ не подозрѣвалъ угрожавшей ему опасности. Казалось, какъ будто дальновидность, осторожность, изобрѣтательность, отличавшія его въ Индіи, вдругъ оставили его, не то чтобы умственные способности его

пострадали, не то чтобы онъ уже не былъ тѣмъ Гастингсомъ, который восторжествовалъ надъ Фрэнсисомъ и Пункомаромъ, который подчинилъ себя главному судью и набоба-визиря, свергъ съ престола Чейте-Синга и побѣдилъ Гайдера Али, но, по выраженію мистера Грэттона, «пятидесятилѣтній дубъ долженъ пострадать отъ пересаживанія.» Человѣкъ, который оставилъ Англію лѣтъ пятнадцати и возвращается туда послѣ 30 или 40 лѣтъ, проведенныхъ въ Индіи, удостовѣрится, что, каковы бы ни были его дарованія, ему необходимо многому научиться, прежде чѣмъ занять мѣсто между государственными людьми этой страны. Все устройство представительной системы, борьба партій, искусство пренія, вліяніе книгопечатанія, все это для него новости. Окруженный со всѣхъ сторонъ новыми разсчетами и новыми интригами, онъ былъ такъ же озадаченъ, какъ былъ бы Аннибалъ при Ватерлооской битвѣ, или Семистокль при Трафальгарѣ. Это мы ясно можемъ видѣть изъ примѣра Гастингса; въ Индіи онъ все имѣлъ противъ себя, а, не смотря на это, всегда достигалъ своей цѣли. Въ Англии же онъ не сумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія и чуть не погубилъ себя собственною неосторожностію.

Самая важная изъ его ошибокъ заключалась въ неудачномъ выборѣ защитника. Въ подобныхъ обстоятельствахъ Клэйвъ лучше нашелся; онъ поручилъ свое дѣло Вэддерборну (впоследствии лордъ Лоубороугъ), одному изъ знаменитыхъ адвокатовъ, отличившихся въ Нижней Палатѣ, имѣвшему въ своемъ распоряженіи многостороннія свѣдѣнія и рѣдкое краснорѣчіе. Гастингсъ же избралъ совершенно другаго рода человека, майора бенгальской арміи, по имени Скотта, прибывшаго незадолго передъ тѣмъ изъ Индіи въ качествѣ агента генераль-губернатора. Слухи шли, что его услуги были вознаграждены съ восточною щедростію; достоверно то, что Гастингсъ ему платилъ не по состоянію. Майоръ получилъ мѣсто въ Парламентѣ, и всѣ на него смотрѣли, какъ на орудіе его начальника. Само собой разумѣется, что онъ не могъ имѣть того вѣса и того вліянія, которые даетъ независимое положеніе; къ-тому же ему недоставало дарованій, необходи-

мыхъ для того, чтобы привлечь вниманіе Палаты, привыкшей слышать великихъ ораторовъ. Онъ вѣчно разглагольствовалъ о достоинствахъ и заслугахъ Гастингса. Не мудрено, что его вскоре стали почитать въ Нижней Палатѣ за самаго докучнаго челоуька въ мірѣ.хлопоты майора не ограничивались парламентскими преніями. Въ каждомъ журналѣ помѣщались похвальныя статьи Гастингсу, подписанныя *Asiaticus* или *Bengalensis*, въ которыхъ весь узнавали перо неутомимаго Скотта; почти каждый мѣсяцъ появлялся какой-нибудь громадный памфлетъ о томъ же предметѣ и того же сочинителя. Чтò касается до парламентскихъ способностей этого джентльмена, то наши читатели могутъ объ нихъ судить по письмамъ, сохраненнымъ въ изданіи г. Глейга. Мы приведемъ одинъ только образчикъ его вкуса и благоразумія. Онъ называлъ самаго великаго челоуька того времени: «та гадина, мистеръ Буркъ.»

Не смотря однако на этотъ несчастный выборъ, дѣла Гастингса казались въ хорошемъ положеніи. Король держалъ его сторону; компанія и ея агенты съ жаромъ за него вступались. Онъ имѣлъ много друзей между государственными людьми; таковы были, на примѣръ, лордъ Мэнсфильдъ, сохранившій до глубокой старости все свои способности и всю свою энергію, и лордъ Лэндсдоунъ, который хотя и не принадлежалъ ни къ одной партіи, все же пользовался вліяніемъ и въсомъ, неразлучными съ великими дарованіями и глубокой ученостью. Министры также, казалось, были хорошо расположены къ бывшему генералъ-губернатору. Они обязаны были своею властью шуму, поднятому противъ остъиндскаго билля мистера Фокса. Приверженцы этого билля, обвиненные въ нарушеніи законныхъ правъ и введеніи властей, противныхъ конституціи, старались оправдать себя, указывая на преступленія Гастингса, и доказывали, что такіе неслыханныя злоупотребленія требовали чрезвычайныхъ мѣръ. Съ другой стороны, тѣ, которые, благодаря сопротивленію своему этому биллю, достигли высшей власти, весьма естественно старались оправдывать Гастингса, чтобъ этимъ опровергнуть выше приведенные доводы. Лордъ канцлеръ Торлоу,

въ особенности, вступился за Гастингса съ самой безразсудной горячностью. Мистеръ Питтъ, хотя онъ нѣсколько разъ говорилъ противъ индѣйской системы, съ намѣреніемъ воздержался отъ всякаго осужденія послѣдняго генералъ-губернатора. Съ майоромъ Скоттомъ молодой министръ говорилъ о Гастингсѣ, какъ о великомъ и гениальномъ чловѣкѣ, заслужившемъ благодарность отечества. Одно только мѣшало достойно наградить его. Актъ осужденія Гастингса оставался въ архивахъ Нижней Палаты. Актъ этотъ, конечно, былъ несправедливъ, но пока его не отменили, министръ не могъ посоветовать королю дать обвиненному публичныя знаки одобренія. Если вѣрить майору Скотту, мистеръ Питтъ объявилъ, что по этому только правительство не наградило титуломъ пѣра бывшаго генералъ-губернатора. Изъ всехъ членовъ администраціи, одинъ мистеръ Дундэсъ совершенно иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Онъ подалъ голосъ въ пользу вышеупомянутаго акта; но и его нечего было опасаться. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался президентомъ комитета восточныхъ дѣлъ, въ немъ произошли большія перемѣны. Онъ былъ окруженъ новыми приверженцами, въ умѣ его родились новыя надежды, и, каковы бы ни были его другія качества, онъ, вообще говоря, не отличался послѣдовательностью. Ясно, что Гастингсъ имѣлъ полное право разсчитывать на помощь министровъ; а министры въ то время пользовались значительнымъ вѣсомъ. Правда, оппозиція громко возставала противъ нихъ, но, не смотря на дарованія и краснорѣчіе иныхъ изъ ся представителей, оппозиція была пересилена большинствомъ въ Парламентѣ, и въ добавокъ сдѣлалась ненавистна всему народу. Къ-тому же она, по-видимому, не хотѣла предпринимать такого важнаго дѣла, какъ обвиненіе генералъ-губернатора. Дѣло это должно было длиться цѣлыя годы, оно требовало неимоверныхъ хлопотъ и занятій, а между тѣмъ не могло имѣть никакого вліянія на великую политическую борьбу. По-этому приверженцы оппозиціи были болѣе расположены унижать Гастингса, нежели преслѣдовать его. Они не упускали ни малѣйшаго случая соединить его имя съ именами самыхъ ненавистныхъ

притѣснителей. Буркъ старался язвительно осмѣять его публичную, какъ и его частную жизнь. Богатые подарки, которые онъ будто бы сдѣлалъ королеви и ея семейству, были любимымъ предметомъ насмѣшекъ. Такого рода сатирическія нападенія совершенно удовольствовались бы большинство оппозиціи; но было два челоуька болѣе непримиримыхъ въ своемъ негодованіи: мы хотимъ говорить объ Эдмундѣ Буркѣ и Филиппѣ Фрэнсисѣ. Фрэнсисъ только что вступилъ въ Нижнюю Палату, и уже сдѣлался извѣстнымъ своимъ умомъ и дарованіями. Ему не доставало только краснорѣчія; но иногда онъ выражался съ благородствомъ и энергіею, достойными самыхъ великихъ ораторовъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ въ Парламентъ, онъ навлекъ на себя неудовольствіе Питта, который съ тѣхъ поръ постоянно выказывалъ ему свое недоброжелательство. Время не ослабило ненависти Фрэнсиса къ Гастингсу; по своему обыкновенію, онъ приписалъ ожесточеніе свое за добродѣтель, и при каждомъ удобномъ случаѣ старался высказать его.

Негодованіе Бурка было еще сильнѣе, но оно было разумнѣе. Люди, не понимавшіе всей возвышенности его души, старались найти унижительную причину необыкновенной пылкости и настойчивости, которая онъ показалъ при этомъ случаѣ. Но имъ это не удалось; самъ Гастингсъ въ своихъ письмахъ опровергаетъ пустое предположеніе, что между ними существовала личная вражда. Впрочемъ, поведеніе Бурка не нуждается въ объясненіяхъ. Поступки Гастингса могли возбудить негодованіе челоуька, подобнаго Бурку, потому, что въ немъ ненависть къ притѣснителямъ и состраданіе къ угнетеннымъ были такъ же сильны, какъ въ какомъ-нибудь Ласъ-Казасѣ или Клэрксонѣ. Онъ хорошо зналъ Индію, и основательнѣе, чѣмъ кто-либо, изучилъ исторію, законы и обычаи Востока. Онъ въ высшей степени обладалъ благородной способностью мысленно переноситься въ самые отдаленные вѣка и самыя далекія страны. Индія и ея жители не были для него отвлеченностями, какъ для большей части Англичанъ. Страданія и несчастія Бенареса такъ же сильно трогали и волновали его, какъ могли бы волновать страданія Лондона. Онъ видѣлъ поступки Гастингса и горестныя

последствія ихъ. Все остальное было естественнымъ слѣдствіемъ его характера и настроенія.

Воображеніе и страсти вскорѣ завлекли его за границы справедливости и здраваго смысла. Негодованіе его почти перешло въ личную ненависть. Онъ не могъ видѣть ни заслуговъ Гастингса, ни обстоятельствъ, завлекшихъ его. Нравъ Бурка всегда былъ раздражителенъ, но въ последнее время болѣзнь и несчастія довели его до изступленія. Его дарованія и добродѣтели не были оценены въ Парламентѣ. Краснорѣчіе его устарѣло. Молодое поколѣніе, ему вовсе неизвѣстно, наполнило Нижнюю Палату. Всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ говорить, голосъ его былъ заглушенъ пустыми прерываньями молодыхъ людей, которые были еще въ колыбели, когда его блистательныя рѣчи заслужили одобреніе великаго лорда Чэтэма. Все это подѣйствовало на его гордую и раздражительную натуру. Онъ уже не могъ спокойно защищать свое мнѣніе или безпристрастно судить объ убѣжденіяхъ другихъ. Тѣ, которые думаютъ, что онъ показалъ болѣе жару и ожесточенія въ индійскомъ дебатѣ, нежели въ другихъ случаяхъ, мало изучили послѣдніе года его жизни. Онъ точно также принималъ къ сердцу пренія о торговомъ договорѣ съ версальскимъ дворомъ, о регентствѣ, о французской революціи. Надо замѣтить, что тѣ самые, которые называли его опаснымъ сумасшедшимъ, когда въ пылу негодованія онъ нападалъ на роуильскую войну и бенаресскія дѣла, превозносили его, какъ пророка, въ это время, какъ онъ еще язвительнѣе говорилъ противъ взятія Бастиліи и заключенія Маріи Антуанеты. По нашему мнѣнію, онъ не былъ ни сумасшедшій, ни пророкъ, а хорошій и гениальный человѣкъ, увлекающійся необузданною чувствительностью.

По всемъ вѣроятностямъ, ни личная ненависть Фрэнсиса, ни безкорыстное негодованіе Бурка, не могли бы очень повредить Гастингсу, еслибъ онъ самъ не погубилъ себя своею неосторожностью. Онъ бы долженъ былъ понять, что, каковы бы ни были его государственныя заслуги, поступки его не могли назваться безукоризненными, и сознавая это, искать средства отступить съ честью, не добиваясь торжества. Но Гастингсъ и его агентъ иначе смотрѣли на это дѣло. Они съ

истерпѣнїемъ ожидали тѣхъ наградъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, препятствовало только обвиненіе Бурка, и по этому захотѣли принудить его къ рѣшительному дѣйствию. Въ первый день засѣданій 1786 года, майоръ Скоттъ напомнилъ Бурку его прошлогоднее предложеніе, и спросилъ: точно ли онъ намѣренъ предъявить какое-нибудь обвиненіе на прежняго генераль-губернатора. Этотъ неосторожный вызовъ оставлялъ только два выбора членамъ оппозиціи: явиться обвинителями, или сознаться въ клеветѣ; само собою разумѣется, что они выбрали первое, и этимъ обязались на строгое преслѣдованіе.

Буркъ началъ съ того, что потребовалъ обнародовація всѣхъ документовъ, относящихся къ дѣлу Гастингса. Министры отказались выдать ему нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ, и въ дебатахъ держали рѣчи, которыя подтвердили общее мнѣніе, что они намѣрены взять сторону Гастингса. Въ апрѣль мѣсяцъ обвиненія были предъявлены; ихъ составлялъ Буркъ съ большимъ искусствомъ, но въ формѣ слишкомъ похожей на памфлетъ. Гастингсу доставили копію этой бумаги, и извѣстили его, что онъ могъ, если хотѣлъ, симъ защищать свое право передъ Нижней Палатой. И въ этомъ случаѣ на Гастингса посыпались неудачи, преслѣдовавшія его съ того дня, какъ ступилъ онъ на англійскую землю. Казалось, ему суждено было на каждомъ шагу ошибаться съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Востокъ. Всякій опытный и благоразумный человѣкъ сказалъ бы ему, что лучше всего для него было бы держать Нижней Палатѣ сильную, краснорѣчивую и разительную рѣчь; но что, если онъ не надѣется на свой даръ слова и захочетъ сочинить свою рѣчь, онъ, по крайней мѣрѣ, долженъ стараться выразиться какъ можно короче. Гастингсъ же написалъ бумагу неизмѣримой длины, которая, правда, между архивами Остъ-Индской компаніи могла бы считаться очень дѣльнымъ отчетомъ, но здѣсь она была не на мѣстѣ и вскорѣ надоѣла всѣмъ присутствующимъ. Члены Палаты разошлись, какъ только удовлетворили любопытство свое на счетъ наружности и пріемовъ знаменитаго Гастингса, и представили ему полную свободу продолжать свой рассказъ хоть до полночи, для назиданія писцовъ и сержантовъ.

Посль всѣхъ этихъ предварительныхъ распоряженій, Буркъ, въ началѣ іюня, предъявилъ обвиненіе, относящееся къ рогильской войнѣ. Онъ поступилъ благоразумно, начавъ съ этого обвиненія, потому что передъ тѣмъ Дундэсъ предложилъ, и Палата приняла рѣшеніе, осуждавшее въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ политику Гастингса касательно Рогилькунда. Однако, хотя онъ ничѣмъ не могъ оправдать своей непослѣдовательности, Дундэсъ взялъ сторону Гастингса. Питтъ не держалъ рѣчи, но подалъ голосъ за одно съ Дундэсомъ, и Гастингсъ былъ оправданъ большинствомъ 190 голосовъ противъ 67-ми.

Гастингсъ не сомнѣвался въ своемъ торжествѣ, и казалось, имѣлъ на это право. Изъ всѣхъ его распоряженій всего легче было напасть на войну съ Рогиллами. Она навлекла на него строгое порицаніе Комитета Директоровъ и Нижней Палаты, противъ нея возставалъ министръ Дундэсъ, впоследствии сдѣлавшійся министромъ восточныхъ дѣлъ, и, не смотря на все это, Буркъ потерпѣлъ совершенное пораженіе. Можно было смѣло заключить, что и остальные попытки его будутъ столь же неудачны. Слухи шли, что еще одно, или много два обвиненія будутъ предъявлены, что если Палата ихъ опровергнетъ, оппозиція откажется отъ преслѣдованія этого дѣла, и Гастингсъ немедленно будетъ сдѣланъ пэромъ, кавалеромъ ордена Бана, членомъ Тайнаго Совѣта и членомъ Комитета Директоровъ. Самъ лордъ Торлоу, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, съ презрѣніемъ говорилъ объ излишней разборчивости, препятствующей Питту призвать Гастингса въ Верхнюю Палату. Но вскорѣ всѣ эти блестящія надежды были разрушены; 13-го іюня мистеръ Фоксъ съ большимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ представилъ Палатѣ обвиненіе на Гастингса касательно дѣла съ Чейте-Сингомъ. Фрэнсисъ поддерживалъ его. Приверженцы Гастингса ликовали, когда Питтъ всталъ, чтобъ говорить. Министръ выразилъ свое мнѣніе съ обыкновенною силою мысли и богатствомъ выраженія. Онъ утверждалъ, что генераль-губернаторъ имѣлъ право требовать денежной помощи отъ Чейте-Синга и наказывать его въ случаѣ неповиновенія. Онъ также полагалъ, что поведеніе генераль-губернатора во время бенаресскаго бунта

дѣлало честь его искусству и присутствію духа. Онъ говорилъ въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ о поведеніи Франсиса въ Индіи и въ Парламентѣ. Оправданіе Гастингса казалось естественнымъ слѣдствіемъ доводовъ Питта, и все думали, что къ этому клонится его рѣчь. Но всеобщему удивленію, онъ заключилъ тѣмъ, что объявилъ, что, хотя, по его мнѣнію, Гастингсъ имѣлъ право возложить на Чейте-Синга денежную пѣню за непослушаніе, однако онъ во зло употребилъ это право, вытребовавъ слишкомъ большую сумму. На этомъ основаніи, и только на этомъ основаніи, мистеръ Питтъ, отдавая полную справедливость остальнымъ распоряженіямъ Гастингса касательно Бенареса, объявлялъ, что подастъ голосъ въ пользу предложенія мистера Фокса.

Палата осталась въ недоумѣніи, и недоумѣніе это было понятно. Поведеніе мистера Питта было, въ самомъ дѣлѣ, необъяснимо. Онъ оправдалъ Гастингса въ дѣлѣ о рогильнской войнѣ; онъ съ намѣреніемъ старался ослабить обвиненіе на счетъ Бенареса, а потомъ объявилъ Гастингса виновнымъ.

Всеобщее удивленіе было тѣмъ сильнѣе, что не далѣе, какъ за 24 часа передъ тѣмъ, приверженцы министра получили обычныя записки изъ казначейства, въ которыхъ ихъ просили быть на своихъ мѣстахъ и подать голосъ противъ мистера Фокса. Гастингсъ утверждаетъ, что въ самое утро передъ дебатомъ, Дундэсъ явился къ Питту и имѣлъ съ нимъ длинное совѣщаніе, въ которомъ они рѣшили предоставить генераль-губернатора мести оппозиціи. Но, при этомъ странномъ поступкѣ, Питту не удалось увлечь за собой всѣхъ своихъ приверженцевъ. Многія важныя лица (въ томъ числѣ мистеръ Гранвиль и лордъ Мульгрэвъ) подали голосъ противъ министра; впрочемъ, у него было столько слѣпыхъ послѣдователей, безусловно подражавшихъ ему, что перевѣсъ остался на его сторонѣ. Сто девятнадцать членовъ подали голосъ въ пользу мистера Фокса, семьдесятъ девять противъ него. Дундэсъ былъ въ числѣ большинства.

Друзья Гастингса, большая часть которыхъ держала сторону министерства, утверждали, что Питтъ и Дундэсъ были движимы чистой завистью. Гастингсъ былъ любимцемъ короля; Остъ-Индская компанія боготворила его. Еслибъ

Палата его оправдала, еслибъ онъ занялъ мѣсто между лордами, еслибъ его приняли въ контрольный комитетъ, то въ союзъ съ энергическимъ и властолюбивымъ лордомъ Торлоу, онъ, вѣроятно, присвоилъ бы себѣ все управленіе восточными дѣлами. Онъ могъ сдѣлаться опаснымъ и въ совѣтъ министровъ. Слухи уже распространились объ совѣщаніяхъ лорда Торлоу съ майоромъ Скоттомъ, и о обѣщаніи, которое первый сдѣлалъ Гастингсу самъ представить его къ пэрству.

Питтъ не терпѣлъ, чтобъ такимъ образомъ посягали на его право. Еслибъ Палата осудила Гастингса, то это положило бы конецъ всѣмъ опасеніемъ. Процессъ, чѣмъ бы онъ ни кончился, долженъ былъ продлиться нѣсколько лѣтъ, и во все это время подсудимый не могъ занимать государственной должности, ни даже являться ко двору. Вотъ какому расчету общее мнѣніе приписывало поступокъ молодаго министра, извѣстнаго своимъ властолюбіемъ. Отсрочка засѣданій вскорѣ прервала всѣ пренія касательно дѣла Гастингса; они возобновились на слѣдующій годъ. Дѣло съ удскими бѣгунцами было изложено Палатѣ Шериданомъ; рѣчь его не сохранилась, но о достоинствахъ ея можно судить по впечатлѣнію, которое она произвела. Шериданъ возвратился къ своему мѣсту среди восторженнѣйшихъ рукоплесканій. Палата пришла въ такое волненіе, что дебаты были отложены до слѣдующаго дня. Слава Шеридана быстро распространилась по всему Лондону, и въ тотъ же день ему предлагали 100,000 фунтовъ стерлинговъ за право напечатать его рѣчь.

На другой день, когда дебаты начались, друзья Гастингса тотчасъ же увидѣли, что имъ оставалось мало надежды на успѣхъ. Питтъ подавъ голосъ въ пользу предложенія Шеридана, и оно было принято съ большинствомъ 175-ти голосовъ противъ 68.

Оппозиція, упоенная торжествомъ и поддерживаемая всеобщимъ сочувствіемъ, продолжала приводить обвиненіе за обвиненіемъ, большею частью касательно денежныхъ дѣлъ. Друзья Гастингса, потерявъ всякую надежду отвратить осужденіе Палаты, перестали даже объ этомъ стараться. Наконецъ Палата, согласившись съ двадцатью пунктами обвиненія, поручила Бурку въ присутствіи пэровъ обвинить бывшаго

генераль-губернатора въ уголовныхъ преступленіяхъ и нарушеніи законовъ. Въ то же самое время Гастингсъ былъ арестованъ.

Такъ какъ засѣданія были близки къ концу, процессъ отложился до слѣдующаго года, и Гастингсъ былъ освобожденъ за поручительство. Когда Парламентъ вновь собрался, Нижняя Палата занялась назначеніемъ комиссіи для веденія процесса.

Перваго выбрали Бурка, и къ нему присоединили всѣхъ главныхъ членовъ оппозиціи. Но когда назвали Фрэнсиса, завязался бурный споръ. Одни говорили, что между Фрэнсисомъ и Гастингсомъ существовала личная неприязнь, что вражда ихъ уже длилась долгое время, что однажды даже ихъ обоюдная ненависть довела ихъ до поединка, и что было бы несправедливо назначить частнаго врага публичнымъ обвинителемъ. Другіе, въ особенности мистеръ Виндемъ, убедительно доказывали, что безпристрастіе, столь необходимое для судьи, не такъ нужно для адвоката; что въ обыкновенномъ англійскомъ судопроизводствѣ обвинитель самъ поддерживаетъ свое дѣло, и что отъ адвоката требуются только познанія, искусство, энергія и дѣятельность. Искусство и познанія Фрэнсиса были признаны, и самая вражда его противъ Гастингса должна была ручаться за его энергію и дѣятельность. Казалось почти не возможнымъ опровергнуть эти доводы; но закоренная ненависть Фрэнсиса къ Гастингсу возбудила всеобщее отвращеніе. Палата рѣшила, что Фрэнсисъ не будетъ въ числѣ комиссаровъ; Питтъ подалъ голосъ съ большинствомъ; Дундэсъ былъ въ числѣ меньшинства.

Приготовленія къ процессу быстро подвигались, и 15 февраля, 1788 года, засѣданія суда начались. Вестминстеръ представлялъ зрѣлище самое блестящее, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое поразительное для просвѣщеннаго и мыслящаго чело-вѣка. Здѣсь на время сосредоточились самыя разнообразныя интересы всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Здѣсь выказывались всѣ таланты и всѣ дарованія, развившіяся подъ благотворнымъ вліяніемъ древняго и разумнаго просвѣщенія. Каждая статья процесса переносила мысль, то въ давноминувшіе вѣка, когда были положены основанія нашей конституціи, то

въ далекія страны, за необозримыя моря и пустыни, къ незнакомымъ народамъ, поклоняющимся страннымъ божествамъ и употребляющимъ странныя письма съ права на лъво. Судилище пэровъ должно было судить по всѣмъ формамъ, установленнымъ еще Плантагенетами, Англичанина, обвиненнаго въ угнетеніи священнаго города Бенареса и царскаго дома удскихъ раджей.

Самое мѣсто было достойно такого процесса: это была большая зала Вильгельма Рыжаго, зала, ознаменованная посвященіемъ тридцати королей,—зала, гдѣ Страффорду удалось на время поколебать и устрашить справедливо ожесточенныхъ побѣдителей, гдѣ Карлъ предсталъ предъ верховнымъ судилищемъ съ спокойнымъ мужествомъ, отчасти испушившимъ его проступки. Военный церемоніаль соединился съ гражданскимъ: Вестминстерскія аллеи были обставлены гренадерами, въ улицахъ за порядкомъ наблюдала кавалерія. Пэры, одѣтые въ парчу и горностаи, вошли процессіей, предшествуемые герольдами. Судьи въ оффиціальныхъ костюмахъ сопровождали ихъ, чтобъ подать совѣтъ въ вопросахъ, касающихся законовъ. Длинное шествіе было открыто Джорджемъ Эльтотомъ (лордомъ Гитфильдомъ), недавно произведеннымъ въ пэры за знаменитую защиту Гибралтара противъ флотовъ и войскъ Испаніи и Франціи; оно замыкалось герцогомъ Норфолькскимъ (маршаломъ королевства), великими сановниками и принцами крови. Послѣ всѣхъ вошелъ принцъ Валлійскій, отличавшійся прекрасною наружностью и благородною осанкою. Старинныя, почернѣвшія стѣны были обвѣшаны пурпуровымъ сукномъ. На галлерейхъ толпились безчисленные зрители. Здѣсь собрались со всѣхъ концовъ богатаго и просвѣщеннаго государства всѣ представители наукъ, искусствъ, женской граціи и красоты. Здѣсь можно было видѣть королеву, окруженную молодцами своими дочерьми. Посланники великихъ государей и могучихъ республикъ съ удивленіемъ смотрѣли на зрѣлище безпримѣрное въ другихъ странахъ.

Сиддонсъ, въ полномъ блескѣ величавой красоты, съ волненіемъ любовалась этой поразительной картиной. Историкъ Римской имперіи невольно вспоминалъ о временахъ, когда Цицеронъ защищалъ Сицилію отъ грабительства Верра, или,

въ присутствіи сената, Тащить гремѣль противъ притѣснителя Африки. Можно было видѣть другъ подлѣ друга самаго знаменитаго живописца и самаго великаго ученаго того времени. Зрѣлище это отвлекло Рейнольдса отъ кистей, передавшихъ намъ задумчивыя лица столькихъ ученыхъ и писателей и нѣжныя улыбки столькихъ красавицъ; для него Пэрръ оставилъ свои ученые труды, которые обыкновенно поглощали все его время. Наконецъ всѣ красавицы, украшавшія Виндзорскій дворъ, блистали вокругъ плѣнительной герцогини Дэвоншэйрской. Герольды провозгласили открытіе засѣданія. Гастингсъ подошелъ къ рѣшеткѣ и преклонилъ коленно. Обвиненный въ самомъ дѣлѣ былъ достоинъ многочисленнаго присутствія. Онъ недавно еще управлялъ обширной и богато-населенной страной, давалъ законы и заключалъ договоры, назначалъ и свергалъ князей; и въ такомъ высококомъ санѣ онъ велъ себя такъ, что всѣ боялись его, почти всѣ его любили, и сама ненависть не могла отказать ему въ удивленіи. По самой наружности Гастингса можно было узнать челоуѣка гениальнаго. Онъ былъ не великъ ростомъ и казался истощенъ болѣзною, но осанка его отличалась достоинствомъ и величавостью. Высокій лобъ, взглядъ задумчивый, но не мрачный, ротъ, выразившій непреклонную силу воли, лице блѣдное и истощенное, но спокойное, на которомъ, казалось, было написано, какъ подлѣ его портретомъ въ калькуттской залѣ совѣта: «*Mens aequa in arduis*»,—таковъ былъ видъ великаго проконсула, когда онъ предсталъ передъ своими судьями.

Онъ былъ сопровождаемъ своими адвокатами, людьми, въ послѣдствіи отличившимися своею ученостью и дарованіями, смѣлымъ и энергическимъ Лоу, краснорѣчивымъ Дэллэсомъ и Пломеромъ, которому въ послѣдствіи пришлось защищать передъ этимъ же судилищемъ извѣстнаго лорда Мельвиля.

Но ни обвиненный, ни его адвокаты не привлекали до такой степени вниманія публики, какъ обвинители. Мѣсто съ зелеными скамьями было приготовлено для Нижней Палаты. Коммиссары, подлѣ предводительствомъ Бурка, явились въ полномъ одѣяніи. Сплетники не преминули замѣтить, что даже Фоксъ, обыкновенно пренебрегавшій своимъ костюмомъ, на

этотъ разъ почтилъ Великое Судилице, надѣвъ парикъ и шпагу. Питтъ не захотѣлъ быть членомъ комиссіи; лордъ Нордъ былъ слишкомъ старъ и слишкомъ слабъ для этой должности, и отсутствіе этихъ двухъ великихъ людей было ощутительно, но, не смотря на это, трибуналь комиссаровъ представлялъ такое сборище ораторовъ, какого, можетъ быть, не встрѣчалось со временъ могущества Аѳинъ. Здѣсь были Фоксъ и Шериданъ, англійскій Демосеенъ и англійскій Гиперидъ. Здѣсь былъ Буркъ, правда не совершенно умѣвшій или не старавшійся примѣнять свой слогъ и свои доводы къ понятіямъ слушателей, но смѣлостью ума и богатствомъ воображенія далеко превосходящій всѣхъ ораторовъ древнихъ и новыхъ. Подлѣ него можно было замѣтить самаго привлекательнаго джентльмена того времени, красиваго, храбраго, блистательнаго Виндэма. Не смотря на то, что онъ былъ окруженъ первыми знаменитостями своего вѣка, младшій изъ комиссаровъ такъ же обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Въ самыхъ юныхъ лѣтахъ онъ уже успѣлъ отличиться въ Парламентѣ. Огромныя богатства и знатныя связи еще возвысили блескъ его природныхъ дарованій и незапятнанной славы. Двадцати трехъ лѣтъ его уже нашли достойнымъ занять мѣсто между представителями Нижней Палаты передъ судилищемъ пэровъ. Теперь онъ остался единственнымъ представителемъ великаго столѣтія, и нынѣшнее поколѣніе, восхищающееся блистательнымъ краснорѣчіемъ графа Чарльза Грѣя, можетъ по этому судить о дарованіяхъ современныхъ ему государственныхъ людей, между которыми онъ не занималъ перваго мѣста. Прежде всего прочли обвиненія на Гастингса и ответы его. Это заняло цѣлыхъ два дня. Читалъ Коуперъ, близкій родственникъ известнаго поэта, и звучный и выразительный голосъ его придавалъ нѣкоторую занимательность этимъ скучнымъ документамъ. На третій день Буркъ взошелъ на трибуну. Четыре засѣданія были наполнены его рѣчью, которая должна была служить общимъ предисловіемъ всѣмъ обвиненіямъ. Съ непостижимымъ богатствомъ мысли и великолѣпнымъ выраженіемъ, онъ описалъ характеръ и установленія народа Индійскаго; онъ упомянулъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ утвердилось британское господство

на Востокъ, и наконецъ изложилъ конституцію Остъ-Индской компаніи и англійскихъ президентовъ. Представивъ такимъ образомъ своимъ слушателямъ живую картину положенія Индіи, онъ сталъ доказывать, что правленіе Гастингса находилось въ явномъ противорѣчій со всеми законами нравственными и общественными. Энергія и паеосъ великаго оратора возбудили удивленіе даже въ строгомъ и враждебно расположенномъ лордѣ-канцлерѣ, и, казалось, на минуту поколебали невозмутимую твердость обвиненнаго. Дамы въ галлереяхъ, не привыкшія къ такому блистательному краснорѣчію, и, можетъ быть, желавшія выказать свою чувствительность, обнаружили самое сильное волненіе; онъ прибѣгли къ носовымъ платкамъ и стклянкамъ съ духами. Всюду раздавались вздохи и судорожное всхлипываніе. Мистриссъ Шериданъ вынесла въ истерикѣ. Наконецъ ораторъ пришелъ къ заключенію. Возвысивъ голосъ, онъ произнесъ: «по этому, Нижняя Палата великой Британіи съ полнымъ убѣжденіемъ поручила мнѣ обвинить Варрена Гастингса въ уголовныхъ преступленіяхъ и нарушеніи законовъ. Я обвиняю его во имя Нижней Палаты Парламента, потому что онъ употребилъ во зло ея доверіе. Я обвиняю его во имя Англійской націи, потому что онъ осквернилъ ся древнюю славу. Я обвиняю его во имя народа Индійскаго, потому что онъ нарушилъ его права и превратилъ въ пустыню его владѣнія. Наконецъ, во имя самой человѣческой природы, во имя всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій, я обвиняю врага и притѣснителя всѣхъ.»

Когда глубокое волненіе, произведенное этой рѣчью, нѣсколько стихло, мистеръ Фоксъ всталъ и предложилъ перамъ приступить къ процессу. Обвинители желали, чтобъ судилище окончило слѣдствіе касательно перваго обвиненія, прежде чѣмъ приступить ко второму. Гастингсъ же хотѣлъ, чтобъ комиссары предъявили разомъ всѣ обвиненія и всѣ документы. Перы рѣшили въ пользу Гастингса.

На слѣдующее засѣданіе, Фоксъ и Грэй прочли обвиненіе касательно дѣла съ Чейте-Сингомъ; судилище употребило нѣсколько дней на разсматриваніе бумагъ и выслушываніе свидѣтелей. За этимъ послѣдовало дѣло съ удскими бѣгунами. Шеридану было поручено разработать этотъ пунктъ.

Публика съ нетерпѣніемъ ожидала его рѣчи; она продолжалась два дня, и зала ни на минуту не опустѣла во все это время. Говорятъ, что трудно было найти мѣсто даже гиней за пятьдесятъ. Окончивъ свою рѣчь, Шериданъ, глубоко изучившій всѣ театральные эффекты, упалъ какъ бы въ изнеможеніи на руки Бурка, который обнялъ его въ порывѣ восторженнаго удивленія. Засѣданія приближались къ концу, а дѣла не очень подвинулись. Было цѣлыхъ двадцать обвиненій, и только два изъ нихъ были предъявлены Палатѣ, а между тѣмъ прошелъ уже годъ съ тѣхъ поръ, какъ начался процессъ. Сначала публика принимала живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ; восторгъ ея дошелъ до высшей точки въ тотъ день, когда Шериданъ говорилъ объ удскихъ дѣлахъ, но послѣ этого онъ мало по малу сталъ охлаждаться. Зрѣлище утратило всю прелесть новизны. Всѣ эффекты краснорѣчія были истощены; оставались только самыя скучныя, самыя утомительныя изслѣдованія; повѣрка безконечныхъ счетовъ, чтеніе документовъ, наполненныхъ индійскими терминами, непонятными для англійскаго уха. Оставались еще мелочныя споры между комиссарами и адвокатами обвиненнаго, въ особенности между Буркомъ и Лау. Оставались безконечныя переходы пэровъ изъ Палаты въ залу Судилица, потому что, какъ только возникалъ спорный пунктъ, лорды удалялись разсуждать о немъ между собою, и слѣдствіемъ этого было, какъ очень справедливо замѣтилъ одинъ изъ пэровъ, что судьи безпрестанно были въ ходу, а процессъ рѣшительно остановился. Къ-тому же весною 1788 года, когда началось слѣдствіе, ни одинъ вопросъ внутренней политики не отвлекалъ вниманія парламента и публики отъ процесса Гастингса. Но на слѣдующій годъ, болѣзнь короля, дебаты о регентствѣ, ожиданіе перемѣны въ министерствѣ, заняли всѣ умы; а недѣли двѣ послѣ выздоровленія Георга III пришло извѣстіе, что генеральные штаты собрались въ Версали. Среди волненія, произведеннаго этими происшествіями, дѣло Гастингса было почти совершенно забыто.

Процессъ подвигался медленно. Въ 1788 году, когда онъ привлекалъ всеобщее вниманіе, и Палатамъ не было другаго дѣла, употребили всего 35 дней на слѣдствіе; въ 1789 году

билль о регентствѣ занималъ Верхнюю Палату почти до конца засѣданій. Когда король выздоровѣлъ, судьямъ уже пришло время оставить Лондонъ, и пэры дожидались ихъ возвращенія. Такимъ образомъ въ цѣлый годъ употребили только 17 дней на процессъ Гастингса, и все предвѣщало, что онъ необычайно продлится.

Правду сказать, такого рода процессъ, хотя онъ представляетъ очень величественную церемонію, и могъ принести большую пользу въ XVII-мъ столѣтіи, не имѣетъ почти никакого смысла въ наше время. Какъ бы ни доверяли рѣшеніямъ пэровъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ, никто не можетъ поручиться за ихъ безпристрастіе, когда имъ придется судить великаго сановника, обвиненнаго въ государственномъ преступленіи. Къ-тому же время ихъ слишкомъ поглощено многосторонними и важными обязаностями, и они не могутъ основательно заняться такого рода дѣломъ. Обыкновенное судилище покончило бы процессъ Гастингса въ три или четыре мѣсяца; пэры на это употребили болѣе семи лѣтъ.

Рѣшеніе перестало быть сомнительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ лорды объявили, что они будутъ руководствоваться правилами очевидности, принятыми въ нижнихъ судилищахъ государства. Извѣстно, что эти правила исключаютъ много доказательствъ, совершенно достаточныхъ, чтобъ убѣдить всякаго разсудительнаго чловѣка. Эти правила при каждомъ засѣданіи спасаютъ обвиненныхъ отъ правосудія присяжныхъ и судей, твердо убѣжденныхъ въ ихъ винѣ; тѣмъ болѣе, если ихъ приложить къ дѣламъ, происшедшимъ въ давно прошедшее время и въ отдаленныхъ странахъ; само собой разумѣется, что они должны исключить даже очевидность. Нельзя осуждать адвокатовъ и подсудимаго за то, что они воспользовались всеми выгодами, которыя имъ представлялъ законъ; но ясно, что такого рода оправданіе не можетъ быть принято передъ судилищемъ исторіи....

Друзья Гастингса нѣсколько разъ старались остановить процессъ. Въ 1789 году они предложили актъ осужденія противъ Бурка, за неумѣренныя выраженія, которыя онъ употребилъ, говоря про смерть Пукомара и про связь Гастингса съ сэромъ Импей. Буркъ въ это время не былъ

пуларенъ ни въ Палатѣ, ни вообще между своими соотечественниками. Необузданная жесточенность, которую онъ показалъ во время дебатовъ о регентствѣ, удалила отъ него даже его друзей. Актъ осужденія былъ принятъ, и тѣ, которые предложили его, надѣялись, что комиссары наконецъ откажутся отъ преслѣдованій. Буркъ былъ глубоко оскорбленъ, но ревность его для блага общаго взяла верхъ надъ чувствомъ досады. Онъ съ кротостью и достоинствомъ принялъ выговоръ Палаты, и объявилъ, что никакое личное оскорбленіе или огорченіе не заставятъ его отступить отъ священной обязанности, которую онъ на себя наложилъ.

На слѣдующій годъ Парламентъ былъ распущенъ, и друзья Гастингса надѣялись, что новая Палата не захочетъ продолжать процессъ; но она только согласилась исключить нѣкоторые пункты, чтобы скорѣй покончить все дѣло, которое безъ этого распоряженія, вѣроятно, продолжалось бы до смерти обвиненнаго.

Наконецъ воспослѣдовало рѣшеніе 1795 года, почти черезъ восемь лѣтъ послѣ того, какъ Гастингсъ былъ арестованъ. Любопытство публики, на время охладившееся, опять оживилось въ этотъ день. Всѣ предвидѣли рѣшеніе судилища, потому что было извѣстно, что обвиненный имѣлъ на своей сторонѣ большинство, но торжественность церемоніи привлекала множество зрителей, и зала была такъ же полна, какъ въ первый день процесса.

По выраженію самого Гастингса, процессъ начался при одномъ поколѣннѣи и кончился при другомъ, и въ самомъ дѣлѣ, нельзя было взглянуть на мѣсто канцлера, на красныя лавки пэровъ и на зеленыя лавки комиссаровъ, не вспомнивъ о бренности и непостоянствѣ всего житейскаго, о непостоянствѣ славы и власти, и, что всего грустнѣе, о непостоянствѣ дружбы. Государственная печать была въ рукахъ лорда Лоубороу, который при началѣ процесса былъ жесточенный противникъ правленія мистера Питта, а теперь дѣйствовалъ съ нимъ за одно, между тѣмъ какъ Торлоу, бывшій предсѣдатель Палаты, удалился отъ своихъ прежнихъ союзниковъ и занялъ мѣсто между младшими парами. Многіе другіе лорды, принявшіе участіе въ дѣлѣ Гастингса,

давно покопались въ своихъ семейныхъ подвалахъ. Еще разительнѣе была переменна между комиссарами: старинная дружба и единодушіе ихъ болѣе не существовали; теперь они встрѣчались почти врагами. Между ними образовались двѣ партіи: Буркъ увлекъ за собою восторженнаго Виндэма, за Фоксомъ послѣдовали Шериданъ и Грэй.

Всего 29 пэровъ подали голосъ; только шесть изъ нихъ нашли Гастингса виновнымъ въ дѣлахъ съ Чейте-Сингомъ и съ удскими бегунами; что же касается до другихъ обвиненій, то бывшій генералъ-губернаторъ имѣлъ еще больше голосовъ на своей сторонѣ. Наконецъ его подозвали къ рѣшеткѣ, и лордъ-канцлеръ объявилъ ему, что пэры нашли его не виновнымъ, и онъ былъ торжественно оправданъ. Онъ почтительно наклонилъ голову—и удался.

Мы уже сказали, что всѣ предвидѣли это рѣшеніе; оно также заслужило всеобщее одобреніе. При началѣ процесса, всѣ были безразсудно ожесточены противъ Гастингса; въ послѣднее же время всѣ стали уже черезъ чуръ за него заступаться. Причину этой рѣзкой перемены надо искать въ обыкновенномъ непостоянствѣ человеческого ума. Къ-тому же, необычная продолжительность процесса сдѣлала Гастингса предметомъ всеобщей жалости.

Мы также не должны забыть, что въ продолженіе этихъ 8 лѣтъ Гастингсъ успѣлъ выставить преданность и привязанность, внушенную имъ всѣмъ Бенгальцамъ; агенты его въ Индіи безпрестанно присылали ему письма, подписанныя первыми туземными сановниками, въ которыхъ его превозносили до небесъ. Собственно эти похвалы почти ничего не доказывали, потому что не трудно заставить индійскаго пундита или земиндара написать или подписать какую бы то ни было бумагу, но все же онъ сильно дѣйствовали на англійскую публику.

Какъ бы то ни было, Гастингсъ былъ оправданъ, но процессъ этотъ совершенно разорилъ его. Законныя издержки были огромны, но другія, о которыхъ не упоминалось въ официальныхъ бумагахъ, были еще значительнѣе. Онъ заплатилъ большія суммы майору Скотту; кромѣ того онъ подкупалъ журналы, платилъ сочинителямъ памфлетовъ, распространялъ

брошюры, и все это ему дорого стоило. Мистриссъ Гастингсъ также лишилась суммы, которую она накопила, по случаю банкротства своего банкира. Не смотря на всѣ эти потери, у Гастингса осталось бы нѣкоторое состояніе, еслибъ онъ умѣлъ хорошо распорядиться; но въ управленіи своими частными дѣлами онъ былъ до крайности неостороженъ. Всегдашнее желаніе его было выкупить старинный замокъ Дэйлесфордскій, нѣкогда принадлежавшій его предкамъ; наконецъ это ему удалось въ тотъ самый годъ, когда начался его процессъ. Замокъ почти совершенно развалился, и земли, его окружавшія, были совершенно запущены. Гастингсъ принялся его перестраивать, обсаживать великолѣпными садами, съ гротами и статуями, такъ что прежде еще, нежели дѣло его кончилось, онъ уже издержалъ на украшеніе Дэйлесфорда болѣе 40,000 ф. стер.

Единодушное мнѣніе директоровъ и Остъ-Индской компаніи было, что Гастингсъ оказалъ имъ неоцѣнимыя услуги, и что они обязаны вознаградить его за всѣ несчастія, которыя онъ претерпѣлъ. По-этому они хотѣли назначить ему ежегодную пенсію въ пять тысячъ ф. ст.; но для этого нужно было согласіе Контрольнаго комитета, а главой этого комитета былъ мистеръ Дундэсъ, который нѣкогда участвовалъ въ обвиненіи Гастингса и до сихъ поръ не желалъ ему добра. Онъ возсталъ противъ предложенія директоровъ. Директоры хотѣли поставить на своемъ, и воспослѣдовалъ длинный споръ, покамыстъ Гастингсъ дошелъ до такой бѣдности, что ему не чѣмъ было уплачивать свои ежегодныя издержки. Наконецъ Дундэсъ согласился на то, чтобъ Гастингсу назначили 4,000 ф. ст. въ годъ, и чтобъ ему выплатили эту пенсію за десять лѣтъ впередъ; компаніи также позволили дать ему займы безъ процентовъ 50,000 ф. ст. Но, благодаря его расточительности и безпечности, и эти суммы оказались недостаточными, такъ что онъ нѣсколько разъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ щедрости компаніи, которая охотно ему помогала.

Онъ могъ жить въ довольствѣ и спокойствіи, но прежнія надежды его на власть и знатность были обмануты. Когда онъ возвратился изъ Индіи, ему было только 52 года, и онъ

могъ надбяться на свои силы и свою энергію. При окончаніи же процесса все переѣнилось: онъ былъ ужъ слишкомъ старъ, чтобъ привыкнуть къ новымъ занятіямъ и новымъ обязанностямъ. Онъ не могъ ожидать никакой милости отъ короля, пока Питтъ оставался министромъ, и когда Питтъ подалъ въ отставку, Гастингсу уже было 72 года.

Разъ всего послѣ своего оправданія онъ вмѣшался въ политическія дѣла, и это вмѣшательство не относится къ его чести. Въ 1804 году онъ употребилъ все свои старанія въ пользу мистера Аддингтона, противъ котораго соединились Питтъ и Фоксъ. Нельзя предположить, чтобъ Гастингсъ надбьялся на способности и дарованія Аддингтона; даже въ политическихъ мнѣніяхъ своихъ онъ съ нимъ не согласовался; слѣдовательно, весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ онъ руководился личною ненавистью къ Питту и Фоксу, которымъ онъ никогда не могъ простить участіе въ процессѣ.

Послѣдніе 24 года своей жизни Гастингсъ большею частью провелъ въ Дэйлесфордѣ, занимаясь постройками, садоводствомъ и даже скотоводствомъ. Онъ всегда любилъ книги, но теперь онъ сдѣлался еще необходимѣе для него. Г. Глейгъ съ восторгомъ рассказываетъ, что первымъ дѣломъ его каждое утро было написать какое-нибудь стихотвореніе, которое онъ читалъ вслухъ за завтракомъ, къ величайшему удовольствію своихъ гостей. Мы не можемъ раздѣлять мнѣнія г. Глейга на счетъ этихъ періодическихъ произведеній музы Гастингса, неизмѣнно появлявшихся каждое утро вмѣстѣ съ кофеемъ и сухарями, но мы благодарны ему за то, что онъ сохранилъ эту черту характера знаменитаго генераль-губернатора: она служитъ разительнымъ примѣромъ непослѣдовательности человеческого ума, и показываетъ намъ, какъ легко найти въ одномъ и томъ же человѣкѣ гениальныя дарованія и самыя мелочныя слабости.

Проведя долгіе годы въ уединеніи и доживъ уже до преклонныхъ лѣтъ, Гастингсъ опять на время сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Нужно было возобновить конституцію Остъ-Индской компаніи, и Парламентъ былъ занятъ длинными преніями о восточныхъ дѣлахъ; Гастингса потребовали въ качествѣ свидѣтеля. Уже разъ передъ тѣмъ онъ являлся передъ Нижней Палатой; это было въ тотъ день, когда онъ прочелъ свой отвѣтъ на обвиненія Бурка. Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 27 лѣтъ; общественное мнѣніе совершенно измѣнилось, и Англичане помнили одни заслуги Гастингса, забывъ о его проступкахъ. Появленіе

человѣка, принадлежавшаго къ прошлому великому поколѣнію и какъ бы возставшаго изъ мертвыхъ, произвело сильное и глубокое впечатлѣніе. Нижняя Палата приняла его съ рукоплесканіями, ему подали кресло, и когда онъ захотѣлъ удалиться, всѣ встали съ непокрытыми головами. Правда, нѣкоторые изъ членовъ не раздѣляли всеобщаго восторга: они когда-то приняли участіе въ процессъ Гастингса, и весьма естественно, не хотѣли вознаться, что они употребили лучшие года своей жизни на то, чтобъ преслѣдовать невиннаго человѣка; по-этому, они остались на своихъ мѣстахъ, сурово надвигая шляпы свои на брови. Впрочемъ, это были только рѣдкія исключенія: пѣры приняли Гастингса съ подобными же знаками уваженія. Оксфордскій университетъ поднесъ ему титулъ доктора права, и въ шельдонскомъ театрѣ появленіе его возбудило громогласныя рукоплесканія.

Вскорѣ послѣ того Гастингса назначили членомъ Тайнаго совѣта, и онъ имѣлъ длинное свиданіе съ принцемъ-регентомъ, который обошелся съ нимъ очень милостиво. Онъ представилъ его Императору Александру и королю Фридриху Вильгельму, которые въ это время были въ Англии, и даже публично объявилъ, что правитель Индіи достоинъ почестей гораздо важнѣе, нежели мѣсто въ Тайномъ совѣтѣ. Гастингсъ опять сталъ ожидать пѣрства, но, неизвѣстно, по какимъ обстоятельствамъ, надежды его опять не сбылись.

Онъ прожилъ еще года четыре, сохранивъ до конца свое здоровье и свои умственныя способности; наконецъ, 22 августа 1818, онъ скончался съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ, съ которымъ встрѣтилъ всѣ испытанія своей тревожной жизни. Онъ былъ похороненъ подъ сводами приходской дѣйлесфордской церкви, гдѣ уже покоились многіе изъ его храбрыхъ предковъ. Не далеко отъ этого мѣста маленькій Варренъ, лѣтъ 80 тому назадъ, игралъ и рѣзвился съ крестьянскими дѣтьми; здѣсь же онъ мечталъ о своей будущности, и надо сознаться, что дѣйствительность была еще страннѣе и романтичнѣе, нежели даже его дѣтскія мечты.

Тѣ, которые безпристрастно посмотрятъ на его характеръ, не стануть отрицать въ немъ жестокосердія и недостатка правилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они сознаются, что достоинства его, какъ государственнаго человѣка, были неоцѣнимы, и что услуги, которыя онъ оказалъ Англійскому государству, вполнѣ заслужили нашу благодарность и наше удивленіе.

КАРЛЬ V ВЪ МОНАСТЫРЬ.

(Продолженіе).

VIII.

Въ то время, когда инквизиція готовилась присвоить себѣ преимущества, принадлежавшія одной королевской власти, Карль V-й отказывался ~~отъ~~ вѣнчиваться не только своею властію, но даже своимъ вліаніемъ въ постановленія духовнаго общества, котораго онъ былъ высоко уважаемымъ членомъ. Иеронимиты держали капитулъ ордена въ Лупіанѣ, когда умерли, одинъ за другимъ, настоятель іустскій и пріоръ кордуанскій, только-что избранный генераломъ ихъ ордена. Прежде чѣмъ разойтись, избиратели возвели въ санъ послѣдняго о. Жуана де-Асалорасъ, одного изъ четырехъ проповѣдниковъ, находившихся при особѣ императора. Генералу ордена принадлежало право назначать пріора іустскаго. Монахи сочли, что имъ никогда не представится болѣе удобный случай отыскивать право самимъ себѣ избирать настоятеля, и просили Карла V уговорить о. Жуана де-Асалорасъ, чтобы онъ отказался отъ своего преимущества. Карлу V просьба ихъ показалась весьма неприличною; онъ на-отрѣзъ отказался вступаться въ подобныя дѣла и во все, что касалось до внутреннихъ распоряженій ордена. Такимъ образомъ, свободнымъ выборомъ о. Жуана де-Асалорасъ, назначенъ былъ настоятелемъ іустскимъ о. Мартинъ де-Ангуло, изъ монастыря Св. Маріи Гваделупской.

Напротивъ того, Филиппъ II, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, самъ собою распорядился въ назначеніи на мѣсто, несравненно важнѣйшее въ испанской іерархіи. Скончался старый кардиналъ, Жуанъ Мартанецъ Силицео, архіепископъ толедскій. Архіепископъ толедскій, примасъ испанской церкви и канцлеръ Кастиліи, считался, въ то время, послѣ папы, самымъ значительнымъ и самымъ богатымъ духовнымъ сановникомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Доходы съ его епархіи простирались до огромной суммы 260 т. червонцевъ, изъ которыхъ 80 т. принадлежали лично архіепископу, а 180 т. подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ; кромѣ многочисленнаго общества суфрагановъ, аббатовъ и другихъ бенефициантовъ,

подвмстныхъ его вліянію, онъ имѣлъ еще свѣтскихъ вассаловъ и обширное право суда въ 15-ти важныхъ городахъ. Понятно, что открывшаяся ваканція на подобное мѣсто должна была возбудить честолюбіе всѣхъ духовныхъ сановниковъ Испаніи: но Филиппъ II не далъ времени просителямъ объявить свои претензіи. Въ это время возвращался изъ Англіи во Фландрію доминиканецъ Вареоломей де-Карранца, который прославился своими богословскими лекціями въ Вальядолидѣ, а также блисталъ, въ 1546 году, между ораторами Тридентскаго собора, на который былъ посланъ Карломъ V. Филиппъ взялъ его съ собою въ Англію и рекомендовалъ Марію Теодоръ; по-видимому, онъ вполне оправдалъ довѣренность этой государыни своею ревностію въ преслѣдованіи еретиковъ. Справедливо ли, нѣтъ ли, но историки говорятъ даже, что, недовольный обличеніемъ и обращеніемъ живыхъ посредствомъ своего краснорѣчія, и вмѣсто того, чтобы подражать уваженію Карла V къ Лютеровою гробницѣ (*), онъ позорнымъ образомъ вырывалъ тѣла умершихъ, между прочимъ, тѣло знаменитаго доктора Бусера, котораго прахъ мирно покоился въ Кембричѣ, и который некогда также волновалъ этотъ университетъ своею отчаянною полемикою. Но какъ бы ни судили объ этомъ дѣйствіи нетерпимости, въ которомъ Карранца былъ сообщникомъ кардинала Поля, только Филиппъ такъ былъ доволенъ исполненіемъ даннаго имъ порученія, что предложилъ ему архіепископство толедское. Напрасно Карранца возражалъ, что двукратно отказывался отъ епископскаго сана, чтѣ и было справедливо; напрасно называлъ королю трехъ человекъ, которыхъ считалъ способнѣе и достойнѣе себя этого высокаго достоинства: король, очарованный его безкорыстіемъ и скромностію, принудилъ его принять это званіе. Новаго архіепископа посвятилъ въ Брюсселѣ, 27 февраля 1558 года, кардиналъ Перенд, епископъ аррасскій, болѣе извѣстный подъ именемъ кардинала Гранвелля. Онъ отправился въ Испанію уже черезъ четыре мѣсяца послѣ своего назначенія; Филиппъ удерживалъ его при себѣ, и сверхъ того, Карранца какъ будто предчувствовалъ роковую вражду, которую успѣла возбудить противъ него зависть. Дѣйствительно, въ числѣ трехъ соперниковъ, на которыхъ онъ такъ великодушно указывалъ королевской благосклонности, не находилсѣ, безъ сомнѣнія, ни духовникъ Карла V, о. Жуанъ де-ла-Регла, а еще менѣе великій инквизиторъ Вальдець, который уже 6 разъ мѣнялъ епархію, прежде нежели поступилъ на

(*) Когда Карла V въ Виттенбергѣ упрасивали разрушить гробницу Лютера, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! я веду войну съ живыми, а не съ мертвыми.»

архіепископство севильское, и не отказался бы, не взирая на свои 70 лѣтъ, перемѣнить ее и въ 7-й разъ, чтобы получить званіе прима-маса. По крайней мѣрѣ, духовникъ и великій инквизиторъ показали большое единодушіе въ ненависти своей къ архіепископу Карранцъ, начиная съ скрытныхъ внушеній, которыя тайно подкапывали благосостояніе врага, котораго хотѣли искоренить, и до того дня, въ который, наконецъ, осмѣлились нанести ему рѣшительный ударъ. Этотъ эпизодъ изъ исторіи испанской инквизиціи превосходно выказываетъ личныя страсти, которыя способствовали ея основанію. Безъ сомнѣнія, для Карла V-го должно было быть новымъ предметомъ соблазна и безпокойства, когда въ числѣ его приближенныхъ нашлись люди, способные удивляться, что выборъ сына его въ высшую духовную должность палъ на монаха, до того времени прославляемаго за православіе, добродѣтели и дарованія, и когда эти люди говорили, что Карранца отказался отъ двухъ епископствъ, потому только, что его честолюбіе ожидало митры несравненно блистательнѣйшей; онъ огорчился еще болѣе, когда вдругъ, изъ Вальядолида, черезъ письма дочери его правительницы было внушено ему коварное подозрѣніе, что новый примасъ былъ ересіархъ, способный играть въ Испаніи роль отступника Кранмера въ Англіи. Но не станемъ предупреждать доносчиковъ; въ теченіе нѣкотораго времени, это подозрѣніе оставалось въ видѣ едва внятнаго ропота. Карранца все еще медля въ Фландріи и приготавливаясь къ епископскому званію печатаніемъ въ Антверпенѣ толкованій на катихизисъ. Грустно видѣть, что добрый и честный Кихада также употреблень въ это *черное* дѣло инквизиціи: Карль V зналъ, что, какъ истинный испанецъ, который воевалъ съ нимъ противъ нѣмецкихъ лютеранъ, Кихада ненавидѣлъ еретиковъ столько же, сколько Мавровъ и Жидовъ. И такъ, онъ писалъ къ нему, отъ 25 мая, въ Виллагарсію, откуда Кихада намѣренъ былъ возвратиться со всемъ своимъ семействомъ, чтобы онъ сначала ѣхалъ въ Вальядолидъ, разузналъ лично, что тамъ дѣлается, и его именемъ побудилъ правительницу къ скорѣйшему правосудію. Отдавая ему отчетъ въ своемъ порученіи, Кихада подтверждаетъ, что процессъ идетъ установленнымъ порядкомъ, «хотя многія ученые особы и вообще весь народъ, съ громкими воплями, неотступно требуютъ немедленной казни лютеранъ.» Карль V вынужденъ ждать вмѣстѣ съ народомъ, пока окончатъ свои тайныя слѣдствія инквизиціи, которая отзывается недостаткомъ судей и денегъ въ невозможности ускорить ходъ дѣла.

Между тѣмъ, прекрасные лѣтніе дни имѣли благотворное вліяніе на здоровье Карла V; онъ могъ еще, въ продолженіе тѣхъ

мѣсяцевъ, которые предшествовали его послѣдней болѣзни, писать собственноручно, или диктовать, наставленія королю сыну своему, частью на счетъ войны съ Франціею, частью касательно того, какимъ образомъ встрѣтить Турокъ и Варварійцевъ, если бы они сдѣлали высадку, которые безпрестанно угрожали берегамъ Испаніи. Счастіе готовило ему, какъ и прежде, смѣсь успѣховъ и неудачъ, но предусмотрительность его никогда ни въ чемъ не ошибалась; дѣятельность ума его, о которой говорили, что она истошилась, до послѣдней минуты все обнимала, и вездѣ являлась въ полной силѣ. Замѣчательно, что дочь императора, принцесса правительница, которая показала такую ревность къ своей власти, когда дѣло шло о теткѣ ея, королевѣ венгерской, относилась къ отцу своему и полагалась на его сужденіе не только во всѣхъ дѣлахъ политическихъ, но даже совѣтовалась съ нимъ о менѣ важныхъ подробностяхъ частной жизни. Письма ея открываютъ намъ такія задушевные тайны, которыя современные историки, вѣроятно, опустили бы безъ зазрѣнія совѣсти, если бы даже и были посвящены въ ея довѣренность. Приятно, однакожь, видѣть, что донья Жуана не обманывалась, полагая что все, касающееся до его дочери, пробуждаетъ живое участіе въ сердцѣ іустскаго отшельника. Въ концѣ іюня съ ней сдѣлалась лихорадка. Карль V не довольствуется ежедневнымъ донесеніемъ, которое присылаетъ ему секретарь Васкецъ; онъ отправляетъ нарочнаго узнавать объ ея здоровьѣ. Нѣсколько позже, донья Жуана повѣряетъ ему семейныя огорченія старшей сестры своей Маріи. Эта принцесса вышла за-мужъ за молодого короля Богемскаго Максимилиана, который долженъ былъ наследовать императорскій престолъ послѣ Фердинанда I. Исторія превозноситъ храбрость этого государя, который, подобно Карлу V-му, умѣлъ противостать Туркамъ: она выхваляетъ его мудрость, умѣренность, религіозную терпимость, его кротость, справедливость; она даетъ, по крайней мѣрѣ, подразумѣвать, что онъ имѣлъ также всѣ семейныя добродѣтели, говоря, что жена его родила ему 16 человекъ дѣтей. Между тѣмъ, изъ двухъ писемъ инфанты Жуаны открывается, что Максимилианъ былъ дурной мужъ, потому что она умоляетъ Карла V прийти на помощь къ ея бѣдной сестрѣ. «Не ужасно ли было бы, говорить она, провести цѣлую жизнь съ такимъ человѣкомъ!» Мы не знаемъ, какимъ образомъ *помогъ бы* Карль V своей старшей дочери, если бы и остался въ живыхъ; но онъ желалъ собрать болѣе подробныя свѣдѣнія, прежде нежели осудить своего зятя, и архіепископу толедскому поручено было изяснить ему это шекотливое дѣло. Правительница говорить въ письмахъ своихъ еще о другомъ обсто-

ятельство, — въ родъ тѣхъ, изъ которыхъ поэты дѣлають комедію, когда они оканчиваются бракомъ, и которому принцесса хотѣла придать мрачную развязку драмы. Д. Жуана предписывала своимъ придворнымъ дамамъ строгое наблюденіе приличій. Хотя сама она была вдовою и матерью, но нисколько не желала, чтобы онъ подражали ей въ этомъ отношеніи. Подобно протестантской королевы Елизаветы англійской, эта принцесса, столь усердная католичка, никакъ не простила бы той, которая осмѣлилась бы выдти за-мужъ безъ ея позволенія. Такъ какъ она безпрестанно говорила о своемъ намѣреніи основать монастырь, то тѣ, которыя дорожили ея благосклонностью, должны были готовиться слѣдовать за нею въ это убѣжище цѣломудрія. Каково же было ея негодованіе, когда одна изъ придворныхъ дамъ пришла къ ней жаловаться, что молодой вельможа общался на ней жениться, а потомъ сталъ увѣрять ее, что говорилъ это только для шутки. Регентша приказала взять его подъ стражу и заключить въ башню Медина Сѣли. Этотъ вельможа былъ губернаторъ Канарскихъ острововъ. Такъ какъ должность, эта, подобно званію адмирала, констабля и нѣкоторыхъ другихъ, была монополіею *ricos hombres*, то губернаторъ Канарскихъ острововъ долженъ былъ принадлежать къ высшему дворянству, у котораго даже всемогущій Карль V не могъ отнять всѣхъ правъ и преимуществъ. Государственный советъ вступился за обольстителя, утверждая, что онъ не могъ быть лишень свободы безъ его соучастія. Регентша, не желая освободить своего плѣнника, писала къ Карлу V; настаивала на обиду, нанесенную ея достоинству, и спрашивала, прилично ли, чтобы кто-нибудь осмѣлился безнаказанно смѣяться надъ ея дамами, завлекать ихъ столь важными клятвами, и потомъ говорить, что это была шутка. Къ-несчастью, это обстоятельство принадлежало къ числу тѣхъ, въ которыхъ посредничество Карла V-го было призвано слишкомъ поздно, если бы даже онъ и захотѣлъ въ него вступить. Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюля, Кихада воротился съ доньею Магдалиною и пажемъ, который еще полагалъ себя сыномъ покойнаго Адріана Буэса, одного изъ камеръ-юнкеровъ императорскаго двора. Донъ Жуанъ слишкомъ нежно любилъ свою названную мать, и не могъ удивляться уваженію, которое Карль V не боялся ей оказывать, посылая навѣдываться объ ея здоровьѣ, посылая подарки, позволяя ей самой приходиться свидѣтельствовать ему свое почтеніе въ сопровожденіи юнаго пажа, который, безъ сомнѣнія, также удостоивался цѣловать руку императора. Но все, по-видимому, доказывало, что пажа считали еще слишкомъ юнымъ, чтобы повѣрить ему тайну его рожденія: ни

одинъ изъ іустскихъ жителей не намекаетъ на это въ своей перепискѣ. Одно преданіе, менѣе скромное, говоритъ, что фламандскіе секретари перешептывались между собою, когда передъ ними проходилъ сынъ тайны, и что они обращались съ нимъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, не смотря на его ребяческой возрастъ. Что касается до него, то, безпечный, какъ настоящій школьникъ, онъ пользовался общою снисходительностію, не заботясь отыскивать ей причину, и вскорѣ ознакомился съ долиною и горами. Вооруженный пищалью, приспособленною къ его росту, онъ ходилъ стрѣлять голубей въ рощу, и, при звукѣ его выстрѣловъ, императоръ могъ иногда, изъ окошка своей комнаты, узнавать со вздохомъ маленькаго браконьера, который осмѣливался охотиться на его землѣ;— между тѣмъ, Кихада, другой свидѣтель его подвиговъ, старался, сколько возможно, сохранять важность своей испанской фізіономіи. То же преданіе прибавляетъ, что рѣзвый пажъ не болѣе щадилъ плоды іустскаго сада, когда они были спѣлы, какъ и голубей, когда они находились въ такомъ отъ него разстояніи, что онъ могъ достать ихъ изъ своей пищали; онъ ходилъ даже на добычу въ сады селенія Квакосъ, откуда гоняли его каменьями тѣ самые крестьяне, которые, въ прошломъ году, безъ зазрнїя совѣсти, крали вишни Его Величества. Донъ Жуанъ отбѣгалъ на нѣкоторое разстояніе, и оплачивалъ имъ тѣмъ же; то были первыя битвы, которыми онъ готовился къ сраженіямъ противъ альпухарасскихъ Мавровъ и лепантскихъ Турокъ.

Между тѣмъ какъ будущій мститель христіанства занимался шалостями въ окрестностяхъ іустскихъ, Карль V не разъ долженъ былъ хвалить себя за настойчивость, съ которою требовалъ, чтобы при первомъ извѣстїи о соединенїи мусульманскаго флота при Негропонтѣ, послали 8 тысячъ пѣхоты и 400 копейщиковъ въ Оранъ и укрѣпили Голлетту и Розазъ, которымъ угрожала алжирская эскадра. Непрїятель, прежде всего, показался передъ Маіоркою. Мустафа-паша, отчаявшись овладѣть этимъ островомъ, направилъ свои силы на Минорку и бросилъ якорь передъ Сіудаделлою, древнимъ Янино Римлянъ. У него было не менѣе 140 судовъ и 15 тысячъ высаднаго войска съ 24 пушками. Въ продолженіе 7-ми дней онъ громилъ крѣпость и нѣсколько разъ покушался взять ее приступомъ. Отраженный съ потерею, онъ располагался уже удалиться, какъ вдругъ, передъ глазами его, съ ужаснѣйшимъ трескомъ обвалилась часть укрѣпленїй, которая до сихъ поръ противостояла всемъ усилїямъ его артиллерїи. — Взорвало пороховой магазинъ и этимъ открыло ему дорогу въ проломъ. Осажденные, видя невозможность защищаться, рѣшились проложить себѣ дорогу между

рядами Турокъ до Магона, взявъ съ собою женъ, дѣтей и стариковъ въ чемъ и успѣли, съ большою однакожь потерею. Тогда Мустафа-паша ринулся въ опустѣвшій городъ и разграбилъ его, потомъ съѣлъ на суда съ своею добычею. Въ это время Турки не знали другой войны на морѣ, кромѣ подобныхъ разбойничьихъ набѣговъ. Не смотря на это, Мустафа такъ же хорошо былъ принятъ на Марсельскомъ рейдѣ, гдѣ запасался съѣстными припасами, какъ, 12 лѣтъ тому назадъ, Гаріаданъ Барбарусса.

Разграбленіе Сіудаделлы причинило жестокое огорченіе Карлу V. Почти въ то же время онъ узналъ, что герцогъ Гизъ вошелъ въ Тіонвилль, который храбро защищалъ брабантскій капитанъ Іоаннъ Кадериббъ, и еще храбрѣе атаковали Балафорѣ, Віельвилль и Монлюкъ. По-этому, для него было большою радостью, когда, 30 іюля, Васкець объявилъ ему о Гравелинской побѣдѣ. Съ 17 мая, Карль V былъ въ ожиданіи важныхъ событій на фландрской границѣ. Дѣйствительно, въ этотъ день прибылъ въ Іустъ королевскій курьеръ, по прозванію Еспиноза. Отправившись изъ Брюсселя 3-го мая, онъ шелъ всю дорогу пѣшкомъ, неся написанныя цифрами депеши, которыя развивали императору весь планъ дѣйствій испанской арміи. «Такъ какъ императоръ хорошо почивалъ эту ночь, писалъ Газтелю отъ 18 числа, то онъ захотѣлъ самъ разспросить Еспинозу, которому пришлось отвѣчать на такое множество вопросовъ, какого не дѣлали даже мудрой дѣвицы Θεодоръ». Эти литературные намеки встрѣчаются довольно рѣдко въ политической перепискѣ Газтелю. Дѣвица Θεодора была героиня сказки, въ то время народной; а въ слѣдующемъ столѣтіи Лопецъ де-Вега вывелъ на сцену въ одной изъ своихъ комедій эту прекрасную невольницу разорившагося купца, отвѣчающую на всѣ вопросы мудрыхъ тунисскихъ улемовъ, съ такою чудесною ученостію, что мавританскій король купилъ ее цѣною, возстановившею состояніе ея прежняго господина. Если бы послѣдовали совѣтамъ, которые Карль V тотчасъ же продиктовалъ своему секретарю, то Гравелинская побѣда была бы слишкомъ достаточнымъ вознагражденіемъ за потерю Тіонвилля; она могла бы возвратитъ Кале Англии. Французскій генераль, претерпѣвшій пораженіе, былъ герцогъ де-Термъ, назначенный герцогомъ Гизомъ губернаторомъ этого города. Старый генераль, полный юношескаго жара и недавно пожалованный въ маршалы, желалъ оправдать новыми блестящими подвигами повышеніе, которымъ былъ обязанъ своимъ заслугамъ. Принявъ начальство надъ гарнизономъ города и надъ другими отрядами, расположенными въ окрестностяхъ Кале,

онъ двинулся къ Дюнкирхену, взявъ его, потомъ пошелъ къ Бергену, которій также взялъ; какъ вдругъ показался графъ Эгмонтъ съ превосходными силами; маршалъ благоразумно отступилъ въ направлении къ Гравелину, но былъ настигнуть Эгмонтомъ въ ту самую минуту, когда готовился переправиться черезъ Аа. Не желая, чтобы могли подозрѣвать его въ намѣреніи обратиться въ бѣгство, онъ рѣшился принять сраженіе, избравъ выгодную позицію, гдѣ устье рѣки защищало его тылъ. Оба войска, равно одушевленные, одно—надеждою сохранить свою добычу, другое—желаніемъ снова овладѣть ею,—сражались съ ожесточеніемъ, которое дѣлало сомнительнымъ ходъ битвы. Однако же всѣ выгоды были на сторонѣ Французовъ. Вдругъ, батарея, закрытая туманомъ и дымомъ, начала изрыгать ядра на линію войскъ, которую Термесь считала защищенною рѣкою. Англійская эскадра, крейсировавшая у береговъ подъ начальствомъ адмирала Мэлейна, услышала первые выстрѣлы сраженія, и на всякій случай вошла въ устье Аа. Эгмонтъ, пользуясь неожиданною помощію и въ особенности безпорядкомъ, причиненнымъ въ послѣднихъ рядахъ Французовъ, командовалъ нападеніе, которое довершило ихъ пораженіе. Больше полуторы тысячъ человекъ были убиты на мѣстѣ, или утонули въ рѣкѣ. Тѣ, которые надѣялись спастись въ разсыпную, пали подъ ударами крестьянъ, прибѣжавшихъ принять участіе, не въ сраженіи, а въ грабежѣ. Артиллерія досталась въ руки Эгмонту, и раненный маршалъ Термесь вынужденъ былъ отдать свою шпагу молодому сопернику, болѣе счастливому, но не болѣе храброму, нежели какимъ показалъ себя въ этотъ день старый генераль. «Рана, нанесенная Сенъ-Кентенскимъ пораженіемъ, раскрылась прежде, нежели успѣла закрыться», говоритъ историкъ Матьё. За то, судя о положеніи дѣлъ съ своею опытностію и своимъ орлинымъ взглядомъ, Карль V говорилъ: «превосходный случай идти изъ Гравелина прямо на Кале!» Экспедиція маршала необходимо должна была уменьшить гарнизонъ. Сама принцесса Жуана, съ воображеніемъ, достойнымъ дочери Карла V, нѣсколько дней спустя, поздравляла его съ тѣмъ, что носились слухи, будто бы и самъ герцогъ Гизъ, въ свою очередь, допустилъ разбить себя: «слухъ еще не совсѣмъ достовѣрный, прибавляетъ она; но я передаю его Вашему Величеству по-тому, что это пріятная новость и вещь очень возможная». Кихада, вполне раздвѣлая радость своего государя, также разсуждалъ о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ побѣды, дѣлалъ замѣчанія на списокъ главнѣйшихъ пльнниковъ, писалъ къ Васкецу, что нѣкоторые изъ нихъ были ему знакомы; между прочимъ одинъ г. де-Вилльбоннъ, «славная добыча для того, кому онъ до-

стался, потому что за выкупъ его легко можно получить отъ 12 до 15 тысячъ ефимковъ». «Я и самъ однажды, прибавляетъ Кихада, чуть-чуть не сдѣлалъ его своимъ плѣнникомъ, только шпионъ мой уведомилъ меня двумя часами позже». Эта удача въ военныхъ предпріятіяхъ, послѣдняя, которая порадовала сердце императора, не запретила ему замѣтить маленькую непріятность въ своемъ домашнемъ быту: въ одну ночь всѣ дыни его померзли: «какая жалость! восклицаетъ онъ, съмена были такія отличныя!»

До конца августа, въ Іустъ, безпрестанно смѣнялись одни другими знаменитые постѣтители; это доказывало экс-императору, что, снявъ съ себя свой послѣдній титулъ, онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ въ своемъ уединеніи всѣхъ приверженцевъ, болѣе или менѣе безкорыстныхъ. Между прочимъ, онъ принималъ своего стараго хозяина, графа Оропезе, съ братомъ и двумя сыновьями; доня Люнса де-Авила, епископа кордуанскаго, доня Педро Манрика, старика графа Урузна; и пр. и пр. Графъ Оропезе проводилъ это лѣто въ замкѣ своемъ, Харандиль; епископъ кордуанскій пріѣзжалъ благодарить императора за недавнее повышение, (онъ былъ прежде епископомъ города Авиль); донъ Педро Манрикъ, представитель города Бургоса въ собраніи кортесовъ, просилъ и получилъ рекомендательное письмо къ Филиппу II-му; донъ Люисъ д'Авила, губернаторъ замка Пласенціи, могъ разнообразить обыкновенный разговоръ о своихъ походахъ случайностями тяжелаго дѣла; чтобы выиграть его, онъ, безъ сомнѣнія, не отказался бы отъ покровительства цезаря, котораго былъ привилегированнымъ исторіографомъ, хотя, по своему воинственному духу, и предпочелъ бы получить вмѣсто всякой другой милости какое-нибудь военное начальство. Дѣйствительно, провѣся слухъ, что король призываетъ его во Фландрію. Что касается до гр. Урузны, то Кихада уведомляетъ насъ, что единственною его цѣлью было удостоиться чести поцѣловать руку императора; но этотъ придворный, который не просилъ никакой милости, поставилъ въ большое затрудненіе дворецкаго, пріѣхавши ночью съ шумною свитою, которую едва могли размѣстить. Карль V, тронутый этимъ изъявленіемъ преданности, не взирая на суету и громъ, его сопровождавшіе, никакъ не хотѣлъ огорчить стараго графа, давъ ему понять, что такая церемоніальность въ уединеніи, въ которомъ онъ жилъ тогда, нѣсколько походила на нескромность. Графъ Урузна ухмалъ, счастливый и гордый ласковымъ пріемомъ своего бывшаго государя. Пріемъ еще болѣе благосклонный былъ сдѣланъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, дону Гарсилесо де ла

Вега, брату или племяннику воинственного Петрарки Испаніи, и который, исполнив должность посланника Филиппа II при папском дворе, был посаженъ въ темницу необузданнымъ Павломъ IV, вопреки всѣмъ правамъ народовъ. Онъ гостилъ въ Луствъ болѣе недѣли, рассказывая Карлу V козни италянскон политикн. Когда онъ уезжалъ, императоръ далъ ему особое порученіе къ королеву венгерской. Карлъ V желалъ вторично ввѣрить ей управление Нидерландами въ отсутствіе Филиппа, который сгаралъ нетерпѣніемъ возвратиться въ Испанію. Ни одинъ изъ этихъ посѣтителей не замѣтилъ, чтобы недуги и суровый образъ жизни ослабили, какъ утверждали нѣкоторые, разумъ Карла V. Ихъ мнѣніе не раздѣлялъ также и о. Францискъ Борджіа, имѣвшій съ Карломъ V, въ теченіе лѣтъ, частыя назидательныя бесѣды, изъ которыхъ біографы и повѣренные этого знаменитаго святостью мужа, къ-несчастію, передали намъ одни отрывки. Приведемъ слѣдующій замѣчательный разговоръ: благочестивый императоръ изъявлялъ сожалѣніе, что слабость здоровья не позволяла ему подражать о. Франциску въ безпрестанномъ умерщвленіи плоти. «Я не могъ бы, отецъ мой, говорилъ онъ, ни поститься какъ вы, ни выносить на моемъ измученомъ тѣлѣ суровой власяницы, которая не покидаетъ васъ ни днемъ, ни ночью.» — «Государь, отвѣчалъ о. Францискъ, вы не можете спать въ власяницѣ, потому что прежде слишкомъ часто проводили безсонныя ночи въ полномъ вооруженіи. Господь зачтетъ вамъ въ истинную заслугу эти рыцарскія бдѣнія, въ продолженіе которыхъ вы лучше служили Ему въ своей воинской одеждѣ, нежели монахи въ своей рясы». Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ отвѣтъ о. Франциска воспоминаніе придворной жизни, или благочестивую лесть іезуита. О. Францискъ-грѣшникъ, какъ монахъ, жившій въ свѣтѣ, умѣлъ цвннть разныя обязанности и пожертвованія, которыя христіанская религія возлагаетъ на каждаго, сообразно съ его состояніемъ и призваніемъ. Намъ кажется также, что этотъ разговоръ служить достаточнымъ опроверженіемъ тѣмъ, которые полагаютъ, что Карлъ V считалъ обязанностію обогащать свою кровію дисциплины, завѣщанныя имъ вмѣстѣ съ скипетромъ Филиппу II и его преемникамъ.

Невозможно, чтобы въ послѣднихъ совѣщаніяхъ императора съ другомъ его іезуитомъ не было упоминаемо и о заговорѣ лютеранъ, котораго открытіе занимало тогда столь сильно Карла V, и въ которомъ послѣдователи Игнатія Лойолы едва не были замѣшаны доносами, болѣе или менѣе правдивыми. Біографы о. Франциска не изъясняютъ намъ, какимъ образомъ одно изъ благочестивыхъ тво-

решеній этого монаха (*Ougas del christiano*) было означено, какъ противное православію, вмѣствъ съ Катихизисомъ Карранцы въ *Index expurgatorius*, составленномъ въ 1559 г. великимъ инквизиторомъ. Мы заключаемъ изъ этого, что о. Францискъ не разделялъ ненависти Вальдеца къ новому архіепископу толедскому, который, наконецъ, прибылъ въ Вальдолидъ, и котораго со дня на день ожидали въ Густъ. Человѣколюбіе заставляетъ предполагать, что іезуитъ, самъ подпавшій подозрѣнію, по крайней мѣрѣ уклонился отъ отвѣта, когда императоръ сообщилъ ему внушенныя ему подозрѣнія, или, быть можетъ, далъ ему даже прочесть странный параграфъ въ длинномъ письмѣ своей дочери, правительницы. Поговоривъ отцу о предположеніи перенести дворъ изъ Вальдолида въ Толедо, Мадридъ, или другое мѣсто, чтѣ очень было неприятно нѣкоторымъ старымъ членамъ совѣта, о намѣреніи своемъ навѣстить его вмѣствъ съ теткою своею королевою венгерскою и юнымъ донъ-Карлосомъ, о которомъ снова была рѣчь, чтобы его воспитывать на глазахъ дѣда въ монастырь, — принцесса оканчиваетъ письмо слѣдующею припискою:

«Я и забыла сказать Вашему Величеству: архіепископъ севильскій (великій инквизиторъ Вальдець) просилъ меня предупредить Ваше Величество о томъ, что лютеране говорили нѣкоторыя странныя вещи объ архіепископѣ толедскомъ, и что Ваше Величество должны быть съ нимъ крайне осторожнымъ. До сихъ поръ, нѣтъ еще ничего важнаго; однакожъ, онъ сказалъ мнѣ, что, если бы дѣло шло о комъ другомъ, то его уже давно бы взяли. Но за нимъ будутъ наблюдать строже, и если что откроется, донесутъ Вашему Величеству».

Послѣ этого увѣдомленія, понятно, что до пріѣзда архіепископа Карль V безпрестанно напоминаетъ въ письмахъ своихъ, чтобы ему сообщали болѣе подробныя извѣстія о церковномъ сановникѣ, который вѣхалъ къ нему отъ имени короля, сына его, и которому сама правительница поручила изъяснить Карлу V семейныя огорченія королевы богемской.

Между тѣмъ, примасъ Испаніи и не подозрѣвалъ кововъ, которые противъ него составлялись. Онъ привезъ съ собою свой катихизисъ, напечатанный въ Антверпенѣ на испанскомъ языкѣ, и какъ прежде возведеніи своего въ санъ архіепископа толедскаго издалъ трактатъ «О пребываніи епископовъ въ ихъ епархіяхъ», то и спѣшилъ исполнить всѣ возложенныя на него порученія, чтобы совѣстливымъ образомъ привести въ дѣйствіе изложенныя имъ правила въ своей

собственной епархіи. Между тѣмъ какъ Карль V удивлялся, отъ чего архіепископъ до сихъ поръ къ нему не ѣдетъ, не зная, что великій инквизиторъ коварно удерживалъ эту важную жертву, чтобы удобнѣе наблюдать за нею, Вальдець приглашалъ Карранцу засѣдать въ таинственномъ судилищѣ, требовалъ совѣтовъ отъ его усердія и опытности, заставляя его рассказывать себѣ, какъ онъ поступалъ съ еретиками во Фландріи и Англіи, однимъ словомъ, принималъ всѣ мѣры, чтобы накопить обвиненія и выставить ихъ разомъ, когда наступитъ благопріятная минута. Такимъ образомъ, опутанный сѣтями невидимаго кова, примасъ могъ отправиться въ Іустъ не прежде сентября мѣсяца, т.-е. тогда, когда Карль V, уже 20 дней пораженный смертельною болѣзнію, не имѣлъ болѣе силъ объясниться съ нимъ ни о таинственномъ обвиненіи инквизиціи, ни о порученіяхъ, данныхъ ему его сыномъ и дочерью. Въ половинѣ августа, д-ръ Матисъ узналъ, что здоровье его августѣйшаго пациента испытало новыя измѣненія, и замѣтилъ многіе признаки, которые не на шутку его встревожили. Съ наступленіемъ жаровъ, Карль V почувствовалъ сильный зудъ въ ногахъ, и хотѣлъ освободиться отъ этого непріятнаго ощущенія посредствомъ чистительныхъ и холодныхъ ваннъ, которыя и успокоили его, но не иначе, какъ на счетъ желудка; также онъ не разъ спалъ, выставивъ ноги съ постели и съ открытыми окнами для освѣженія своей комнаты. Однимъ словомъ, онъ могъ упрекать себя во многихъ неосторожныхъ поступкахъ, какъ всѣ больные, которые больше привыкли исполнять свою собственную волю, нежели волю доктора. Быть можетъ, нѣкоторыя предчувствія пробуждали въ немъ чаще тѣ грустные воспоминанія, къ которымъ, впрочемъ, онъ любилъ уноситься, отъ времени до времени, въ своихъ религіозныхъ размышленіяхъ. Летописецъ пріоръ Мартынъ Ангуло рассказываетъ, что, однажды, онъ разговаривалъ съ большою короткостью съ Николаемъ Берингомъ, своимъ брادرвѣемъ, старымъ служителемъ веселаго нрава. Онъ сказалъ ему: «Мистеръ Берингъ, знаешь ли, о чемъ я думаю?— О чемъ, государь? отвѣчалъ Николай.— Я думаю, продолжалъ Карль V, что у меня набралось теперь тысячи двѣ кронъ экономическихъ денегъ, и рассчитываю, какъ бы ихъ лучше употребить для моихъ похоронъ!—Ваше Величество напрасно изволите беспокоиться, возразилъ Берингъ: если бы вы умерли, а мы васъ пережили, то мы и сами умѣли бы распорядиться.— Ты худо меня понялъ, сказалъ императоръ: когда мы отправляемся въ путь, то большая разница, сзади ли у насъ свѣтъ, или впереди». Вслѣдствіе этого разговора онъ и приказалъ отслужить въ-скорости панихиду по своимъ усопшимъ родителямъ и по себѣ самомъ.

По словамъ летописи, этотъ разговоръ происходилъ за недѣлю до того времени, какъ императоръ слегъ въ постель и уже не вставалъ больше. Незвѣстный монахъ, съ своей стороны, рассказываетъ другую сцену въ такомъ же родѣ, гдѣ однимъ изъ говорящихъ былъ о. Жуанъ де ла Регла. «Отецъ мой, сказалъ Карль V духовнику своему, я чувствую себя здоровымъ и совершенно облегченнымъ отъ моихъ страданій. Какъ вамъ кажется? Не заказать ли мнѣ панихиды по моимъ предкамъ и по государынѣ императрицѣ?» О. Жуанъ тѣмъ болѣе одобрялъ это намѣреніе, продолжаетъ летописецъ, что Его Величество, на этотъ разъ, самъ лично могъ присутствовать при церемоніи; изъ чего слѣдуетъ заключить, что подобная служба была уже совершаема и безъ него. «Ну такъ, сказалъ императоръ, пусть завтра же исполнять это поминовеніе», и онъ захотѣлъ, чтобы, кромѣ общей службы, была пропѣта обѣдня для каждаго изъ усопшихъ въ особенности. Все было исполнено, какъ онъ приказывалъ, и онъ самъ сошелъ съ своего мѣста и преклонилъ колѣна у алтаря. «По окончаніи службы, продолжаетъ монахъ, императоръ опять обратился къ о. Жуану: «Отецъ мой, сказалъ онъ ему, я желалъ бы также отслужить панихиду и по себѣ самомъ и присутствовать при ней... Чтѣ вы на это скажете?» О. Жуанъ, тронутый до слезъ, отвѣчалъ: «Пусть Ваше Величество живетъ еще многія лѣта, какъ мы всѣ того желаемъ, и сохрани Боже, чтобы Ваше Величество возвыщали свою смерть прежде времени!»—«Но, возразилъ Карль V, не была ли бы такая служба спасительна для души моей?»—«Конечно, отвѣчалъ духовникъ, всякое дѣло благочестивое, и выполненное съ должнымъ благоговѣніемъ, полезно для спасенія души нашей».—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Карль V, пусть все будетъ готово къ нынѣшнему же вечеру.»

Перевѣтъ на минуту разсказъ, который, до самаго этого параграфа, не только опирается на другія достовѣрныя повѣствованія, но, сверхъ того, заключаетъ въ себѣ всѣ условія правдоподобнаго. Замогильные образы, призраки *царя ужасовъ* и мрачныя картины похоронъ не внушали Карлу V того невольнаго трепета, который былъ слабостію многихъ умовъ важныхъ или легкомысленныхъ, и, въ томъ числѣ, слабостію государя великаго въ другихъ отношеніяхъ: Людовикъ XIV не могъ видѣть даже издали, не отворачиваясь, колокольни царской усыпальницы, гдѣ гробъ отца ожидалъ его гроба на порогъ мрачнаго склепа. Карль V, напротивъ того, съ младенчества ознакомился съ эмблемами и печальною дѣйствительностію послѣдняго часа. Онъ былъ сынъ испанской Артемизы, королевы,

торая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжала похороны Филиппа Прекраснаго, и, ревнуя къ мавзолею, желала ни минуты не терять изъ вида погребальной колесницы, на которой изъ города въ городъ возила тѣло своего супруга. Прадѣдъ его Максимилианъ, въ послѣдніе 4 года своей жизни иначе не путешествовалъ, какъ въ сопровожденіи своего гроба, который многіе считали сундукомъ, наполненнымъ казною, и съ которымъ онъ часто разговаривалъ, что и доставило ему славу скупаго, влюбленнаго въ свое сокровище. Самъ Карлъ V лично былъ въ безпрестанномъ общеніи съ смертію, не только посредствомъ точнаго наблюденія всѣхъ поминувенныхъ дней въ его семействѣ и чрезвычайныхъ службъ, которыя онъ отправлялъ по близкимъ ему особамъ, но еще болѣе посредствомъ ежедневной обѣдни въ память императрицы, за которой онъ присутствовалъ въ алтарь, или, если здоровье препятствовало ему это сдѣлать, за отправленіемъ которой слѣдилъ одиноко въ своей спальнѣ, всегда обитой чернымъ сукномъ, что приписывали особенной прихоти вкуса, между тѣмъ какъ это было выраженіе траура, посвященнаго подругѣ, которая ждала его на свиданіи будущей жизни. Очень естественно, что, подъ чертами этой подруги, сама смерть имѣла въ глазахъ его новую прелесть,—ту прелесть, которая открывается глазамъ челоуѣка, который, подобно Карлу V, могъ, въ продолженіе многихъ часовъ послѣ кончины, созерцать высокое спокойствіе, разлитое на лицѣ той, которую трудно было почестъ дѣйствительно лишенной жизни. Однимъ словомъ, намъ нисколько не кажется невѣроятнымъ намѣреніе Карла V получить заранѣе благодать посмертныхъ молитвъ, которымъ вѣра его приписывала особенную силу. Мы полагаемъ, что онъ дѣйствительно отдалъ приказаніе все приготовить вслѣдствіе этой рѣшимости, и что присутствовалъ при службѣ, отправленной за упокой души его. Ясно, что Робертсонъ заимствуетъ у Грегоріо Лети театральную постановку этой сцены, которая у него нисколько не согласуется съ важностію главнаго дѣйствующаго лица, тѣмъ болѣе, что едва ли Карлъ V могъ выполнить роль, которую ему приписываютъ, съ малыми физическими силами, которыя недуги оставили его преждевременной старости. Слогомъ болѣе сообразнымъ съ здравымъ смысломъ, нежели списыватели, которые его передѣлывали, шотландскій историкъ описываетъ намъ прежде всего, какъ Карлъ V уже съ полгода вдаялся въ суевѣрные обряды, отказывался отъ всякаго другаго общества, кромѣ общества монаховъ, безпрестанно пѣлъ съ ними духовныя пѣсни, обаялъ дисциплину своею кровію, и потомъ, какъ будто умерщвленіе плоти и молитвы казались ему недостаточными, взду-

малъ заслужитъ благоволеніе Небесъ поступкомъ страннымъ, не слышаннымъ, подобнымъ тѣмъ, которые зараждаются въ умахъ слабыхъ и разстроенныхъ.

«Онъ рѣшился, продолжаетъ Робертсонъ, прежде своей смерти исполнить обрядъ своего собственнаго погребенія. По его приказанію, въ часовнѣ монастыря былъ воздвигнутъ балдахинъ. Служители его отправились туда погребальнымъ ходомъ, съ черными свѣчами въ рукахъ. За ними слѣдовалъ самъ Карль V, одѣтый въ саванъ. Его положили въ гробъ съ большою торжественностію, потомъ начали отпѣваніе. Карль присоединилъ свои молитвы къ тѣмъ, которыя читались за спасеніе души его, и смѣшивалъ слезы свои съ тѣми, которыя проливали чиновники его дома, какъ будто бы они присутствовали при настоящихъ похоропахъ. Церемонія кончилась тѣмъ, что гробъ, по обыкновенію, окропили святою водою; потомъ все присутствующіе разошлись, и двери часовни заперли. Тогда Карль всталъ изъ гроба и отправился въ свои покои, полный тѣмъ чувствомъ ужаса, который эта странная церемонія слишкомъ была способна внушить; но утомленіе отъ продолжительной службы и впечатлѣніе, произведенное на его душу образомъ смерти, такъ его разстроили, что на другой же день его схватила сильная лихорадка. Ослабшее сложеніе не могло устоять противъ жестокой болѣзни.»

Мы думаемъ, что уже заранѣе опровергли все то, что въ этомъ разсказѣ кажется несообразнымъ съ твердостію души, сохраненною Карломъ V до послѣдней минуты, съ его характеромъ, привычками всей его жизни, съ чувствами его, какъ челоуѣка и христіанина, и мыслями о смерти и погребеніи. Нѣкоторымъ писателямъ, картина, представленная историкомъ Робертсономъ, показалась еще не довольно мелодраматическою; они украсили ее нѣкоторымъ родомъ фантазмагоріи, сравнивая императора съ привидѣніемъ, испуганнымъ своимъ собственнымъ призваніемъ и вскакивающимъ изъ гроба въ бреду горячки (*). Другіе сдѣлали изъ этой сцены

(*) Вотъ одинъ изъ этихъ украшенныхъ отрывковъ, взятый изъ сочиненія объ *Испанской монархіи*, пользующагося уваженіемъ: «Суровая жизнь и болѣзни наконецъ ослабили способности его ума, который все болѣе и болѣе становился мрачнымъ. Однажды, 20 сентября 1558, въ припадкѣ черной меланхоліи, ему пришло на мысль быть свидѣтелемъ своего собственнаго погребенія. По его приказанію, с. іустскіе монахи исполнили плачевную церемонію въ часовнѣ монастыря, между тѣмъ какъ Карль V, обернутый въ

шутовскую комедию, въ которой самъ Карль V не находилъ ничего серьезнаго. Лѣтописецъ орд. св. Иеронима, кажется намъ, одинъ остался въ границахъ правдоподобности, если не буквальной истины, говоря просто, что во время пѣнія псалмовъ и въ ту минуту, когда тѣло спускають въ склепъ, Карль V, въ глубокомъ траурѣ, передалъ свою зажженную свѣчу въ руки священнодѣйствовавшему, который, такимъ образомъ, какъ будто принялъ аллегорически, во имя Господа, душу, которую церковь поручала божественному милосердію (*). Очевидно, что въ монастырской часовнѣ, 30 августа 1558 г., не происходило ничего болѣе, кромѣ этой простой церемоніи; если бы тутъ случилась какая-нибудь сцена болѣе необыкновенная, сцена, которая растрогала бы Карла V до того, что съ нимъ сдѣлалась лихорадка, то служители его узнали бы и говорили объ ней, хотя бы сами тутъ и не присутствовали. Они ничего не сказали о службѣ, совершенной въ этотъ день, какъ не сказали ничего и о службѣ 1-го мая въ день смерти императрицы. Объ ней ничего не упоминается и въ письмѣ отъ 31 августа доктора Матиса, посланнаго Карломъ V навѣстить графа Оропеза, который занямогъ въ своемъ замкѣ. Докторъ, возвратясь вечеромъ, нисколько не нашелъ въ императорѣ болѣе волненія, нежели наканунѣ. Матисъ писалъ просто секретарю Васкецу де-Молина, что императоръ обѣдалъ на западной террасѣ и неосторожно подвергнулся отраженію пламеннаго солнца. Карль V кушалъ мало и съ неохотою; ночью онъ дурно спалъ, и, вставши, чувствовалъ жаръ и жаловался на необыкновенную жажду. Въ этотъ день, также какъ наканунѣ, онъ прельстился солнечнымъ днемъ, и съѣлъ на террасѣ, задумчиво

саванъ и лежащій въ гробъ, присоединялъ свой слабый голосъ къ голосу монаховъ, которые пѣли погребальную службу. Послѣ отпуска всѣ присутствовавшіе разошлись и оставили въ церкви одного государя, который хотѣлъ испытать свою душу этимъ ужаснымъ образомъ смерти. Желаніе его исполнилось; существо его, такъ сказать, не принадлежало болѣе землѣ. Поднявшись, какъ *привидѣніе*, онъ преклонилъ колѣна передъ алтаремъ; потомъ, впалъ въ *ужасный бредъ* и сильнѣйшую горячку, и едва добрелъ до своей кельи, гдѣ на другой день и умеръ. Такъ скончался, 58 лѣтъ отъ рода, величайшій изъ государей, которыми славится Испанія, и одинъ изъ совершеннѣйшихъ монарховъ новѣйшихъ временъ.» (*Конституціонная исторія Испанской монархіи, гр. Викт. Дюгамелля*).

- (*) Кошуа-Лемаръ, сказавъ, что Карль V ничего по себѣ не оставилъ, прибавляетъ: «Ничего,—мы ошибаемся: онъ оставилъ Филиппа II... Наслѣдникъ затворника, болѣе нежели гигантскаго императора, онъ *принялъ въ серьезную сторону похоронную роль, разыгранную въ шутку* Карломъ V, промѣнявшимъ *вѣнецъ на ясу* въ минуту пресыщенія и въ припадкѣ развращенной наклонности къ странной славы. (*Введеніе въ исторію революціи 1830 г.*).

смотря на садъ свой, и на ландшафтъ, простирающійся за предѣлами монастыря, и своими разнообразными видами вознаграждавшій его созерцаніе, когда прогулка была ему запрещена; по временамъ, взоръ его, устремленный къ сторонамъ двора, казалось, грустно вопрошалъ стрѣлку часовъ, которыми украсилъ его Джованни-Горриано; но никто не слышалъ отъ него ни въ этотъ, ни въ какой-нибудь другой день, тѣхъ философическихъ разсужденій о часахъ, которыя ему приписываютъ (*). Имѣлъ ли онъ смутное предчувствіе смертной болѣзни, или она возмущалась ему физическимъ образомъ возвращеніемъ озноба, только, прежде нежели онъ удалился въ свои комнаты, изъ которыхъ ему уже не суждено было выходить живому, онъ потребовалъ, чтобы ему принесли одинъ изъ портретовъ императрицы, и долго смотрѣлъ на него; потомъ захотѣлъ также видѣть, въ томъ же освѣщеніи, двѣ маленькія картины Тиціана, *I. Христосъ въ Элеонскомъ саду* и *Страшный судъ* въ сокращенномъ видѣ, а, можетъ быть, и первоначальный рисунокъ этой прекрасной сцены, наброшенный великимъ художникомъ, какъ будто бы онъ желалъ за-разъ наслаждаться всѣмъ, что наиболее любилъ, чему наиболее удивлялся въ своей отшельнической жизни, образомъ своей милой Изабеллы, божественнымъ искусствомъ живописи и природою, освѣщенною заходящимъ солнцемъ Испаніи. Безымянный монахъ, описывая этотъ родъ прощанія Карла V съ живописными окрестностями Веры, съ портретомъ императрицы и съ творческою кистию любимаго художника, говоритъ простодушно, что въ то время, какъ онъ предавался своимъ мыслямъ, имъ овладѣлъ ознобъ еще сильнѣе вчерашняго, и прибавляетъ: «Если одно подобіе Страшнаго суда, изображенное на полотнѣ, такъ сильно на него подѣйствовало, что причинило ему возвратъ болѣзни, то чтò же онъ долженъ былъ чувствовать, 20 дней спустя, когда дѣйствительно предсталъ передъ судилище Божіе.»

Карла V перенесли въ спальню, гдѣ вечеромъ, около 7 часовъ, докторъ нашелъ въ немъ первые признаки гнилой горячки (*calentura putrida*), и рѣшилъ, что должно пустить ему кровь; но ни въ этомъ письмѣ, ни въ другомъ, которое онъ послалъ въ Вальядолидъ и въ которомъ подробно описываетъ болѣзнь Карла V, причины ея и правила, по которымъ лечилъ ее, Матисъ не говоритъ ни слова о экзальтациі, произведенной сценою, по крайней мѣрѣ, преувели-

(*) Не глупъ ли я былъ, что потратилъ столько людей и денегъ, желая принудить къ согласію различныя религіозныя секты, когда такъ трудно заставить идти одинаково двое часовъ. *Мэколэ.*

чевною, мнимыхъ похоронъ. Онъ даже не упоминаетъ о болѣе пріятномъ потрясеніи, причиненномъ созерцаніемъ портрета императрицы, ландшафта Веры и образцовыхъ произведеній Тиціана; а продолжаетъ утверждать, что отраженіе солнца на бѣлой стѣнѣ монастыря одно могло причинить сильную головную боль и, въслѣдствіи, горячку, которую онъ еще надѣялся прервать обильнымъ кровопусканіемъ.

IX.

Въ продолженіе 20 дней, отъ 1-го и до 21 сентября, процесса правительница и Филиппъ II извѣщаются о малѣйшихъ признакахъ болѣзни императора письмами д-ра Матиса, Газтелю и Кихады;—этотъ троякій, почти ежедневный бюллетень дополнялся менѣе правильными письмами главныхъ постытелей царственного больного и рассказомъ некоторыхъ монаховъ; но ни одинъ изъ Иеронимитовъ, за исключеніемъ духовника, не могъ сказать, чтобы онъ проводилъ по нѣскольку часовъ каждый день и каждую ночь въ комнату Карла V-го, какъ докторъ, политическій секретарь и преданный дворецкій; послѣдній, съ 7 сентября уже не возвращался почевать въ селеніе Квакосъ, рѣшившись не терять болѣе изъ вида того, кому служилъ съ самаго дѣтства. Мы должны здѣсь замѣтить, что собственно такъ называемые служители императора всегда завидовали сношеніямъ Иеронимитовъ іустскихъ съ ихъ государемъ. Эта ревность обозначилась еще явственнѣе въ этомъ случаѣ, и они допускали къ постели больного только тѣхъ, у которыхъ онъ самъ спрашивалъ духовной помощи.

1 сентября, Карлъ V, хотя не чувствовалъ себя хуже, чѣмъ наканунѣ, и хотя лихорадка казалась слабѣе, понималъ всю опасность своего положенія, потому что началъ говорить о томъ, чтобы привести въ порядокъ статьи дополнительнаго завѣщанія, уже отчасти написанныя. Эту озабоченность докторъ Матисъ въ письмѣ своемъ къ Васкецу приписываетъ страху; но страхъ Карла V-го былъ не столько выраженіемъ того, что обыкновенно называется боязнью смерти или мнительностію больного, сколько выраженіемъ его постоянной опытности и предусмотрительности.

2 сентября, у него былъ продолжительный ознобъ и жажда. Кихада предложилъ призвать докторовъ изъ Вальядолида. Карлъ V сказалъ, что нисколько не желаетъ собирать ихъ вокругъ себя въ такомъ множествѣ, а позволилъ только написать къ доктору Корпелію, который уже лечилъ его. Между тѣмъ, докторъ Матисъ пустилъ ему кровь.

3 сентября, Карль V объявилъ, что чувствуетъ себя лучше послѣ кровопусканія; это ободрило доктора пустить ему еще кровь изъ руки. Онъ заставилъ Газтелю читать себѣ статьи завѣщанія, относящіяся до его домашнихъ. Онъ исповѣдался и причастился.

4 сентября, головная боль уменьшилась, и такъ какъ докторъ приписывалъ это кровопусканію, то и больной и онъ самъ пожелалъ, чтобы выпустили еще больше крови. Кихада, мало успокоенный облегченіемъ, которое чувствовалъ Карль V, ожидалъ съ безпокойствомъ доктора Корнеліо. Для удовлетворенія своей жажды, Карль V, какъ истинный фламандецъ, потребовалъ, чтобы ему позволили выпить стаканъ пива.

5 сентября, докторъ Матисъ далъ больному пилюли изъ ревеня, и благотворныя дѣйствія его описываетъ въ донесеніи своемъ въ Вальядолидъ со всею роскошью медицинскихъ терминовъ. Карль V, чрезвычайно довольный этимъ лекарствомъ, приказалъ, что, если курьеръ, отправленный къ дочери его правительницѣ, встрѣтитъ на пол-дорогѣ доктора Корнеліо, то сказалъ бы ему, чтобы онъ не ѣздилъ далѣе, а воротился назадъ. Кихада, которому поручено было исполненіе этого приказанія, писалъ къ Васкецу: «Я постараюсь, чтобы курьеръ не встрѣтился съ докторомъ, или встрѣтился такъ близко къ Густу, чтобы докторъ не могъ безъ нарушенія приличій отказаться отъ продолженія своего пути.»

6 сентября, лихорадка усилилась; а послѣ обѣда открылся бредъ. Изъ Вальядолида прибылъ нарочный, съ королевскою грамотою, которая давала Газтелю право составить духовное завѣщаніе, точно такъ, какъ бы сдѣлалъ присяжный нотаріусъ. Принцесса правительница и знатнѣйшіе вельможи изъявляли все огорченіе, которое причиняла имъ болѣзнь императора. Принцесса просила позволенія прѣхать повидаться съ отцемъ; но онъ не хотѣлъ дать права ни дочери, ни сестрѣ своей покидать дворъ въ этомъ случаѣ. Послѣ обѣда разразилась ужаснѣйшая гроза и помѣшала курьеру отправиться; онъ уѣхалъ уже на другой день съ двойными депешами.

7. Не было никакой перемѣны въ состояніи больного.

8. Прѣхалъ докторъ Корнеліо съ дономъ Гарсильяссо де ла Вега. Докторъ Корнеліо одобрилъ все, что сдѣлалъ его фламандскій собратъ; «Я боюсь только, прибавилъ онъ, что истощенное сложеніе больного не вынесетъ лихорадки.» Карль V съ удовольствіемъ видѣлъ возвращеніе въ Густъ Гарсильяссо де ла Вега и съ участіемъ разспрашивалъ дипломата о дочери и сестрѣ своей. Ему приятно

было слышать, что последняя уже не отказывалась ѣхать въ Нидерланды, хотя ей и очень хотѣлось повидаться прежде отъѣзда съ братомъ; но и на сей разъ Карлъ V рѣшительно воспротивился этому намѣренію. Онъ слушалъ чтеніе депешъ и разговаривалъ съ Газтелю, который составлялъ формулу завѣщанія. Послѣ обѣда новая буря потрясла всѣ зданія монастырскія; шелъ сильный дождь съ вѣтромъ, который опять задержалъ курьера.

9, Карлъ V, находясь все въ томъ же положеніи, могъ выслушать дополнительную статью къ своему духовному завѣщанію и подписать ее. Гарсилласо де ла Вега былъ однимъ изъ свидѣтелей.

Къ тягостному безпокойству, внушаемому болѣзнію Карла V-го его приближеннымъ, присоединилось еще другое: пришло извѣстіе, котораго никто не осмѣливался ему сообщить: оно слишкомъ омрачило бы послѣдніе дни государя, который не переставалъ придавать такую важность сохраненію Орана на африканской землѣ. Недалеко отъ этого завоеванія, завѣщаннаго Испаніи кардиналомъ Хименесомъ, опытный военачальникъ роковымъ образомъ позволилъ застигнуть себя въ-расплохъ вѣчнымъ непріателямъ испанскаго имени.

Графъ Алькаудете, губернаторъ Орана, видя себя начальникомъ десяти тысячнаго войска, снабженнаго полевою артиллеріею, вздумалъ пойти на Мостаганемъ и овладѣть имъ. Онъ заключилъ договоръ съ фецкимъ деемъ, который показалъ видъ, что предпочитаетъ союзъ Испаніи алжирскому владычеству, и отправилъ экспедицію морскимъ берегомъ въ сопровожденіи 9 бригантинъ, нагруженныхъ оружіемъ и съѣстными припасами. Но нападеніе на Мостаганемъ было отражено: фецкій дей, безъ зазрѣнія совѣсти измѣняя союзнику христіанину, былъ за-одно съ Алжирцами; они овладѣли конвоемъ и преслѣдовали Испандевъ, которыхъ отступленіе скоро превратилось въ бѣгство. Гассанъ-Паша, сынъ знаменитаго Барбаруссы, начальствовалъ вмѣстѣ и турецкимъ войскомъ и многими племенами кочующихъ Арабовъ. Армія графа Алькаудете, которой грозили мечъ Турокъ и копьѣ Бедуиновъ, была поражена паническимъ страхомъ у самыхъ воротъ Мазаграна. Напрасно графъ старался ободрить ее: онъ былъ опрокинутъ и задавленъ ногами бѣглецовъ, изъ которыхъ немногіе могли возвратиться въ Оранъ, съ вѣстію о смерти начальника. Мавры и Арабы начали брать въ плѣнъ тогда только, когда устали рѣзать христіанъ. Въ ихъ руки попался и сынъ графа, донъ Мартинъ Кордуанскій, который получилъ свободу за огромный выкупъ; со временемъ ему

также предназначено было сдѣлаться губернаторомъ Орана и отмстить за смерть отца своего. Какое огорченіе испыталъ бы Карль V, если бы могъ слышать печальныя разсужденія Гарсилльеса де ла Вега и Кихады объ этомъ несчастіи, которое напомнило имъ, что въ превратностяхъ африканскихъ войнъ, императоръ, завоевавши славнымъ образомъ Тунисъ, самъ претерпѣлъ пораженіе подъ стѣнами Алжира. Къ счастью для плѣнниковъ, взятыхъ Маврами, Карль V въ завѣщаніи своемъ отказывалъ 10 тысячъ червонцевъ на выкупъ христіанскихъ невольниковъ и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые взяты въ плѣнъ, сражаясь подъ знаменами Испаніи.

10 сентября, Карль V жаловался на чрезвычайную слабость: онъ снова исповѣдался и причастился; потомъ простился съ Гарсилльесо, еще разъ радуясь въ его присутствіи, что королева венгерская согласилась замѣнить Филиппа II въ Нидерландахъ, и изъявилъ желаніе, чтобы докторъ Корнеліо сопровождалъ ее въ Брюссель. Не смотря на это, Кихада писалъ къ Васкецу де Молина, чтобы онъ прислалъ ему наставленіе на случай кончины Его Величества.

Въ этомъ же письмѣ, вѣрный дворецкій говоритъ о дополнительномъ завѣщаніи, въ которомъ онъ былъ назначенъ однимъ изъ исполнителей послѣдней воли своего государя. Этотъ документъ нисколько не измѣнялъ главнѣйшихъ распоряженій духовнаго завѣщанія, составленнаго Карломъ V-мъ, четыре года тому назадъ, въ Брюссель. Онъ поручалъ сыну своему истребить лютеранскую ересь въ Испаніи, карать виновныхъ, безъ малѣйшаго уваженія къ лицамъ, и оказывать всякую помощь инквизиціи, которой, въ особенности, поручено было слѣдствіе и исполненіе строгаго правосудія надъ еретиками; но какъ бы ни судили о подобномъ увѣщаніи, внушенномъ, какъ мы уже сказали, не столько политическою, сколько религіозною мыслію, его ни въ какомъ случаѣ не должно приписывать суевѣрію и строгости монашеской жизни, ослабившимъ его высокій разумъ; потому что, за исключеніемъ намека на послѣднія происшествія, *дополненіе* 9 сентября 1558 только слово въ слово повторяетъ то, что уже было сказано въ духовномъ завѣщаніи 6 іюня 1554, противъ такъ называемаго императоромъ *развращенія* и *отступничества* еретиковъ. Въ дополнительной же статьѣ Карль V настаиваетъ на то, что было одною изъ постоянныхъ заботъ ума его, «на соединеніе тѣла его въ одномъ гробѣ съ тѣломъ императрицы, подобно тому, какъ по его надеждѣ, въ день всеобщаго воскресенія соединятся души ихъ въ долгъ вѣчности».

Въ духовномъ завѣщаніи была назначена мѣстомъ погребенія королевская часовня въ Гренадѣ: «И чтобы возлѣ тѣла моего, говорилъ Карль, было положено тѣло императрицы, возлюбленной и дорогой супруги моей, да упокоить Господь душу ея во славу своей, и проч.» Въ дополненіи же, напомнивъ объ этомъ распорядженіи, онъ измѣняетъ его слѣдующими словами: «Говорю и объявляю, что, если я умру прежде, нежели увижусь съ сыномъ моимъ, то желаю, чтобы тѣло мое было положено въ семь упомянутомъ монастырѣ, гдѣ я хочу и приказываю, чтобы были совершены мои похороны; и чтобы въ него перенесли изъ Гренады тѣло императрицы, дорогой и возлюбленной моей супруги, чтобы мы были оба соединены тутъ».

11-го сентября снова открылась лихорадка. Донъ Луисъ д'Авила прибылъ въ Густъ и нашель императора такъ опасно больнымъ, что не захотѣлъ уже воротиться въ свой замокъ, а остался въ селеніи Квакосъ.

12 сентября Карль провелъ ночь спокойнѣе: Газтелю и Кихада, въ тѣ минуты, когда покидали комнату больного, тихонько оплакивали несчастное пораженіе близъ Орана.

13. Послѣ вчерашняго спокойствія, доктора встревожились состояніемъ пульса больного и многими другими признаками. Въ новыхъ письмахъ, принцессы изъявляли желаніе пріѣхать въ монастырь; но Кихада, хотя и не могъ уже совѣтоваться на этотъ счетъ съ Карломъ V-мъ, счелъ себя вынужденнымъ напомнить имъ, что государь его положительно противился этому посвщенію, и прибавлялъ, что если архіепископъ толедскій наконецъ и пріѣдетъ, то едва ли будетъ имѣть возможность видѣться съ императоромъ.

15. Карль V сказалъ Кихадѣ, что чувствуетъ себя весьма слабымъ, хотя дѣлаетъ все возможное, чтобы противостоятъ болѣзни. «Дѣйствительно, писалъ дворецкій въ Вальядолидъ, слабость его неимоверна. Мы дѣлаемъ все, что только можемъ, для предупрежденія его желаній, и если бы кровь наша могла принести ему пользу, то мы бы съ радостію ее пролили.»

16. Доктора находили улучшение въ состояніи больного, но Кихада и Газтелю писали въ Вальядолидъ, что это улучшение кажется имъ весьма ненадежнымъ. Пріѣхалъ курьеръ изъ Португалліи осведомиться отъ имени королевы правительницы о здоровьи ея брата: онъ рассказывалъ, что не было въ Лиссабонѣ ни одного монастыря и ни одной церкви, гдѣ бы не велѣно было молиться о выздоровленіи императора. Въ той же мысли, королева велѣла раздать богатую милостыню по всему государству. Письмомъ отъ того же

числа, д. Люисъ д'Авила, обманутый нѣкоторыми благопріятными признаками, увѣдомляя Васкеца де Молину, что «въ положеніи Его Величества, сравнительно съ прежними днями, была такая же разниа, какъ между жизнью и смертію.»

17. Докторъ Матисъ въ письмѣ своемъ изчислялъ всѣ признаки болѣзни, какъ челоувѣкъ, который готовится къ горестной развязкѣ; а Кихада писалъ къ Васкецу и королю, что нѣтъ больше никакой надежды. Онъ говорилъ Филиппу II о дополнительномъ завѣщаніи и, между прочимъ, о желаніи Карла V-го быть положеннымъ возлѣ императрицы. Онъ выражалъ также свое нетерпѣніе о пріѣздѣ архіепископа толедскаго, который имѣлъ порученія къ больному, такъ давно его ожидавшему. «Когда я замѣтилъ императору, говорить наконецъ Кихада, что это вмѣсто погребенія недостойно его, то онъ отвѣчалъ мнѣ: «пускай рѣшитъ сынъ мой»... Есть и другія вещи, которыя мнѣ были повѣрены, и въ которыхъ я отдамъ отчетъ Вашему Величеству.» Былъ ли то намекъ на рожденіе д. Жуана? Вѣроятно; хотя въ перепискѣ жителей Густа ничто не подтверждаетъ этой догадки. Въ особенности, ничто не позволяетъ предполагать, что духовникъ Жуанъ де ла Регла, посвященный въ тайну, осмѣлился предложить Карлу V-му признать своего побочнаго сына наследникомъ престола, если бы Филиппъ умеръ бездѣтный. Онъ скорѣе посовѣтовалъ бы ему предназначить юнаго дона Жуана къ духовному званію, нежели прочить его въ наследники престола, что согласовалось гораздо болѣе съ мыслями Карла V-го о побочныхъ дѣтяхъ государей вообще и о своемъ сынѣ въ особенности, какъ мы увидимъ это впоследствии.

18 сентября, въ противность письму доктора Матиса, донъ Люисъ д'Авила писалъ, что Карлу V-му скорѣе хуже, нежели лучше. Если наканунѣ онъ сохранялъ еще нѣкоторую надежду, то сегодня эта надежда уничтожилась.

Дѣйствительно, 19, лихорадка усилилась. Кихада покидалъ больного только для того, чтобы писать къ королю, и не разъ прерывалъ письмо, потому что его безпрестанно призывали къ Карлу V. Однакожь, вплоть до самаго вечера онъ колебался, допустить ли его соборовать масломъ, или нѣтъ. «Три раза, писалъ онъ, спрашивалъ онъ меня: не пора ли? Но мнѣ казалось, что это все равно, что скоронить его; сердце мое раздиралось при этой мысли. Наконецъ, сами докторы объявили, что должно поспѣшить!» Кихада говорилъ, какъ жестоко для того, кто служилъ своему государю 37 лѣтъ, присутствовать при его предсмертной мукѣ; онъ просилъ у смерти только

нѣсколькихъ часовъ отсрочки: «Да приметъ Господь душу его! но, повторяю, по моимъ замѣчаніямъ, смерть еще не посвятитъ его въ эту ночь!» Въ сердцѣ вѣрнаго служителя происходила борьба между преданностію подданнаго къ государю и покорностію христіанина воли Божіей. Одно его утѣшеніе было думать, что Карль V сохранилъ всю полноту своего разума.

Вечеромъ, помазали больнаго св. елеемъ со всею торжественностію, которою Церковь окружаетъ это таинство. Самъ настоятель, съ 4-мя проповѣдниками, пришелъ помогать духовнику. Карль V читалъ вмѣстѣ съ ними яснымъ голосомъ 7 псалмовъ покаянія, литію и мѣста изъ св. Писанія. Однимъ словомъ, вмѣсто того, чтобы утомить его, это высокое таинство, казалось, укрѣпило его силы. Архіепископъ толедскій, котораго пріѣздъ былъ возвѣщенъ наканунѣ человѣкомъ изъ его свиты, пріѣхалъ 20 ч., во вторникъ около полудня, и присутствовалъ при послѣднихъ молитвахъ. Карль V изъявилъ сожалѣніе, что уже не въ состояніи говорить съ нимъ и въ особенности выслушать все то, что онъ имѣетъ сообщить ему относительно жалобы королевы венгерской на Максимилиана. Если вѣрить неизвѣстному монаху-лѣтописцу, то архіепископъ не безъ труда былъ допущенъ въ комнату императора, и, по словамъ духовника Жуана де ла Регла, нѣкоторыя изъ рѣчей его обличили подозрительное ученіе; но если судить по письмамъ Кихады и тѣмъ, которыя самъ Карранца писалъ къ королю, то ничего не было проще и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленнѣе этого духовнаго вмѣшательства примаса испанскихъ церквей, который пришелъ благословить умирающаго императора. Мы думаемъ, что безпристрастный отзывъ Кихады—достаточное свидѣтельство для исторіи, но не его призвала позже инквизиція.

Карль V самъ собою спросилъ св. Причащеніе, и когда о. Жуанъ де ла Регла замѣтилъ ему, что онъ наканунѣ только соборовался, онъ отвѣчалъ: «Нужды нѣтъ! не лишнее призвать въ помощь св. Дары, когда предстоитъ такой долгій путь». Св. Дары были ему торжественно принесены монахами, и Карль V принялъ ихъ изъ рукъ духовника, повторяя съ особеннымъ усердіемъ: *In manus tuas, Domine! commendo spiritum meum; redimisti nos, Domine! Deus veritatis!* Онъ непремѣнно хотѣлъ стать на колѣна на постели, и привелъ въ умиленіе всѣхъ присутствовавшихъ своимъ пламеннымъ благочестіемъ. Поутру, онъ желалъ остаться на нѣсколько минутъ одинъ съ Кихадою, чтобы въ послѣдній разъ высказать всю свою душу тому, кто такъ хорошо умѣлъ хранить его тайны: «Лююсъ

Кихада, сказалъ онъ, я чувствую, что, мало по малу, силы мои исчезаютъ, и да будетъ благословенно имя Господне, когда есть на то Его святая воля! Ты скажешь королю, сыну моему, что я прошу его не оставить слугъ моихъ, которые ходили за мною и пеклись обо мнѣ до самаго смертнаго часа. Онъ сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе, если дастъ мѣсто Фанъ-Мале.... Я желаю, чтобы этотъ монастырь былъ освобожденъ отъ обязанности принимать странныхъ и путешественниковъ». «Что касается до меня, продолжалъ Кихада въ письмѣ своемъ къ королю, то я не стану повторять здѣсь сказаннаго обо мнѣ; и еще много другихъ вещей, которыя я берегу для слуха одного Вашего Величества, когда вамъ угодно будетъ пріѣхать въ Испанію».

Въ 8 часовъ вечера началась послѣдняя сцена жизни Карла V. Двѣ вещи казались ему всегда страшными для того, кто надѣется получить отъ Бога мирную кончину: «во-1-хъ, внезапная смерть, и потомъ, помѣшательство разума, когда наступитъ послѣдній часъ. Чувствуя, что слабость его все болѣе и болѣе увеличивается, Карль V благодарилъ Бога, что Онъ дозволилъ ему приготовиться предстать предъ Него, и ясное спокойствіе души ни на минуту его не покидало. Онъ не переставалъ узнавать тѣхъ, которые къ нему приближались; улыбался однимъ, самъ заговаривалъ съ другими, или отвѣчалъ на ихъ вопросы. Докторъ Корнелио, у котораго также былъ припадокъ лихорадки, удалился, оставивъ у постели больного доктора Матиса, который, отъ времени до времени, щупалъ пульсъ его и движеніемъ головы или словомъ, произнесеннымъ въ полголоса, сообщалъ присутствующимъ свое мнѣніе. Его смѣнялъ духовникъ, и нашептывалъ святія слова, которыя Карль V слушалъ, присоединяясь къ нему въ молитвѣ, или поднимая глаза къ небу. Кихада и Фанъ-Мале постоянно тутъ находились и старались угадать взглядомъ, не могли ли они еще посвятить ему послѣднее попеченіе, послѣднюю предупредительность. Другіе служители приходили и уходили, не смѣя переступить за извѣстную черту передъ дверью. У изголовья умирающаго показывались также, по временамъ, примасъ, настоятель, капелланы, семейство Оропезовъ и д. Люизъ д'Авила. Около полуночи, Карлу V захотѣлось перевернуться на постели, и онъ позвалъ Вильгельма Фанъ-Мале: «Вильгельмъ!» сказалъ онъ ему, и товарищъ его безсонныхъ ночей понялъ его желаніе; едва услыхалъ свое имя, онъ поспѣшилъ помочь ему, счастливый тѣмъ, что императоръ въ послѣдній разъ удостоилъ опереться на его плечо. Карль V не могъ сдѣлать этого движенія безъ глубокаго вздоха: «Domine, jam moritur, — онъ умираетъ!» сказалъ тихою д. Матисъ архіепископу толедскому, и

примась, на этотъ разъ, подошелъ къ нему съ о. Францискомъ Виальба, проповѣдникомъ, котораго рѣчь и звукъ голоса Карль V наиболее любилъ. Промолвивъ нѣсколько словъ, онъ сдѣлалъ знакъ о. Франциску, который, безъ сомнѣнія, согласясь съ нимъ заранее, приготовилъ увѣщательную рѣчь: «Ваше величество, произнесъ проповѣдникъ, должны возблагодарить Господа за Его очевидную къ вамъ милость. Онъ послалъ васъ въ свѣтъ въ день св. Матѳея, ученика, которому избраніе другихъ учениковъ Г. Н. І. Христа даровало апостольство, для дополненія числа двенадцати, такъ точно, какъ вамъ избраніе даровало императорское достоинство: Господь соблаговолилъ призвать Васъ къ себѣ въ тотъ день, когда Церковь празднуетъ память св. Матѳея, другаго апостола, который Христа ради оставилъ свое богатство, подобно тому, какъ Ваше Величество Христа ради покинули императорскую власть и достоинство. Подобно этимъ двумъ апостоламъ, вы будете, за предѣлами жизни, наслаждаться вѣчною славою.» Монахи передали намъ одну эту фразу изъ рѣчи, которая, быть можетъ, была нѣсколько длиннѣе, и которую Карль V прервалъ, сказавъ Кихадѣ: «Минута наступила!» Кихада, которому онъ, въ тотъ же день поутру, далъ наставленія, принесъ деревянное распятіе, которое лобзала императрица въ часъ своей кончины, и которое оставалось на груди ея до той самой минуты, когда ее положили въ гробъ. Онъ принесъ также образъ Богоматери, — образъ, благословенный папою и къ которому эта государыня имѣла особенное уваженіе. Эти двѣ святыни, благоговѣйно хранимыя въ продолженіе 17 лѣтъ Карломъ V, вѣрнымъ памяти нѣжнѣйшей своей привязанности, равно какъ и религии, которая освятила ее, были ему переданы: распятіе—архіепископомъ толедскимъ, образъ—руками самаго преданнаго и довѣреннаго изъ всѣхъ его служителей. Онъ долго смотрѣлъ на нихъ, и глаза его оставляли ихъ только для того, чтобы подняться къ небу. Потомъ прошепталъ: «Иду, Господи! ya voy Senor!», и такъ какъ правая рука его не могла уже болѣе держать распятія, то архіепископъ снова взялъ его и далъ ему приложиться. Смотри на божественное знаменіе нашего спасенія, онъ три раза вздохнулъ, произнесъ имя *Jesusa* и.... черезъ минуту, пересталъ существовать. Такъ скончался тотъ, кого Кихада, въ своей горести, называлъ «величайшимъ изъ людей, которые только были или будутъ въ мірѣ!» Это выраженіе страстнаго удивленія кажется намъ столько же знаменательнымъ, какъ и то, которое подобное чувство внушило благочестію испанца и католика: «Я вѣрю, какъ христіанинъ, что онъ пошелъ прямо на небо. Я видѣлъ королеву французскую,

которая умирала, как истинная христіанка, но конецъ императора былъ еще достойнѣе христіанина во всѣхъ отношеніяхъ.» Это свидѣтельство слуги, любившаго его восторженною привязанностію, но характера важнаго и разсудительнаго, подтверждается всеми, духовными и свѣтскими лицами, которыя, подобно Люизу Кихадѣ, присутствовали при христіанской кончинѣ великаго императора. Не есть ли это заранѣе сдѣланный отвѣтъ на всѣ прямыя обвиненія и на всѣ внушенія клеветы, до сихъ поръ приписывающія Карлу V преступленія, которыя будто бы возмутили угрызеніями его смертный часъ? Неужели могъ бы скончаться съ такою спокойною върою государь, который, по словамъ обвинителей, нарушалъ права народовъ и умерщвлялъ посланниковъ королей, своихъ соперниковъ? Мы, конечно, не утверждаемъ, чтобы Карль V-й, въ продолжительномъ поприщѣ своего честолюбія, былъ однимъ изъ тѣхъ государей, которые умѣли согласовать требованія политики съ добродѣтелями святыхъ, какъ напр. предокъ его Фердинандъ, или французскій король Людовикъ Святой. Мы довольствуемся тѣмъ, что отвергаемъ чудовищныя преступленія, которыми пятнаетъ его память исторія, или полемика нашего вѣка, — необдуманное эхо протестантовъ, которыхъ онъ былъ постояннымъ противникомъ. По тому же чувству историческаго безпристрастія, мы полагаемъ, что христіанская кончина Карла V-го служить достаточномъ опроверженіемъ тѣхъ, которые приписываютъ ему, одни другимъ противорѣча, или мрачный фанатизмъ его непосредственнаго преемника, или безсмысленное ханжество послѣдняго изъ его внуковъ. Однакожь, если, переносясь мыслию къ прошедшему, Карль V не находилъ въ немъ тѣхъ преступленій противъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, съ которыми не примирить нашу совѣсть ни одинъ казуистъ, когда мы готовимся передъ судилище Божіе, то мы признаемъ, что его отцовское сердце и мудрость государя могли съ ужасомъ пророчески предвидѣть будущую судьбу своихъ наслѣдственныхъ королевствъ и своей династии. Дѣйствительно, кто были преемники Карла V, начиная съ Филиппа II, который клянется въ Вальядолидѣ, 8 октября 1589 г., посвятить свой царскій мечъ на защиту правъ инквизиціи, и объявляетъ, что онъ готовъ возвести своего собственнаго сына на костеръ ауто-да-фе, — до Карла II, который, жертва мелочнаго суевѣрія, считаетъ себя заколдованнымъ, заставляетъ заклинать себя, искажаетъ уваженіе своего предка къ религіи гробницъ, и знаменитымъ завѣщаніемъ отказываетъ всѣ свои королевства потомку того самаго веронскаго принца, который напрасно молилъ Карла V возвратитъ ему маленькое королевство На-

варрское. Тѣ, которые приписываютъ единственно вліянію инквизиціи перерожденіе австрійской династіи въ Испаніи и вмѣстѣ упадокъ благородной націи, которая внушала уваженіе всей Европѣ въ XVI вѣкѣ и покорила Новый-Свѣтъ при помощи горсти отважныхъ солдатъ, вѣроятно, сочли бы ничтожнымъ вопросъ: католикомъ, или протестантомъ умеръ Карлъ V?... Однакожъ нѣкоторые сдѣлали этотъ вопросъ. Мы намекали уже на это, и скажемъ еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, рассказывая, какимъ образомъ, изъ донесеній, сдѣланныхъ инквизиціи о послѣднихъ минутахъ жизни императора, составилъ одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Карранцы, *несчастнаго* (*) архіепископа толедскаго.

(*) Выраженіе Сандовала.

Историческіе очерки о Карлѣ V дополняются въ слѣдующей книгѣ эпилогомъ, въ которомъ будетъ представлено все, что произошло непосредственно послѣ его смерти, а равно и участь главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа.

КАРЛЪ V ВЪ МОНАСТЫРЬ.

Эпизодъ и прибавленіе.

§ 1.

Когда Карлъ V испустилъ последнее дыханіе, докторъ Матисъ держалъ надъ устами его зеркало, приложилъ руку, потомъ ухо, къ сердцу его; однимъ словомъ, засвидѣтельствовалъ смерть его сообразно съ принятыми обычаями, и объявилъ, что императоръ кончилъ жизнь своєю: «*Jam mortuus est.*» Вѣрный Кихада преклонилъ колѣна у изголовья своего государя, закрылъ ему глаза и преданъ всей своей горести. Четыре монаха, назначенные стоять у тѣла до тѣхъ поръ, пока оно будетъ похоронено, вошли въ комнату и начали молиться. Неизвѣстный монахъ, о которомъ мы не разъ упоминали, находился въ числѣ ихъ. Онъ рассказываетъ, что въ то время, когда Кихада вышелъ, чтобы отдать нѣкоторыя приказанія, онъ и его товарищи полюбопытствовались взглянуть на великаго императора въ первыя минуты его послѣдняго сна. Дворецкій задернулъ занавѣсь кровати; послѣ долгихъ колебаній, они осмѣлились его отдернуть. «Лице усопшаго было скорѣе румяно, нежели блѣдно, говорить монахъ. На немъ былъ одинъ изъ его плафоровъ, а на головѣ шитая шапочка. Черная шелковая матерія покрывала грудь его до самаго пояса; на сердцѣ лежало Распятіе императрицы; а надъ изголовьемъ висѣлъ образъ Богоматери.» Но въ галлерей раздался стукъ шаговъ дворецкаго; монахи задержали занавѣсь и снова принялись молиться.

Прежде истеченія сутокъ, тѣло обмыли, набальзамировали и положили въ свинцовый гробъ, который, въ свою очередь, былъ вложенъ въ другой гробъ изъ каштановаго дерева. Потребно было не менѣе десяти челоуѣкъ, чтобы перенести его къ главному алтарю, въ дверь, черезъ которую комнаты императора имѣли сообщеніе съ монастырскою церковію. Архіепископъ толедскій, графъ Оропезе, великій командоръ ордена Алькантары и Кихада помогали монахамъ въ этомъ первомъ дѣйствіи погребальной церемоніи. Гробъ,

покрытый чернымъ бархатомъ, цѣлую недѣлю оставался подъ бадахинномъ, и до 23-го сентября продолжали обивать церковь чернымъ сукномъ. Для этого должно было привезти изъ Пласенціи 200 арш. сукна, въ прибавокъ къ черной драпировкѣ, составлявшей часть гардероба Карла V и употреблявшейся имъ для поминовенныхъ дней, которые онъ такъ тщательно наблюдалъ при жизни. На это, безъ сомнѣнія, истратили сбереженные императоромъ 2000 червонцевъ, о которыхъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ говорилъ Николаю Берингу.

Все было готово, какъ вдругъ прѣвѣхалъ донъ Педро Озоріо-Запата, коррехидоръ города Пласенціи, тотъ самый, который имѣлъ споръ за правъ своего званія съ лиценціатомъ Мургою, алькадомъ Квакоса. Онъ прибылъ, въ сопровожденіи своихъ писцовъ и алгвазилей, исполнять надъ тѣломъ императора обязанности высшаго чиновника, за слишкомъ точное наблюденіе которыхъ онъ потерпѣлъ немилость и былъ временно отставленъ отъ должности. Лиценціатъ Мурга былъ боленъ и не могъ, еслибы даже и захотѣлъ, возобновлять споръ о предстаніи надъ гробомъ императора. Гордый и мстительный коррехидоръ принялся составлять протоколъ, говоря, что, такъ какъ Его Величество скончался на землѣ, подчиненной его управленію, то ему, а не кому другому, принадлежало засвидѣтельствовать его кончину и тождество его особы, чтобы ее охранять и отвѣчать за нее, или ввѣрить ее надсжному лицу. Онъ намѣренъ былъ избрать этимъ довѣреннымъ лицомъ пріора іустскаго; но для этого ему надлежало видѣть, что находится въ гробѣ, который, по словамъ окружающихъ, заключалъ тѣло августѣйшаго покойника. Напрасно пріоръ противился этому осмотру и предлагалъ свое ручательство въ томъ, что въ гробѣ дѣйствительно тѣло Карла V-го: коррехидоръ заговорилъ во имя закона и своей отвѣтственности. Нечего было дѣлать; ему уступили; открыли оба гроба, и онъ велѣлъ закрыть ихъ не прежде, какъ посмотрѣвъ въ лице императора, который, на этотъ разъ, не могъ уже своимъ скипетромъ преклонить жезлъ коррехидора.

Тогда началась погребальная церемонія и продолжалась три дня; архіепископъ соборно служилъ позднюю обѣдню съ пріоромъ іустскимъ въ качествѣ діакона и пріоромъ гренадскимъ, Лионзомъ де Грегорио, въ качествѣ иподіакова. Пятнадцать другихъ раннихъ обѣдней служили съ разсвѣта до полудня; но въ четвергъ, сверхъ того, совершалась обѣдня Тѣла и Крови Христовыхъ въ память особеннаго уваженія, которое Карлъ V оказывалъ этому таинству. Доминиканцы и Кордельерцы Харандильи прислали депутацію, чтобы

участвовать въ службахъ вмѣстѣ съ Иеронимитами. Одинъ изъ вельможъ, присутствовавшихъ при церемоніи, приказалъ принести для себя стулъ въ церковь. Кихада, который три дня стоялъ у гроба съ чернымъ крепомъ на головѣ, со всѣми признаками самаго почтительнаго траура, велѣлъ принять стулъ, говоря, что онъ не потерпитъ, чтобы кто-нибудь сидѣлъ въ присутствіи императора. Пришелъ командоръ ордена Алькантары и взялъ сторону своего товарища, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ имѣеть двоякое право сидѣть: въ качествѣ испанскаго гранда и въ качествѣ больного; но Кихада, опираясь на свою должность, объявилъ, что намѣренъ требовать такого же уваженія къ императору усопшему, какое оказывали императору живому, и что, следовательно, тотъ, кто не могъ подчинить себя этикету и присутствовать при церемоніи стоя или преклонивъ колѣна, долженъ былъ удалиться. Едва этотъ споръ кончился, какъ проповѣдникъ, о. Фр. де Вилальва, назначенный въ тотъ день говорить надгробное слово, взоспелъ на кафедру. Среди благоговѣйно-внимательнаго молчанія о. Францискъ умѣлъ найдти слова, попеременно столь умильтельныя и столь ужасныя, что тронутые слушатели переходили отъ слезъ къ тому волненію, отъ котораго волосы становятся дыбомъ. Дойдя до заключенія, ораторъ, казалось, искалъ взоромъ самую значительную особу изъ сего собранія, къ которой онъ могъ бы обратиться, сообразно съ обычаемъ, существующимъ не въ одной Испаніи. Ему предстоялъ выборъ между архіепископомъ-примасомъ, великимъ командоромъ ордена Алькантары и графомъ Оропезе. Быть можетъ, даже полагаютъ неизвѣстный монахъ, нѣкоторые изъ тѣхъ, которые подозрѣвали происхожденіе юнаго донъ-Жуана, (который также находился при церемоніи, возлѣ своего названнаго отца), и ожидали, что, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь намекъ обратитъ на него участіе, принадлежавшее королевской крови; но, какъ будто ни одинъ изъ важныхъ сановниковъ, присутствовавшихъ при проповѣди, не могъ дерзнуть привлечь на себя малѣйшую часть благоговѣйнаго уваженія, воздаемаго ораторомъ смертнымъ останкамъ столь могущественнаго монарха,—монахъ обратился съ заключеніемъ своей рѣчи къ самому гробу императора. Впечатлѣніе было всеобщее и глубокое; всѣ соединились въ одномъ чувствѣ; гордость каждаго смирилась, какъ будто бы черный бархатный покровъ скрывалъ позолоченныя ступени трона. Такимъ образомъ право садиться во время похоронъ императора было косвеннымъ образомъ уничтожено, если въ самомъ дѣлѣ существовало такое право. Дѣйствительно, когда, на слѣдующій годъ, монастырь посѣтили герцогъ Альба и кардиналъ Пачеко, провели

тамъ три дня, и присутствовали при годовыхъ службахъ, установленныхъ въ память Карла V-го, то никогда не сѣдѣлись. При входѣ въ траурную комнату герцога Альба обнажилъ голову, и, не смотря на право, присвоенное испанскимъ грандамъ, надѣлъ шляпу уже по выходѣ изъ нея. «А на счетъ придворныхъ обрядовъ, говорить монахъ, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, кто могъ быть лучшимъ судьей, какъ не герцогъ Альба, котораго герцогъ Бранкуи провозгласилъ самымъ совершеннымъ придворнымъ въ цѣломъ свѣтѣ?» Въ присутствіи корректора города Пласенціи былъ читанъ подлинный актъ, по которому, сообразно съ прибавленіемъ къ завыщанію 9-го сентября, Карлъ V-й изъявлялъ свою волю, что, если онъ скончается въ монастырѣ іустскомъ прежде, нежели увидится съ своимъ сыномъ, и если его похоронять въ упомянутомъ монастырѣ, то чтобы заказано было вѣчное поминовеніе по душѣ его, душѣ императрицы, а также отца его и матери, съ достаточнымъ вкладомъ, предписывая въ то же время, чтобы тѣло его положили подъ главнымъ алтаремъ, и верхнюю часть его внѣ могилы, такъ, чтобы священнодѣйствующій попиралъ всегда его грудь и голову.

Архіепископъ толедскій увхалъ изъ монастыря въ субботу, также воздавъ въ надгробномъ словѣ честь императору; онъ благодарилъ отъ его имени настоятеля и монаховъ за гостепримство, оказанное ими государю при жизни его и продолжаемое ими и послѣ его смерти, пока король, слыгъ его, объявитъ имъ свою волю. Съ нимъ увхали Доминиканцы и Кордельеры. Одни Иеронимиты довершили 9-ти-дневное поминовеніе, наблюдая тѣ же самыя обряды до истеченія 9-ти дней.

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, дворецкій Кихада, секретарь Гастелю, и духовникъ о. Жуанъ дѣлла-Регла, составляли списокъ всему, что осталось послѣ Карла V-го въ его покояхъ, сообразуясь въ распредѣленіи вещей между разными лицами съ наставленіями принцессы-правительницы, которая вступилась въ задачу, и нѣкоторыя, ничего не стоящія, требовала себѣ, съ тѣмъ уваженіемъ, которое придаетъ цѣну самамалѣйшимъ предметамъ, и которое могло бы показаться мелочнымъ въ принцессѣ, если бы правительница не была дочь императора. Такимъ образомъ, на пр., докторъ Корвеліо и другіе служители просили отдать имъ муловъ, а докторъ Матисъ криваго лошака, на которомъ Карлъ V-й ѣздилъ въ послѣдній разъ. Регентша потребовала ихъ для себя такъ точно, какъ дочь Сида потребовала бы борзаго коня Бабіесу, если бы онъ пережилъ своего господина. Она также приказала прислать къ себѣ двухъ бразильскихъ кошекъ и ученаго попугая, которые и отпра-

влились въ Вальядолидъ въ однихъ изъ тѣхъ носилокъ, которыя употреблялъ Карль V-й и которыя до сихъ поръ находятся въ мадритской оружейной палатѣ (*).

Въ прибавленіи къ завѣщанію Карль V-й настоятельно наказывалъ своей дочери раздать нуждающимся, предпочтительно изъ бѣдныхъ жителей Квакоса, штрафныя деньги, которыя лиценціатъ Мурго присудилъ доправить съ воровъ этого селенія, уличенныхъ въ покражу плодовъ изъ императорскаго сада. Сверхъ того, онъ велѣлъ раздать нищимъ весь остатокъ отъ его доходовъ за текущую треть года.

Съѣстные припасы, вино, лекарства изъ его аптеки со всею посудою, Карль V оставялъ монастырю; не считая денежнаго подарка каждому монаху и капелланамъ, состоявшимъ лично при его особѣ, начиная съ духовника, которому отказано было 400 червонцевъ одновременно и по стольку же ежегодной пенсіи. Самый драгоценный подарокъ, сдѣланный Карломъ V монастырю, былъ *Страшный Судъ Тиціана*, назначенный для алтаря часовни, съ алебастровою дарохранильницею; двѣ статуи, представлявшія императора и императрицу на колыняхъ съ непокрытою головою, босыми ногами, въ одеждѣ мокаанія. Но предвидя, что Филиппъ II для его могилы легко могъ предпочесть монастырской церкви королевскую усыпальницу въ Гренадѣ, онъ желалъ, чтобы въ такомъ случаѣ, мастер-

(*) Г. Спирдингъ смѣется надъ этимъ востребованіемъ инфантою любимыхъ животныхъ отца ся. Но мы замѣтимъ, что лошака, хотя старый и кривой, тѣмъ не менѣе былъ послѣднимъ конемъ Карла V-го, и что онъ имѣлъ право на преимущества, которыми пользовались, и, быть можетъ, пользуются королевскія лошади. Г-жа д'Онезъ упоминаетъ о двухъ древнихъ обычаяхъ испанскаго двора: первый—касательно королевской лошади, а второй—касательно любимой королею женщины:

«— Мнѣ сказывали, что, когда король ѣздилъ на какой-нибудь лошади, то, изъ уваженія къ нему, никто другой никогда на нее не садился. Однажды герцогъ Медина деласъ-Торресъ купилъ за 25-ть тысячъ эку прекраснѣйшаго и благороднѣйшаго коня, котораго когда-либо кто видалъ. Король Филиппъ IV-й пожелалъ его видѣть. Герцогъ просилъ его пріять отъ него эту лошадь; но король отказался, говоря, что онъ ѣздилъ бы на ней слишкомъ рѣдко, и такъ какъ послѣ него никто другой не могъ бы на ней ѣздить, то лошадь потеряла бы всю свою силу. Второй обычай состоитъ въ томъ, что, когда король покидалъ женщину, которая пользовалась его благосклонностію, то она должна была идти въ монастырь. Покойный король влюбился въ одну изъ придворныхъ дамъ, и однажды, желая съ нею видѣться, сталъ стучаться у дверей ея комнаты. Узнавъ сто по голосу, она не хотѣла отворить ему и закричала сквозь двери: «Ступайте, ступайте съ Богомъ; я совсѣмъ не намѣрена постричься въ монахини!»

(Пут. по Испаніи. Гайа).
MDCCV.

ское произведение Тициана было замѣнено другою картиною, по благоусмотрѣнію короля и душеприкащиковъ.

Служители, привезенные Карломъ V изъ Фландріи и всѣ лично поименованные въ прибавленіи, получили каждый награжденіе, соразмѣрное съ его жалованьемъ. Но прежде нежели мы последуемъ за главнѣйшими изъ нихъ въ различныя мѣста, по которымъ разсыяла ихъ смерть императора, мы не можемъ покинуть монастыря, не упомянувъ о нѣкоторыхъ суевѣрныхъ преданіяхъ, переданныхъ современными монахами ихъ преемникамъ.

Съ самаго перваго дня болѣзни Карла V-го показала комета, едва замѣтно склонилась къ С., остановилась надъ іустскимъ монастыремъ и исчезла въ минуту его смерти. Это была 7 комета, которая показывалась въ его царствованіе, и тогда вспомнили, что комета съ длиннымъ хвостомъ, предшествуемая затмѣніемъ, предвозвѣстила, весною 1539 г., смерть императрицы. Въ саду, подъ окномъ Карла V-го, на лилейномъ стеблѣ показались въ маѣ мѣсяцъ *два бутона*, одинъ разцвѣлъ, но лепестки другаго постоянно оставались закрытыми, хотя ни въ солнцѣ, ни въ волѣ цвѣтку не было недостатка. Но вдругъ, по прошествіи трехъ мѣсяцовъ, въ ту самую ночь, когда скончался государю, опоздавшій цвѣтокъ разцвѣлъ подобно первому и издалъ пріятный запахъ, свойственный лиліямъ. Монахи, пораженные удивленіемъ, срѣзали цвѣтокъ и прикололи къ крепу, завѣшавшему дароносицу на главномъ алтарѣ, и онъ еще нѣсколько дней блисталъ ослѣпительною бѣлизною и смѣшивалъ свое благоуханіе съ запахомъ ѳиміама, представляя взорамъ всѣхъ присутствующихъ эмблему души, освобожденной отъ земныхъ узъ и, безъ сомнѣнія, разцвѣтающей въ святилищѣ небснаго милосердія.

Въ ночь на 27-е сентября, седьмую со дня смерти императора, въ тотъ часъ, когда всходитъ луна, настоятель, отецъ Мартынъ Ангуло, услышалъ звукъ, похожій на лай маленькой собачки. Онъ подумалъ, что это лаяла собака, принадлежавшая одному изъ фламандскихъ прислужниковъ, вышелъ изъ своей кельи и увидѣлъ въ монастырской галлерей нѣсколько монаховъ, облокотившихся на перила: «братія, сказалъ онъ имъ, эта собака будетъ беспокоить насъ цѣлую ночь, если мы ее не выгонимъ.» «Отецъ настоятель, отвѣчали монахи, это не собака, а птица, которую вы можете видѣть на кровлѣ часовни, и которая прилетѣла съ востока. Она прокричала уже пять разъ, съ промежутками между каждымъ разомъ». Удивленный настоятель посмотрѣлъ, и точно увидѣлъ птицу; она была величиною съ лебедя, черная отъ головы до половины тѣла, и бѣлая отъ

половини тела до хвоста. Она оставалась еще нѣсколько минутъ на кровлѣ, потомъ улетѣла къ Гарджентъ-ла-олла; ее было видно какъ днемъ, такъ ясно светила мѣсяць. Монахи разошлись и легли спать, не говоря больше ни слова въ тотъ вечеръ. Но, на другой день, та же птица прилетѣла съ той же стороны; опять села на кровлю часовни, прямо надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ гробъ Карла V, прокричала тѣмъ же страннымъ крикомъ и улетѣла, какъ вчера. Она возвращалась въ третій, четвертый, и пятый разъ, и больше уже не прилетала. Всѣ монахи объявили единогласно, что никогда еще подобная птица не показывалась въ той сторонѣ. Епископъ пампелунскій Сандоваль, который рассказываетъ объ этомъ явленіи со словъ настоятеля Мартына Ангуло, разсуждаетъ: была ли это птица другого климата, или птица чудесная; онъ болѣе склоненъ къ послѣднему мнѣнію, по причинѣ ея пяти правильныхъ появленій и ея исчезновенія. Безъименный монахъ, который также ее видѣлъ и слышалъ, ни мало не колеблясь, вѣритъ чуду, тѣмъ болѣе, что другой монахъ разсказывалъ ему впоследствии, что этотъ самый лебедь, получерный и полубѣлый, являлся вторично во время смерти королевы венгерской. Онъ заключаетъ изъ этого, что небо появленіемъ кометы, земля лилейнымъ стеблемъ и воздухъ птицею, совокупно прославляли кончину императора.

Заупокойныя обѣдни, въ честь августѣйшаго покойника, совершались во всѣхъ церквахъ Испаніи, и во-первыхъ: въ Вальядолидѣ, въ придворной церкви св. Бенедикта, въ присутствіи принцессы-правительницы. Отецъ Францискъ-грѣшникъ говорилъ проповѣдь на текстъ Псалмопѣвца: *«се удалихся бѣгалъ и водворихся въ пустыни»*. Бывшій герцогъ Гандіа въ особенности прославлялъ монарха, котораго былъ слугою и другомъ, за то, что онъ благоразумно покинулъ свѣтъ, пока свѣтъ его еще не покинулъ; онъ провозглашалъ, какъ самую блистательную изъ всѣхъ побѣдъ, имъ одержанныхъ, актъ, по которому онъ всѣ свои царскіе вѣнцы полагалъ къ ногамъ Иисуса Христа; наконецъ, чтобы порадовать благочестивое сердце принцессы, его дочери, онъ разсказывалъ, что Карль V самъ говорилъ ему, что съ 20-тилетняго возраста не пропускалъ ни одного дня, чтобы не вознести къ Богу нѣсколькихъ словъ умственной молитвы.

По примѣру о. Франциска-грѣшника, ораторы, которые говорили надгробныя слова Карлу V, въ Брюссель, въ присутствіи Филиппа II, въ Римѣ, передъ сонмомъ кардиналовъ, громко превозносили добродѣтели императора, хоть онъ и сражался въ одно и

то же время съ папою и съ султаномъ. Церемонія, совершенная въ Римѣ, по разсказу очевидца, папоминала, быть можетъ, еще болѣе языческое обоготвореніе, нежели христіанское прославленіе; хотя нѣкоторыя эмблемы вѣры и примѣшивались къ символамъ классической аллегоріи, которая была довольно общимъ выраженіемъ искусства въ эпоху возрожденія. Рогъ Амалтеи, для означенія изобилія, жезлъ Меркурія, для означенія миролюбія, красовались возлѣ благочестія съ цаплею, милосердія съ пеликаномъ, и пр. и пр. Архитектурныя украшенія принадлежали къ дорическому ордену, потому что, замѣчаетъ повѣствователь, по мнѣнію Витрувія, дорическій орденъ былъ посвященъ у древнихъ Минервѣ, Марсу и Геркулесу. Если Геркулесъ побѣдилъ центавровъ, то Карлъ V побѣдилъ еретиковъ; если Геркулесъ убилъ немейскаго льва и украсилъ себя его кожею, то Карлъ V побѣдилъ Турокъ и украсилъ своихъ солдатъ отнятою у нихъ добычею. Геркулесъ избавилъ Альцесту отъ Цербера и отрубилъ ему его три головы; Карлъ V одержалъ побѣду надъ королемъ Францискомъ I, у котораго военными головами были Шотландія, Наварра и Франція. Геркулесъ укротилъ дракона, а Карлъ V усмирилъ Барбаруссу; Геркулесъ умертвилъ Какуса, — Карлъ V обуздаль воровъ и морскихъ разбойниковъ, и пр. и пр. Изчисляя подвиги сына Юпитерова, ораторъ не забылъ и услуги, оказанной Алкидомъ Атласу, на мѣсто котораго онъ нѣсколько времени поддерживалъ небо на плечахъ своихъ; такъ точно Карлъ V поддерживалъ религію и ея служителей. Можно полагать, что нѣкоторыя изъ этихъ мифологическихъ сравненій находились въ латинской рѣчи, произнесенной проповѣдникомъ Джовани Паоло неаполитанскимъ, публичнымъ лекторомъ римскихъ школъ, который заставилъ всѣхъ удивляться, въ одно и то же время, и своему собственному цicerоновскому краснорѣчію и подвигамъ послѣдняго цезаря.

Не менѣе блистательна была надгробная рѣчь, произнесенная на французскомъ языкѣ въ Брюссель Францискомъ Риблѣ, суфраганомъ епископа арраскаго, знаменитымъ бельгійскимъ проповѣдникомъ, который впослѣдствіи удостоился епископской митры; но что въ особенности возбудило всеобщій восторгъ въ Брюссель, то это было публичное зрѣлище, — похоронная процессія, по истинѣ достойная императора, во главѣ которой шелъ Филиппъ II-й, въ одеждѣ покаянія, съ герцогомъ брауншвейгскимъ по правую и герцогомъ аркосскимъ по лѣвую руку; за ними слѣдовалъ герцогъ савойскій, единственный представитель принцевъ крови. Маркизь д'Агильяръ несъ императорскій скипетръ; герцогъ Виллагермоза мечъ, принцъ

Оранскій державу; д. Антонио Толедскій внешнеъ. Весь домъ Его Величества, болѣе 2000 служащихъ, 1200 бѣдныхъ, одѣтыхъ на его счетъ, испанскіе гранды, губернаторы провинцій, герольды и вѣстники, войны съ знаменами, рыцари различныхъ орденовъ, и пр. и пр., образовали повзѣдъ, который ровно два часа тянулся изъ дворца до церкви Св. Гудулы. Бельгійцы и Фламандцы сохранили и поддерживаютъ еще преданіе этѣхъ пышныхъ процессій, воспоминающихъ вѣка давно-минувшіе. Выдумали огромную машину для обозначенія одной изъ двухъ стихій, на которой Карль V-й одержалъ часть своихъ побѣдъ. Это былъ корабль, украшенный флагами по всѣмъ снастямъ; на бокахъ его были изображены: двойное завоеваніе новой Испаніи и Перу, взятіе Туниса, Гулетты, Медина, и Корона, морскія побѣды надъ Турками и прочіе подвиги, воспоминаемыя въ краткихъ словахъ, начертанныхъ золотыми буквами на черномъ шелковомъ парусѣ. У руля стояла Любовь, въ пурпуровой одеждѣ; у гротъ-мачты — Вѣра, въ бѣломъ платьѣ, съ крестомъ въ одной и съ чашею въ другой рукѣ; а у кормы — Надежда, опирающаяся на якорь. Подъ начальствомъ трехъ богословскихъ добродѣтелей, невидимый экипажъ приводилъ въ движеніе императорскій корабль, посреди искусственнаго моря, изъ котораго выходили маленькіе острова, для означенія обихъ Индій. Двѣ колонны съ императорскимъ девизомъ (*plus ultra*) были нарисованы на эмблематическомъ знамени, которое, въ Брюссель, какъ и въ Римѣ, дѣлало изъ Карла V-го христіанскаго Геркулеса «усмирителя чудовищъ своего времени.»

Jare tibi Herculeas sumpsisti columnas,
Monstrorum domitor temporis ipse tui.

Изъ всѣхъ достоинствъ, приписываемыхъ Карлу V-му этими различными эмблемами, девизами и надписями въ честь его, болѣе всего трогаетъ освобожденіе двадцати тысячъ невольниковъ съ тунисскихъ и трипольскихъ галеръ.

«Quo unde viginti millia eo bello liberata in patriam reduxerit».

Намъ пріятно думать, что нѣкоторые изъ несчастныхъ плѣнниковъ, возвращенныхъ родинѣ и семейству могущественнымъ императоромъ, находились въ шествіи или въ толпѣ зрителей и благословляли его память, проливая слезы.

Въ минуту возношенія, тѣ, которымъ поручено было вести ослѣданныхъ коней, нести знамена и императорскія регалии, вступили съ ними подъ своды храма, съ герольдомъ передъ каждою ре-

галією и кажды́мъ конемъ. Когда проходилъ конь, покрытый чернымъ сукномъ, (онъ шелъ послѣдній и назывался траурнымъ конемъ), то одинъ изъ кавалеровъ орд. Золотаго Руна, г. де Боссю, оберъ-штамлейстеръ императора, (бывшій товарищемъ его дѣтства и никогда не перестававшій любить его), бросился на колѣна и лежалъ болѣе четверти часа, проливая слезы.

Блаженны побѣдители, на похоронахъ которыхъ льются слезы благодарности, и не менѣе рѣдкія слѣзы дружбы!... Поминовенныя службы въ честь Карла V торжествовали не только въ большихъ городахъ его прежнихъ владѣній, какъ на прим. въ Неаполь и въ тѣхъ, гдѣ царствовали члены его семейства, какъ въ Лиссабонъ; но и въ столицахъ королей, которые почти безпрестанно съ нимъ воевали, или которые отказывались отъ союза съ Испанією, какъ на прим. въ Парижъ, гдѣ Генрихъ III, мало по малу, сближался съ Филиппомъ; въ Лондонъ, гдѣ королева Елизавета частію еще скрывала реакцію, готовившуюся противъ католицизма сестры ея, которую она недавно смѣнила на тронъ отца ихъ, Генриха VIII. Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ Маріи Тюдоръ, пѣто было *requiem* за упокой души Карла V. Считаютъ, что болѣе трехъ тысячъ церквей въ Европѣ совершали въ честь его, поминовенныя службы на которыя издержано до 6-ти тысячъ червонцевъ.

Этѣ церемоніи возобновились въ Испаніи 12-ть лѣтъ спустя, когда Филиппъ, не ожидая окончанія зданія, посвященнаго имъ св. Лаврентію въ день С.-кентенской битвы, перенесъ туда тѣла отца своего и матери, измѣняя такимъ образомъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, завѣщаніе императора, который предоставлялъ ему только выборъ между царскимъ склепомъ гренадскаго собора и церковью Іустскаго монастыря. Въ 1570-мъ году король, который уже замышлялъ это перенесеніе, пріѣхалъ на богомолье въ іеронимитскій монастырь, и пробылъ въ немъ двое сутокъ, отказываясь, изъ уваженія къ памяти отца, ночевать въ комнать, въ которой скончался императоръ, и довольствуясь небольшимъ, примыкающимъ къ ней, кабинетцемъ, хотя этотъ кабинетъ былъ такъ узокъ, что едва-едва можно было помѣстить въ немъ его походную кровать. Вступивъ въ главныя ворота монастыря, онъ прочелъ слѣдующую надпись, вырѣзанную подъ императорскимъ гербомъ:

«Въ эту св. обитель св. Іеронима іустскаго, удалѣлся кончить дни свои тотъ, кто всѣ ихъ посвятилъ на защиту вѣры, на утверж-

деніе правосудія, — Карль V, императоръ, король испанскій, христіаннѣйшій и непобѣдимый. Скончался 21 сентября, 1558 года.»

Монахи показали также Филиппу II другую надпись на стѣнѣ большой западной террасы: «Его Величество, императоръ, донъ Карлосъ V, государь нашъ, сидѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда постигла его болѣзнь, 31 августа, въ 4 часа по полудни. Онъ скончался 21 сентября, въ 2 часа поутру, въ лѣто отъ Р. X. 1558.»

Чтобы вознаградить монаховъ св. Иеронима, Филиппъ II подарилъ имъ золотую чашу и нѣсколько мошей, ввѣрнулъ копию съ *тициановой Славы*, новый жертвенникъ и нѣкоторыя скульптурныя украшенія, къ которымъ Филиппъ III-й прибавилъ еще другія; но монастырь и, даже селеніе Квакосъ, не покорились похищенію августѣйшаго покойника, не выразивъ въ аллегоріяхъ своего сожалѣнія, какъ будто-бы для нихъ императоръ умираетъ действительно только съ этого дня. Когда герцогъ Алькала, епископъ ланскій, донъ Люизъ Манрикъ и секретарь Гастелю пріѣхали въ Іустъ, чтобы присутствовать при вырытіи тѣла и потомъ сопровождать его до Эскуриала, то они увидѣли, при вѣздѣ въ деревню Квакосъ, картину, изображавшую въ лицахъ *Уединеніе* и *Селеніе*; *Уединеніе*, скрестивъ руки на груди, съ глазами полными слезъ, вопрошало въ элегическихъ стихахъ другую фигуру, столько же печальную, какъ и первая.

Уединеніе. За чѣмъ ты здѣсь, печальное Селеніе?

Селеніе. Мы пришли сюда, чтобы оплакивать день и ночь потерю обожаемаго монарха. Мы желаемъ только одного: сравниться съ троянскимъ народомъ воплями и воздыханіями, потому что потеря наша еще болѣе его потери.

Уединеніе. Да не оплакиваетъ никто его кончину и да не стѣнаетъ надъ нею! Не потеря и не несчастіе она, но скорбе торжество и счастливое событіе въ вѣчности. Св. Писаніе учитъ насъ, что тотъ, кто побѣдилъ столько нѣвѣрныхъ, никогда не умираетъ, но наслаждается истинною жизнью, покинувъ жизнь земную, которая ничто иное, какъ прахъ и мгновеніе.»

Монастырь провозгласилъ свои чувства воззваніемъ, еще болѣе прямымъ. Одинъ изъ монаховъ, вѣроятно тотъ самый, который написалъ стихи для Селенія, обращаетъ слѣдующее прощаніе къ бывшему гостю монастыря Іустскаго: «хотя ты теперь безжизненное тѣло, потому что оставилъ въ этой могилѣ все, чтò было въ тебѣ смертнаго, чтобы наслаждаться, какъ мы несомнѣнно вѣруемъ, сла-

вою Божию,—мы благодаримъ твое цесарское величество за милость, оказанную тобою Густу и всему нашему ордену. Мы твердо убѣждены, что въ годъ и восемь мѣсяцевъ, здѣсь тобою проведенные, ты приобрѣлъ болѣе славы, чѣмъ во все продолженіе твоего царствованія. Какъ ни велики, какъ ни блистательны твои подвиги, которыхъ память сохранить исторія, но то, что ты совершилъ при концѣ твоей жизни, всѣ ихъ превосходить. Таковы люди: чѣмъ больше они любятъ возвышаться сами надъ своею сферою, тѣмъ больше удивляются тому, кто снисходитъ съ этой высоты, по своему собственному побужденію. «Горестъ,—видя, что тебя похищаютъ у насъ, у насъ, которыхъ ты считалъ *своими*, смыкаетъ мнѣ уста. Мы навсегда останемся твоими преданными служителями, твоими вѣрными молитвенниками; но мы не можемъ удержаться отъ боязни, что придетъ день, когда въ этомъ самомъ мѣстѣ забудутъ твою память, какъ будто бы нога твоя никогда сюда не вступала, какъ будто бы ты никогда съ нами не жилъ.... Ахъ! если бы ты зналъ, о государь нашъ! что мы чувствуемъ, разставаясь съ тобою, то никогда не захотѣлъ бы насъ покинуть!... Но увы! невозможно удержать руки твѣхъ, которые увлекаютъ тебя далеко, далеко отъ насъ! Одна молитва намъ остается: воззови насъ скорѣе въ то царство блаженства, куда ввелъ тебя Господь Богъ нашъ!... Пусть эти слова будутъ заключеніемъ моей рѣчи и печатію любви нашей. — Всему Господу положилъ мѣру: небу, землѣ и морю; одной любви позволилъ онъ быть навсегда безграничной!»

Это нѣжное обращеніе, казалось, вызвало самаго Карла V-го, который отвѣчалъ монаху-стихотворцу слѣдующимъ набожнымъ утѣшеніемъ: «Возлюбленные мои, утѣштесь въ Богѣ: часть отъѣзда моего прозвучалъ; не плачьте, прошу васъ. Да не увижу я васъ ни грустными, ни печальными изъ любви ко мнѣ. Жена моя и дѣти уже вѣрно прибыли на свое мѣсто; какъ же мнѣ не соединиться съ ними? Уповаю на Бога. Вѣра въ Его милосердіе составляетъ мое блаженство; ибо, созерцая Бога въ Его величій, я чувствую, что здѣсь, на землѣ, все суета.»

Между тѣмъ, императорскій гробъ начиналъ свое погребальное шествіе отъ скромной густской часовни къ гигантскому памятнику, куда съ разныхъ сторонъ направлялись тѣла императрицы Изабеллы, принцессы доньи Жуаны, принцевъ дона Фердинанда и дона Жуана, сыновей ея, умершихъ въ младенчествѣ, тѣло Элеоноры, королевы французской, тѣло Маріи, королевы венгерской, сестеръ Карла V-го, и короля Филиппа Красиваго, отца его. Тѣло императора прибыло къ мѣсту своего назначенія не прежде, какъ по исте-

ченіи 11 дней, 4-го февраля 1572 г., будучи задерживаемо при каждой остановкѣ какою-нибудь торжественною церемоніею. Сдѣланная ему встрѣча была великолѣпна, похороны, отправленныя по уставу, присвоенному для іеронимитскихъ монаховъ, продолжались нѣсколько дней. О. Францискъ де Вилальва, прежній проповѣдникъ іустскаго дворца, вторично имѣлъ славу предвосхитить палму краснорѣчія надгробнымъ словомъ, при произнесеніи котораго его не смѣшали даже раскаты грома; потому что надгробное торжество Карла V было сопровождаемо такою же бурей, какъ та, которая потрясла монастырь Іустскій во время его болѣзни.

Сообразно съ желаніемъ императора, его схоронили возлѣ императрицы подъ главнымъ алтаремъ, въ положеніи, предписанномъ прибавленіемъ къ духовному завѣщанію 9 сентября 1558 г. Эпитафія его обращалась къ его наследникамъ и говорила имъ:

Hunc locum, si quis posterum Carolo V
Habitam gloriam rerum gestarum
Splendore superaveris
Ipse solus occupato: ceteri
Reverenter abstinete.

«О ты, который изъ всѣхъ внуковъ Карла V, успѣешь превзойти блистательными подвигами блескъ его славы,—ты одинъ можешь занять это мѣсто! А другіе да удержатся отъ этого съ благоговѣніемъ».

Филиппъ, сооружая Эскуриаль, «дворецъ, монастырь и гробницу», какъ о немъ часто выражаются, имѣлъ двоякую мысль: посвятить его мученику, котораго память, празднуется 9 августа, и праху отца своего; по-этому онъ и поселилъ въ немъ Іеронимитовъ, предпочтительно передъ всеми другими орденами. Онъ смотрѣлъ на все построеніе, какъ на отцовскій мавзолей, и въ планъ его первоначальный склепъ долженъ былъ своею простотою представлять разительную противоположность съ остальнымъ зданіемъ. Сынъ его Филиппъ III замыслилъ планъ теперешняго *Пантеона*, 8-ми-угольной усыпальницы, украшенной богатѣйшими мраморомъ и бронзою, — усыпальницы, которая была приведена къ окончанію уже Филиппомъ IV, 16 марта 1654 года; въ этотъ день перенесеніе тѣлъ всей австрійской династіи подало поводъ къ последнему погребальному торжеству, котораго почести раздѣлялъ съ своимъ великимъ предкомъ Филиппъ II, названный *Соломономъ* испанскаго храма. Проповѣдникъ, отецъ Жуанъ де Авенеллада, взявъ текстомъ для своей рѣчи виднѣе Іезекіиля, и заключилъ ее словами: «*Се глаголетъ Адоначъ Господь ко-стемъ симъ: се азъ введу въ васъ духъ животенъ и дамъ духъ мой въ васъ и оживете....*»

Церковь блистала сіяніемъ безчисленныхъ свѣтъ. Каждый гробъ опускали въ Пантеонъ три испанскихъ гранда и три монаха св. Иеронима. Первый заключалъ останки Изабеллы бургонской, супруги Филиппа IV. Гробъ Карла V замыкалъ шествіе; его несли: первый министръ донъ Люизъ де Гаро, маркизь Абрантесъ и маркизь д'Айтона. Прежде нежели двойной гробъ помѣстили въ урну, или черную мраморную гробницу, которал для него назначалась, Филиппъ IV велѣлъ открыть его. Можно было бы сказать, что видніе Іезекіиля готово было осуществиться для великаго императора; такъ чудно сохранилось его тѣло; но *дыханіе* или *духъ* ожидалъ слова болѣе могущественнаго, нежели слово проповѣдника: *spiritum non habebat*. Полагаютъ только, что нѣсколько стеблей чабера, положеннаго въ складки савана, за 95 лѣтъ назадъ, іустскими монахами, еще издавали благоуханіе горъ Эстремадуры. Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ въ молчаніи на лице родоначальника своей династіи, Филиппъ IV обернулся къ министру и сказалъ ему: «*Suero honrado! don Luis!* почтенное тѣло! донъ Люизъ!—Очень почтенное! *my honrado!* отвѣчалъ донъ Люизъ де Гаро, утверждая этимъ словомъ размышленіе, «которымъ Его Величество, говорить историкъ Эскуриала, кратко выразилъ все чувство, до котораго можетъ возвыситься христіанское благочестіе передъ подобнымъ зрѣлищемъ!» Карлъ II, сынъ Филиппа IV, въ своемъ суевѣрномъ преувеличеніи поклоненія усопшимъ, посѣщалъ чаще всѣхъ своихъ предшественниковъ эскуриальскій Пантеонъ. Онъ любилъ размышлять надъ урнами, которыя имѣли уже своихъ жителей, и надъ тою, которая ожидала его, послѣдняго наслѣдника ихъ посмертнаго дворца (*).

(*) Д-ръ Коксъ, въ своихъ *Историческихъ Запискахъ о короляхъ испанскихъ изъ дому Бурбонновъ*, рассказываетъ о немъ слѣдующее:

«Государь, больной, уѣхалъ изъ столицы въ Эскуриаль, желая убѣжать отъ настойчивости тѣхъ, которые преслѣдовали его просьбами назначить себя преемника. Въ этомъ уединеніи, казалось, къ нему возвратились силы и мужество; но тревожное любопытство, свойственное больнымъ, заставило его прибѣгнуть къ суевѣрію, обыкновенному въ Испаніи и которому предана также и отецъ его. Онъ сошелъ въ склепъ Пантеона посѣтить трупы своего семейства, въ надеждѣ, что ихъ предстательство остановитъ усиленіе его болѣзни. Когда открыли гробъ его матери, то это зрѣлище, по видимому, произвело на него не слишкомъ сильное впечатлѣніе; но тѣло первой его супруги представилось ему съ едва замѣтными признаками разрушенія, и короля поразило лице ея, почти также румяное, какъ при жизни. Эти черты, нѣкогда столь любимыя, торжествующія надъ смертію, внушили ему одианъ ужасъ; онъ отступилъ, воскликнувъ: «Мы скоро соединимся въ небѣ!» и постыжно вышелъ изъ склепа. Дѣйствіе этого ужаснаго потрясенія на разстроенное его здоровье было глубоко и неизгладимо. Больное восбра-

Въ жилахъ Бурбоновъ, его преемниковъ, текла кровь Маріи-Терезіи, супруги Людовика XIV, которая, когда Анна Австрійская спрашивала ее, что она думаетъ о приѣмѣ, сдѣланномъ ей въ Лувръ, — отвѣчала: «Я думаю о другомъ торжествѣ, которое нѣкогда должно сопровождать меня въ Сен-Дениское аббатство.» И такъ Филиппы, Карлы и, послѣ нихъ, Фердинандъ VII, также охотно сходили въ эскуріальскіе Пантеоны: потому что возлѣ Пантеона королей и королевъ есть еще другой, — Пантеонъ инфантовъ, обыкновенно называемый: *il Podridero*.

Если вѣрить одному анекдоту, то г. Бедфордъ, богатый англичанинъ, съ восточнымъ воображеніемъ, туристъ и писатель романовъ, страстный охотникъ до высокой архитектуры и изящной живописи, — по особенной милости короля Карла III-го получилъ позволеніе удостовѣриться, точно ли въ гробницѣ своей и послѣ двухъ-вѣкового сна Карль V все еще походилъ на портреты, въ которыхъ Тицианъ далъ ему новую жизнь на своемъ волшебномъ полотнѣ. Герцогиня Гамильтонъ, дочь г. Бедфорда, объявляетъ, что для удовлетворенія любопытства отца ея, урна Карла V-го выдвинута была изъ своего углубленія, двойной гробъ раскрытъ, и г. Бедфордъ, подобно Филиппу IV, узналъ блѣдное чело, слегка оряный носъ, австрійскую губу и задумчивую фязіономію того, чьи глаза, по смерти, закрыты были рукою вѣрнаго Кихады. Эстремадурскій чаберъ сохранилъ еще свой горный запахъ.

Такъ какъ мы упомянули о человекѣ съ пламеннымъ воображеніемъ, то предположимъ на минуту, что императору Карлу V, подобно предшественникамъ его Карлу Великому и Барбаруссу въ нѣмецкихъ легендахъ, дано право каждое столѣтіе прерывать свой послѣдній сонъ; въ такомъ случаѣ, онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, при пробужденіи, вдыхать этотъ горный ароматъ, который тысячу разъ предпочтительнѣе всѣхъ бальзамовъ, проливаемыхъ на тѣла королей, напомнилъ бы ему страну, гдѣ онъ надвѣялся, на закатѣ дней своихъ, найти уединенныя радости, столь сладостныя для разочарованнаго ума того, кто перешелъ черезъ всѣ волненія войны и политики.

Впрочемъ, одинъ неизвѣстный авторъ сдѣлалъ также и изъ Карла V-го героя народнаго преданія, гдѣ, — подобно сыну Пепина, воспѣтому архіепископомъ Тюрпенемъ, — онъ, то является храбрымъ

женіе поддерживало въ немъ постоянную мысль о смерти, и онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что свѣжее лице королевы предвозвѣщало ему скорую кончину. (*Memoirs of the Kings of Spain. T. I.*)

поборникомъ христіанства и побѣждаетъ соперника своего Солимана; то, какъ добрый гандскій мѣщанинъ, охотно проигрываетъ тяжбу противъ пастуха, который обвиняетъ его, что онъ задавилъ его барана колесами своей кареты. Въ этой легендѣ подвиги паладина ставятъ его наравнѣ съ Сидомъ, а острыя слова восхищаютъ умы простыхъ людей, съ которыми онъ не гнушается вести дружескую бесѣду, подобно тому, какъ въ монастырскихъ летописяхъ и частной перепискѣ іустскихъ жителей мы видимъ, какъ онъ разговариваетъ съ цирюльникомъ Николаемъ и повѣряетъ ему намѣреніе заживо отпѣвать себя; съ Адрианомъ поваромъ, котораго онъ упрекаетъ за то, что мало кладетъ горчицы въ соусы; и Пелахо, хлѣбникомъ, котораго спрашиваетъ дѣлать хлѣбъ помягче для его слабыхъ зубовъ. Впрочемъ, по праву стихотворной вольности, легенда приписываетъ Карлу V и другія остроты и анекдоты, видимо заимствованные изъ комическихъ сочиненій позднѣйшихъ временъ.

Три эпическихъ поэта воспѣвали также Карла V-го въ длинныхъ поэмахъ; но, конечно, уже ни въ *Carolea*, Иеронима *Семпере*, званіемъ купца, ни въ *Carlos famoso*, Люиза *Zanamy*, война, ни въ *Carlos victorioso*, Иеронимо *Уппео*, также солдата, мы не найдемъ поэтическаго вѣнца, достойнаго могущественнаго монарха XVI-го столѣтія, равно великаго въ мирѣ и въ войнѣ, который, въ вѣчной борьбѣ съ неприятелями, почти столько же могущественными, какъ и онъ, и всегда готовыми соединиться противъ него, показавъ одинаковое хладнокровіе въ счастіи и въ несчастіи; который, въ теченіе 30 лѣтъ, успѣвалъ силою своего неутомимаго генія, безпрестанно сражаться и вести переговоры, избирая съ совершеннымъ умѣньемъ самыхъ искусныхъ полководцевъ и дипломатовъ, и всѣхъ ихъ превосходя, когда дѣйствовалъ лично; который слылъ счастливымъ, но никогда не ожидалъ ничего отъ случая; наконецъ, котораго обвиняли въ ненасытномъ честолюбіи, и который, «въ томъ возрастѣ, когда честолюбіе другихъ людей, говоритъ Вольтеръ, развертывается во всей силѣ, доказавъ своимъ отреченіемъ, что онъ былъ искрененъ, когда говорилъ, что предпочитаетъ всѣмъ шумнымъ радостямъ величія и славы дѣятельную свободу сельскаго и благочестиваго уединенія».

Но еще такъ не давно могли ли поэты подозревать эту искренность? Развѣ Карлъ V не былъ въ ихъ глазахъ холоднымъ, расчетливымъ, бездушнымъ политикомъ, честолюбцемъ съ мраморнымъ сердцемъ? Какъ извлечь изъ этой неподвижной фигуры слезы, которыя возбуждаютъ въ насъ такое участіе къ гнѣву Ахиллесову? Какъ предположить, чтобы онъ былъ способенъ удивляться красо-

тамъ природы, прекрасной картинъ, прекрасной поэмъ! Какъ угадать, наконецъ, что, вмѣсто мрачнаго отчаянія, этотъ государь, уроженецъ полустверный и полуужный, питалъ мечтательную задумчивость, которой любятъ предаваться души нѣжныя, посвятившія себя воспоминаніямъ и сожалѣнію добродѣтельной привязанности? Вотъ чего, конечно, не подозрѣвали также и тѣ, которые видя въ отреченіи Карла V-го первый признакъ ослабленія его умственныхъ способностей, тѣмъ легче повѣрили, что этотъ высокій разумъ наконецъ заблудился въ суевѣрныхъ обрядахъ монастыря, — монастыря, гдѣ императоръ именно выказываетъ всю силу души своей и всю нѣжность своихъ чувствъ. Переписка его съ сыномъ и дочерью, письма секретарей его и другихъ приближенныхъ, служатъ яснымъ опроверженіемъ всемъ этимъ разсказамъ, которые, сами себѣ противорѣча, дѣлаютъ изъ Карла V-го, на одной и той же страницѣ, философа и идіота, мудреца и полупомѣшаннаго комеданта (*).

Это безуміе, котораго начало Вольтеръ полагаетъ со времени поступленія Карла V-го въ монастырь, по мнѣнію другихъ историковъ, началось еще прежде. Г. Минье, опираясь на Галуцци (*Storia del gran ducato de Toscana*) и Ранке, говоритъ въ своемъ предисловіи къ *Исторіи испанскаго наслѣдства*: «Этотъ человекъ, столь дѣятельный, котораго приказаній ожидала цѣлая часть свѣта, подписывалъ бумаги не иначе какъ съ досадою; онъ по цѣлымъ часамъ запирался въ комнату, обтянутой темнымъ сукномъ и освѣщенной 7 факелами.» (*Историческія записки и замѣтки. Т. II*). Это было въ 1543 г. Послѣ того г. Минье, подобно намъ, говоритъ: «Карль V кончилъ жизнь свою, какъ началъ ее, съ благородною върою и врожденнымъ величіемъ.» Удивляемся, какъ, читавши и искусно употребивъ въ дѣло тѣ же документы, какіе и мы, г. Стирлингъ могъ сказать еще: «*Разъ поселившись въ стѣнахъ іустскихъ, онъ усвоилъ себѣ всѣ страсти, всѣ предразсудки и суевѣрія*

(*). Вотъ что говоритъ о немъ Вольтеръ: «Разочарованный во всемъ, потому что все испыталъ, онъ отказался отъ вѣнцевъ своихъ и отъ міра, 56 лѣтъ отъ рожд., т. е. въ томъ возрастѣ, когда честолюбіе другихъ людей развертывается во всей своей силѣ, и когда столько второстепенныхъ королей, называемыхъ министрами, начали поприще своего величія. Полагаютъ, будто бы умъ его разстроился въ іустскомъ уединеніи. Дѣйствительно, проводить дни, заводя часмъ и мучая послушниковъ, представлять въ церкви комедію своего собственнаго погребенія, лечь въ гробъ и петь себѣ *De profundis*, — это черты, не свойственныя здравому уму. Стало-быть тотъ, кто заставляетъ трепетать Европу и отразилъ побѣдителя Персовъ, умеръ въ сумасшествіи. (*Вольтеръ. Опытъ о нравѣхъ и дѣлѣ народовъ*).

monaxa: Once within the walls of Yuste he assumed all the passions, prejudices and superstitions of a friar. (Cloister Life of emp. Charles V).

Мы думаемъ, что въ нашихъ розысканіяхъ намъ удалось открыть многіе факты, которыхъ не знали историки Карла V, и, что всего важнѣе, истолковать истинный смыслъ нѣкоторыхъ поступковъ, приводимыхъ до сихъ поръ въ доказательство его помвшательства. Въ особенности, обозначивъ и выставивъ вѣрную любовь и замогильное обожаніе, которыя, до самой своей кончины, Карлъ V сочетавалъ въ сердцѣ своемъ съ христіанскимъ благочестіемъ,—мы можемъ только удивляться, что они не поразили никого прежде насъ, когда это характеристическое чувство одно служить ключемъ къ нѣкоторымъ особенностямъ, известнымъ прежде появленія новыхъ документовъ, которые мы имѣли въ своемъ распоряженіи. Правда, чувство это, которое Карлъ V наследовалъ отъ своей матери, кажется, не совсѣмъ понято сыномъ его, столь ревностнымъ продолжателемъ отеческихъ преданій, и даже иногда доводившимъ это подражаніе до преувеличенія. Филиппъ былъ женатъ четыре раза, и потомки его, испанской отрасли, болѣе или менѣе отделились отъ примѣра ихъ славнаго предка. Въ австрійской линіи Максимилианъ II, какъ мы уже видѣли, представлялъ примѣръ совершенно противоположный, къ величайшему отчаянію Маріи, своей супруги; но, наконецъ, мы находимъ королеву Іоанну, мать Карла V, и самаго Карла V въ Маріи Терезіи. Исторія говоритъ, что она пережила 15-ю годами своего мужа, умершаго въ Инспрукъ (1765), и что въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ окружала себя траурными эмблемами. Не только Марія Терезія ни разу не забыла 18-е число каждаго мѣсяца сходить въ императорскій погребальный склепъ и орошать слезами предметъ своей неизмѣнной привязанности, но еще цѣлый августъ посвящала этому печальному воспоминанію. Она сохранила портретъ Франциска I, на которомъ онъ былъ изображенъ такимъ, какимъ она видѣла его въ минуту погребенія, и любила долго смотрѣть на него. Она тайнѣ приказала сдѣлать для себя гробъ и своими руками выткала себѣ саванъ. Когда наступилъ послѣдній часъ, присутствовавшіе слышали, какъ она нѣсколько разъ повторила слова: «иду къ тебѣ».

§ II.

П р и б а в л е н і е.

Мы посвятимъ еще нѣсколько краткихъ біографическихъ замѣтокъ главнѣйшимъ лицамъ, появлявшимся въ этомъ рассказѣ, начиная съ послѣ всѣхъ прибывшаго, архіепископа толедскаго, именно

потому, что посвященіе его къ смертному одру Карла V и послужило однимъ изъ основаній обвиненія, которое привело его въ темницы инквизиціи. Архіепископъ толедскій въ письмѣ своемъ къ Филиппу II-му отдаетъ отчетъ въ послѣднихъ минутахъ жизни отца его, и это письмо совершенно согласуется съ разсказомъ Кихады; но безымянный монахъ, котораго описаніе очевидно составлено уже послѣ суда надъ Карранцею, разсказываетъ происшествія нѣсколько иначе. По его словамъ, прелать (который слишкомъ долго заставлялъ себя ждать въ Лустѣ) получилъ отъ Карла V не очень ласковый приѣмъ. Монахъ, по видимому, ничего не зналъ о предубежденіи, посланномъ въ умъ императора коварными внушеніями великаго инквизитора; вотъ его разсказъ:

«По возвращеніи изъ Нидерландовъ, архіепископъ прибылъ въ «Лустъ, наканунѣ самой кончины императора. Лишь только доложили объ его пріѣздѣ государю, то онъ позволилъ ему войти, и «освѣдомившись о здоровьѣ своего сына, сказалъ прелату, что не «расположенъ говорить о дѣлахъ. Архіепископъ возвратился въ Кваносъ съ своею свитою, хотя настоятель и отдавалъ монастырь въ «его распоряженіе. Отобѣдавъ, онъ прибылъ вечеромъ вторично; но «такъ какъ императоръ его не принялъ, то онъ долженъ былъ оставаться въ передней. Между тѣмъ, донъ Люизъ д'Авила, графъ Орпезе и Кихада, одинъ за другимъ вошли въ комнату императора. «Каждый изъ нихъ старался, чтобы архіепископъ могъ воспользоваться тою же милостію. Они не получили отъ Карла V никакого «отвѣта, но только движеніе головы, означавшее отказъ. Наконецъ «Кихада обратился къ духовнику: — пусть ваше священство объявитъ, въ чемъ дѣло, сказалъ онъ; всѣ здѣсь того мнѣнія, что вы «отклоняете его величество отъ принятія архіепископа.

— «Донъ Люизъ, отвѣчала духовникъ, дай Боже, чтобы всѣ «испанскіе прелаты собрались здѣсь; для меня ничего не могло бы «быть пріятнѣе. Но его величеству, сколько я понимаю, не угодно «видѣть именно того изъ нихъ, который здѣсь находится, и мы должны «сообразаться съ его волею, въ особенности въ такую страшную «минуту». Однакожъ, такъ какъ продолжали думать, что онъ противится этому свиданію, то онъ и предложилъ ходатайствовать, въ «присутствіи дона Люиза д'Авила и Кихады, о допущеніи въ комнату архіепископа.

«Только, хотя онъ и обратился съ этою просьбою къ государю, «Карль V не отвѣчалъ ни слова; но устремивъ на него смущенный «взоръ, казалось, говорилъ ему: *и вы такъ же, отецъ мой!* Послѣ «этого опыта всѣ убѣдились, что со стороны духовника не было

«никакой иптриги, и что императору угодно было въ эти минуты «слушать только то, что касалось до спасенія души его. Нѣсколько времени спустя, пронесся слухъ, что императоръ находится при «последнемъ издыханіи; архіепископъ, не испрашивая больше позволенія, вошелъ въ комнату съ другими вельможами. Подошелъ къ кровати умирающаго, онъ сказалъ *между прочимъ* императору: «*Все кончено!*» и принялся изъяснить псаломъ *De profundis*. Потомъ онъ удалился во внутренность монастыря, и, оставивъ при императорѣ духовника и еще другаго монаха, приказалъ дать ему знать, «когда наступитъ послѣдній часъ. По уходѣ его болішій обратился къ своему духовнику. — Слышали вы, промовилъ онъ, какъ архіепископъ сказалъ: *все кончен!* — съ этой минуты болѣзнь усиливалась съ часу на часъ, и въ полночь монахъ счелъ нужнымъ уведомить архіепископа. Прелать тотчасъ прибѣжалъ въ сопровожденіи «другихъ сановниковъ; но они нашли императора уже при смерти. «Архіепископъ принялся утѣшать его, но такимъ громкимъ голосомъ, что Кихада вынужденъ былъ просить его говорить потише и съ «болышимъ уваженіемъ къ предсмертной тоскѣ, въ которой находился государь. И такъ онъ отошелъ отъ кровати и сталъ у окна.»

Въ этомъ отрывкѣ должно замѣтить намѣреніе оправдать духовника въ томъ, что будто-бы онъ внушилъ Карлу V предубѣжденіе противъ архіепископа, — отвращеніе, приписываемое императору къ этому духовному сановнику, — и въ особенности, какимъ образомъ Карлъ V выставляетъ слова: «*все кончено!*» сказанныя ему Карраццею.

Когда прелать удалился въ свою епархію, гдѣ, во всю остальную часть этаго года и въ первые 6 мѣсяцевъ слѣдующаго, занимался исключительно обязанностями своего званія, то, быть можетъ, ему приходилось слышать сомнѣніи, умеръ ли Карлъ V православнымъ католикомъ; но этотъ нелѣпый слухъ, безъ сомнѣнія, вызывалъ у него одну улыбку. Если бы даже онъ зналъ, что къ этому слуху присоединились еще толки, будто бы онъ самъ, у смертнаго одра благочестиваго императора, въ присутствіи его духовника, выражалъ предложенія неприличныя, по мнѣнію однихъ, еретическія, по мнѣнію другихъ, безбожныя, то, конечно, улыбнулся бы еще разъ. Если онъ и дѣйствительно сказалъ Карлу V: «*все кончено!*» то могъ ли онъ думать, что передъ судилищемъ инквизиціи эти слова будутъ перетолкованы такимъ образомъ: «*Все кончено со «смертію; нѣтъ другой жизни; въ безднѣ могилы насъ ожидаетъ «ничтожество; къ чему заботиться о томъ, что станетъ съ нашею «душею?»* Между тѣмъ, іустское эхо повторяло эхамъ инквизиціи почти тѣ же слова, съ самыми невыгодными толкованіями; но труд-

но было основать обвиненіе во всей формѣ на однихъ этихъ словахъ, не взирая на свидѣтельство отца Жуана де-ла-Регла. Къ-несчастью, примасъ Испаніи далъ противъ себя другое оружіе тѣмъ, которые замыслили его гибель. Іовъ, сидя на гноищѣ, восклицаетъ (Іовъ, глава XIX. 23). «*Кто бо далъ бы, да напишутся словеса моя и поможатся оная въ книзѣ во вѣкъ.*» Патриархъ страданій и не подозрѣвалъ, что ему не доставало, можетъ статья, только быть *сочинителемъ*, чтобы духъ злобы прибавилъ новое гоненіе ко всѣмъ тѣмъ, которые уже испытали его долготерпѣніе. Инквизиція овладѣла испанскимъ напечатаннымъ Карранцею въ Антверпенѣ катихизисомъ, который архіепископъ считалъ столь православнымъ, что, въ своемъ посвященіи королю, говорилъ: «Въ эту опасную годину, когда еретики такъ усердно распространяютъ заблужденія, прилично православнымъ потрудиться въ пользу истины. И такъ, по настоянію многихъ испанскихъ церквей, я сочинилъ этотъ катихизисъ на испанскомъ языкѣ, для употребленія вѣрными, и вскорѣ переведу его на латинскій, чтобы и другія страны, въ особенности Англія, могли имъ воспользоваться.» Къ-несчастью, въ предисловіи онъ говорить также:

«Сколько мнѣ было возможно, я старался воскресить древнее ученіе отцевъ нашихъ первобытной церкви; потому что это самое истинное и точное ученіе.» А это возвращеніе къ ученію первобытной церкви развѣ не было также проповѣдуемо лютеранами и другими реформаторами? Въ самомъ катихизисѣ цензоры инквизиціи нашли до 16 предложеній еретическихъ и обличаемыхъ выраженіями, которыя употреблялъ прелать, — выраженіями, которыя находились и въ сочиненіяхъ Лютера, Меланхтона и другихъ проповѣдниковъ ереси. Съ тѣхъ поръ регентша не сомнѣвалась болѣе, что, дѣйствительно, Карранца, зараженный въ Англіи протестантскою язвою, сказалъ, у смертной постели отца ея, слова, соблазнительныя всѣхъ присутствовавшихъ. Она согласилась помочь замыслу Вальдеца, который не осмѣливался арестовать архіепископа въ его епархіи, и написала къ нему съ особеннымъ курьеромъ, что приглашаетъ его пріѣхать въ Вальядолидъ, для принятія короля, котораго ожидаютъ въ непродолжительномъ времени. Карранца получилъ извѣщенія, которыя должны были бы сдѣлать его осторожнымъ; но онъ подумалъ, что друзья его преувеличиваютъ опасность, и, встрѣтивъ одного изъ нихъ на дорогѣ, отвѣчалъ ему: «Сама принцесса приглашаетъ меня и прислала за мною, для большей вѣжливости, дона Родрига де-Кастро.» А этотъ донъ Родригъ де-Кастро, который сопровождалъ его для большей почести, получилъ приказаніе

не терять его изъ вида и вести къ примасу алгвазия инквизиціи, когда они прїѣдутъ на послѣднюю станцію къ Валльядолиду; чѣдо донъ Родригъ и сдѣлалъ, утромъ, на разсвѣтъ, ставъ на колѣна у его кровати и прося прощенія въ томъ, что исполнялъ повелѣніе, въ силу котораго Карранца долженъ былъ окончить свое путешествіе, какъ плѣнникъ инквизиціи. Донъ Діэго Рамирецъ, президентъ толедскаго суда, послѣдовавшій за своимъ архіепископомъ, вошелъ тогда въ комнату, и, столько же почтительный, какъ донъ Родригъ, выразилъ также сожалѣніе, и также, какъ онъ, пролилъ слезы; но вмѣстѣ съ тѣмъ вытаскилъ изъ кармана и показалъ прелату копію съ послѣдняго папскаго указа, который облекалъ инквизитора Валдеца самою обширною властію. Карранца, привезенный въ Валльядолидъ, подалъ жалобу, въ одно и то же время, королю и папѣ. Филиппъ не удостоилъ принять участіе въ судьбѣ челоуѣка, котораго самъ возвелъ въ первый духовный санъ своихъ королевствъ, и притомъ же, дѣлая насиліе его скромности. Карранца изъяснилъ достаточною причиною эту немилость, когда, однажды, идя предстать передъ судей своихъ, въ сопровожденіи епископа Лериды и другаго члена инквизиціи, сказалъ имъ: «я иду передъ судищицею между моимъ лучшимъ другомъ и моимъ злѣйшимъ непріателемъ.» Епископъ Лериды, который почувствовалъ себя оскорбленнымъ этимъ размышленіемъ, просилъ его объясниться: «Вы не поняли меня, возражалъ Карранца: мой лучший другъ—это моя невинность, а мой злѣйшій врагъ—архіепископство толедское.» Грое папъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ продолженіе его процесса, Пій IV, Пій V и Григорій XIII, судили объ его дѣлѣ точно такимъ же образомъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился оправдать его вполне. Напрасно *Тридентскій* соборъ одобрилъ катихизисъ Карранцы, говоря, что онъ заключаетъ въ себѣ истинное католическое ученіе; напрасно Пій V объявилъ, что готовъ одобрить его актомъ *de proprio motu*, напрасно тотъ же самый папа отобралъ это дѣло у инквизиціи испанской и перенесъ его въ инквизицію римскую; напрасно также и римская инквизиція произнесла приговоръ, оправдывающій Карранцу; такъ какъ Пій V скончался прежде, нежели приговоръ этотъ былъ обнародованъ, то процессъ начался снова при Григоріѣ XIII. Уже по истеченіи 16 лѣтъ, изъ которыхъ подсудимый провелъ 8 въ темницахъ Валльядолида и 8 въ замкѣ Св. Ангела, его освободили вслѣдствіе приговора, который, хотя и признавалъ его невиннымъ, по осуждалъ на 57-лѣтнее заключеніе въ монастырѣ Минервы и на это время отлучалъ его отъ управленія епархіею. Карранца, какъ истинный христіанинъ, смирился передъ

приговоромъ, который возмущалъ все народонаселеніе Рима. Когда онъ служилъ обвдню, въ первый разъ послѣ своего отреченія, то необъятное стеченіе зрителей доказало ему, какое живое сочувствіе онъ возбуждалъ въ публикѣ; а когда онъ посѣщалъ 7 церквей для выполненія одной изъ эпитимій, которыя были на него возложены, то за нимъ слѣдовала столь многочисленная толпа, что онъ какъ-будто совершалъ триумфальное шествіе. Онъ жилъ только 16 дней послѣ своего освобожденія, и умеръ, свидѣтельствуясь Богомъ въ чистотѣ своей вѣры, хотя—до конца покорный вѣльному приговору, внушенному, безъ сомнѣнія, страхомъ ослабить нравственное вліяніе инквизиціи, повторилъ, что отрекается отъ всего того, что въ сочиненіяхъ его могло казаться подозрительнымъ. Похороны его торжествовали, какъ похороны святаго; всѣ лавки въ Римѣ въ тотъ день были затворены; самъ папа сочинилъ ему эпитафію, и еще до сихъ поръ онъ считается однимъ изъ достойнѣйшихъ пастырей толедской епархіи. Нашлись даже протестанты, которые, подъ опасностію оправдать приговоръ инквизиціи, признаютъ его за одного изъ *своихъ*, не смотря на ревность, показанную имъ въ гоненіи англійскихъ еретиковъ

Судъ инквизиціи совершался въ такой тайнѣ, что ничто не мѣшаетъ полагать, что духовникъ Карла V не далъ въ этомъ дѣлѣ хода смертельной ненависти, которую приписываютъ ему въ отношеніи къ Карранцъ,—ненависть богослова, монаха, завистника, опереженного на поприщѣ честолюбія. Говорили, что, въ качествѣ іеронимита, онъ столько же ненавидѣлъ въ о. Боржіа іезуита, сколько въ Карранцъ доминиканца. По смерти своего августѣйшаго духовнаго сына, отецъ Жуанъ отправился въ Вальядолидъ и ждалъ тамъ Филиппа II, который принялъ его милостиво, назначилъ ему пенсію, и впоследствии вѣрилъ ему, подобно отцу своему, руководство своею совѣстію. Онъ также былъ сдѣланъ настоятелемъ іеронимитскаго монастыря въ Мадридѣ, когда дворъ избралъ этотъ городъ резиденціею, и потомъ, окончательно, столицею. Духовникъ Филиппа II-го не употребилъ ли во зло огромнаго вліянія, которое давало ему это званіе? Показалъ ли онъ надмѣнную гордость, или ложное смиреніе? Омрачилъ ли священный характеръ своего сана въ придворныхъ интригахъ? Если вѣрить товарищу его, неизвѣстному монаху, и отцу Сигуэнцъ, историку ордена, то доносчикъ на архіепископа толедскаго былъ чуть-чуть не святой, такъ онъ хорошо употреблялъ свое вліяніе и свои доходы, отсылая всѣхъ просителей къ ихъ судьямъ, раздавая четвертую долю своей ежегодной

пенсії бѣднымъ, а остальное братьямъ своимъ, сарагосскимъ монахамъ,—наконецъ, имѣя только одну невинную страсть—библіоманію. Онъ завѣщалъ все свое собраніе библіотекъ монастыря Санта-Энграція, въ благодарное воспоминаніе первыхъ годовъ своей юности, когда у него не было другихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежали благочестивому убѣжищу, гдѣ онъ получилъ безвозмездное образованіе. Онъ умеръ 1754 г. въ эскуриальскомъ дворцѣ.

Въ слѣдующемъ году умеръ и любимый проповѣдникъ Карла V, Францискъ де Вилальва. Онъ сдѣлался также однимъ изъ капеллановъ Филиппа II, говорилъ въ присутствіи его проповѣдь въ день Пасхи, и, сойдя съ кафедры, почувствовалъ лихорадочный припадокъ. Съ нимъ часто совѣтовались въ дѣлахъ духовныхъ.

Второй проповѣдникъ, о. Жуанъ де Азалорастъ, о которомъ мы упоминали при избраніи его въ достоинство генерала орд. Св. Іеронима въ 1558 г., оставался въ этомъ званіи до 1591 г., а потомъ принялъ епископство Канарскихъ острововъ.

Третій, о. Антоніо де-Виллакастинъ, который распорядился каменными работами при постройкѣ іустскаго дворца и дѣйствительно имѣлъ врожденное дарованіе къ архитектурѣ, сдѣлался главнымъ надзирателемъ надъ работами при сооруженіи Эскуриала. Онъ занимался этимъ въ теченіе 40 лѣтъ съ ревностію и понитливостію, которыя приводили въ восторгъ Филиппа II. Отецъ Сигуэнца, первый настоятель монастыря, засталъ его уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но все еще дѣятельнаго. Онъ рассказываетъ, что у о. Антоніо распухла однажды рука, съ признаками, которые, по мнѣнію докторовъ, дѣлали ампутацію неизбежною. Онъ легъ и въ бессонницѣ его ему казалось уже, что онъ чувствуетъ первыя страданія операциі, вдвойнѣ жестокой для архитектора, который самъ любитъ обращаться съ лопаткою. И точно, двѣ руки оцупывали его руку; но вмѣсто того, чтобы вонзить въ нее желѣзо, онъ терли ее такъ нѣжно, что онъ почувствовалъ немедленное облегченіе. Онъ всталъ полный надежды, и выздоровѣлъ, ни мало не сомнѣваясь, что самъ св. Лаврентій чудесно изцѣлилъ его. О. Антоніо жилъ 90 лѣтъ, могъ видѣть оконченную часть Эскуриала, называемую *храмомъ*, и служилъ моделью для одной изъ фигуръ *аль-фреско*, которыми Люизъ Камбилессо украсилъ куполь. Въ послѣдній годъ его жизни, глаза его помутнились отъ темной воды. Онъ хотѣлъ, чтобы его похоронили подъ порогомъ его кельи, желая также имѣть свое мѣсто въ великолѣпномъ мавзолѣ, архитектору котораго такъ усердно помогалъ.

Четвертый капелланъ Карла V, о. Жуанъ де-Сантадресъ, заключилъ въ монастырь своемъ, Талавера, и о. Сигуонца говорить, что ему дано было предсказать день и часъ своей смерти.

Самый знаменитый изъ благочестивыхъ постытелей Карла V былъ, безъ сомнѣнія, отецъ Францискъ-Грешникъ, какъ онъ самъ себя называлъ, или великій святой Францискъ Боржіа, какъ называли его другіе. Бывшій герцогъ Гандіа, послѣ произнесенія надгробнаго слова Карлу V-му, долженъ былъ повиноваться правительницѣ, которая поручила ему новое секретное посольство въ Португалію. По возвращеніи, онъ отправился въ Римъ къ генералу ордена Іезуитовъ; два раза избираемъ былъ генераломъ—членъстникомъ ордена и оплодотворилъ мысль его основателя своими собственными внушеніями и умомъ, съ какимъ исполнялъ различныя порученія, на него возложенныя. По смерти отца Лэе, генерала ордена, не смотря на его сопротивленіе, его избрали на это мѣсто. Это достоинство не охладило его рвенія, и не взирая на свои важныя занятія, вѣрный закону послушанія, онъ не противился желанію папы присоединить его къ посольству своего племянника, кардинала Александрина, который отправлялся въ Испанію, Португалію и Францію, умолять христіанскихъ государей составить союзъ противъ невѣрныхъ. Это порученіе было достойно товарища по оружію Карла V. Отецъ Францискъ вышелъ на берегъ въ Барселонѣ и былъ принятъ въ Испаніи, какъ святой; король и кардиналъ Эспиноза приветствовали его собственноручными письмами, которыхъ подателемъ былъ его родной сынъ; толпы преклонялись при его появленіи, умоляя благословить ихъ. Въ Валенціи, старшій сынъ его, герцогъ Гандіа, ждалъ его у городскихъ воротъ, въ сопровожденіи всего дворянства. Въ Мадридѣ, Филиппъ умолялъ его окрестить инфанта. Съ своей стороны о. Францискъ поднесъ Филиппу, отъ имени папы, часть животворящаго древа для эскуріальскаго храма, который богатствомъ мощей вскорѣ долженъ былъ превзойти сокровище св. Марка въ Венеціи. Тѣ же почести ожидали его въ Португаліи, при дворѣ и въ городѣ; кардиналъ Генрихъ самъ добивался милости возобновить гардеробъ бывшаго принца, изношенный во время путешествія, потому что о. Францискъ не всегда снималъ ночью дневную одежду. Наконецъ, во Франціи, Карлъ IX и мать его Екатерина Медицисъ вышли къ нему на встрѣчу, и королева выпросила у отца Франциска четки, вѣруя несомнѣнно въ ихъ особенную силу.

О. Францискъ-Грешникъ предпринялъ обратный путь чрезъ Альпійскія горы, съ здоровьемъ, разстроеннымъ трудами и строгою жизнію. Пламенное усердіе его къ Божіей Матери внушило ему

мысль идти на поклоненіе Лореттской Богородицѣ; ничто не могло отклонить его отъ исполненія этого обѣта, но онъ принужденъ былъ остановиться въ Туринѣ, и потомъ въ Феррарѣ, и оттуда уже продолжать путь свой въ Римъ, въ носилкахъ. Такъ какъ Шій V-й въ это время скончался, то отца Франциска хотѣли возвести на папскій престолъ, и отказались отъ этого намѣренія только потому, что видѣли, какъ ему самому не долго оставалось жить на свѣтъ.

Въ 1617 г. внукъ о. Франциска, кардиналъ герцогъ Лерма, выпросилъ у папы позволеніе перенести тѣло его въ іезуитскую церковь въ Мадридѣ; а въ 1671, по засвидѣтельствovanіи многихъ чудесъ, совершившихся у мощей его, папа Климентъ IX причелъ его къ лику святыхъ.

Въ числѣ благочестивыхъ особъ, испрашивавшихъ у него въ Мадридѣ благословеніе, въ 1571 г., отецъ Францискъ-Гръшникъ узналъ донью Магдалину де-Уллоа, жену Люиза Кихады, которую выдалъ въ Іустъ и которая питала къ нему особенное уваженіе. Овдовѣвъ уже съ годъ, она пріѣхала препоручить его молитвамъ душу Кихады и юнаго принца, которому, вмѣстѣ съ памлтью усопшаго мужа, посвящены были всѣ ея земные помыслы. Послѣ смерти императора и въ то время, какъ дворецкій исполнялъ обязанности, соединенныя съ званіемъ душеприкащика, донья Магдалина ѣздила на богомолье въ аббатство Гваделупской Богоматери, прежде нежели возвратилась съ своимъ названнымъ сыномъ въ замокъ Виллагарію; тамъ соединился съ ними Кихада, въ ожиданіи приказаній отъ Филиппа II. До пріѣзда короля, скромный повѣренный Карла V не считалъ себя въ правѣ нарушить свое молчаніе. Тайна императора осталась бы навсегда погребенною въ его могилѣ и въ сердцѣ Кихады, еслибы это угодно было Филиппу II; потому что однихъ публичныхъ толковъ недостаточно было для присвоенія титула царскаго сына тому, котораго ни самъ король, ни повѣренный отца его не признавали за сына императора.

Кихада писалъ королю изъ Іуста: «Здѣсь много объ этомъ толкуютъ, но я опровергаю это и буду продолжать такъ дѣйствовать. Ваше Величество можете быть увѣрены, что тайна въ безопасности, хотя я и далъ ребенку воспитаніе, приличное его происхожденію.» Въ самомъ дѣлѣ, Васкецъ, отъ имени правительницы, два раза спрашивалъ у него довѣреннымъ образомъ, чѣмъ должно думать о слухахъ, которые носились на счетъ рожденія юнаго Геронима? Васкецу и самой правительницѣ Кихада два раза повторялъ одну и ту же исторію. «Правда, что у него въ домѣ находился

«ребенокъ, порученный ему другомъ, котораго онъ не могъ назвать; «во съ какого права смѣютъ подозрѣвать въ немъ сына императора, «когда императоръ не упоминаетъ объ немъ ни въ завѣщаніи своемъ, ни въ прибавленіи къ своему духовному завѣщанію?» Наконецъ Филиппъ II возвратился въ Испанію въ теченіе 1559 года и далъ звать Кихадъ, чтобы онъ находился съ своимъ юнымъ воспитанникомъ у монастыря Санъ-Педро де-ла-Эспина. Готовясь повиноваться приказанію короля, Кихада въ первый разъ объявилъ женѣ своей всю правду касательно ихъ приемыша, и просилъ у нея прощенія, что такъ долго скрывалъ отъ нея тайну. Потомъ, собравши своихъ вассаловъ, онъ отправился на свиданіе, назначенное ему королемъ. Филиппъ былъ въ охотничьемъ платьѣ; онъ встрѣтилъ Кихаду и Донъ-Жуана на пустынной полянѣ въ торозскомъ лѣсу; долго всматривался въ юнаго спутника дворецкаго, не переставая въ то же время разговаривать съ Кихадою, сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ мальчику, сказалъ ему, чей онъ сынъ, и въ изъявленіе своего удовольствія прибавилъ: «Охота кончена; мнѣ никогда еще не случалось «встрѣчать дичи, которая доставила бы мнѣ такое утѣшеніе.»

Съ этого самаго дня, юный сирота принялъ имя д. Жуана австрійскаго и сталъ воспитываться съ дѣтьми Филиппа II. 10 лѣтъ спустя, онъ въ первый разъ взялъ оружіе противъ Мавровъ, которые взбунтовались въ горахъ Альпухарасскихъ; а Кихада, пожалованный великимъ шталмейстеромъ наследника престола, президентомъ совѣта обѣихъ Индій, и получившій три богатыя командорства орд. Калатравы, сопровождалъ своего бывшего воспитанника съ чиномъ генерала инфантеріи. Донъ Жуанъ никогда не переставалъ уважать его, какъ роднаго отца; а донью Магдалину продолжалъ называть матерью. Онъ не хотѣлъ отправиться на войну, не простившись съ нею. Донья Магдалина не могла удержаться отъ слезъ и умоляла стараго воина умѣрять мужество ихъ возлюбленнаго сына; быть можетъ, слезы доньи Магдалины выражали грустное предчувствіе; только опасность угрожала не юношѣ, а старому воину. Кихадъ захотѣлось самому рекогносцировать крѣпость Сиронъ; внезапная вылазка Мавровъ распространила замѣшательство въ отрядѣ, его сопровождавшемъ; Кихада старался ободрить солдатъ, когда неприятельская пуля ранила его въ плечо. Его перенесли въ Канильесъ; пуля погнула также шлемъ донъ Жуана, который прикрывалъ его отступленіе. Донья Магдалина поспѣшила пріѣхать изъ Мадрида, чтобы ходить за раненымъ; онъ скончался на рукахъ ея, 25 февраля 1570 г. Донъ-Жуанъ надѣлъ трауръ, какъ будто бы дѣйствительно лишился отца, и велѣлъ положить тѣло Кихады въ іеронимитской

церкви города Бозы, въ ожиданіи, пока его можно будетъ похоронить въ замкѣ Виллагарсіа. Онъ заслуживалъ бы покоиться въ эскуріальскомъ пантеонѣ, возлѣ государя, котораго любилъ, которому служилъ и удивлялся съ дѣтства. Съ тѣхъ поръ донъ Жуанъ оказывалъ еще нѣжнѣйшую привязанность вдовѣ стараго рыцаря. Онъ умѣлъ находить время писать къ ней даже въ продолженіе похода, и слѣдующій отрывокъ изъ одного письма доказываетъ, что названное его семейство внушило ему чувства, которымъ Карль V могъ бы позавидовать:

«Донъ Люизъ умеръ, какъ долженъ былъ умереть, сражаясь за честь, сражаясь, чтобы спасти своего сына, и увѣнчанный безсмертною славою. Чѣмъ бы я ни былъ, чѣмъ бы ни сдѣлался, — я вѣдѣю обязанъ ему, — ему, который воспиталъ меня, или, лучше сказать, «далъ мнѣ другую жизнь, благороднѣйшую первой. Бѣдная, огорченная вдова, обожаемая матушка, я одинъ у тебя остался и принадлежу тебѣ, по двоякому праву: я, за котораго д. Люизъ умеръ; тебѣ — которую такъ жестоко поразило это несчастіе. Умври твою горестъ твоимъ обыкновеннымъ благоразуміемъ. За-чѣмъ я не возьму тебя, чтобы осушить твои слезы, или плакать вмѣстѣ съ тобою? Моли Бога, чтобы онъ возвратилъ тебѣ сына, чтобы ты могла «прижать его къ груди своей.»

Донья Магдалина не довольствовалась тѣмъ, что молилась за донъ Жуана; занимаясь тѣми ревнивыми попеченіями, которыя очаровываютъ сердца матерей, она не хотѣла, чтобы другія руки, кромѣ ея самой, изготовляли бѣлье для ея возлюбленнаго героя; а онъ всегда оставался внимательнымъ и нѣжнымъ сыномъ, и ни честолюбіе, ни слава, ни любовныя приключенія его романтической юности, не заставили его забыть донью Магдалину. По возвращеніи изъ сраженій, первое его посѣщеніе всегда было къ ней. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ ея благочестивыхъ дѣлахъ, подобно тому, какъ она принимала участіе въ его славныхъ подвигахъ. Въ воспоминаніе того, какъ онъ ходилъ съ доньею Магдалиною на богомолье къ Богородицѣ Гваделупской, донъ Жуанъ повѣсилъ между богатыми лампадами святилища сигнальный фонарь, снятый съ мусульманской галереи. Наконецъ, когда д. Магдалина, вѣрная обещанію, данному ею о. Франциску-Грѣшнику, захотѣла основать въ Виллагарсіа иезуитскую коллегію, онъ собственноручно писалъ къ папѣ, чтобы получить отъ него духовное разрѣшеніе, котораго требовали отъ епископовъ. «Я ничего такъ не желаю, писалъ къ святѣйшему отцу побѣдитель при Лепантѣ, какъ исполнить желаніе той, которую считаю своею матерью.»

Въ слѣдующемъ году (1577) донъ Жуанъ, по обыкновенію, прощался съ доньею Магдалиною передъ отъѣздомъ своимъ въ Нидерланды. Филиппъ II поручалъ ему начальство надъ войсками. И при этомъ случаѣ донъ Жуанъ видѣлъ, какъ снова текли слезы той, которая принимала его сыновнее прощаніе. Это было то же самое предчувствіе, которое она испытала, когда онъ шелъ съ Кихадою въ свой первый походъ, между тѣмъ какъ она не отгорчалась, по крайней-мѣрѣ, въ такой же степени, когда юный принцъ отправлялся воевать съ Турками на моряхъ Акціума и возстановить испанское вѣдѣніе на развалинахъ Карфагена. Новые лавры ожидали сына Карла V въ Нидерландахъ; но тамъ ожидало его также и смерть, и остановила его въ ту самую минуту, когда, быть можетъ, онъ имѣлъ поводъ надѣяться, что переимѣнитъ лавровыя вѣнцы на вѣнецъ королевскій. Передъ смертію послѣднимъ его желаніемъ было покоиться въ томъ склепѣ, гдѣ лежалъ Карль V. Войско оплакивало его потерю; оно любило сравнивать жизнь сына съ жизнью отца, припоминая, что, подобно Карлу V, донъ Жуанъ былъ постоянно побѣдителемъ.—подобно ему, поборникомъ христіанства противъ магометанъ. Никто не сомнѣвался, чтобы онъ не пріобрѣлъ славы, равной славы императора, еслибы небо даровало ему равное число годовъ. Исторія повторила это сравненіе и описала подвиги побочнаго сына Карла V. Мы предпочли показать, что, не взирая на княжеское воспитаніе и честолюбивыя надежды, которыя могли бы заставить его забыть хранителей его дѣтства, онъ не переставалъ чтить и любить ихъ сыновнею любовію.

Донья Магдалина, которая жила еще до 1598 г., усыновила Анну, побочную дочь донъ Жуана, которая постриглась въ одно изъ мадридскихъ монастырей. Въ церкви коллегіи, основанной ею въ Виллагарсіи, показывали, какъ святые, два распятія, ей принадлежавшія, изъ которыхъ одно было трофеемъ, исторгнутымъ Кихадою изъ рукъ альпухарасскихъ Мавровъ, въ то время, какъ они собирались бросить его въ огонь (*).

Считаемъ лишнимъ опровергать мнѣніе тѣхъ, которые полагали, что донъ Жуанъ былъ сынъ Маріи, королевы венгерской, и что тайна его противуестественнаго рожденія была ввѣрена кардиналу

(*) Очень вѣроятно, что позднее признаніе донъ-Жуана и было основаніемъ обычая, по которому запрещалось побочнымъ дѣтямъ королевъ испанскихъ,— даже когда они были признаны, — появляться при дворѣ при жизни отца ихъ. Второй донъ-Жуанъ, сынъ Филиппа IV, воспитывался въ Оканѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрида, и отецъ прѣзжалъ навѣщать его, не позволяя ему самому переступить за ворота столицы.

Куэвв инфантою Изабеллою, дочерью Филиппа II. Королева венгерская скончалась въ Сигалесъ, 28 октября 1558 г., въ то время, когда, исполняя намѣренія брата своего, готовилась возвратиться въ Нидерланды. Гробъ ея ожидалъ, подъ сводами монастыря св. Бенедикта въ Вальядолидѣ, погребальнаго торжества, которое должно было соединить ее съ принцами и принцессами ея семейства. Принцесса бразильская, донья Жуана, сложила съ себя правленіе Испаніею въ руки Филиппа II въ 1560 г. и, хотя ей было не болѣе 23 лѣтъ отъ рода, не сдѣлала ничего такого, что могло бы подать поводъ Брантому предполагать въ ней намѣреніе, въ 1570 г., выдти за мужъ за Карла IX, который былъ 14-ю годами ея моложе; но Брантомъ охотно повторялъ всѣ придворныя сплетни, и даже выдумывалъ ихъ, не заботясь объ опасности быть уличеннымъ въ противорѣчій. Ему также мало стоило сказать, что дочь Карла V скучала вдовствомъ своимъ, какъ и то, что Карль V сдѣлался монахомъ съ досады, что не могъ заставить избрать себя папою. Королевою французскою сдѣлалась Елизавета, племянница доньи Жуаны, дочь Максимилиана II. Бывшая правительница Испаніи въ это время находилась уже въ мадридскомъ монастырѣ *Descalsas reales*, для котораго первыхъ монахинь набрала въ монастырь св. Клары Гандіи, по совѣту отца Франциска-Гръшника. Она не постриглась; но тѣмъ не менѣе наблюдала всѣ монастырскія правила, не позволяя себѣ никакихъ другихъ развлеченій, кромѣ оркестра музыкантовъ, которые должны были за нею слѣдовать, когда она отправлялась подышать чистымъ воздухомъ во дворецъ Пардо; она шила шарфы и продавала ихъ, по возможности, самую дорогою цѣною посѣтителямъ монастыря; а вырученныя деньги раздавала бѣднымъ. Что касается до ея собственныхъ доходовъ, то она посвящала часть ихъ на другія добрыя дѣла, а часть на собираніе мошей. Она выписывала ихъ изъ всѣхъ странъ свѣта и обогатила ими часовню монастыря. «Модельня ея сдѣлалась, говоритъ ея біографъ, Аранкуэцомъ ея благочестивыхъ удовольствій, дворцемъ Пардо ея духовныхъ радостей.» Безъ сомнѣнія, потребно было сердцу матери переполняться всѣмъ этимъ пламеннымъ восторгомъ вѣры, чтобы не чувствовать себя въ изгнаніи, въ разлукѣ съ сыномъ, котораго она оставила въ Португаліи. Донья Жуанна умерла за 5 лѣтъ до того времени, когда донъ Себастьянъ отправился сражаться съ Маврами и таинственнымъ образомъ исчезъ во время сраженія. Ее схоронили въ монастырь, который она основала, одарила, и которымъ управляла, «будучи въ немъ счастливѣе, говаривала она, нежели на тронахъ Испаніи и Португаліи.»

Въ 1580 г. тотъ же монастырь принялъ въ свою мирную ограду старшую дочь императора Карла V, императрицу Марію. Вдова Максимилиана привезла съ собою одну изъ молодыхъ эрцгерцогинь, Маргариту, которая должна была тутъ постричься. Вероятно, императрица Марія простила, наконецъ, мужу тѣ семейныя вины, на которыя она жаловалась отцу своему. Читатель припомнить, что Карлъ V-й не очень торопился вмѣшаться своею властію въ ссоры царственныхъ супруговъ. Онъ самъ избралъ Максимилиана своимъ зятемъ, и приницъ до сихъ поръ, казалось, оправдывалъ его выборъ. Онъ явился еще достойнѣе его впоследствии, какъ императоръ. Многіе находятъ черты самого Карла V въ томъ, что говорить о Максимилианѣ нѣмецкіе историки, которые приводятъ современныя свидетельства. Максимилианъ говорилъ на языкахъ различныхъ европейскихъ націй; онъ зналъ ихъ отличительные обычаи, ихъ добродѣтели, недостатки, ихъ литературныя пословицы и смѣшныя поговорки, и умѣлъ принаравливать свое обращеніе къ характеру каждаго лица и его народному свойству; — онъ былъ льстивъ съ Итальянцами, откровененъ съ Нѣмцами, весель съ Чехами, живъ съ Венграми, важенъ съ Испанцами; онъ очаровывалъ всѣхъ посланниковъ и иностранныхъ принцевъ пріятностями своей бесѣды и остроумнымъ выраженіемъ своей фізіономіи, хотя нѣкоторые принимали его врожденную любезность за двуличіе дипломата. Онъ имѣлъ склонность къ искусствамъ; занимался ботаникою въ саду своемъ, дѣлалъ опыты металлургіи и содержалъ прекраснѣйшую музыку по тому времени, въ своей придворной церкви. Фердинандъ, отецъ его, забылъ свое испанское воспитаніе, чтобы сдѣлаться нѣмцемъ во всей искренности сердца; Максимилианъ доводилъ еще далѣе преданность свою германской народности; надѣясь возстановить единство имперіи религіозною терпимостію, и соединить всѣхъ принцевъ и всѣ государства противъ Турокъ, онъ, быть-можетъ, и самъ не отказался бы принять протестантское ученіе, которое сдѣлалось господствующею религіею Германіи, если бы не узналъ, что нѣмецкіе протестанты раздѣлились уже на двѣ большія секты, которыя ненавидѣли одна другую еще сильнѣе, нежели первые лютеране ненавидѣли папистовъ. Онъ повялъ тогда, почему Карлъ V-й такъ сильно возставалъ противъ протестантизма, и не только остался католикомъ, но, обманутый въ своей ревности ко благу Германіи, сблизился съ Филиппомъ посредствомъ супружескаго союза, который подавалъ ему надежду соединить на главѣ одного изъ принцевъ своего дома вѣнцы Карла V-го. Трагическій конецъ донъ Карлоса имѣлъ, безъ сомнѣнія, сильное вліяніе на эту перемену полѣтныя

императора Максимилиана. Равнымъ образомъ наследникъ престола Филиппа II не обманулъ предсказаній своего дѣда. Но въ планъ этого прибавленія не входятъ ни происшествія, относящіяся до общей исторіи внука Карла V, ни тѣ эпизоды его тайной исторіи, которыя сдѣлались достояніемъ романистовъ и драматическихъ поэтовъ. Филиппъ, овдовѣвъ въ третій разъ, женился въ четвертый на дочери зятя своего Максимилиана, которая сдѣлалась матерью Филиппа III. Самъ онъ жилъ до 1598 г. Уподобляемый Тиверію протестантами, государь этотъ; по крайней-мѣрѣ, область будетъ нашему строгому, по безпристрастному разсказу, добродѣтелю, въ которой самыя снисходительныя исторіки ему отказывали,—сынвнѣю любовію. Не скажутъ болѣе, что онъ вынудилъ у отца своего отреченіе, угрожалъ, что свергнетъ его съ престола; но что, послѣ отреченія, онъ ускорилъ смерть его черною неблагодарностію.

Такъ какъ Мартынъ Газтелю, политическій секретарь Карла V, участвуетъ въ погребальномъ торжествѣ 1574 г., то можно предполагать, что, подобно другимъ служителямъ знаменитаго отшельника іустскаго, онъ пользовался благосклонностію Филиппа II; но неизвѣстно, какую занималъ онъ должность, и при дворѣ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Мы теряемъ также слѣды доктора Матиса, который, вѣроятно, возвратился во Фландрію съ награжденіемъ и пенсією, завѣщанными ему Карломъ V.

Благодаря соотечественникамъ добраго Вильгельма ванъ-Мале, археологамъ и библіографамъ, за нимъ мы можемъ слѣдовать до надгробной доски въ церкви св. Гудулы, которая гласитъ слогомъ эпитафій о его честности и учености, равно какъ о благородствѣ и благочестіи жены его, Ипполиты Рейненъ. Прибавленіе къ завѣщанію Карла V напоминало королю, что мѣсто надзирателя брюссельскаго дворца было обѣщано ванъ-Мале, и что до тѣхъ поръ, пока эта ваканція упразднится смертію занимавшаго ея чиновника, онъ имѣлъ право на 150 флориновъ пенсіи. Не знаетъ, соответствовало ли это мѣсто другому, которымъ нѣкогда прельщалось честолюбіе добраго секретаря, когда, среди литературныхъ писемъ къ другу своему ванъ-Прэту, онъ помѣщалъ слѣдующую французскую фразу: «Je suis averty, que la chambre des comptes est une chose qui me «duiroist. Si d'aventure vacast quelque office d'icelle, Monsieur, je «vous supplie très-humblement de m'avoir pour recommandée en «quelque occasion, qui vous semblera.» Меня уведомляютъ, что Счетная палата была бы для меня очень прилична. Если паче-чаянія

откроется тамъ вакантное мѣстечко, то прошу васъ покорнѣйше, милостивый государь, имѣть меня въ виду для какого вамъ будетъ угодно случая.»

Фанъ-Мале повѣрялъ это желаніе своему покровителю въ одинъ изъ тѣхъ часовъ ночнаго бдѣнія и свободы, которые онъ посвящалъ перепискѣ, вмѣсто того, чтобы возобновить свои силы сномъ. Мы позволили себѣ, быть можетъ, слишкомъ много, сказавъ, что императоръ будилъ его и заставлялъ проводить съ собою безсонныя ночи; секретарь по части литературы говорить, что онъ спалъ очень мало по темпераменту, или по привычкѣ, и что это самое дѣлало его такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ государю, который не имѣлъ бы жестокости нарушать покой бдѣнаго служителя для того только, чтобы заставлять его пѣть псалмы: «*Dormio in ipso cubiculo ejus, ut enim, «vel natura, vel consueta vivendi ratione sum vigilantior. Ita indicavit «optimus princeps insomniae meam sibi proe ceteris jucundam esse «et conducibilem»*» (*). Т.-е. что Карль V-й, возлѣ котораго онъ занималъ самую ближайшую постель, предпочиталъ всемъ своимъ секретарямъ того, кого, среди безсонныхъ ночей, находилъ обыкновенно бодрствующимъ. Карль фанъ-Мале, сынъ *трудолюбиваго и неусыпнаго* ученаго, вступилъ въ дипломатическую службу и былъ посланникомъ во Францію въ 1598 г.

Среди лабиринта готическихъ домовъ, образующихъ царственный городъ Толеду, находится маленькая улица, называемая улицею *Деревяннаго человека*, *la calle de l'Homme de Palo*. Преданіе говорить, что въ 1559 году пользуясь отдыхомъ, который инквизиція, занятая преслѣдованіемъ лютеранъ, давала Маврамъ, Иудеямъ и колдунамъ, деревянный человекъ отправлялся каждое утро изъ этой улицы во дворецъ архіепископа, и, преклонившись почтительно передъ его преосвященствомъ, возвращался съ корзиною, нагруженною припасами, къ своему господину. Этотъ господинъ былъ никто иной, какъ Джонъ-Торріано, кремонскій уроженецъ, механикъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ Карла V-го. Схоронивъ императора, онъ поселился въ Толедѣ и забавлялъ любопытныхъ разными механическими чудесами. Однакожъ, Торріано предположилъ себѣ цѣль болѣе серьезную; нѣкогда, по повелѣнію Карла V-го, и для осуществленія своихъ собственныхъ мыслей, онъ поправилъ, или переделалъ по новой системѣ, водопроводную машину, которая во времена Мавровъ наполняла водою изъ рѣки резервуары того города. Онъ замышлялъ и другое предпріятіе: сдѣлать рѣку Таго

(*) *Lettres sur la vie interieure de Charles-Quint*, par S. Van-Male, Bruxelles, 1845.

судоходною влодь до моря, и такимъ образомъ соединить Толедо съ Лиссабономъ. Къ-несчастью, для исполненія этого замысла потребна была довольно значительная сумма денегъ; Филиппъ II предпочелъ употребить ее на сооруженіе Эскуриала. Не только Таго не былъ сдѣланъ судоходнымъ, но онъ вскорѣ пересталъ повиноваться запущенной водопроводной машинѣ, и Торриано отправился рыть колодцы въ Мадридъ. Онъ однакожь охотно возвращался въ Толедо, и умеръ въ этомъ городѣ, оставивъ послѣ себя дочь. Толедцы почтили память его, приказавъ изваять его мраморный бюстъ, который и до сихъ поръ украшаетъ кабинетъ натуральной исторіи во дворцѣ архіепископа. Они выбрали также въ честь его медаль съ изображеніемъ бющей, струи фонтана, котораго наяду окружаютъ старцы, томящіеся жаждою, съ слѣдующею надписью: *Virtus nunquam deficit*,—любимый девизъ механика. Портретъ его также находится въ небольшомъ монастырѣ эскуриальскомъ. Быть можетъ, жители Толедо лучше бы сдѣлали, если бы дали приданое дочери, чѣмъ размножать изображенія отца, потому что механикъ оставилъ ей въ наслѣдство только одинъ девизъ свой, — девизъ, увы! очень бесплодный, если его примѣнить къ добродѣтели дѣвушекъ, не имѣющихъ приданого.

Теперь остается намъ только сказать нѣсколько словъ объ измѣненіяхъ, которымъ подвергся въ теченіе трехъ столѣтій монастырь іустскій.

Въ 1638 году, дворецъ Карла V былъ поправленъ, по приказанію Филиппа IV, посвятившаго на эту поправку 6 т. червонцевъ.

Въ 1809 г., Эстрамадура была занята арміею Сульта, и первый отрядъ стоялъ въ Іустѣ, не сдѣлавъ въ монастырѣ никакого опустошенія. Къ-несчастью, нѣсколько времени спустя, 200 драгунъ, найдя у монастырскихъ воротъ умершаго французскаго солдата, загляли и разграбили монастырь. Библіотека и архивы сгорѣли, исключая 1-го тома документовъ, который настоятель вынулъ, чтобы посоветоваться съ нимъ насчетъ нѣкоторыхъ правъ, оспориваемыхъ крестьянами Квакоса, и который при приближеніи Французовъ бросилъ въ кусты. Церковь спаслась отъ разрушенія только толщиною стѣнъ своихъ и сводовъ. По окончаніи войны, монахи поселились въ уцѣлѣвшей части монастыря и во дворецъ Карла V.

Въ 1813 г. они могли еще оказать въ немъ гостепримство благородному англійскому туристу, лорду Джону Росселю, который впоследствии сдѣлался первымъ министромъ.

Въ 1820 г. побѣдоносные Комунеросы не только уничтожили инквизицію, но выгнали изъ монастырей монаховъ и въ томъ числѣ

Иеронимитовъ іустскихъ. Поборники свободы не уважили остатковъ древняго великолѣпія императорскаго монастыря. Одинъ патріотъ-аптекарь завладѣлъ для своей аптеки сосудами *boticaria*, которые Карль V завѣщалъ монахамъ 1558 г.; а копія съ *Тиціановой Славы* была перенесена въ Техаду. Да и къ-чему было оставлять прекрасную картину въ церкви, превращенной въ конюшню? Спальня Карла V, обнаженная отъ всего, что могло въ ней оставаться съ 1809 г., обращена въ сарай, гдѣ выютъ свои куколки шелковичные черви, питающія листьями тутовыхъ деревьевъ, принадлежавшихъ Иеронимитамъ. Разсвѣянные монахи собрались въ свое убѣжище еще разъ, когда французская армія возвратила власть Фердинанду VII; но конечное уничтоженіе монашескихъ орденовъ въ 1837 г. вскорѣ должно было ихъ снова разсѣять.

Г. Фордъ, посѣщавшій Іустъ въ 1833 г., нашелъ тамъ отца Алонзо Кавалеро, 80-лѣтняго іеронимита, который жилъ въ монастырѣ съ 17 августа 1778. Г. Фордъ, въ своемъ путеводителѣ, благодаритъ отца Антоніо и братію за оказанное ему гостепріимство. Они сопровождали путешественника въ его прогулкахъ, показывали огромное орѣховое дерево, подъ которымъ садился императоръ, и предложили ему за умѣренную трапезою обѣднѣвшей общины ужинъ, который императоръ въ часы аппетита нашелъ бы, вѣроятно, слишкомъ отшельническимъ. «Послѣ обѣда, говорить остроумный и ученый путешественникъ, когда открыли окно, чтобы впустить прохладный вечерній воздухъ, напоенный благоуханіемъ горнаго чабера, взоръ мой могъ обнять всю долину. Вскорѣ, въ эту прекрасную мѣсячную ночь, я впалъ въ задумчивость, слушая пѣніе соловьевъ въ померанцевыхъ деревьяхъ сада, гдѣ темный бассейнъ, отражавшій блестящія звѣзды, казался бархатнымъ ковромъ, вышитымъ брильянтами. Какъ часто Карль V-й долженъ былъ смотрѣть на эти самыя мѣста, въ которыхъ, казалось, не доставало только его одного. Простившись съ моими хозяевами, я пошелъ спать въ ту самую комнату, гдѣ императоръ испустилъ послѣдній вздохъ. Вскорѣ все вокругъ меня замолкло, и только духъ великаго монарха парилъ надъ его стариннымъ убѣжищемъ.» Путешественникъ, утомленный своими странствіями, не долго страдаетъ бессоницею даже въ комнатѣ Карла V. «Я спалъ, говорить г. Фордъ, до тѣхъ поръ, пока монахъ разбудилъ меня къ обѣднѣ, которую настоятель служилъ нарочно для меня. Еще не разсвѣтало. Я сошелъ въ церковь, весьма плохо освѣщенную, гдѣ возлѣ меня стали на колѣна погонщикъ муловъ, который пріѣхалъ со мною, и бродяга нищій, которому монастырь, также какъ и мнѣ, далъ убѣжище

на ночь. По окончаніи обѣдни мы все поклонились алтарю, на который устремлялся потухавшій взоръ Карла V; я простился съ добрыми іеронимитами и снова пустился въ путь, въ ту минуту, когда утрення заря начинала бѣлѣть на востокъ. Я удалился отъ Іуста съ торжественнымъ благоговѣніемъ, и уже долго спустя, когда солнце совершило почти половину своего теченія, веселое пѣніе молодыхъ дѣвушекъ разсвѣло мои важныя размышленія, и духъ Карла V отлетѣлъ въ темныя страницы исторіи.»

Не подъ царскими сводами Эскуриала желали бы и мы также вызвать этотъ великій гевій, вокругъ котораго обращались все могущественныя личности его времени. Мы направили бы шаги наши къ Верв эстремадурской; въ Іустѣ желали бы мы вновь перебрать происшествія этой жизни, такъ хорошо наполненной,—въ развалинахъ убѣжища, избраннаго царственнымъ отшельникомъ, чтобы созерцать тамъ взоромъ христіанина отреченіе его отъ земнаго величія, смиряясь передъ Богомъ и воздавая Ему благодареніе за то, что Онъ показалъ ему суету мірской славы! *Амдей Пишд.*

ПОСЛЕДНЯЯ ЦЫГАНКА.

Романъ г-жи Шарль Ревэ.

(Charles Reybaud).

I.

На сѣверномъ берегу Бретани, въ глубинѣ одной изъ тѣхъ далеко-вдавшихся въ землю бухтъ, гдѣ некогда укрывались корсары, закладные враги Англичанъ, — существуетъ древній замокъ, котораго главныя постройки относятся къ первымъ годамъ XVI-го столѣтія. Тогда царствовала герцогиня Анна; она владѣла Бретанью и Франціею; великія феодалныя войны кончились, и дворянство не окружало болѣе жилищъ своихъ теми грозными средствами защиты, которыя придавали дому знаменитаго владѣльца видъ темницы.

Замокъ Кербрежанъ, построенный однимъ изъ придворныхъ королевы-герцогини, не имѣетъ ни огромныхъ башенъ, ни подземнаго моста, ни укрѣпленій. Фасадъ обставленъ по обѣимъ концамъ двумя красивыми башенками, пройдя маленькими окнами, которыя рамы еще снабжены небольшими косоугольными стеклами, и въ концѣ перехода со сводами, служащаго сѣнями, находится первая ступени круглой лѣстницы, которой спирали идутъ подъ самую крышу.

Передъ главнымъ корпусомъ простирается терраса, освѣщенная великолѣпными липами. Прочная стѣна поддерживаетъ этотъ возвышенный уголъ земли, подъ которымъ проходитъ дорога въ С. Поль-де-Леонъ и во всю длину террасы тянется каменная балюстрада, которая придаетъ входу въ замокъ что-то монументальное.

Въ эпоху большихъ приливовъ, море доходитъ почти до

подошвы террасы, и во всякое время слышенъ подъ липами плескъ волны, которая ропщетъ и разбивается не подалеку оттуда, между утесами, окружающими берегъ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ замка Кербрежана видѣнъ длинный рядъ полуразрушенныхъ домовъ, довольно правильно размѣщенныхъ въ линію, на южномъ берегу бухты: это городокъ П***, древняя гавань, гдѣ корсары складывали свою добычу. Тогда на этомъ тѣсномъ пространствѣ волновалось многочисленное народонаселеніе; оно исчезло съ прекращеніемъ морскихъ войнъ. Теперь, въ большей части домовъ, нѣтъ ни дверей, ни ставней; кучи обломковъ означаютъ во многихъ мѣстахъ линію улицы, и едва-едва можно распознать мѣсто набережной, гдѣ некогда выгружались такіа богатства. Теперь П*** ничто болѣе, какъ жалкое селеніе, которое совсемъ опустыло бы, если бы правительство не помѣстило въ немъ отдѣленія таможи и если бы нѣсколько бѣдныхъ семействъ не прельстились выгодами почти дароваго помѣщенія въ хорошенькихъ домикахъ, которые скоро должны будутъ обрушиться.

Однимъ утромъ, въ первыхъ числахъ іюля, — тому лѣтъ уже 10-ть или 12-ть, — молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ, и женщина зрѣлыхъ лѣтъ; которой приемы показывали наставницу, сидѣли у балюстрады, подъ тѣнію липъ. Гувернантка молча занималась шитьемъ, между тѣмъ какъ воспитанница съ простодушнымъ рвеніемъ срисовывала дальній ландшафтъ, котораго бухта составляла первый планъ. Эта дѣвушка была уже прекрасна; она имѣла ослѣпительную бѣлизну лица, голубые глаза, длинные блондурые волосы дочерей древней Арморики, и какая-то простодушная гордость блистала на чель ея. Видя ее, сидѣщую передъ этимъ древнимъ замкомъ, подъ тѣнію вѣковыхъ деревьевъ, — не трудно было угадать въ ней отрасль Кербрежановъ. Гувернантка; также бретаньскаго происхожденія, имѣла спокойныя и кроткія черты и честную физиономію женщины того края.

Вдругъ дѣвушка остановилась, положила карандашъ и сказала, прислушиваясь: — послушайте, m-me Жерве, что это, мнѣ какъ-будто слышится музыка?

— Это, кажется, кто-то бьетъ въ тимпанъ внизу террасы, отвѣчала Губриятка.

— М-ше де-Керорезанъ встала и посмотрѣла черезъ балюстраду.

— О, милый ти-ше Жербе, посмотрите-ка! сказала она въ полголоса, съ выраженіемъ, выражающимъ удивленіе.

Два человека, мужчина лѣтъ 40 и молоденькая дѣвочка, отдыхали у подошвы стѣны, на берегу ручейка, который протекалъ черезъ дорогу. Одежда ихъ была необыкновенно оригинальна: на мужчину былъ шелковый французскій кафтанъ, весь усыянный блестящими и испещренными цвѣтными шитьемъ; огромный пенковый парикъ замѣнялъ ему шляпу, а въ петлицѣ красовался букетъ искусственныхъ цвѣтовъ. На немъ были также короткіе штаны, бумажные туфки сомнительной белизны и башмаки съ пряжками; у башмаковъ часть подошвы осталась на острыхъ камняхъ дороги. Чюстоумъ дѣвушка былъ въ такомъ же родѣ. Ея бѣлая коленкоровая юбка, чрезвычайно короткая, была обложена внизу гадкою лентою голубаго цвѣта; монодонетныи корсажъ изъ пунцоваго бархата обозначалъ ея талию, а огромныя полусапожки доходили ей до половины ноги. Нѣчто въ родѣ діадемы, украшенной широкими фальшивыми галунами, поддерживало упрямыя косички ея черныхъ волосъ; на ней было стекларусное ожерелье, медныя серьги и оловячныя перстени на каждомъ пальцѣ. Это жалкое созданіе машинально ударяло въ тимпанъ и называло тирольскую арію, слѣдуя взоромъ за волною, которая, поднимаясь съ глухимъ стономъ, разбивалась о берегъ. Между тѣмъ человекъ въ парикѣ вытаскилъ изъ кармана кусокъ темнаго горькаго вишеня и небольшую фужку.

— Ну что жь, Мими, сказалъ онъ, разделяя на двѣ равныя части кувескъ хлѣба. — какъ ты думаешь? Не пора ли позавтракать?

— Даив, отецъ, я не хочу, отвѣчала она, не оборачивая головы.

— Пынче у насъ бѣдное угощеніе, малютка! сказалъ отецъ со вздохомъ; что дѣлать! Вечеръ былъ очень плохъ! Весь оборъ далъ 35 копѣекъ; сентъ-поль-леонская публика не умѣла насъ оцѣнить!... Но ничего!... Намъ лучше

посчастливилось въ Морлэ; это городъ торговый. Мнѣ также хочется остановиться вонъ-тамъ, въ селеніи. Мы разстелемъ коверъ передъ таможеню; ты протанцуешь, а я позабавлю ихъ эквилибрическими штуками. Ужь надо быть особенному несчастію; если хоть сколько-нибудь больничихъ су не попадетъ въ твою тарелку!... Ну же, Мими, попей и не огорчайся; мы пообъедемъ на-славу вечеромъ.

— И супъ будетъ? сказала Мими, проводя рукой по животу.

— Конечно, дочка; но покажься завтракъ-то; видно, не по тебѣ? прошепталъ отецъ.

— Отчего жь? вишни съ хлѣбомъ, — это очень вкусно, отвѣчала Мими.

— Потому что кусокъ не великъ, такъ ты и не хочешь есть! вскричалъ акробатъ съ слезами на глазахъ; ты думаешь, что этого мало для меня одного.

Мими пожала плечами.

— Ну же, батюшка, сказала она, звѣня погремушками: ты, вѣрно, проголодался, — завтракай же, поскорѣй.

Дэвида де-Кербрежанъ слышала весь этотъ разговоръ, такъ что говорившіе и не замѣтили ея присутствія. Она, оборотилась къ г-жѣ Жерве и сквозь слезы сказала потихоньку:

— О Боже! бѣдные, бѣдные!... Имъ тотчасъ же должно дать хорошенько пообъесть!

— Да, милая Ирена, я сейчасъ прикажу, отвѣчала гувернантка.

— Я сама побѣгу, возразила молодая дѣвушка въ своемъ вѣтеряннѣи помыслъ этой, почти безпечной, нищенки, которая не просила милосердія и вмѣсто лохмотьевъ носила такіе странные блестящіе лоскутки.

Нѣсколько минутъ спустя; лакей сходилъ на дорогу, съ большою корзиною въ одной рукѣ и съ бутылкою въ другой.

Канатный плетень подвинулъ весь вишни передъ Мими и бѣль сухой хлѣбъ, приговаривая: — ты увидишь, что и для меня еще останется; да хотя бы и не осталось? Развѣ мнѣ въ первый разъ встать голоднымъ послѣ завтрака!... Я не хочу, чтобы мой дочка лишала себя и постылась для отца!...

Въ смѣжкѣ еще есть глотка два... Мы раздѣлимъ... Водка не стоитъ наперстка чистаго вина, а все-таки лучше воды... Послушай, Мими: какъ бы славно можно было позавтракать вонъ тамъ, на травѣ, кускомъ холодной говядины и бутылкою вина для насъ двоихъ!

Въ эту самую минуту появился лакей, подошелъ прямо къ нимъ, поставилъ на землю корзинку съ бутылкою и съелъ, снявъ свою ливрейную шапку:— вотъ тутъ кой-какіе припасы; кушайте на здоровье. Я приду послѣ за салфеткой и корзиною.

И онъ поспѣшно удалился. Мими и отецъ ея, изумленные, перемѣщивались другъ съ другомъ.

— Посмотримъ! вскричала Мими, поднимая бѣлую салфетку, которою закрыта была корзина.

— Холодная телятина, сыръ, мягкій хлѣбъ! вскричалъ акробатъ, вскинувъ руки въ упоеніи восторга.

— Вотъ это, вкусно! прошептала Мими, и, вынувъ изъ кармана небольшой ножикъ, проворно разрѣзала сочное жаркое; потомъ, безъ всякихъ другихъ размышленій или догадокъ, отецъ и дочь принялись есть съ жадностію, ничѣмъ не развлекаясь, какъ люди, погруженные въ удовлетвореніе вопиющей потребности. Когда первый голодъ былъ нѣсколько утоленъ, канатный плясунъ получилъ снова употребленіе языка.

— Послушай, сказалъ онъ, знаешь ли что? Вѣдь это похоже на волшебныя сказки?

— Да, это очень странно! отвѣчала Мими.

— Кто-же прислалъ намъ этотъ обѣдъ? возразилъ канатный плясунъ; быть можетъ, владѣлецъ этого замка— тотъ старый господинъ, котораго мы видѣли, когда проходили мимо рѣшетки сада, и который такъ въживо отвѣтилъ на нашъ поклонъ.— Потомъ, прибавилъ съ простодушнымъ и смѣшнымъ тщеславіемъ:— кто знаетъ! можетъ статься, онъ былъ въ числѣ зрителей, передъ которыми мы вчера давали наше представленіе, въ С. Поль-де-Леонъ, на большой площади; твои танцы ему понравились, и...

— Можетъ статься, прошептала Мими равнодушно; на,

батюшка, выней еще пол-рюмочки! Вотъ все, что осталось въ бутылкѣ!

— Пить, право, отвечать онъ, отъ этого славнаго вина, пожалуй, еще загнумить въ голову! Потомъ, сложивъ руки на животъ, онъ прибавилъ съ видомъ совершеннаго блаженства:

— Ахъ! вотъ ужъ подлинно королевскій завтракъ! А десертъ-то, Мими! ты и забыла о десертѣ; у насъ есть вишни; ты съешь ихъ безъ хлѣба.

Мими взяла нѣсколько вишенъ; но едва до нихъ дотронулась, прошептала съ выраженіемъ сожалѣнія:

— Какъ жаль! мнѣ ужъ не хочется есть!

— Какъ жаль! повторилъ акробатъ: тутъ еще остался хлѣбъ и славный кусокъ жареннаго. Не завернуть-ли въ бумагу, къ вечеру!

— Да, какъ же, чтобы нести съ собою! сказала Мими.

— Можетъ быть, неслѣжливо оставлять части обѣда въ корзину, замѣтилъ акробатъ.

Мими, не отвѣчая ни слова, протянула руку, выбросила далеко на траву остатки обѣда и покрыла корзину салфеткою; потомъ, скрестивъ руки на груди, опрокинулась назадъ съ безпечнымъ видомъ.

— Теперь мнѣ хочется спать, сказала она съ полузакрытыми глазами.

— И мнѣ также, прошептала плясунъ, протягиваясь на травѣ. Прощай, Мими.

— До свиданія, батечка, отвѣчала она.

Минуту спустя, оба крепко спали. Во время ихъ сна лакей пришелъ за корзиною, а бѣдная женщина, проходившая мимо, подняла въ свѣжей травѣ остатки завтрака.

II.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, семейство Кербрежановъ соединилось въ обширной гостиной, которая совершенно походила на одну изъ залъ Лю-Соммарова музеума. Благодаря своему уединенному положенію, замокъ

никогда не было посвящено солдатами первой республики, и никакая вольнодумственная рука не касалась герольдических эмблем, портретов рыцарей и знатных дам, которые украшали стены и панели. Хотя мебель гостиной и была отчасти возобновлена, и хотя в ней можно было найти и покойные мягкие кресла, и фортепиано, и жардиньерки и многие дружитя принадлежности совершенно новейшаго вкуса, украшения этой комнаты напоминали эпоху королевы Анны. Гербъ Кербрежановъ изваянь былъ выпуклыми фигурами надъ навесомъ камина, котораго огромное отверстие было еще снабжено желзною рѣшеткою съ большими вѣтвями, отработанными такъ же тщательно, какъ кака-нибудь игрушка изъ чистаго золота. Вензель герцогини-королевы и бретаньскій гербъ блистали вездѣ на карнизахъ и даже на потолкѣ съ росписными и позолоченными брусьями.

Семейство Кербрежановъ было не многочисленно. Въ залѣ находилось только три человека: молоденькая и прекрасная Ирена, отецъ ея графъ, Юаннь де-Кербрежанъ и дядя послѣдняго, его однопамилецъ, некогда мальтійскій кавалеръ, жившій въ замкѣ со времени уничтоженія ордена; но тѣ члены этого семейства, которыхъ смерть преждевременно поразила, казалось, не совсѣмъ покинули мѣста, полныя ихъ воспоминаньемъ, и гдѣ на всякомъ шагѣ встрѣчались слѣды ихъ. Можно было подумать, что мать и братья Ирены сейчасъ войдутъ и займутъ мѣсто свое въ этой гостиной, гдѣ не тронута была ни одна изъ вещей; имъ принадлежавшихъ. Пальцы молодой хозяйки все еще стояли у окна, передъ креслами, гдѣ она обыкновенно сидѣла; любимыя ея книги наполняли этажерку, стоящую такъ близко къ кресламъ, что она могла достать ихъ, не вставая, и легкая соломенная шляпка, которую она надѣвала, когда ходила прогуливаться на террасу, еще висѣла на стѣнѣ. Даже дѣтскія игрушки не были прибраны, а оставались въ одномъ и томъ же углу. Противъ камина находилась большая картина, представляющая г-жу де-Кербрежанъ и сыновей ея: эта группа юныхъ лицъ съ молодою матерью, казалось, улыбалась оставшимся на землѣ и слѣдовала за ними кроткими взглядами. Впрочемъ, это семей-

ное собрание представляло странныя противоположности. Графъ Кербрежанъ былъ человекъ лѣтъ 40, съ совершенно-ничтожною физиономіею; зрѣлость возраста начинала покрывать щеки его густымъ румянцемъ и сообщала ему полноту, которая угрожала обратиться въ толщину. Онъ принималъ уже одежду безъ всякихъ претензій на щегольство — покойный спортукъ и широкіе панталоны, которыя падали на башмаки. Этотъ небрежный костюмъ еще болѣе его старѣлъ, и тотъ, кто видѣлъ его въ первый разъ, никакъ не могъ бы подождать, что его прозвали некогда красавцемъ Кербрежаномъ.

Напротивъ того, старшій мальтійскій кавалеръ былъ одѣтъ и держалъ себя самымъ безукоризненнымъ образомъ; костюмъ его, почти такой же, какой носили прежніе морскіе офицеры, очень шелъ къ его лицу, и онъ сохранялъ еще свой прямой и твердый станъ и ту же осанку, какою отличался прежде, когда плавалъ по Левантскимъ морямъ, на мальтійскихъ галерахъ.

Въ эту минуту дядя и племянникъ оканчивали партію въ шахматы. Ирена, облокотившись на край стола, внимательно слѣдила за учеными соображеніями противниковъ. По прошествіи четверти часа безмолвной борьбы, графъ провелъ рукою по доскѣ и смѣшалъ шашки съ смирненнымъ видомъ побѣжденнаго.

— Ты не совсѣмъ проигралъ, сказалъ съ улыбающаго кавалеря. Хочешь отыграться?

— Не теперь, дядюшка, отвѣчалъ графъ, я пойду на террасу и выкурю сигару въ ожиданіи обѣда.

Говоря это, онъ взялъ свою широкополую шляпу, рябиновую палку, и вышелъ лѣниво изъ комнаты. Ирена тотчасъ овладѣла шашечною доскою, проворно подобрала шахматы, разставила ихъ по мѣстамъ, и ждала, чтобы кавалеръ пригласилъ ее съ нимъ померяться, но кавалеръ сидѣлъ противъ нея, не говоря ни слова, опустивъ голову на руки, съ задумчивымъ и омраченнымъ лицомъ. После минутнаго молчанія, ребенокъ сказалъ ему тихимъ и ласковымъ голосомъ:

— Mon oncle Pierre, вы печальны?

— Я озабоченъ, душечка, отвѣчалъ старикъ, улыбаясь.

— Быть может, васъ все печалитъ это дѣло наслѣдствѣ?

— Оно, дитя мое, продолжалъ кавалеръ.

Отвѣчая такимъ образомъ, онъ говорилъ не совсемъ правду. Наслѣдство послѣ родственника, умершаго въ англійскихъ колоніяхъ, конечно, вовлекло его въ нѣкоторыя хлопоты, но оно занимало кавалера гораздо меньше, нежели событіе, совершившееся передъ его глазами, котораго послѣдствія сильно его тревожили; пагубная переменна произошла внутри его семейства: онъ замечалъ съ невыразимымъ огорченіемъ, что отецъ Ирены испытывалъ некоторый родъ нравственнаго упадка, котораго успѣхи становились съ каждымъ днемъ быстрее.

Графъ Кербрежанъ родился съ ограниченнымъ умомъ, не очень возвышенными наклонностями, и съ характеромъ, до чрезвычайности слабымъ; но превосходное воспитаніе и влияние семейства легко измѣнили эту пошлую натуру; графъ Жаннъ, какъ называли его до смерти отца, славилъ за отличное молодого человека, съ изящными манерами и достаточно образованнаго. Онъ женился очень рано, на прелестной и умной женщинѣ, которую страстно любилъ; ея счастливое влияние поддерживало его на нѣкоторой степени нравственнаго величія; упадокъ его начался со дня ея кончины.

Послѣ первыхъ порывовъ чрезмѣрной горести, графъ внезапно впалъ въ состояніе какой-то покорности судьбѣ, которое заставило сказать о немъ, что онъ скоро утѣшился. Привычки его измѣнились; онъ удалился отъ свѣта и объявилъ, что отнынѣ, вмѣсто того чтобы прѣзжать на зиму въ Брестъ или въ Парижъ, станеть жить круглый годъ въ Кербрежанѣ.

Сначала онъ заключился въ своемъ семействѣ, занимался слегка воспитаніемъ дочери и находилъ достаточное развлеченіе въ обществѣ кавалера; потомъ нечувствительно взялъ привычку водиться съ низшими, и, къ несчастію, очень натурально почувствовалъ себя между ними совершенно на своемъ мѣстѣ. Каждое утро этотъ человекъ, который жила въ лучшемъ обществѣ, шелъ гулять вдоль по берегу, отыскивая собесѣдника, съ которымъ могъ бы толковать о дождѣ и хорошей

попысь, докуривая свою первую трубку. Такимъ образомъ онъ доходилъ вплоть до селенія *Нитуну* и останавливался передъ заведеніемъ, украшеннымъ мифологическимъ именемъ *Нептуновой Кофейни*, — которое въ самомъ-то дѣлѣ было ничто иное, какъ обратительный трактиръ, гдѣ продавали еще болѣе водки, нежели мокка. Тамъ онъ былъ увѣренъ, что найдетъ полдюжину праздныхъ гулякъ, которые считали за честь пить и курить съ нимъ, и обыкновенно проводить въ ихъ обществѣ первую половину дня. Часто и въ послѣ-обѣденное время онъ приходилъ на берегъ и отдыхалъ у таможи. Вечеромъ онъ опять возвращался въ *Нептуну Кофейню*, и тѣ, которые встречали его между 11-ю часами и полночью, поговаривали даже, что онъ нѣсколько шатался и съ трудомъ возвращался въ замокъ. Кавалеръ съ самаго начала замѣтилъ перемену, происшедшую въ образѣ жизни своего племянника; онъ покушался какимъ-нибудь косвеннымъ средствомъ прервать его новыя привычки; но вскорѣ сознался въ безплотности своихъ усилий, и съ тѣхъ поръ ограничивался безмолвнымъ наблюдениемъ. Ирена еще ничего не замѣчала; только ей казалось, что отецъ ея какъ-будто постарѣлъ, и она очень хорошо помнила, что видала его и щеголеватѣе одѣтымъ и красивѣе лицомъ. Нежность ея и почтение къ нему были безпредѣльны; но она не искала его присутствія, потому что привыкла оставаться съ добрымъ дядею Пьеромъ, какъ она называла его въ минуты короткости. Последний сосредоточилъ на ней всю свою привязанности, всю пламенную и упорную привязанность стараго холостяка, которому нечего болѣе любить; она была радостно и счастьемъ его старыхъ дней, его угнетеніемъ въ тайномъ безпокойствѣ, въ горькихъ заботахъ, которыя причиняли ему привычки племянника.

И такъ, въ тотъ день, кавалеръ и внучка его сидѣли, по обыкновенію, одни въ гостиной, въ ожиданіи обѣда. Ирена, наконецъ, сама подвинула первую пашку, какъ будто испрашивая честь партіи, и игра началась. Между тѣмъ, какъ бѣшки медленно двигались по шахматной доскѣ, и Ирена такъ хорошо дѣйствовала, что принудила дядю Пьера защищаться не на шутку, графъ вошелъ внезапно въ комнату, съ взволнован-

нымъ лицомъ, краснымъ носомъ и лбомъ, покрытымъ потомъ. Вместо того чтобы подойти къ столу, онъ сѣлъ за своимъ дядею и опрокинулся на спинку кресель, дыша изо всѣхъ силъ, какъ человекъ, который шелъ слишкомъ скоро.

— Это ты, Жанъ? сказалъ кавалеръ, не оборачиваясь.

— Я.... я, дядюшка, отвѣчалъ онъ; мнѣ нужно было немного оправиться.... я сейчасъ видѣлъ сцену, которая произвела на меня впечатлѣнiе....

— Съ кѣмъ-нибудь случилось несчастье? спросилъ кавалеръ, прерывая партію.

— Неслыханный случай! отвѣчалъ графъ, и я какъ-разъ кричалъ, чтобы при немъ присутствовать. Давеча, разставившись вами, я прошѣлся до селенія. Передъ кофейной собралъ народъ слушать музыканта, который игралъ на скрипкѣ и пѣлъ преуморительныя пѣсни.

— Бѣдный нищій въ маскарадномъ костюмѣ? прервалъ кавалеръ. Я видѣлъ его сегодня утромъ; онъ прошѣлъ мимо рыцетки съ маленькой цыганкой....

— Именно! дѣвченка однихъ лѣтъ съ Иреной; она плясала въ то время, какъ отецъ ея пиликалъ на скрипкѣ. Я далъ имъ нѣсколько денегъ, больше, чѣмъ они привыкли получать, потому что мужчина разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности. Въ заключеніе спектакля, онъ принялся еще выкидывать разныя штуки, ходить внизъ головою и дѣлать ужасныя скачки. Онъ со всего размаху вскочилъ на спинку стула и стоялъ на ней съ минуту на одной ногѣ, болтая всякій вздоръ. Къ-несчастью, ножка у стула подломилась; онъ потерялъ равновѣсіе и упалъ головою внизъ, съ распростертыми руками и съ пеньковымъ парикомъ на носу.... Сначала всѣ думали, что это одна изъ его штукъ, и смѣялись отъ чистаго сердца; потомъ, такъ какъ онъ не трогался съ мѣста, кто-то подошелъ помочь ему встать,—и тогда только замѣтили, что онъ ужъ не подавалъ и признака жизни.

— Ахъ, Боже мой! а его бѣдная дочь? вскричала Ирена.

— Она въ это время была въ кофейнѣ, отвѣчалъ графъ, она не видала, какъ отецъ ея упалъ, но возвращалась въ ту минуту, какъ его поднимали, и тотчасъ услышала, какъ

рили вокруг нея, что онъ умеръ. Мнѣ кажется, что я еще и на сихъ поръ слышу, какъ она закричала. Никогда не случалось мнѣ видѣть такихъ ужасныхъ порывовъ горести и такого отчаянія.

— Бѣдная дѣвочка! она такъ любила своего отца! сказала Ирена съ полными слезъ глазами.

— Почему жъ ты это знаешь? сказалъ удивленный кавалеръ.

— Я видѣла ихъ сегодня утромъ, отвѣчала Ирена; они отдыхали на краю дороги, а такъ какъ я была на террасѣ, то и могла ихъ слышать. Отецъ уговаривалъ дочь завтракать, а она отказывалась, потому что у нихъ было слишкомъ мало хлѣба для двоихъ.

— О, дитя мое! ты это видѣла, ты видѣла у порога нашего дома людей голодныхъ, и ничего не сказала! прервалъ ее кавалеръ тономъ упрека.

— Успокойтесь, дядюшка; они пошли сътые, отвѣчала Ирена съ выраженіемъ, которое дошло прямо къ сердцу доброго кавалера, такъ что на глазахъ его выступили слезы. Онъ привлекъ дѣвочку къ себѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ въ полголоса: прости меня, дочь моя!

— Тѣло несчастнаго перенесли въ домъ къ Кателъ Пиоло, продолжалъ графъ; я оставилъ нѣсколько денегъ, чтобы отдали ему послѣдній долгъ и позаботились о ребенкѣ.

— Мы посмотримъ, нельзя ли будетъ для нея что сдѣлать, сказалъ кавалеръ.

— А я знаю, что, прошептала Ирена, которая тотчасъ вообразила себѣ блестящія лохмотья, блестяки и лице, облитое слезами: должно бы, прежде всего, дать ей черное платье.

— Правда твоя, дитя мое, отвѣчалъ добрый дядя Пьеръ; поиди къ г-жѣ Жерве и попроси ее, тотчасъ же этимъ заняться.

— Ей стоитъ только поискать въ шкапахъ, сказала Ирена со вздохомъ; я еще не такъ давно скинула трауръ, и мои платья, вѣрно, годятся бѣдной малюткѣ.

III.

На другой день тело бедного плясуна отнесли на кладбище, и сострадательная особа, которая занялась за похороны, велела поставить на его могилу черный крест. У покойника, какъ у всѣхъ людей, занимающихся бродячимъ ремесломъ, бумаги были въ совершенномъ порядкѣ. Въ жестяномъ футлярѣ, скрытомъ у него подъ платьемъ, нашли метрическія свидѣтельства его и дочери, и другія бумаги, доказывавшія, что онъ былъ женатъ, и что мать дѣвочки, которую онъ оставлялъ сиротою, умерла уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тотчасъ послѣ похоронъ, кавалеръ и внучка его пошли въ домъ, гдѣ находилась несчастная Мими.

Старуха, худая, беззубая и дурно одѣтая, пряталась передъ дверью, бормоча сквозь зубы духовную пѣснь.

— Здравствуй, Катель Пюло, сказалъ кавалеръ, подойдя къ ней.

— Благослови васъ Господи, г. кавалеръ, и молодую барышню! отвѣчала она своимъ бретонскимъ нарѣчьемъ, а такъ и думала, что увидитъ васъ нынче.

— Мы пришли постараться утѣшить немножко эту бедную дѣвочку, и принесли ей черное платье, сказала Ирена, показывая узелъ, который она непременно хотѣла нести сама.

— Дай вамъ Господи милость свою, прошептала старуха; въ ангелъ Божій! что и говорить. — Потомъ, оборотившись къ кавалеру, прибавила съ досадою: — со вчерашняго дня не знаю, что и дѣлать съ этой маленькой цыганкой; говорю съ ней, — не понимаетъ. Цѣлый день только и дѣлаетъ, что кричить.... Чу, слышите?

Дѣйствительно, что-то похожее на крикъ, или на жалобный стонъ, раздавалось въ старомъ домѣ.

— О, добрый дядюшка, мы бы должны были придти пораньше, прошептала Ирена съ сердцемъ, исполненнымъ глубокаго состраданія, увлекая кавалера въ узкій корридоръ, который служилъ свѣями жилищу Катели Пюло. Этотъ темный переходъ примыкалъ къ небольшому внутреннему двору,

котораго истрескавшіяся стѣны обвиты были старымъ плюшемъ, и въ глубинѣ котораго находилась низкая и темная комната.

— Она тамъ, сказала Катель Шюль, отодвигая деревянную задвижку двери. Когда пришли за тѣломъ, ее должно было удержать силою и запереть, чтобы она не улетѣла на кладбище.

Мими сидѣла, или, лучше сказать, свѣсилась въ углу, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Все существо ея было, какъ будто подавлено горестью; руки лежали неподвижно по обѣимъ сторонамъ тѣла. Ожъ привычки крѣпко привязывать свои мѣшурные лоскутки, чтобы они не ували во время танцевъ, въ костюмъ ея ничто не разстроилось; тройная нитка стекляруча еще висѣла на бархатномъ корсажѣ, и даже на головѣ ея еще сияла корона изъ шумихи. Очевидно было, что въ эту самую комнату, внесли вчера тѣло, и что тутъ спало оно цѣлую ночь. Часть ялтыя бѣднаго паяца, букетъ искусственныхъ цвѣтовъ и скрипка лежали въ углу, а кафтанъ, вышитый блестками, висѣлъ на гвоздѣ за дверью.

Въ эту минуту несчастная дѣвочка, истощенная усталостию, оставалась безмолвною, и если бы, по временамъ, судорожное рыданіе не воздымало ея груди, то можно было бы считать ее за умершую.

При этомъ видѣ Ирена залилась слезами и стояла, опираясь на руку кавалера, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова. Кавалеръ, чрезвычайно тронутый, подошелъ къ дѣвочкѣ и сказалъ ей дрожащимъ голосомъ: — Дитя мое, покорись волѣ Божіей и не теряй бодрости. Ты не совсемъ еще оставлена; здѣсь есть благодѣтельные души, которыя тебѣ помогутъ и сдѣлаютъ все, что только въ ихъ власти, чтобы тебя утѣшить...

Мими отвѣчала на эти слова только глухимъ стenanіемъ, и отвернула голову, какъ будто бы этотъ знакъ участія былъ ей въ гнѣвъ.

Тогда Ирена подошла къ ней, и, положивъ возлѣ нея свой узелъ, сказала: — бѣдная дѣвочка, возьми; это траурное платье. Не хочешь ли ты теперь же надѣть его?..

Мими оттолкнула ее съ дикимъ движеніемъ, потомъ но-
вымъ порывъ горести овладеть ею, и она принялась испускать
презрительныя вопли, прерываемые безсвязными словами.

— Вы больше ничего отъ нея не добьётесь, сказала Ка-
тель Пюло, пожимая плечами. Вместо того чтобы плакать
по отцу, какъ прилично христанкѣ, и молиться за него Богу,
она предается отчаянію, какъ язычница. Вы говорили съ нею
слишкомъ кротко, г. кавалеръ; ее должно бы повернуть не-
много докруче, чтобы она присмирѣла. Если бы она пони-
мала слова мри, то я попробовала бы.

— Нѣтъ, пожалуйста, не при мнѣ! вскричала Ирена почти
съ негодованіемъ.

— Она не въ состояннн понимать насъ, сказалъ кавалеръ,
смотря на жалкое созданіе, которое ломало себѣ руки, испус-
кая глухія жалобы, и постепенно впадало въ прежнее без-
чувствіе.

— Небожь, она не такъ лишена смысла, какъ вы думаете,
проворчала старуха; она не говоритъ, потому что не хочетъ
отвѣчать вамъ.

— Бѣдная душа!, сказала Ирена въ порывѣ жалости;
какъ бы я желала, хоть сколько-нибудь, помочь ей! Ахъ! если
бы я знала, что можетъ ее утѣшить, какъ охотно бы я это
сдѣлала!

Съ этими словами она еще разъ подошла къ Мими и
хотѣла взять ее за руку; но дѣвочка вдругъ обернулась и
оттолкнула ее, вскричавъ: — Оставьте меня!... оставьте меня!...
Вы не знаете, какое я терплю мученіе! Не говорите со мною
больше!... Уйдите!... Вы не лишилась отца — ты!... я ненавижу
тебя!

Такъ говорила она рѣзкимъ голосомъ и съ блуждаю-
щимъ взоромъ.

— Ахъ, Боже мой! прошептала Ирена, отступая въ испугъ,
что, если она домышлялась съ горя!...

Катель Пюло покачала головой и возразила грубо:

— Нѣтъ, нѣтъ, она не помышлялась; она, просто, зла!...

Кавалеръ и внучка его вышли изъ комнаты и не слышали

этихъ словъ; а когда старая женщина догнала ихъ, то Ирена сказала ей съ заботливостію:

— Ты будешь пещись объ этой бѣдной, несчастной малюткѣ; не правда ли, моя милая Катель? Ты постарайся вывести ее изъ этой темной комнаты и не будешь оставлять ее цѣлый день одну? Если ты изъ состраданія побудешь съ нею, то, можетъ статься, это помѣшаетъ ей предаваться такому отчаянію:

— Ужь я пробовала, отвѣчала старуха, да она какъ дикій звѣрь, который воеетъ, когда къ нему подходишь.

— Она, наконецъ, успокоится, сказалъ кавалеръ; тогда мы опять придемъ навѣстить ее. Между тѣмъ я еще разъ препоручаю ее твоимъ попеченіямъ, Катель Пиоло.

— Его сіятельство графъ говорилъ мнѣ то же самое, отвѣчала она съ важностію, и ужь, конечно, моя обязанность имѣть уваженіе къ такимъ просьбамъ. А все-таки, г. кавалеръ, я не скрою отъ васъ, что мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе освободиться отъ этой дѣвчонки.

— Отчего же, Катель? прервалъ съ живостію кавалеръ. Стало быть, ты не имѣешь состраданія къ несчастнымъ?

— Какъ не имѣть, возразила старуха; ужь очень имѣю, когда они христіане. Я Бретонцы, какъ я; но эта дѣвченка, — кто знаетъ, кто она такая и откуда взялась, въ своемъ святочномъ нарядѣ! Коли дѣло пошло на правду, г. кавалеръ, я схоронила отца и молилась ночью у его гроба, потому что это моя обязанность; но теперь, когда, благодаря вашей и графской милости, бѣднякъ отпѣтъ съ церковными молитвами и покоится въ освещенной землѣ, — я не хочу, чтобы эта дѣвочка оставалась въ моемъ домѣ.

— Кто-нибудь другой возьметъ на себя это доброе дѣло, сказалъ кавалеръ, не настаивая болѣе; по крайней мѣрѣ, можетъ ли она остаться у тебя до нынѣшняго вечера, Катель Пиоло?

— До захожденія солнечнаго, пожалуй, отвѣчала она; а если за ней отъ васъ не придутъ, г. кавалеръ, куда же прикажете ее дѣвать?

— Привести въ замокъ, отвѣчалъ онъ холодно; вотъ тебѣ два экію за труды.

— Покорно благодарю, сказала старуха съ движеніемъ, означающимъ отказъ; я призрѣла дѣвочку не изъ корысти, а изъ чистой жалости; отдайте лучше съ эти деньги; хотя я и съ трудомъ зарабатываю свое пропитаніе, а охотно оказываю услуги, Христа ради, тѣмъ, кто бѣднѣ меня.

— Да наградигъ тебя Богъ, Катель Піолò; я знаю, что въ душѣ ты добрая женщина, отвѣчалъ кавалеръ, взявъ подъ руку внучку. Тогда оба удалились, и старая бретанка снова спокойно принялась прѣсть у воротъ своего дома.

Вечеромъ г-жа Жерве сама пришла за Мими.

Гувернантка Ирены была одно изъ тѣхъ добрыхъ и холодныхъ существъ, которыя почти всегда берутъ верхъ надъ характерами буйными. Войдя въ комнату, она прямо пошла къ Мими, развернула узелъ съ платьемъ, который все еще лежалъ у ногъ ея, и сказала ей просто, съ большою кротостію: — Дитя мое, ты сейчасъ надѣнешь это платье; поди сюда, я тебя одѣну.

Мими обернула голову, пристально на нее посмотрѣла и тотчасъ же встала. Не теряя ни минуты, г-жа Жерве сняла съ дѣвочки отвратительные наряды и надѣла на нее черное шерстяное платье съ высокимъ воротомъ и длинными рукавами; небольшой чепчикъ смѣнилъ ея блестящую мѣдную корону; оловянные перстни и браслеты были брошены въ уголь вмѣстѣ съ стекларуснымъ ожерельемъ. — Теперь пойдемъ, продолжала г-жа Жерве, тихо увлекая Мими, которая позволяла вести себя безъ сопротивленія. Ты видишь, она слушается, сказала г-жа Жерве, проходя мимо Катель Піолò, которая ждала ее на порогъ дома. — Да, она теперь поспокойнѣе, отвѣчала старуха, смотря на разстроенное и печальное лице бѣдной дѣвочки; но это еще не кончилось; печаль переполняетъ ея сердце и душитъ ее; со времени своей потери она еще не выронила ни слезинки.

Дѣйствительно, глаза Мими были сухи; судорожно сжимавшіяся вѣки были окружены синимъ кружкомъ, и темные зрачки ея, казалось, ушли въ самую глубину глазной впадины.

Лишь только она вышла изъ дома, какъ принялась идти скорымъ шагомъ, не говоря ни слова, не смотря вокругъ себя, не зная, куда идетъ, и какъ будто поддерживаемая механическою силою.

Солнце склонялось за горизонтъ; воздухъ былъ спокоенъ, и море въ приливъ тихо ударялось о берегъ, въ эту минуту пустынный. Домъ Катель Пиолò былъ последнею обитаемою лачужкою изъ всего длиннаго ряда полуразрушенныхъ зданій, который простирался на четверть мили вдоль по берегу; далье видѣлись однѣ развалины, гдѣ росли кустарники и деревья, которые уже осѣняли дорогу.

Вдругъ Мими остановилась и стала неподвижно, съ полураскрытымъ ртомъ, какъ будто бы для того, чтобы свободнѣе вдыхать свѣжій вѣтеръ, который дулъ съ моря.

— Отдохни, дитя мое, сказала добрая г-жа Жерве, которая съ трудомъ за ней поспѣвала, — ты очень устала, не правда ли?

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвочка, не смотря на нее.

Однакожь, минуто спустя, она съѣла на краю дороги и сидѣла такъ, молча, оборотившись лицомъ къ бухтѣ, между тѣмъ какъ глаза ея бродили по необъятной голубоватой пеленѣ, которую одѣвали уже прозрачныя тѣни сумерекъ. Вскорѣ невыразимое спокойствіе этой картины подѣйствовало и на бѣдную, огорченную дѣвушку; слишкомъ натянутыя фибры ея отошли; сердце ея умягчилось, и слезы омочили усохшія рѣсницы. Г-жа Жерве сидѣла возлѣ нея съ видомъ, выражающимъ участіе, но не покушаясь говорить съ нею. Тогда Мими обернулась къ ней и сказала жалобнымъ голосомъ, прерываемымъ рыданіями: — Кончено! у меня больше нѣтъ отца!... Онъ умеръ, мой бѣдный отецъ, который меня такъ любилъ!... Какъ мнѣ будетъ привыкать жить безъ него! О! какъ я несчастна!... Съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтъ, онъ меня ни разу не покидалъ... онъ одинъ обо мнѣ заботился!...

— А мать твоя? спросила г-жа Жерве.

— Мать умерла давно; я не помню ее... когда я была еще малюткою, отецъ носилъ меня на рукахъ... онъ много такъ исходилъ... а когда онъ уставалъ, то мы отдыхали,

вотъ, какъ теперь, на краю дороги.... а если не могли дойти до начлега, то онъ укрывалъ меня своимъ платьемъ, чтобы ночью мнѣ не было холодно.... и потомъ усыплялъ меня возлѣ себя.... Ахъ! я была тогда очень счастлива!... Я никогда не воображала, что отецъ можетъ умереть.... Вчера.... еще вчера, онъ былъ тутъ.... мы вмѣстѣ проходили подъ этими деревьями,... а теперь, кончено!... Я его больше никогда не увижу, никогда!...—Говоря это, она закрыла лице руками и долго плакала. Г-жа Жерве дала горести ея излиться слезами, потомъ взяла Мими подъ руку и привела ее въ замокъ.

IV.

Въ тотъ же вечеръ Катель Пиолò сдѣла одна въ большой комнатѣ со сводами, которая служила ей кухней, гостиной и спальнею. Эта комната, расположенная въ нижнемъ этажѣ, съ однимъ окномъ, выходящимъ на берегъ, была разделена на двѣ неравныя части деревянною перегородкою, которая не доходила до потолка. Верхняя часть стариннаго камина, высотой въ ростъ человѣческой, выдвигалась впередъ въ видѣ навѣса, и двѣ каменные скамьи находились по обѣимъ сторонамъ очага, гдѣ, не смотря на лѣтнюю пору, горѣла связка сырыхъ сучьевъ.

Мебель, которая казалась очень древнею, была такъ ветха, такъ закопчена, что самый неустрашимый любитель рѣдкостей поколебался бы взять даромъ скамейки съ искривленными ножками, шкафъ съ рѣзными желѣзными украшениями и источенный червями столъ, на которомъ еще замѣтны были кое-гдѣ слѣды прелестной плуточной работы. Родъ ниши, называемой въ Бретани *закрытою кроватью*, былъ приклоненъ къ стѣнѣ. *Закрытая кровать* имѣетъ размѣры гроба и формы гробницы; дубовыя доски образуютъ бока; ситцевая занавѣска виситъ передъ отверзтіемъ, черезъ которое влѣзаютъ въ этотъ ужасный ящикъ, куда не проникаютъ ни свѣтъ, ни воздухъ.

Старуха, сидя передъ каминомъ, мѣшала горящіе уголья

*

палкою и вынимала изъ-подъ золы печенія картофелины, которыя и пересчитывала одна за другою. На другой сторонѣ камина, худая и полинявшая кошка слѣдила за этимъ дѣйствиємъ, какъ будто-бы и на ея долю должно было что-нибудь перепасть, и облизывая рыло, испускала чуть слышное мяуканье, выразившее сильное желаніе полакомиться картофелемъ.

— Прочь, старый лентяй! старый обжора! вскричала Катель Піолдъ, размахнувъ палкою; ступай отыскивать себѣ пищу въ другое мѣсто; въ мышахъ-то нѣтъ недостатка по соседству.

Бѣдное животное проворно вскочило на окно, закрытое ставнями, гдѣ въ съдѣнныхъ червями доскахъ было прорѣзано крошечное окошечко, — и вытянувшись, какъ змѣя, успѣло проскользнуть въ это узкое отверстіе.

— Ахъ ты проклятое животное! ужь кончить тѣмъ, что совсѣмъ изломаешь ставень! прибавила раздраженная старуха. — И тогда воры будутъ лазить въ окно, какъ въ дверь, скаль голось снаружи.

Катель Піоло, въ недоумѣніи привстала и отвѣчала съ досадою: — Воры! а зачѣмъ они зайдутъ въ мою бѣдную избушку? что имъ тутъ дѣлать, Пресвятая Богородица? Ну-ка, добрые люди, ступайте своимъ путемъ-дорогою.

— Не бойся, я одинъ, продолжалъ тотъ-же голось съ громкимъ смѣхомъ; отужинала что-ли, Катель Піолдъ?

— Нѣтъ еще, г. графъ, отвѣчала она, вдругъ узнавъ говорящаго; еще недавно солнце сѣло.

— Ужь около часу; а ночь, хоть глазъ выколи.

— А не будетъ ли дожда! Не угодно ли войдти, на минутку, ваше сіятельство?

— Пожалуй, отвѣчалъ графъ, пожалуй; особенно, если ты можешь дать мнѣ огня; несчастье никогда одно не приходитъ; сегодня утромъ я разбилъ свою любимую трубку, а вечеромъ потерялъ коробочку съ спичками.

Старуха поспѣшно отодвинула задвижку, и, вводя, графа свою лачугу, сказала съ короткостію: — давно уже ваше

сіятельство не возвращались такъ рано въ замокъ; видно никого тамъ не застали?

— Ни души, отвѣчалъ онъ, садясь и закуривая трубку; объ эту пору это иногда случается; они все идутъ на промысль до разсвѣта.

— А таможенные?

— Таможенныхъ также нѣтъ. Они, сказываютъ, пронюхали англійскіе товары.

Старуха выглянула въ окошечко, и продолжала съ едва слышнымъ смѣхомъ:— Ночь какъ-разъ для контрабандистовъ: ни мѣсяца, ни звѣздочки на небѣ.

— Жаркій день— грозная ночь, произнесъ съ важностію графъ; погода совершенно испортилась съ давешнихъ поръ, и я не подивлюсь, коли будетъ проливной дождь. Что ты скажешь объ этомъ, Катель Піолѣ?

— Я скажу, что ужъ дождикъ идетъ, отвѣчала, проворно отходя отъ окна, Катель Піолѣ, которая растворила было до половины ставень. — Господи Иисусе Христе! все небо въ огнѣ!

— Я въ-время здѣсь укрылся, продолжалъ графъ: теперь лугъ ле сидѣть за этими полупотухшими ветками, чѣмъ прохаживаться по морскому берегу. Но не мѣшаю-ль я тебѣ уживаться, Катель Піолѣ?

— Минѣ не долго поужинать, отвѣчала она, подбирая картофель въ деревянную чашку, которую потомъ подала графу.

Графъ поблагодарилъ ее движеніемъ головы. Тогда она прибавила, значительно подмигивая: — У меня есть кой-чѣмъ попотчивать ваше сіятельство, что вамъ придетъ больше по вкусу. Хотя я и бѣдная женщина, а вы, вѣрно, не захотите обидѣть меня и не уйдете безъ угощенья. Не правда ли, ваше іятельство?

— За чѣмъ обижать, отвѣчалъ онъ съ движеніемъ головы.

— Извините меня, я на одну секунду оставляю васъ въ потемкахъ, прибавила Катель Піолѣ, взявъ крошечный сальный огарокъ, который дымился на краю стола: я иду въ погребу.

Вѣроятно, она перерыла не одинъ потаенный уголь,

прежде чѣмъ нашла то, чего искала, потому что ворожились уже по прошествіи четверти часа.

— О-о! сказалъ графъ, когда она поставила на столъ одну изъ тѣхъ толстыхъ приплюснутыхъ и чреватыхъ бутылокъ, въ которыхъ нѣкогда привозили изъ колоній напитокъ, известный подъ именемъ *барбадскихъ сливокъ*, и сткланку синеватаго стекла, въ которыхъ продавали французскую водку.

— Это ромъ ямайскій, а это настоящій коньякъ, сказала она, ставя передъ графомъ небольшой стаканъ; теперь ужъ не пьютъ такого; ромъ-то былъ на англійскомъ корабль, который взятъ въ виду береговъ, въ годъ ложнаго мира.

— Амьенскаго?

— Такъ точно. А что касается до коньяка, то онъ находился въ числѣ товаровъ, которые были схвачены въ тотъ годъ, какъ установили пошлину. Дошло до драки; таможенные побили контрабандистовъ, а все-таки не отыскали добычи. Мой бѣдный Піолѣ ухитрился привезть сюда ящикъ съ 25-ю сткланками; онъ думалъ, что преспокойно разопъетъ ихъ у себя дома, а даже и не поотвѣдалъ мой голубчикъ!

— Отчего жъ? спросилъ графъ.

— Оттого, что на другой день его убили въ новомъ дѣлѣ, отвѣчала Катель Піолѣ со вздохомъ.

— Точно, я помню это, сказалъ графъ, да еще не въ дѣлѣ съ Англичанами, не правда ли, моя бѣдная Катель?

— Нѣтъ, къ-несчастію! вскричала она; вотъ почему я никогда не утѣшусь въ его смерти: онъ былъ убитъ таможенными. Ахъ, проклятыя собаки! я ненавижу ихъ еще больше, чѣмъ Англичанъ! Ахъ! зеленые мундиры—самые злѣйшіе враги бѣдныхъ береговыхъ жителей. Они все пойдутъ въ адъ, я въ томъ увѣрена.

Послѣ этого взрыва старинной вражды, Катель Піолѣ откупорила бутылку, наполнила стаканъ по самыя края и поставила его передъ графомъ.

— Спасибо, сказалъ графъ; но я не стану пить одинъ, это не въ моихъ привычкахъ. Принеси себѣ стаканъ, Катель Піолѣ.

— Вотъ онъ, отвѣчала она, подвигая фаянсовую чашку съ отбитыми краями и безъ ручки.

Графъ налилъ ей въ свою очередь; потомъ они чокнулись, не говоря ни слова.

— Не правда ли, что сущій бархатъ на языкъ? продолжала Катель, медленно прихлебывая драгоценный напитокъ. Графъ кивнулъ головою съ выраженіемъ, соответствующимъ самой великопшпой похвалѣ.

— Ну, такъ мы послѣ еще примемся за него, прибавила Катель, раскупоривая стклянку: а вотъ теперь, скажите-ка мнѣ, что вы думаете объ этомъ старомъ коньякѣ?

Графъ протянулъ стаканъ, поднялъ его наравнѣ съ глазомъ, чтобы лучше судить о цвѣтѣ напитка, и глоталъ капля по капль съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ лангедокскій нектаръ.

— Ну что? спросила Катель Пюло, что вы скажете?

— Скажу, что добрая старая водка—первый напитокъ въ мѣрѣ, отвѣчалъ графъ съ убѣжденіемъ.

Стаканъ его былъ опорожненъ; Катель опять его наполнила, въ то время, какъ онъ набивалъ себѣ трубку, потомъ они снова принялись сравнивать ямайскій ромъ съ старымъ коньякомъ, да такъ усердно, что бутылка и стклянка замѣтно уменьшались.

— Моя милая Катель, началъ вдругъ графъ, который чувствовалъ себя расположеннымъ къ дружескимъ изліяніямъ; моя милая Катель, я никакъ не воображалъ, что такъ пріятно покончу вечеръ.

— Эге! Да вы тутъ, какъ король въ хлопкахъ, отвѣчала старуха, развеселившись; никто намъ не мѣшаетъ; бутылки еще до половины полны. Пировать, такъ пировать!

— Моя бѣдная Катель, ты славная женщина, продолжалъ графъ, почти тронутый; я непременно хочу что-нибудь для тебя сдѣлать.... Я велю поправить твой домъ....

— Спасибо, спасибо, г. графъ, возразила она съ живостію; это все перевернуло бы у меня вверхъ дномъ; да къ-тому же каменички напускали бы здѣсь кучу пыли.

— Такъ проси у меня что-нибудь другое, продолжалъ

графъ, который непременно хотѣлъ поквитаться съ старухой, и котораго благодарность была возбуждена въ высшей степени.

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣчала старуха безъ запинки. И она также начинала испытывать вліяніе, которое дѣйствовало надъ графомъ, и чувствовала себя въ расположении духа чрезвычайно общительномъ. — Эге! прибавила она, проводя рукою по своей дрянной заштопанной юбкѣ.... Конечно, я съ виду похожа на нищую.... Но если бъ я захотѣла, то могла бы купить себѣ новое платье; могла бы завести и стаканы и тарелки и всякую всячину—и даже серебряные приборы.... Да мнѣ не слѣдъ показывать, что въ домѣ есть одинъ потаенный уголокъ.... Никто этого не знаетъ....

— Чтѣ ты говоришь? вскричалъ графъ съ грубымъ смѣхомъ; у тебя есть деньги? Не должно говорить этого, Катель, не должно говорить этого; а не то пожалуютъ воры....

— Я говорю только вамъ однимъ, г. графъ, сказала она, понизивъ голосъ; у меня есть и эю и луидоры....

— Тѣмъ лучше!... вскричалъ онъ, а то мнѣ давеча неприятно было видѣть, что ты ѣдшь за ужиномъ картофель. Теперь я спокоенъ, но послушай, чего же ради ты себя такъ лищаешь? для внука твоего Селестина, что ли?

— Сохрани меня Боже! отвѣчала она, разсерженная при этомъ имени; онъ меня никогда ничѣмъ не порадовалъ, этотъ негодяй!... Я воспитывала его, чтобы онъ сдѣлался контрабандистомъ, какимъ былъ его дѣдушка и весь Піоло; а вамъ извѣстно, какою онъ пошелъ дорогою.... Подъ тѣмъ предлогомъ, что знаетъ грамотъ, онъ сдѣлался слѣсаремъ, и вотъ уже б-тъ лѣтъ, какъ отправился путешествовать по Франціи.... Славное путешествіе—нечего сказать! И славная дорога! Ужь вѣрно свелъ дружбу со всякой сволочью, съ дурными товарищами, съ негодьями, которые отнимутъ у него послѣдній страхъ Божій и послѣднее уваженіе, которымъ онъ мнѣ обязанъ. Когда я вечеромъ раздумаюсь объ этомъ бродягѣ, и когда мнѣ все это представится, то, поверьте ли, цѣлую ночь на-пролетъ глазъ не сомкну.

— Такъ лучше перестанемъ говорить объ этомъ, отвѣчалъ графъ съ спокойствіемъ философа; потомъ, положивъ локти на

столъ, онъ принялся распѣвать въ полголоса, прерывая свое пѣніе только для того, чтобы отвѣчать какимъ-нибудь односложнымъ звукомъ на порядочно-безсмысленную болтовню Катели, которая отъ времени до времени наполняла стаканъ и чашку. Наконецъ, когда бутылки почти опорожнились, графъ сказалъ, стараясь подняться съ мѣста:—желалъ бы я знать, какова теперь погода?—Старуха, хотя и очень взволнованная, еще крѣпко держалась на ногахъ; она пошла, посмотрѣла въ окошечко и вскричала:

— А погода-то разгулялась!.... я вижу звезды. Тьмъ хуже! тьмъ хуже!

— Еслибы я былъ въ кофейнѣ, то узналъ бы, который часъ, продолжалъ графъ, забывая, что съ нимъ были часы.

Катель Поло напомнила ему объ этомъ, вынувъ часы изъ кармана жилета и поднося ихъ къ глазамъ его.

— Ой!-ой! ужь 11-ть часовъ! вскричалъ онъ. Пора домой.

Старуха замѣтила, что онъ долго шарилъ, отыскивая шляпу.

— Послушайте, сказала она, на улицъ сколько.... Не проводить ли васъ маленько?

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ графъ, котораго мысли были порядочно перепутаны; я догону бригадира, и мы поплетемся съ нимъ вмѣстѣ. Прощай, Катель.... Въ будущій разъ угощаю я... Все-таки спрячь подальше бутылки.... завтра я опять приду.

Онъ вышелъ изъ дома покачиваясь; но вскорѣ свѣжій воздухъ разсыпалъ эту неловкость, не возвративъ ему однакожь полной ясности разсудка; напротивъ того возбужденіе его удвоилось; имъ овладѣла шумная веселость, и онъ пошелъ по берегу, распѣвая всѣ разгульные пѣсни, какія только приходили ему на память.

Въ замкъ все было тихо; всѣ легли спать, кромѣ одного только кавалера, который читалъ въ гостиной; да лакея, заснувшего въ официантской въ ожиданіи своего господина. Вдругъ кавалеръ былъ извлеченъ изъ своего занятія звуками, которые раздавались вдоль по берегу.

Достойный старикъ понять, что случилось, и затрепетать отъ страха, чтобы эти пьяныя пѣсни не подняли весь домъ. Тотчасъ рѣшившись, онъ и не подумавъ разбудить лакея, но вышелъ самъ отпереть рѣшетку. Г. де-Кербрежанъ приближался, распѣвая во все горло; поровнявшись съ рѣшеткою, онъ машинально остановился.

— Замолчи, Жанъ, сказалъ ему дядя, едва удерживаясь отъ гнѣва; замолчи и ступай спать.

Графъ принялся хохотать, отступилъ на шагъ и затянулъ новую пѣсню. Кавалеръ настаивалъ; тогда пьяный графъ, внезапно раздраженный, обернулся къ дядѣ и вскричалъ съ угрожающимъ тѣлодвиженіемъ: — Оставишь ли ты меня въ покоѣ, старый болтунъ! старый дуракъ!

— Ступай домой, Кербрежанъ! вскричалъ кавалеръ съ ужаснымъ выраженіемъ, взявъ его за плеча.

Тогда графъ повинился, и пройдя мимо дяди, не говоря ни слова, вошелъ въ свою комнату и заперся на ключъ. Кавалеръ воротился въ гостиную; черезъ четверть часа послѣ того онъ позвонилъ и сказалъ лакею, что господинъ его воротился. Лакей ушелъ, ничего не подозревая, и происшедшая сцена осталась тайною между двумя Кербрежанами.

V.

Кавалеръ де-Кербрежанъ не спалъ цѣлую ночь; всѣ часы этой долгой безсонницы онъ провелъ въ размышленіяхъ; умъ его терзался печальными предчувствіями, а сердце было переполнено тягостнымъ гнѣвомъ. Полученная имъ обида его не трогала; онъ чувствовалъ себя слишкомъ выше такого недостойнаго поступка; но она глубоко его раздражила, потому что это забвеніе всякаго уваженія къ самому себѣ показывало степень моральнаго униженія, до котораго дошелъ отецъ Ирены. Какъ всегда случается, когда мы пріобрѣтаемъ очевидное доказательство событія, которое давно уже подозревали, достойный кавалеръ выводилъ изъ него преувеличенныя послѣдствія, и предполагалъ, что графъ, утомленный

принужденіемъ, которому до сихъ поръ подчинялъ себя, будетъ отнынѣ предаваться въ своемъ семействѣ несчастнымъ привычкамъ, къ которымъ врожденныя склонности не преодолимо его увлекали.

Достоинство, согласіе, пріятность отношеній, все, что составляетъ честь и счастье семействъ, казались ему на всегда утраченными, и онъ спрашивалъ себя, къ какому крайнему рѣшенію должно прибѣгнуть, чтобы обезпечить спокойствіе своихъ послѣднихъ дней и счастье Ирены.

Это лихорадочное волненіе заставило его предупредить часы его обыкновеннаго вставанія; всѣ еще спали въ замкѣ, когда онъ открылъ окно и облокотился на каменный балконъ, на которомъ каждое утро въ теченіе 40 лѣтъ приходилъ наблюдать, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ и какая на морѣ погода. Почти въ то же время кто-то постучался у дверей его комнаты, и вошелъ графъ, съ блѣднымъ и печальнымъ лицомъ и потупленнымъ взоромъ.

— Дядюшка, окаялъ онъ униженно, я пришелъ извиниться передъ вами; умоляю васъ, простите мнѣ мою вчерашнюю вину.

Этотъ внезапный поступокъ мгновенно измѣнилъ расположеніе кавалера; страхъ его разсыялся; гнѣвъ уступилъ мѣсто великодушной снисходительности, и протянувъ руку племяннику, онъ сказалъ ему просто:

— Я ничего не помню.

Графъ поклонился съ тронутымъ видомъ и продолжалъ съ нѣкоторымъ волненіемъ:

— Если вы позволите, я еще приду поговорить съ вами.

— Куда же ты теперь? спросилъ кавалеръ, который тогда только замѣтилъ, что графъ былъ въ дорожномъ платьѣ.

— Въ Морлэ, отвѣчалъ, онъ лаконически.

Кавалеръ понялъ, что это путешествіе цѣлаго дня имѣло связь съ какимъ-нибудь намѣреніемъ, съ какимъ-нибудь предпріятіемъ, которое графъ хотѣлъ ему повѣрить; но что должно было отложить объясненіе до вечера.

— Хорошо, сказалъ онъ, мы поговоримъ откровенно о нашихъ дѣлахъ; но пожалуйста, Жанъ, не возвращайся слиш-

комъ поздно; дочь твоя станетъ тебя ждать; этотъ ребенокъ всегда спрашиваетъ, гдѣ ты бываешь по вечерамъ; скоро она не захочетъ ложиться до тѣхъ поръ, пока ты не воротишься— При этихъ послѣднихъ словахъ графъ обернулся съ страннымъ выраженіемъ и прошепталъ:—бѣдное, милое дитя!—Потомъ быстро сошелъ съ лѣстницы, и, минутоу спустя, на дорогѣ раздавался стукъ копытъ его лошади.

Черезъ часъ послѣ его отъезда, Ирена, надѣвъ на голову широкую соломенную шляпу, съ легонькою корзиночкою на рукѣ, пришла, по обыкновенію, тащить въ садъ добраго дядю Пьера. Обыкновенно онъ слѣдовалъ за нею, не заставляя себя просить, и прогуливался въ цветникъ, читая журналъ, между тѣмъ какъ она посѣщала свой птичникъ, и оставалась у бассейна бросить кусочки сухарей красненькимъ рыбкамъ; но въ этотъ день умъ его былъ до того занятъ, что онъ позабылъ развернуть газету и раза три или четыре обошелъ цветникъ, не обращая вниманія на лепетъ Ирены, которая то бѣжала передъ нимъ, то возвращалась къ нему и опиралась на его руку, показывая ему насѣкомое, скрытое въ лепесткахъ цвѣтка, или какой-нибудь растительный феноменъ, какой-нибудь великолѣпный плодъ, зрѣющій на шпалерахъ.

Въ то время, какъ они такимъ образомъ совершали свою утреннюю прогулку, окно комнаты, соседней съ тою, гдѣ жила г-жа Жерве, тихо отворилось, и бѣдная фигура показалась изъ-за стеколь. Это была Мимн, которая встала сама собою. Вчера, войдя въ замокъ, она позволила вести себя въ комнату, которую для нея приготовили, не произнося ни слова, не бросивъ вокругъ себя ни одного взгляда. Послѣ безполезныхъ покушеній заставить ее что-нибудь съѣсть, г-жа Жерве попышила уложить ее, опасаясь новаго взрыва отчаянія; но она тотчасъ же заснула и спокойно провела ночь.

Добрая наставница подстерегала ея пробужденіе; когда она услышала, что дѣвочка встала, то растворила дверь въ ея комнату и сказала ей ласково:—здравствуй, дитя мое; ты уже одѣлась; это хорошо; прочитай же молитву, потомъ приди ко мнѣ.

— Какую молитву? Я не знаю молитвы, отвѣчала Мими.

— А вотъ, я научу тебя, сказала г-жа Жерве съ тою истинною христіанскою любовію, которую ничто не удивляетъ и ничто не отталкиваетъ; становись со мной на колѣна.

Характеры буйные не перенесли бы горести, если бы порывы, которымъ они предаются, продолжались; къ-счастію, сила ихъ впечатлѣній всегда соединена съ подвижностію, которая спасаетъ ихъ. Дочь акробата испытывала это въ настоящую минуту; она почти внезапно перешла отъ самаго ужаснаго отчаянія къ какому-то равнодушному спокойствію, и нѣсколькихъ часовъ отдохновенія достаточно было, чтобы возстановить равновѣсіе ея способностей. Она попробовала повторить за г-жею Жерве утреннія молитвы, но вскорѣ, уставъ стоять на колѣняхъ, быстро встала и опять подошла къ окну.

— Хочешь сойдти въ садъ? спросила г-жа Жерве.

— Да, когда тамъ никого не будетъ, отвѣчала она; я бы желала гулять одна, вонъ тамъ.

— Отчего же одна?

— Потому что я не знаю этого стараго господина и эту барышню, которые гуляютъ въ цвѣтникъ. И при-томъ же, прибавила со вздохомъ, я хочу быть одна, потому что мнѣ грустно.

— Бѣдняжка! прошептала г-жа Жерве, тронутая сожалѣніемъ.

— Кто отниметъ у меня тоску, которая у меня, вотъ здѣсь! продолжала Мими съ мрачнымъ видомъ, крѣпко прижимая къ груди свои ручки.

— Богъ, дитя мое, отвѣчала набожная гувернантка: должно обратиться къ Нему; Онъ тебя услышитъ.—И такъ какъ Мими слушала ее съ удивленіемъ, г-жа Жерве прибавила: — ты меня не совсѣмъ понимаешь, я это вижу; но при-мѣръ научить тебя лучше словъ; дитя мое, ты вскорѣ узнаешь, какую отраду находятъ огорченныя сердца въ трудѣ и молитвѣ.

— Я не умѣю ни работать, ни молиться, возразила она холодно.

— Ты научишься, дитя мое, отвечала г-жа Жерве своимъ кроткимъ и твердымъ голосомъ.

Маленькая цыганка едва замѣтно покачала головою и замолчала.

— Ты вчера ничего не ѣла, продолжала г-жа Жерве, смотря на легкій ужинъ, который оставался еще на столѣ не тронутымъ; ну, бѣдное дитя мое, попробуй позавтракать.

Мими подошла и взяла съ нѣкоторою жадностію хлѣбъ съ масломъ, который она ей подавала; но при первомъ кускѣ воспоминаніе послѣдняго обѣда, которымъ она наслаждалась съ отцемъ своимъ внизу террасы, пришло ей на мысль, и она залилась слезами. На сей разъ, однакожь, инстинктъ матеріальныхъ потребностей одержалъ верхъ надъ горестію, и, не переставая плакать, она съѣла все, что было на столѣ. Подкрѣпивъ себя такимъ образомъ, она съѣла къ окну, обративъ глаза въ садъ, и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока кавалеръ и дѣвица де-Кербрежанъ кончили свою прогулку. Тогда она тихонько сошла и пробралась въ уединенную аллею, покрытую густою тѣнію.

Цѣлый день видѣли, какъ она бродила въ этомъ мѣстѣ, и то суегиалась съ безпечною живостію, то садилась на траву съ мрачнымъ видомъ и закрывала руками лице, по которому текли слезы.

Ирена хотѣла пойти къ ней, но г-жа Жерве ее удержала. — Погоди, сказала она; это бѣдная, огорченная душа; ее должно предоставить себѣ самой, до тѣхъ поръ, пока она будетъ въ состояніи принять утѣшеніе.

Было 11 часовъ вечера, когда графъ воротился въ замокъ; дядя, который ждалъ его съ захожденія солнечнаго, пошелъ къ нему на встрѣчу, не безъ страха повторенія вчерашней сцены; но при первомъ взглядѣ на племянника, онъ успокоился; лице графа было спокойно, важно, почти грустно; въ эту минуту, онъ нѣсколько походилъ на прежняго *красавца-Кербрежана*.

— Ты хотѣлъ говорить со мною нынче вечеромъ, сказала кавалеръ, пожавъ ему руку; но мы не можемъ разговаривать

такимъ образомъ. Ты только что сошелъ съ лошади и долженъ имѣть нужду въ отдохновеніи; до завтра, не правда ли?

— Нѣтъ, если вы позволите, отвѣчалъ онъ съ живостію; вы никогда не ложитесь прежде полуночи; а я нисколько не усталъ.— Они вошли въ гостиную.

— Дочь твоя легла спать, возразилъ кавалеръ, затворяя дверь; мы одни; ну, Жанъ, что же ты хочешь сказать мнѣ?

— Вы сами, дядюшка, хотели говорить со мною, и я сперва долженъ васъ выслушать, отвѣчалъ графъ, почтительно поклонившись.

Кавалеръ съ минуту собирался съ мыслями, какъ человекъ, который готовится приступить къ щекотливому вопросу; потомъ сказалъ съ ласковымъ видомъ:

— Я часто думалъ, любезный Жанъ, что человекъ твоихъ лѣтъ, не имѣющему другаго общества, кромѣ ребенка и старика, долженъ былъ казаться домъ его очень пустымъ и дни очень долгими. Не разъ, видя скуку и праздность, въ которыя ты былъ погруженъ, я уговаривалъ тебя покинуть насъ на нѣсколько мѣсяцевъ, поѣхать въ Парижъ, гдѣ ты могъ возобновить пріятныя связи; но ты всегда отказывался, говоря, что не любишь свѣта.

— Это правда, отвѣчалъ онъ. Будьте увѣрены, дядюшка, что я ни разу не пожалѣлъ о томъ, что называютъ удовольствіями общества.

— Знаю, знаю, проинепталъ кавалеръ со вздохомъ.

— И если уже должно говорить всю правду, прибавилъ графъ, то я удивляюсь теперь, какъ могъ я такъ долго подчиняться привычкамъ, которыя мнѣ такъ мало свойственны.

— Да отъ этого-то я и не предлагаю тебѣ снова пуститься въ свѣтъ, возразилъ съ живостію кавалеръ; но я думаю о томъ, что могло бы возвратить тебѣ нѣкоторую часть семейнаго счастья, котораго ты такъ рано лишился.

И какъ графъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, то онъ прибавилъ:

— Скажи мнѣ, Жанъ, ты никогда не думалъ о вторичномъ бракѣ?

— Никогда, дядюшка! никогда! вскричалъ онъ.

— Ну, такъ я за тебя думалъ, продолжалъ кавалеръ. Не возмущайся при этой мысли; умоляю тебя, и выслушай меня до конца. Да, не разъ, неясное намѣреніе женить тебя приходило мнѣ въ голову, и это намѣреніе представилось сегодня уму моему съ новою силою. Ты очень хорошо понимаешь, что когда я замышлялъ дать Ирень мачиху, то мой выборъ былъ сдѣланъ заранѣе. Вся приличія возраста и состоянія соединились бы въ этомъ союзѣ. Особа, которую я предлагаю тебѣ, обладаетъ всеми качествами, способными составить счастье честнаго человѣка. Впрочемъ, ты уже знаешь ее, она съ-родни тебѣ по женѣ, и пріѣзжала сюда въ первый годъ твоего брака.

— Дѣвица де-Керсальонъ? прошепталъ графъ.

— Точно. Ты помнишь ея хорошенькое лицо, ея невинный видъ, ея прелестную талию. Ее всегда сравнивали съ лиліею.

— Этому прошло болѣе 15-ти лѣтъ, сказалъ графъ сквозь зубы.

— Она одна кажется мнѣ достойною замѣнить жену, которой ты лишился, продолжалъ кавалеръ тронутымъ голосомъ. Наша бѣдная Амелія нѣжно ее любила; одна кровь текла въ ихъ жилахъ; онѣ походили одна на другую.

— Это правда. Странно, что такая любезная особа не вышла за-мужъ!

— Это сдѣлалось не по недостатку жениховъ; но г-жа де-Керсальонъ имѣла особенный даръ ихъ спроваживать. Добрая женщина всегда была слабого здоровья; когда представлялся женихъ, она со слезами предлагала его своей дочери, умоляя отложить выборъ и не лишать ее своихъ попеченій въ немногіе дни, которые ей еще осталось жить. Дочь, не колеблясь, отказывала. Такимъ-то образомъ, въ продолженіе 10-ти и болѣе лѣтъ, г-жа де-Керсальонъ держитъ ее у своихъ кресель.

— Эти дамы, кажется, живутъ все въ Парижѣ.

— Нѣтъ; онѣ поселились въ своемъ загородномъ домѣ близъ Нёльи. Дѣвица Керсальонъ никогда не была въ свѣтѣ; она добровольно осудила себя на жизнь почти совершеннаго уединенія. Изрѣдка я уведомляю ее объ насъ, и Ирена всегда

приписываетъ къ ней словечко въ моихъ письмахъ. Она и такъ уже любить этого ребенка; она страстно желаетъ ее видѣть, и если бы болѣзнь матери не требовала ея постоянного присутствія, то она вѣрно бы прїѣхала навѣстить насъ; она еще недавно объ этомъ писала. Съ другой стороны, г-жа де-Керсальонъ должна же понимать наконецъ, что нечего терять времени, если она хочетъ выдать дочь за-мужъ. По всемъ этимъ соображеніямъ я думаю, любезный Жанъ, что тебѣ стоило бы только сдѣлать предложеніе; я увѣренъ, что ты не получишь отказа.

Графъ покачалъ головою и не отвѣчалъ ни слова.

— Г-жа де-Керсальонъ не разсталась бы съ дочерью, продолжалъ кавалеръ. Ты привезъ бы сюда обѣихъ. Когда мы больше не были бы одни въ нашей огромной гостиной, когда семейный кругъ расширился бы такимъ образомъ вокругъ камина, ты не уходилъ бы больше курить трубку на морской берегъ, мой бѣдный Жанъ, и, какъ прежде, съ удовольствіемъ оставался бы съ твоими близкими.

Вѣроятно, графъ нѣсколько затруднился, прискивая приличныя выраженія для отвѣта, потому что сначала только движеніемъ изъявилъ свою рѣшимость.

— Ты отказываешься, сказалъ кавалеръ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ всякаго выраженія неудовольствія. Посмотримъ; изъяснись откровенно, чтобы я зналъ покрайней мѣрѣ, кака я причина....

— Я не имѣю наклонности къ этому союзу, отвѣчалъ графъ съ внезапною откровенностію. Послушайте, дядошка, я чувствую, что для меня уже все кончено, и что я не могу быть счастливымъ по прежнему. Еслибы даже вы нашли мнѣ жену такую же совершенную, какъ Амелія, то я и тогда не чувствовалъ бы къ ней влеченія, и не могъ бы снова преобрѣтать привычки, необходимыя для того, чтобы ей нравиться.

— Ты бы лучше женился на крестьянкѣ, прервалъ кавалеръ холодно.

— Можетъ быть, я и годился бы лучше для крестьянки, чѣмъ для барышни, отвѣчалъ онъ спокойно; но я ни на комъ не женюсь.

— И будешь вести все такую же жизнь? вскричалъ кавалеръ съ скрытнымъ негодованіемъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ; нѣтъ, это невозможно; вотъ именно объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами, любезный дядюшка; я хочу прервать на время мои привычки; но я не могу сдѣлать этого иначе, какъ удалившись отсюда. Я не родился любопытнымъ, мнѣ не пришло бы въ голову путешествовать для одного удовольствія, мнѣ нужна цѣль. Цѣль эта будетъ—выгоды всего моего семейства. Я поѣду въ Бомбей устроить это дѣло о наслѣдствѣ, которое причинило вамъ столько хлопотъ.

Будьте покойны; я ничего не упущу; это займетъ меня.

— Вы меня подождете здѣсь, а по возвращеніи моемъ вы подумаемъ о замужствѣ Ирены?

Кавалеръ оставался безмолвнымъ отъ удивленія; онъ никакъ ни ожидалъ такого объявленія. Правда, иногда онъ и говорилъ самому себѣ, что если бы онъ имѣлъ года своего племянника, то охотно бы съѣздилъ въ *Индію*, чтобы увеличить приданое Ирены, но ему никогда и въ голову не приходило предупредить подобное предложеніе, и еще менѣе, приписать первую мысль о немъ графу.

— Такъ вотъ предпріятіе, которое тебя занимало? сказалъ онъ наконецъ; а ты давно о этомъ думаешь?

— Да, дядюшка, отвѣчалъ графъ запинаясь, потому что говорилъ не правду; это намѣреніе принято было назадъ тому сутки.

— Вѣдь дѣло идетъ, быть можетъ, о трехлѣтнемъ отсутствіи, продолжалъ кавалеръ; любезный Жанъ, подумай хорошенько.

Графъ показавъ движеніемъ руки, что его намѣреніе не-возвратно принято.

— Я ѣздилъ въ Морле за нужными свѣдѣніями, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана записную книжку; вотъ мои за-мѣтки; я, вѣроятно, сяду на корабль въ Англіи.

— Стало быть, ты скоро думаешь ѣхать? спросилъ кавалеръ, нѣсколько тронутый.

— Какъ можно скорѣе, отвѣчалъ онъ; вы сами мнѣ

тысячу разъ говаривали, что никогда не должно откладывать рѣшеннаго.

— Но твое отсутствіе сдѣлаетъ нужными нѣкоторыя распоряженія, замѣтилъ кавалеръ: намъ должно будетъ свести счеты, написать бумаги, за свидѣтельствомъ нотаріуса.

— Это дѣло одного дня, возразилъ графъ; завтра же утромъ мы начнемъ приготовленія къ отъѣзду.

— Послушай, отвѣчалъ кавалеръ; дѣлай, какъ хочешь; но прошу тебя, не говори ничего при Ирени; это бѣдное дитя станетъ заранѣе сокрушаться; мы подождемъ послѣдняго дня, чтобы объявить ей о твоёмъ отъѣздѣ.

Хотя графъ и не былъ одаренъ большою проницательностію, но понималъ, что дядю его гораздо меньше огорчала ихъ близкая разлука, нежели мысль о слезахъ, которыя отъѣздъ его заставитъ пролить Ирени.

— Будьте покойны, сказалъ онъ печально, я уѣду безъ шума.

При этихъ словахъ онъ всталъ, и, бросивъ взглядъ на часы, продолжалъ: — Ужь полночь! Дядюшка, позвольте мнѣ проститься съ вами.

— Я провожу тебя до твоей комнаты, сказалъ кавалеръ, взявъ свѣчку и подавъ племяннику руку.

Выходя изъ гостиной, г. де-Кербрёжанъ остановился и долго смотрѣлъ на картину, изображавшую графиню, потомъ прошепталъ: — Если мнѣ суждено не воротиться, Ирена станетъ жалеть, что нѣтъ моего портрета возлѣ портрета ея матери.

— Что ты это говоришь? вскричалъ кавалеръ. Развѣ не всегда возвращаются! При-томъ же мы еще успѣемъ снять съ тебя портретъ; вѣдь ты не завтра ѣдешь.

Дядя и племянникъ весь слѣдующій день занимались приведеніемъ въ порядокъ разныхъ денежныхъ и другихъ дѣлъ; послѣ полудня они долго прогуливались на террасѣ; а послѣ обѣда графъ, по своему обыкновенію, вышелъ, обнявъ дочь и дядю.

Два часа спустя, при наступленіи ночи, Катель, сидя на порогѣ своей хижины, прислушивалась, протянувъ шею, къ отдаленному стуку, походившему на лошадиный галопъ.

когда стукъ затихъ, она вытащила изъ-за пазухи записку и прошептала:—Ужь навѣрное въ замкѣ совершается что-то необыкновенное.—Въ эту минуту кто-то показался на берегу.

—Здравствуй, Корентинъ! закричала Катель, узнавъ стараго матроса, который почти ежедневно удостоивался чести выкуривать пол-дюжины трубокъ съ графомъ; ты ужь изъ трактира? Чтò новаго?

—Да почѣсть что ничего, отвѣчалъ онъ, останавливаясь; почѣсть что ничего.

—А его сѣятельство графъ, продолжала Катель, гулялъ съ тобою сего-дня?

—Ни вчера, ни сегодня.

—Гдѣ же это онъ сидитъ?

—Въ эту минуту онъ сидитъ на лошади и скачетъ во весь духъ въ Морлэ, сказалъ матросъ; я сейчасъ съ нимъ повстрѣчался.

—Ухаль!... прошептала старуха; я такъ и думала; такъ вотъ почему онъ мнѣ наказывалъ отнести это письмо не прежде, какъ вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣетъ... Мать Пресвятая Богородица!... Чтò-то скажетъ г. кавалеръ?

VI.

Дѣйствительно, графъ ухаль, не простившись съ семействомъ. Нѣсколько дней въ замкѣ очень тосковали; потому эта печаль стихла, и путешественникъ еще не отплылъ изъ гавани, какъ уже строили планы для его возвращенія.

Лишь только кавалеръ освободился отъ всѣхъ этихъ хлопотъ, какъ занялся судьбою Мими, и сначала попробовалъ найти ей семью. Въ бумагахъ бѣднаго плясуна находились достаточныя указанія, по которымъ легко можно было отыскать ея родственниковъ. Исторія его жизни была жалкая и слишкомъ обыкновенная исторія. Онъ родился въ небольшомъ городкѣ Лангедока и прозывался Этьень Тирлюнъ; до 25-лѣтняго возраста онъ исправлялъ ремесло цирюльника и платилъ подати и пощлны, какъ слѣдуетъ. Потомъ, вдругъ

онъ женился, но женился не на честной дѣвушкѣ изъ сосѣднихъ семействъ, а на одной изъ тѣхъ бродягъ-комедіантокъ, которыя слѣдуютъ за подвижными труппами, и играютъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ-нибудь, на площади. Эта негодяйка не могла привыкнуть мыть салфетки и чистить тарелки, употребляемыя для бритья цирюльникомъ. Бѣдный ремесленникъ, завлеченный ею, закрылъ лавку, и туда жъ записался въ художники. Вотъ и пошли они бродить по блуду-свѣту, выставляя на показъ свои дарованія на перекресткахъ и площадяхъ, и жили, не имѣя, какъ говорится, ни кола, ни двора. Мими увидала свѣтъ на краю большой дороги, а мать ея умерла въ одной изъ тѣхъ лачугъ, гдѣ помѣщаются путешественники, которыхъ всѣ пожитки состоятъ въ нѣсколькихъ тряпкахъ, завязанныхъ въ платокъ. После этого послѣдняго происшествія, Этьенъ Тирлонъ подумалъ-было воротиться во-свояси и снова засѣсть въ лавку; но привычка къ бродячей жизни одержала верхъ надъ добрымъ внушеніемъ; и вотъ онъ опять пустился въ путь съ скрипкой подъ мышкой и дѣвчонкой за плечами. Къ-счастью, ребенокъ былъ сложенія крѣпкаго и здороваго; скоро она могла слѣдовать за отцемъ на своихъ крошечныхъ ноженкахъ; 4-хъ лѣтъ отъ роду она уже плясала и обходила жителей съ тарелочкой. Безпрестанное упражненіе рано развернуло ея силы; она сдѣлалась гибкою и легкою, какъ кошка. Зѣваки приходили въ восторгъ, когда она проворно скакала по перекладинамъ стула, съ стаканомъ воды на носу, и не рѣдко самъ отецъ, удивленный ея силою и легкостью, кричалъ ей съ гордымъ видомъ:—Браво, мой маленькій бѣсенокъ! браво! брависсимо!!

Такимъ образомъ они нѣсколько разъ обходили Францію, какъ вдругъ несчастный плясунъ внезапно скончался.

Кавалеръ увѣдомлялъ дядю Этьена Тирлона объ этомъ несчастномъ событіи и горестномъ положеніи Мими. Дядя Тирлонъ былъ старый ремесленникъ, который по справедливости слылъ за одного изъ самыхъ честныхъ людей въ своемъ городкѣ. Онъ былъ вдовъ и не имѣлъ дѣтей; но за недостаткомъ прѣлагаго потомства, старика окружала цѣлая фамилія Тирлоновъ, которая была очень многочисленна и

считала его своимъ главою. Только въ провинціяхъ, и при-томъ отдаленныхъ отъ Парижа, можно еще найти истинныхъ ремесленниковъ; ремесленники большихъ городовъ ни что иное, какъ работники. Семейства ремесленниковъ, поселившихся испоконъ вѣка въ маленькихъ городкахъ, сохраняютъ здравыя понятія, смиренныя добродѣтели, чувства чести и истиннаго достоинства, которыхъ примѣры всегда подавало имъ среднее сословіе; изъ этого естественно слѣдуетъ, что горожанинъ, который живетъ своимъ доходомъ или отправляетъ свободное ремесло, считаетъ равнымъ себѣ ремесленника, который живетъ ручною работою; ихъ сношенія просты и легки, потому что ремесленникъ не имѣетъ ни неопрятной наружности, ни отвратительныхъ привычекъ работника.

Дядя Тирмонъ собралъ родъ семейнаго совѣта, и, послѣ зрѣлаго совѣщанія, написалъ къ Кербрежану слѣдующее письмо:

«Г. кавалеръ де-Кербрежанъ!

Спѣшу, отъ имени всей нашей фамиліи, принести вамъ чувствительнѣйшую благодарность за великодушіе, съ которымъ вы призрѣли дочь моего покойнаго племянника и крестника Этьеня Тирмона. Большимъ стыдомъ и огорченіемъ для всѣхъ насъ была, въ свое время, женитьба бѣднаго малаго, который до тѣхъ поръ не подавалъ намъ никакого повода къ неудовольствію. Онъ не лишенъ былъ добрыхъ чувствъ, но его погубили слабость и лѣнь. По слабости онъ женился на твари, на которую никогда бы не долженъ былъ и смотреть; а потомъ, увлеченный дурною привычкою къ праздности, задумалъ идти далеко отъ насъ, зарабатывать свой хлѣбъ безъ труда и усталости. Хотя онъ самъ никогда не писалъ къ намъ, но мы знали, что съ нимъ сбѣжалось, черезъ земляковъ, которые встрѣтили его не такъ давно въ Лионѣ; и мы всѣ краснѣли отъ стыда, когда намъ рассказывали, что онъ дѣлалъ изъ себя паяца на площадяхъ, и, какъ нищій, подбиралъ двукопѣечники, которые ему бросали. Теперь онъ умеръ; нашъ долгъ простить ему, и мы охотно это дѣлаемъ, моля Господа, чтобы онъ помиловалъ его душу.

«Что касается до несчастной малютки, которую онъ оставляетъ въ этомъ свѣтѣ, то мы готовы сдѣлать ей добро

по силамъ; но принятое въ наше семейство не можемъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, мы всегда помнили бы о матери, которая произвела ее на свѣтъ, и это выгнало бы дружбу къ ней изъ нашего сердца. Позже, это пятно помѣшало бы найдти ей въ мужья честнаго малаго, и она, сама видя, что ее презирають, не могла бы жить счастливо посреди насъ.

«Прошу васъ покорнѣйше, г. кавалеръ, довершите доброе дѣло, которое вы начали, и займитесь судьбою несчастной дѣвочки. Съ вашимъ покровительствомъ она можетъ вступить въ домъ къ такимъ же, какъ мы, ремесленникамъ, которые, не зная, кто были ея отецъ и мать, будутъ смотреть на нее снисходительно, если она хорошо поведетъ себя, и научать ее пріобрѣтать хлѣбъ честнымъ образомъ. Наша семья сдѣлаетъ складчину для этой цѣли; мы не хотимъ, чтобы она была въ тягость чужимъ людямъ, и заплатимъ охотно сумму, потребную для ея ученья.

«Взявъ съѣлость уведомить васъ о нашемъ рѣшеніи и просить у васъ убѣдительнѣйше столь значительной услуги, мнѣ ничего больше не остается, г. кавалеръ, какъ увѣрить васъ въ благодарности и глубокомъ уваженіи, съ которыми я имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою—

Э. Тирмонъ.»

Кавалеръ показалъ это письмо г-жѣ Жерве, и совѣтовался съ нею, что дѣлать.

Добрый старикъ говорить дѣло, сказала достойная женщина; бѣдная Мими была бы несчастлива у своихъ родственниковъ, потому что она не имѣетъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ могла бы пріобрѣсти ихъ дружбу. На каждомъ шагу она поражала бы ихъ непріятнымъ образомъ своими странными понятіями.

— Бродячая жизнь, которую она вела, не ведетъ къ добру, замѣтилъ кавалеръ, покачивая головою.

— Она чиста, какъ младенецъ — я за то отвѣчаю, сказала съ живостию г-жа Жерве; за недостаткомъ воспитанія и религіозныхъ правилъ, она, по крайней мѣрѣ, сохранила неприкосновеннымъ святой вѣнецъ невинности.

— Я, право, не вижу, кому бы мы могли поручить эту

малютку, продолжалъ кавалеръ; здѣсь никто ее не захочетъ взять; должно отдать ее въ ученье въ Морлэ.

Г-жа Жерве покачала головою.—Она не пробудетъ тамъ и недѣли, сказала она; ее отошлютъ, потому что она непослушна и совершенно неспособна къ постоянной работѣ. Такъ какъ вы позволяете мнѣ сказать мое мнѣніе, г. кавалеръ, то я предложу вамъ оставить ее здѣсь. Я постараюсь немножко образовать ее; Ирена съ радостію приметъ участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ; она еще огорчена отъѣздомъ г. графа; присутствіе Мими послужитъ ей развлеченіемъ.

— Да; только у ней будетъ странная компаньонка, отвѣчалъ кавалеръ, улыбаясь; но что за дѣло; я думаю, что вы правы, м-ме Жерве; судьба этой дѣвочки будетъ здѣсь сноснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь; вы научите ее работать, и она сдѣлается швейей, горничной,—однимъ словомъ, къ чему окажется способной; все-таки это будетъ лучше жалкаго ремесла, которымъ она промышляла съ отцемъ.

Такимъ-то образомъ Мими Тирмонъ осталась въ домъ Кербрежановъ. Добрая г-жа Жерве тотчасъ приняла на себя трудную обязанность просвѣщать и укрощать этотъ невежественный и дикій умъ; она занялась ею со всею горячностію души истинно милосердой, и сначала старанія ея не остались безплодными. Мими одарена была какою-то стремительною понятливостію, которая дѣлала ее способною, не взирая на чрезмѣрную лѣнь, пріобрѣсти нѣкоторыя познанія; она скоро выучилась читать и въ нѣсколько мѣсяцевъ была въ состояніи порядочно написать письмо; но этимъ и ограничились всѣ ея успѣхи. Въ пріемахъ ея и рѣчахъ также не замедлила произойти перемена; она очень естественно стала раздражать особамъ, которыми была окружена, и трудно было бы узнать канатную плясунью въ молодой дѣвушкѣ, съ смиреннымъ видомъ, съ нѣсколько-медленною рѣчью, съ скромнымъ и равнодушнымъ взоромъ. А между тѣмъ она совсѣмъ не такъ переменялась, какъ можно было бы предполагать, судя по одной наружности; проникательная г-жа Жерве очень хорошо это знала, и иногда говаривала кавалеру, вздыхая:

— У этого ребенка нѣтъ ничего ни въ сердцѣ, ни въ умѣ;

мнѣ кажется, что она въ цѣломъ мѣрѣ никого не любитъ, не исключая даже Ирены, которая такъ добра съ нею; никогда она не думаетъ о будущей жизни и молится Богу одними только губами. Хотя она совсѣмъ не глупа, но раскрыть книгу считаетъ для себя величайшимъ трудомъ; она также не имѣетъ никакой склонности къ ручнымъ работамъ, и если бы ее предоставили самой себѣ, то я, право, не знаю, какъ бы она стала проводить дни.

— Ничего не дѣлая, отвѣчалъ кавалеръ съ спокойствіемъ философа, она лѣнива, какъ ужъ. Чего же вы хотите? Праздность у ней въ крови; съ самыхъ малыхъ лѣтъ она только и знала, что таскалась по большимъ дорогамъ. Дѣло въ томъ, чтобы пересоздать ея природныя склонности и ея привычки. Вы взяли на себя трудную обязанность, моя любезная m-me Жерве.

— Это правда, возразила она съ своею кроткою улыбкою; но если бы не встрѣчались вѣчныя затрудненія на пути добра, то гдѣ жъ было бы и достоинство?

Никогда Мими не произносила имени своего отца; никогда даже косвеннымъ образомъ не вспоминала о первыхъ годахъ своей жизни; можно было бы подумать, что жизнь ея началась только съ того дня, какъ она вступила въ домъ Кербрежановъ. Физиономія ея приняла другой характеръ; она сдѣлалась важною, холодною, почти неподвижною, и, странное дѣло, — ничто въ ея походкѣ не обличало гибкости и силы мускуловъ, которыми она обязана была своему первому воспитанію. Эта молодая дѣвушка, которая провела дѣтство свое, выдѣлывая разныя штуки, ходила медленно, съ небрежностію, какъ особа, которая воспитана въ нѣгѣ и боится усталости. На прогулкахъ, если случалось имъ встрѣтить разлившійся ручеекъ, то Ирена отваживалась перейти по его мелкому дну, прыгая съ камешка на камешекъ. Достигнувъ другаго берега, она звала Мими, но Мими и не думала за нею слѣдовать; она шла съ кавалеромъ вверхъ по теченію до мостика, предпочитая обойти препятствіе, черезъ которое легко могла перепрыгнуть въ одинъ скачекъ. Замѣчали однакожь, что этъ привычки проистекали отъ принятаго намѣренія, а не отъ врожденной склонности; Мими пользовалась минутами, когда оставалась одна, чтобы,

такъ сказать, расправитъ свои мускулы; любопытная горничная видѣла однажды сквозь замочную скважину, какъ она прыгала на ковръ гостиной и вертѣла вокругъ головы своей толстой палкой кавалера.

Двѣица де-Кербрежанъ не чувствовала къ Мими той нежной и глубокой привязанности, которая можетъ существовать только при нѣкоторомъ сходствѣ воспитанія и характеровъ; она не сдѣлала изъ нея ни подруги своей, ни повѣренной, но она любила ее; любила по привычкѣ и, быть можетъ, потому также, что никогда не имѣла возлѣ себя другой особы одинакаго съ нею возраста.

Мими не сидѣла съ Иреной въ гостиной, не сидѣла и тогда, когда она занималась съ г-жею Жерве; но онѣ встрѣчались въ саду, и почти каждый день кавалеръ водилъ ихъ гулять. Нѣкоторая короткость, натурально, должна была произойти изъ этихъ сношеній: Ирена говорила Мими ты; Мими, съ своей стороны, не всегда называла ее *сударья*, и во всякомъ случаѣ высказывала свое мнѣнiе съ полною свободою. Чаше всего, въ ихъ небольшихъ размолвкахъ Ирена уступалъ ея влiянiю; великодушный инстинктъ безпрестанно побуждалъ ее щадить самолюбiе Мими.

Кавалеръ не чувствовалъ большаго влеченiя къ своей *protégée*; она имѣла именно тѣ самыя недостатки, которые онъ меньше всего сносилъ въ женщинахъ; не смотря на это, онъ не сожалѣлъ объ оказанномъ ей гостепрiимствѣ и располагался даже прибавить кой-что къ небольшому приданому, которое надѣялся получить для нея отъ дяди Тирмона.

Хотя жизнь, которую вели въ замкѣ, была удивительно однообразна и уединенна, но жители его не очень скучали. Письмо изъ Индiи было важнымъ событiемъ, котораго должно было дожидаться не рѣдко два или три мѣсяца; оно распространяло въ семействѣ невыразимую радость, и еще долго спустя объ немъ разговаривали въ замкѣ. Графъ писалъ не много; безплодiе ума его было еще замѣтнѣе въ перепискѣ, нежели въ разговорѣ; однако жъ письма его были удовлетворительны. Ирена, читая ихъ, плакала отъ умиленiя, а кавалеръ чувствовалъ, что все болѣе и болѣе привязывается къ

племяннику. Божественнику, мало по малу, удавалось распутывать дѣла и завѣдству; мало по малу онъ доканчивалъ сборъ дѣластовъ, раздѣленныхъ по разнымъ рукамъ; здоровье его нисколько не страдало отъ климата Индіи; не смотря на то, онъ жалеть о родинѣ, и, не обозначая срока, въ каждомъ письмѣ поговаривалъ о своемъ возвращеніи.

VII.

Такимъ образомъ протекли годы съ незамѣтною быстротою, и однажды, заглянувъ въ календарь, кавалеръ могъ сосчитать, что прошло ровно 4 года со времени отсутствія графа. Въ этотъ день Ирена рано сошла въ комнату старика и обняла его еще съ большею нѣжностію, чѣмъ когда-нибудь. Кавалеръ замѣтилъ ея веселый и умилненный видъ, какъ будто бы она только что выслушала пріятную новость.

— Развѣ получено письмо? вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, добрый дядюшка, отвѣчала молодая дѣвушка; но, проснувшись, я вспомнила, что сегодня день, въ который уѣхалъ батюшка. Въ прошломъ году, въ этотъ самый день, мнѣ было такъ грустно, такъ грустно, а нынче сердце мое переполнено радостію; ужъ навѣрное батюшка воротится въ нынѣшнемъ году.

— Мнѣ пришла та же мысль, когда я проснулся отвѣчалъ кавалеръ.

— Ахъ! продолжала она, еще нѣсколько мѣсяцевъ—и онъ будетъ здѣсь, мой обожаемый папенька; онъ снова займетъ свое мѣсто, такъ долго сиротѣвшее, а я буду между вами двумя,—всегда, всегда!...

— Всегда! повторилъ кавалеръ съ грустною улыбкою; дитя, я уже очень старъ!...

— О, нѣтъ! вскричала Ирена, пораженная въ сердце этимъ размышленіемъ, и смотря на него сквозь слезы.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и тихонько увелъ съ собою въ садъ. Черезъ минуту къ ней возвратилась прежняя веселость, но въ душѣ ея еще осталось нѣсколько грусти и какой-то неопредѣленный страхъ примѣшивался къ ея надеждамъ.

Въ тотъ же день, послѣ завтрака, кавалеръ сказалъ, вставая изъ-за стола:

— Милое дитя, намъ предстоитъ сдѣлать посѣщеніе по христіанской обязанности; вчера вечеромъ мнѣ сказали, что бѣдная старуха Катель Піоло сильно занемогла.

— Пойдемте сейчасъ же, добрый дядюшка, отвѣчала Ирена; мы снесемъ ей кой-какіе запасы; вѣрно, у ней ихъ нѣтъ.

— Хочешь взять Мими? спросилъ кавалеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она съ живостію; бѣдная дѣвушка еще не переступала за порогъ этого дома со времени своего несчастія. Если бы она вошла въ него, то это слишкомъ живо напомнило бы ей...

— Ты думаешь, что это сдѣлало бы на нее большое впечатлѣніе?

— О, конечно! я сама, когда представляю себѣ эту картину.... Помните ли, добрый дядюшка, отчаяніе, въ которомъ мы нашли ее, и какъ она кричала?

— Безъ сомнѣнія, прошептала кавалеръ; но теперь, когда я ее знаю, то удивляюсь, что она могла такъ оплакивать смерть отца своего.

Подойдя къ двери Катель Піоло, кавалеръ и племянница его послышали внутри дома шумъ голосовъ; но все замолкло, лишь только желѣзная скоба возвестила объ ихъ прибытіи.

Сосѣдка вышла отпереть имъ.

— Ахъ, г. кавалеръ! самъ Богъ привелъ васъ, проговорила она въ полголоса: вы ее усовѣстите, и, быть можетъ, она васъ послушается....

— Кто тамъ еще? вскричала больная изъ своей закрытой кровати.

— Это мы, любезная Катель, отвѣчала Ирена, входя въ комнату; тебя нѣсколько времени не видно было въ замкѣ; дядюшка подумалъ, — вѣрно тебѣ что-нибудь помѣшало, и вотъ мы пришли навѣстить тебя.

Старуха съ большимъ усиліемъ приподняла голову съ мѣшка, набитаго соломою, который служилъ ей подушкою, и отвѣчала дребезжащимъ голосомъ:

— Много мнѣ удовольствія и чести. Ахъ! Кербрежаны

никогда не забываютъ бѣдныхъ людей. Лишь только гдѣ бѣда, ужь они тутъ какъ тутъ!

Потомъ, видя припасы, разложенные на столѣ, прибавила — Это вы все мнѣ принесли?... Спасибо вамъ! Да воздастъ вамъ Создатель, милая барышня!... Ахъ! лихорадка совсѣмъ одолѣла!... Въ горль такъ и жжетъ огнемъ, словно двѣ недѣли капли воды во рту не было....

— Не говори такъ много, это тебя утомляетъ, сказала Ирена, садясь у постели; сейчасъ я сдѣлаю тебѣ славное питье съ лимономъ и сахаромъ.

— Должно бы прибавить туда немножко водки, сказала Катель Піолѣ; вы не принесли.... да у меня здѣсь есть.... кой-гдѣ.... вамъ-то я скажу....

— Что можемъ мы еще для тебя сдѣлать, добрая моя Катель? прервала Ирена, чтобы отвлечь вниманіе старухи отъ этой прихоти; можетъ статься, у тебя мало бѣлья?

Этотъ вопросъ былъ, очевидно, сдѣланъ такимъ образомъ для того только, чтобы пощадить гордость Катель Піолѣ; на постель лежали — старая дырявая простыня и лохмотья одѣяла; не смотря на это, старуха отвѣчала:

— Бѣлья!... У меня его цѣлыя кипы и связки! — Правда, все бумажное.... все англійскій товаръ....цѣлые куски канифасу, нансуку, индѣйскаго коленкору....

Вдругъ она прервала это исчисленіе, бросила безпокойный взглядъ къ сторонѣ двери и продолжала потихоньку:

— Теперь не должно объ этомъ говорить; я уже больше не хозяйка въ домѣ!... Но мы увидимъ!... Я еще не такъ больна!... желудокъ еще крѣпокъ.... Эге! кто разсчитываетъ на башмаки покойника, тотъ можетъ цѣлую жизнь проходить босикомъ....

Въ эту минуту кавалеръ, который остановился внѣ комнаты, подошелъ къ больной, и, поздоровавшись съ нею, сказалъ: — Поздравляю тебя, Катель Піолѣ: твой внукъ воротился. Это для тебя большое утѣшеніе.

Она посмотрѣла на него нѣсколько сомнительно; но гнѣвъ скорѣ одержалъ верхъ, и она вскричала: — Боже милосердый! Ужь вѣрно, я не просила посылать мнѣ это утѣшеніе!... А! вамъ уже сказали, что онъ здѣсь, этотъ бродяга, этотъ нищій, этотъ

висьльникъ! Когда я увидѣла его сегодня утромъ, такъ чуть не умерла съ сердцевь.

— Отъ чего же? спросилъ спокойно кавалеръ.

— Отъ того, что я, при первомъ взглядѣ, увидѣла все пороки, которыхъ онъ набрался, отвѣчала она съ силою; я не ошиблась, когда предсказывала, что онъ въ-конецъ развратится... Онъ въ сюртукъ!... Г. кавалеръ! въ сюртукъ изъ тонкаго синяго сукна и въ шелковомъ жилетѣ!... А на ногахъ— сапоги, какъ у знатнаго барина!

— Что жъ? развѣ тебѣ пріятнѣе бы было видѣть его въ лохмотьяхъ? прервалъ кавалеръ съ легкою улыбкой.

— Да еще это все ничего, продолжала она съ нѣкоторымъ изступленіемъ: съ усами!... Какъ бы вы думали! Кто же? — Піолдъ, съ усами!... А добычи ни крошки! Ни мѣднаго гроша въ карманѣ, кромѣ того, что у него на плечахъ.

— Онъ еще такъ молодъ, что можетъ остепениться и накопить денегъ, сказалъ кавалеръ примиряющимъ тономъ; ну, любезная Катель, будь посписходительнѣе; вѣдь и ты, когда была молода, чай, также тратила, что зарабатывала....

— Я?... Никогда, вскричала она съ силою, никогда!...

— Стало быть, ты накопила много денегъ? сказала просто-душно Ирена.

— У меня есть-таки конѣйка-другая, прошептала старуха; я говорю это при васъ, потому что знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло; но смотрите, никому ни слова....

— Твой внучекъ воротился не съ тѣмъ, чтобы тебя грабить или надзирать за твоимъ наслѣдствомъ, продолжалъ кавалеръ: онъ, какъ и всѣ, убѣжденъ, что ты очень бѣдна.

— Да это и правда, я очень бѣдна! прервала она, возвышая голосъ.

— Ну, да, да, мы всѣ въ этомъ увѣрены, продолжалъ кавалеръ; вотъ почему Селестинъ и намѣренъ трудиться для васъ обоихъ. Въ замкѣ есть слѣсарная работа; я поручу ему, и онъ легко достанетъ три, четыре франка въ день.

— Это—слишкомъ эжю!... вскричала Катель Піолдъ, внезапно укротившись; я не скрываю отъ васъ, что это было бы мнѣ очень пріятно.

— Ты видишь, что онъ тебѣ ничего не будетъ стоить; напротивъ того, онъ станетъ тебѣ помогать, продолжалъ кавалеръ. Да ужъ и ты не кричи на него, какъ сегодня утромъ... Онъ тамъ, въ кухнѣ; позволишь ему войти?

— Когда онъ скинетъ сюртукъ, отвѣчала она; послѣ его отъѣзда я спрятала его платье, — славное платье, клянусь честію; я сама его вездѣ зачинала; онъ можетъ надѣть его.

— Э! да на что оно ему? вскричалъ кавалеръ; ты забываешь, что онъ выросъ цѣлою головою, да и растолстѣлъ въ соразмѣрности.

— Коли старое платье будетъ ему слишкомъ узко, такъ пусть онъ и не надѣваетъ его: онъ еще раздеретъ, пожалуй, возразила съ живостію Катель. Я дамъ ему другое — двдушкино полукафтанье; тотъ былъ мужикъ здоровый и плечистый... Постой, я встану, такъ все отыщу.

Съ этими словами она привстала и начала прибираться, потому что легла на постель совсѣмъ одѣтая; но Ирена принудила ее опять лечь, говоря: — Нѣтъ, нѣтъ, Катель, не тревожь себя, пожалуйста: это, навѣрное, будетъ тебѣ очень вредно.

— Да вѣдь нужно же непременно отыскать куртку, говорила старуха, волнуясь; я не хочу, чтобы Селестинъ шарилъ у меня въ сундукахъ.... Я ему не вѣрю.

— А мнѣ вѣришь? спросила Ирена, улыбаясь.

— Пресвятая Богородица! еще бы!..

— Ну такъ я сама сыщу; скажи мнѣ только, гдѣ?

— Сперва должно бы выслать одного человека, который здѣсь лишній, и затворить дверь, шепнула ей Піюлѣ.

Ирена дала порученіе сосѣдкѣ, которая сидѣла за работою на другомъ концѣ комнаты; женщина тотчасъ вышла, и кавалеръ самъ притворилъ дверь. — Здѣсь что-ли должно искать? спросила Ирена, указывая на шкафъ.

Катель сдѣлала отрицательный знакъ головою и указала пальцемъ на самый темный уголъ комнаты: — Тамъ есть дверь, сказала она; дверь безъ петель и безъ замка.... Она откроется, когда подавишь пружинку.

Ирена рассмотрѣла панель, и, не колеблясь, положила палецъ на мѣдную пуговку, похожую на головку гвоздя.

— Господи Иисусе Христе! какъ вы скоро нашли! вскричала больная, привскочивъ на постели отъ удивленія и безпокойства.

— Успокойся, отвѣчала Ирена: я бы долго искала, если бы въ замкъ не было потаеннаго мѣста, которое точно такъ же запирается. Это, кажется, доказываетъ, добрая Катель, что твой домъ и нашъ строилъ одинъ и тотъ же архитекторъ.

При этихъ словахъ она подавила пружинку; въ ту же минуту дубовая доска повернулась на винтъ и открыла входъ въ родъ темнаго и глухаго подвала, на противоположномъ концѣ котораго, изъ узкой продушины, мерцалъ слабый лучъ свѣта.

— Полукафтанье должно быть въ сундукъ, тамъ, въ самомъ задѣ, сказала Катель, вставая; я его вытряхала еще нѣтъ двухъ недѣль.

Ирена пробралась осторожно между множествомъ наваленныхъ тюковъ и ящичковъ, издававшихъ особенный запахъ, свойственный товарамъ, привезеннымъ изъ-за моря. Нѣтъ сомнѣнія, что не одно поколѣнїе корсаровъ и контрабандистовъ трудилось надъ наполненіемъ этого магазина, потому что тамъ находились матерїи, которымъ было, по крайней мѣрѣ, сто лѣтъ. Сундукъ, о которомъ говорила Катель, былъ старинный ящикъ изъ драгоценнаго дерева, украшенный богатыми насѣчками; такіе сундуки нѣкогда работали на твердой землѣ Америки. Вѣроятно, эта рѣдкость принадлежала какому-нибудь испанскому или португальскому кораблю, разбитому бурей у этихъ опасныхъ береговъ, и Пиолдъ нашелъ его между добычею, выброшенною моремъ на песокъ. Ирена повернула серебряный ключъ въ замкъ, подняла крышку и принялась искать. Дѣйствительно, лучшее платье покойника Пиолдъ находилось тутъ, тщательно сложенное, а пропитанная дегтемъ шляпа замѣняла Катели шкатулку; въ ней было множество экио и цѣлая кучка червонцевъ, которой основаніемъ служили около десятка двойныхъ лундоровъ. Дѣвица де-Кербрежанъ бросила бѣглый взглядъ на это сокровище, и, взявъ полукафтанье, проворно воротилась къ Катели.

Старуха снова упала въ изнеможеніи на подушку; не

смотря на это, она протянула руку, ощупала платье и сказала, оборотивъ безпокойный взоръ къ подвалу:—Милая барышня, заprite хорошенько... по крайней мѣрѣ...

— Будь покойна, отвѣчала Ирена, все на своемъ мѣстѣ, и теперъ всякій можетъ войти. Хочешь, я позову твоего внучка?

— Погодите, погодите! прошептала старуха, закрывая глаза.

Дѣвица де-Кербрежанъ не настаивала; она съѣла къ сторуонъ и принялась рубить новую косынку, которую принесла съ собою, чтобы замѣнить изношенный ситцевый лоскутокъ, обыкновенно покрывавшій грудь Катели. Кавалеръ опять было подошелъ къ больной поговорить съ нею о внучкѣ, но видя ея слабость, задернулъ занавѣску, чтобы она могла соснуть, и веротился къ племянницѣ, которая указала ему на стулъ, стоявшій возлѣ нея. Они съ минуту разговаривали въ полголоса, когда Селестинъ Піоло тихо растворилъ дверь. Ирена тотчасъ узнала высокаго малаго, котораго видала почти ежедневно, когда была ребенкомъ, и который приносилъ ей такія прекрасныя раковины. Поздоровавшись съ нимъ дружескимъ движеніемъ, она сдѣлала ему знакъ, что больная заснула; однакожь онъ не смѣлъ войти и оставался на порогъ, держась рукою за притолку и смотря съ удивленнымъ видомъ на дѣвицу де-Кербрежанъ. Онъ не слыхалъ объ ея присутствіи въ домѣ и не узнавалъ ее. Ирена поняла его недоумѣніе. Она встала, отряхнула складки своего розоваго платья, положила работу и подошла къ молодому человѣку.

— Здравствуй, Селестинъ, сказала она на бретонскомъ нарѣчій и съ снисходительною короткостію; я вижу, ты не узнаешь маленькую барышню, которая, бывало, предлагала тебѣ свои куклы за хорошенькіе камешки, которые ты собиралъ на берегу.

Селестинъ Піоло покраснѣлъ до ушей и выпрямился, проведя рукою по волосамъ, какъ бы желая этимъ движеніемъ придать себѣ смѣлости.

— Извините меня... Я не имѣлъ этой чести... отвѣчалъ онъ по-французски; но теперъ я узнаю васъ совершенно... Сударыня, какъ ваше здоровье?...

— Очень хорошо, отвечала она, слегка улыбаясь.

— Ахъ! тѣмъ лучше! прибавилъ онъ.

— Дай Боже, чтобы всѣ здѣсь были такъ же здоровы, какъ я! продолжала дѣвица де-Кербрежанъ. Бѣдная Катель, кажется, очень страдаетъ.

— Я нашелъ, что она ужасно постарѣла, прошептала Селестинъ.

— Ты воротился очень кстати, чтобы объ ней заботиться, продолжала Ирена. Я знаю, что давеча она не очень ласково тебя приняла, но будь покладенъ; дядюшка ужъ говорилъ съ нею; онъ и еще поговорить—и все поидежъ хорошо.

— Это ужасная женщина, сказалъ молодой ремесленникъ; у ней бездна предразсудковъ, которые вредятъ мнѣ въ ея мнѣнїи.

— Но ты, какъ я вижу, расположенъ ихъ щадить, и все уладится, отвечала Ирена, замѣтивъ, что онъ надѣлъ блузу вмѣсто синяго сюртука, который такъ разсердилъ Катель Пиолдъ.—Войди потихоньку и сядь за кроватью. Когда она проснется, дядюшка сдѣлаетъ ей небольшое увѣщанїе, а потомъ ты и подойдешь.—Селестинъ колебался.

— Она меня всячески разобидѣла, сказалъ онъ; а между тѣмъ, я ничего у нея не просилъ. Сохрани меня Боже! Я знаю, что она бѣдна, и добивался отъ нея только ласковаго слова; но ужъ если она не расположена любить меня, а я нисколько не дорожу ея наслѣдствомъ, то, мнѣ кажется, лучше всего мнѣ убраться отсюда, и не далѣе, какъ сегодня.

— Повѣрь мнѣ, не дѣлай этого! сказала съ живостїю Ирена. Чтò бы ни случилось, ты не будешь раскаиваться, что остался съ бабушкой; не покидай ее больше: въ этомъ твоя выгода, это твой долгъ.

Онъ уступилъ этому совету, выраженному съ доброжелательствомъ, нѣсколько повелительнымъ, и сѣлъ въ уголь, гдѣ больная не могла его замѣтить. Ирена опять принялась за работу и потихоньку разговаривала съ кавалеромъ. По временамъ она смотрѣла на Селестина, и онъ понималъ, что рѣчь шла о немъ.

— Катель должна бы гордиться этимъ малымъ, сказалъ кавалеръ. По чести, онъ прекрасный мужчина!

— Онъ похожъ на восковую фигуру, которая представляетъ короля Мюрата, въ картинахъ, что показываютъ на ярмаркѣ, отвѣчала простодушно Ирена.

— Я полагаю, что онъ не лишень пькотораго образованія, возразилъ кавалеръ: въ то время, какъ мы говорили съ нимъ въ кухнѣ, я замѣтилъ книгу, которая выглядывала изъ его дорожной сумки.

Минуту спустя, больная проснулась; дѣвица де-Кербрежанъ и дядя ея тотчасъ подошли къ кровати.

— Ну, Катель, какъ ты себя чувствуешь? спросилъ кавалеръ.

— Немножко полегче, слава Богу, отвѣчала она; завтра, можетъ статья, я буду на ногахъ.

— Дай Богъ; мы сами того же надѣмся; только должно стараться быть спокойною духомъ и тѣломъ.

— Здѣсь есть человекъ, который отъ всей души желалъ бы сидѣть съ тобою и пещись о тебѣ, прибавила Ирена. Не хочешь ли ты теперь повидаться съ внучкомъ?

Катель Пиолд отвѣчала только движеніемъ головы и еще больше углубилась въ свою закрытую кровать. По знаку кавалера Селестинъ подошелъ. Бѣдный мальчъ былъ тронуть; онъ сталъ на колѣни на скамейкѣ, которая находилась у кровати, и взялъ руку своей бабки; она смотрѣла на него безжизненнымъ взоромъ и бормотала себѣ подъ носъ: — Эге! этотъ господчикъ, неужели таки это сынъ моего бѣднаго Корентина? Съ этими усищами кто его узнаеть?—Промолвивъ это, она сдѣлала ему знакъ уйдти, и отвернулась.

— Любезный, поди-ка, обрѣжь все это, сказалъ кавалеръ, смотря на великольпную, черную бороду Селестина: твоя бабушка обвинеть тебя тогда только, когда ты выбрѣшься.

— Она будетъ тебѣ признательна за эту жертву, прибавила тихонько Ирена; ступай же, ступай скорѣе!

Когда онъ вышелъ, больная раскрыла глаза и сказала, протягивая руку:—Такъ какъ у него естъ блуза, то не нужно давать ему полукафтанье.

Дѣвица де-Кербрежанъ и дядя ея посмотрѣли другъ на друга; имъ казалось, что къ старухѣ возвратились всѣ ея

способности, и действительно могло статься, что на другой день она совсемъ выздоровѣтъ.

— Это что такое? сказала она, замѣтивъ новую косынку, которую Ирена положила на-виду, между лохмотьями, раскиданными по кровати.

— Это косынка для тебя; ты надѣнешь ее, когда встанешь, отвѣчала дѣвица де-Кербрежанъ.

— Спасибо, спасибо! Только она слишкомъ для меня хороша! вскричала старуха, ощупывая материю концами своихъ длинныхъ, костлявыхъ пальцевъ.

Кавалеръ всгалъ. — Ну, Катель, не унывай, сказалъ онъ: теперь тебѣ лучше, слава Богу; скоро ты совсемъ выздоровѣешь.

— Прощай, добрая Катель, прибавила дѣвица де-Кербрежанъ, завязывая ленты своей соломенной шляпки; завтра мы опять придемъ навѣстить тебя.

— Да, завтра, пораньше, подхватилъ кавалеръ, и мнѣ очень пріятно было бы найти возлѣ тебя твоего внука.

Лишь только они вышли, Катель Пиолдъ вздумала встать, чтобы положить полукафтанье на мѣсто и также спрятать свою новую косынку.

Она была чрезвычайно слаба, однакожь кой-какъ дотащилась, шатаясь, до другаго конца залы, и успѣла отворить подвалъ; но тутъ у ней закружилась голова, силы ее оставили, и она покатилась безъ чувствъ на полъ.

Когда Селестинъ, черезъ четверть часа послѣ того, растворилъ дверь, то увидѣлъ, что бабушка его лежала ничкомъ на полу, безъ всякаго движенія; бѣдный малый бросился къ ней и началъ звать на помощь. Въ ней замѣтно еще было дыханіе; помертвѣвшія ея вѣки раскрылись, и она пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ. Селестинъ думалъ, что она приходитъ въ чувство; но въ эту самую минуту, какъ онъ поднималъ ее, она скончалась у него на рукахъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ВОЙНА ПЕЛОПОННЕССКАЯ.

Опытъ историческаго изслѣдованія по источникамъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Приготовленія противниковъ. — Дѣла платейскія. — Первое вторженіе Пелопоннесцевъ въ Аттику. — Язва въ Аѣнахъ. — Отпаденіе острова Лесбоса отъ аѣнскаго союза. — Характеръ дѣйствій Спартанцевъ. — Судьба Платеи и Эгинны. — Корцирская революція. — Измѣненіе нравовъ въ Греціи. — Пилосское дѣло. — Демосеень, Никій, Клеонъ и Бразидъ. — Оракійскій походъ Бразиды. — Амфипольская битва. — Никіевъ миръ.

Новое предпріятіе въ началѣ вызываетъ всегда горячія усилія, особенно, если въ немъ принимаетъ участіе молодое, полное юношеской отваги, поколѣніе. Въ Спартѣ и Аѣнахъ не было недостатка въ молодежи, которая только и думала о войнѣ. Въ то время, какъ главные противники дѣлали самыя рѣшительныя приготовленія къ борьбѣ, — Спарта даже заключила союзъ съ нѣкоторыми городами Италіи и Сициліи, чтобы получать оттуда деньги и корабли, — остальные Греки съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ними и нетерпѣливо ожидали начала войны, чтобы, сообразно съ обстоятельствами, принять ту или другую сторону. Томительное ожиданіе и неизвѣстность будущаго распространяли въ народъ необыкновенное суевѣріе: всюду отыскивали изрѣченія оракуловъ, въ простыхъ явленіяхъ природы думали видѣть какое-нибудь предзнаменованіе. Бѣольшая часть Грековъ изъявляла свое сочувствіе Лакедемонцамъ, и призывала ихъ къ освобожденію Греціи. Ненависть къ Аѣниамъ была почти всеобщая. Но тѣмъ не менѣе и Аѣняне не оставались безъ союзниковъ: на ихъ

сторонъ были: Хиось, Лесбось, Платея, Навпактъ, большая часть Акарнани, Корцира, Кефаленэ и Закинеъ. Кроме того въ ихъ распоряженіи находилось до 15 милл. подданныхъ; сюда принадлежали: приморская Карія, сосѣдняя Дорида, Іонія, Геллеспонтъ, города Эракин, Циклады и весь острова между Критомъ и Пелопоннесомъ (кроме Мелоса и Феры) ⁽¹⁾. Хиось, Лесбось и Корцира должны были доставить Аѣинамъ флотъ, а все остальные союзники и подданные — деньги и войско. Флотъ аѣинскій состоялъ изъ 300 судовъ съ 60,000 экипажа. Сухопутное войско ихъ было не менѣе значительно: изъ гражданъ и метойковъ составлялось 29,000 оплитовъ, изъ которыхъ 13,000 было въ дѣйствующей арміи, 16,000 для гарнизоновъ; сверхъ того: 1,600 пѣшихъ стрѣлковъ и 1,200 всадниковъ. Въ государственной казнѣ находилось до 9,000 талантовъ; ежегодная подать съ союзниковъ простиралась до 600 талантовъ ⁽²⁾. Въ этихъ цифрахъ недостаетъ еще прямыхъ и косвенныхъ податей съ самой Аттики, — по крайней мѣрѣ — на 800 талантовъ ⁽³⁾. Сличая эти средства съ тѣми, которыя были въ Аѣинахъ при концѣ персидскихъ войнъ, нельзя не удивиться, съ какою быстротою — какихъ-нибудь въ 50 лѣтъ — выросли силы Аѣинскаго государства. Такого огромнаго денежнаго богатства не имѣло тогда ни одно Пелопоннесское государство; если примемъ въ расчетъ тогдашнюю дороговизну благородныхъ металловъ, и на оборотъ — дешевизну предметовъ потребленія, то увидимъ, что аѣинскіе доходы могутъ стоять наравнѣ съ нынѣшними доходами богатѣйшихъ государствъ Европы. Непрительскій флотъ также далеко уступалъ аѣинскому, и въ этомъ отношеніи Пелопоннесцы не были для Аѣинянъ страшными врагами. Но Аѣиняне не въ состояніи были защищать границы Аттики, не могли воспрепятствовать опустошенію страны; Спарганцы же опустошали Аттику какъ настоящіе варвары: разоряли деревни, жгли жатвы, вырубали лѣса, и пр.

(1) Boeckh. oec. op. Ath. I, p. 440 et seqq.

(2) Plut. Aristid. c. 24. Thucyd. I, 96; II. 13. Boeckh. I, p. 430.

(3) Одинъ талантъ = 1,500 прусск. талерамъ = 1365 руб. сер. приблизительно. Ср. Schömann. Ant. jur. publ. graec. p. 303.

Война началась весною въ первый годъ 87-й олимпіады нападеніемъ Фиванцевъ на Платею. Фиванцы давно уже ненавидѣли Платею за то, что послѣдняя находилась въ союзѣ съ Аѣинами. Съ этой ненавистью соединялась еще зависть къ той славы, которую приобрѣли Платейцы во время персидскихъ войнъ: они участвовали въ сраженіи при Артемизіи, при Платевъ, и заслужили по этому похвалу отъ самыхъ Спартанцевъ; при возмущеніи илотовъ во время землетрясенія, Платея послала на помощь треть своего народонаселенія. Фиванцы же были предателями Греціи: родъ, предавшій некогда Грековъ Персамъ, жилъ еще и теперь въ Фивахъ: во главѣ города стоялъ сынъ измѣнника. Въ одну темную ночь 300 Фиванцевъ ворвались въ Платею. Жители пришли въ ужасъ, увидѣвши непріятеля внутри города; но, узнавши малочисленность вошедшаго отряда, тотчасъ оправились, и безъ труда заставили его положить оружіе. Фиванцы отправили другую экспедицію съ предписаніемъ опустошить платейскія владѣнія; но Платейцы объявили, что, если этотъ отрядъ не возвратится тотчасъ во-свои, то плѣнные 124 Фиванца будутъ немедленно умерщвлены. Отрядъ воротился; но это не спасло плѣнныхъ: Платейцы все-таки умертвили ихъ. Этотъ поступокъ показалъ ясно, какой ужасный характеръ принимала Пелопоннесская война, и чего должны были ожидать побѣжденные. Ни одно изъ греческихъ государствъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ, не свободно отъ укора въ такихъ безчеловѣчныхъ поступкахъ; къ-сожалѣнію, его раздѣляютъ даже Аѣиняне. Жестокость Платейцевъ можетъ найти извиненіе только въ томъ, что Фиванцы въроломно напали на городъ, безъ всякаго повода къ войнѣ; но тѣмъ не менѣе она никогда не можетъ быть оправдана.

Между-тѣмъ поднялись Спартанцы и двинулись къ Истму. Съ ними соединились все Пелопоннесцы, кромѣ Аргивянъ и Ахейцевъ, изъ которыхъ, впрочемъ, пристала къ нимъ Паллене. Беотія и принадлежавшая прежде къ аѣинскому союзу Фокея приняли также сторону Спарты. Переходъ Фокеи къ Спартанцамъ послужилъ къ счастью Аѣинскаго государства, ибо, когда союзники хотѣли, по окончаніи войны, разрушить

Аѳины, фокейскіе стратеги воспротивились, и городъ былъ спасенъ. Аргось, по своей непріязни къ Спартѣ, остался нейтральнымъ ⁽¹⁾. Около 70,000 пелопоннескаго войска, подъ начальствомъ Архидамъ, вторгнулось въ Аттику. Все народонаселеніе страны, слѣдуя совѣтамъ Перикла, бросилось въ городъ, оставивъ непріятелю въ добычу недвижимое имущество, дома, сады и пр. Периклъ первый подалъ примѣръ. Опасаясь, что Архидамъ, находившійся съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, пощадитъ отъ опустошенія его помѣстья, Периклъ объявилъ ихъ народною собственностью. Жены, дѣти и движимое имѣніе перевезены были заблаговременно въ Аѳины на островъ Евбею и другія безопасныя мѣста. Нѣкоторые даже разрушали свои дома, и перетаскивали въ городъ самыя бревна. Всѣ зданія въ Аѳинахъ, отъ простаго сарая до храмовъ, обращены были въ жилые покои; исключеніе составлялъ только одинъ Акрополь. Все, что затѣмъ оставалось на поляхъ Аттики: виллы, хлѣбъ, лѣса, виноградники,—все это было истреблено непріателемъ. Въ сущности потеря эта не могла быть особенно чувствительна для Аѳинянъ: простота тогдашней жизни развивала въ нихъ слишкомъ незначительныя потребности. Какъ еще незатѣшливъ былъ тогда образъ жизни Грековъ, можно видѣть изъ того, что городскія улицы не были вымощены, дома частныхъ людей смотрели простыми хижинами, въ родъ нашихъ мазанокъ,—слѣдов., разрушеніе дома не могло принести большаго убытка. Но во всякомъ случаѣ, для жителей этотъ разгромъ былъ очень непріятенъ, потому что они болѣе, чѣмъ всѣ другія племена Греціи, при-

(1) Если мы пристально взглянемъ въ союзниковъ Спарты, то увидимъ въ числѣ ихъ нѣсколько государствъ болѣе или менѣе демократическихкихъ. Такъ, напр., демократическія Фокія и Аркадія (Arist. VI, 2, 2; Kortuem. p. 131, 135); въ Мегарѣ введена была также демократія, но потомъ между демоксомъ и аристократами начались распри; побѣда не склонялась ни на ту, ни на другую сторону (Arist. V, 2, 3, 4, 6; Thuc. IV, 74; V, 31), такъ что учрежденія Мегары можно признать смѣшанными; и однако она перешла къ Спартѣ, хотя не задолго до того была въ союзѣ съ Аѳинами. Аргось держалъ нейтралитетъ, хотя по учрежденіямъ своимъ долженъ былъ принять сторону Аѳинъ: въ немъ была демократія (Kortuem. p. 125 и seq.). Какъ же послѣ этого можно сказать, что въ Пелопоннеской войнѣ разрѣшался споръ между аристократіею и демократіею?

выкли къ осѣдлой, домовитой жизни: они упали духомъ и изъявили наклонность къ миру. Перикль противосталъ такому желанію, упрекнулъ гражданъ въ малодушіи, напомнилъ имъ, что они должны были всего ожидать, что Аттика всегда могла быть совершенно опустошена, ибо она лежала не на отдаленномъ какомъ-нибудь островѣ, но въ непосредственной связи съ Пелопоннесомъ. Народъ требовалъ, чтобы онъ позволилъ ему по крайней мѣрѣ сразиться съ непріателемъ въ открытомъ полѣ, чтобы хоть не даромъ отдать на сожженіе свои дома и виноградные сады. Но и это удовольствіе не было дозволено. «Весьма было бы неблагоразумно,—говорилъ Перикль, противостать теперь въ открытомъ полѣ непріателю, втрое сильнѣйшему. Гроза не будетъ продолжительна, потому что Лакедемонцамъ скоро нечего будетъ ѣсть въ Атикѣ. Они удалятся, и мы отплатимъ имъ опустошеніемъ Пелопоннеса.» Соображенія Перикля, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, были чрезвычайно основательны, и предсказанія его вѣрны: недостатокъ въ продовольствіи, дѣйствительно, скоро принудилъ Пелопоннесцевъ оставить Аттику. Тотчасъ по удаленіи ихъ Аѣнныя съѣли на корабляхъ, и въ свою очередь поплыли разорять берега Пелопоннеса. Первая поплатилась Мегара, владѣнія которой были опустошены изъ конца въ конецъ. Особенно сурово обошлись Аѣнныя съ жителями Эгинны: какъ главные виновники войны, они были изгнаны со всеми семействами, и островъ заселенъ аѣнскими гражданами. Спартанцы, какъ и слѣдовало ожидать, приняли изгнанниковъ подъ свое покровительство и дали имъ уѣжище въ городѣ Оиреѣ. Такъ продолжалась война все время, пока живъ былъ Перикль. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы дѣло обходилось все безъ стычекъ: аѣнская конница, вопреки всемъ представленіямъ Перикля, выходила иногда на защиту полей Атики и, разумѣется, почти всегда терпѣла пораженіе, что, конечно, не могло имѣть большаго вліянія на ходъ войны (1).

(1) Зимой, во второй годъ войны, Аѣнныя, по древнему обычаю, совершили торжественное погребеніе гражданъ, убитыхъ со времени вторженія Спартанцевъ въ Аттику. Весьма замѣчательна здѣсь надгробная рѣчь Перикля, которую сохранилъ намъ Фукидидъ (II, 35 et seqq.). Въ ней Перикль

Къ несчастію Аѳинянь. во второй годъ войны, когда Пелопоннесцы вторично пришли въ Атику, въ Аѳинахъ и окрестностяхъ открылась страшная язва, совершенно уронившая духъ Аѳинскаго народа. Эта гибельная болѣзнь представляетъ весьма замѣчательное явленіе во всеобщей исторіи, потому что она сокрушила силу и мужество Аѳинянь; дѣйствительно, этотъ врагъ былъ для нихъ гораздо гибельнѣе, нежели союзъ пелопоннескій. Вообще должно сказать, что исторія эпидемическихъ болѣзней составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ всеобщей исторіи, потому что эти болѣзни необыкновенно вліяютъ на духовную жизнь народа; ихъ появленіемъ или исчезновеніемъ объясняются цѣлыя эпохи. Времена переходныя особенно изобилуютъ всякаго рода физическими бѣдствіями: эпидемія и другія бѣдствія появляются здѣсь какъ бы для совершеннаго уничтоженія всего отжившаго, какъ бы для скорѣйшаго перерожденія общества. Часто человекъ, излечившись отъ какой-нибудь опасной болѣзни, измѣняетъ свой образъ мыслей, дѣйствій и чувствованій;—то же было теперь въ Аѳинахъ: новое поколѣніе, слѣдовавшее непосредственно за эпидеміею, вышло съ иными убѣжденіями, съ инымъ воззрѣніемъ на окружающее. Можно сказать,—и это не будетъ преувеличеніе,—что Пелопоннеская война и язвы оторвали греческій міръ отъ его старины (*). Фукидидъ завѣщалъ намъ прекрасное описаніе бывшей въ его время эпидеміи, которая, по мнѣнію Нибура, представляетъ нѣчто среднее между тифомъ и желчною лихорадкою (†). По словамъ Фукидида,—эта болѣзнь началась въ Эѳіопіи, опустошила потомъ Египетъ, Ливію, Персію, Лемносъ, и перешла наконецъ въ Пирей, откуда распространилась и въ Аѳинахъ. Никто дотолъ объ ней не слыживалъ, и думали, что Пелопоннесцы отравили воду въ колодцахъ. Въ Аѳинахъ она свирѣпствовала сильнѣе, нежели въ

раскрываетъ то значеніе, которое должны имѣть Аѳины не только для Греціи, но для цѣлаго міра. «Безъ похвалъ Гомера и другихъ льстецовъ,—говоритъ онъ въ заключеніи рѣчи,—мы имѣемъ ясное доказательство нашего могущества,—доказательство, которое заставитъ всѣ вѣка и всѣ народы удивляться намъ. Наше имя и сила пронеслись по всѣмъ странамъ и морямъ и ведавъ оставили знаки нашей дружбы или непріязни.»

(*) Ср. Нибура Vortr. uber alte gesch. II, p. 64 et seq. (†) Ibid.

другихъ странахъ. Врачи еще не постигли ея въ то время, и умирали скорѣе другихъ, ибо часто посѣщали зараженныхъ. Никакое человеческое искусство не приносило пользы; безъ успѣха оставались мольбы богамъ и оракулы, — да народъ пересталъ наконецъ и прибѣгать къ этому средству, ибо слишкомъ упалъ духомъ. «Пусть знакомые съ врачевнымъ искусствомъ изслѣдуютъ причины этой болѣзни, — говоритъ Фукидидъ, — я же расскажу только то, что самъ испыталъ и что видѣлъ на другихъ больныхъ. Это послужитъ наставленіемъ для будущаго времени, если язва опять придетъ. Во-первыхъ: годъ, въ который господствовала язва, былъ совершенно свободенъ отъ другихъ болѣзней; а если какая-нибудь и приключалась, то тотчасъ же переходила въ эту язву. На совершенно здоровыхъ она дѣйствовала слѣдующимъ образомъ: человекъ чувствовалъ сначала чрезвычайный жаръ въ головѣ, глаза краснѣли отъ сильнаго воспаленія, которое поражало самыя внутренности; горло и языкъ дѣлались кроваваго цвѣта, дыханіе тяжело и издавало непріятный запахъ. Человекъ начиналъ чихать; голосъ его получалъ хриплость. За тѣмъ язва падала на грудь и производила сильный кашель, поражала сердце и поднимала всякаго рода желчную рвоту, съ чрезвычайными усиліями и болью. У иныхъ бывала небольшая икота, сопровождаемая болѣе или менѣе сильными судорогами. Снаружи тѣло дѣлалось не слишкомъ тепло, ни холодно, принимало изжелта-красновато-багровый цвѣтъ и покрывалось небольшими прыщами и ранками; внутри же больной чувствовалъ такой нестерпимый жаръ, что не могъ выносить самой легкой покрывки, и желалъ лежать нагимъ или броситься въ холодную воду. Многіе, дѣйствительно, находясь безъ присмотра, бросались въ колодцы, желая утолить ничѣмъ неутолимую жажду. Больной находился въ самомъ тревожномъ состояніи, проводилъ время безъ сна, что, къ удивленію, не производило, до извѣстнаго періода болѣзни, никакого почти ослабленія въ физическихъ силахъ: люди умирали отъ жажды на седьмой или восьмой день, но физической слабости въ нихъ не было замѣтно. У пережившихъ этотъ періодъ язва проникла въ животъ, поражала вообще все внутренности и

производила изнурительный мыгъ (diarrhoea). Такимъ образомъ, начавши съ головы, язва проходила по всѣмъ частямъ тѣла, достигала оконечностей и бросалась наконецъ наружу,— это было признакомъ скорого выздоровленія. Она поражала τὰ ἄσθια, пальцы, изъ которыхъ многіе теряли употребленіе. Выздоровливавшіе утрачивали часто зрѣніе и чувства, не понимали самихъ себя, не узнавали своихъ домашнихъ. Болѣзнь эта была чѣмъ-то сверхъестественнымъ, потому что къ валявшимся трупамъ боялись прикасаться и птицы, и хищные звѣри; тѣ же изъ звѣрей, которые ѣли ихъ, тотчасъ издыхали: самымъ лучшимъ доказательствомъ служили собаки.... Тѣ, кому оказывались медицинскія пособія, умирали такъ же, какъ и оставленные безъ всякой помощи. Не было открыто никакого лекарства, которое бы всѣмъ равно приносило пользу: однимъ вредило то, чтò другимъ помогало.... Особенно ужасно было то, когда многіе въ отчаяніи бросали больныхъ и не хотѣли подать имъ никакого пособія; съ другой стороны, язва приставала къ тѣмъ, кто къ больнымъ прикасался, и по этому люди умирали безъ всякой помощи, какъ животныя. Весьма замѣчательно, что вымирали цѣлыя семейства. Язва погубила многихъ именитыхъ особъ, которыя стыдились покинуть больныхъ друзей своихъ. Подъ конецъ даже перестали оплакивать умершихъ. Перенесшіе эту болѣзнь почитались весьма счастливыми, ибо они были внѣ опасности: два раза къ одному человеку язва не приходила». Упадокъ духа содѣйствовалъ развитію самой болѣзни, которую общій говоръ народа приписывалъ, и не безъ основанія, настоящей войнѣ. За недостаткомъ удобнаго помѣщенія люди густыми массами жили въ тѣсныхъ, смрадныхъ хижинахъ, гдѣ въ знойное время почти невозможно было дышать: жители, можно сказать, громоздились другъ на друга. Умершіе, живые, умирающіе,— все это было перемѣшано. Трупы валялись по улицамъ; около бассейновъ ползали полу-умершіе. Живые не знали, чтò дѣлать, впадали въ совершенную безчувственность, и нерадѣли ни о божескихъ дѣлахъ ни о человѣческихъ. Обряды погребенія были забыты: тѣла сожигали на первомъ огнѣ и зарывали, гдѣ попало. Вообще въ это время Аѳины представляли самую жал-

кую картину. Лэва гибельно дѣйствовала на самую нравственность народа. Злонамѣренные люди, скрывавшіе досель свои гнусные замыслы, не страшились теперь заявить ихъ: видя вокругъ себя неотразимую смерть, многіе спѣшили насладиться всевозможными благами жизни, и не сдерживаемые болѣе ни страхомъ предъ богами, ни уваженіемъ къ людямъ, забывали законы чести и пользу общественную.

Отовсюду посылались теперь жалобы на Перикла, въ которомъ видѣли главнаго виновника всѣхъ бѣдствій. Периклъ пробовалъ оправдаться. Онъ старался убѣдить Аѳинянь, что страданія частныхъ людей ничто въ сравненіи съ бѣдзнями государства, что изъ-за первыхъ не должно забывать послѣднихъ. «Вы думаете только о господствѣ надъ вашими союзниками, я же говорю вамъ, что, обладая одною изъ двухъ стихій — моремъ, вы всюду, если только захотите, пронесете ваше могущество.... Не сокрушайтесь о потерѣ виллъ и помѣстьевъ: отстоявши свободу, вы получите ихъ обратно. Будьте великодушны не менѣе вашихъ предковъ, которые для сохраненія свободы пожертвовали самымъ городомъ. Не за одну свободу боретесь вы, но и за владычество, сдѣлавшее васъ для всѣхъ ненавистными. Не гнѣвайтесь за случай, стоящій выше человѣческаго предвидѣнія; не вините меня въ событіи, которому я не причиной. Должно терпѣливо сносить бѣдствія, посылаемая небомъ, и мужественно отражать зло, которое наносятъ вамъ люди. Вотъ какими правилами руководились ваши предки, и ихъ не должно оставлять, если не хотите потерять того почетнаго мѣста, на которое предки поставили васъ, не щадя ни трудовъ, ни заботъ, ни издержекъ». Но на этотъ разъ слова эти оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Народъ требовалъ мира съ Спартанцами, потому что въ немъ только думалъ найти спасеніе. Периклъ предвидѣлъ бесполезность переговоровъ, и началъ ихъ только для того, чтобы показать Аѳинянамъ невозможность мира: Аѳины никогда не могли согласиться на требованія Спартанцевъ, ибо первымъ словомъ послѣднихъ было, чтобы Аѳиняне отказались отъ гегемоніи надъ своими союзниками. Враги Перикла однако дѣйствовали такъ ловко въ своихъ обвиненіяхъ, что онъ присужденъ былъ

къ уплатѣ огромнаго штрафа. И между тѣмъ никого такъ не поражали народныя бѣдствія, какъ его самого: кромѣ неудачъ политическихъ, Периклъ долженъ былъ перенести потерю двухъ любимыхъ сыновей своихъ, павшихъ жертвами эпидеміи. Всѣ эти обстоятельства сильно потрясли его душу, разстроили здоровье, и въ 4-мъ году 86-й олимп. Аѳины должны были оплакать своего гениальнаго правителя. Послѣдующая исторія аѳинскаго народа ясно покажетъ, что все дѣло величія Аѳинъ привязано было въ эту эпоху къ одной его личности (x).

Я не буду входить въ подробное описаніе всѣхъ аѳинскихъ или спартанскихъ экспедицій: многія изъ нихъ незанимательны и не имѣютъ большой важности; но обращу вниманіе только на тѣ пункты, которые или особенно рѣзко характеризуютъ противниковъ или самую войну, или наконецъ придаютъ войнѣ рѣшительные обороты. Къ числу такихъ событій принадлежитъ митленское дѣло. На островъ Лесбосъ было пять независимыхъ другъ отъ друга городовъ, которые вмѣ-

(x) Фукидидъ прекрасными чертами изображаетъ личность и дѣятельность Перикла (II, 65). «Въ мирное время твердо и умно правилъ онъ государствомъ и сдѣлалъ городъ могущественнымъ. Когда началась война, онъ предвидѣлъ всѣ бѣдствія, которыя должны были случиться: это ясно обнаружилось послѣ его смерти, сразившей его чрезъ два съ половиною года отъ начала войны. Онъ предсказывалъ Аѳинянамъ, что они одержатъ побѣду, если не упадутъ духомъ и не пренебрегутъ морскими дѣлами; что, напротивъ, новыя предпріятія повергнутъ государство въ опасность. Аѳиняне поступили совершенно иначе: увлекшись честолюбіемъ и корыстными видами немногихъ, они замыслили не по силамъ себѣ, и пришли къ погибели. Если бы даже предпріятіе ихъ кончилось успѣшно, то вся выгода досталась бы немногимъ, а не цѣлому государству, которое между тѣмъ должно было пасть вмѣстѣ съ упадкомъ предпріятія. Значеніе Перикла обуславливалось его умомъ и достоинствомъ, отсутствіемъ всякихъ корыстныхъ расчетовъ. Безукоризненными средствами держалъ онъ народъ въ повиновеніи, и скорѣе руководилъ массу, нежели былъ ею руководимъ, ибо честнымъ путемъ приобрѣлъ себѣ авторитетъ. Если онъ видѣлъ, что народъ задумываетъ себѣ не по силамъ, тотчасъ отклонялъ его; если же масса безъ причинъ робѣла предъ какимъ-либо полезнымъ предпріятіемъ, Периклъ ободрялъ ее силою своего ума. Онъ не льстилъ народу, но гораздо чаще упрекалъ его. Правленіе въ Аѳинахъ было демократическимъ только по имени, въ сущности же власть сосредоточилась въ рукахъ одного мужа, перваго въ государствѣ. Выступившіе послѣ него демагоги, будучи равны собою въ достоинствѣ, и стремясь низвергнуть одинъ другаго, чтобы получить первенство, льстили народу и отдали ему всю власть».

еть, какъ можно думать, составляли союзъ (*). Отношенія этихъ городовъ къ Аѳинамъ были благоприятны до самосскаго возмущенія: они не платили податей, но тѣмъ не менѣе выставили на помощь Аѳинамъ суда подѣ начальствомъ своихъ офицеровъ. Участь Самоса и другихъ странъ, находившихся сначала въ такихъ же отношеніяхъ къ аѳинскому союзу, внушила Лесбосцамъ недоверіе, и Митилена съ тремя городами—Пиррою, Эресомъ и Антиссою, задумала отпаденіе отъ Аѳинянъ. Только Метимна, изъ зависти къ могуществу Митилены, осталась на сторонѣ Аѳинъ и извѣщала ихъ о готовившейся измѣнѣ. Аѳиняне сначала не обратили вниманія на это предостереженіе, и не сдѣлали ничего въ предотвращеніе опасности до тѣхъ поръ, пока оно не оправдалось. Аѳинскій флотъ тотчасъ заперъ митиленскую гавань, и до такой степени стѣснилъ городъ, что ему ничего болѣе не оставалось, какъ сдаться. Условіемъ сдачи было только то, что аѳинскій адмиралъ Паксесъ никого не умертвить по своему произволу, а передать все дѣло на судъ аѳинскаго народа.

Это событіе особенно рѣзко обозначаетъ спартанскій характеръ. Нѣкто Салеттъ присланъ былъ Спартою на помощь Митилены. Онъ увѣрилъ жителей, что лѣтомъ Пелопоннесцы непременно придутъ къ нимъ на выручку; лѣто пришло, а помощь не являлась. Между тѣмъ голодъ дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе. Тогда Салеттъ, подѣ предлогомъ вылазки, вооружилъ народъ, отказалъ правителямъ города въ повиновеніи и требовалъ състныхъ припасовъ, угрожая въ противномъ случаѣ сдаться. Стоявшіе во главѣ города, предчувствуя, что имъ не будетъ никакой пощады, если первый сдастся народъ (*δημος*), поспѣшили сами сдать городъ. Салеттъ отосланъ былъ въ Аѳины вмѣстѣ съ другими виновниками мятежа. Между тѣмъ вышелъ въ море и пелопоннесскій флотъ. Начальникъ его Спартанецъ Алкидъ грабилъ на своемъ пути всѣхъ безъ разбора, и производилъ самыя безчеловѣчныя поступки. Онъ захватывалъ всѣ встрѣчныя суда, не взирая на то, принадлежали ли они Аѳинянамъ, или тѣмъ,

(*) Aelian. VII, 15. Tittmann. p. 672. Κοινού Λεσβίωνъ встрѣчается на монетахъ, впрочемъ не ранѣе Марка Аврелія.

на помощь которых его послали. Пленные матросы подвергаемы были страшным истязаніямъ: имъ рубили руки и бросали потомъ въ море. Естественно было ожидать, что Аѳиняне захотятъ выместить эти жестокости на Митиленцахъ. Дѣйствительно, въ Аѳинахъ поговаривали, что Митиленцевъ надобно наказать со всею строгостью, дабы удержать другихъ союзниковъ въ повиновеніи, на которыхъ, особливо на хіосскихъ аристократовъ, это возмущеніе можетъ заразительно подѣйствовать; далѣе, что со стороны Аѳинъ имъ не было дано ни малѣйшаго повода къ отпаденію, что присоединеніе ихъ къ Спартѣ увеличивало силу враговъ аѳинскихъ и ослабляло ихъ собственную. Многіе изъ демагоговъ, особенно Клеонъ, руководимые подобными мыслями, побуждали гражданъ послать къ Пахесу предписаніе—всѣхъ Митиленцевъ, способныхъ носить оружіе, казнить, а женъ и дѣтей продать въ рабство. Но аѳинскій народъ не былъ такъ безчеловѣченъ. Уже отправлено было жестокое повелѣніе, состоявшееся въ минуты горячности; но граждане тотчасъ опомнились и спѣшили поправить ошибку. Чтобы задержать безчеловѣчный приговоръ, Аѳиняне послали галеру, и современный историкъ рассказываетъ, что гребцы не спали по ночамъ, дабы поспѣть во время. Въ самыхъ Аѳинахъ жители встревожились не менѣе: до солнечнаго восхода собрались они на площадь, и требовали отъ притановъ болѣе мягкаго рѣшенія. Опредѣлено было главныхъ виновниковъ возмущенія представить на судъ въ Аѳины; прочихъ Митиленцевъ оставить въ покоѣ, отобравши, конечно, корабли и оружіе; весь островъ, за исключеніемъ Митилены, подвергнуть клерухіи, т.-е. раздѣлять землю, какъ собственность аѳинскаго народа, на участки, и отдать ихъ въ ленъ прежнимъ владѣльцамъ съ обязательствомъ, чтобы они платили Аѳинянамъ извѣстную часть дохода. Эти условія были легче, ибо аѳинскіе граждане за весьма ничтожную сумму уступили Митиленцамъ эти участки въ полную собственность. Всѣ зачинщики мятежа, въ томъ числѣ и Салеттъ, были казнены, и хотя число ихъ было довольно значительно, все же эта казнь не падаетъ кровавымъ пятномъ на Аѳинское государство: казенные были, дѣйствительно, ви-

новны. Аѳиняне, напротивъ, показали себя въ высшей степени справедливыми относительно Митиленцевъ: они приговорили къ суду митиленскаго завоевателя Пахеса, какъ скоро узнали, что онъ обезчестилъ двухъ благородныхъ митиленокъ и злоупотреблялъ данную ему власть. Пахесь, впрочемъ, предупредилъ судъ самоубійствомъ. Между тѣмъ адмиралъ пелопоннесскаго флота Алкидъ, свѣдавши о сдачѣ Митилены, воротился назадъ. Напрасно Коринѳяне и другіе Пелопоннессцы убѣждали его продолжать путь, соединиться съ недовольными изъ Митиленцевъ, въ которыхъ, разумется, недостатка не было, и выгнать изъ города незначительный аѳинскій гарнизонъ: Алкидъ показалъ себя Спартанцемъ въ полномъ смыслѣ, — вялымъ, нерышительнымъ, даже лѣнивымъ. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что наградилъ на дорогѣ, и воротился въ Спарту.

Въ Беотіи, между тѣмъ, война продолжалась. Спартанцы, послѣ втораго опустошенія Аттики, осадили Платею. Платейцы заранее отправили въ Аѳины своихъ женъ, дѣтей и вообще всѣхъ, кто не способенъ былъ носить оружіе; остальные рѣшились защищать свой родной городъ до послѣдней крайности. Спартанцы хотѣли взять городъ штурмомъ; но осадное искусство въ эту эпоху, особенно у Спартанцевъ, находилось въ самомъ жалкомъ состояніи: къ стѣнѣ города устроивалась обыкновенно насыпь, по которой взбирались на стѣну. Когда такого рода приступъ не удался, Спартанцы ограничились облежаніемъ, и обвели городъ двойною стѣною. Судьба Платеи была рѣшена. Часть жителей, не видя болѣе никакихъ средствъ къ сопротивленію, рѣшилась пробиться сквозь непріятельскій лагерь. Попытка удалась, и спасшіеся удалились въ Аѳины; остальные, въ числѣ 200 человекъ съ 25 аѳинскими гражданами, должны были сдаться побѣдителямъ. Спартанцы выпускали ихъ по одиночкѣ изъ города, и каждому предлагали вопросъ: оказалъ ли онъ Спартѣ какую-либо услугу съ тѣхъ поръ, какъ началась Пелопоннесская война? Каждый Платеецъ, конечно, отвѣчалъ: «нѣтъ», и былъ въ ту же минуту умерщвленъ. Находившіяся въ городѣ женщины обращены были въ рабство; самый городъ, по распоряженію Фиванцевъ, за-

селили сначала мегарскіе и платейскіе изгнанники; но потомъ черезъ годъ онъ былъ разрушенъ, и земля въ продолженіе десяти лѣтъ отдавалась въ наемъ аѳинскимъ гражданамъ. Такой тяжелой судьбы Платейцы не заслужили, потому что не сдѣлали Спарты ни малѣйшаго зла. Вся вина ихъ состояла въ томъ, что они были аѳинскими союзниками; но къ этому союзу побуждало Платейцевъ чувство благодарности, ибо Аѳиняне защитили ихъ отъ притѣсненія со стороны Фиванцевъ: сама Спарта въ этомъ случаѣ отослала ихъ къ Аѳинянамъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ. На такой жестокой приговоръ особенно настаивали Фивы; Спартанцы же, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, старались угодить имъ.

Мало по малу оправдывались теперь сомнѣнія, которыя, какъ мы видѣли, выразилъ спартанскій царь Архидамъ относительно скорого окончанія войны: ни разрушеніе Платеи, ни лесбосское взмушченіе не подвигали дѣло къ развязкѣ. Въ Аѳинахъ явилась цѣлая партія недовольныхъ медленнымъ ходомъ войны. Къ этой партіи примкнули комики, игравшіе тогда въ Аѳинахъ такую же роль, какую въ новое время занимали во Франціи и Англии оппозиціонные журналы. Таковъ характеръ комедій Аристофана, и, судя по фрагментамъ, Евноля. Читая Аристофана и увлекаясь его искусствомъ, мы находимся иногда въ опасности признать за историческую истину его комическія выходки. Поддавшись настроенію его духа, мы готовы подчасъ забыть, что этотъ человекъ принадлежалъ къ партіи оппозиціонной настоящему направленію въ Аѳинахъ, и по этому безпристрастный рассказъ о современной политикѣ въ его произведеніяхъ найти трудно. Мы впали бы въ непростительную ошибку, если бы презрительнымъ окомъ Аристофана взглянули на нѣкоторыя историческія личности, напр., Ламаха и др., выводимыя великимъ комикомъ на театральную сцену. Отчетливо-вѣрно схватывалъ Аристофанъ ошибки современнаго правленія, выставляя ихъ на посмѣяніе всего народа; но съ умысломъ утаивалъ историческія причины этихъ ошибокъ, и не обращалъ вниманія на то, чѣмъ они могутъ быть оправданы: иначе ошибка потеряла бы для народа комическій интересъ.

Такъ смотрѣли на войну люди. партій; но какого-же мнѣнія о ней былъ вообще весь народъ Аѳинскій? Не къ политическимъ комикамъ должны мы обратиться за рѣшеніемъ этого вопроса: комикъ никогда не можетъ быть выраженіемъ народныхъ убѣжденій; пусть на это отвѣтитъ намъ исторія. Дѣло комика—указать то, что бы должно быть, и этой цѣли онъ подчиняетъ самую дѣйствительность; исторія раскрываетъ только то, что было въ дѣйствительности, нисколько не претендуя на отрицаніе этой дѣйствительности. Оттого комикъ часто искажаетъ событіе, чтобы только выставить его съ смѣшной стороны, и тѣмъ самымъ заставить людей отказаться отъ него. Исторія также не чужда нравственной высокой цѣли, но она идетъ къ ней путемъ положительнымъ, не допуская ни малѣйшаго, ради смѣха, искаженія дѣйствительности.—Фукидидъ говоритъ, что Аѳиняне мало по малу отвыкли отъ мысли, что не должно было начинать войны. Еще разъ повторилась эпидемія; но она уже не произвела того несчастнаго впечатлѣнія, которое такъ губительно дѣйствовало при первомъ появленіи язвы,—хотя сила ея была не меньше прежней значительна. Никакія физическія бѣдствія, ни язвы, ни землетрясенія, ни наводненія—не могли уже отклонить Аѳинянь отъ продолженія войны. Времена переходныя, какъ уже было сказано, особенно богаты физическими бѣдствіями; и дѣйствительно, въ ту эпоху, о которой идетъ теперь рѣчь, вся природа находилась въ состояніи раздраженія. Всюду на земной поверхности свирѣпствовали ужасныя эпидеміи; въ различныхъ странахъ Греціи часто повторялись землетрясенія, какихъ не помнило ни одно преданіе. Въ самыхъ Аѳинахъ землетрясеніе разрушило часть большой стѣны, пританей и много другихъ зданій. Всѣ стихіи, казалось, выступили изъ своихъ границъ. Времена года измѣнились: въ годъ, предшествовавшій второй эпидеміи, не было вовсе этесійскихъ вѣтровъ⁽¹⁾; туманы и проливные дожди произвели значительную перемѣну въ характеръ зимы. Жители береговъ много терпѣли отъ частыхъ морскихъ приливовъ. Въ сочиненіяхъ Діодора Сицилійскаго и врача Иппократа (объ эпидеміяхъ) мы найдемъ весьма

(1) Они дуютъ ежегодно въ половинѣ іюня.

замѣчательное описаніе всѣхъ переменъ, случившихся въ это время въ физической природѣ. Всѣ эти бѣдствія однако не заставляли уже Аѳинянь искать мира съ Пелопоннесомъ. Да и положеніе ихъ значительно улучшилось. Казна, правда, поистощилась, но все же война не падала тяжкимъ бременемъ на массу аѳинскаго народа, потому что, съ одной стороны, увеличены были налоги на союзниковъ, съ другой—жертвовали своими сокровищами богатые граждане города. Самые Спартанцы уже нѣсколько лѣтъ къ-ряду не тревожили Аттики, и поселяне снова заняли свои поля и по прежнему жили покойно. Такъ какъ потребности ихъ были въ это время еще очень ограниченны, то скоро вся Аттика приняла прежній видъ и забыла совершенно о своихъ потеряхъ. Съ другой стороны—клерухія Лесбоса, Эгины и Клееры достаточно вознаградила гражданъ ⁽¹⁾. Это спокойствіе дѣлало Аѳинянь еще предприимчивѣе, такъ что они закинули слишкомъ далеко отъ родины свои корыстные взоры: они задумали теперь перенести свою гегемонію въ Сицилію и великую Грецію. Давно уже этотъ островъ обращалъ на себя ихъ вниманіе ⁽²⁾; теперь онъ привлекалъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что Корцира была въ ихъ рукахъ. Аѳиняне при этомъ не хотѣли принять въ соображеніе, что для такого предпріятія у нихъ нѣтъ никакого законнаго повода. И между тѣмъ обстоятельства столь благоприятствовали имъ; предпріятіе, не говоря уже о пользѣ, было такъ блистательно, что сомнѣваться за счастливое окончаніе дѣла было почти невозможно, если только разумно за него приняться. Въ Сициліи, въ это время, происходила ожесточенная борьба партій, изъ которыхъ одна уже призывала Аѳинянь на помощь. Аѳиняне отправили туда флотъ (во 2-й годъ 88-й о.л.); но онъ былъ такъ незначителенъ, что не смѣлъ и подумать о завоеваніи острова. Довольно было и того, что этой экспедиціи удалось образовать въ Сициліи сильную партію въ пользу Аѳинъ; первый шагъ былъ такимъ образомъ

(1) Мы видѣли, въ чемъ состояла клерухія Лесбоса; клерухія Эгины и Клееры была въ другомъ родѣ: народонаселеніе этихъ странъ было совершенно изгнано, и земля по жребію раздана аѳинскимъ гражданамъ. (Thuc. II. 27, Diodor. XII 44.)

(2) Justin. IV, 3.

сдѣланъ. Между тѣмъ эта же экспедиція еще въ самомъ Пелопоннесѣ принесла такіе результаты, которыхъ не возможно было предвидѣть въ началѣ предпріятія, и которые дали Пелопоннесской войнѣ совершенно иной оборотъ.

Прежде всего эта экспедиція поддержала аѣнскую гегемонію на островѣ Корцирѣ, гдѣ олигархи готовились подавить демократовъ. Мы говорили уже, что правленіе Корциры представляло смѣсь демократіи съ аристократіею. Демократы держали сторону Аѣинъ, тогда какъ аристократія, ведя свое начало прямо изъ Коринѣа, была сторонницею Спарты. Раздоръ между партіями особенно усилился съ тѣхъ поръ, какъ Корцира отдалась подъ покровительство Аѣинъ. Олигархи старались свергнуть аѣнскую гегемонію; но и демократическая партія, работавшая въ пользу Аѣинъ, также не дремала, и успѣла пріобрѣсти перевѣсъ надъ олигархами, какъ скоро во главѣ ея явился дѣятельный и ловкій мужъ Писій. Олигархи рѣшились на кровавую революцію: они умертвили многихъ демократовъ, въ томъ числѣ и Писіа, и объявили Корциру внѣ аѣнскаго союза. Такой рѣшительный шагъ со стороны олигарховъ повелъ къ ужаснымъ усобицамъ: они привели Эпиротовъ, рѣзались съ демократами въ домахъ и улицахъ, и когда увидѣли, что не въ силахъ сломить ихъ, зажгли городъ ⁽¹⁾. На помощь демократамъ явилась аѣнская эскадра, и олигархи должны были сдаться. Ихъ ожидала самая несчастная участь: какое-то звѣрское изступленіе овладѣло демократами: какъ разъяренные тигры бросились они на обезоруженныхъ олигарховъ и начали страшное убійство. Сами Аѣиняне уже спѣшили спасти несчастныхъ; но это не помогло: спасенные не миновали участи своихъ собратьевъ. Трудно подыскать въ исторіи образованныхъ государствъ примѣръ подобнаго кровопролитія; развѣ только одна Варее-ломеевская ночь во Франціи можетъ стать здѣсь на ряду съ ожесточеніемъ Корцирянъ и другихъ дѣтелей Пелопоннесской войны. Италія и бѣлые въ Новомъ свѣтѣ лишь могутъ къ нимъ приближаться. «Жестокость, говоритъ Фукидидъ, явлена была во всѣхъ ея видахъ.» Но эта-то жестокость и по-

(1) Со стороны демократовъ отчаянно бились даже женщины.

губила Корциру, которая сама произнесла себя смертный приговоръ. Въ послѣдующую эпоху мы видимъ этотъ, нѣкогда богатый и цвѣтущій островъ, въ крайнемъ изнеможеніи.

Съ этой минуты бѣдствія Греціи возрастали съ необыкновенною силою. Вездѣ почти борьба партій принимала ожесточенный характеръ; демократы преимущественно объявляли себя за Аѳинянь. олигархи же склонялись къ Спартѣ. Но сказать вообще, что демократы Греціи были все безъ исключенія сторонниками аѳинскаго союза, — невозможно, ибо мы встрѣтили въ пелопоннесскомъ союзѣ много государствъ съ демократическими учреждениями, такъ, напр., города халкидскіе во Фракіи, которые по первому призыву Бразиды становятся подъ знамена Спарты. Обратное явленіе также имѣетъ мѣсто: демось Мегары стоитъ противъ Аѳинъ, между-тѣмъ какъ мегарскіе олигархи вступаютъ съ ними въ переговоры ⁽¹⁾. Вообще Пелопоннесской войнѣ нельзя дать исключительнаго характера борьбы демократіи съ аристократіей. Борьба между этими началами шла и до—и послѣ Пелопоннесской войны, но въ Пелопоннесской войнѣ онѣ истощили свои силы, пришли въ крайнее изнеможеніе. Какъ то, такъ и другое начало равно примыкали болѣе къ племенному быту, нежели государственному, съ тѣмъ только отличіемъ, что изъ демократіи легче, удобнѣе былъ переходъ въ бытъ государственный въ смыслъ центральнаго тяготѣнія; ибо демократическія учрежденія давали полную свободу личности, этому первому проводнику центральной власти, тогда какъ олигархія личности признать все не хотѣла. Говоря, что все дѣло аѳинскаго величія привязывалось къ нѣсколькимъ гениальнымъ личностямъ, мы выражаемъ здѣсь такую мысль, что первыми проводниками центральной власти въ Греціи были аѳинскіе демагоги. Признавши существеннымъ характеромъ Пелопоннесской войны борьбу стараго порядка съ новымъ, мы приходимъ весьма естественно къ тому заключенію, что это была борьба племеннаго быта съ личностію, такъ сильно развившеюся въ государствѣ Аѳинскомъ. Не трудно отсюда понять, почемуThemistocles, Перикль, Alcibiades навлекаютъ на себя съ одной стороны ненависть

(1) Thuc. IV, 64 et seqq.

Спарты,—хотя всѣ они были родомъ аристократы,—съ другою—нападенія самой демократіи, на пользу которой они посвящали всю свою жизнь: въ спартанской ненависти и демократическихъ обвиненіяхъ нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ реакціи племенныхъ формъ противъ новой формы, которую, незаметно для самихъ себя, вносили въ греческое государство вышепомянутыя личности. При такомъ взглядѣ становится ясно, отчего Пелопоннесская война приняла такой ожесточенный характеръ: въ борьбѣ отживающаго съ новымъ нельзя искать другой цѣли, кромѣ совершеннаго истребленія одного изъ противниковъ. Здѣсь борьба идетъ не за частныя выгоды какой-либо стороны, чтобы, получивши ихъ, враги подали одинъ другому руку примиренія, не изъ жажды славы завоеваній; но здѣсь рѣшается вопросъ: тотчасъ-ли долженъ новый порядокъ замѣнить старый, въ силахъ ли онъ вдругъ, однимъ рѣшительнымъ натискомъ, сломить врага упорнаго? Но рѣшительный ударъ не удался, по привязанности Грековъ къ старинѣ, и мы сказали уже, какіе результаты принесла война Пелопоннесская: аристократія и демократія, т.-е. формы племеннаго быта взаимно истребили себя въ междоусобіяхъ. Дѣйствительно, эти партіи доходили, по свидѣтельству Фукидида, до какого-то нечеловѣческаго изступленія, которое не вѣдало никакой жалости и изобрѣтало, ради взаимной гибели, неслыханныя доселѣ казни. Въ этой изобрѣтательности Грекъ могъ теперь поспорить съ дворомъ царя персидскаго. Порча со дня на день сильнѣе растворяла народную нравственность, такъ что даже самыя слова утратили свое прежнее значеніе и получили совершенно превратный смыслъ. Неистовство стали называть ревностною дружбою; безразсудная горячность почиталась величайшею храбростью; въ злости видѣли доказательство откровенности и вѣрности. Плутуловствомъ определялся разумъ, особенно, если плутовство было удачно; здравымъ смысломъ почитали недоверіе. На оборотъ, человекъ съ умѣренными желаніями былъ, по мнѣнію Грековъ этой эпохи, трусомъ. Кто первый нападалъ на ближняго и наносилъ ему вредъ, почитался самымъ благоразумнымъ и справедливымъ. Тяготились

родствомъ, потому что имѣвшій родственниковъ не бросался въ отчаянныя предпріятія. Добрыя цѣли, благо общественное, болѣе не связывали людей; соединительнымъ звѣномъ ихъ было теперь желаніе обогатиться и возвыситься средствами нечестными и незаконными. Хотѣли лучше мстить, нежели защищаться, причинять зло, нежели устранять его. Клятва въ договорахъ потеряла свою святость и неприкосновенность, и служила только для того, чтобы легче управиться съ неприятелемъ, чтобы заставить его въ расплохъ: такое въроломство громогласно называлось военнымъ искусствомъ и было предметомъ славы и соревнованія. Вообще говоря — честь и въбра сдѣлались орудіями самыхъ безнравственныхъ поступковъ. Правосудіе и интересы государственныя потеряли свою силу: люди руководились только страстными увлеченіями и совершали неслыханныя убійства. Тѣхъ, кто не хотѣлъ пристать ни къ той, ни къ другой партіи, съ необыкновенною жестокостью преслѣдовали обѣ: партіямъ было завидно, что этихъ людей не касается общее бѣдствіе. Попраны были всѣ нравственные и гражданскіе законы; права народовъ потеряли значеніе: алтари боговъ уже не въ силахъ были защищать отъ ярости убійцъ. Корцира первая подала этотъ ужасный примѣръ безчеловѣчія, который никогда не найдетъ оправданія на страницахъ исторіи.

Сицилійская же экспедиція подала поводъ къ предпріятію Демосеена противъ Пилоса. Демосеень былъ родомъ изъ аристократовъ. Не смотря однакожь на свое аристократическое происхожденіе, онъ весь былъ преданъ новому направленію, и не принадлежалъ, подобно Никію, къ партіи охранительной. По-этому, мы не видимъ Демосеена въ числѣ тѣхъ, которые желали мира съ Спартою, хотя этого должно было бы ожидать, судя по его происхожденію. Опять протестъ противъ тѣхъ, кто признаетъ главнымъ характеромъ разсматриваемой нами эпохи борьбу демократіи съ аристократіею. Пилосское дѣло ясно покажетъ, какъ мало Демосеень былъ наклоненъ къ миру съ Пелопоннесомъ. Демосеень отличался необыкновенною предприимчивостью; но счастье какъ-то не всегда одинаково служило ему: въ походъ противъ Этолійцевъ онъ потер-

нѣтъ однажды странное пораженіе, послѣ чего опасался даже показать глаза въ Аѣны; но вскорѣ попомъ надъ Амбракійцами одержалъ блистательную побѣду. Въ Аѣнахъ онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ и былъ въ числѣ главныхъ вожагохъ республики, которые въ то время еще всѣ за исключеніемъ Клеона и Гипербола, принадлежали по происхожденію къ эаги.

Аѣяне отправили нѣсколько кораблей на подкрѣпленіе эскадры, находившейся въ Сициліи. Демосѣенъ выпросилъ позволеніе плыть на этихъ же корабляхъ. Цель его побѣдки оставалась тайною. Въ древнія времена плаваніе совершалось обыкновенно около береговъ, чтобы, съ одной стороны, имѣть подъ рукою убѣжище въ случаѣ бури, съ другой — запастись прѣсною водою. Владычество Спарты въ приморскихъ странахъ Пеллопоннесса имѣло своимъ слѣдствіемъ то обстоятельство, что берега, весьма способные для гаваней и вообще для народонаселенія, оставались совершенною пустынею. Аѣяне по этому и въ земляхъ непріятельскихъ могли такъ же благополучно приставать къ берегамъ и запасаться водою, какъ въ странахъ своихъ союзниковъ. На западномъ берегу Мессеніи, гдѣ теперь находится Саварринъ, лежала превосходная гавань пилосская въ самомъ запущенномъ видѣ. Народонаселеніе страны было истреблено вдоль и поперекъ, и двѣстѣннѣй лѣсъ покрывалъ почву, весьма благодарную для масличныхъ садовъ. Здѣсь присталъ аѣинскій флотъ, Демосѣенъ объявилъ его начальникамъ, Софоклу⁽¹⁾ и Эвримедонту, что хочетъ занять это мѣсто и основать на развалинахъ древняго Пилоса гавань для аѣинскаго флота. Предпріятіе было слишкомъ отважно: оно могло или повести Демосѣена къ суду, или пріобрѣсть ему славу, дать ходу войны совершенно иной оборотъ. Разсчетъ его былъ превосходенъ: изъ Пилоса можно было тревожить Спартацевъ въ ихъ собственной землѣ; въ немъ должны были найти для себя илоты прочную опору. Демосѣенъ основательно предполагалъ, что, ставши твердою ногою въ Пилосъ, можно поднять противъ Спарты не только илотовъ, но даже многихъ періэговъ. Но это дальновидное предпріятіе въ умахъ

(1) Это не трагикъ Софокль, который былъ стратегомъ въ войнѣ съ Самосомъ.

обыкновенныхъ людей не нашло никакого сочувствія: стратеги объявили Демосѣну, что начальство надъ кораблями ввѣрено не ему, а имъ, что онъ поѣхалъ съ ними по своей доброй воль, и потому не долженъ мѣшаться съ своими распоряженіями въ чужое дѣло. Въ Пелопоннесѣ много болѣе удобныхъ гаваней, говорили они, а укрѣпленіе Пилоса не принесетъ никакой пользы и только поведетъ государство къ огромнымъ издержкамъ. Демосѣнъ долженъ быть замолчать. Противные вѣтры однако на долго задержали Аѳинянь въ Пилосѣ, и матросы сами по себѣ построили на скорую руку шанцы. Здѣсь выказалась вся предпримчивость Аѳинянина: шанцы были выстроены и укрѣплены не болѣе какъ въ недѣлю, безъ всякихъ почти средствъ, безъ строительныхъ орудій. Въ нихъ засѣлъ теперь Демосѣнъ съ нѣсколькими сотнями охотниковъ, чему, конечно, не могли воспрепятствовать и сами стратеги; къ нему съ радостью присоединились мессенскіе корсеры изъ Навпакта, въ надеждѣ опять завоевать Мессенію. Спартанцы, по своей обычной медленности, не сдѣлали ничего для отклоненія опасности. Или, быть можетъ, они почитали это поселеніе слишкомъ незначительнымъ? — Какъ бы то ни было, только на первый разъ они дали Демосѣну возможность укрѣпиться, и двинулись не прежде, какъ уже онъ могъ оказать сильное сопротивленіе. Натискъ былъ отбитъ, и Спартанцы надѣялись голодомъ выморить поселенцевъ: они хотѣли загородить бухту двойнымъ рядомъ судовъ, чтобы прервать такимъ образомъ сношенія Пилоса съ аѳинскимъ флотомъ; на островъ Сфактерію, лежавшій при входѣ въ бухту, положено было отправить огрядъ изъ 420 спаргіатовъ. При такомъ планѣ погибель Демосѣна казалась несомнѣнною; но вялость спартанскаго характера спасла его: отрядъ спаргіатовъ уже занялъ Сфактерію, но суда не пришли еще въ назначенное мѣсто. Аѳинскій флотъ, спѣшившій на выручку Пилоса, разбилъ ихъ въ самой гавани, занялъ бухту и кругомъ обложилъ Сфактерію. Такимъ образомъ, вмѣсто Демосѣна, въ осаду попались спаргіаты. Это событіе привело Спарту въ большое замѣшательство. Суда ея или были разбиты аѳинскимъ флотомъ, или лежали на берегу; отрядъ изъ 420 спар-

тиатовъ знаменитыхъ фамилій былъ запертъ на островъ, безъ всякаго продовольствія, — и почти не видѣлось средствъ спасти его. Судьба Платей напоминала Спартанцамъ, что отъ Аѳинянь теперь трудно имъ ожидать пощады. А между тѣмъ спасти заключенныхъ воиновъ для Сарты было необходимо, потому что число ея гражданъ и безъ того было слишкомъ ограничено. Она рѣшилась начать съ Аѳинами переговоры, и съ этою цѣлью отправила туда депутатовъ.

Во главѣ Аѳинской республики не стояло въ это время ни одной истинно великой личности; много было людей талантливыхъ, руководившихъ массою; но въ ихъ стремленіяхъ не было никакого единства. Во главѣ охранителей старины стоялъ стратегъ Никій, потомокъ одной изъ знаменитыхъ аристократическихъ фамилій въ Аѳинахъ. Своимъ авторитетомъ онъ былъ обязанъ не столько родовымъ отношеніямъ, сколько огромному богатству, на большую часть котораго Аѳиняне смотрѣли какъ на общественное достояніе. Личность Никіа была также не безъ достоинствъ: онъ былъ храбрый, безукоризненный воинъ, и притомъ довольно счастливый и добросовѣстный. Но его темпераментъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ аѳинскимъ характеромъ: это былъ человекъ покойный, флегматическій, желавшій до конца жизни сохранить свою счастливую звезду, боявшійся пуститься въ новыя предиріятія; чтобы не уронить прежде-добытой славы. Аристократическое самолюбіе страшилось также насмѣшекъ отъ сикофантовъ, которые весьма легко могли напасть на него. Такимъ образомъ по своему внутреннему расположенію и по роду Никій долженъ былъ занять мѣсто между защитниками стараго порядка. Сюда прикнули также другіе аѳинскіе полководцы, особенно осмѣянные Аристофаномъ Ламахъ и Лахесъ. Уже одно имя «Лахесъ» было въ Аѳинахъ предметомъ насмѣшки; въ позднѣйшей аттической комедіи оно имѣетъ то же значеніе, какъ у насъ «Филать, Емелька» и др.; въ жизни оно вышло изъ моды и долго не употреблялось. Эта партія охранителей старины, разумеется, требовала мира съ Спартою.

Во главѣ противной Никію партіи выступаетъ теперь весьма замѣчательное созданіе, — замѣчательное своимъ безсла-

вѣмъ, наглостью. Это созданіе носило имя Клеона. Аристофанъ говоритъ о немъ совсѣмъ другимъ тономъ, нежели о Никіѣ, Демосѣнѣ или даже Ламахѣ и Лаксѣ: въ Аристофанѣ явное презрѣніе къ этому человѣку. Клеонъ былъ самаго низкаго происхожденія, званіемъ не болѣе простаго ремесленника. Но званіе и происхожденіе не могли навлечь на него никакого позора: въ лондонскомъ парламентѣ мы встрѣчаемся же съ пивоварами. Его особенно характеризовала собственная личность, въ высшей степени робкая, безразсудная и безсовѣстная. Клеонъ не имѣлъ вовсе никакого понятія ни объ отношеніяхъ государства, ни о тѣхъ обязанностяхъ, которыя налагаетъ оно на своего правителя. Пусть и другіе изъ государственныхъ вожатыхъ этой эпохи не много разумѣли въ дѣлѣ правленія, — все же они не позволили бы себѣ такого наглого обращенія съ короткими знакомыми, какъ обращался Клеонъ съ государствомъ. Съ дерзкою самоувѣренностью выступалъ онъ предъ народное собраніе, дѣлалъ безсмысленныя предложенія, и нагло позорилъ людей, которые были во сто разъ лучше его и пользовались всеобщимъ въ народѣ уваженіемъ.

Уже было сказано, что Аѳиняне хотѣли теперь продолженія войны и вовсе забыли ту мысль, которая прежде побуждала ихъ осудить Перикла. На Никію, по этому, смотрѣли они недоувѣрчиво и упрекали за то, что онъ не хотѣлъ нанести Спартѣ послѣдняго, рѣшительнаго удара. Клеонъ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ недоброжелательствомъ народа. По его настоянію Аѳиняне отвѣчали спартанскимъ депутатамъ, что не прежде приступятъ къ заключенію мира, какъ если 420 спартиатовъ сдадутся, и Аѳинамъ возвращены будутъ Трезена, Ахалъ и крѣпости Пага и Шизелъ, уступленныя Спартѣ по условіямъ тридцатилѣтняго перемирія. Депутаты требовали, чтобы для разсужденія по этому дѣлу назначена была со стороны Аѳинъ такая же депутация; но Клеонъ успѣлъ убѣдить народъ, что Спартанцы вовсе и не думаютъ о мирѣ, и переговоры хотятъ только выиграть время, въ той надеждѣ, что первая неблагопріятная погода заставитъ аѳинскій флотъ удалиться изъ Пилоса. Какъ могли Аѳиняне слушать такого человѣка? Въ это время на аѳинской площади уже начинались

тъ явленія, которыя видимъ мы въ слѣдующую за Пелопоннесскою войною эпоху: для смѣха народнаго мало было пищи въ театральныхъ фарсахъ, Аѳиняне хотѣли смѣяться и тамъ, гдѣ дѣло шло о благѣ цѣлаго ихъ государства, въ народномъ собраніи: выходки Клеона удовлетворяли ихъ комической настроенности. Кроме того Клеонъ говорилъ чрезвычайно свободно, свободно даже до дерзости; а это также было по-сердцу народа, котораго нравственность упала замѣтно съ каждымъ днемъ. Съ другой стороны, слова Клеона, хотя случайно, скоро оправдались. Пользуясь прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, Спартанцы, при помощи илотовъ, которымъ обѣщана была свобода, успѣли провести на Сфактерію большое количество продовольствія. Почитая такимъ образомъ своихъ согражданъ внѣ опасности, они уже не повторяли предложеній о мирѣ, и стали раскаиваться въ своемъ первомъ посольствѣ. Клеонъ еще смѣлѣе началъ теперь обвинять аѳинскихъ стратеговъ, особливо Демосѣна, въ трусости и малодушіи. Онъ говорилъ, что нѣтъ ничего легче, какъ овладѣть Сфактерію, что Демосѣенъ робокъ и глухъ, и что если бы онъ былъ на его мѣстѣ, то 420 Спартіатовъ чрезъ двѣ недѣли были бы въ Аѳинахъ. Такая самонадѣянная выходка разсмѣшила Аѳинянь, которые всѣ знали Клеона за отъявленнаго труса, и, ради потѣхи, они избрали его стратегомъ вместо назначеннаго уже Никія. Приверженцы стараго порядка, особенно аристократы, радовались этому назначенію, и надѣялись проучить чрезъ это народъ, дать ему почувствовать всю несостоятельность личности, ибо думали, что Клеонъ непременно проиграетъ дѣло.

Демосѣенъ между тѣмъ сдѣлалъ такія распоряженія, что Спартіаты при первомъ натискѣ положили бы оружіе. Онъ никогда не былъ трусомъ, и медленность его дѣйствій происходила по причинамъ, отъ него вовсе не зависѣвшимъ. При огромной ответственности аѳинскихъ полководцевъ, нельзя было безъ особаго народнаго приказа отважиться на штурмъ острова, гдѣ не было ни одной гавани, и куда надобно было идти съ охотниками чрезъ сильное морское волненіе, господствовавшее тамъ въ извѣстное время года. Какъ ни смѣлъ былъ Клеонъ,

*

но назначеніе въ стратеги его сильно смутило: онъ просилъ народъ взять назадъ свое рѣшеніе, выставляя на видъ, что Никій не согласится уступить ему свою должность. Но просьба осталась безъ отвѣта, Никій не сопротивлялся, и Клеонъ долженъ былъ идти на назначенный ему постъ. При всей своей глупости, онъ сумѣлъ однако понять, что теперь идетъ дѣло объ его жизни и смерти, что онъ самъ пустилъ въ игру собственную голову. Онъ отправился съ значительнымъ войскомъ, и, прибывши на мѣсто назначенія, заговорилъ съ Демосѣеномъ совершенно другимъ языкомъ: онъ обращался съ нимъ чрезвычайно вѣжливо, съ полнымъ уваженіемъ и безусловно соглашался на все его распоряженія; можно сказать, что въ философскомъ дѣлѣ Клеонъ былъ стратегомъ только по имени. Демосѣенъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ, ибо Клеонъ значительно подкрѣпилъ его отрядъ и самъ между тѣмъ не взыщивался. Благодаря дѣятельности Демосѣена. Спартіаты рѣшились положить оружіе; но боясь отвѣтственности предъ своимъ правительствомъ, они выпросили позволеніе снестись объ этомъ съ спартанскимъ генераломъ, находившимся на материкѣ. Сей послѣдній отклонилъ отъ себя все дѣло, и съ свойственною спартанцу гордостью прибавилъ, что они не должны забывать о чести спартанскаго имени. 290 Спартіатовъ, оставшихся изъ 420 на Сфактеріи, сдались и были отправлены въ Аѣны.

Вскорѣ послѣ того Аѣняне разбили Коринѣянъ въ ихъ собственной землѣ и завоевали островъ Киѣера (нынѣшній Церриго), гдѣ постоянно находился спартанскій гарнизонъ. Киѣера лежитъ при входѣ въ Лаконскій заливъ, ближе къ восточному языку Лаконіи. Этимъ положеніемъ обуславливалась важность острова: съ одной стороны онъ служилъ перепутьемъ изъ Египта въ Грецію, съ другой — защищалъ берега Лаконіи отъ морскихъ разбойниковъ со стороны Крита и Сициліи (*). Вслѣдъ за тѣмъ Аѣняне овладѣли Мегарою и ея крѣпостью Пизеею. Все эти событія привели Аѣнянъ въ восторгъ. Въ пльнныхъ Спартіатахъ они видѣли вѣрное средство получить всевозможныя выгоды, — и дѣйствительно Спарта не пощадила бы

(*) Thucyd. IV, 46. Ср. также Herod. VII, 135.

ничего для возвращенія своихъ гражданъ, если бы въ это время не случились такія обстоятельства, которыя должны были совершенно измѣнить ходъ дѣлъ.

Въ Спартѣ въ эти критическія минуты дѣйствуетъ мужъ, котораго по-исгнѣ можно назвать великимъ, и который представляетъ едва ли не лучшую личность во всей спартанской исторіи: только Бразиду обязана Спарта тѣмъ, что перевѣсъ Аѳиничъ не довелъ ее до крайности. Мы можемъ судить о немъ по тѣмъ великимъ подвигамъ, которые совершилъ онъ въ своей кратковременной жизни. Съ превосходными полководческими талантами соединялъ онъ прозорливость государственнаго чловѣка, и во всѣхъ предпріятіяхъ обнаруживалъ смѣлость, не преступавшую однако границъ благоразумія, и чрезвычайное соображеніе. Въ этомъ отношеніи на ряду съ нимъ можно поставить еще Лизандра; но въ убѣжденіяхъ того и другаго проходило большое различіе. Лизандръ былъ чловѣкъ въ высшей степени честолюбивый и очень опасный для Спарты, потому что его политическія сочувствія стояли въ прямой противоположности съ старыми формами Спартанскаго государства. Отсюда его честолюбіе носило эгоистическій характеръ. Бразидъ, напротивъ, представлялъ собою чистаго спартіата, котораго политическія убѣжденія вполне совпадали съ коренными условіями Спартанской общины; честолюбіе его вращалось въ предѣлахъ, назначенныхъ законами Спарты. Его стремленія не носили въ себѣ никакихъ личныхъ цѣлей, и клонились только къ тому, чтобы поставить Спарту во главѣ греческихъ племенъ на правахъ гегемоніи героическаго періода. Онъ стоялъ, слѣдов., въ такихъ отношеніяхъ, что государство доврчиво могло поручать ему всѣ дѣла. Короче: Бразидъ былъ олицетвореніемъ спартанской политики. Онъ отличался благородствомъ характера, справедливостью, умеренностью, и, что особенно выдѣляло его изъ всѣхъ Спартанцевъ—болѣе снисходительнымъ, мягкимъ воззрѣніемъ на другихъ Грековъ, на которыхъ его сограждане смотрѣли почти какъ на илотовъ: Бразидъ привыкъ уважать каждую личность, цѣнить каждого Грека въ исполненіи его долга. Его нравственность чужда была тѣхъ пороковъ, которые въ это время уже помрачали его

современниковъ. «Обманъ подъ благовиднымъ предлогомъ, — говорилъ онъ,— болѣе приносить безчестія, нежели открытое насиліе, ибо последнее зависитъ отъ силы, которая есть даръ природы или счастья; первый же основанъ на вѣроломствѣ и измѣнѣ, чтó составляетъ горькія язвы въ человѣческихъ обществахъ» (*). Не смотря на свое спартанское происхожденіе, Бразидъ отличался—по свидѣтельству самого Фукидида—хорошимъ даромъ слова (**).

Въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, Бразиду поручено было отправиться съ войскомъ на еракійскій берегъ, чтобы отвлечь силы Афинянъ въ противоположную сторону. Этотъ важный планъ былъ, вѣроятно, составленъ имъ самимъ. Въ первый годъ 89-й олимпіады онъ выступилъ изъ Коринва съ небольшимъ войскомъ (менѣе 2000), и двинулся чрезъ Беотию, Фокиду, Локриду и Тессалию на подкрѣпленіе халкидскихъ и бореискихъ городовъ.

Это предпріятіе Бразиды было полезно въ другомъ отношеніи: оно служило средствомъ для отдаленія отъ Спарты болѣе близкой опасности, находившейся внутри государства (*). Число илотовъ въ Спартѣ было чрезвычайно велико и положеніе ихъ было не совсѣмъ выгодное: Спартіаты обращались съ ними очень сурово, хотя, впрочемъ, вовсе не такъ жестоко, какъ рассказываютъ древніе (**). Если господа ихъ обращались съ ними дико, то тѣмъ не менѣе были дики и сами илоты: они одичали не столько отъ суроваго обращенія, сколько отъ непрерывной ненависти и тайной вражды, которую питали къ своимъ повелителямъ. Эта дикость илотовъ приносила Спартанцамъ большую пользу на войнѣ, особенно когда въ награду имъ обещана была свобода; но, съ другой стороны, илоты, пока не участвовали въ войскѣ, были для Спарты самымъ опаснымъ домашнимъ врагомъ, и граждане прибѣгали иногда для уменьшенія числа ихъ къ средствамъ весьма безчеловѣчнымъ. Фукидидъ рассказывалъ намъ одинъ

(*) Thuc. IV, 86 etc. (**) Thuc. IV, 84. ἡ δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὡς λοξεδαμόνιος εἰπείν (3) Thuc. IV, 80. (4) См. мою статью о Ликурговомъ законодательствѣ въ N 7 Москвитянина за 1853-й годъ.

изъ способовъ, которыми Спартанцы избавлялись отъ илотовъ. Не задолго предъ походомъ Бразида, Спартанцы составили изъ илотовъ значительный корпусъ, и, подъ обещаніемъ свободы, повели его на войну. Возвратившіеся илоты дѣйствительно были признаны свободными: Спартанцы надѣли на нихъ вѣнки—символь свободы, и повели въ храмъ, чтобы принести благодарственную молитву; но изъ храма освобожденные илоты болѣе не возвращались. На первый взглядъ покажется довольно страннымъ, что этотъ случай не подѣйствовалъ на тѣхъ илотовъ, которые привлечены были въ войско Бразида тоже обещаніемъ свободы. Но пристально всмотрѣвшись въ дѣло, мы увидимъ, что илоты увлеклись при этомъ предпріятіи не мнимымъ освобожденіемъ, а личностью Бразида, слава котораго достигла даже береговъ Сициліи (*). Уваженіе къ нему заставило ихъ забыть участь своихъ предшественниковъ: они твердо были убѣждены, что Бразидъ не измѣнитъ своего обещанія, и вѣроломства отъ него ожидать было невозможно. И такъ этотъ наборъ илотовъ былъ выгоденъ для Спартіатовъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ случаѣ побѣды, и въ случаѣ пораженія. Если они будутъ истреблены, то число ихъ въ Спартѣ значительно ослабѣетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдов., уменьшится и опасность отъ илотовъ; кромѣ того, умирая на полѣ битвы, илоты жергвуютъ собою за спартанскихъ гражданъ, которыхъ и такъ было не много. Въ случаѣ побѣды выгода очевидна: она заключается въ самой побѣдѣ и ея результатахъ. Спартанцамъ нужно будетъ только придумать тогда средство, какъ бы, подъ благовиднымъ предлогомъ, нарушить свое обещаніе относительно свободы: отравить ли возвратившихся илотовъ ядомъ въ хлѣбъ, или отвести имъ такое мѣсто для поселенія, которое скоро опять поставило бы ихъ въ полную зависимость отъ господствующаго сословія.

Подробное описаніе Бразидова похода, которое можно найти у Фукидида, важно преимущественно въ военномъ отношеніи, но само въ себѣ не имѣетъ особенной занимательности. Для всеобщей исторіи нужны только главнѣйшіе результаты предпріятія и его общій характеръ, по-этому для

(* Thuc. IV, 81.

насъ достаточно будетъ сказать, что Бразидъ счастливо прибылъ во Фракію, и страну за страну отбиралъ у Аѳинянь. Этотъ походъ болѣе, нежели всѣ другія событія, показалъ, что въ Пелопоннесской войнѣ рѣшался вопросъ: приметъ ли Греція новыя идеи центральной власти, развиваемыя Аѳинами, или останется еще на нѣсколько времени въ быту племенномъ? Мы видимъ, что въ городахъ халкидскихъ самый демось склоняется на убѣжденія Бразиды и отдѣляется отъ Аѳинъ, какъ скоро Бразидъ объявилъ, что онъ не намѣренъ отнимать власти у народа и поручать ее немногимъ, что онъ пришелъ избавить ихъ отъ ига аѳинскаго, а не поддерживать какую-нибудь партію, или производить возмущенія. Особенно хотѣлось ему овладѣть Амфиполемъ на Стримонѣ, откуда Аѳиняне получали корабельный лѣсъ и благородные металлы (1). Предпріятіе удалось какъ нельзя лучше. Историкъ Фукидидъ, отправленный Аѳинянами на защиту этого города, опоздалъ, и подвергся за это изгнанію. Успѣхи Бразиды склонили Аѳинянь къ перемирію; да и Спартанцамъ хотѣлось возвратитъ своихъ согражданъ, захваченныхъ на Фактеріи и все еще находившихся въ Аѳинахъ. Перемиріе было заключено на годъ, и въ условіяхъ положено возвратитъ другъ другу всѣ мѣста завоеванныя въ этомъ походѣ. Но Спартанцы не думали держатъ свое слово, и по истеченіи года война началась снова.

Не трудно предсказать, за кѣмъ останется побѣда, если только обратитъ вниманіе на то, какого полководца противопоставили Бразиду Аѳиняне. Вся честь счастливаго окончанія пилосскаго дѣла—въ глазахъ народа принадлежала Клеону и Аѳиняне весьма естественно перемѣнили свое дурное мнѣніе о кожевникѣ (*βυσσοδέψης*): они теперь видѣли въ немъ искуснаго полководца, достойнаго соперника Бразиду. Клеонъ и самъ былъ не прочь отъ такого высокаго сознанія въ своихъ достоинствахъ и воинскихъ талантахъ, особенно когда ему посчастливилось сначала возвратитъ нѣсколько земель, завоеванныхъ Бразидомъ. Онъ уже смѣло подступалъ теперь къ Амфиполю, въ надеждѣ взять и его; но здѣсь встрѣтилъ его

(1) Ср. *Forbiger's Abriss der alt. Geogr.* p. 462; а также *Niebuhr's Vortr. über alt. Länd. u. Völkerkunde.* p. 233 et sqq.

самъ Бразидъ. Происшедшее здѣсь сраженіе, весьма незначи-
тельное по числу сражавшихся, имѣло важныя послѣдствія:
оно повело къ такъ называемому Никіеву миру. Въ амфиполь-
ской битвѣ (3, 89 ол.) ясно выказались великія полководческія
соображенія Бразиды и совершенное отсутствіе военнаго
пониманія въ Клеонѣ. При первомъ манѣврѣ спартанскаго
войска аѳинскій полководецъ растерялся и приказалъ отсту-
пать; несвоевременное отступленіе поразило Аѳинянъ паничес-
кимъ страхомъ, и они предались бѣгству. Пораженіе было
ужасное: множество Аѳинянъ было убито, еще болѣе потонуло
въ Сгримонѣ или попало въ плѣнь; Клеонъ палъ при на-
чалѣ битвы. Но и Спартанцы дорогою цѣною купили эту
побѣду: они лишились своего великаго вождя. Тяжело ранен-
ный вынесенъ былъ Бразидъ съ поля битвы въ Амфиполь, и
только нѣсколькими часами пережилъ торжество Спартанцевъ.
Жители Амфиполя погребли его съ необыкновеннымъ торже-
ствомъ на главной городской площади, положили ежегодно
совершать въ память его игры, почтили названіемъ своего
основателя, и уничтожили всѣ памятники настоящаго основа-
теля амфипольской колоніи, Аѳинянина Агнона ⁽¹⁾. Это обстоя-
тельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ той мысли, что
одни только Аѳины,—скажемъ болѣе,—только демагоги въ
Аѳинахъ проводили новое направленіе; народная же масса, т.-е.
демократія вообще, приставала къ нему по стольку, по
скольку увлекалась этими демагогами. Учрежденія Амфиполя,
какъ колоніи аттической, были демократическими, и, не смотря
на это, онъ вмѣстѣ съ халкидскими городами принимаетъ съ
такимъ энтузіазмомъ сторону олигархической Спарты. Опять
здѣсь нѣтъ борьбы аристократіи съ демократіей.

Спартанцы между тѣмъ выслали Бразиду подкрѣпленіе
подъ начальствомъ Рамфія, Автокариды и Эникидады. Они
вступили уже въ Тессалію, когда услышали о смерти Бразиды.
Почитая себя неспособными преслѣдовать планы своего вели-
каго предшественника, спартанскіе полководцы посѣщили
удалиться въ Пелопоннесъ. Около этого же времени Аѳиняне

(1) Thuc. V, 11.

сдѣлали нападеніе на Беотію и укрѣпили здѣсь городъ Делій. Это предпріятіе было весьма опасно для Беотійцевъ: они выступили противъ Аѳинянъ и разбили ихъ на голову; Делій долженъ былъ сдаться. Оба эти пораженія, амфипольское и делійское, подготовили Никіевъ миръ. Аѳины потеряли всякую надежду на владычество въ Греціи, и съ часу на часъ ожидали всеобщаго возстанія своихъ союзниковъ. Охранительная партія, такимъ образомъ, одержала перевѣсъ, и въ третьемъ году 93-й олимпіады Никій заключилъ миръ, послужившій предметомъ Аристофановой комедіи «εἰρήνη». Препятствій къ этому миру со стороны аѳинскихъ союзниковъ быть не могло, ибо Аѳины стояли къ нимъ въ такомъ отношеніи, что тѣ вовсе почти не имѣли своего голоса. Другое дѣло было относительно союзниковъ Спарты, которые всѣ имѣли на общемъ сеймѣ равно сильный голосъ: они не чувствовали никакой наклонности къ миру, а Коринѣи и Беотія, къ которымъ пристала также Мегара, не хотѣли даже и слышать о немъ. Спарта поступила при этомъ совершенно деспотически: не относясь къ союзникамъ, она заключила съ Аѳинянами миръ и за себя и за нихъ. Это обстоятельство возбудило въ Пелопоннесцахъ неудовольствіе къ Спартѣ, и потому миръ не имѣлъ прочнаго основанія и былъ не болѣе, какъ продолжительнымъ перемиріемъ.

Спарта желала мира по слѣдующимъ побужденіямъ. Между Спартою и Аргосомъ, еще со времени первыхъ дорійскихъ поселеній, шла вражда, которая прервана была пятидесятилѣтнимъ перемиріемъ. Это перемиріе, вѣроятно, имѣло мѣсто послѣ ужаснаго пораженія Аргосцевъ спартанскимъ царемъ Клеоменомъ, когда древнее дорійское народонаселеніе Аргоса было почти все истреблено. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Аргось, не смотря на свое дорійское происхожденіе, былъ, въ разсматриваемое нами время, государствомъ демократическимъ ⁽¹⁾, ибо по истребленіи Дорійцевъ, право гражданства дано было множеству рабовъ, которые представляли потомство древнихъ Ахейцевъ. Во время Никіева мира срокъ пятидесятилѣтняго перемирія подходилъ къ концу,

(1) Kortum. p. 125.

и Спартанцы, естественно, должны были опасаться, что Аргось, котораго народонаселеніе значительно увеличилось въ этотъ промежутокъ времени, соединится съ Аѳинами. Спарта, такимъ образомъ, станетъ тогда между двухъ огней: Аѳинянами въ Пилосъ и Киоерь, и Аргосцами на съверъ Пелопоннеса. Къ этому легко можетъ присоединиться возстаніе илотовъ, и тогда гибель Спарты неизбежна, тѣмъ болѣе, что въ ней уже не было Бразида.

Условія Никіева мира были не многосложны. Завоеванія, сдѣланныя другъ у друга противниками, должны быть возвращены. Аѳины по этой статьѣ должны были получить завоеванные Бразидомъ города халкидскіе. Съ своей стороны Аѳиняне обещали отпавшимъ союзникамъ совершенную амнестию, признавали ихъ автономію и опредѣляли брать съ нихъ налоги по узаконенію Аристиды. Далѣе: положено было размѣняться плѣнными. Этотъ пунктъ имѣлъ особенную важность для Спарты, которая должна была получить въ силу его 290 Спартіатовъ, взятыхъ на Сфактеріи.

Спартанскіе союзники протестовали противъ этого мира и не хотѣли принять въ немъ участія. Беотійцы заключили съ Аѳинами отдѣльное перемиріе на десять дней, съ тѣмъ условіемъ, что, если въ это время ничего не будетъ опредѣлено положительно, то срокъ перемирія отнесется еще на десять дней. Съ Коринѳомъ вовсе не было переговоровъ.

Ни со стороны Аѳинъ, ни со стороны Спарты не были въ точности выполнены условія мира. Аѳиняне принялись было сначала за исполненіе договора, и уже освободили плѣнныхъ, но Спартанцы поступили иначе: они, правда, вывели свои гарнизоны изъ Амфиполя и другихъ городовъ ѳракійскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ настроили жителей не вступать въ аѳинскій союзъ. Спартанцы объявили Аѳинянамъ, что они сдѣлали свое дѣло, и настоятельно требовали сдачи Пилоса. Аѳиняне медлили и дожидались возвращенія крѣпости Панакта, которая отнята была у нихъ Беотійцами при содѣйствіи Спартанцевъ. Последніе объявили, что возвращенія этой крѣпости они на себя не берутъ, ибо ею владѣютъ Беотійцы. Вѣроломство Спарты было очевидно, но Аѳиняне все еще вѣрили въ ея искренность,

и отдельнымъ союзомъ съ нею изумили всю Грецію. Целью этого союза между двумя кровными врагами, и при томъ гегемонами греческихъ племенъ, было взаимное содѣйствіе въ войнѣ съ общими непріятелями. Произведенное этимъ союзомъ впечатлѣніе на Грековъ было для Спарты весьма невыгодно: всѣ союзники ея думали, что они совершили этотъ противоестественный подвигъ съ тѣмъ, чтобы удобнѣе поработить всѣхъ Пелопоннесцевъ. Спарта вдругъ была оставлена всеми союзниками. Коринѣяне и Беотійцы почитали себя чрезъ этотъ союзъ проданными аѣнскому мщенію. Аргосъ также поднялъ голову, и съ нѣкоторыми аркадскими, ахейскими и элейскими городами составилъ противъ Спарты лигу, къ которой примкнулъ Коринѣи и города халкидскіе во Фракіи. Но если между Спартою и Аѣнами не возможенъ былъ миръ, то тѣмъ менѣе могъ существовать союзъ. Спартанцы скоро помирились съ Коринѣемъ и Беотіею и не переставали въ то же время возмущать противъ Аѣнлянъ города халкидскіе. Панактъ, правда, былъ сданъ Аѣнамъ, но совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ завоеванъ: Беотійцы разрушили его до основанія, и Аѣнляне подъ именемъ Панакта получили кучу камней. Они справедливо могли жаловаться и требовать удовлетворенія. Такимъ образомъ, союзъ съ Спартою хотя наружно и сохранялся, но внутри чувствовалось совершенное разъединеніе. Фукидидъ прямо говоритъ, что тѣ ошибаются, которые почитаютъ этотъ семилѣтній періодъ временемъ мира, ибо война почти нисколько не прекращалась между второстепенными врагами. Аѣнляне смолкли на время, потому что въ нихъ въ эту минуту не было личности, которая заставляла бы ихъ опять преслѣдовать идеи центральной власти, которая бы опять сообщила имъ новое направленіе. Разъединеніе двухъ бытовъ снова не замедлило бы разрешиться въ борьбу двухъ племенъ и двухъ началъ, если бы на площади аѣнской явилась вдругъ гениальная личность въ родѣThemistocles или Перикла. Личность была уже готова: она созрѣла въ демонической натурѣ Алкивіада.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ВОЙНА ПЕЛОПОННЕССКАЯ.

Опытъ историческаго изслѣдованія по источникамъ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

Характеристика Алкивиада и его значеніе.—Война Спарты съ Аргосомъ.—Дѣло мелосское. — Сицилійская экспедиція: ея характеръ и значеніе; участіе въ ней Алкивиада.—Географическій и этнографическій обзоръ Сициліи; краткое взлженіе ея древнѣйшей исторіи.—Вторая экспедиція Аѳинявъ въ Сицилію. — Дѣло о гермахъ.—Положеніе Аѳинявъ въ Сициліи. — Исходъ сицилійскаго предпріятія.—Алкивиадъ въ Спартѣ. — Состояніе Аѳинъ послѣ сицилійскаго пораженія. — Реформа въ Аѳинахъ. — Антифонъ Рамнійскій, Тераментъ, Пизандръ и Фригхъ.—Вторая реформа въ Аѳинахъ. — Последніе годы Пелопоннесской войны. — Перевъсъ Аѳинъ. — Эгось-потамосская битва. — Паденіе Аѳинъ.

Алкивиадъ составляетъ одно изъ тѣхъ духовныхъ явленій въ исторіи, которыя рѣшаютъ судьбу цѣлаго человѣчества. Много было говорено о немъ и древними и новыми писателями, но можно смѣло сказать, что вѣрнаго опредѣленія этой личности нѣтъ нигдѣ. Какъ древніе, такъ и новые историки произносятъ надъ нимъ совершенно различныя приговоры. По однимъ Алкивиадъ былъ чловѣкъ малозначущій, прекрасной наружности, веселаго до буйства характера, такъ сказать, Ловеласъ древняго міра. Иные присоединяютъ сюда такія черты, которыя обезславливаютъ Алкивиада, ставятъ его на низшую ступень въ родѣ чловѣческомъ. Фукидидъ, не имѣвшій особенныхъ побужденій ни презирать, ни любить Алкивиада, говоритъ положительно, что это была гениальная личность, въ рукахъ когорой гнѣздилась судьба Аѳинскаго народа, что она могла дать Пелопоннесской войнѣ совершенно иной оборотъ, если бы только не отдѣлилась отъ своего отечества, и наконецъ, что она одна нанесла Аѳинской республикѣ

рѣшительный ударъ. Такой же приговоръ, какъ должно думать изъ указанія Корнелія Непота, произносили надъ Алкивиадомъ Теопомпъ, жившій нѣсколько позднее Фукидида, и Тимей, писавшій вскорѣ послѣ Агаѳокла ⁽¹⁾. Аристофанъ въ немногихъ словахъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно вѣрно опредѣляетъ характеръ и современное значеніе этой личности: *οὐ χροῖ λέοντος σχύμιον ἐν πόλει τρέφειν* (не должно львенка воспитывать въ государствѣ), или: *μάλιστα μὲν λέοντα μὴ ἐν πόλει τρέφειν, ἢ ἐν δ' ἔκτρεφῆ τις, τοῖς τρόποις ὑπηρετεῖν*. (Льва лучше не воспитывать въ государствѣ, нежели, воспитавши, прыгать передъ нимъ на заднихъ лапкахъ ⁽²⁾). Этотъ приговоръ заключаетъ въ себѣ все, чтѣ можно сказать объ Алкивиадѣ. Въ явленіи такого существа въ демократическомъ государствѣ должно видѣть, по мнѣнію Аристофана, большую опасность; но если оно уже есть, то должно ему подчиниться, сливаться съ нимъ, а не противодѣйствовать ⁽³⁾.

Воспитанный въ отрицательной школѣ Сократа, Алкивиадъ явился полнымъ отрицаніемъ современнаго ему порядка вещей. Это отрицаніе проходило по всѣмъ слоямъ его внутренняго бытія, и оттого ни въра, ни государство въ тогдашней формѣ, болѣе близкой къ племенному быту, ни законы чело-вѣческой нравственности не могли найти себѣ признанія въ душѣ Алкивиада. Пребываніе въ обществѣ Перикла должно было развить въ немъ чрезвычайно честолюбивыя стремленія, которыя, соединившись съ склонностью всеобщаго отрицанія, породили высочайшій эгоизмъ. Другую такую-же эгоистичную личность трудно подыскать въ исторіи. Алкивиадъ видѣлъ только одного себя, остальные же люди и насѣкомыя было для него одно и то же: признаніе личности другаго не находило себѣ мѣста въ его убѣжденіяхъ. По этому Нибуръ справедливо называлъ такой характеръ *φύσις τυραννικῆ*, а не *πολιτικῆ*. Алкивиадъ и самъ хорошо сознавалъ свою чарующую натуру, и это сознание своего исключительнаго я опредѣляло его образъ дѣйствій и дѣлало неразборчивымъ въ средствахъ. Нибуръ сравниваетъ его съ Цезаремъ; но въ семъ последнемъ отрицательное

⁽¹⁾ C. Nepot. in Alc. XI.

⁽²⁾ Aristoph. Ran. ⁽³⁾ Ср. Niebuhr's—Vortr. über alt. Gesch. Т. II, p. 108.

начало не такъ полно, своеобразное я не такъ исключительно, какъ въ Алкивиадѣ. Правда, что Цезарь съ первой своей молодости выступаетъ разрушителемъ гражданскихъ законовъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Цезарь не могъ слиться съ современнымъ ему государствомъ, не могъ вынести состоянія подь закономъ: онъ уклоняется отъ закона, стремится стать выше; но до извѣстнаго періода его жизни это стремленіе есть дѣло второстепенное. Вообще можно сказать, что до своего консульства Цезарь былъ гражданиномъ римскаго государства. При томъ онъ былъ человекъ практически выработавшій свое я въ формахъ и занятіяхъ своего государства. Для Алкивиады, напротивъ, не существовало никакого закона; дѣлами государственными занимался онъ мимоходомъ, по скольку это давало пищи его эгоизму. «Я открываю вамъ, граждане, говорилъ онъ, убѣждая Аѳинянь предпринять походъ въ Сицилію,—что то, что дѣлаетъ меня знаменитымъ, приноситъ неизмѣримую пользу отечеству. Слава, заработанная мною на олимпійскихъ играхъ, возвышаетъ Аѳинское государство въ глазахъ нашихъ враговъ, которые послѣ мантинейской битвы воображаютъ его погибшимъ.... Огромныя траты, которыя дѣлаю я на праздникахъ и пирахъ, кромѣ того, что справедливы и законны, заставляютъ иностранцевъ удивляться и возвышаютъ наше государство.» Когда Никій, отклоняя Аѳинянь отъ сицилійской экспедиціи, старался показать имъ, что она удовлетворяетъ только интересы частныхъ людей, — ея виновниковъ, т.-е. Алкивиаду, а не государство, Алкивиадъ отвѣчалъ: «большой бѣды не будетъ, если я и извлеку нѣкоторую выгоду изъ того, что принесетъ прибыль нашему отечеству: мое государство будетъ торжествовать тамъ, гдѣ восторжествую я» (1). Такого рода убѣжденія показываютъ, что Алкивиадъ не принадлежалъ государству, что всѣ силы государства подчинялъ онъ своимъ личнымъ цѣлямъ: государство должно было возрастать по мѣрѣ того, какъ шире раскидывались его личные интересы. Аѳины были въ Алкивиадѣ, но не Алкивиадъ въ Аѳинахъ. Въ немъ олицетворился предѣлъ человеческого могущества, — что личность одного человека

(1) Thuc. VI, 16 et seqq.

можетъ совершать иногда гораздо больше, нежели счастье и политика цѣлыхъ государствъ. Вліяніе его на Аѳинянь было чрезвычайное: нужно ли уговорить гражданъ или запугать какими-нибудь угрозами, — никто на это не былъ способенъ больше Алкивіада. Онъ обмандалъ въ высшей степени всѣми качествами, необходимыми для демагога въ это время; какъ убедительно было его слово, можно судить — если бы даже Эукидидъ и не сохранилъ намъ многихъ рѣчей Алкивіада — изъ слѣдующаго обстоятельства: когда онъ воротился въ Аѳины, причинивши имъ столько зла, и защищалъ въ народномъ собраніи свое прежнее поведеніе, всѣ присутствовавшіе тронуты были до слезъ и объявили себя врагами тѣхъ, кто былъ виновникомъ его изгнанія: какъ-будто народъ, рыдавшій въ эти минуты, былъ не тотъ самый, который некогда осудилъ Алкивіада за кощунство (x)!. Отъ наружной красоты до способности вкрадываться въ сердца людей, до талантовъ воинскихъ, — все въ изобиліи заложено было въ эту натуру. При войскѣ онъ былъ незамѣнимъ. Перевернуть по своей мысли иноземное государство, стать его главнымъ органомъ, — для Алкивіада ничего не стоило.

Но какимъ образомъ могла привязываться къ нему судьба Аѳинской общины? Можно сказать, что Фемистокль, Аристидъ, Кимонъ, Перикль составляли особый циклъ правительственныхъ личностей, воздѣлывавшихъ, безсознательно, на почвѣ Греціи съмена новаго, болѣе государственнаго порядка, — порядка, основаннаго на тяготѣніи частей къ общему центру. Мы уже имѣли случай замѣтить, что эти новыя идеи были исключительнымъ достояніемъ только нѣкоторыхъ индивидуальныхъ умовъ, и не могли привиться къ цѣлой массѣ народа: съ аристократіею они стояли въ противорѣчій; но вмѣстѣ съ тѣмъ не всегда были дружны и съ демократіею, хотя почва демократическая была для нихъ болѣе благодарна. Заботясь о введеніи новаго порядка, этотъ классъ правительственныхъ людей болѣе и болѣе отрывалъ народъ отъ воспоминаній старины, отъ быта племеннаго, и ко времени Алкивіада значительно успѣлъ въ своей работѣ, такъ что *по-старинѣ* государство

(x) Nepot. Alc. VI; Xenoph. hist. I, 4.

Аѳинское существовать теперь рѣшительно было не способно. Еще менѣе оно могло само-по-себѣ жить въ новомъ направленіи, ибо демагоги, приводя новыя идеи, не дали имъ никакой прочной основы, никакой новой соответственной имъ формы: понятіе о центральной власти они думали заключить въ узкую форму племеннаго быта, демократію, съ которой оно было несовмѣстимо, и которая уже отжила свое блестящее содержаніе. Такимъ образомъ Аѳинское государство жило теперь по столькоку, по сколько питали его великіе государственные таланты: сходили въ могилу этѣ великія личности, и Аѳины оставались безъ главы, теряли всякій порядокъ и должны были погибнуть. Они могли еще продлить свое существованіе только при помощи тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя заготовлены были въ нихъ тѣмъ же новымъ направленіемъ. Аѳины находились теперь въ состояніи того больнаго, котораго возрожденіе къ новой жизни зависитъ отъ искусства и неусыпной бдительности врача. Эта роль врача, по естественному ходу аѳинской исторіи, выпадала на долю Алкивіада. Ни въ искусствѣ, ни въ счастьѣ отказать ему нельзя: то и другое служило ему въ высшей степени; но въ немъ чувствовался недостатокъ въ постоянствѣ, въ твердыхъ убѣжденіяхъ. Если бы въ лицѣ Алкивіада выступилъ второй Перикль, посвящавшій все существо свое новому направленію, и если бы сюда присоединилось сознаніе Алкивіада, — то аѳинская исторія, а съ нею и исторія всемірная, получила бы иной оборотъ: быть можетъ, въ Афинахъ и въ цѣлой Греціи, если бы удалась сицилійская экспедиція — а въ этомъ нельзя было и сомнѣваться, когда душою предпріятія былъ Алкивіадъ, — произошелъ бы тотъ-же переворотъ, какой мы видимъ въ Римѣ при Августѣ, и Филиппу Македонскому нечего тогда было бы дѣлать въ Греціи. Но Алкивіадъ былъ другаго характера: соединяя въ себѣ начало всеобщаго отрицанія съ единственнымъ признаніемъ своего исключительнаго я, онъ не выносилъ никакихъ твердыхъ, постоянныхъ убѣжденій, потому что мѣсто отринутаго ничѣмъ другимъ не было наполнено, кроме эгоизма. Отсюда его постоянное колебаніе, отсюда нѣкоторая безсовѣстность въ дѣйствіяхъ. Полагая, что старый порядокъ болѣе удовлетворитъ его эгоизму, Алкивіадъ

является въ кругу охранителей старины и поддерживаетъ Никія въ его стремленіяхъ къ миру со Спартою. Но Алкивіадъ слишкомъ молодъ; Спарта лучше хочетъ имѣть дѣло съ солиднымъ Никіемъ, нежели съ этимъ разгульнымъ и еще неопытнымъ мальчикомъ. Этого было достаточно, чтобы поднять въ Алкивіадѣ всю желчь оскорбленнаго самолюбія, перемѣнить его образъ мыслей и дѣйствій, и сдѣлать его врагомъ аристократіи и Спартанцевъ, прямыхъ защитниковъ племеннаго быта. Ставши на сторонѣ демократовъ, онъ тотчасъ сдѣлался демагогомъ, но уже не такимъ, какъ Перикль: хотя послѣдній и проводилъ новыя идеи, не совмѣстимыя съ демократіею, но тѣмъ не менѣе весь былъ преданъ демократическому началу; Алкивіадъ не признавалъ и демократіи. Явившись въ такой крайней степени органомъ новаго направленія, врагомъ Спарты, аристократіи, да не большимъ другомъ и демоса, Алкивіадъ повелъ Аѳины къ такимъ союзамъ, которые противорѣчили интересамъ Спарты, и преимущественно удовлетворяли его личнымъ видамъ. Онъ убѣдилъ Аѳинянь заключить союзъ съ Аргосомъ, куда естественно примкнули Мантинейцы, Элійцы и другіе; а Спартанцы вели въ это время войну съ Аргосцами. Спартанскіе послы и Никій напрягали всѣ силы, чтобы воспрепятствовать этому союзу; но ничто не помогло: Алкивіадъ обманулъ пословъ, заподозрилъ Никія, и уговорилъ Аѳинянь отправить Аргосу вспомогательный отрядъ. На этотъ разъ до рѣшительной битвы дѣло не дошло: царь спартанскій Агисъ заключилъ съ аргосскими полководцами перемиріе, которое возбудило неудовольствіе и въ Аргосъ и въ Спарту, гдѣ даже хотѣли за это разрушить домъ Агиса. По этому война опять скоро открылась, и въ битвѣ при Мантинѣ Спартанцы одержали рѣшительную побѣду, результатомъ которой было распаденіе аргосскаго союза и введеніе въ Аргосъ олигархіи. Но олигархія не удержалась долго и послѣ кровавой революціи смѣнена была демократіею (4, 90-й ол.). Съ этихъ поръ Аргосъ дѣлается театромъ страшныхъ беспорядковъ, можно сказать—совершенной анархіи.

Нибуръ слишкомъ пристрастенъ къ Аѳинянамъ, когда говоритъ, что онъ одни въ этой войнѣ не несутъ укора въ

безчеловѣчныхъ поступкахъ ⁽¹⁾, которыми такъ ознаменовали себя Спартанцы и другіе Греки ⁽²⁾. Мы позволимъ себѣ не согласиться на этотъ разъ съ глубокомысленнымъ историкомъ, и изъ множества примѣровъ жестокости Аѳинянъ, приведемъ одинъ, достаточно опровергающій, по нашему мнѣнію, слова Нибура. Мы разумѣемъ здѣсь завоеваніе острова Мелоса. Мелось, не смотря на свое лакедемонское происхожденіе, сохранялъ въ Пелопоннесской войнѣ нейтралитетъ; Аѳинямъ хотѣлось, чтобы онъ принялъ ихъ сторону, и съ этою цѣлю, не за долго до сицилійскаго похода, они отправили къ Мелосу эскадру изъ 38 кораблей, съ 2700 оплитовъ, 300 пѣшихъ и 20 конныхъ стрѣлковъ. Какое имѣли они право на это предпріятіе? какой поводъ?—Подслушаемъ весьма интересный разговоръ аѳинскихъ депутатовъ съ правительствомъ Мелоса, сохраненный намъ Фукидидомъ. ⁽³⁾ «Вы должны подчиниться намъ, какъ сильнѣйшимъ, — говорили аѳинскіе депутаты, — ибо этого требуютъ и наши и ваши выгоды: владычествуя надъ вами, мы сохранимъ плоды своихъ побѣдъ, съ другой стороны спасемъ васъ отъ гибели.

— Но какимъ же образомъ, спрашивали Мелосцы, для насъ такъ же будетъ выгодна потеря нашей свободы, какъ для васъ владычество надъ нами?

— Совершенною покорностью вы избавитесь отъ ужасныхъ страданій въ войнѣ съ нами, въ которой всякое сопротивленіе ваше будетъ напрасно; мы же выиграемъ отъ того, что не разоримъ васъ.

— Но не полезнѣе ли Аѳинянамъ имѣть себя друзей въ насъ, нежели враговъ?

— Нѣтъ; ваша неприязнь не повредитъ намъ столько, сколько дружба: послѣдняя послужитъ доказательствомъ нашей слабости и нагубнымъ примѣромъ для нашихъ подданныхъ: они возмутятся, увидѣвши, что мы не въ силахъ были привести васъ въ подданство.

— Не всегда сила рыскаетъ сраженіе: побѣда зависитъ

⁽¹⁾ Niebuhr's Vortr. über alt. Gesch. T. II, p. 60

⁽²⁾ Нелюбовь къ Спартѣ разделяетъ съ Нибуромъ новѣйшій изслѣдователь Гротъ.

⁽³⁾ Thuc., V, 87 et seqq.

отъ храбрости и счастья. Уступка показываетъ, что нѣтъ болѣе никакой надежды, тогда какъ мужественное сопротивленіе еще закрываетъ предъ нами будущность.

— Надежда, обычное утѣшеніе страдальцевъ, хороша, когда нѣтъ уже никакихъ средствъ къ спасенію; но она слишкомъ обманчива, и ея невыгода тогда открывается, какъ скоро все потеряно. Не упорствуйте на этомъ основаніи передъ нами, которые сильнѣе васъ, не питайтесь пустыми надеждами въ то время, когда еще у васъ есть путь къ спасенію: на чудеса люди рассчитываютъ, когда уже имъ недостаетъ человѣческихъ силъ.

— Мы сознаемъ свою слабость предъ вами; но тѣмъ не менѣе думаемъ, что боги рѣшатъ дѣло по справедливости и защитятъ невинныхъ. А также и Лакедемонцы не оставятъ насъ безъ помощи. Такимъ образомъ вы видите, что мы надѣемся не безъ основанія.

— Боги, не менѣе чѣмъ вамъ, будутъ покровительствовать и намъ и потому что нашъ поступокъ съ вами совершенно законенъ и намъ, освященъ обычаемъ. Издавна заведено, что слабый повинуется сильному; это правило не нами выдуманно, а такъ же древне, какъ мѣръ, и съ нимъ и кончится. На нашемъ мѣстѣ вы сами сдѣлали бы то же.»

Этѣ слова достаточно показываютъ намъ, какимъ правомъ руководствовались Аѣиняне при нападеніи на Мелосцевъ: это было право сильнаго. Мы не имѣемъ причины заподозрить этотъ разсказъ, ибо мы знаемъ Фукидиду, какъ горячаго патріота, національное чувство котораго впрочемъ далеко было отъ того, чтобы скрывать грѣхи его согражданъ. Окончаніе мелосскаго дѣла еще невыгоднѣе характеризуетъ Аѣинянъ. Когда Мелось сдался, то всѣ жители, достигшіе зрѣлаго возраста, были умерщвлены, жены и дѣти обращены въ рабство и островъ заселенъ аѣинскими гражданами ⁽¹⁾. Это были уже не тѣ Аѣиняне, которые за нѣсколько лѣтъ предъ симъ провели всю ночь безъ сна, опасаясь, чтобы не приведено было въ исполненіе первое приказаніе относительно Митиленцевъ: такъ быстро война измѣняла самыя челоувѣколюбивыя нравы!

(1) Thucyd. V, 116.

Вследъ за тѣмъ Аѳиняне предприняли походъ въ Сицилію. Этотъ походъ есть одно изъ величайшихъ событій въ древней исторіи, во 1-хъ потому, что далъ возможность старому порядку восторжествовать надъ новымъ, во 2-хъ что значительно расширилъ кругъ знаній древняго человѣка.

Мы не въ правѣ разсматривать войну Аѳинянъ въ Сициліи, какъ событіе отдѣльное отъ войны Пелопоннесской: она составляетъ необходимое, естественное продолженіе послѣдней. Взглянемъ ли мы на ея главный характеръ, на ея дѣятелей, на цѣли противниковъ,—вездѣ замѣтимъ то же, что видѣли въ войнѣ Пелопоннесской. Она вовсе не представляетъ борьбы демократіи съ аристократіею, ибо — какъ мы сейчасъ увидимъ—вся греческая Сицилія, не смотря на родовыя отличія, носила характеръ демократическій. Очевидно, что здѣсь боролась аѳинская гегемонія, развивавшая идеи центральной государственной власти, съ племенною формою быта, автономіею. Въ самомъ Пелопоннессѣ вести борьбу за тотъ или другой порядокъ было въ это время невозможно, потому что силы противниковъ были слишкомъ равны, чтобы дать какой-нибудь сторонѣ рѣшительный перевѣсъ. Каждому противнику въ собственной Греціи хотѣлось увеличить свои средства, чтобы легче одержать побѣду. Предпримчивый духъ Аѳинянъ, руководимый гениемъ Алкивіада, избралъ для этого Сицилію. И выгодѣ этого, дѣйствительно, нельзя было ничего придумать. Еслибы сицилійская экспедиція окончилась удачно, то Аѳины поднялись бы на недостижимую высоту; самъ Фукидидъ признаетъ это (1). Известно, что Сицилія снабжала хлѣбомъ почти весь Пелопоннессъ: понятно отсюда, что еслибъ островъ попалъ въ руки Аѳинянъ, то Коринѣ, Спарта и другіе заклятые враги Аѳинскаго государства, должны были бы признать ихъ первенство и тяготѣть къ Аѳинамъ, какъ къ общему центру. Мы видѣли, что противниками Аѳинъ въ Пелопоннессѣ были и аристократы, и демократы, и Іонійцы, и Дорійцы и другія племена, — короче, всѣ тѣ, кто отстаивалъ племенную автономію. Борьба въ Сициліи шла съ тѣми же соперниками, вмѣшавшими тѣ же самыя цѣли. Фукидидъ говоритъ, что Сиракузяне не

(1) См. рѣчь Алкивіада въ Спартѣ—Thuc. VI, 89 et seq.

были довольны одною побѣдою надъ Аѳинянами: они хотѣли довершить то, что начали Спартанцы и ихъ союзники въ Моревъ, т.-е. истребить Аѳинянь и освободить Грецію отъ ихъ владычества (2). Такимъ образомъ, война въ Сициліи есть непосредственное продолженіе борьбы пелопоннесской, измѣнившей только мѣсто дѣйствій, подобно тому, какъ, напр. въ средніе вѣка мы видимъ борьбу Гвельфовъ и Джибеллиновъ перешедшею изъ Германіи въ Италію.

Обыкновенно говорятъ, не исключая и древнихъ писателей, что сицилійское предпріятіе было дѣломъ Алкивіадовой личности. Но такое мнѣніе несправедливо. По-скольку война Пелопоннесская — какъ мы уже видѣли—была естественнымъ слѣдствіемъ развитія новыхъ политическихъ идей, по-скольку экспедиція сицилійская представляла ея продолженіе,—по-стольку последняя не была дѣломъ какой-нибудь личности, а являлась столь-же неизбежною. Указывая необходимость Пелопоннесской борьбы, мы уже сняли такого рода обвиненіе съ Перикла: личность Алкивіада участвовала здѣсь едва ли болѣе, нежели тамъ личность Перикла. Это участіе выражалось преимущественно въ томъ, что Алкивіадъ былъ способнѣе всѣхъ современниковъ для счастливаго окончанія похода въ Сицилію. Что новымъ театромъ войны избрана была Сицилія, а не другая какая-либо страна,—то это уже вовсе чуждо личнаго дѣла Алкивіада: Аѳиняне, какъ было говорено, давно уже посматривали на этотъ островъ; съ другой стороны—кромѣ Сициліи, не имѣлось никакого государства, гдѣ бы такъ удобно могла рѣшиться вражда стараго порядка съ новымъ. Идеи новаго государства съ центральною властью не могли имѣть въ древнемъ мірѣ, въ мірѣ языческомъ, никакого законнаго основанія, никакого освященія, кромѣ правъ сильнаго; въ дѣлѣ мелосскомъ это очевидно. Отсюда, этотъ новый порядокъ не иначе могъ быть утверждёнъ въ Греціи, какъ при помощи матеріальной силы, завоеваній; но въ самой Греціи и ближайшихъ къ ней земляхъ завоеваній Аѳинянамъ дѣлать было негдѣ: съ Пелопоннесомъ, гдѣ еще сильны были преданія о старинѣ, они не сладили, а въ окрестностяхъ имъ оставалось только нака-

(2) Thuc. VII, 70 et seqq.

зывать отпадавших союзниковъ и подданныхъ. Не даромъ мечтали онъ—т.-е. личности, стоящія въ главѣ Аѳинской республики,—о завоеваніи Италіи, Сардиніи и Керѳагена: этотъ духъ корыстолюбія въ Аѳинянахъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ новаго порядка. Что война перешла въ Сицилію, то это служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что борьба происходила не между аристократією и демократією, а между новымъ направленіемъ и старымъ племеннымъ бытомъ: борьбу демократіи съ аристократією можно было найти въ каждомъ городѣ Греціи; она шла совершенно независимо отъ Пелопоннесской войны. Если Аѳины гдѣ и принимали сторону демократовъ, то это дѣлалось не съ цѣлю поддержать партію, дать ей перевѣсъ надъ олигархами—Аѳины вовсе не были такъ великодушны: они являлись сторонниками демократіи только для того, чтобы распространить надъ извѣстнымъ городомъ свое вліяніе, т.-е. сдѣлать его сначала союзникомъ, а потомъ обратить въ подданство ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, мы должны—вопреки даже самому Фукидиду—согласиться, что сицилійское предпріятіе было не личнымъ дѣломъ Алкивіада, а дѣломъ личности вообще,—личности, какъ главнаго органа новыхъ идей. Конечно, Алкивіадъ извлекъ бы изъ него нѣкоторую, даже, можетъ быть, очень значительную пользу и для себя; но это сдѣлалъ бы всякій, кто бы ни стоялъ на мѣстѣ Алкивіада, и мы готовы сказать вмѣстѣ съ нимъ, что большой бѣды въ этомъ бы не было. Выгоды цѣлаго Аѳинскаго государства отъ завоеванія Сициліи ясны, и самъ Фукидидъ не обвиняетъ его зачинщиковъ: онъ возстаетъ только противъ тѣхъ, кто помѣшалъ удачѣ предпріятія, т.-е. противъ тѣхъ демагоговъ, которые по зависти къ Алкивіаду вызвали его изъ Сициліи, и, борясь въ Аѳинахъ между собою за первенство, оставили экспедицію на произволъ судьбы ⁽²⁾. Роковое значеніе Алкивіада въ этомъ предпріятіи заключалось только въ томъ, что его геніальными способностями обезпечивался счастливый успѣхъ. Въ самую нужную для предпріятія минуту, завистники требуютъ Алкивіада на судъ. Хорошо еще, если

(1) См. рѣчь Гермократа. Thuc. IV, 59 etc.

(2) Thuc. II, 65.

въ этомъ судъ не произнесутъ надъ нимъ смертнаго приговора и ограничатся однимъ изгнаніемъ; но на снисхожденіе своихъ завистниковъ онъ мало полагался, и потому не побхалъ въ Аѳины. Дѣло сицилійское Аѳиняне должны были теперь проиграть: въ немъ погибли всѣ матеріальныя силы Аѳинскаго государства, заготовленныя уже при новомъ направленіи, такъ что для дальнѣйшей жизни въ Аѳинахъ не оставалось почти ни малѣйшаго сока. Только близорукіе думали поправить дѣло возстановленіемъ строгихъ формъ племеннаго быта, — мы разумѣемъ здѣсь всѣ политическія реформы, слѣдовавшія вскорѣ послѣ сицилійскаго несчастія; попытки эти должны были остаться безъ успѣха, ибо въ прежнихъ формахъ не было содержанія: Аѳиняне слишкомъ удалились отъ старины. Возвратившійся Алкивіадъ, по видимому, сочувствовалъ такимъ попыткамъ; но въ средствахъ онъ не былъ разборчивъ, а въ возстановленіи древняго быта онъ видѣлъ весьма удобное средство для своего возвращенія. Фринихъ хорошо понималъ это, когда говорилъ, что едва-ли олигархія нужна Алкивіаду, для котораго, кажется, совершенно безразлично, какое-бы правленіе въ Аѳинахъ ни было (1).

Прежде нежели изложимъ мы главныя обстоятельства похода Аѳинянъ въ Сицилію, взглянемъ на древнѣйшую исторію этого острова.

Въ глубокой древности Сицилія носила названіе Тринакрій. Трудно рѣшить, получила ли она это названіе отъ тройной цѣпи горъ, проходящихъ по ней, — или оно перенесено на нее съ города Сикуловъ, Тринакія. Сицилією-же она была названа отъ народа Сикуловъ, такъ точно, какъ, напр., Италія отъ Италовъ, которые суть ничто иное, какъ тѣ же Сикулы. Преданіе говоритъ, что Сикулы пришли изъ Италіи въ Сицилію, и оттѣснили жившихъ тамъ Сикановъ на сѣверо-западную часть острова. Чтò касается до гигантовъ, киклоповъ и лестригоновъ, населявшихъ будто бы Сицилію до появленія Сикановъ и Сикуловъ, то это чистый мифъ, который отвергнуть даже Фукидидомъ (2). Сикановъ древніе почитали вѣтвью иберійскаго племени, хотя сами себя они называли

(1) Thuc. VIII, 50

(2) Thuc. VI, 2.

аборигенами, автохтонами. Это мнѣніе древнихъ заслуживаетъ вѣроятія, ибо въ основаніи его лежитъ то обстоятельство, что городское народонаселеніе Сардиніи и Корсики принадлежало къ иберійскому племени, которое распространилось также по сѣвернымъ берегамъ Африки, островамъ Балеарскимъ, и, слѣдовательно, легко могло проникнуть въ Сицилію. Фукидидъ отождествляетъ Сикановъ съ Иберами и говоритъ, что Сиканы пришли изъ Иберіи, выгнанные оттуда Лигіями (*). Но такой подвигъ, какъ переплытіе чрезъ большое пространство моря, для Иберовъ, кажется, не былъ возможенъ: мореходствомъ они не славились. И притомъ — почему-же именно прибыли они въ Сицилію, когда къ нимъ гораздо ближе и берега Африки и Балеары? Кажется, будетъ вѣрнѣе допустить, что Сиканы были только иберійскаго племени. Нибуръ, на основаніи тождества окончаній *anus* и *ulus* въ нарѣчіяхъ итальянскихъ, какъ напр. *romanus* и *romulus*, *aequanus* и *aequulus*, — допускаетъ вопросъ: не одинъ-ли и тотъ же народъ скрывается подъ различными именами Сикуловъ и Сикановъ? Кроме того, вопросъ этотъ основанъ на мнѣніи Virgilія, которій Сикуловъ въ Лаціумѣ называетъ Сикалами. Но этотъ вопросъ остается догадкою, потому что въ исторіи оба эти народа проходятъ какъ совершенно различные; быть можетъ, они составляли двѣ вѣтви одного племени. Сикулы — какъ показали новѣйшія изслѣдованія — стояли въ близкомъ родствѣ съ Пелазгами. Они пришли въ Сицилію изъ Италіи, выгнанные движеніемъ Опиковъ. Сикулы нашли на востокъ острова Сикановъ, и въ свою очередь потѣснили ихъ на юго-западъ. Сиканы составили небольшую общину, а Сикулы соединились въ государство, подъ управленіемъ, кажется, одного царя. Города того и другаго племени лежали во внутренности острова (мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ провести рѣзкую грань между ними). Кроме этихъ двухъ народовъ, съ незапамятныхъ временъ находились тамъ небольшія финикійскія поселенія, отчасти по берегамъ, отчасти на прилежащихъ островахъ.

(* Thuc. *ibid.* "Ἰβηρὲς ὄντες καὶ ἀπὸ τοῦ Σικανῶν ποταμοῦ τοῦ ἐν Ἰβηρίᾳ ὑπὸ Λυγίων ἀναστάντες.

Греческія колоніи явились въ Сициліи около начала олимпіады, почти одновременно съ основаніемъ Кротона, и нѣсколько ранѣе Тарента. Колонизація эта совершалась весьма просто: сперва прибывали военныя дружины, а вслѣдъ за ними тянулись и мирные граждане. Колонисты Сициліи представляли чрезвычайно пеструю смѣсь греческихъ племенъ, которыя, впрочемъ, все подходили подъ два главныхъ разряда, Дорійцевъ и Іонійцевъ.

Важнѣйшимъ греческимъ городомъ въ Сициліи были Сиракузы, первоначально называвшіяся—по всей вѣроятности—Сиракуза: форма множественнаго числа должна была произойти въ то время, когда нѣсколько городовъ соединились въ одинъ. Это была коринѣская колонія, выведенная Бакхиадомъ Архиемъ (†). Колонисты поселились первоначально на островѣ Ортигіи, называвшемся на дорійскомъ діалектѣ *νᾶσος* (у Римлянъ то же *Nasos*). Противъ этого острова, на материкѣ самой Сициліи возникъ потомъ пригородъ, Ахрадина (отъ *ἄχρῳς*—дикая груша). Вслѣдъ за тѣмъ возникли два новыхъ предмѣстья, Неаполь и Тиха. Такимъ образомъ, Сиракузы являлись тетраполемъ, въ которомъ Ортигія составляла акрополь. На западъ отъ этого тетраполя въ давнее также время построена была крѣпостца для защиты колонистовъ отъ набѣга туземцевъ; она называлась *Eripolae*. Съ теченіемъ времени тетраполь принялъ ее въ свой составъ, и такимъ образомъ Сиракузы значительно расширились въ объемъ.

Другимъ замѣчательнымъ греческимъ городомъ въ Сициліи былъ Агригентъ (*Ἀκράγας*), дорійская колонія изъ Родоса. По своей величинѣ онъ уступалъ только Сиракузамъ, какъ это видно теперь изъ его развалинъ. На западъ отъ Агригента лежала дорійская-же колонія Селинуеть; на востокъ отъ Агригента находились также дорійскія поселенія: Гела, Камарина, Гераклея при устьяхъ Галлика, Касмены и Акры не далеко отъ морскаго берега.

Къ халкидскимъ колоніямъ въ Сициліи принадлежали слѣдующія:

Древнѣйшимъ поселеніемъ Іонянъ былъ городъ Наксось,

(†) Thuc. VI, 3 et seqq. Göller. de situ et origine Syracusarum. Müller. I. 1.

на восточномъ берегу. На сѣверъ отъ него Цанкла, впоследствии Мессина или Мессана. Когда произошло это измѣненіе въ названіи, — рѣшить трудно; что же касается до саги о Горгошь, сынъ Аристомена, и о Мантиклѣ, то она не выдерживаетъ строгой критики и хронологически невозможна. На сѣверъ отъ Сиракузь находилась Катана. Внутри страны лежали Леонтины, древнѣйшее названіе которыхъ было *Λεοῦς*; *campi leontini* приводятся какъ самыя плодородныя поля (1). На сѣверномъ берегу мы видимъ дорійско-халкидскую колонию, Гимеру, гдѣ впрочемъ преобладали *ὄμιμα χαλκιδικά*.

Къ первымъ по времени поселеніямъ должно отнести Эгесту или Сегесту, лежавшую недалеко отъ Драпана. Народонаселеніе этого города Фукидидъ почитаетъ троянскимъ (2), подъ которымъ должно разумѣть Пеласговъ, низведенныхъ Гротомъ на степень народовъ — миеовъ. Хотя Греки называли Сегестянь варварами, все-же, если мы обратимъ вниманіе на развалины превосходнаго храма Сегесты, на ея монеты, — мы не въ правѣ дать слову варваръ другаго толкованія, кромѣ того, что подъ нимъ заключалось понятіе о не-греческомъ происхожденіи. Если Сегеста была сначала не греческою колоніею, то тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени она совершенно эллинизировалась.

Не болѣе какъ чрезъ три столѣтія, всѣ эти колоніи пришли въ самое цвѣтущее состояніе. Это быстрое развитіе обусловливалось преимущественно слѣдующими обстоятельствами. 1) Греки на первой порѣ своего поселенія образовали въ Сициліи гражданство. 2) Туземцы, т.-е. Сикулы стояли къ греческимъ колонистамъ въ другихъ совершенно отношеніяхъ, нежели, напр., Либійцы къ Киренейцамъ: Сикулы находились въ близкомъ родствѣ съ Греками и по языку и по обычаямъ; колонисты приняли ихъ въ свою общину какъ *δῆμος* — *Pfalbürger*, и такимъ образомъ возникла эта громадная цифра сицилійскаго народонаселенія. Сикулы быстро эллинизировались, легко выучивались греческому языку, усваивали греческія учрежденія и привыкали вообще къ греческому образу жизни. Изъ отношеній колонистовъ къ туземцамъ выработался харак-

(1) Cicero in Verrem act. II, lib. III, cap. 44, § 104 etc. (2) Thuc. VI, 2.

теръ политическаго устройства колоній: всь онъ сначала были аристократическими. Города дорійскіе дѣлились обыкновенно на три вѣтви, іонійскіе-же, вѣроятно, на четыре; это дѣленіе, впрочемъ, касается только города въ значеніи πόλις, — демось-же имѣлъ свои особые отдѣлы — δῆμοι. 3) Всѣ колоніи занимались торговлею и земледѣіемъ. 4) Увеличенію богатствъ особенно содѣйствовали жители собственной Греціи, которыхъ сицилійскіе колонисты снабжали хлѣбомъ. Эта торговля чрезвычайно обширна была въ Сициліи въ эту эпоху, когда еще въ Грецію не привозилось хлѣба черезъ Черное море изъ нашей Украйны. 5) Кромъ того, Карфагенъ въ это время не имѣлъ еще у себя оливковыхъ садовъ, не выписывалъ масла изъ Сициліи. Чтò касается до народонаселенія въ этихъ колоніяхъ, то числа, сообщаемыя намъ древними, на первый взглядъ кажутся внѣ всякаго вѣроятія. Есть, напр., извѣстіе, что народонаселеніе Сиракузъ простиралось до 1,200,000, — число громадное. Столь-же, по видимому, неестественна цифра агригентскаго народонаселенія: по различнымъ показаніямъ она возрастаетъ отъ 200,000 до 800,000. Самыя точныя изслѣдованія относительно объема этихъ городовъ (по ихъ развалинамъ) покажутъ намъ, что Сиракузы едва-ли могли вмѣстить болѣе 200,000, а Агригентъ болѣе 20,000 жителей. Дѣло въ томъ, что этими ужасными цифрами обозначаются не только собственные граждане города, но и всѣ пользующіеся исполніею.

О древнѣйшей исторіи греческихъ колоній въ Сициліи мы не знаемъ почти ничего; нѣсколько положительное знакомство съ нею начинается не за долго до персидскихъ войнъ, когда вообще разсвѣтается мракъ сказаній, скрывающей историческую истину. Въ эту эпоху мы находимъ въ нихъ древніе роды — γαμόροι во враждѣ съ демосомъ. Это былъ не чистый демось, но въ соединеніи съ крѣпостнымъ сословіемъ, возникшимъ по тому случаю, что нѣкоторые изъ туземцевъ были обращены колонистами въ рабовъ. Это различіе между крѣпостными и демосомъ видно изъ выраженія Геродота, который говоритъ, что δῆμος и δοῦλοι καλέμενοι κλλύριοι (1)

(1) Herod. VII, 155.

вмѣстѣ возстали противъ родовъ. Эти киллирій въ Сициліи были, кажется, то же, что первоначально въ Римѣ кліенты. Революція противъ древнихъ родовъ имѣла здѣсь тѣ же слѣдствія, какъ и въ собственной Греціи: съ одной стороны роды старались поддерживать свои устарѣвшія и уже несообразныя съ временемъ притязанія, съ другой—изъ ихъ же среды выступали люди, руководившіе демосомъ, и подъ именемъ тиранновъ пользовавшіеся пожизненною диктатурою, какъ охранители государства, его опекуны. Сообразно съ этими новыми отношеніями возникало въ городахъ и новое устройство.

Въ эпоху, предшествовавшую возмущенію демоса, въ Сиракусахъ мы не встрѣчаемъ тиранновъ. Сиракусы были тогда еще очень незначительны, и на нихъ тяжелымъ гнетомъ лежало управленіе родовъ. Гораздо болѣе значенія имѣлъ въ это время Агригентъ, гдѣ правилъ совершенно баснословный Фаларидъ. Историческаго въ этой личности только то, что она явилась въ главѣ демоса, завладѣла управленіемъ города и господствовала въ западной Сициліи. Еще болѣшую важность имѣла Гела, возвышенная тиранномъ Гиппократомъ, который, кромѣ Гель, правилъ еще Цанклою и Катаню. Онъ былъ убитъ, и власть захватилъ одинъ изъ его офицеровъ, Гелонъ, выступившій въ качествѣ опекуна надъ дѣтьми убитаго правителя. Гелонъ поступилъ съ своими воспитанниками по морали той эпохи: они были умерщвлены, и однако это убійство не помѣшало Гелону остаться добродѣтельнымъ человекомъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ расширилъ объемъ своей власти и задумалъ подчинить себѣ Сиракусы, гдѣ уже шла тогда борьба родовъ съ демосомъ. Гелонъ привялъ сторону первыхъ, и при помощи ихъ пробрался въ городъ. Но однажды завладѣвши городомъ, онъ вовсе не думалъ поддерживать интересы аристократовъ, и началъ дѣйствовать, не стѣняясь ничьимъ произволомъ. Вся города острова подчинялись теперь или Гелону, или Ферону, правившему въ Агригентѣ. Правленіе этихъ двухъ тиранновъ было самымъ цвѣтущимъ временемъ для греческой Сициліи. Царствованіе Гелона еще слишкомъ закрыто баснословными преданіями; особливо сильно влініе ихъ на рассказъ о походѣ Карфагенянь въ Сицилію и

объ истребленіи при Гимерь ихъ войска подь начальствомъ Гамилькара. Что гимерское пораженіе произошло въ день Саламинской битвы, то это ничто иное, какъ поэтическая прикраса: сраженіе при Саламинь было нѣсколькими годами позже. Вообще весь рассказъ Діодора о ходѣ гимерской битвы далеко уходитъ въ область фантазіи; сюда принадлежатъ саги объ умерщвленіи Гамилькара, о сожженіи кареагенскихъ судовъ, о мирномъ договорѣ, которымъ будто бы Гелонъ запретилъ Кареагенянамъ человѣческія жертвы, и пр. Конечно, предпріятіе Кареагенянь противъ Сициліи легко могло быть, потому что Кареагенъ былъ уже въ это время могущественнымъ государствомъ, что зависѣло отъ упадка собственно финикійскаго мореплаванія; но во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого повода приводить въ связь это событіе съ вторженіемъ Персовъ въ Грецію: связь эта не имѣетъ другаго основанія, кромѣ случайной одновременности (1).

Гелонъ правилъ около одиннадцати лѣтъ. Онъ принялъ даже титулъ царя, и не смотря на всѣ свои, иногда чрезвычайно насильственные, поступки, сохранилъ о себѣ въ Сициліи самыя пріятныя воспоминанія. Послѣ него правилъ братъ его Геронъ, соединявшій въ себѣ весьма посредственныя способности со всеми недостатками своего предшественника. И однако Геронъ пользовался славнымъ именемъ. Эту славу доставила ему знаменитая побѣда его надъ Этруссками (465 до Р. Х.), и съ другой стороны гимны Пиндара на побѣду, которую его тетриппы (2) одержали на олимпійскихъ играхъ. По своему личному характеру онъ стоялъ ниже Гелона: его отличали злопамятство и чрезвычайная раздражительность. Герону наследовалъ Тразибулъ въ качествѣ опекуна—надъ дѣтьми ли Гелона или Герона, — неизвѣстно. У Тразибула не достало духа однимъ разомъ извести своихъ воспитанниковъ, а между тѣмъ было стремленіе превратить свою опеку въ полную монархію. Результатомъ всего этого было то, что дѣти образовали противъ него партію, и Тразибулъ былъ изгнанъ (3). Теперь Сиракусы, которые въ этотъ промежутокъ времени довольно развились подь преобладаніемъ демократическаго эле-

(1) Herod. VII, 165 etc. (2) Колесницъ въ четвѣре лошади. (3) Ср. Arist. Polit. V.

мента, и такъ какъ древнія отношенія мало по-малу забылись, рѣшились ввести у себя умеренную демократію. Вслѣдъ за этимъ они должны были выдержать сильное столкновеніе съ Сикулами, у которыхъ въ это время возвысился нѣкто Девкетій, основавшій себѣ столицу Тринакрію. Дальнѣйшая судьба этого Девкетія похожа на исторію германца Арминія. Престѣдующимъ неблагодарностью народа, Девкетій хотѣлъ бѣжать къ Грекамъ; но Сикелы предупредили, и Девкетій жизнь заплатилъ за эту попытку. вмѣстѣ съ нимъ пала самостоятельность Сикеловъ, и Тринакрія исчезаетъ изъ исторіи: она, вѣроятно, была разрушена Греками. Тридцать лѣтъ, протекшіе отъ смерти Девкетія до афинской экспедиціи, были для греческихъ колоній въ Сициліи временемъ постояннаго разрастанія. Карфагеняне отказались—и трудно рѣшить, по чему?—отъ мысли завоевать островъ. Они владѣли на немъ тремя небольшими городами на сѣверо-западномъ берегу (Мотне, Солоевъ и Панормъ); но въ рукахъ ихъ не было ни одной цѣлой провинціи. Въ городахъ, не смотря на свое дорійское или іонійское происхожденіе, ввели у себя демократическія учрежденія. Дорійская олигархія, составлявшая исключительную черту этого племени въ собственной Греціи, не имѣла мѣста въ Сициліи по весьма естественнымъ причинамъ: въ основаніи олигархіи лежало господство надъ покореннымъ народонаселеніемъ, а въ Сициліи не было такого покоренія,—тамъ туземцы эллинизировались. Родовой бытъ преобладалъ, и результатомъ этого преобладанія явилась автономія: всѣ колоніи были *αὐτόνομοι*. Города жили безопасно и были очень далеки отъ мысли, что бы кто-нибудь осмѣлился нарушить ихъ безопасность. Это временное спокойствіе обольстило колонистовъ, и было причиною того обстоятельства, что въ городахъ не выработалось никакихъ центральныхъ учрежденій, которыя бы связали ихъ въ одно цѣлое,—никакого общаго права, которое предохраняло бы отъ самоуправства при несогласіяхъ. Плодомъ недостатка въ такихъ учрежденіяхъ были междоусобныя войны и вѣшательство иностранцевъ. Между двумя городами различнаго происхожденія начиналась вражда за границы: слабѣйшій тотчасъ долженъ былъ искать чужеземной помощи, ибо—какъ

αὐτόνομος—онъ не имѣлъ около себя никакихъ средствъ къ сопротивленію. Племенное родство имѣло здѣсь важное значеніе: городъ іонійскаго происхожденія, если кто-нибудь нападалъ на него, спѣшилъ соединиться съ другими іонійскими колоніями, и если опасность была такъ велика, что этотъ союзъ казался недостаточенъ, то обращались къ родственникамъ своимъ въ собственной Греціи, къ Аѳинянамъ.

Первымъ поводомъ аѳинскаго вмѣшательства въ дѣла Сициліи послужила распря іонійской колоніи Леонтинъ съ Сиракусами. Мы уже говорили о плодородіи полей, леонтинскихъ, на что въ процессъ Верреса указываетъ самъ Цицеронъ. Еще Гелонъ отнялъ эти поля у владѣльцевъ и присоединилъ ихъ къ Сиракусамъ; но впоследствии они опять отошли къ Леонтинцамъ. Въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, Сиракусы снова объявили на нихъ свои притязанія. Стѣсненные Леонтинцы обратились къ Аѳинямъ, и отправили туда для переговоровъ знаменитаго ритора Горгія. Это случилось при началѣ Пелопоннесской войны. Аѳиняне послали Леонтинцамъ незначительную помощь, которая имѣла однако сильное вліяніе ⁽¹⁾. Сиракусы увидѣли, какъ опасно чужеземное вмѣшательство, и спѣшили примириться съ своими непріятелями. На миръ особенно настаивалъ сиракусянинъ Гермократъ, который въ превосходной рѣчи раскрылъ своимъ согражданамъ настоящія цѣли Аѳинянъ при вмѣшательствѣ ихъ въ дѣла сицилійскія ⁽²⁾. Онъ высказалъ такую мысль, что Аѳиняне подъ видомъ покровительства своимъ одноплеменникамъ или тѣмъ, кто имѣетъ одинакія съ ними политическія учрежденія, т-е. демократамъ, стремятся къ утверженію своего владычества. Сиракусяне согласились съ представленіями Гермократа, и заключили миръ; Аѳиняне такимъ образомъ должны были удалиться. Но вслѣдъ за симъ Сиракусы, пользуясь начавшимися въ Леонтинахъ беспорядками, снова сдѣлали на нихъ нападеніе.

Въ это же время въ другой части острова шла ожесточенная борьба между Селикунтомъ и Эгестею. Богатому Се-

(1) У Фукидида мы найдемъ подробный рассказъ обо всѣхъ дѣйствіяхъ первой экспедиціи. (2) Thuc. IV, 59 et seqq.

ликунту не трудно было сладить съ бѣдною Эгестюю; доведенные до крайности Эгестяне обратились къ Аѳинянамъ. Послы ихъ нашли въ Аѳинахъ самый радушный пріемъ, и просили помощи, обѣщая платить войску жалованье. Съ Эгестянами у Аѳинянъ не было тѣсной одноплеменности: родство ихъ обозначалось общимъ родствомъ Грековъ съ Пелазгами. Но что до этого: Аѳиняне давно уже мечтали о покореніи Сициліи, и теперь вдругъ представляется случай осуществить эту мечту, и въ добавокъ—безъ значительныхъ съ ихъ стороны издержекъ. Но вотъ вопросъ: дѣйствительно-ли такъ богата Эгеста, что въ силахъ будетъ принять на свой счетъ все денежныя траты войны. Аѳинянъ этотъ вопросъ заставилъ подумать; они рѣшились отправить напередъ въ Эгесту депутатовъ, чтобы освидѣтельствовать богатства города. Но здѣсь-то и ожидалъ ихъ жестокой обманъ: Эгестяне взяли на-прокатъ у своихъ сосѣдей множество сокровищъ и показали ихъ депутатамъ. Впрочемъ, сицилійская экспедиція должна была состояться и безъ обмана; все старанія Никія, приверженца старины, отклонить народъ отъ этого предпріятія, остались безъ успѣха, какъ скоро въ пользу похода заговорилъ Алкивіадъ. Алкивіадъ долженъ былъ такъ дѣйствовать, потому что въ эти минуты онъ стоялъ на сторонѣ новаго направленія, и исторія въ этомъ случаѣ не имѣетъ права обвинить его въ неблагоразумія. Если въ сицилійскомъ предпріятіи и заключалась его личная выгода, то тѣмъ не менѣе чрезъ этотъ личный интересъ выигрывало много самое государство. Завоеваніе Сициліи было рѣшено въ умахъ Аѳинянъ.

Какъ ни могуче было вліяніе Алкивіада на Аѳинянъ, все-же не избѣгъ онъ обвиненія въ одномъ поступкѣ, который возбудилъ всеобщее негодованіе. Это обвиненіе имѣло тотъ же самый источникъ, изъ котораго вытекали обвиненія противъ Перикла въ послѣднихъ годахъ его жизни. Противъ Алкивіада вооружились другіе демагоги, стремившіеся занять его мѣсто во главѣ Аѳинскаго государства. Чтобы рѣшительнѣе поколебать авторитетъ извѣстной личности, эти вновь выступавшіе демагоги обвиняли ее обыкновенно въ нарушеніи того, чѣмъ еще дорожила народная масса. Уже было сказано, что Алки-

вѣдѣ представлять собою полное отрицаніе всякаго закона: не съ лучшей точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на религію, какъ и на законы гражданскіе, — онъ выказывалъ явное презрѣніе къ религіознымъ обычаямъ. Извѣстно, какимъ почетомъ пользовались у Аѳинянъ элевсинскія мистеріи; — Алкивіадъ сдѣлалъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ комедіи или маскарада въ домѣ частнаго человека Пулитіона. Въ это время аѳинскій народъ еще дожилъ своею святынею; мы видѣли, что за поруганіе ея были имъ осуждены на смерть друзья Перикла — Фидій, Анаксагоръ и Аспазія; за такое же преступленіе заплатилъ жизнью Діагоръ Мелосскій. Подобная же участь грозила теперь и Алкивіаду; но онъ счастливо избѣгъ этой первой опасности, и приговоръ остракизма попалъ на демагога Гипербола. Фукидидъ не называетъ этого демагога по имени: мы узнаемъ его отъ греческихъ комиковъ. Вслѣдъ за обвиненіемъ Алкивіада въ поруганіи мистерій, возникло противъ него другое обвиненіе въ убѣчъ гермовъ. Гермовъ назывался столбъ, кнзизу сѣуженный, на верху котораго высѣкалась человѣческая голова съ остроконечною бородою. Въ Аѳинахъ столбы эти были въ большомъ употребленіи и хранились какъ памятникъ древняго богопочитанія; ими наполнены были перекрестки и уставлена цѣлая улица (на западной сторонѣ агоры), получившая отъ нихъ свое названіе. Въ одну ночь всѣ эти столбы, неизвѣстно кѣмъ, были повалены; уцѣлѣлъ только одинъ предъ домомъ оратора Андокида. Изъ факта понятно, что здѣсь дѣйствовало цѣлое общество, ибо одному человѣку ниспровергнуть такое множество гермовъ въ одну ночь — физически не возможно. На этомъ основаніи, враги Алкивіада изъ демагоговъ убѣдили массу, что это общество составлено съ политическою цѣлью — потрясти аѳинскую демократію. Очевидно, что придачею политическаго характера этому дѣлу демагогамъ хотѣлось сильнѣе поднять противъ Алкивіада аѳинскій демосъ. Заговоръ, быть можетъ, и дѣйствительно существовалъ, но какое-же отношеніе могло быть между нимъ и низверженіемъ гермовъ? — Въ Аѳинахъ по смерти Перикла, т.-е. въ періодъ совершенной анархіи, появилось много небольшихъ обществъ, въ родѣ современныхъ намъ клубовъ, — называвшихся *συναιμοσίαι ἐπι' δῖχαις*

καὶ ἀρχαῖς. Определенныхъ извѣстій о сущности этихъ клубовъ мы не имѣемъ, но можно, кажется, съ достоверностью сказать, что въ нихъ шли переговоры касательно выборовъ на судейскія мѣста, ибо, за исключеніемъ булэ и нѣкоторыхъ другихъ магистратуръ, которыя были ἀρχαὶ κληρωταί, въ Аѣинахъ оставалось много должностей по выборамъ. Въ этихъ клубахъ разсуждали, кому какую отдать должность, давали инструкціи тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые избирались судьями. Въ инструкціи обозначалось обыкновенно, какъ долженъ былъ вести себя новый судья относительно своихъ товарищей по службѣ, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, т.-е. цѣли извѣстнаго клуба, ибо многія изъ этихъ обществъ состояли преимущественно изъ оптиматовъ, которые не могли открыто бороться съ демосомъ (†). Быть можетъ, чрезъ это дѣло поруганія святыни, начальники клубовъ хотѣли узнать, какъ могутъ они положиться на преданность и безусловную покорность своихъ членовъ: низверженіе гермовъ было, такъ сказать, нѣчто въ родѣ искуса, который мы часто встрѣтимъ въ подобныхъ обществахъ ближайшаго къ намъ времени. Но такая связь факта съ политическими клубами есть не болѣе, какъ догадка. Какъ бы то ни было, только общій голосъ, зная всеотрицающій характеръ Алкивіада, обвинялъ его въ этомъ преступленіи; демагоги же прямо старались заподозрить его предъ народомъ въ стремленіи къ тиранніи. Многихъ арестовали; то же хотѣли было сдѣлать и съ нимъ, что, безъ сомнѣнія, было бы гораздо спасительнѣе для Аѣинъ, нежели послѣдующій заочный приговоръ. Напрасно требовалъ Алкивіадъ, чтобы тотчасъ начали его процессъ: враги его хорошо понимали, что изъ обвинителей они сдѣлаются обвиненными, какъ скоро заговорить Алкивіадъ. Происшествіе съ Гиперболомъ было у нихъ въ свѣжей памяти. Алкивіада спокойно проводили съ флотомъ въ Сицилію.

Фукидидъ превосходно описываетъ намъ отплытіе и

(†) Ο συνωμοσίαις или ἐταίρῆαις см. Thuc. VIII, 54. Hüllmann. progr. de Atheniensium συνωμοσίαις. Droysen der Hermokopiden process, in Welck et Naek. Mus. rhen. IV p. 39 sqq. W. Vischer, die oligarchische Partei und die Hetaerien in Athen.

составъ аѳинскаго флота. «Еще до восхода солнца, говорить онъ, Аѳиняне и бывшіе въ то время въ городъ гости отправились въ пирейскую гавань: каждый провожалъ или сына, или родственника, вообще или друга, или товарища. Но радостныя надежды ихъ омрачены были нѣсколько чувствомъ грусти, ибо имъ пришли на память всѣ опасности, сопряженныя съ этимъ дальнимъ путешествіемъ. Ихъ утѣшала только надежда на вѣрный успѣхъ,—надежда, которая необходимо должна была родиться при видѣ столь великолѣпной экспедиціи, превосходящей всѣ, досель бывшія. Флоты, отправлявшіеся прежде къ Потидеѣ и Эпидавру, были также значительны по числу войска и кораблей, но они не были такъ величественны: самыя предпріятія не имѣли такого блеска, и путь былъ не такъ далекъ. Для настоящаго предпріятія составлены были два войска, сухопутное и морское, корабли снаряжены съ величайшимъ тщаніемъ, отчасти на счетъ государственной, отчасти при помощи частныхъ людей, ибо предстояли далекій путь и продолжительная война. Государство выставило сто кораблей, изъ которыхъ 60 было легкихъ, и 40 для тяжелой пѣхоты; сюда присоединилось еще 36 не-аѳинскихъ судовъ, въ томъ числѣ 2 родосскихъ. Экипажъ состоялъ изъ 5100 оплитовъ, изъ которыхъ было 1500 Аѳинянъ первыхъ трехъ классовъ (*ἐκ καταλόγου*) и 700 тетовъ для службъ корабельныхъ; остальное войско составляли 500 Аргосцевъ, 250 мантинейцевъ вмѣстѣ съ наемниками; потомъ подданные и союзники аѳинскіе. Въ легкой пѣхотѣ было 80 критскихъ и 400 другихъ стрѣлковъ, 700 родосскихъ пращниковъ и 120 изгнанниковъ изъ Мегары. Всадниковъ считалось только 30. Кромѣ того тридцать судовъ назначено было для перевозки провіанта и необходимыхъ ремесленниковъ, какъ-то плотниковъ, кузнецовъ и пр. Каждый солдатъ получалъ драхму (около 25 к. сер.) въ день, не считая того, что каждый начальникъ корабля отъ себя платилъ старшимъ гребцамъ и другой прислугѣ. Прибавимъ сюда еще изящную отдѣлку кораблей, строители которыхъ въ этомъ отношеніи соревновали другъ передъ другомъ, и старались дѣлать корабли какъ можно легче и удобнѣе.... Если бы кто вздумалъ счесть всю сумму, которую истратили на

это предпріятіе частные люди и государство, отъ начала до конца войны, то нашель бы огромное количество талантовъ. Но смѣлость Аѳинянь и величіе самаго предпріятія были еще выше издержекъ. Когда суда были готовы и войны заняли свои мѣста, раздался звукъ трубы, водворившій глубокую тишину: началось напутственное моленіе, которое совершалъ не каждый корабль отдѣльно, но все вмѣстѣ по мановенію вѣстника. Солдаты и начальники золотыми и серебряными чашами дѣлали возліаніе богамъ, при громкихъ восклицаніяхъ народа, который сбѣжался на берегъ изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ. Когда пропѣты были гимны и окончено возліаніе, суда по одиначкѣ стали выходить изъ гавани, и направили путь къ Эгиптѣ, гдѣ все соединились въ одну массу» (*).

Въ самомъ дѣлѣ, Греки дотолѣ не выставляли такой громадной силы. На корабли сѣло лучшее юношество, цвѣтъ аѳинскаго народонаселенія. Предпріятіе было такъ завлекательно, что въ немъ приняли участіе не только аѳинскіе союзники или подданные, но даже тѣ города, которые не связаны были съ Аѳинами никакимъ обязательствомъ. Довольно странно поступили Аѳиняне при назначеніи начальниковъ: ошибка была уже въ одномъ томъ, что они избрали не одного полководца, а многихъ, и тѣмъ давали поводъ къ несогласіямъ въ войскѣ. Но они удвоили еще ошибку тѣмъ, что назначили людей съ совершенно различными направленіями. Въ походѣ долженъ былъ идти противъ своей воли Никій, съ убѣжденіями котораго мы уже знакомы; въ товарищи ему данъ былъ Алкивіадъ. Какого же можно было ожидать единства въ дѣйствіяхъ, когда рядомъ стояли люди, не только съ противоположными характерами, но даже личные враги. Какъ начало, примиряющее эти двѣ крайности, поставленъ былъ Ламахъ. Политика совершенно несообразная съ целью и объясняющаяся только посредствомъ той анархіи, которая господствовала въ Аѳинахъ.

Въ Сицилію доносились слухи объ отплытіи аѳинскаго флота; но никто не хотѣлъ и вѣрить, чтобы Аѳиняне отважились на завоеваніе острова: по понятіямъ Сикеліотовъ это дѣло

(*) Thuc. VI, 30, 31, 32, 43.

было невозможное. Напрасно благоразумные люди въ Сиракузахъ убѣждали гражданъ въ достовѣрности слуховъ, напрасно совѣтовали имъ вооружиться и плыть къ Таренту, чтобы преградить Аѳинянамъ дорогу къ острову: Сиракусяне не могли вообразить себѣ такой дерзости со стороны Аѳинянъ и благоразуміе должно было замолчать предъ самонадѣянностію. Между тѣмъ аѳинскій флотъ прошелъ около Лаконіи, Корциры, и благополучно прибылъ въ Италію. Тарентъ не пустилъ его въ свою гавань; но за то въ Оурияхъ Аѳиняне нашли радушный пріемъ. Какъ обманулись они въ своихъ надеждахъ на такое же радушіе въ самомъ островѣ! Чѣмъ ближе подвигался флотъ къ Сициліи, тѣмъ болѣе и болѣе встрѣчалъ неприязни: Регій затворилъ предъ нимъ ворота. Наконецъ въ Сициліи всѣ почти города, даже халкидскіе, которые въ первую экспедицію такъ дружелобно встрѣчали Аѳинянъ, не только отказали имъ теперь въ доставленіи какого-нибудь пособія, но даже не принимали къ себѣ. Только въ Катанъ Алкивіаду посчастливилось составить партію, которая предала городъ въ руки Аѳинянъ. Но это было лишь слабое вознагражденіе за обманутыя надежды. Еще большимъ счастьемъ для Аѳинянъ было то, что многіе сицилійскіе города, не принявшіе ихъ стороны, не приставали въ то же время и къ Сиракусамъ. Вести войну Аѳинянамъ приходилось чисто на свой счетъ, ибо Эгестяне были такъ бѣдны, что ничѣмъ не въ силахъ были помочь имъ. Спрашивалось теперь: какъ начать завоеваніе острова? Ламахъ далъ самый дѣльный совѣтъ: не теряя ни минуты, напасть на Сиракусы, пока они не успѣли еще приготовиться. Успѣхъ былъ несомнѣненъ, ибо въ Сиракусахъ господствовало страшное смятеніе. Никій отвергъ такой совѣтъ: онъ хотѣлъ сперва идти противъ Селикунта, и заставить его примириться съ Эгистію, а потомъ воротиться въ Аѳины. По мнѣнію Алкивіада. должно было занять Мессану, ибо гавань ея весьма удобна была для помѣщенія цѣлаго флота; потомъ—стараться привлечь на свою сторону сицилійскихъ грековъ и туземцевъ и тогда уже напасть на Сиракусы. Пока между аѳинскими полководцами шель этотъ споръ о планѣ дѣйствій, обычный результатъ многоначалія,—Сиракусы опомнились отъ испуга,

приготовились къ рѣшительному отпору, — и такимъ образомъ пропущена была самая благопріятная минута. Между тѣмъ въ Сицилію прибылъ аѳинскій государственный корабль «Саламинъ» съ порученіемъ привести на судъ аѳинскаго народа Алкивіада, обвиненнаго въ поруганіи мистерій и низверженіи гермовъ.

Главнымъ вождемъ въ Сициліи остался теперь Никій: Ламахъ не пользовался значительнымъ авторитетомъ. Искусственнымъ маневромъ Никій хотѣлъ завладѣть Сиракусами, отвлекши сиракусское войско къ Катанѣ; но планъ не удался, хотя Сиракусяне и потерпѣли жестокое пораженіе. Еслибы Сиракусы имѣли въ то время олигархическое устройство, такъ что Аѳиняне могли бы предложить имъ демократію, то еще можно было бы надѣяться на успѣхъ; но Сиракусы были государствомъ демократическимъ. Къ тому-же въ это время выступилъ тамъ мужъ съ превосходными правительственными и полководческими талантами, достойный соперникъ Никіа; это былъ Гермократъ. Предѣлы этой статьи не позволяютъ мнѣ войти въ подробности аѳинскихъ дѣйствій въ Сицилію, ихъ можно найти въ шестой и седьмой книгахъ Фукидида; я укажу только рѣшительныя минуты борьбы. Всѣ планы и надежды Никіа относительно Сиракусъ должны были ограничиться одною блокадою. Но чтобы начать блокаду, Аѳинянамъ нужно было сперва овладѣть крѣпостью, лежавшею на возвышенности съ западной стороны города, Эпиполами. Предпріятіе удалось; но за тѣмъ уже не было болѣе никакого успѣха. Да и изъ Коринѳа пришла въ Сиракусы помощь, а что всего важнѣе — въ городъ прибылъ спартанецъ Гилиппъ. Прибытіе этого человека въ Сицилію относится къ числу такихъ рѣшительныхъ минутъ, которыя вдругъ даютъ другой оборотъ ходу всемірной исторіи. Мы имѣемъ подобный примѣръ въ ближайшее къ намъ время: это возвращеніе Наполеона во Францію изъ египетской экспедиціи. Гилиппъ высадился на сѣверномъ берегу острова и образовалъ здѣсь войско, съ которымъ двинулся на выручку Сиракусъ.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ неудачи Аѳинянъ было

то, что какъ войско, такъ и его полководецъ упали духомъ, и потеряли всякую надежду на завоеваніе острова. Въмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу Гилиппу и не подпустить его къ Сиракусамъ, Никій не тронулся съ мѣста и не сдумалъ даже отстоять Эпиполы. Никій находился въ самомъ жалкомъ состояніи: онъ страдалъ и душою и тѣломъ. Счастье, почти постоянно сопутствовавшее ему досель, теперь вдругъ измѣнилось; демагоги легко могли обвинить его одного въ несчастномъ окончаніи предпріятія, и это опасеніе убило мужество гордаго Никія. Онъ отправилъ въ Аѳины письмо, въ которомъ описывалъ всю трудность своего положенія, требовалъ отставки, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе, и указывалъ на необходимость подкрѣпленія. Прочтемъ нѣсколько отрывковъ изъ этого письма, дабы видѣть, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилась въ Сициліи эта блестящая экспедиція. «Мы заперты въ нашемъ собственномъ лагерь, — писалъ онъ, — и не смѣемъ ничего предпринять, ни даже окончить наши осадныя работы, по причинѣ многочисленности непріятели. Часть войска должна непрерывно охранять наши укрѣпленія, такъ что намъ невозможно употребить въ дѣло всю армию. Сверхъ того Сиракусяне прорѣзали стѣною нашу блокадную линію, и мы изъ осаждающихъ сдѣлались осажденными.... Побѣдоносный досель флотъ нашъ теперь ослабѣлъ: въ корабляхъ вездѣ образовались течи, потому что ихъ нельзя вытаскать на берегъ и починить.... Войско наше уменьшается съ каждымъ днемъ, ибо отряды, отправляющіеся для фуража, гибнутъ подъ ударами непріятельской конницы. Рабы, видя наше безсиліе, разбѣгаются; то-же дѣлаютъ иноземцы, набранные силою; наемники, вступавшіе въ ряды войска болѣе для грабежа, нежели для войны, и найдя совершенно противное, или переходятъ въ станъ непріятели, или разсѣваются по всему острову. Многіе матросы умерщвляютъ своихъ офицеровъ, и на ихъ мѣсто сажаютъ рабовъ, ничего не понимающихъ въ морскомъ дѣлѣ.... Мы принуждены довольствоваться тѣмъ, что привезли съ собою, потому что сицилійскіе союзники наши безсильны, да ихъ и не много; и если Италія, откуда теперь еще мы получаемъ съѣстные припасы, упадетъ отъ

насъ,—мы погибнемъ тогда безъ битвы.... Распорядитесь присылкою мнѣ преемника: бремя полководца мнѣ уже не по силамъ, потому что я жестоко боленъ (*νεφρῆτις*); за мои многочисленныя услуги, кажется, можно оказать мнѣ эту милость.»⁽¹⁾ Какъ видимъ изъ этого письма,—аѳинская армія находилась въ томъ состояніи, которое Французы называютъ обыкновенно *démoralisé*,—когда исчезаетъ всякая дисциплина, чувство чести и сознание воинскихъ обязанностей теряютъ свое значеніе. Здѣсь-то всего очевиднѣе обнаружилась несостоятельность демократическаго устройства: съ величайшимъ напряженіемъ готовили Аѳиняне сицилійскую экспедицію, но однажды приготовивши, оставили ее на произволь судьбы, и долго не заботились выслать подкрѣпленіе. Аѳинскія суда, стоявшія въ сиракускомъ заливѣ, много потерпѣли отъ времени: при ихъ постройкѣ заботились болѣе объ излществе, и вовсе забыли вопросъ: какъ долго можетъ продолжиться предпріятіе? Порча флота была причиною того, что въ четвертомъ году 91-й о. онъ потерпѣлъ отъ Сиракусянъ сильное поражение.

Письмо Никія имѣло однако свое дѣйствіе: Аѳиняне выслали помощь подъ начальствомъ уже знакомаго намъ Демосѳена (Ламахъ въ одной стычкѣ съ сиракусянами былъ убитъ). Онъ тотчасъ понялъ всю невыгоду, въ которой поставлено было аѳинское войско, и далъ Никію советъ отступить, пока еще было время. Но послѣдній презрѣлъ благорозумный советъ, и медлилъ въ надеждѣ овладѣть теперь Сиракусами: онъ рассчитывалъ на внутренніе раздоры гражданъ, на антипатію ихъ къ чужеземцамъ, и на то, что противъ Гермократа образовалась значительная партія. Чтѣ же оставалось теперь дѣлать Аѳинянамъ? Демосѳенъ рѣшился на смѣлое предпріятіе—овладѣть опять Эпиполами посредствомъ штурма. Демосѳена обвиняютъ за эту попытку, называютъ ее опрометчивостью; но обвиненіе не совсѣмъ справедливо: продолжать obleganіe было невозможно потому, что въ аѳинскомъ лагерѣ открылись ужасныя лихорадки, а отступитъ не хотѣлъ Никій; такимъ образомъ, попытка Демосѳена вызвана была крайнос-

(1) Th. c. VII, 10—16.

тями. Была ясная лунная ночь, когда Афиняне пошли на приступъ эпипольской крѣпостцы. Но извѣстно, что лунный свѣтъ такъ же обманчивъ, какъ и мракъ: послѣдній скрываетъ предметы отъ глазъ челоука, а первый обманываетъ зрѣніе, представляя ихъ не въ настоящихъ положеніяхъ. Будучи незнакомы съ мѣстностью, Афиняне зашли такъ далеко впередъ, что отступление сдѣлалось невозможно: въ рядахъ распространился панической страхъ, и они были разбиты наголову. Штурмъ этотъ стоилъ имъ 2000 челоука. Послѣ такого несчастія Никій рѣшился отступить; но на бѣду Афинянъ, случилось лунное затмѣніе, и суевѣрный полководецъ, принявши это за дурное предзнаменованіе, отсрочилъ отступление на цѣлый почти мѣсяць. Сиракусяне воспользовались этимъ временемъ, чтобы загородить гавань блокадными судами (*vaisseaux amarrés*). Къ большому несчастію Афинянъ, въ Сиракусы пришло изъ Пелопоннеса подкрѣпленіе. Повѣйшіе изслѣдователи удивляются, почему это подкрѣпленіе совершило такой далекой путь—черезъ берега Африки и Мальту, чтобы прибыть въ Сицилію; но вопросъ тотчасъ разрѣшается, какъ скоро мы припомнимъ, что древніе боялись пуститься въ открытое море и плавали обыкновенно около береговъ; поэтому имъ слѣдовало бы отправиться черезъ Корциру, но здѣсь крейсировалъ корциро-афинскій флотъ, который безъ большаго труда завладѣлъ бы пелопоннесскими судами; путь же черезъ Африку, хотя былъ и дальше, но за-то безопаснѣе.

Афинскій флотъ хотѣлъ прорвать блокадную линію, но не могъ выдержать битвы и былъ почти совершенно истребленъ. Любопытно прочесть у Фукидида трогательное описаніе этой несчастной для Афинянъ битвы въ сиракусскомъ заливѣ, въ которой замкнута была судьба сухопутной афинской арміи, съ трепетнымъ ожиданіемъ слѣдившей съ берега за всеми изгибами сраженія (1). «Только развѣ чудомъ могли спастись теперь Афиняне»,—заключаетъ Фукидидъ свое описаніе. Дѣйствительно, Никію и Демосѣену не оставалось ничего другаго, какъ сухимъ путемъ, во что бы то ни стало, — пробиться въ Катану, гдѣ хотѣли они укрѣпиться и вести оттуда разбой-

(1) См. Thuc. VII, 69—72.

ническую войну. Но Никій поддался на обманчивыя предложенія Гермократа, который убѣдилъ его обождать нѣсколько дней, обѣщая сдать городъ: ему хотѣлось совершенно истребить Аѳинянь. На третій день послѣ пораженія флота, Никій отдалъ наконецъ приказъ отступать. Войско въ глубокомъ уныніи снялось съ позиціи. Потеря флота, и вмѣстѣ всѣхъ надеждъ, опасности при отступленіи, кучи труповъ и стоны умирающихъ, которыхъ — дабы не затруднять отступленія — оставляли въ добычу непріятелямъ и хищнымъ звѣрямъ, — все это производило на солдатъ самыя ужасныя впечатлѣнія. Покидаемые раненыя напутствовали своихъ товарищей громомъ проклятій. Тщетно Никій старался ободрять войско, говоря, что еще нѣтъ причины отчаяваться, что бывали опасности и хуже, но они счастливо отъ нихъ избавлялись; что теперешнія бѣдствія достаточно искупаютъ вину ихъ, если въ чемъ они оскорбили когда-нибудь небожителей; что ихъ многочисленность (40,000) позволяетъ имъ утвердиться гдѣ угодно, и никакая сицилійская армія не въ силахъ тому воспрепятствовать. Всякій видѣлъ пустоту этихъ словъ, и безпорядокъ со дня на день увеличивался. Между тѣмъ сиракускіе полководцы загородили всѣ дороги такъ, что дальнѣйшее отступленіе сдѣлалось невозможнымъ: сперва сдался съ своимъ отрядомъ Демосѣень, а на другой день положилъ оружіе и Никій. Сиракусяне показали теперь, какъ мало были они достойны своего торжества. Мاستитый старецъ Никій и отважный Демосѣень, не смотря на всѣ увѣренія въ безопасности, были побиты камнями по совѣту Діокла. Ни Гилиппъ, ни Гермократь не были согласны на такой безчеловѣчный поступокъ; первому очень хотѣлось отправить плѣнныхъ полководцевъ въ Спарту, отчасти въ видѣ трофея, отчасти какъ средство къ выгодному для Спарты миру. Аѳинскіе союзники и подданные были проданы въ рабство, граждане же отправлены въ каменоломни, и только весьма немногіе изъ нихъ были спасены нѣкоторыми сострадательными Сиракусянами, принявшими ихъ въ свои дома въ качествѣ учителей или домашней прислуги. Такъ печалень былъ исходъ этой знаменитой экспедиціи! Сиракусы и Спарта обязаны своимъ тор-

жествомъ тремъ великимъ мужамъ той эпохи, Гилиппу, Гермocratesу и преимущественно Алкивиаду. Нашъ историкъ прямо винить въ этомъ несчастіи народъ аѳинскій, осудившій Алкивиада въ самую критическую минуту. Еще ужаснѣе дѣлается это несчастіе по своимъ послѣдствіямъ.

Мы оставляемъ здѣсь Сицилію, куда привела насъ Пелопоннесская война, и снова обращаемся къ собственной Греціи.

Въ Аѳинахъ, со времени отплытія экспедиціи, процессъ о разбитіи гермовъ шелъ горячо. Многихъ арестовали, и преимущественно людей знатнаго происхожденія. Возникъ цѣлый ридъ доносчиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и ораторъ Андокидъ, сѣлавшій изъ доносовъ средство къ наживѣ. Плодомъ его доносовъ было то, что Алкивиада признали виновнымъ въ кощунствѣ. За нимъ, какъ мы уже видѣли, отправленъ былъ корабль «Саламинъ.» Алкивиадъ рѣшился на первый разъ повиноваться: онъ сѣлъ на корабль и прибылъ въ городъ Фурій. Но разсудивши, что не много добраго можетъ онъ дожидаться отъ своихъ согражданъ: ни одинъ изъ арестованныхъ не получилъ еще прощенія,—онъ бѣжалъ въ Элиду. Въ этомъ бѣгствѣ онъ не показалъ еще себя врагомъ отечества, ибо Элида была страной нейтральною. Здѣсь слышигъ онъ, что надъ нимъ заочно произнесенъ смертный приговоръ, имѣніе конфисковано: самолюбіе его скорбитъ и ищетъ мести. Какая же месть можетъ быть сильнѣе для Аѳинянъ, какъ не вредъ ихъ могуществу, ихъ гигантскимъ замысламъ. Съ этимъ намѣреніемъ, чрезъ Беотию Алкивиадъ пробрался въ Спарту и явился предателемъ своего отечества,—шагъ безразсудный, который никогда не будетъ оправданъ исторіею.

И такъ, Алкивиадъ былъ теперь въ Спартѣ. Не трудно понять, какимъ недобѣрчивымъ окомъ взглянули на него Спартанцы. Но уже было сказано, что Алкивиадъ обладалъ въ высшей степени вкрадчивымъ характеромъ, умѣвшимъ внушать къ нему полное довѣріе. Мы часто встрѣтимъ людей, которые, не смотря на всѣ свои недостатки, возбуждаютъ къ себѣ наше сочувствіе, тѣмъ, что не скрываютъ этихъ недостатковъ, и съ чистосердечною откровенностью выставляютъ свое поведеніе на всеобщее созерцаніе: откровенность съ одной

стороны влечеть довѣріе съ другой. Такъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ Алкивиадъ. Онъ добродушно разсказалъ Спартанцамъ свои прежніе поступки и открылъ имъ настоящее свое желаніе—мстить всѣми силами личнымъ врагамъ въ лицѣ своего отечества. Онъ настаивалъ, чтобы Спартанцы пособили Сиракусамъ, снова начали войну съ Аѣиннами, и ручался за успѣхъ, если только они примуть предложенія имъ мѣры. Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, могъ скорѣе и вѣрнѣе разрушить зданіе, какъ не самъ строитель? «Относительно Сициліи,—говорилъ Алкивиадъ геронтамъ,—я вамъ долженъ сказать, что Аѣиняне думаютъ покорить не одни Сиракусы, но весь островъ, потомъ Италію, Карфагенъ, съ тѣмъ, чтобы при помощи этихъ завоеваній, а также иберійскихъ и другихъ воинственныхъ народовъ, завоевать Пелопоннесъ и сдѣлаться владыками цѣлой Греціи... Сиракусяне, разбитые уже и на сушѣ, и на морѣ, не въ состоявіи одни сопротивляться, а ихъ покореніе повлечетъ за собою покореніе всего острова, и даже Италіи; тогда и вамъ не избѣжать этой же участи. Не думайте, что тутъ дѣло идетъ о завоеваніи страны иноземной, до которой вамъ нѣтъ никакого дѣла; напротивъ: отъ спасенія Сициліи зависитъ судьба Пелопоннеса. На этомъ основаніи вы и Коринѣяне должны помочь Сиракусянамъ войскомъ, и, что еще важнѣе—послать туда опытнаго полководца. Но этого мало: вы должны въ то же время начать войну съ Аѣинянами здѣсь, овладѣть Декелеєю и укрѣпить ее, чтобы ежегодно производить отсюда безпрерывныя опустошенія въ Аттикѣ⁽¹⁾». Одинъ изъ плодовъ этого совѣта мы уже видѣли: это—появленіе въ Сициліи Гиллиппа и гибель аѣинской экспедиціи. Быстро созрѣлъ и другой плодъ: Спарта въ третьемъ году 91-й ол. объявила Аѣинамъ войну. Съ этой минуты начинается вторая половина Пелопоннесской войны. Современники, кромѣ Фукидида, почитали этѣ двѣ половины за различныя войны, и первую называли *πόλεμος ἀρχιδάμωρος*, а вторую — *πόλεμος δεχελειχός*; Фукидидъ же говоритъ положительно, что это была одна война.

Царь спартанскій Агисъ вторгнулся въ Аттику, завладѣлъ

(1) Thueyd. VI. 89 et seqq.

Декелею, укрѣпилъ и засѣлъ въ ней съ значительнымъ гарнизономъ. Декелея находилась на сѣверъ отъ Аѳинъ, на разстояніи 135 стадій (около $3\frac{1}{2}$ геогр. миль) (†), и отсюда не трудно понять, какъ вредно было для нихъ занятіе этого мѣста Спартанцами. Кромѣ того, что безпрерывныя опустошенія Аттики лишали Аѳинянъ полевыхъ доходовъ, Аѳины должны были потерпѣть много другихъ убытковъ. Декелея сдѣлалась теперь убѣжищемъ для аѳинскихъ рабовъ, болѣею частью ремесленниковъ, которыхъ бѣжало, изъ города до 20000. Хлѣбъ и другіе товары, шедшіе, бывало, съ сѣвера по декелейской дорогѣ, должны были дѣлать теперь длинный обходъ мимо Сунійскаго мыса; сношеніе Аѳинъ съ сѣверомъ становилось по этому рѣже, и привозимые продукты вздорожали. Городъ долженъ былъ постоянно быть на стражѣ и оставить все коммерческія дѣла. Нельзя не удивляться, какъ въ силахъ были Аѳиняне тянуть свое существованіе послѣ семнадцати лѣтъ опустошительной войны, которой конца еще не было видно.

Вѣсть о гибели экспедиціи въ Сицилію произвела въ Аѳинахъ едва-ли не бѣльшее еще впечатлѣніе, чѣмъ въ Римѣ битва при Каннахъ. Въ этой экспедиціи палъ цвѣтъ аѳинскаго гражданства, истощены были и государственныя, и частныя богатства, и потерянь флотъ. Въ порывѣ отчаянія Аѳиняне бросились на ораторовъ, говорившихъ въ пользу предпріятія, излили ярость на оракуловъ, которые давали счастливыя предзнаменованія. Послѣдствія этого несчастія не замедлили обнаружиться. Вся Греція пришла въ движеніе: тѣ, которые держали доселѣ нейтралитетъ, пристали теперь къ пелопоннесскому союзу; аѳинскіе союзники и подданные, напр., Лесбось, Хіось, Самось, Родось и іонійскіе города въ Азіи спѣшили также отложиться отъ Аѳинъ. Надобно было подумать о собственномъ спасеніи, и Аѳиняне показали при этомъ необыкновенное мужество и рѣшимость: они собрали все—какія только могли—сокровища, купили лѣсу и начали сооружать флотъ; все траты, служившія для удовлетворенія роскоши, были отбѣнены. Къ-сожалѣнію, мы не видимъ въ это время въ Аѳинахъ ни одной великой личности, которой

(†) По атласу Шпрунера.

могъ бы вверить народъ дѣло своего спасенія; были, конечно, люди, выдвигавшіеся изъ уровня толпы, — но это были таланты второстепенные, не превышавшіе границъ посредственности.

Величайшимъ несчастіемъ для Аѳинскаго государства было то, что Алкивіадъ першелъ на сторону его враговъ. Онъ внесъ въ дѣйствія Спартанцевъ такой элементъ, котораго имъ недоставало въ предыдущей войнѣ, и безъ котораго нельзя было ожидать успѣха, — энергію, предприимчивость. Съ небольшимъ флотомъ отправился онъ къ берегамъ Малой Азіи, возмутилъ противъ своего отечества Хіосъ, Іонію, и вступилъ въ сношенія съ сатрапомъ персидскимъ Тиссаферномъ. Аѳины были постояннымъ предметомъ антипатіи и страха Персовъ, по-этому послѣдніе съ радостью начали переговоры съ Спартою, обѣщали уплатить ей огромную сумму денегъ и выслать на помощь финикійскій флотъ. Въ свою очередь Спартанцы отъ лица всѣхъ морейскихъ Грековъ отказывались отъ всякаго притязанія на независимость греческихъ малоазіатскихъ городовъ и передавали ихъ во власть Персовъ. Этотъ договоръ былъ кануномъ анталкидскаго мира; здѣсь во всемъ блескъ обнаружилась спартанская нравственность: чтобы нанести рѣшительный ударъ аѳинской гегемоніи, Спарта не задумалась предать своихъ одноплеменниковъ; но когда цѣль была достигнута, она не постыдилась также вопреки этому договору, начать съ Персами войну, — позднѣйшая война Агезилая въ Азіи принадлежитъ къ числу самыхъ вѣроломныхъ поступковъ Спарты.

Между тѣмъ въ Алкивіадъ съ этого времени замѣчается перемѣна. Мищеніе, которое доселѣ руководило его дѣйствіями, охладѣло: бѣдствія Аѳинянъ, казалось, достаточно его удовлетворили. Горькій опытъ жизни развилъ въ немъ болѣе твердыя убѣжденія, вслѣдствіе чего въ душѣ его заговорилъ патриотизмъ: для Алкивіада наступала теперь минута примириться съ отчизною. Спартанцы не могли не замѣтить этого колебанія и дали своему адмиралу весьма обыкновенный у нихъ приказъ — тайно умертвить Алкивіада. Алкивіадъ тотчасъ постигъ ихъ замыслы, и бѣжалъ къ Тиссаферну. Небольшаго

труда стоило его способностямъ убѣдить близорукаго сатрапа— если не совсѣмъ отказать, то, по крайнѣй мѣрѣ, уменьшить жалованье Спартанцамъ, подѣ тѣмъ предлогомъ, что требованія Спарты превышаютъ дѣйствительныя военныя издержки, и что для Персовъ гораздо выгоднѣе поддерживать равновѣсіе между Аѣинами и Спартою. Въ Аѣинахъ также поняли, какъ полезенъ былъ теперь для нихъ Алкивіадъ по его вліянію у персидскихъ сатраповъ. Аѣинское войско, стоявшее въ Самосѣ, первое подало мысль объ его возвращеніи. Въ душѣ самаго Алкивіада такъ сильно говорило національное чувство, что возвращеніе въ отеческій городъ сдѣлалось его первымъ желаніемъ. Онъ устремилъ весь свой геній на то, чтобы—сколько можно—облегчить положеніе Аѣинъ: если дотоль слишкомъ жестока была месть его, то все-же никогда не хотѣлъ онъ совершенной гибели отечества. На водахъ памфилійскихъ появился финикійскій флотъ изъ 160 кораблей, шедшій на помощь Пелопоннесцамъ, и теперь Аѣины пали бы непременно, если бы не выручилъ ихъ Алкивіадъ: подѣ предлогомъ, что Сириі грозитъ опасность со стороны Египта, онъ далъ флоту другое направленіе,—заслуга, безспорно, великая.

Въ Аѣинахъ въ это время готовился политическій переворотъ. Въ эпохи переходныя, мы часто встрѣтимъ людей, которые для спасенія государства ищутъ средствъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не находится, именно—въ возстановленіи старыхъ, уже отжившихъ формъ государства. Такъ было теперь въ Аѣинахъ. Многіе изъ гражданъ думали, что измѣненіе въ государственномъ устройствѣ отвратитъ всѣ бѣдствія и дастъ войнѣ иной, лучшій оборотъ. Мы встрѣтимъ эти мысли въ комедіяхъ Аристофана; онѣ принадлежать не одному автору, но многимъ аѣинскимъ гражданамъ. И дѣйствительно, демократія въ Аѣинахъ находилась теперь въ состояніи полнаго разложенія. Во главѣ государства не стояло ни одного значительнаго мужа; народная масса была подѣ вліяніемъ самыхъ худшихъ демагоговъ. По-этому не мудрено было возникнуть партіи въ пользу переменъ учреждений. Съ этою партіею соединились начальники войска, стоявшаго въ Самосѣ, которой былъ въ это время главнымъ мѣстопребываніемъ военной аѣинской силы.

Этот островъ, сверхъ всякаго ожиданія, оставался вѣрнѣе Аѣинамъ до послѣдняго дня ихъ независимой жизни; объяснить это можно, кажется, тѣмъ, что Аѣиняне доставили сельскому населенію острова право на участіе въ правленіи, что до покоренія Самоса принадлежало исключительно горожанамъ. И такъ аѣинскіе и самосскіе реформаторы рѣшились ввести въ Аѣины олигархію. На это согласился и Алкивіадъ. Но если отживала уже свой вѣкъ демократія, то еще несостоятельнѣе была аѣинская аристократія. Уже было говорено, что древнихъ родовъ въ Аѣинахъ давно не существовало: ихъ смѣнила плутократія и личность; отрицая современную демократію, реформаторы естественно должны были изгнать и личность: оставалась одна плутократія, только напоминавшая собою древніе роды. Нельзя думать, чтобы Алкивіадъ не видѣлъ всей несостоятельности плутократіи, имѣвшей войти въ составъ олигархіи, — всей пустоты предполагаемой реформы, и если онъ соглашался на нее, то только потому, что видѣлъ въ ней средство къ скорѣйшему своему возвращенію въ Аѣины. Чтобы вполне понять цѣли реформы, мы должны познакомиться съ ея главными органами ^(*).

Въ самыхъ Аѣинахъ встречаемся мы съ двумя знаменитыми личностями, игравшими въ это время важную роль: Антифономъ Рамнійскимъ и Тераменомъ. Антифонъ есть собственно родоначальникъ обработки краснорѣчія въ Греціи: до него рѣчи не только не обрабатывались, но едва заранѣе обдумывались, обыкновенно они составлялись въ минуты произношенія. Антифонъ началъ заранѣе излагать рѣчи письменно, и такимъ образомъ возвелъ ихъ на степень литературы. До насъ дошли отъ него двѣ подлинныя рѣчи — на смерть Хоревта и объ убійствѣ Герода, которыя могутъ служить характеристикой тогдашняго краснорѣчія. Антифонъ происходилъ отъ какого-то знаменитаго аѣинскаго рода; впрочемъ, онъ говорилъ въ

(*) Четыре слѣдующія характеристики главныхъ реформаторовъ, и вообще вся исторія послѣднихъ годовъ Пелопоннесской войны, составлены мною на основаніи превосходнаго изложенія Набура въ его *Vorgw. uber alt. Gesch.* Т. II, р. 167—197.

пользу олигархіи не по какимъ-нибудь личнымъ расчетамъ, а прямо изъ желанія лучшаго для отечества. Къ-несчастью, онъ жилъ вѣтъ правительственнаго горизонта, вдали отъ современныхъ отношеній; а потому правильное понятіе о государствѣ было ему чуждо, все свое политическое знаніе онъ основывалъ на какихъ-то отжившихъ мечтахъ. Изъ своего ораторскаго таланта онъ сдѣлалъ средство къ обогащенію: Антифонъ за деньги писалъ рѣчи для тѣхъ, кто не владѣлъ даромъ слова.

Въ иномъ совершенно свѣтъ представляется личность Терамена. Характеръ его чрезвычайно оригиналенъ. Душа Терамена искала добра и правды, и страдала при видѣ беззаконія. Но при такомъ превосходномъ желаніи этотъ человекъ жилъ только минутою настоящаго; отсюда его быстрые переходы отъ одной партіи къ другой. За это непостоянство онъ получилъ прозваніе *χοῦρος*, ибо котурны дѣлались равно на обѣ ноги, тогда какъ сандалій для каждой отдѣльно. По своимъ способностямъ Терамень принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ талантовъ того времени: къ дѣламъ государственнымъ онъ былъ гораздо способнѣе Антифона, но ему не всегда доставало сознанія. Кроме того, онъ былъ искусный полководецъ, и притомъ довольно счастливый, отличался неутомимою дѣятельностью и хорошимъ краснорѣчіемъ. Многіе изъ новѣйшихъ историковъ недовольны характеромъ Терамена; но Нибуръ, напротивъ, очень любитъ эту личность; въ своихъ чтеніяхъ о древней исторіи онъ говоритъ, что вполне понялъ его натуру, и хотѣлъ писать о немъ. Терамень дорогою цѣною искупилъ свои прегрѣшенія: онъ палъ жертвою тиранніи тридцати, въ утверженіи которыхъ самъ принималъ живѣйшее участіе. Цицеронъ также питаетъ расположеніе къ Терамену (1). Конечно, нѣкоторые изъ его проступковъ не могутъ бытъ оправданы, но тѣмъ не менше заслуживаютъ извиненія, ибо рядомъ съ ними стоитъ раскаяніе и желаніе поправить дѣло. На первый разъ онъ выступилъ сторонникомъ предполагаемой олигархіи, потому что сознавалъ несостоятель-

(1) Cicero. *Fuscul.* 2, 10.

ность демократіи, дошедшей въ его время до совершеннаго безначалія; въ реформѣ учреждений онъ видѣлъ еще средство къ миру съ Спартою и вообще со всеми Греками: взглядъ Терамена на Пелопоннесскую войну въ этомъ отношеніи совпадаетъ со взглядомъ новѣйшихъ ученыхъ. Но введеніе въ Аѣинахъ олигархіи привело-ли къ миру съ Спартою? Если нѣтъ,—то взглядъ Терамена и новѣйшихъ ученыхъ несправедливъ. Таковы были въ самыхъ Аѣинахъ двѣ личности, соглашавшіяся на политическую революцію.

При войскѣ въ Самось выступали также два мужа совершенно различныхъ характеровъ, Пизандръ и Фринихъ. Нравственнаго достоинства перваго мы не можемъ оцѣнить съ такою определенностью, какъ Антифона или Терамена. Пизандръ былъ человекъ практическій; онъ ловко умѣлъ вести интригу, и одинъ изъ первыхъ подалъ голосъ въ пользу олигархіи. Хитрость, изворотливый и смѣлый умъ пріобрѣли ему значительное вліяніе. Фринихъ по своимъ связямъ и убѣжденіямъ принадлежалъ демократіи, и возвышеніемъ своимъ обязанъ, кажется, роли демагога. Онъ обладалъ большими талантами, свѣтлымъ соображеніемъ; ему недоставало, — совѣсти: Фринихъ былъ человекъ безнравственный. Пизандръ, въ видѣ приманки къ утверженію олигархіи, воспользовался обольстительнымъ предложеніемъ, что Алкивіадъ привлечетъ Персовъ на сторону Аѣинъ, если только будетъ измѣнено государственное устройство. Фринихъ сначала возсталъ противъ этого, ибо у него была личная неприязнь къ Алкивіаду: онъ опасался, что, возвратившись, Алкивіадъ затмитъ его авторитетъ, и говорилъ, что тотъ прямо стремится къ тиранинн, что ему вовсе не нужна ни олигархія, ни демократія. Только этотъ человекъ хорошо понималъ Алкивіада и настоящее значеніе въ это время олигархіи: по его мнѣнію, она должна была только усилить зло, а не прекратить его; несостоятельность же демократіи укрывалась отъ его взора. Чтобы сокрушить партію реформаторовъ, Фринихъ вошелъ въ сношенія съ Спартанцами и въ письмѣ упрощалъ ихъ напасть на Аѣинянъ; но письмо это попало въ руки Алки-

віада, который отправилъ его въ Аѣины. Фринихъ однако умно вывернулся изъ бѣды: онъ объявилъ, что готовилъ Спартанцамъ засаду; въ подтвержденіе этого показанія перешелъ къ партіи Пизандра и изъ демократа сдѣлался самымъ ревностнымъ олигархомъ.

Когда Пизандръ прибылъ въ Аѣины, то различныя общества (*συνουσίαι*), о которыхъ мы уже говорили, начали дѣйствовать подъ его вліяніемъ. Число желавшихъ реформы возрастало съ каждымъ днемъ; большая часть тѣхъ, которые стояли прежде на сторонѣ демократической, переходили къ нововводителямъ. Въ рядахъ сихъ послѣднихъ находились, какъ мы можемъ судить уже по зачинщикамъ реформы, люди съ совершенно различными интересами, съ разнородными стремленіями,—люди, между которыми общее было только одно,—реформа. Одинъ при ея помощи хотѣлъ избавиться отъ владычества плохихъ демагоговъ и сикофантовъ; другой надѣялся въ мутной водѣ наловить рыбы; третій искали всеобщаго мира съ Греками; наконецъ нашлись и такіе, которые мечтали о дѣйствительномъ возстановленіи древней аристократіи. Ожиданіе реформы было общее; но въ чемъ должна состоять она?—это знали не многіе. По предложенію Пизандра опредѣлено было избрать десять мужей съ неограниченною властью, которые обсудили-бы о предстоящей реформѣ и въ извѣстный срокъ предложили бы ее народу. Срокъ этотъ пришелъ, и народное собраніе было создано. Теперь ясно обозначилось, какая ничтожная роль была удѣломъ народной массы: все это множество, которое называлось народомъ-правителемъ, молча стояло на площади и допускало все, чего хотѣли *немногіе* хотя дѣло шло о потерѣ народныхъ выгодъ. Одною изъ важнѣйшихъ потерь было уничтоженіе поденной платы: государственные финансы были истощены, и дабы пополнить казну, опредѣлено было не платить жалованья ни за участіе въ народномъ собраніи, ни въ судахъ. Каждому позволено было дѣлать всевозможныя предложенія относительно новаго устройства, тогда какъ прежде нѣкоторыя изъ подобныхъ предложеній были строжайшимъ образомъ запрещены (*υραφαί παρὰ νόμον*). Въ силу такого предложенія

состоялась *ψύψισμα* Пизандра, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: должны быть избраны 400 человекъ, имѣющіе составить верховный советъ, во власти котораго будетъ сосредоточиваться все управленіе государствомъ; этотъ советъ долженъ избрать въ свою очередь 5000 изъ знатнѣйшихъ (конечно, плутократовъ) и достойнѣйшихъ гражданъ, которые замѣнять собою народное собраніе; въ важнѣйшихъ случаяхъ пятитысячный советъ долженъ сноситься съ советомъ четырехъ-сотъ. Таковы были существенныя измѣненія въ аѣинскомъ государственномъ устройствѣ. Новый порядокъ занималъ средину между тѣсною олигархіею и полною демократіею; по идеѣ онъ представлялъ аристократію въ первомъ значеніи этого слова. Форма совета 400 была постоянною мечтою любителей старины: сенатъ до Клизеена состоялъ также изъ 400 человекъ, по сту изъ каждой филы. Такимъ образомъ тѣ, которые мечтали о возстановленіи старины, о временахъ и учрежденіяхъ солоновскихъ, были на первый разъ совершенно удовлетворены новой формой сената: они думали, что съ возстановленіемъ древнихъ формъ возвратятся и прежнія счастливыя времена внутренняго покоя и порядка. У Фукидида ⁽¹⁾ найдемъ мы замѣчательный разсказъ о томъ, какъ совершилась эта реформа, какія мѣры употребляли для нея различные клубы, и какъ демократія сама уничтожила себя. Я уже говорилъ, что многіе изъ гражданъ, въ томъ числѣ и Терамень, видѣли въ перемѣнѣ учреждений средство къ общему миру съ Греками; по-этому тотчасъ, едва только совершилась эта реформа, Аѣиняне начали переговоры съ Спартою. Но Спартанцы презрительно отвергли всѣ предложенія и не думали прекращать войны. Это служить яснымъ опроверженіемъ той мысли, что будто бы въ войнѣ Пелопоннесской боролась аристократія съ демократіею. Вообще должно сказать, что эта реформа не только не улучшила положенія Аѣинъ, но сдѣлала его еще хуже. Мы уже видѣли, что вслѣдствіе различія интересовъ сами реформаторы раздѣлились на партіи. Кроме того, демократическое устройство нѣсколько обезпечивало для Аѣинянъ власть ихъ надъ союзниками;

(1) Thuc. VIII, 67, et seq.

теперь-же, когда вожди революции сочли за нужное вводить въ подвластныхъ Аѳинамъ городахъ также умѣренное олигархическое правленіе, города эти возставали и соединялись съ Спартою. Однимъ словомъ, эта реформа, произведенная еще довольно умѣренно, не удовлетворила никого, не исключая даже и ея виновниковъ, и это естественно заставляло ожидать дальнѣшаго шага въ преобразованіи, второй политической реформы. Такимъ образомъ, не взирая на всю умѣренность Пизандра и Фриниха (сравнительно съ тиранніей тридцати), все дѣла шли чрезвычайно плохо: попытка на миръ съ Спартою не удалась; армія въ Самось отказала совѣту четырехъ-сотъ въ повиновеніи, и слѣдовательно отделилась отъ государства; сверхъ того отъ Аѳинъ отпало много союзниковъ.

Аѳинская армія въ Самось и флотъ, благодаря неповоротливости Спартанцевъ, были нѣкоторое время свободны отъ военныхъ дѣйствій, и на досугъ занялись дѣлами политическими. Почигая себя настоящимъ аѳинскимъ государствомъ, это войско, подъ руководствомъ Тразибула и Тразила, составило *народное* опредѣленіе—возвратить Алкивіада и тотчасъ идти въ Аѳины, чтобы уничтожить произведенную тамъ реформу и въ свою очередь произвести новую. Если бы Алкивіадъ согласился на это мнѣніе, то въ Аѳинахъ совершилось бы теперь то-же, что было въ Римѣ по возвращеніи Суллы; но Алкивіадъ не хотѣлъ насиловать свое отечество и убѣдилъ войско остаться на своемъ мѣстѣ и защищать отдаленные предѣлы Аѳинскаго государства, такимъ образомъ онъ спасъ Аѳины отъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя могли произойти отъ отдѣленія войска отъ города. Онъ хорошо понималъ, что Аѳины скоро почувствуютъ нужду и въ немъ и въ военной силѣ, и что прочнаго мира между членами новаго правленія быть не можетъ: стѣило только спартанской арміи явиться подъ стѣнами города, и реформа рушится сама собою. Эти ожиданія не замедлили оправдаться. Въ то самое время, когда аѳинскій флотъ продолжалъ борьбу съ спартанскимъ, и когда Алкивіадъ своимъ посредничествомъ у Тиссаферна успѣлъ еще разъ отклонить опасность со стороны финикійскаго флота,—въ Аѳи-

нахъ начались раздоры правителей. Терамень, бывший однимъ изъ главныхъ поборниковъ реформы, является теперь первымъ ея врагомъ. Около него собралась партія, которая рѣшила возстановить демократію, ограничивши ее пятью тысячами гражданъ ⁽¹⁾. Произвести эту новую реформу Терамену было не трудно, потому что главы олигархій, Пизандръ и Фринихъ, были убиты при самомъ началѣ возстанія. Выдѣлить 5000 гражданъ изъ всей массы народонаселенія было также легко: такъ какъ сицилійское предпріятіе истребило большую часть аѳинскихъ гражданъ, то мѣсто ихъ было восполнено метакми и др.; оставшіеся въ городѣ старые граждане находились къ симъ послѣднимъ въ самыхъ недружелюбныхъ отношеніяхъ, и потому они охотно ухватились за средство, отдѣлявшее ихъ отъ новыхъ гражданъ. А какъ скоро возстановлено было демократическое устройство, хотя и въ ограниченномъ видѣ, то и для примиренія города съ войскомъ не представлялось болѣе никакихъ препятствій. Правленіе совета 400 продолжалось только четыре мѣсяца ⁽²⁾.

Правленіе пяти тысячъ, по мнѣнію Фукидида, было чрезвычайно благотѣльно для Аѳинскаго государства ⁽³⁾. Но, кажется, это мнѣніе должно принимать сравнительно съ послѣдующею эпохою тридцати тиранновъ: безотносительно же съ нимъ трудно согласиться. Какъ могло государство благоденствовать, когда въ Аѳинахъ въ это время доходилъ до крайности сикофантизмъ въ лицѣ Клеофона, Эпитедея, Никострата и др.,—сикофантизмъ, оставившій по себѣ самыя ужасныя воспоминанія? И въ самомъ дѣлѣ, это зло никогда не было такъ сильно, какъ въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны: стобитъ прочесть Аристофана, чтобы увидѣть сикофантизмъ въ его страшныхъ образахъ. Ближайшимъ поводомъ къ такому сильному развитію его въ эту эпоху служило воспоминаніе о революціи четырехъ-сотъ; даже при тридцати тиранахъ продолжались еще обвиненія за дѣйствія первыхъ реформаторовъ.

Какъ должно думать, правленіе пяти тысячъ продолжалось также не долго ⁽⁴⁾, и смѣнено было общимъ народнымъ

⁽¹⁾ Lys. pro Polystr. § 13. ⁽²⁾ Thuc. VIII, 70, 74, ⁽³⁾ Thuc. VIII. 97.

⁽⁴⁾ Cp. Sievers. comment. hist. de Xenoph. Hellen. Hermann. Aut. gr. § 167, 13.

собраниемъ подъ руководствомъ пяти эфоровъ, короче—старое пошло по старому ⁽¹⁾. «Горе дому, коимъ владѣетъ жена; горе царству, коимъ владѣютъ многіе»; — безначаліе проходило теперь въ Аѣинахъ еще глубже. Однимъ изъ самыхъ грозныхъ и неисцѣлимыхъ несчастій Аѣинской республики было ея безсиліе, которое тотчасъ обнаружилось, какъ скоро стихли на минуту внутреннія волненія. Правленіе совѣта четырехъ-сотъ, не смотря на свою кратковременность, было обильно печальными событіями: многія, чрезвычайно важныя для Аѣинъ страны, напр., Тазось, нѣкоторые Циклады и др., передались Спартанцамъ, какъ скоро реформаторы захотѣли измѣнить въ нихъ демократическое устройство въ олигархію. Опять очевидный признакъ, что война Пеллопоннесская не носитъ на себѣ характера борьбы аристократіи съ демократіею. Самый сильный ударъ нанесенъ былъ Аѣинскому государству потерею Эвбеи. Вся эта потеря была не менѣе чувствительна и для частныхъ людей, ибо граждане Аѣинъ пользовались на о Тазось и Эвбеѣ клерухіею и владѣли обширными помѣстьями. Такова была революція въ своихъ результатахъ.

Обратимся теперь къ самой войнѣ. Событія послѣднихъ ея годовъ распадаются на четыре отдѣла: 1) вскорѣ послѣ революціи четырехъ-сотъ война перенесена была къ Геллеспонту, 2) потомъ опять въ Іонію, 3) за тѣмъ на Лесбось, и 4), наконецъ, снова къ Геллеспонту.

Во второй годъ 92-й о. Спартанцы отправились къ Геллеспонту. Противъ нихъ поплылъ туда аѣинскій флотъ подъ начальствомъ Алкивіада, избраннаго въ стратеги. Спартанцамъ было очень выгодно перенести военныя дѣйствія на Геллеспонтъ, потому что вся тамошнія страны отпали отъ Аѣинъ; сюда принадлежали: Византія, Халкедонъ и многіе города въ Херсонесѣ, гдѣ у Аѣинянъ была клерухія, — на азиатскомъ берегу Геллеспонта, въ Пропонтидѣ и на берегахъ Боспора. Начальникомъ спартанскаго флота былъ Миндаръ, одинъ изъ лучшихъ мужей послѣ Бразида и Лизандра. Къ удивленію цѣлой Греціи, Аѣиняне выиграли три морскихъ битвы; осо-

(1) *Lys. in Eratosth.* § 43; *Andocid. de myster.* § 77 et seqq. *Xenoph. Hell.* II, 2, 11.

бенно значительна была победа при Кизикъ (3, 92 ол.) (1). Въ этотъ же день, высадившись на берегъ, они разбили и сухопутное пелопоннесское войско. Плодомъ этихъ побѣдъ было покореніе всѣхъ странъ Геллеспонта, за исключеніемъ Абидоса. Халкедонъ и Византія пали также во власть Аѳинянъ; особенно важно было для нихъ завоеваніе последней: они наложили тамъ пошлину за провозъ товаровъ, что отчасти вознаградило военные убытки (4, 92 ол.) (2).

Въ первый годъ 93-й ол. Алкивіадъ съ необыкновеннымъ триумфомъ воротился въ Аѳины. Онъ присталъ къ пирійской гавани въ праздникъ Плинтерій, когда Аѳиняне не приступали ни къ одному важному занятію. Многіе говорили, что прибытіе его въ такой день не предвѣщаетъ ничего добраго ни для него самаго, ни для государства. Въ городъ оставалось столько гражданъ, сколько нужно было для защиты стѣнъ отъ внезапнаго нападенія Спартанцевъ, которые сидѣли еще въ Декелеѣ; все-же остальное народонаселеніе отъ мала до велика устремилось въ Пирей, чтобы скорѣе увидѣть великаго изгнанника. Почти двѣнадцать лѣтъ нога Алкивіада не ступала на родную землю; время и чужбина значительно измѣнили его характеръ; — жаръ мщенія остылъ давно, и Алкивіадъ вполне примирился съ своимъ отечествомъ. Онъ возвращался не только съ чувствомъ примиренія, но съ искреннимъ желаніемъ — посвятить всѣ силы свои на пользу Аѳинскаго государства, исцѣлить тѣ глубокія раны, которыя самъ онъ нанесъ ему. Но было поздно: дни Аѳинъ были уже отмѣчены въ книгахъ судебъ. И странно было вліяніе этого человѣка: Аѳиняне утѣшались теперь счастливыми надеждами, и никто не думалъ о печальномъ концѣ войны. Въ этомъ упоеніи они сдѣлали большую ошибку, отвергнувши предложенный Спартанцами, послѣ кизикской битвы, миръ, который, безъ сомнѣнія, далъ бы Аѳинянамъ возможность собраться съ силами; но одушевленные побѣдами Алкивіада, они никакъ не хотѣли согласиться на условіе: *utī possidetis*. Клеофонъ и его партія настояли на продолженіе войны. Объ этой личности мы знаемъ изъ послѣд-

(1) Xenoph. Hell. I, 1.

(2) Xenoph. Hell. I, 3.

нихъ произведеній Аристофана и изъ схолий. Клеофонъ былъ уменъ, и, обладая большими талантами, онъ любилъ войну не на словахъ, какъ Клеонъ, но на самомъ дѣлѣ отличался мужествомъ и отвагою. Ремесломъ онъ былъ ламповыхъ дѣлъ мастеръ. До самой последней минуты своей жизни, при всевозможныхъ перемѣнахъ, Клеофонъ оставался всегда послѣдователемъ, равнымъ самому себѣ. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ онъ былъ гибелью для Аѳинъ: совѣтъ его всегда сопровождался воплемъ несчастій.

Гораздо лучше было-бы, если бы Алкивиадъ отложилъ свой триумфъ до окончанія войны. Народъ далъ ему неограниченное полномочіе, и злоупотребленіе не замедлило обнаружиться. Къ числу вопіющихъ недостатковъ Алкивиада въ это время относится то обстоятельство, что онъ имѣлъ наперсниковъ, изъ которыхъ много было людей весьма недостойныхъ; на ихъ, подчасъ очень не завидное, поведеніе Алкивиадъ смотрѣлъ сквозь пальцы, и въ этомъ скрывалась причина недоверія къ нему гражданъ, когда онъ оставлялъ Аѳины.

Въ числѣ его любимцевъ мы встречаемъ Антиоха, которому поручалъ Алкивиадъ начальство надъ флотомъ въ свое отсутствіе. Антиохъ былъ человекъ дѣятельный, но мало опытный. Гонимъ за славою победы, онъ вступилъ въ битву съ спартанскимъ адмираломъ Лизандромъ ⁽¹⁾, въ отсутствіе Алкивиада. Это случилось около береговъ Іоніи. Лизандръ былъ знаменитый полководецъ своего времени, и соперничать съ нимъ Антиоху было невозможно: вмѣсто победы онъ потерпѣлъ пораженіе, и возвратившійся Алкивиадъ нашелъ аѳинскій флотъ въ самомъ невыгодномъ положеніи. Счастье оставило и самого Алкивиада: онъ начиналъ много предпріятій, но большая часть изъ нихъ не удалась. Между тѣмъ недостатокъ въ деньгахъ побудилъ его прибѣгнуть къ мѣрамъ не

(1) Лизандръ былъ спартанскій навархъ; это было новое достоинство въ Спартѣ, время происхожденія котораго опредѣлить трудно: можно думать, что оно относится ко временамъ персидскихъ войнъ. Объемъ этой магистратуры былъ гораздо шире, нежели объемъ царской власти, ибо послѣдняя находилась подъ надзоромъ эфоровъ, навархія же имъ не подчинялась. Эта должность не была, кажется, исключительно принадлежностью коренныхъ Спартацевъ. Ср. Наав. ad Xenoph. г. I. р. 105.

совсѣмъ безукоризненнымъ, именно—къ сикофанτισму. Клеветы и обвиненія широко раскинули теперь свои сѣти, а Алкивиадъ все-таки остался безъ денегъ. Къ-тому же и самая власть его была къ этому времени ограничена. Во второмъ году 93-й ол. онъ рѣшился перенести войну въ Эракію, гдѣ у него много было помѣстевъ, въ которыхъ онъ надѣялся добыть средства для войны.

Спартанскій флотъ между тѣмъ плылъ къ острову Лесбосу. Имъ начальствовалъ Калликратидъ, мужествомъ и честностью наминавшій Брасида. Ему удалось завладѣть Метимною и запереть аѣинскій флотъ въ митиленской гавани. Адмиралъ аѣинскій Кононъ истощилъ всѣ средства, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія; но все было напрасно. Свѣдавши о критическомъ положеніи своего флота, Аѣиняне поспѣшно соорудили другой и отправили его на помощь къ Конону. Спартанцы попали теперь между двухъ огней: при островахъ аргинусскихъ произошла битва, окончившаяся въ пользу Аѣинянъ. Калликратидъ палъ въ битвѣ; множество пелопоннесскихъ судовъ досталось побѣдителямъ. Но и аѣинскіе корабли довольно потерпѣли отъ бури, которая помѣшала Аѣинянамъ исполнить одну изъ священнѣйшихъ обязанностей—собрать трупы убитыхъ и предать ихъ погребенію. Побѣдоносные полководцы, по настоянію сикофанта Калликсена, были за это обвинены. Несправедливость обвиненія была очевидна, и Сократъ, находившійся тогда въ числѣ народныхъ судей, явился ихъ защитникомъ; но сикофантисмъ взялъ верхъ, и шестеро несчастныхъ должны были выпить ядъ. Спаслись только Терамень и Тразибулъ. Какихъ людей теряло Аѣинское государство въ этихъ жертвахъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: одинъ изъ осужденныхъ, Діомедонтъ, проходя въ темницу для принятія яда, сказалъ собравшемуся на площади народу: «мы прощаемъ васъ, граждане, лишь-бы только этотъ поступокъ не принесъ вамъ несчастья. Мы дали благодарственный обѣтъ богамъ, если одержимъ побѣду: побѣда одержана, но обѣта исполнить мы не можемъ,—вы за насъ должны это сдѣлать».

Война слѣдующаго года была счастлива для Аѣинянъ.

Аргинусская побѣда породила въ гражданахъ самыя блестящія надежды, какъ это видимъ мы въ «Лягушкахъ» Аристофана. Но къ несчастью Греціи, въ это время умеръ царь персидскій Дарій; младшій его сынъ Киръ, бывшій правителемъ малой Азіи, хотѣлъ овладѣть теперъ престоломъ и возмущился противъ своего старшаго брата. Онъ просилъ Спартанцевъ о помощи, и такъ какъ Спарта не могла удовлетворить его прежде, нежели будетъ окончена война съ Аѣнинами, то Киръ для ея ускоренія послалъ Лизандру богатые дары. Плодомъ этого было то, что многіе изъ аѣинскаго войска, преимущественно вольноотпущенники, переходили на сторону Спартанцевъ. Въ четвертомъ году 93-й о. Лизандръ перенесъ войну снова на Геллеспонтъ: онъ опасался, кажется, чтобы Фарнабазъ не принялъ стороны Аѣинянъ, ибо между Киромъ и Фарнабазомъ начались несогласія. Кроме того обладаніе Чернымъ моремъ лишало Аѣинянъ значительныхъ доходовъ. Уже было сказано, что въ этихъ странахъ оставался за Спартанцами одинъ Абидосъ: сюда-то присталъ теперъ Лизандръ и овладѣлъ Лампсакомъ, находившимся въ союзъ съ Аѣиннами. Аѣиняне поспѣшили на встрѣчу Спартанцамъ; въ числѣ ихъ начальниковъ находился Филоклесъ, по справедливости стяжавшій себѣ славу измѣнника.

Позиція, занятая аѣинскимъ флотомъ при устьяхъ рѣки Эгосъ-Потамоса, была весьма невыгодна, ибо лишала экипажъ подвоза състныхъ припасовъ: солдаты сами должны были выходить на берегъ и отыскивать себѣ продовольствія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого былъ упадокъ дисциплины въ аѣинскомъ войскѣ. Алкивіадъ, изгнанный вторично изъ Аѣинъ, и жившій не по далеку отъ мѣста дѣйствія, часто приходилъ на флотъ, указывая полководцамъ невыгоду ихъ позиціи, упрашивалъ солдатъ не оставлять судовъ, и давалъ превосходный совѣтъ — поднять за Аѣинянъ князьковъ еракійскихъ и перевести ихъ въ Азію, съ тѣмъ чтобы напасть на Спартанцевъ при Лампсакѣ. Но аѣинскіе генералы приняли Алкивіада очень неблагоклонно, — Адамантъ и Тидей по гордости, а Филоклесъ вслѣдствіе предательскихъ замысловъ, отвергли его совѣтъ и замѣтили ему, что онъ не болѣе какъ

изгнанникъ. Лизандръ между тѣмъ воспользовался какъ вельзл лучше обстоятельствами: извыщенный Филоклесомъ, онъ напалъ на аѳинскій флотъ въ ту самую минуту, когда матросы разбрелись за продовольствіемъ. Въ несколько часовъ огромный аѳинскій флотъ (до 200 кораблей) достался Спартанцамъ; всѣ аѳинскіе граждане, находившіеся въ войска, были, по приказанію Лизандра, умерщвлены. Спасся только Кононъ съ десятию кораблями, отплывшій къ острову Кипру, откуда послалъ онъ въ Аѳины извѣстіе о несчастномъ исходѣ эгостотамосской битвы.

По свидѣтельству Ксенофонта (*), роковая вѣсть какъ громъ поразила Аѳинянъ и быстро распространилась по городу. Воздухъ огласился воплями отчаянія. Для Аѳинянъ теперь все было потеряно: они ничего не могли болѣе сдѣлать, потому что всѣ силы ихъ были истощены. Вышней помощи искать негдѣ: претивъ Аѳинянъ, казалось, возсталъ весь міръ. Должно было ждать осады и потомъ защищаться до тѣхъ поръ, пока можно будетъ получить хоть сколько-нибудь еносмый миръ.

Лизандръ не спѣшилъ осадой: онъ опасался, что отчаяніе придастъ Аѳинянамъ мужество, и, быть можетъ, разрушитъ его побѣдоносную славу. Онъ началъ стонать въ Аѳины стояшіе въ различныхъ мѣстахъ аѳинскіе гарнизоны, дабы скорѣе въ городъ открылся голодъ, который заставилъ бы гражданъ сдать безусловно. Планъ былъ самый гибельный для Аѳинъ, и ожиданія Лизандра тотчасъ оправдались, какъ скоро онъ заперъ городъ съ моря, а Агисъ и Павзаній осадили его съ суши. Определенно нельзя сказать, какъ долго продолжалась осада: по свидѣтельству Лисія и по самому плану Спартанцевъ должно заключить, что она длилась довольно времени. Аѳиняне отправили къ Агису посольство и изъявили готовность признать гегемонію Спартанцевъ, слѣдовать за ними всюду и на морѣ и на сушѣ, лишь-бы только побѣдители не разрушали городскихъ стѣнъ и оставили имъ то небольшое число судовъ, которымъ они еще владѣли. Агисъ отвѣчалъ, что на заключеніе мира онъ не имѣетъ никакого полномочія, и что для этого Аѳиняне должны обратиться въ самую Спарту.

(*) Xenoph. II, 2.

Послы поехали; но на границахъ ихъ остановили и задали вопросъ: уполномочены ли они своимъ народомъ? Послы отвѣчали, что они привезли условія отъ своего государства. Спартанцы не пустили ихъ далѣе и воротили назадъ. Очевидно, что имъ хотѣлось продлить время, дабы усилить голодъ, который и безъ того уже свирѣствовалъ въ Аѳинахъ. Отправлено было второе посольство и во главѣ его знакомый уже намъ Терамень; но и его съ тѣмъ же умысломъ четыре мѣсяца продержали въ Спартѣ. Наконецъ Терамень воротился и объявилъ Аѳинянамъ волю Спартанцевъ: Аѳины должны разрушить большія стѣны (*μικρὰ στήλη*) и стѣны пирея; стѣны же вокругъ города (*κύκλος*) останутся неприкосновенными. Спартанцамъ должны быть выданы все аѳинскіе корабли, кромѣ десяти или двѣнадцати; Аѳиняне всюду должны слѣдовать за своими побѣдителями и возобновить учрежденія своихъ предковъ — *κατὰ τὰ πάτρια πολιτεύεσθαι*. Последний пунктъ былъ весьма неясенъ, и никто изъ Аѳинянъ не могъ понять, что разумѣли Спартанцы подъ *τὰ πάτρια* соловинскія-ли учрежденія, или что-либо другое. Спартанцы опредѣлили, что должны быть избраны тридцать мужей, которіе укажутъ-бы эти «учрежденія предковъ.»

Подъ такими тяжелыми условіями Аѳинянамъ подарена была жизнь. При звукахъ спартанской музыки разрушались ихъ стѣны и сжигались корабли — плодъ въковой дѣятельности народа. Аѳиняне находились въ совершенномъ безпамятствѣ. Такъ печально кончилась ихъ попытка создать новое государство, съ болѣе правильными управленіями, съ болѣею прочностію въ основѣ. Формы племеннаго быта одолѣли зарождавшуюся монархію, но — *propius periculum fuerunt, qui vicerunt*.

Н. ГУРЬНКО.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ІОАННЪ ІОАННОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ (*).

(1790—1852).

Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ родился въ сентябрь мѣсяцъ 1790 года, въ Могилевской губерніи. Тамъ родитель его, женатый на племянницѣ знаменитаго въ свое время бѣлорусскаго архіепископа, преосвященнаго Георгія Конисскаго, служилъ, въ санѣ протоіерея, при одной изъ епархіальныхъ церквей. У отца протоіерея Іоанна, кромѣ Іоанна Іоанновича, были еще четыре взрослые сына. Одинъ изъ нихъ скончался давно, въ санѣ священника, въ молодыхъ лѣтахъ; два служили

(*) Эта біографія Іоанна Іоанновича Григоровича была приготовлена къ напечатанію въ январь мѣсяцъ нынѣшняго года и не напечатана только потому, что въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія уже помѣщено *почти точно такое же* извѣстіе о жизни и ученыхъ трудахъ покойнаго протоіерея. Не удивительно, что авторы обѣихъ біографій говорятъ *какъ бы слово-въ-слово одно и то же*: они заимствовали свои показанія изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Многимъ покажется, что предлагаемая здѣсь статья списана съ предшествовавшей ей, ранѣе ея напечатанной; но это не справедливо, потому что авторъ ея, при составленіи своей статьи, не имѣлъ въ виду декабрьской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Редакція «Москвитяина» помѣщаетъ въ своемъ журналѣ біографію Іоанна Іоанновича Григоровича съ одной стороны для того, чтобъ сохранить въ листахъ своего изданія память о почившемъ труженикѣ науки, къ которой питаетъ глубокое уваженіе, а съ другой потому, что въ статью Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія вкрались нѣкоторые маловажныя ошибки, или, лучше сказать, неточности, что, безъ сомнѣнія, случилось отъ невѣрности бывшихъ у автора ея матеріаловъ.

въ гражданской службѣ; самый же старшій, Василій Іоанновичъ, въ иночествѣ Венедиктъ, былъ архіепископомъ олонецкимъ и петрозаводскимъ. Онъ скончался въ Петрозаводскѣ, 6 декабря 1850 года, на шестьдесятъ шестомъ году отъ рожденія. (Родился 26 декабря 1784). — Іоаннъ Іоанновичъ былъ шестью годами моложе старшаго своего брата. Вскорѣ послѣ кончины архіепископа, пораженный до глубины души смертью любимаго брата, онъ написалъ біографію преосвященнаго — и прожилъ послѣ него только два года. 1 ноября 1852, въ шестомъ часу послѣ полудня, онъ отошелъ въ вѣчность, на шестьдесятъ третьемъ году отъ рожденія. — Біографія архіепископа Венедикта напечатана въ Сѣверной Пчелѣ 31 декабря 1850 года.

Приготовляясь, по волю родителя своего, къ обязанностямъ духовнаго сана, Іоаннъ Іоанновичъ воспитывался въ могилевской семинаріи, и, по окончаніи полнаго семинарскаго курса, былъ опредѣленъ учителемъ греческаго и латинскаго языковъ въ могилевское духовное училище 1 мая 1811 года, на двадцать первомъ году отъ рожденія. Здѣсь онъ прослужилъ четыре года. Въ 1815, еще невступно двадцати пяти лѣтъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, былъ онъ включенъ въ число студентовъ петербургской Духовной академіи; а 9 августа 1819 окончилъ академическій курсъ и выпущенъ изъ академіи съ степенью кандидата богословскихъ наукъ, двадцати девяти лѣтъ отъ роду. Ближайшими товарищами его въ академіи были: недавно скончавшійся псковскій архіепископъ Навананлъ и преосвященный Христофоръ, нынѣшній епископъ ревельскій. На тридцатомъ году жизни, 28 января 1820 года, покойный былъ рукоположенъ въ священнической санъ преосвященнымъ Даниломъ, архіепископомъ могилевскимъ: онъ занялъ тогда во Гомель мѣсто родителя своего, отказавшагося отъ службы по преклонности лѣтъ и разстроенному здоровью.

Съ этихъ поръ, послѣ окончанія дѣятельности учебной, открылось для отца Іоанна поприще духовной, служебной и ученой дѣятельности. Онъ успѣлъ отличить себя на этомъ поприщѣ превосходными качествами ума и сердца. Іоаннъ Іоанновичъ занималъ мѣсто приходскаго священника въ Гомель

около десяти лѣтъ, бывъ уже въ санѣ протоіерей, который получилъ вскорѣ послѣ рукоположенія въ іерейскій санъ, 2 февраля 1820 года. Здѣсь, кромѣ обыкновенныхъ обязанностей приходскаго священника, лежали на немъ обязанности ректора гомельскихъ духовныхъ училищъ, цензора проповѣдей и члена бѣлицкаго духовнаго правленія; а сверхъ того, онъ долженъ былъ преподавать питомцамъ своимъ элементарный курсъ наукъ, за неимѣніемъ приспособленныхъ къ тому, опытныхъ наставниковъ. Административныя занятія въ званіи члена духовнаго правленія, труды по должностямъ ректора и учителя, частыя церковныя служенія, исправленіе духовныхъ требъ въ домахъ прихожанъ, и, наконецъ, многоотвѣтственныя обязанности цензора отнимали у него все свободное время; не смотря однакожь на это, онъ успѣвалъ еще проповѣдывать слово Божіе и въ продолженіе гомельской службы своей написалъ нѣсколько поученій, замѣчательныхъ глубокостью мысли и проникательностью воззрѣнія на духовный міръ чловѣка. По скромности ли своей, или по недобѣрчивости къ достоинству своихъ произведеній, онъ не печаталъ ихъ; но, по свойственной умному чловѣку привычкѣ, не уничтожалъ, а сохранялъ въ рукописяхъ свои благоговѣйныя размышленія, и это подаетъ утѣшительную надежду, что проповѣди его будутъ современемъ напечатаны, въ назиданіе тѣмъ благочестивымъ христіанамъ, которые не имѣли случая слышать ихъ изъ устъ самаго проповѣдника. Служба въ Гомель ввела отца Іоанна въ сношеніе съ покойнымъ канцлеромъ, графомъ Румянцовымъ. Слѣдствіемъ знакомства его съ графомъ было то, что ученая его дѣятельность приняла другое направленіе. Онъ посвятилъ досуги свои трудамъ историческимъ, археологическимъ, и, въ послѣдствіи времени, филологическимъ. Въ 1821 году отецъ Іоаннъ напечаталъ «Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ», извлеченіе изъ древнихъ русскихъ лѣтописей, дающее основательное и правильное понятіе объ историческомъ значеніи посадниковъ въ эпохи новгородской самостоятельности. Въ слѣдъ за тѣмъ, въ 1823 году, собранъ и изданъ имъ «Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ». Въ этой книгѣ есть много актовъ, переведенныхъ

*

почтеннымъ археологомъ съ латинскаго и польскаго языковъ. Въ 1824 году могилевское епархіальное начальство поручило ему составить «Дополненіе къ Исторіи російской іерархіи,» по отношеніямъ этой исторіи къ Бѣлорусскому краю. Въ скоромъ времени, оно, въ рукописи, было представлено въ Святѣйшій Синодъ.

Въ 1829 году христоробивый пастырь долженъ былъ оставить гомельскій свой приходъ, при которомъ служилъ девять лѣтъ съ половиною. 22 іюля этого года, по распоряженію высшаго начальства, онъ былъ перемѣненъ въ Витебскъ, съ назначеніемъ состоять при тамошнемъ соборѣ. Въ то же самое время отецъ Іоаннъ сдѣланъ ректоромъ витебскихъ уезднаго и приходскаго училищъ, присутствующимъ въ тамошнемъ духовномъ правленіи, благочиннымъ, цензоромъ проповѣдей; а 6-го сентября назначенъ, сверхъ того, законоучителемъ въ витебскую губернскую гимназію. Здѣсь, опять по назначенію высшаго начальства, онъ сказалъ нѣскольکو проповѣдей, изъ которыхъ одна произвела такое сильное впечатлѣніе на слушателей, что письменные экземпляры ея до сихъ поръ съ благоговѣніемъ сохраняются въ семейныхъ архивахъ витебскихъ жителей. Въ Витебскѣ онъ прожилъ немного болѣе года, обремененный, кромѣ исчисленныхъ здѣсь занятій, неоднократно командировками по разнымъ следственнымъ дѣламъ, и 23 октября 1830 года указомъ Святѣйшаго Синода вызванъ въ Петербургъ, съ опредѣленіемъ къ церкви лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Отецъ Іоаннъ въ другой разъ переселился въ Петербургъ на сорокъ первомъ году своей жизни и прожилъ здѣсь двадцать два года. Шесть лѣтъ и два мѣсяца онъ служилъ при полковой церкви и слишкомъ пятнадцать при церкви собственнаго Его Императорскаго Величества дворца (Аничковскаго), куда былъ опредѣленъ по Высочайшему повелѣнію 7 января 1837 года. Въ Петербургѣ, въ 1832 году онъ напечаталъ «Историческое изслѣдованіе о жизни Святителя Митрофана, Воронежскаго чудотворца»; въ 1834 переводъ латинской рукописи «Переписка папъ съ російскими Государями въ XVI вѣкѣ;» въ 1835 два тома сочиненій предка своего,

преосвященнаго Георгія конисскаго, архієпископа бѣлорусскаго, съ написанною имъ біографією архієпископа. Съ 1837 года всѣ ученія занятія его сосредоточились на обязанностяхъ члена и главнаго редактора Археографической комиссіи, учрежденной при департаментъ народнаго просвѣщенія. Онъ избранъ въ члены комиссіи 30 декабря 1837; назначенъ редакторомъ юридическихъ актовъ 5 октября 1838 года. Съ мая мѣсяца 1834 по май 1837, ровно три года, во время службы своей при церкви Финляндскаго полка, отецъ Іоаннъ преподавалъ безвозмездно законъ Божій и русскую грамматику воспитанникамъ и воспитанницамъ дома призрѣнія бѣдныхъ, что на Васильевскомъ островѣ. Сверхъ занятій своихъ въ Археографической комиссіи, онъ трудился въ послѣднее время жизни надъ составленіемъ «Словаря Бѣлорусскихъ нарѣчій». Словарь бѣлорусскихъ нарѣчій, собственность петербургской Академіи Наукъ, находится теперь въ полномъ ея распоряженіи. Нѣтъ сомнѣнія, что, по окончательной обработкѣ собранныхъ для сего отцомъ Іоанномъ матеріаловъ, Словарь будетъ изданъ Академією въ томъ удовлетворительномъ видѣ, въ какомъ печатаются всѣ другія ея изданія. Ранняя, неожиданная кончина отца Іоанна не позволила ему довершить этого обширнаго труда; но онъ положилъ начало ему. Академія Наукъ, конечно, не оставитъ безъ должной оцѣнки послѣднихъ трудовъ достойнаго дѣятеля науки и почтитъ его память справедливымъ возмездіемъ заслугъ его (*).—8 марта 1848 года совѣтъ казанскаго университета присоединилъ достопоченнаго археолога къ числу своихъ членовъ-корреспондентовъ.

Іоаннъ Іоанновичъ Григоровичъ получилъ слѣдующія Высочайшія награды и знаки отличій: бархатную фіолетовую скуфью, за усердную службу въ Гомель, 20 января 1827 года; такую же камиллавку за труды по училищному вѣдомству въ Витебскѣ, 26 января 1830; золотой наперсный крестъ за

(*) Академія Наукъ уже приняла дѣятельныя мѣры къ продолженію и напечатанію «Словаря западно-русскаго нарѣчія»; за тѣ же десять листовъ этого словаря, которые успѣлъ составить и отпечатать покойный, выдано осиротѣвшему семейству его триста рублей серебромъ.

ревностное служеніе при церкви Финляндскаго полка, 5 ноября 1832; орденъ святыя Анны 2 степени, къ которому Всемиловѣйшше сопричисленъ за полезныя труды по службѣ, 14 июля 1834; тотъ же орденъ, Императорскою короною украшенный, за отличныя труды по званіямъ главнаго редактора Актовъ Археографической комиссіи и члена комиссіи, 3 октября 1841; орденъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени за отлично-усердную службу при дворцовой церкви, 24 апрѣля 1843, и наперсный крестъ съ брилліантовыми украшеніями, тоже за службу при церкви Собственнаго Его Императорскаго Величества дворца, 23 апрѣля 1851 года. Сверхъ того, 2 іюня 1834 года онъ былъ удостоенъ Всемиловѣйшаго рескрипта Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича за поднесенный Его Высочеству экземпляръ книги «Череписка Папъ съ Россійскими Государями въ XVI вѣкъ»; 30 іюля 1835, за поднесеніе Его Императорскому Величеству книги «Собраніе сочиненій Архіепископа Георгія Конисскаго, Всемиловѣйшше пожалованы ему золотыя часы; 10 февраля 1836; въ знакъ Высочайшаго вниманія къ полезнымъ его трудамъ, брилліантовый перстень; 17 января 1838 онъ Всемиловѣйшше награжденъ подаркомъ за занятія въ Археологической комиссіи; 14 декабря того же года, опять за понесенныя по Археографической комиссіи труды, удостоенъ Высочайшаго благоволенія и неоднократно получалъ письменныя изъявленія признательности отъ разныхъ духовныхъ и гражданскихъ ведомствъ—или за пожертвованія своихъ книгъ въ пользу воспитательныхъ заведеній, или за безвозмездное преподаваніе наукъ питомцамъ казенныхъ училищъ, или вообще за ученія и служебныя заслуги. Исчисленіе полученныхъ имъ въ продолженіе службы знаковъ отличій показываетъ, что онъ не успѣлъ заслужить только одной почетной награды, предоставленной законами его сану—ордена святаго князя Владиміра 3 степени.

Изъ этого краткаго обозрѣнія ученыхъ и служебныхъ трудовъ Іоанна Іоанновича видно, что онъ, какъ говоритъ незабвенный русскій поэтъ, Константинъ Николаевичъ Батюш-

ковъ, «юность не праздно провель,» а что трудолюбивая юность его имѣла благотворное вліяніе на всю его жизнь, то-есть сохранила въ немъ неизмѣнную любовь и навѣкъ къ полезнымъ занятіямъ. Надобно сожалѣть, что преждевременная кончина не допустила отца Іоанна докончить печатаніе «Словаря Бѣлорусскихъ нарѣчій»—труда, о которомъ онъ самъ, какъ бы предчувствуя приближеніе смерти, отзывался всегда какъ о дѣлѣ, перейдущемъ изъ его рукъ въ другія руки. «Я чувствую, что не успѣю составить Словаря Бѣлорусскихъ нарѣчій», говорилъ онъ прошедшимъ лѣтомъ, живя на дачѣ, на Пегровскомъ Островѣ: «но если бы Богъ помогъ мнѣ совершить этотъ трудъ, то я бы сказалъ словами Виргилія:

Vixi; et quem dederat cursum fortuna peregi.»

Основательно зная латинскій языкъ, отецъ Іоаннъ любилъ объясняться на этомъ языкѣ съ людьми, которые понимали его, и часто вставлялъ въ русскій разговоръ свой цитаты изъ сочиненій латинскихъ писателей. Онъ говорилъ пріятно, умно, разсудительно—иногда даже увлекательно, когда увлекался важностью или теплотою разговора. Видно было, что сердце его, не поврежденное опытами жизни, неисчерпаемо сохраняло въ себѣ цѣлебный родникъ благодати Божіей. Какъ истинно ученый человекъ, чуждый педантизма, или той школьной надутости, которую Нѣмцы такъ правильно называютъ «choulschtaubfressen», покойный былъ одинаково ласковъ, пріятливъ и обходителенъ, какъ съ людьми истинно учеными, такъ и съ тѣми, которые не могли или не хотѣли пріобрѣсти прочныхъ познаній, и умѣлъ съ перваго взгляда отличить первыхъ отъ послѣднихъ, отдавая справедливое уваженіе однимъ, снисходя къ другимъ, и не уничая ихъ въ присутствіи постороннихъ людей. Достопочтенный отецъ протоіерей не любилъ въ людяхъ одного только, такъ называемаго, полупросвѣщенія, полуучености и полуобразованности; но и такихъ полулюдей, то-есть людей полуобразованныхъ, щадилъ всегда, сколько могъ. Шутки, которыя часто допускалъ онъ въ откровенныхъ бесѣдахъ своихъ съ друзьями, никогда не выходили изъ предѣловъ умныхъ шутокъ, невоз-

бранно употребляемыхъ въ образованномъ обществѣ, не оскорбляли никого, не упадали на степень язвительной, злой насмѣшки, а только проявляли веселый его нравъ и безмятежное, спокойное состояніе духа. Отецъ Іоаннъ одаренъ былъ отъ природы отлично вѣрнымъ тактомъ въ распознаваніи людей и необыкновенною способностью основательнаго, правильнаго, точнаго сужденія, какъ о важнѣйшихъ и второстепенныхъ, такъ и о самыхъ мелкихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Онъ велъ переписку съ нѣкоторыми заграничными учеными. Они почитали его. Отличительною чертою его характера было уваженіе къ личной неприкосновенности чловѣка, и *habeas corpus* можно назвать уставною книгою всей его жизни. «*Neminem laedi*»—золотое правило Юстиніана, было неизмѣннымъ правиломъ его. «*Probatum est*», говорилъ онъ всегда, когда слышалъ отъ кого-нибудь мнѣніе, согласное съ его собственнымъ мнѣніемъ.

Покойный Александръ Ивановичъ Тургеневъ, собиравшій въ архивахъ Европы относящіяся къ Россіи дипломатическіе акты стараго времени, лично убѣждалъ достопочтеннаго отца протоіерея принять на себя наблюденіе за изданіемъ этихъ актовъ, но бывший Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, уже заранѣе поручилъ редакцію ихъ одному изъ членовъ петербургской Академіи Наукъ (*), а потому напрасно многіе приписываютъ отцу Іоанну честь этого труда: онъ самъ отрекался отъ нея, не желая присвоивать чужаго; но искренно сожалѣлъ, что не успѣлъ оказать услуги А. И. Тургеневу, знакомствомъ котораго дорожилъ. Чтò касается до покойнаго русскаго дипломата, то онъ съ своей стороны питалъ глубокое довѣріе къ познаніямъ и личнымъ

(*) Г. Востокову. Известно, съ какою отчетливостію исполнилъ г. Востоковъ сдѣланное ему порученіе, и съ какимъ уваженіемъ отзывается о его трудѣ Гизо, бывший министръ Людовика-Филиппа: не странно ли послѣ этого слышать, какъ многіе до сихъ поръ еще почитаютъ отца Іоанна редакторомъ актовъ А. И. Тургенева, и, на оборотъ, такъ же не справедливо признають г. Калайдовича авторомъ Опыта о посадникахъ, тогда какъ есть несомнѣнные доказательства, что эта книга составлена І. І. Григоровичемъ.

достоинствамъ І. І. Григоровича. Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ постоянно имѣлъ въ виду отца протоіерея, какъ чловека благонадежнаго, нужнаго и даже обязывалъ сына своего искать знакомства и пріязни отца Іоанна. Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ также отдавалъ справедливость религіознымъ, нравственнымъ и ученымъ качествамъ покойнаго. Наука потеряла въ немъ одного изъ полезнѣйшихъ своихъ представителей; а дѣятельность и трудъ имѣли въ его лицѣ опытнаго, неуклонливаго жреца. Іоаннъ Іоанновичъ зналъ языки: греческій, латинскій, еврейскій, французскій, нѣмецкій и польскій. На латинскомъ и польскомъ онъ писалъ и говорилъ такъ же свободно, какъ на русскомъ. Теперь поздно напоминать о томъ, чего можно было ожидать отъ его познаній и опытности, если бы обстоятельства вызвали его на другое, болѣе видное поприще, и если бы сухія археологическія и филологическія изслѣдованія, которымъ онъ съ горячностью предалъ себя на жертву, не поглощали у него всего свободнаго времени.

Іоаннъ Іоанновичъ въ послѣдніе годы жизни своей видимо изнемогалъ отъ усиленныхъ ученыхъ занятій, и часто самъ заранѣе предрекалъ скорую свою кончину. Болѣзнь, отъ которой онъ скончался, продолжалась не долѣе сутокъ. Усилія трехъ заслуженныхъ, почтенныхъ врачей, не могли возстановить жизненныхъ началъ въ быстро разрушавшемся физическомъ организмѣ больнаго. Онъ пересталъ говорить только за два или за три часа до смерти, и въ часы тяжкихъ страданій сохранялъ память и здравый рассудокъ. Оставшееся послѣ него семейство состоитъ изъ вдовы и шести сыновей (*). Два старшіе сына его на службѣ; младшіе еще воспитываются.

(*) Кромѣ вдовы и шести сыновей, послѣ отца протоіерея осталась еще двадцати-двулѣтняя дочь Марія Іоанновна. 23 января нынѣшняго года, по прошествіи почти трехъ мѣсяцевъ со дня кончины Іоанна Іоанновича, она вышла за мужа за магистра петербургской Духовной Академіи, Никандра Іоанновича Брянцова, нынѣ священника собственнаго Его Императорскаго Величества дворца (онъ занялъ мѣсто покойнаго своего тестя), и была за мужемъ только пять-десять дней: она скончалась 19 марта 1853 года отъ сильной простудной лихорадки.

4 ноября 1852 года прахъ отца Іоанна преданъ земль, по собственному завѣщанію почившаго, на Волковскомъ кладбищѣ, недалеко отъ каменной новой церкви. На погребеніи его были почти всѣ священнослужители придворнаго ведомства. Преосвященный Христофоръ, епископъ ревельскій, обще съ ними и бывшимъ ректоромъ петрозаводской семинаріи, нынѣ настоятелемъ калязинскаго монастыря (Гверской епархіи), отцомъ архимандритомъ Августиномъ, совершилъ отпѣваніе и благословилъ на отшествіе въ землю гробъ достойнаго служителя Церкви Божіей. Истинная горестъ присутствовавшихъ при погребеніи ясно свидѣтельствовала о значеніи понесенной ими потери.

Въ эту торжественную минуту казалось, что покойный, навсегда прощаясь съ землею, еще разъ произнесъ изъ гроба:
« Vixi; et quem dederat cursum fortuna peregi.»

АЛЕКСАНДРЪ ГАЛАКТИОНОВЪ.

УКАЗЫ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ИЗЪ НОВГОРОДСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ПАЛАТЫ ВЪ НОВГОРОДСКІЙ
МИТРОПОЛИТЪИ ГАЗРАДЪ.

1) о немедленномъ доставленіи мѣстными духовными властями всѣхъ замѣчательныхъ древнихъ актовъ и рукописей комиссарамъ, Высочайше командированнымъ въ провинціи для собиранія оныхъ.

1721 года Генваря въ 2 день по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Новгородскіе епархіи духовныхъ и приказныхъ дѣлъ судіи архимандриту Серапіону Аничкову съ товарищи.

Въ прошломъ 720 году, декабря въ 25 день, въ присланномъ Великаго Государя указъ изъ Сената въ Великій Новгородъ къ комнатному Стольнику и Новгородской провинціи Воеводѣ Князю Юрью Яковлевичу Хилкову напечатано: Великій Государь указалъ по имянному своему Великаго Государя указу—во всѣхъ монастыряхъ, обретающихся въ Россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя, такъ же книги гисторическія, рукописанныя и печатныя, какія гдѣ потребныя ко извѣстію найдутся, и по тому Его Великаго Государя имянному указу Правительствующій Сенатъ приказали: во всѣхъ епархіяхъ и монастырехъ и соборехъ прежнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма, также и гисторическія рукописныя и печатныя книги пересмотрѣть и переписать Губернаторомъ и Вицегубернаторомъ и Воеводамъ, и тѣ переписныя книги вѣльно прислать въ Сенатъ, и по тому Великаго Государя указу для осмотра и разбиранія оныхъ грамотъ, писемъ и книгъ посланы Его Великаго Государя указы Новгородской провинціи ко всѣмъ комиссарамъ, и вамъ судіи съ товарищи о посылкѣ изъ Митрополича Разряду Новгородской епархіи во всѣ монастыри ко архимандритомъ и игуменомъ и строителемъ или кому который монастырь приказанъ, и въ соборы протопопомъ послушныхъ указовъ, чтобъ они въ вышеписанномъ были комиссаромъ послушны, а въ которомъ числѣ оныя послушныя указы посланы будутъ, о томъ въ Приказную Палату отвѣтствовать доношеніемъ.

Подлинной указъ за закрѣпленіемъ секретаря Прохора Алексѣева. За смотромъ подъячаго Гаврила Шалгунова. На томъ же указъ помѣта дьяка Ивана Протопопова.

1721 года Генваря въ 3 день записавъ въ книгу, доложить Архіерею и учинить по сему Великаго Государя указу.

2) о высылкѣ въ С. Петербургъ архіерейской ризницы и пѣвчихъ по случаю предстоявшаго хиротонисанія въ архіерейскій санъ александро-невскаго архимандрита Θεодосіа.

Генваря въ 9 день во второмъ часу Пресвященному Аарону Епископу Корельскому и Ладожскому подать Повгородецъ посадскій человекъ Ѳедоръ Ивановъ Великаго Государя указъ, писанный слѣдующимъ образомъ:

Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца указъ Пресвященному Аарону Епископу Корельскому и Ладожскому.

Сего Генваря въ 5 день по Его Великаго Государя указу въ государственной Штатсъ-канторъ-Коллегіи вельно: Повгородскаго Архіерея ризницу съ діаконы и съ подъяконы и съ пѣвчими къ посвященію въ тое спархію Александро-Невскаго монастыря Архимандрита Θεодосіа во Архіереи прислать въ Санктъ-Петербургъ того Архіерейскаго дому съ ризничимъ, по полученіи указу конечно въ недѣлю, а именно сего Генваря къ десятому числу, и о томъ къ тебѣ Пресвященному Аарону Епископу изъ оной Коллегіи послать Его Великаго Государя указъ, и Пресвященному Аарону Епископу Корельскому и Ладожскому учинить о томъ по сему Его Великаго Государя указу.

Подлинный указъ за приписаніемъ рукъ: Сенатора и Штатсъ-канторъ-Коллегіи Президента Графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, и Секретаря Алексѣя Протасова; за справою канцеляриста Андрея Торопова. Генваря въ 6 день 1721 года.

На томъ же подлинномъ указъ подписано рукою Пресвященнаго Аарона Епископа Корельскаго и Ладожскаго сие:

По сему Великаго Государя указу Господамъ управителямъ Софейскаго дому Судіи и Казначейю отправить ризницу и при ней церковныхъ служителей, кого надлежитъ, немедленно (*).

Новгородъ.

(*) Оба указа извлечены изъ собранія копій (списковъ), одновременныхъ съ подлинными указами въ Новгородскую Консисторію въ 1720 и 21 г. По времени я представлю въ редакцію Москвитянина еще нѣсколько любопытныхъ выписокъ изъ этого собранія. Считаю нужнымъ указать на опечатку, вкрапшуюся въ письмо Им. Екатерины I Епископу Аарону (16 N. Москв.): вмѣсто 1726 г. должно быть 1720 годъ. *И. Курляновъ.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ЗВЪРРИНЕЦЪ, ПРИГЛАШЕНІЕ ЮНОШЕСТВА КЪ ЯСНѢЙШЕМУ СОЗЕРЦАНІЮ ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА, ИЗВРАЖЕННАГО ВЪ ШЕСТНАДЦАТИ КАРТИНАХЪ. Текстъ заимствованъ изъ лучшихъ источниковъ по части естествознанія. С.-Петербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Изданіе Н. В. Генкеля. 86 стр. въ 4 д.

Витіеватое заглавіе этой книги можетъ не расположить къ себѣ сначала читателя, но это первое впечатлѣніе уничтожится по прочтеніи книги.

Издатель звѣрринца выводитъ на сцену двухъ мальчиковъ, Колю и Сашу, которые въ сопровожденіи стараго дяди, Ивана Ѳомича, осматриваютъ фантастическій звѣрринецъ. Мы говоримъ фантастическій не потому, чтобы въ немъ встрѣчались небывалые звѣри или животныя, а потому, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ звѣрринца, который вмѣщалъ бы въ себѣ все описанныя породы и ихъ виды. При каждомъ новомъ животномъ, Иванъ Ѳомичъ толкуетъ дѣтямъ его природныя свойства и отличительныя качества, рассказывая при этомъ замѣчательныя для дѣтей были и небывицы. Все это очень умно и назидательно. Правда, что Коля и Саша задаютъ иногда дядѣ вопросы или высказываютъ замѣчанія, заставляющія предполагать въ себѣ далеко не дѣтскія понятія о царствѣ природы; но мы охотно прощаемъ издателю эти промахи за похвальную цѣль его книги—образованіе юношества.

Книга написана чистымъ и правильнымъ русскимъ языкомъ и издана не только опрятно, но даже роскошно. Къ ней приложено шестнадцать картинъ, изображающихъ описываемыхъ звѣрей.

КАРМАННАЯ СПЕЦІАЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГІЯ ЧЕЛОВѢКА. Руководство для лекцій и собственнаго изученія, сочиненіе Юл. Будге, профессора Бонскаго университета, доктора философіи и медицины, члена ученыхъ обществъ въ Боннѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ на М., Парижѣ и Вѣнѣ. Съ 9-ю таблицами рисунковъ. С.-Петербургъ. 1853 года. Переводъ съ 3-го дополненнаго изданія И. Г. стр. XV и 261 въ 12 д.

Каждый новый перевод дальной специальной книги по отрасли наук есть истинный подарок нашей ученой литературе, и мы встречаем его с удовольствием и благодарностью переводчику. Книга профессора Будге, три издания которой разошлись за границей в продолжение полутора года, конечно, вполне достойна перевода на русский язык, и переведенная займет приличное место в кабинетах наших специалистов.

Карманная Физиология раздвлена автором на три книги. В первой рассматривается рождение и развитие. Во второй питае въ видахъ дыханія, пища, пищеваенія и крови, при чемъ подробно объясняется составъ крови, ея свойства, движенія и произведенія. Въ третьей книгѣ предлагается ученіе о движеніи и чувствительности въ человѣческомъ организмѣ. Последняя подраздвлена на разсмотрѣніе отправленія нервной системы и чувствъ наружныхъ.

Русскій переводъ довольно удовлетворителенъ, и приложенныя таблицы съ рисунками вовсе не лишнія.

ИЗЪ РИМА ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ, сочиненіе графа *Николая Адлерберга*. Санктпетербургъ. 1853. стр. VII и 262 въ 8 д.

Вотъ что говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи: «Такъ рѣшился я назвать замѣтки на пути моемъ отъ начала до главной ея цѣли. Эти беззатѣйныя строки были написаны мною безъ претензій на литературную извѣстность, безъ всякаго авторскаго тщеславія, единственно для освѣженія въ памяти того, что я видѣлъ, и притомъ въ то время, когда писались онѣ, я не имѣлъ и мысли пустить ихъ когда-нибудь въ свѣтъ. Между тѣмъ нѣкоторые снисходительные пріятели, прочтавъ, одобрили этотъ рассказъ о моемъ странствованіи и уговорили меня напечатать мои впечатлѣнія, которыя имѣютъ лишь одно достоинство: они чужды всякихъ вымышленныхъ прикрасъ. По моему, лучше многое даже не досказать, нежели пустыми, ложными добавленіями исказить истину.

«Очерки путешествій не должны быть плодомъ фантазій, ни вымышленной болтовней. Глубокія, ученныя изслѣдованія принадлежатъ историческимъ сочиненіямъ, а потому они здѣсь столь же неумѣстны, какъ философскія и политическія разсужденія. Путевыя замѣтки должны быть зеркаломъ того, что дѣйствительно было въ путешествіи, ибо путешествіе не сказка, а быль».

Подобное предисловіе уже одно даетъ автору право на имя добросовѣстнаго писателя и нелицепріятнаго слуги русскаго слова и

истины на поприщ литературной дѣятельности. Прочтеніе же всей книги заставитъ невольно поставить автору въ укоръ его скромность. Владѣя такъ хорошо русскимъ слогомъ, какъ владѣетъ имъ онъ, можно смѣло имѣть претензіи на литературную извѣстность, — и право на видное мѣсто между отечественными писателями.

Въ предисловіи своемъ между прочимъ авторъ общаетъ, что его замѣтки будутъ чужды ученыхъ и историческихъ изслѣдованій; а между тѣмъ даритъ насъ очень дѣльными историческими свѣдѣніями при описаніи Аѳинъ, Египта и святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ. Такіе неожиданные подарки тѣмъ пріятнѣе читателю, что онъ привыкъ болшею частію къ противоположному, т.-е. къ тому, что авторъ не сдерживаетъ въ своей книгѣ и половины данныхъ имъ обещаній, а не только не выходитъ изъ предѣловъ ихъ.

Познакомимъ читателя съ содержаніемъ книги.

Описаніе путешествія начинается съ описанія католической Пасхи въ Римѣ, откуда авторъ черезъ Анкону, Корфу, Патрасъ, Востицу, Лутраки, Каламаки и Пирей, прѣзжаетъ въ Аѳины. Пребываніе въ Аѳинахъ дало автору возможность очень дѣльно поговорить о всѣхъ достопримѣчательностяхъ древней столицы Греціи. Отсюда путешественникъ отправился къ африканскимъ берегамъ и сообщаетъ намъ любопытныя извѣстія о восточныхъ карантинахъ. — Описывая Александрію, авторъ говоритъ о жилищахъ Мехмеда-Али и Сеида-Паши, о тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ, объ отношеніяхъ паши къ народу, о дельтѣ, о помпеевой колоннѣ, клеопатринныхъ иглахъ, о ея купальнѣ, о торговлѣ невольницами, и, по случаю встрѣчи съ двумя лезгицами, о генералѣ Пассекѣ — какъ видите, все о предметахъ вполне достойныхъ вниманія человека любознательнаго. — Здѣсь же встрѣчается онъ съ Решидъ-пашею, который приглашаетъ его на пароходъ свой и довозитъ до Бейрута. Интересны описанія Кармельскаго монастыря, дыннаго сада и Акры. — Авторъ путевыхъ замѣтокъ всячески старался попасть въ Іерусалимъ къ празднику Пасхи, и это заставило его рѣшиться продолжать путь въ арабской лодкѣ, на которой онъ счастливо выдержалъ бурю и послѣ различныхъ описанныхъ имъ происшествій прибылъ въ Яффу. Не имѣвшему счастья поклоняться зѣвнымъ Святымъ мѣстамъ весьма любопытно описаніе дороги изъ Яффы въ Іерусалимъ, а имѣвшему этому счастье пріятно прочесть страницы графа Адлерберга какъ воспоминаніе. — Наконецъ, путешественники добрались до Іерусалима. Высказываемыя чувства автора при видѣ этого святаго града ясно обрисовываютъ въ немъ истиннаго христіанина, и читателю больно за него, томящагося ожи-

даніемъ у воротъ Іерусалима затворенныхъ вслѣдствіе турецкихъ обычаевъ. Понятны негодованія русскаго при видѣ униженія вѣры христіанской и при пренебреженіи крестнаго пути.— Умилительна встрѣча съ митрополитомъ Мелетіемъ, и въ высшей степени интересно и назидательно описаніе шествія на поклоненіе Гробу Господню и всѣхъ подробностей храма Воскресенія Господня.— Авторъ слушалъ здѣсь литургію и дѣлится съ читателемъ всеми своими впечатлѣніями, за которыми мы и отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, ругаясь ему, что чтеніе ея принесетъ ему болѣе, чѣмъ полное удовольствіе. Описавъ всѣ достопримѣчательности Іерусалима, авторъ говоритъ о своемъ говѣніи и объ устройствѣ по совѣту митрополита Мелетія христіанскаго храма въ Керакѣ. Сумма на это устройство составлена впоследствии изъ добровольныхъ приношеній, и новый храмъ освященъ въ 1849 году. Этимъ извѣстіемъ кончается книга графа Николая Адлерберга, представляющая собою весьма отрадное явленіе въ нашей современной литературѣ.

Не можемъ удержаться хотя отъ одной выписки изъ книги, желая представить ее какъ доказательство сказаннаго нами о прекрасномъ слогѣ и назидательномъ духѣ разсмотрѣннаго нами сочиненія. Возьмемъ на выдержку: стр. 194.

«Въ 8 часовъ по полудни намъ сказали, что храмъ отпертъ. Перекрестившись, мы послѣдовали за проводниками монахами по крутымъ, темнымъ улицамъ, по направленію къ храму Воскресенія Господня. Никогда не забуду я этого таинственнаго шествія. Весь городъ, покрытый непроницаемою темнотою ночи, уже дремалъ въ глубокой тишинѣ; всѣ улицы были пусты; мы шли медленно, какъ бы ошупью, по неровнымъ размощеннымъ закоулкамъ».

«Монахи въ черныхъ длинныхъ рясахъ сопровождали насъ съ зажженными факелами; они шли молча, съ поникшими головами; легкій вѣтерокъ развѣвалъ длинные концы покрывалъ съ ихъ черныхъ клобуковъ. Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; казалось, мы проходили безконечное пространство. Наконецъ, выходя изъ узкаго переулка, мы остановились на небольшой площадкѣ, обрамленной высокими строениями разнообразной древней наружности».

— «Вотъ храмъ, гдѣ заключены Гробъ Господень и Голгова!— сказалъ, указывая въ право на возвышающіяся строения, шедшій возлѣ меня монахъ Діонисій, который, по приказанію митрополита, состоялъ безотлучно при насъ въ качествѣ проводника или чичероне».

«Голгова!... гробъ Господень!» повторялъ я за нимъ машинально. Какъ громовымъ ударомъ поразили меня эти слова. Скажите, не то ли

же самое почувствовали бы и вы? Вообразите, что вы стоите въ темнотѣ ночи, посреди Иерусалима, окруженные факелами и монахами; вдругъ незнакомый голосъ шопотомъ доводитъ до вашего слуха эти многозначительныя слова: здѣсь Гробъ Господень и Голгоѳа!!!

«Слова эти внятно отозвались моему слуху; я повторилъ за монахомъ: «здѣсь Гробъ Господень и Голгоѳа!» Но въ то же время спрашивалъ себя: гдѣ я? Не игра ли это нетерпеливаго моего воображенія? Не сонъ ли?... Между тѣмъ мы подошли къ дверямъ храма; тяжелый замокъ загремѣлъ на звонкихъ пружинахъ; старинныя петли завизжали, и дверь отворилась.

«Величественная темнота наполняла храмъ; лишь нѣсколько мерцающихъ лампадъ сосредоточивали въ срединѣ блѣдный свѣтъ. Возвышающаяся на нѣсколько вершковъ отъ пола продолговатая плита красножелтаго мрамора, находясь противъ дверей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа, прежде всего остановила на себѣ мое напряженное, благоговѣнное вниманіе; освѣщенная сверху рядомъ теплющихся лампадъ, эта плита находится почти на половинѣ разстоянія отъ Гроба Господня къ Престолу св. Голгофы.

«Какое-то безотчетное, сверхъестественное чувство глубокой вѣры и страха Божія мгновенно овладѣло мною, и невыразимый трепетъ пробѣжалъ по моимъ членамъ, когда я приблизился къ этому первому памятнику, свидѣтельствовавшему мнѣ о Господѣ.

«Подъ вліяніемъ этого необыкновеннаго чувства глубокаго благоговѣнія и живаго откровеннаго сознанія собственной ничтожности, я подошелъ къ святынь.... языкъ мой онѣмѣлъ; я не спрашивалъ у монаха, что значитъ этотъ камень, эти горящія надъ нимъ лампы; безотчетный душевный трепетъ говорилъ мнѣ ясно, что здѣсь одинъ изъ памятниковъ Богочеловѣка. Не требуя дальнѣйшихъ поясненій, я стоялъ въ нѣмомъ восторгѣ, какъ бы чувствуя невидимое присутствіе Духа Божія; колѣни мои сами собою подогнулись, и въ этомъ непонятномъ мнѣ дотолѣ молитвенномъ чувствѣ, я приникъ устами къ поверхности священной плиты.... Это былъ такъ называемый камень миропомазанія: на немъ пострадавшій Искупитель, снятый со Креста, покаялъ пречистое свое тѣло, окровавленное крестнымъ истязаніемъ, пока благочестивый Іосифъ и другіе ученики, снявшіе Иисуса съ древа, омывъ слѣды крови и обложивъ его ароматами, смирюю и ливаномъ, обвили въ плащаницу для положенія во гробъ».

ЖУРНАЛИСТИКА.

ОТЧУЖДЕННЫМИ ЗАПИСКИ. N 8, АВГУСТЪ. «*Марья Ивановна*, романъ М. Л. Михайлова, часть III и послѣдняя.—Иванъ Филиповичъ, вслѣдъ за супругой, умираетъ. Люба ѣдетъ въ Петербургъ къ сестрѣ. Сестра сперва обрадовалась ей. Въ Александрѣ Петровичѣ она нашла большую перемѣну: въ немъ не осталось уже и слѣда прежней энергіи; онъ даже начиналъ уже по временамъ терять сознание. Вотъ первый разговоръ сестеръ объ Александрѣ Петровичѣ:

— У Александра Петровича все еще нѣтъ никакой должности? спросила Люба.

— Вотъ захотѣла! Да на что онъ годится?... Вѣдь ты видѣла его....

— Развѣ онъ такъ боленъ?

— Боленъ... Чтѣ за болень! Человѣкъ онъ пустой — вотъ въ чемъ бѣда-то. Ни о чемъ не хотѣлъ позаботиться да похлопотать.... Какіе были въ виду полезные люди — со всеми разошелся. А ужъ чтѣ съ нимъ нынче творится, такъ я и постичь не могу.

— А чтѣ?

— Не ужъ-то ты не замѣтила?... Я, просто, боюсь, какъ бы онъ совсѣмъ съ ума не сошелъ. И теперь точно ничего не понимаетъ: ты ему говоришь что-нибудь, а онъ только глаза выпучить да смотреть на тебя—хоть бы слово сказалъ. И глаза-то какіе-то дикіе стали.

Люба слушала сестру съ удивленіемъ, и болѣе всего удивлялась не печальному положенію Александра Петровича, а тому холодному тону, какимъ говорила Марья Ивановна объ этомъ положеніи.

— Злость беретъ смотреть-то на него! продолжала Марья Ивановна.—Лежить день-деньской на боку, либо въ углу сидитъ: а тоже похуждать, словно отъ трудовъ какиихъ.

— Да, онъ ужасно худъ, замѣтила Люба.—Отчего же онъ такъ странно перемѣнился?

— А спроси его! Признаться, я, какъ выходила за него замужъ, такъ считала его умнымъ человѣкомъ, а на повѣрку-то оказалось противное.

— Вот уж я никак бы этого не подумала!

— И я не думала, а вышло такъ. Если ужъ ума не хватило, такъ хоть къ делу бы какому-нибудь былъ способенъ—и того нѣтъ.... или хоть бы спокойный характеръ имѣлъ.

— У него дурной характеръ?

— Теперь потише сталь.... И то, я думаю, оттого только, что тутъ-то у него (Марья Ивановна ткнула себя пальцемъ въ лобъ) не ладно....»

Какъ обвинить тутъ Марью Ивановну: гдѣ же ей понять такую мудреную натуру, какъ ее мужъ.

Люба сблизается съ Александромъ Петровичемъ. Марья Ивановна хочетъ подружить сестру съ своей пріятельницей Анной Марковной, но Анна Марковна не нравится Любѣ, какъ не понравилась спервъ и Марья Ивановнѣ. Последняя приписываетъ это своему провинциализму, не сознавая, что причина ея теперешняго сочувствія удалой вдовѣ — то, что паденіе ея уже началось, и что натура ея мельчаетъ все болѣе и болѣе. Между сестрами холодность доходитъ до вражды. Крутойровъ, сознавшій все свое ничтожество, чахнетъ и равнодушно ждетъ смерти. Вся неширокая любовь его сосредоточилась на Любѣ. Онъ устраиваетъ судьбу ея: Люба выходитъ за-мужъ за Аверьянова. Возвращаясь со свадьбы, Марья Ивановна сердится на сестру, что она не пригласила ихъ даже на чашку чая, а Анна Марковна силится извинить Любу свадебной суматохой. Ясно, что та и другая чувствуютъ превосходство передъ собою Любы и боятся ея презрѣнія. Объ онѣ о чемъ-то тоскуютъ и не знаютъ, чѣмъ развлечь себя. Тоскуютъ, конечно, отъ раскаянія, отъ темнаго сознанія своей измельчалости. Стало быть, не все еще погибло: одно потрясеніе, — и благотельный переломъ могъ бы совершиться въ нихъ.

Разъ Александръ Петровичъ узналъ отъ Аверьянова о скоромъ возвращеніи Бѣлкина, которому онъ долженъ. Это усилило его болѣзнь, и онъ вернулся домой еще похожѣе на мертвеца.

«Сердце Марьи Ивановны шевельнулось такъ, какъ давно уже не приходилось ему шевелиться. Она бросила на столъ свою работу, быстро встала съ мѣста и подошла къ мужу.

— Ахъ, Саша! сказала она, взявъ его за руку:—ты на себя не похожъ.... Чтò это съ тобой?

«Голось, какимъ были произнесены эти слова, заставилъ на минуту просвѣтлѣть печальное лицо Александра Петровича. Онъ поднесъ къ губамъ своимъ руку жены и поцаловалъ ее.

— Ничего, Маша, ничего, отвечал онъ, спѣша опуститься на диванъ, потому что колѣни его дрожали и подгибались.

«Марья Ивановна съѣла около мужа и во весь этотъ вечеръ была очень-нѣжна съ нимъ. Нѣжность жены, которой онъ вовсе не ждалъ, возвращаясь подъ свой домашній кровъ, отъ которой давно отвыкъ, глубоко уколола его сердце. Нравственное ничтожество Крутоярова, которымъ загубилъ онъ и свое собственное счастье, и счастье своей жены, встало въ мысляхъ его сокрушительнымъ призракомъ....»

«Этотъ призракъ давилъ, мучилъ его. Всю ночь не давалъ онъ ему и спать.

«На слѣдующее утро Александръ Петровичъ проснулся очень поздно.

— А къ тебѣ заходилъ Аверьяновъ, сообщила ему Марья Ивановна, когда онъ черезъ силу поднялся съ постели.

— Послушай, Маша, сказалъ Крутояровъ:—пожалуйста прикажи Мавръ говорить всѣмъ, кто бы ни пришелъ ко мнѣ, что меня нѣтъ дома.

— Хорошо. Да вѣдь кому прійдти-то къ тебѣ?... Развѣ, вотъ, опять Николай Ильичъ....

— И ему тоже.

— Отчего же ему-то отказывать?

— Такъ, Маша; мнѣ тяжело.

— Да что съ тобой?

— Тяжело.... я не могу....

«Марья Ивановна видѣла и сама, какихъ усилій стоило Александру Петровичу каждое произносимое имъ слово; поэтому она наша очень-естественнымъ желаніе мужа не имѣть повода говорить съ кѣмъ-нибудь. Но не это было причиною отказа, которымъ хотѣлъ отдѣлаться Крутояровъ отъ посѣтителей. Слышанное имъ наканунѣ извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Бѣлкина напомнило ему долгъ, котораго Александръ Петровичъ до-сихъ-поръ еще не уплатилъ. Сколько ни думалъ Крутояровъ, онъ не находилъ никакихъ средствъ къ уплатѣ. Хоть и приходило ему въ голову, что, пожалуй, давая деньги, Бѣлкинъ вовсе не надѣялся на возвратъ ихъ, тѣмъ не менѣе Александръ Петровичъ, краснѣя при этой мысли, содрогался, что ему прійдется увидѣться съ Бѣлкинымъ, и желалъ бы спрятаться отъ него такъ, чтобъ никакъ нельзя было найти его.

«Еслибъ еще самъ онъ напомнилъ мнѣ о долгѣ», думалъ Крутояровъ: «а то онъ вѣрно только заставитъ меня своимъ молчаніемъ стыдиться самого-себя въ его присутствіи. Но если я самъ скажу ему... Да не будетъ ли это признаніемъ въ моей пустотѣ, въ моемъ ничтожествѣ? Нѣтъ, лучше и не встрѣчаться съ Бѣлкинымъ!»

Въ этой сценѣ весь характеръ Крутоярова и вся мысль личности его жены. Ясно, что натура ея была не бѣдная, что она способна къ раскаянію и любви, но—повторяю—гдѣ же ей было понять мудреную натуру своего мужа.

Были именины Марьи Ивановны. Она пригласила на нихъ своихъ новыхъ знакомыхъ, съ которыми подружилась чрезъ Анну Марковну. Ихъ пустой говоръ прожужжалъ уши больному Крутоярову, и тоска его дошла до страшныхъ размѣровъ. Онъ надѣлъ пальто, и, едва передвигая ноги, пошелъ къ Аверьяновымъ, у которыхъ давно уже не былъ, и вѣкъ не намѣренъ былъ быть, боясь встрѣтиться съ Бѣлкинымъ. Между Аверьяновыми и Бѣлкинымъ шелъ разговоръ о немъ. Они попали на причину его несчастій—его необычайное самолюбіе. Въ прихожей два раза раздался слабо звонокъ.

«Николай Ильичъ вышелъ въ прихожую и черезъ минуту вошелъ, ведя подъ-руку Крутоярова; подъ другую руку поддерживалъ его слуга.

«Люба не могла удержаться и довольно-громко вскричала:

— Боже мой!

«Глаза ея налились слезами.

«Крутояровъ едва переставлялъ ноги; голова его слабо держалась на плечахъ.

— Спирту! спирту! сказалъ Аверьяновъ:—съ нимъ дурно.

«Руки Александра Петровича опускались все тяжеле и тяжеле на руки поддерживавшихъ его, и наконецъ имъ пришлось почти нести его. Тяжело, какъ мертвый, опустился онъ въ кресло.

«Люба принесла спиртъ и стала тереть имъ виски больного.

— За докторомъ! скорѣе! распорядился Бѣлкинъ.

«Слуга побѣжалъ.

«На Крутоярова страшно было смотрѣть: глаза его были широко открыты, и зрачки, какъ стеклянные, были безъ движенія и безъ взгляда; дыханія почти не было слышно. Губы его начали было слабо шевелиться, но никто не услышалъ ни звука.

«Докторъ, жившій на одномъ дворѣ съ Аверьяновыми, явился черезъ нѣсколько минутъ. Онъ подошелъ къ Крутоярову, пощупалъ его пульсъ, приложилъ пальцы къ вискамъ, наклонился ухомъ къ губамъ.

— Что онъ? тихо спросилъ Аверьяновъ.

«Докторъ съ изумленіемъ взглянулъ на всѣхъ присутствовавшихъ и сказалъ громко и спокойно:

— Онъ умеръ.

«Невесело кончился именинный вечеръ Марьи Ивановны. Попятно, что какъ-только было прислано отъ Аверьяновыхъ извѣстіе

о смерти Александра Петровича, громкіе вопли хозяйки заставили гостей поспѣшно развѣхаться и разойдтись по домамъ: только одна Анна Марковна осталась утѣшать вдову; но и ей пришлось оставаться не долго, потому-что Марья Ивановна поторопилась поѣхать взглянуть на покойника и оплакать его лично.

— Нашего полку прибыло, сказала Анна Марковна Тань, сбрасывая на ея руки свой салопъ.

«Воплямъ Марьи Ивановны не было конца; она громко рыдала во весь этотъ вечеръ. Рыданія ея рѣдко перемежались и на слѣдующій день. Когда же, на третій день, гробъ поставили на черныя дроги, Анна Марковна, непреминушая прѣхать отдать послѣдній долгъ покойнику — простаться съ нимъ, должна была помѣстить Марью Ивановну въ свою наемную карету, потому-что Марья Ивановна не могла на ногахъ стоять отъ горя».

...«Марья Ивановна до сихъ поръ не лишена привлекательности и напоминаетъ своей граціей, своими манерами и даже своей полнотою пышную вдову Анну Марковну Таганову».

Такъ авторъ окацчиваетъ свой романъ.

Характеръ Крутойрова очерченъ хорошо. Но зачѣмъ было брать автору такой мелкій характеръ? Въ такомъ видѣ, какъ онъ представленъ авторомъ, — онъ не типъ. Послѣ энергіи Крутойрова въ первой части дивнисься, какъ онъ могъ такъ быстро упасть духомъ. Двухъ родовъ типъ могъ выйдти изъ подобной личности, и дволкимъ образомъ могъ замкнуться характеръ ея, еслибъ натура ея была сильнѣе: подобный Крутойровъ могъ бы погибнуть, отставвая недостатокъ своей любви съ сохраненіемъ достоинства, какъ, наприм., Яго отставваетъ свою подлость, или могъ бы совершенно *возродиться*. Ясно, что авторъ хотѣлъ въ Крутойровѣ дать перевѣсъ доброму началу. Зачѣмъ, собравъ послѣднія силы, идетъ онъ къ своимъ друзьямъ? Онъ вполнѣ созналъ свое ничтожество; онъ идетъ каяться, идетъ, обливаясь слезами, воскликнуть: вотъ смотрите, каковъ я, какъ я пусть и ничтоженъ! И послѣ этихъ слезъ просвѣтлѣлъ бы взглядъ его, совершилось бы его перерожденіе. Зачѣмъ было автору не представить его такимъ? Намъ легче заключать отъ героевъ Шекспира, играемыхъ хорошимъ актеромъ, къ кривляніямъ маріонетокъ, разыгрывающихъ тѣ же страсти, чѣмъ на оборотъ. Я не встрѣчалъ въ литературѣ типа подобной личности, а онъ такъ нуженъ: мало ли есть Крутойровыхъ! Кого называютъ дикими, застычивыми, робкими, кого считаютъ пьянствующими отъ слабости и проч.,—это едва ли не по боль-

ней части Крутояровы. Русскія пословицы иногда касаются глубочайших психологических явленій; такъ и на подобныя личности есть пословица: «Въ тихомъ омутѣ черти водятся».

Характеръ Марьи Ивановны выдержанъ: это здоровая, сильная, дюжинная, но вовсе не пошлая натура, — можно сказать, женщина *comme il faut*, не лишенная никакихъ хорошихъ женскихъ качествъ. Испортилъ ее мужъ. Чтò же хотѣлъ авторъ сказать намъ столкновениемъ въ жизни этихъ лицъ? Дѣло только въ томъ, что не нужно было жениться Крутоярову, не выработавъ прежде самого себя. Женись онъ послѣ, переродившись прежде самъ, на той-же Марьѣ Ивановнѣ, и онъ былъ бы счастливъ относительно, а можетъ быть и вполне... Вотъ что сказали намъ авторъ.

Но необдуманнѣй шагъ уже сдѣланъ. Оставивъ въ сторонѣ этотъ шагъ, кто даже теперь виноватъ? Конечно, виновата и жена его, какъ всегда виновата въ паденіи челоуѣка все окружающее его. Но и теперь всего болѣе виноватъ самъ Крутояровъ, потому что имѣетъ болѣе силъ и средствъ сознать и осмыслить и себя и окружающее, и простить окружающему, возстать во главѣ самъ, и, тѣмъ отнявъ пищу для его недобраго начала, возстановить вслѣдъ за собою все окружающее.

Вотъ другое дѣло — Люба. Введи ее прямо изъ деревни въ аристократическую гостиную, — она не будетъ застѣнчива: она какъ будто въ этомъ кругу и родилась, она умѣетъ и съестъ и разговоръ вести, и никогда не покраснѣетъ, не сконфузится, потому что въ ней все правда и любовь, и не нужно ей дѣйствовать съ оглядкою, какъ Крутоярову, чтобъ не выказать какихъ-нибудь дурныхъ сторонъ своей души: ихъ нѣтъ въ ней. Люба — противоположность Крутоярова и отчасти сестры, потому-то Крутояровъ, сознающій въ себѣ отсутствіе любви, но не потерявшій стремленія быть лучшимъ, такъ и привязался къ Любѣ: она — его учительница. Но характеръ Любы не выдержанъ и не уясненъ авторомъ: дѣтство ея общало въ ней идеальную, глубокомысленную, впечатлительную нѣмочку, не непосредственную натуру, а такую, которая мыслью и борьбою должна дойти до этой непосредственности.

Характеръ Анны Марковны, сверхъ ожиданія, не удался автору. Читатель остается въ совершенномъ невѣдѣніи касательно этой личности. Во всемъ романѣ въ ней рѣзко проведена одна только черта: это — бой-баба. Чтò же изъ этого? Касательно Марьи Ивановны и Анны Марковны, кажется, справедливо будетъ замѣчаніе, что эти личности не могутъ оставаться на той ступени, на которой оставилъ ихъ авторъ: онъ должны или исправиться или пуститься во всл-тяжкая. Характеръ Марьи Ивановны, сказалъ я выше, выдержанъ, но онъ не конченъ.

Изъ остальныхъ лицъ, о которыхъ я не упомянулъ, у автора вышло ни то, ни се.

Какое же заключеніе сдѣлать о достоинствѣ новаго произведенія г. Михайлова? По моему мнѣнію, «Адамъ Адамычъ» выше этого произведенія рельефностью характеровъ, но «Марья Ивановна» болѣе имѣетъ приложенія къ жизни. Есть въ ней и довольно глубокой психологической анализъ; но характеры этого произведенія далеко не типы, и авторъ не вполне уяснилъ ихъ себя, кромѣ Крутоярова, изъ котораго, за то, вышла такая миниатюрная личность, что странно ее поэтизировать. Читая романъ, волнуешься и страдаешь вмѣстѣ съ нимъ, но черезъ часъ все забываешь, какъ будто смотришь на мученіе наскомаго. Этотъ романъ доказываетъ только, что авторъ сдѣлалъ большой шагъ въ опытѣ жизни, и можно ожидать отъ него чего-нибудь болѣе дѣльнаго. Но ужь никакъ же нельзя отозваться объ этомъ произведеніи такъ, какъ отозвался въ «Современникѣ» Новый Поэтъ. Онъ не далъ себѣ труда подумать, и отозвался о «Марьѣ Ивановнѣ» съ презрѣніемъ. Мысль новаго произведенія г. Михайлова и характера Крутоярова серьезная.

Въ отдѣлѣ «Наукъ» этого номера «Отечественныхъ Записокъ» напечатана статья А. Пыпина, «Владиміръ Лукинъ.» Это извѣстный зоилъ, современникъ Сумарокова и Фонвизина. Чтò за взглядъ на вещи у Отечественныхъ Записокъ и у автора этой статьи! Въ приступъ они какъ будто боятся за занимательность статьи, и усиливаются отрыть какъ можно больше причинъ и доводовъ, чтобъ доказать эту занимательность и потребность подобнахъ статей для изученія нашей литературы. Перечитывая этѣ натянутыя причины, я думалъ, что Отецъ Записки или авторъ придерживаются методы Квинтильана, и главный доводъ берегутъ къ концу. «чтобъ послѣдній ударъ былъ побѣдоноснѣе», но обманулся въ своемъ ожиданіи: этого побѣдоноснаго удара не послѣдовало. Но кто же станетъ отрицать важность такихъ статей? Подобные зоилы чуть ли не всего болѣе сообщаютъ отрицательно жизнь литературѣ, а иногда на ихъ сторонѣ бываетъ и часть правды. Это какъ нельзя болѣе ясно и изъ настоящаго положенія нашей литературы и критики.... Статья о Владиміръ Лукинѣ и занимательна, и нужна, и, по моему мнѣнію, написана съ знаніемъ дѣла. Съ любопытствомъ ожидаемъ продолженія ея.

Въ отдѣлѣ Журналистики помѣщена тоже весьма занимательная, но не новая *статья*: «Отрѣшеніе отъ мѣстнаго и временнаго» г. Г., рецензента Москвитянина, по поводу критики на три письма». Очень растянуто это заглавіе, но, вообще говоря, Отечественныя Записки, если не сдѣлали шага впередъ въ своемъ ремеслѣ, то и не отступили назадъ. А не лучше ли бы имъ было *третировать* Писемскаго? (Посмотрите, Отечественныя Записки, какъ легко ваше оружіе). *Новое слово* и здѣсь къ чему то приклеено и вставлено курсивомъ. Ухитрятся же приклеивать его въ каждой книгѣ! Конечно, всякое дѣло мастера боятся. Шутить да шутять.

посторонній а-ж.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О ХОДѢ ЗАКОНОВѢДЕНІЯ ВЪ РОССІИ И О РЕЗУЛЬТАТАХЪ СОВРЕМЕННОГО ЕГО НАПРАВЛЕНІЯ. Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 8 іюня 1853 года, *А. Станиславскимъ*, экстраординарнымъ профессоромъ, докторомъ юридическихъ наукъ. 1853. Казань. Въ Университетской типографіи. 71 стр. in 8.

Ученый авторъ соединилъ въ этомъ сжатомъ очеркѣ главнѣйшіе факты исторіи русскаго законовѣдѣнія, которую онъ начинаетъ вмѣстѣ съ основаніемъ Русскаго государства; первыя начала для законовѣдѣнія являются еще у славянскихъ племенъ въ ихъ родовыхъ обычаяхъ: «имяху-бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ, и преданья—каждо свой нравъ», говоритъ летописецъ, хотя здѣсь еще нельзя видѣть никакихъ попытокъ къ самому изученію началъ права. Первые опыты законодательства, первое стремленіе къ объясненію законовъ и обычаевъ, мы находимъ въ Русской Правдѣ, которая, мимоходомъ замѣтить, до сихъ поръ еще не разъяснена вполне и даже еще не отдѣлены въ ней разнородные элементы туземнаго и пришлаго населенія. За тѣмъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ событій и внутренняго раздѣвленія, русское законовѣдѣніе сохранилось лишь въ преданіи и въ разсѣянныхъ указахъ, пока не явился Судебникъ Великаго Князя Іоанна III Васильевича подъ редакціей дьяка Владиміра Гусева, исправленный и пополненный Іоанномъ Грознымъ, въ 1550 году, т.-е. за два года до взятія Казани. Более тщательное и более полное собраніе русскихъ узаконеній представляетъ знаменитое уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, обнародованное въ 1649 году и отличающееся въ особенности единствомъ началъ русскаго законовѣдѣнія. Это уложеніе оставалось въ дѣйствиіи, непрерывно дополняясь, въ теченіе цѣлаго столѣтія съ четвертью, новыми указами и постановленіями, между которыми особенно обширны и важны: Генеральный регламентъ и регламенты отдѣльнымъ коллегіямъ, также Военный и Морской уставы Петра Великаго; безсмертный Наказъ, Учрежденіе для управленія губерній, Уставъ благочинія и полицейскій, Грамоты на права вольности и

преимущества благороднаго Россійскаго дворянства, также на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи, Екатерины Великой; Законы фундаментальныя, Императора Павла I; Образование государственнаго совѣта; частныя и общее учрежденіе министерствъ, Александра Благословеннаго, и многія другія. Нѣсколько разъ въ теченіи 125 лѣтъ составляемая для изданія полнаго свода законовъ коммисіи не имѣли успѣха, пока, наконецъ, дѣйствовавшая подъ особеннымъ державнымъ поощреніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Павловича Коммисія издала Полное собраніе законовъ, въ 48 огромныхъ томахъ (1830 года), продолжающееся до нынѣ въ видѣ втораго полнаго собранія, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленъ и полный Сводъ дѣйствующихъ законовъ Россійской Имперіи, въ исправленномъ видѣ уже явившійся вторымъ изданіемъ въ 1842 году, и дополненный частными сводами (военнымъ, уголовнымъ и друг.).

Такимъ образомъ, соразмѣрно развитію политической исторіи Русской монархіи, мы видимъ четыре свода законодательства, дѣйствовавшія въ разныя времена, сообразно степени гражданскаго развитія: Русскую Правду, Судебникъ, Уложеніе и Сводъ законовъ. Какое неизмѣримое пространство жизни и опытности народной раздвѣляетъ эти четыре столба русскаго законодѣвія, и однако одно преданіе, всегда чтимое Русскими, проходитъ чрезъ всѣ четыре свода законодѣвія!

Послѣ исторіи законодѣвія, А. Г. Станиславскій, въ своей увлекательной рѣчи, излагаетъ исторію критической и ученой обработки этой важной отрасли государственнаго существованія, отдавая пальму первенства между современными учеными русскими законовѣдцами К. А. Неволину, профессору С.-Петербургскаго университета.

Высокій интересъ предмета, о которомъ рассказываетъ ученый авторъ, и живописный языкъ самаго изложенія даютъ этой небольшой книжкѣ право на почетное мѣсто между современными трудами, и чтеніе ея занимательно не только для ученаго спеціалиста, но еще болѣе для любителя всякаго полезнаго знанія.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ГОСТИНАЯ ВЪ БЕРЛИНѢ.

1. *Генріэтта Герцъ. Ея жизнь и воспоминанія*, изд. г. Фюрстомъ. Берлинъ. 1850. 2. *Замѣчательные мужчины и женщины Германіи. Галлеря характеровъ. Ф. Кюна. Лейпцигъ. 1851.*

Современники, безъ сомнѣнія, еще не забыли очаровательную г-жу Рекамье, которая такъ долго владычествовала во Франціи могуществомъ красоты и прелести, и которой ласковое обращеніе и плѣнительная вѣжливость вошли въ пословицу. Имя ея соединено, нѣкоторымъ образомъ, съ исторіею литературы этого вѣка, потому что она любила собирать вокругъ себя замѣчательныхъ людей во всякомъ родѣ, и не только тѣхъ писателей, которыхъ достоинство было уже прочнымъ образомъ признано и утверждено, но и юныя, свѣжія дарованія, которыя возрасли, развернулись подъ ея очаровательнымъ вліаніемъ, и которыя, благодаря ея покровительству, достигли, наконецъ, академическихъ кресель. Имя ея будетъ неразлучно съ именемъ Шатобріана, потому что, въ послѣдніе года его жизни, она одна умѣла разсвѣтать глубокую горестъ старца; это самое заставило Сентъ-Бѣва сказать, что никогда г-жа Ментенонъ такъ не ухищрялась, чтобы развеселить Людовика XIV, какъ старалась г-жа Рекамье разогнать черныя мысли Шатобріана.—Потеря этой «единственной» женщины, какъ называетъ ее тотъ же писатель, возбудила единодушныя сожалѣнія; потому что, если красота ея, пріятность ея характера, нѣжный складъ ея ума,—да, ума ея,—я знаю, что его долго оспаривали, но развѣ можно не имѣть ума самому, когда такъ хорошо умѣешь цѣнить и выставять умъ другихъ, а г-жа Рекамье обладала этимъ искусствомъ въ высшей степени,—если все это, говорю я, пріобрѣло ей дружбу множества знаменитыхъ лицъ, то ея доброта и милосердіе привлекли ей уваженіе и любовь бѣдныхъ и сирыхъ. Г. Фюрстъ справедливо говоритъ въ предисловіи своемъ къ *Запискамъ* г-жи Герцъ: «Парижъ, который, почти въ одно и то же время, постигла страшная эпидемія физическая и не менѣе ужасная эпидемія политическая, Парижъ, преданный въ

жертву волненію и смутамъ, напелъ еще нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы посвятить ихъ сожалѣнію о смерти г-жи Рекамье, которая сдѣлалась одною изъ первыхъ жертвъ заразы, и которая, уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, удалась отъ свѣта и жила въ маломъ кругу избранныхъ.»

Но, скажутъ, съ какой стати заговорилъ г. Фюрстъ о г-жѣ Рекамье? Что общаго между г-жею Герцъ и прекрасною парижанкою? Мы сейчасъ это изъяснимъ.

Г-жа Рекамье сдѣлала изъ своего отеля въ улицѣ Монбланъ, и, позже, изъ своей гостиной въ аббатствѣ, сборное мѣсто всего, что было въ Парижѣ знаменитаго въ литературѣ, искусствахъ, политикѣ; точно то же можно сказать и о гостиной г-жи Герцъ въ Берлинѣ. Г-жа Рекамье была одарена необыкновенною красотою; когда она показывалась въ публикѣ, на гуляньяхъ, или въ театрѣ, то всѣ тѣснились, чтобы ее видѣть, удивляться ей и привѣтствовать ее восклицаніями; на улицѣ, маленькіе савояры оборачивались, когда она проходила. За то, разговаривая однажды съ своею пріятельницею о томъ, что для нея наступила пора отказаться отъ свѣта, она прибавила: «Ахъ, милая, невозможно обольщаться долбе! Въ тотъ день, когда я увидѣла, что маленькіе савояры не оборачиваются, я поняла, что все кончено!»

И г-жа Герцъ блистала очаровательною красотою; въ Берлинѣ ее прозвали десятою музою, потому что она была выше ростомъ г-жи Рекамье, которую можно было бы назвать четвертою граціею. Она также имѣла свои дни торжества, свои народныя обожанія. Однажды, она обѣдала въ Лейпцигѣ во время ярмарки, въ знаменитомъ *погребкѣ* Ауербаха (Auerbach's Keller), который тогда не былъ еще тѣмъ, чѣмъ теперь, т.-е. мѣстомъ собранія честныхъ горожанъ и филистеровъ, охотниковъ до трубки и пива, но сходбищемъ свѣтскихъ людей, подобно тому, какъ во Франціи герцогини и маркизы любили веселиться въ харчевнѣ Поршероновъ; и такъ, однажды, когда она тутъ обѣдала, студенты, узнавъ о ея присутствіи, собрались толпою на дворъ, чтобы посмотреть на нее, когда она выйдетъ, и привѣтствовать ее восторженными восклицаніями. Всѣ замѣчательные иностранцы, пріѣзжавшіе въ Парижъ, считали непременною обязанностію представиться г-жѣ Рекамье; по той же причинѣ, иностранцы, пріѣзжавшіе Берлинъ, добивались чести быть допущенными въ общество г-жи Герцъ. Такимъ образомъ, она познакомилась съ Мирабо, господами Жанлисъ и Сталь. Кромѣ того, даже въ вещественныхъ обстоятельствахъ жизни этихъ двухъ женщинъ проявляются любопытныя сближенія. 16-ти лѣтъ отъ рода,

Жюльетта Бернардъ, во всемъ цвѣтѣ юношескаго возраста, выходила за-мужъ за банкира Рекамье, къ которому мало чувствовала склонности, который былъ старше ея и могъ почесться ея отцемъ. Генриэттъ Лемось не исполнилось еще 13 лѣтъ, когда ее помолвили за доктора Герцъ, іудей; а съ 15-ти-лѣтняго возраста, она переходила въ объятія супруга, котораго непривлекательная наружность составляла разительную противоположность съ ея красотою, и котораго она могла быть дочерью. Объ въ высшей степени сохранили неприкосновеннымъ чувство долга; объ покорились волю Провидѣнія, и союзъ ихъ, не взирая на разницу лѣтъ и несходство вкусовъ, былъ относительно счастливъ, хотя и для той и для другой не доставало вѣнца супружеской жизни—блаженства быть матерью. Г-жа Рекамье утопала въ роскоши и удовольствіяхъ; но вскорѣ счастье измѣнилось; мужъ ея умеръ, оставивъ ей самое ограниченное состояніе. Но если исчезло богатство, то остались друзья, наперекоръ латинскому поэту: *Donec eris felix...* И г-жа Герцъ также внезапно перешла отъ благосостоянія, кончившагося съ смертію мужа, къ положенію, далеко не блестящему; но и ея приверженцы,—а ихъ было очень много,—не покинули ее. Въ статьѣ своей о г-жѣ Рекамье, на которую мы уже не разъ указывали, и которая, дѣйствительно, можетъ почесться образцемъ вкуса и тонкаго ума, г-нъ С.-Бѣвъ рассказываетъ, что Монлозь говорилъ однажды о хозяйкѣ дома: — вы можете сказать, подобно Сиду: 500 человекъ изъ числа моихъ друзей. Биографъ прибавляетъ: «все друзья ея, за рѣдкимъ исключеніемъ, начали любить ее любовію. Но она, по истинѣ, была волшебница, которая превращала любовь въ дружбу, оставляя послѣдней весь цвѣтъ, все благоуханіе перваго чувства». И въ этомъ отношеніи г-жа Герцъ походила нѣсколько на г-жу Рекамье. Если послѣдняя внушила пламенную любовь Бенжамену Констану, который писалъ къ ней страстныя, дышущія огнемъ письма, то г-жа Герцъ внушила столько же живую страсть другому публицисту, правда, менѣ знаменитому, нежели авторъ *Адольфа*, но известному даже во Франціи, куда онъ пріѣхалъ кончить дни свои; это былъ Людов. Бѣрне, который чуть было не отравился отъ того, что она не любила его взаимно. Кроме того, не достойно ли замѣчанія, что принцъ Фердинандъ прусскій расточалъ ей самыя трогательныя знаки дружбы и уваженія; — принцъ Фердинандъ, братъ принца Августа, который умиралъ отъ любви къ г-жѣ Рекамье, и даже предлагалъ ей свою руку, если она согласится развестись съ мужемъ. Наконецъ, подобно г-жѣ Рекамье, г-жа Герцъ видѣла нѣсколько поколѣній литераторовъ; она знала *Рамлера*, изящнаго, хотя

и вычурнаго писателя прошедшаго столѣтїя, автора хорошихъ одъ и сатиръ, переводчика Горація и *Курса Словесности* Лѣбаттѣ; *Энгелл*, наставника короля прусскаго Фридриха Вильгельма III-го, одного изъ сочинителей, которые писали по-нѣмецки съ наибольшею чистотою, моралиста тонкаго и остроумнаго, котораго нраво-описательный романъ *Лоренцъ Штаркъ* и разговоры, изданные подъ заглавїемъ: *Свѣтскій философъ*, и теперь еще читаются съ удовольствїемъ; *Морица*, челоуѣка, одареннаго самымъ страннымъ умомъ, большаго прїятеля Гѣте, и который самъ себя описалъ въ романъ своемъ: *Антонъ путешественникъ* и въ *Жизни пастора Андрея Гарткнофа*. Далѣе поговоримъ о немъ подробнѣе. Потомъ наступила очередь романтической школы: *Шиллеръ*, *Гете*, братья *Шлегели*, и проч. Г-жа Герцъ съ участїемъ слѣдила за вторымъ во все продолженїе его блистательнаго поприща, съ той самой минуты, когда онъ издалъ драму *Гетцъ фонъ Берлихингенъ* и романъ *Вертеръ*, и до той, когда, подобно блестящему свѣтилу, онъ угасъ во всей своей славѣ. Она присутствовала при началѣ поприща Шлейермахера, братьевъ Гумбольдтовъ, Ж. П. Рихтера и проч., и могла, такимъ образомъ, видѣть произведенїя новѣйшей школы.

По всѣмъ этимъ различнымъ правамъ, г-жа Герцъ заслуживаетъ, чтобы ей посвятили особенную статью. Книга, изданная г. Фюрстомъ, была бы гораздо полнѣе и занимательнѣе, если бы г-жа Герцъ сохранила свою переписку со многими знаменитыми особами Германїи обоюга пола, наприм., съ Доротеею Шлегель, дочерью Моисея Мендельзона; но, подобно г-жѣ Рекамье, она предала пламени бѣольшую часть писемъ, къ ней писанныхъ, чтобы не осталось пятна на памяти тѣхъ, у кого выливались они въ минуту страсти и забвенья. Уцѣлѣла одна переписка ея съ Шлейермакеромъ, и биографъ г-жи Герцъ уведомляетъ насъ, что она въ скоромъ времени будетъ напечатана. Записки, предлагаемыя г. Фюрстомъ на судъ читателей, были составлены частїю по собственноручнымъ замѣткамъ покойницы, частїю по ея устнымъ сообщенїямъ. Г-жу Рекамье хвалили, и очень дѣльно, за то, что она умѣла противиться искушенїю марать въ чернилахъ свои розовыя пальчики, она, которая жила въ короткихъ сношенїяхъ съ писателями высокаго достоинства, которая принимала женщинъ писательницъ, подобныхъ г-жѣ Софьѣ Гэ, Тастю, Коле, Мел. Вальдоръ и другихъ. Въ то же время, она не очень любила переписываться. «Она рано прїучилась писать какъ можно меньше, говорить С.-Бѣвъ; но это небольшое было хорошо задумано и превосходно выражено.» Г-жа Герцъ, которая умомъ и образованїемъ далеко превосходила г-жу Рекамье, была бы очень способна

сочинять, но и она также умѣла противостать искушенію. Однакожь, отъ нея остались намъ литературныя произведенія, если можно такъ назвать два перевода, сдѣланные ею съ англійскаго на нѣмецкій; должно сказать, что, на этотъ разъ, она взялась за перо только изъ состраданія, чтобы приложить свою трудовую долю къ приданому одной бѣдной родственницы. Это былъ переводъ путешествія *Мунго Парка во внутреннія земли Африки, 1795—1797, и путешествія Велда младшаго въ Соединенныя Штаты*; и г-жа Рекамье развѣ не была также на все готова, когда дѣло шло о томъ, чтобы помочь бѣдности и несчастію?

И такъ, записки г-жи Герцъ, собственно говоря, не были писаны ею самою. Чтò же касается до книги г. Кюна, которая содержитъ галерею изъ 12 портретовъ (изъ нихъ нѣкоторые были уже напечатаны въ *Augsburger Allgemeine Zeitung*), то мы заимствуемъ у него касательно жизни г-жи Герцъ черты, опущенныя г. Фюрстомъ.

Генріэтта Герцъ, урожденная Лемось, происходила отъ іудейской фамиліи. Она начала прежде всего учиться еврейскому языку, какъ это ведется въ семействахъ, исповѣдующихъ іудейскую вѣру; но въ то же время ее учили и по-нѣмецки; еще въ молодости она перевела на этотъ языкъ еврейскій текстъ Ветхаго Завета. Такимъ образомъ, она рано показала рѣшительную способность къ изученію языковъ, въ которомъ, впоследствии, сдѣлала большіе успѣхи, потому что выучилась по-англійски, по-французски, по-италіански, по-испански, по-шведски и даже нѣсколько по-санскритски, благодаря урокамъ ученаго оріенталиста Боппа. Въ послѣдніе года своей жизни,—странное явленіе,—она пустилась въ изученіе языковъ турецкаго и малайскаго. Въ 1779, 15-ти лѣтъ отъ роду, какъ мы уже сказали, она вышла за-мужъ за г. Герца, чрезвычайно искуснаго доктора, и имѣвшаго въ Берлинѣ большую практику. Онъ, въ особенности, извѣстенъ въ Германіи однимъ излеченіемъ, дѣйствительно чудеснымъ. Расскажемъ о немъ подробнѣе, въ видѣ совета докторамъ, пользующимъ больныхъ, у которыхъ воображеніе удваиваетъ опасность недуга. Дѣло идетъ о Морицѣ, товарищѣ Гѣте въ Римѣ, который сначала былъ подмастерьемъ шляпнаго мастера, а впоследствии сдѣлался отличнымъ писателемъ, даже ученымъ антикваріемъ, и котораго чистый и правильный слогъ запечатлѣнъ необыкновенною прелестью.

«Когда Герцъ предпринялъ это леченіе, сдѣлавшееся, впоследствии, славнымъ, я была уже за-мужемъ. Нельзя сказать, чтобы болѣзнь Морица находилась въ одномъ только воображеніи. Она

действительно существовала, но далеко не въ той степени, какъ онъ предполагалъ. Между тѣмъ мысль, которая запала ему въ голову, что онъ жертва, обреченная смерти, произвела въ немъ лихорадку, которая изнуряла его и угрожала похитить въ скоромъ времени. Я еще живо помню участіе, которое мужъ мой принималъ въ немъ. «Боже мой! говаривалъ онъ каждый вечеръ, если бы я могъ найти средство вылечить Морица!» Однажды утромъ, отправляясь, по обыкновенію, дѣлать визиты больнымъ, онъ сказалъ мнѣ, что ночью, наконецъ, придумалъ средство, которое, если еще не ушло время, должно спасти Морица. Я думала, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь лекарствѣ, и просила назвать мнѣ его.»

«—Погоди, сказалъ онъ, не мѣшай мнѣ, ты узнаешь, когда лекарство нѣсколько подѣйствуетъ.»

«И онъ отправился къ Морицу, у котораго лихорадка усилилась. Несчастнѣйшій валялся въ судорожныхъ движеніяхъ по постели. Увидя доктора, онъ вскричалъ по обыкновенію: «О...! мнѣ кажется, что я умираю! Ахъ! такъ рано! Неужели нѣтъ спасенія?»—Никакого! отвѣчалъ Герцъ; бесполезно долѣе скрывать отъ васъ истину. Вашъ послѣдній часъ наступилъ; но прилично мужу, мудрецу, идти на встрѣчу неизбежной смерти съ спокойствіемъ и даже съ веселостію. Послѣ того, докторъ завелъ разговоръ о важныхъ предметахъ, но продолжалъ говорить такимъ образомъ, какъ будто считалъ конецъ его несомнѣннымъ. Онъ могъ бы обратиться къ его религіознымъ чувствамъ; къ-несчастію, Морицъ не имѣлъ вѣры. Если когда-нибудь существовалъ невѣрующій, то это былъ онъ. На другой день, Герцъ, навѣщая своего больнаго, въ первый разъ нашелъ его спокойнымъ; онъ сидѣлъ на постели и игралъ цвѣтами.—Ну, какъ вы себя чувствуете?—«Вы видите, сказалъ Морицъ, я жду смерти съ покорностію, и даже съ веселостію. Смерть не найдетъ во мнѣ труса».—Браво! сказалъ докторъ. Я и ожидалъ найти васъ такимъ. Я хочу унести отъ васъ это пріятное впечатлѣніе.—Онъ пощупалъ пульсъ. Лихорадка значительно убавилась.»

По истеченіи трехъ дней, у Морица, который ждалъ рѣшенія судьбы своей съ непоколебимымъ хладнокровіемъ мудреца, не было больше лихорадки, а вскорѣ послѣ того онъ совершенно выздоровѣлъ.

Морицъ не преминулъ помѣстить этотъ случай въ своемъ *Erfahrungselektunde*. Мало было писателей, которыхъ жизнь была бы такъ тревожна, такъ безпорядочна, какъ жизнь Морица; а между тѣмъ, онъ оставилъ сочиненія, въ которыхъ царствуетъ рѣдкое спокойствіе духа. То онъ чрезъ мѣру предавался ученію, то

погружался въ развратъ, то казался жертвою мрачной меланхолии. Все это происходило отъ странности его характера. Дѣйствительно, онъ былъ оригиналенъ въ высшей степени. Можно судить по одной слѣдующей чертѣ.

«Однажды, говорить г-жа Герцъ, онъ привезъ ко мнѣ знакомиться жену свою. Исполнивъ эту обязанность общезитія, онъ увелъ меня въ сосѣднюю комнату и сказалъ очень серьезно, указывая на ново-брачную, которая осталась въ другой комнатѣ:—Не правда ли, что я сдѣлалъ глупость? Одинъ такой вопросъ уже достаточно это доказывалъ». За то г-жа Герцъ, не смотря на всю привязанность къ Морицу, едва не расхохоталась. Могъ ли бракъ, заключенный подъ такими предзнаменованіями, имѣть хорошія послѣдствія? Будущее доказало однакожь, что вина не была совершенно на сторонѣ Морица, потому что, въ одно прекрасное утро, дама покинула супружескій кровъ въ сопровожденіи возлюбленнаго, который написалъ преумный трактатъ *Объ искусствѣ вести себя въ обществѣ*, и который, по крайней мѣрѣ въ обществѣ г. Морица, не умѣлъ приложить свою теорію къ практикѣ.

Слава о красотѣ и умѣ г-жи Герцъ привлекала къ ней множество посѣтителей. Сверхъ того, мужъ ея, человекъ весьма ученый, но державшійся въ литературѣ Лессинга, находя, что Гёте теряется въ заоблачныхъ пространствахъ, былъ предсвателемъ такъ-называемаго въ Берлинѣ *общества для чтенія*. (*Lesegesellschaft*). Тамъ разсуждали объ искусствахъ, о литературѣ, въ особенности читали вслухъ хорошихъ писателей. Нѣсколько времени спустя послѣ своего брака, Герцъ спросилъ однажды у жены своей: умѣетъ ли она читать? При этомъ странномъ вопросѣ, бѣдная малютка, съ которою поступали, какъ съ ребенкомъ, почувствовала, какъ глубоко оскорблено ея самолюбіе, и принялась плакать горькими слезами; но мужъ изъяснилъ ей, что онъ спрашиваетъ, умѣетъ ли она читать вслухъ (*ablesen*). Позже она сдѣлалась очень искусною въ этомъ родѣ декламации. На эти небольшіе литературные вечера сходились братья Гумбольдты, Вильгельмъ и Александръ, молодые люди, которымъ было отъ 16 до 17 лѣтъ, знавшіе вполне свѣтское обхожденіе, посвящавшіе день наукъ, а вечеромъ посѣщавшіе большой свѣтъ. Послѣ чтенія, Александръ давалъ г-жѣ Герцъ совѣты въ танцахъ и повторялъ съ нею менюэтъ *à la reine*, бывшій тогда въ Берлинѣ новостію. Въ замѣну онъ бралъ у ней уроки еврейскаго языка. Какъ, неужели еврейскаго? Да, безъ сомнѣнія; и даже сдѣлалъ въ этомъ языкѣ быстрые успѣхи, такъ что писалъ къ г-жѣ Герцъ записки по-еврейски изъ *Замка Скуки*. Этотъ

замокъ былъ жилище его предковъ, Тегель, куда онъ долженъ былъ заключиться, и гдѣ, какъ видно, чрезвычайно скучалъ. Съ нимъ-то и нѣсколькими другими знаменитыми особами обоого пола, г-жа Герцъ основала общество *Tugendbund*, родъ франко-масонской логи, въ которомъ не занимались политикою, но стремились къ нравственной цѣли, и которое вскорѣ распространило свои отрасли по всей Германіи.

Мирабо посѣщалъ общество г-жи Герцъ во время своего пребыванія въ Берлинѣ. Къ-несчастью, мы находимъ въ книгѣ ея весьма не много подробностей объ этомъ замѣчательномъ лицѣ. «Г-жа Герцъ сохранила самое темное воспоминаніе о своихъ разговорахъ съ нимъ». По нѣкоторымъ фразамъ, которыя вырываются у автора, можно бы заключить, что Мирабо питалъ какую-то тайную мысль, заставляя представлять себя этой молодой и хорошенькой женщиной. Но слава уже распространила въ Берлинѣ слухъ о любовныхъ похожденияхъ обольстителя Софьи; всѣ знали, чѣмъ онъ такое. «Знали, говорить Лукаво г-жа Герцъ, что онъ побѣждалъ всѣхъ женщинъ, которыми хотѣлъ обладать,—кромя жены своей».

Г-жа Герцъ гораздо короче была знакома съ г-жею Жанлисъ, которая укрылась въ столицѣ Пруссіи, во время эмиграціи. Въ *Запискахъ* своихъ, которыя также можно бы назвать, какъ называлъ Гёте свои: *Вымыселъ и истина*, госпожа Жанлисъ говоритъ: «Я должна наименовать особъ, которыя были въ отношеніи ко мнѣ необыкновенно любезны. Г-жа Герцъ, жена доктора, прекрасная, какъ ангель, и исполненная ума и доброты»... (Томъ V, стр. 49). Дѣйствительно, г-жа Герцъ оказала ей множество небольшихъ услугъ, и доставила ученицъ, (въ томъ числѣ была она сама), которыя желали учиться по-французски.

«Я часто видала г-жу де Жанлисъ; она давала мнѣ уроки французскаго языка. Одна изъ моихъ пріятельницъ, которая принимала въ ней большое участіе, привезла ее ко мнѣ,—это было въ 1798 году на дачѣ моей въ Паркѣ (*Thiergarten*). Когда я повѣхала отлать ей визитъ, то нашла ее въ прегадкой маленькой комнаткѣ въ кварталѣ Нейштадтѣ. Тамъ г-жа де Жанлисъ, маркиза де Силери, сидѣла у печки и варила себѣ шеколадъ. На обломанномъ столѣ стоялъ отвратительный деревянный подсвѣчникъ, съ котораго капало сало; между тѣмъ, на полкѣ, прибитой къ стѣнѣ, видны были горшки, кастрюли и пр., какъ словно въ кухнѣ, и даже, подъ кроватью, нѣкоторый сосудъ, нисколько не старавшійся спрятаться. Эта картина *фламандской школы* сдѣлала на меня очень тягостное впечатлѣніе; а видъ хозяйки, одѣтой въ полинялое платье, съ запачкан-

нѣмъ чепцомъ на головѣ, изъ-подъ котораго выбивались въ беспорядкѣ волосы, начинавшіе съдѣть, нѣсколько не могъ бы смягчить его, если бы прекрасная арфа въ углу комнаты не бросала нѣсколько поэзій на эту прозу. Этотъ инструментъ, среди разнородныхъ предметовъ, которые его окружали, походилъ на особу хорошаго общества, заблудившуюся посреди уличной толпы. Еще представилась мнѣ другая противоположность: на столѣ лежали искусственные цвѣты и прелестныя небольшія корзиночки, которыя г-жа Жанлисъ сама дѣлала. Я должна сознаться, что садовникъ, котораго я видѣла лѣтъ пять тому назадъ въ саду Кампе, въ Брауншвейгѣ, и который также былъ французскій эмигрантъ, имѣлъ, несмотря на грубость своихъ занятій, видъ гораздо болѣе благородный, нежели г-жа Жанлисъ.» Г-жа Герцъ условила съ нею на счетъ французскихъ уроковъ.

«Когда наступилъ срокъ начинать ученье, г-жа Жанлисъ, узнавъ, что я хочу брать уроки въ обществѣ, объявила мнѣ, что она соглашается учить и мужчинъ, но никогда не даетъ уроковъ двумъ особамъ различныхъ половъ вмѣств. Отвращеніе ея къ этому соединенію доходило до невѣроятной степени. Такъ въ послѣдствіи, когда улучшившіяся обстоятельства позволили ей составить маленькую бібліотеку, она тщательно отдѣляла авторовъ-мужчинъ отъ женщинъ. И не только тѣ и другіе находились на разныхъ полочкахъ, но еще, для бѣдшей безопасности, между полочками оставлено было значительное разстояніе». Какое жеманство! И еще пусть бы дѣло шло о всякой другой женщинѣ, а не о г-жѣ де Жанлисъ! Но та, которая изъявляла подобныя опасенія, такъ часто, такъ дешево цѣнила нравственность и добродѣтель; однажды, осматривая замокъ Ази, она остановилась у памятника Діаны де Пуатье и вскричала: «Ахъ! какъ она счастлива! она была любовницею отца и сына!» Стефанія Фелисите де Жанлисъ была дѣйствительно самая искусная актриса! Впрочемъ, она и сама въ томъ сознавалась; доказательство слѣдующій случай:

«Я видѣла, говорить г-жа Герцъ, какъ она играла комедію въ домѣ богатаго іудейскаго негоціанта Когенъ. Она выполняла свою роль съ невѣроятнымъ искусствомъ, и, по окончаніи представленія, я не могла удержаться, чтобы, вмѣствъ съ другими, не осыпать ее привѣтствіями.—Ахъ! вскричала она съ знаменательною улыбкою: я всю жизнь мою только и дѣлала, что играла комедію!»

Книга г-жи Герцъ изобилуетъ анекдотами. Вотъ одинъ изъ нихъ о знаменитомъ публицистѣ Фридрихѣ Гентцѣ, который сочинялъ такіе сильные манифесты противъ Наполеона, когда послѣдній завоевалъ Германію. Трудно поверить, чтобъ человекъ, который

исполнял должность секретаря на Веронскомъ, Ввинскомъ и многихъ другихъ конгрессахъ, человекъ, которому Шатобрианъ писалъ въ 1829 году (во время испанской войны): «Вы предлагали мнѣ вашу дружбу,—я требую ея, доказательства ея особенно будутъ для меня драгоценны въ эту минуту»,—могъ сдѣлаться виновнымъ въ мошенничествѣ, о которомъ упоминаетъ г-жа Герцъ. Но Фр. Гентцъ, человекъ преданный удовольствію, всегда отыскивавшій новыя наслажденія, и который, 60-ти лѣтъ отъ рода, влюбился въ Фанни Эльслеръ, (связь, на которую намекаетъ Шатобрианъ на своемъ *Веронскомъ* конгрессѣ, когда говоритъ: «Мы видѣли, какъ онъ, Гентцъ, тихо умиралъ при звукахъ голоса, который заставлялъ его забывать голосъ времени»), всегда нуждался въ деньгахъ и не отступалъ ни передъ какимъ средствомъ достать ихъ.

«Гентцъ, говоритъ г-жа Герцъ, былъ однажды у знакомой мнѣ дамы, на свихожденіе которой онъ имѣлъ много причинъ полагаться. Вдругъ, въ жару разговора, онъ срываетъ у ней съ пальца брилліантовое кольцо. Напрасно она представляетъ ему, что отсутствіе этого кольца подвергнетъ ее тысячи неприяностямъ со стороны мужа. Напрасно она проситъ, умоляетъ его: ничто не помогаетъ. Только при помощи горькихъ слезъ и, вѣроятно, также и денегъ, дама эта успѣла воротить свое кольцо.»

Мы сказали уже, что г-жа Герцъ была предметомъ страстнаго обожанія многихъ, и въ особенности Людовика Берне, котораго *Парижскія письма* (Briefe aus Paris) имѣли большой успѣхъ. 17-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ посланъ отцемъ своимъ въ Берлинъ къ доктору Герцу, учиться медицинѣ. Онъ жилъ въ домѣ профессора. Не смотря на это, молодой человекъ и не думалъ учиться. У него было совсѣмъ другое въ головѣ.

«По смерти Герца, онъ просилъ меня такъ убѣдительно сохранить ему его комнаты въ моемъ домѣ, что я, которая могла бы быть его матерью, согласилась на его просьбу, не видя въ томъ ничего худаго. Но вскорѣ я возымѣла нѣкоторыя подозрѣнія. Однажды я была у моей матери, когда горничная моя принесла мнѣ записку этого молодаго человека къ аптекарю въ Koenigstrasse: онъ просилъ его отпустить съ подательницею записки, на прилагаемые 5 фридрихсдоровъ, довольно значительное количество мышь-яку, для истребленія, какъ онъ говорилъ, крысъ и мышей, которыя наводняли его комнату.» Г-жа Герцъ знала, что домъ ея былъ совершенно свободенъ отъ этихъ животныхъ; она успѣвшая отослать къ роднымъ его въ Франкфуртъ опаснаго жильца, который, излечившись отъ безумной страсти, составилъ себѣ въ литературѣ

знаменитое имя. Узжая, Бёрне вручилъ г-жѣ Герцъ журналъ, гдѣ онъ день за день отмѣчалъ свои ощущенія, журналъ, гдѣ страсть выражалась въ пламенныхъ тирадахъ, напоминавшихъ Гётева Вертера. Къ журналу приложена была связка писемъ, которыя несчастный, въ отчаяніи своемъ, писалъ, не имѣя духа передать ей. Переписка и рукопись были брошены въ огонь.

Однакожь, впоследствии, г-жа Герцъ раскаявалась въ этой поспѣшности. Этому-то раскаянію обязаны мы сохраненіемъ переписки ея съ Шлейермахеромъ, которая, иначе, отправилась бы вслѣдъ за пламенными страницами Бёрне. Полагаютъ, что ученый богословъ, который каждый день проводилъ по нѣскольку часовъ въ обществѣ г-жи Герцъ, и который, ухвативъ изъ Берлина, поддерживалъ съ нею постоянную переписку съ 1798—1804, питалъ къ этой дамѣ чувства несравненно болѣе нѣжныхъ, нежели чувства простой дружбы. Привычка видѣть ихъ вмѣстѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ могла подать поводъ къ этому предположенію. Сдѣлали даже на этотъ предметъ карикатуру. Этотъ родъ сатиры карандашемъ былъ тогда въ Германіи новымъ изобрѣтеніемъ. Г-жа Герцъ, высокая и дородная женщина, была представлена идущею на прогулку съ однимъ изъ тѣхъ мышечковъ въ рукѣ, которыя назывались ридикюлями (*un ridicule*); изъ мышечка выглядывала голова Шлейермахера, котораго маленькій ростъ и безобразная фигура рѣзко отличались отъ фигуры его пріятельницы; подъ карикатурою было написано: г-жа Герцъ приобрѣла ридикюль (*M-me Hertz s'est donné un ridicule*). Игра словъ: *ridicule* — смѣшной недостатокъ; но если говорить правду, то ихъ соединяла одна дружба. Всякій, кто читалъ хотя нѣкоторыя отрывки изъ сочиненій Шлейермахера, одной изъ знаменитостей протестантской церкви въ Германіи, автора *Речи о вѣрѣ, Монологовъ*, перевода Платона, сдѣланнаго вмѣстѣ съ Фр. Шлегелемъ, за котораго онъ заступался во время появленія знаменитаго романа *Люцанда* или *Проклятая*, былъ, безъ сомнѣнія, пораженъ глубиною мыслей, прочностію доводовъ и силою діалектики, которыя въ нихъ заключаются. Такой философъ, говаривали многіе, долженъ былъ глубоко обдумывать свой предметъ, прежде нежели вступить на кафедру, для того ли, чтобы читать профессорскую лекцію, или для того, чтобы говорить проповѣдь. Нисколько. Наканунъ того дня, когда Шлейермахеру должно было сказывать проповѣдь, онъ отправлялся къ г-жѣ Герцъ, гдѣ собиралось многочисленное общество; въ то время, какъ разговоръ шелъ своимъ порядкомъ, онъ сѣлся у печки и углублялся въ самого себя, какъ нѣкогда дѣлывалъ Сократъ среди шума городской площади. Такъ оставался онъ съ $\frac{1}{4}$

часа. Приступъ былъ сдланъ. На другой день, онъ произносилъ проповѣдь, отличавшуюся самой прочною завязкою и такъ обильно пропитанную мыслями, что она возбуждала удивленіе во всѣхъ слушателяхъ.

Хотите ли вы знать, какъ Гёте, великій поэтъ, держалъ себя въ обществѣ? Какимъ видѣли Шатобриана въ гостини г-жи Рекамье, едва удостоивающаго раскрывать ротъ, когда къ нему обращали рѣчь, или кивающаго головою на мѣсто отвѣта, таковъ былъ и творецъ «*Фауста*.» «Я часто видала его, рассказываетъ г-жа Герцъ, окруженнымъ толпою замѣчательныхъ людей и юношей неоспоримаго достоинства; всѣ тѣснились вокругъ него; прикованные къ устамъ его, они старали желаніемъ услышать одно слово, одну мысль, быть можетъ, они вздыхали цѣлую жизнь о той минутѣ, когда его увидятъ, и вотъ, они его видѣли; но весь его разговоръ ограничивался нѣсколькими пошлыми восклицаніями, съ большимъ трудомъ у него исторгнутыми; напр. Э?—Въ самомъ дѣлѣ?—Гм... гм..., или много, много, слѣдующими фразами: Очень можетъ статься! (*Das lässt sich wohl hören*).» Кажется, что и Шиллеръ, хотя наружность его была гораздо привѣтливѣе, также мало былъ общителенъ; но какъ у него была жена, довольно простая женщина, то черезъ нее могли вывѣдать все, что хотѣли, объ авторѣ *Мари Стюартъ* и *Валленштейна*.

Въ домѣ герцогини Курляндской, женщины, прославившейся своею любезностію, г-жа Герцъ встрѣчала г-жу Сталь и знаменитаго историка Іоанна Мюллера, который впоследствии игралъ такую значительную роль въ мимолетномъ королевствѣ Вестфальскомъ. Она говоритъ о послѣднемъ: «Мюллеръ пользовался европейскою славою; но не было въ мірѣ человека грубѣе его. Правда, не общественныя его качества, а одно только его имя доставило ему входъ къ герцогинѣ Курляндской. Разговоръ его не имѣлъ въ себѣ ничего остроумнаго, даже тогда, когда онъ выражался по-французски,—на языкъ, который, такъ сказать, возбуждаетъ къ уму тѣхъ, которые одарены нѣкоторымъ природнымъ умомъ; но онъ былъ совершенно грубъ, когда Мюллеръ говорилъ по-нѣмецки. Прибавьте къ этому пренепрятныя манеры, черты широкія, ротъ, который означалъ жадность и прожорливость. Да, онъ и былъ подверженъ этому недостатку. Каждый вечеръ, онъ аккуратно напиивался съ голландскимъ посланникомъ Деделемъ. Но Мюллеръ, по крайней мѣрѣ, былъ очень забавенъ пьяный.» Что касается до г-жи Сталь, то въ берлинскомъ обществѣ шутили надъ ея неутомимою жаждою къ познаніямъ. Она не могла оставаться ни одну минуту безъ дѣла, даже въ продолженіе обѣда и ужина умъ ея

работаль и научался. Г-жа Герцъ встрѣтила однажды на улицѣ одного изъ знаменитѣйшихъ берлинскихъ филологовъ. «Любезная г-жа Герцъ, закричалъ ей ученый, когда былъ отъ нея еще шагахъ въ пяти или въ шести, мнѣ завтра предстоитъ ужасная работа! Я приглашенъ обѣдать къ г-жѣ Сталь, чтобы переводить ей за объемомъ философическое сочиненіе Фихте, котораго я совсѣмъ не понимаю, на языкъ, котораго почти не знаю, т.-е. на французскій. Известно, что г-жа Сталь понимала очень хорошо все, чтѣ читала по-нѣмецки, но не понимала, когда съ нею говорили на этомъ языкѣ. Шлегель, который, впоследствии, сдѣлался ея страстнымъ поклонникомъ, пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы играть съ нею разными злыми штуками. Такъ, однажды вечеромъ, къ г-жѣ Герцъ пріѣхала дама, съ которою г-жа Сталь давно желала познакомиться, потому что она сѣмла за очень умную женщину. Она попросила Шлегеля переводить ей по-французски разговоръ этой дамы. Шлегель исполнилъ ея порученіе, но самымъ коварнымъ образомъ: онъ выразилъ совершенно противное тому, чтѣ было сказано, такъ, что подъ конецъ все общество померло со смѣху. Г-жа Сталь также смѣялась, когда узнала причину общей веселости. На этотъ разъ оправдалась италіянская пословица: Traduttore—tradittore.

Между тѣмъ г-жу Герцъ постигли разные горести; но онѣ не подавили ея; душа ея была сильна, и велика покорность ея Провидѣнію. Она лишилась мужа, и эта потеря уничтожила самый значительный источникъ ея доходовъ, потому что, какъ мы уже сказали, у г. Герцъ была большая практика. Потомъ наступили войны имперіи; Пруссія подпала подъ власть Французовъ, и г-жа Герцъ удалась на нѣсколько времени на о. Рюгенъ. Но вскорѣ она возвратилась въ Берлинъ, гдѣ генералъ Гюленъ командовалъ французскими войсками. Г-жа Герцъ ожидала только смерти своей матери, чтобы обратиться въ христіанскую вѣру; когда это горестное происшествіе совершилось, то она тотчасъ отреклась отъ іудейской религіи и потомъ поѣхала въ Римъ упиваться струями католической вѣры у самаго ея источника. Она пробыла тамъ два года, 1817—1819, періодъ, замѣчательный въ исторіи нѣмецкаго искусства; тамъ она собирала вокругъ себя Канову и Торвальдсена, поэта Рюкерта, Шамиссо, принца Людовика, впоследствии короля баварскаго, Эленшлегера, величайшаго изъ датскихъ поэтовъ. Она пользовалась дружбою кардиналовъ Феша и Говзальва; ее хотѣли даже представить папѣ. Въ запискахъ ея этого времени множество анекдотовъ. Между прочимъ, одинъ о сэрѣ Чарльзѣ Скоттѣ, сынъ романиста, который ни въ чемъ не походилъ на отца своего, а между тѣмъ былъ

любимъ В. Скоттомъ больше всѣхъ другихъ дѣтей. «Однажды я говорила ему съ большою похвалою о какомъ-то романѣ отца его. Вальтеръ-Скоттъ еще не подписывалъ официальнымъ образомъ имени своего подъ своими романами, но всѣ знали, что онъ ихъ сочинитель. «Отецъ мой никогда не говорилъ мнѣ о такой книгѣ! (My father never spoke of such a book)», отвѣчалъ онъ сухо. И, безъ сомнѣнія, чтобы дать мнѣ почувствовать еще суровѣе мою нескромность, и чтобы предупредить съ моей стороны всякую новую попытку говорить съ нимъ о сочиненіяхъ отца его, онъ сказалъ мнѣ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, слѣдующую удивительную фразу: «Онъ никогда не говорилъ ни о какой книгѣ! (He never spoke of a book).»

Великіе художники рѣдко имѣли духъ стать выше зависти, порока, недостойнаго необыкновенныхъ дарованій. «Канова, разсказываетъ г-жа Герцъ, пріѣхалъ навѣстить меня тотчасъ по прибытіи моемъ въ Римъ. Во второе его посѣщеніе я повѣсила въ моей комнатѣ копію съ барельефа Торвальдсена *Ночь* и, чтобы лучше выставить ея красоту, окружила ее гирляндю изъ лавровъ и безсмертныхъ, нарваннхъ съ этою цвѣлю въ *Orti Inglesi*. Случилось такъ, что Канова первый увидѣлъ это украшеніе. Онъ не сказалъ ни слова, но съ тѣхъ поръ никогда больше ко мнѣ не заглядывалъ, хотя я впоследствии не разъ посвящала его мастерскую». Соперникъ Каковы, Торвальдсенъ, представлялъ ту любопытную особенность, что, живя долгое время внѣ своего отечества, забылъ родной языкъ и никогда не могъ выучиться языку тѣхъ странъ, гдѣ жилъ. Впрочемъ, это былъ прекраснѣйшій человекъ, ласковый, исполненный добродушія. Полагали, что Торвальдсенъ происходитъ отъ норвежскихъ королей. Самъ онъ никогда въ томъ не соглашался. Однажды, въ то время, какъ знаменитый ваятель снималъ башмаки и примѣривалъ новые, которые только-что принесъ ему башмачникъ, приходитъ добрый и ученый Финнъ-Магнусенъ, и развертываетъ передъ Торвальдсеномъ огромную хартію; это было генеалогическое дерево, изъ котораго следовало, что художникъ происходилъ по прямой линіи отъ норвежскаго короля, Магнуса III-го *Барфода* или *Голоногаго*. «Очень вѣрю, отвѣчалъ со смѣхомъ Торвальдсенъ, потому что я и самъ теперь *Голоногий*.»— Этотъ анекдотъ принадлежитъ не г-жѣ Герцъ, а соотечественнику и другу Торвальдсена — Эленшлегеру. И кстати о великомъ поэтѣ Даніи, мы повторимъ здѣсь, что разсказываетъ о немъ г-жа Герцъ: «Однажды, Эленшлегеръ вѣздилъ гулять въ Тиволи съ братьями Рипенгаузенами, извѣстными гравёрами; послѣдніе, зная трусость поэта, рѣшились позабавиться на его счетъ. Для этого они стак-

нулись съ хозяйкою трактира, въ которомъ остановились. Эта женщина, притворяясь чрезвычайно озабоченною, принялась ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, всходить и сходить по лѣстницѣ. — «Что съ нею сдѣлалось!» вскричалъ Эленшлегеръ, встревоженный ея суетливостію. Одинъ изъ Рипенгаузеновъ спросилъ трактирщицу о причинѣ ея смущенія. Послѣ нѣкоторой нерѣшимости, трактирщица призналась, что предчувствовала наступленіе землетрясенія. — «Замѣтьте, вскричала она, какъ пожелтѣлъ воздухъ и какъ онъ сталъ похожъ цвѣтомъ на стру!» Потомъ она назвала еще другіе признаки, которые, дѣйствительно, казалось, означали землетрясеніе.

«Эленшлегеръ поблѣднѣлъ; товарищи его притворились, что раздѣляютъ его волненіе. — Въ такомъ случаѣ, что же дѣлать?» спросилъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ. — Да! что дѣлать! повторилъ Рипенгаузенъ. — Предаться своей судьбѣ! возразила трактирщица; счастливы ты, которые умѣютъ лазить на деревья, — это одно средство къ спасенію! Датскій поэтъ замолчалъ и погрузился въ размышленіе. Вдругъ одинъ изъ его товарищей поднимаетъ столъ колѣномъ, такъ что бутылки качаются и вино, выплеснутое изъ стакановъ, течетъ по столу. Эленшлегеръ не въ силахъ долѣе выдерживать; онъ вскакиваетъ со стула и бѣжитъ изъ дому. Вскорѣ присутствующіе, выглянувъ въ окно, видятъ, что поэтъ, не смотря на свою толщину, выбивается изъ силъ, чтобы взлѣсть на преввысокую сосну, и, чтобы достигнуть этого, работаетъ руками и ногами. — Съ величайшимъ трудомъ взобрался онъ на вершину. Наконецъ онъ умѣстился тамъ, неподвижный, трепещущій, стараясь какъ можно сжаться и ожидая въ смертельномъ страхѣ первыхъ колебаній земли. Странное положеніе для поэта, который столько разъ воспѣвалъ храбрость и неустрашимость скандинавскихъ героев! Между тѣмъ земля и не думала трястись, и Рипенгаузену должны были употребить все свое краснорѣчіе, чтобы успокоить его, чтобы убѣдить его сойдти съ своей нашестьи и возвратиться съ ними въ Римъ, гдѣ ихъ ожидали».

Поэтъ Рюкеръ, знаменитый своими трудами по части восточной литературы, былъ трусливъ не менѣе Эленшлегера. «Живое воображеніе, которое помогло ему произвести столько оригинальныхъ произведеній, было причиною его несчастія, во все время его пребыванія въ Италіи. Онъ вездѣ видѣлъ змѣй и разбойниковъ. Когда онъ приходилъ повидаться съ нами изъ мѣстечка Арричіа, гдѣ жилъ, то всегда торопился уйдти къ себѣ за-свѣтло; ему должно было идти съ четверть часа лѣсомъ, и онъ ни за что въ мірѣ не согласился бы сдѣлать этотъ короткій путь въ темноту. Воображеніе

представляло ему лѣсъ населеннымъ страшными разбойниками, тотчасъ по наступленіи ночи: на самомъ же дѣлѣ не существовало ни малѣйшей опасности. Г-жа Шлегель и я прогуливались съ нимъ однажды въ окрестностяхъ Рима; погода была жаркая; воздухъ удушливый. Мы попросили его присѣсть съ нами на траву; онъ отказался. Мы настаивали, и онъ признался наконецъ, что боится.... змѣй. Не въ правъ ли мы послѣ этого полагать, что живость воображенія у поэтовъ удваиваетъ ихъ чувствительность и дѣлаетъ ихъ доступнѣе страху, нежели всѣ другіе люди.»

Остановимся на этихъ краткихъ выпискахъ. Изъ того, что мы сказали о запискахъ г-жи Герцъ, можно судить объ ихъ занимательности. Эта замѣчательная женщина умерла въ 1847 г. Она впала почти въ бѣдность; но Гумбольдтъ, который остался постоянно ей преданнымъ, узнавъ объ ея положеніи, написалъ къ королю прусскому и ходатайствовалъ у него о пенсіи для г-жи Герцъ.—Фридрихъ Вильгельмъ IV не только исполнилъ его желаніе, но и удвоилъ сумму, которую просилъ Гумбольдтъ. Онъ хотѣлъ даже видѣть г-жу Герцъ передъ ея кончиною. Нельзя не узнать въ этой чертѣ великодушнаго государя, покровителя наукъ и искусствъ.

В. Деглинъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАГРЯНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ.

II.

Эмсь прилѣпился къ утесамъ, окружающимъ съ правой стороны теченіе рѣки Лана, которая впадаетъ въ Рейнъ, при Ланштейнѣ, недалеко отъ Кобленца. Мѣстоположеніе очень живописно; отовсюду видишь горы, покрытыя кустарникомъ. Солнце выходитъ довольно поздно изъ за горъ и прячется за горы очень рано.

Погода, по крайней мѣрѣ въ этомъ году, была очень непостоянна: дождь и ведро безпрестанно смѣнялись, и совершенно неожиданно: однажды поутру вошелъ я въ галерею пить свой послѣдній стаканъ, съ намѣреніемъ тотчасъ послѣ воротиться домой и надѣть платье полегче, по-потому что становилось жарко, но когда я выпилъ стаканъ и вышелъ изъ галереи, лился ужасный дождь, и не только перемѣнить платье стало не нужно, но не мѣшало прибавить и еще что-нибудь потеплѣе. Дождь впрочемъ не оставляетъ надолго по себѣ никакой сырости и мокроты: все просыхаетъ въ минуту, и можно прогуливаться безъ замедленія. Отъ жара терпѣли мы только два дня впродолженіе мѣсяца. Свѣжо, если не холодно, бывало очень часто.

Эмскія воды извѣстны своей цѣлебной силою еще со временъ римскихъ. Первое разстройство, грудныя болѣзни, устарѣлыя простуды, особенно горловыя, сыпи, задержки въ отправленияхъ — вотъ главныя болѣзни, въ коихъ онѣ помогаютъ. Женщины въ особенности получаютъ отъ нихъ многоразличную пользу. Главныя источники два: Kesselbrünnen, почти горячій, и Kälbrünnen, теплый. Первый дѣйствуетъ болѣе на горло и грудь, второй на нервы. Пьютъ обыкновенно по четыре стакана, и курсъ продолжался три недѣли: рѣдко долѣе.

Ванны здѣшнія устроены хуже, т.-е. бѣднѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Теплицѣ.

Диета не слишкомъ строгая: должно удерживаться отъ солянаго и жирнаго. Вино, чай, мороженое, въ умѣренномъ количествѣ, позволяютъ нѣкоторые врачи. Всего болѣе надо беречься простуды.

Надъ источниками выстроены цѣлые дома, такъ что, къ-сожалѣнію, не видишь, откуда получаешь воду.

Въ нижнемъ, открытомъ этажѣ или галлерей, за стѣною устроены водоемы, изъ коихъ посредствомъ крановъ получается вода. Къ каждому источнику приставлены по двѣ или по три нимфы. Онѣ нацѣживаютъ вамъ цѣлебную влагу и хранятъ вашъ стаканъ. Стакановъ на прилавкѣ становится по крайней мѣрѣ двѣсти, но нимфа такъ примечетъ къ своему дѣлу, что замѣтитъ непременно всѣ лица и всѣ стаканы, кому какой принадлежитъ. Лишь только вы покажетесь, какъ она отыщется въ ту же минуту вашъ стаканъ и вручитъ вамъ налитый.

Эмсь состоитъ изъ гостинницъ, болѣе или менѣе великольных или красивыхъ, вытянутыхъ въ одну линію по берегу, и нѣсколькихъ домовъ по краямъ, гдѣ живутъ разные работники и поселане. Недавно постройки начались и на другомъ берегу, который соединяется каменнымъ мостомъ съ старымъ посадомъ.

Ближнія прогулки въ саду, рошѣ и аллеяхъ, насаженныхъ близъ источниковъ. Хоть онѣ очень узки, но все-таки прогуляться можно съ удовольствіемъ, особенно когда не беспокоитъ непріятный запахъ. Дальнія прогулки—по горамъ, не вездѣ впрочемъ въ тѣни. Въ путь отправляются болѣею частію на ослахъ, * которыхъ особенно любятъ дамы и Англичане. Длинный Англичанинъ, сидя обыкновенно къ заду съ хлыстомъ въ рукахъ и волочасъ ногами почти по землѣ, представляетъ всегда смѣшную фигуру. Множество поденщиковъ наперерывъ другъ передъ другомъ стараются заманить къ себѣ сѣдоковъ, и очень часто сорятся между собою изъ-за нихъ. Всякой побѣдкѣ назначена особая цѣна.

Житье здѣсь довольно дорого, какъ говорятъ нѣмцы, сравнительно съ другими частями Германіи. Завтракъ стоитъ около рубля асс. на наши деньги (кофе съ молокомъ, сливочнымъ масломъ, бѣлымъ хлѣбомъ, сухаремъ и булкою). Обѣдъ рубля два, и порядочная комната столько же; ванна отъ 20 коп. серебромъ до рубля; за пребываніе, на всѣ расходы, платится за все время леченія рубль серебромъ, да на музыку и бѣднымъ пятьдесятъ коп. Круглымъ счетомъ обыкновенныхъ всѣдневныхъ расходовъ можно положить около двухъ рублей серебромъ въ день на человѣка.

Большую часть здѣшнихъ гостей составляютъ Бельгійцы по со-
сѣдству, Англичане, которые сосѣди всѣмъ народамъ въ мірѣ, жители
южной Германіи, особенно съ Рейна, Французы, Русскіе, и проч. Въ
годъ перебывается гостей до четырехъ тысячъ. Женщинъ больше, чѣмъ
мущинъ.

Провожденіе времени слѣдующее: встаютъ обыкновенно въ шесть ча-
совъ утра. Питье продолжается часть, подъ прекрасную музыку, кото-
рая начинается обыкновенно церковнымъ хораломъ, разыгрываетъ вамъ
разныя увертюры и симфоніи, аріи и каватинны, изъ сочиненій Гайдена,
Моцарта, Россини, Обера и проч., и заключаетъ мазурками, вальсами,
польками и галопомъ.

Послѣ послѣдняго стакана надо прогуляться часть, за которымъ слѣ-
дуетъ желанный завтракъ, если вы столько счастливы, что для ванны
получили часть позднѣйшій. Другіе должны брать ванну тотчасъ послѣ
прогулки до завтрака или даже до питья, потому что заведенію нѣтъ
возможности удовлетворять иначе всѣ требованія. Я вставалъ, напри-
мѣръ, всегда въ 5 часовъ, чтобъ кончить питье и прогулку къ семи
часамъ, когда могъ получить ванну. Время въ ваннѣ, разумѣется, самое
скучное: безпрестанно поглядываешь на часы, чтобъ видѣть, скоро ли
пройдутъ безконечныя три четверти часа. Впрочемъ, мнѣ на счастье
попался въ сосѣди французъ, который престоко полоскался въ водѣ
и производилъ ужасныя революціи или напѣвалъ веселыя аріи. Съ дру-
гой стороны плавала какая-то Леда или, по крайней мѣрѣ, леди, а мо-
жетъ быть *милади*.

Отъ завтрака до обѣда за общимъ столомъ времени четыре часа,
которые проводилъ обыкновенно въ *Lesekabinet* (два талера! въ мѣсяцъ) за
газетами. Здѣсь получаютъ французскія: *Indépendance Belge*, которая,
что касается до новостей, занимаетъ рѣшительно вездѣ первое мѣсто,
Journal des débats, *Assemblée Nationale*, *Moniteur*, *Journal de Francfort*,
англійскія: *Times*, *Galignona*, *Messenger*, *Morning-Chronicle*, нѣмецкія:
бремская, кельнская, гамбургская, франкфуртская, лейпцигская, вѣнская,
нассауская, берлинская. Отъ нечего дѣлать я перечитывалъ или, по крайней
мѣрѣ, пересматривалъ ихъ всѣ, и долженъ признаться, что вездѣ пересы-
пается изъ пустаго въ порожнее, кромѣ мѣстныхъ официальныхъ из-
вѣстій, такъ что наши московскія, право, берутъ преимущество передъ
всѣми. Политическія разсужденія, особенно касательно отношеній Россіи
и Турціи, исполнены пристрастія, предубѣжденій, односторонности и
невѣжества. Журналисты пишутъ статьи, какъ лютеранскіе проповѣд-
ники говорятъ проповѣди, общими мѣстами на заданную себѣ тему.

Дѣла не знаютъ они и поютъ съ голоса, повторяя другъ друга, такъ что подѣ конецъ я совершенно соскучился и бросилъ чтеніе. Разсужденій о вопросахъ жизненныхъ въ нынѣшнемъ обществѣ, о промыслахъ, доходахъ и расходахъ, нуждѣ и избыткѣ, не найдешь почти никогда, а поводы, кажется, встрѣчались бы часто, хотя бѣ, напримѣръ, Гледстоновъ законъ о наслѣдствахъ, или возобновленіе подати съ доходовъ, введенное сначала Питтомъ, повторенное Пилемъ, и продолжаемое послѣдними министерствами. Впрочемъ явленія, встрѣчаемая въ Германіи на каждомъ шагѣ, представляютъ много задачъ благонамѣренному журналисту для обсужденія, но *sine ira et studio* И въ одной ли Германіи? Сколько произошло поучительнаго во Франціи! Какія великія объясненія для Исторіи; а кто ими воспользовался! Европейскіе журналы и газеты — или голоса партій или торговля спекуляціи. Есть журналы частныя наукъ и искусствъ, но общественной, дѣловой, практической, газеты нѣтъ, ни журнала.

Смѣшенъ бываетъ иногда берлинскій *Cladderadatsch*, своими нѣмецкими витцами. Вотъ, напримѣръ, одно изъ послѣднихъ его извѣстій: вслѣдствіе вступленія русскихъ войскъ въ Молдавію, прибыла въ Яссы и лихтенштейнская (*) армія на ночныхъ дрожкахъ (*in Nachtdrochki*).

Въ Парижѣ составилось общество съ капиталомъ въ два милліона франковъ — обобщить употребленіе водъ, и доставило средство пользоваться ими даже и недостаточнымъ людямъ. Съ сею цѣлю общество войдегъ въ сношенія съ главнѣйшими владѣльцами источниковъ, съ хозяевами гостиницъ и правленіями желѣзныхъ дорогъ. Надо признаться, что такія мысли зараждаются только во Франціи!

Въ часъ бываетъ *Table d'hote* въ главныхъ гостиницахъ. Первое мѣсто принадлежитъ гостиницѣ лечебнаго дома (*Curhaus*), гдѣ продолженіе обѣда играетъ музыка выбранныя пьесы, за что прибавляется къ гульдену по 12 крейцеровъ. Нѣмцы позволяютъ себѣ этотъ лишній расходъ особенно по воскресеньямъ, и потому въ воскресенье обѣдъ бываетъ самый многочисленный, отъ 200 до 250 человекъ.

Столъ состоитъ изъ множества блюдъ съ разными приправами: супъ всегда очень слабый и жидкій, говядина болѣе или менѣе вываренная, рыба довольно вкусная, особенно рейнская семга, котлеты крошечныя съ морковью, шпинатами, капустою (*choux frisé*), простою и цвѣтною, фрикасе изъ разныхъ гребешковъ, поготковъ и вчерашнихъ жаркихъ, пудингъ или *mehlspeise*, самое лучшее кушанье, съ подливкою, жаркое

(*) Самое малое нѣмецкое владѣніе.

(телятина, баранина, которая лучше телятины, олесь, козлятина, цыпляты) съ салатомъ и компотомъ, изъ вишенокъ, сливъ и разныхъ ягодъ, пирожное и хлѣбное, за которымъ слѣдуютъ мелочи: печенья, бисквиты, конфеты, и съ хлопучками или щелканьемъ, которое заставляетъ вздрагивать всякую Gretchen, Minnchen und Lotchen. Кушанья прежде становится на поглядъные, переносится съ мѣста на мѣсто, потомъ разрѣзывается на особомъ столѣ хозяиномъ, и разносится по гостямъ.

Перемѣна происходитъ по звонку.

Прислуга отличается проворствомъ и ловкостью. Механизмъ стола доведенъ до высокой степени совершенства, и все происходитъ какъ по заведеннымъ часамъ.

Кушанья подаются на маленькихъ тарелочкахъ и разрѣзываются на самые тонкіе ломтики или листики; приборы безпрестанно перемѣняются, разные соусы подливаются, предъ глазами мелькаютъ украшенные зеленью и цвѣтами; больше услаждается зрѣніе и слухъ, чѣмъ вкусъ: ѣшь, кажется, много, а встанешь ни какъ не зная, сытъ или нѣтъ. Еслибъ привезти изъ Троицкаго трактира одну ногу телятины да окорокъ ветчины, такъ, вѣроятно, въ этихъ двухъ пьесахъ оказалось бы больше положительной сущности, valeur intrinseque, чѣмъ во всей массѣ здѣшной перегнанной трен-брови.

Искусство дѣлать что-нибудь почти изъ ничего развито здѣсь въ высшей степени, равно какъ и другое искусство — сообщать ничему видъ чего-то, да еще и какой красивый видъ!

Послѣ обѣда общество расходится по домамъ, или по горамъ и аллеямъ, до 6 часовъ, когда опять начинается питье подъ музыку и прогулка.

Въ это-то время дамы, главное населеніе Эмса, стараются отличиться своими нарядами: шляпы, накидки, оборки, составляющія нынѣ главное украшеніе, мелькаютъ передъ глазами. Бельгійки, французженки, англичанки тянутся одна передъ другою изъ всѣхъ силъ. А нѣмкамъ, видно, не хочется имъ уступить, и потому онѣ тащатъ съ собою, кажется, весь гардеробъ; чуть ли иная не прихватитъ чего и у сосѣдки. Здѣсь отличались двѣ Ротшильды, Мюрать, Пиль и проч. и проч. Были дамы, которыя переодѣвались въ день по четыре раза. Одна кака-то банкирша, очень недурная собой, была царицею сезона; я не видалъ на ней ни одного платья два раза. Молодымъ и хорошенькимъ женщинамъ, пожалуй, можно еще уступить щегольство, а старья-то и безобразныя для чего и

для кого наряжаются? Больнымъ—то какъ приходитъ въ голову убрaнство? Вѣдь это *non-sens*. Особенно надоѣла мнѣ одна щеголиха, которая тоже всякій день почти надѣвала новое платье, и вмѣстѣ носила такую кислую рожу, такую недовольную и сердитую мину, что на нее смотрѣть нельзя было безъ отвращенія. Иная дама рѣшается лучше просидѣть дома и не прогуливаться, чтобъ только не часто являться въ однихъ платьяхъ и давать время забывать о нихъ, — какъ будто кто-нибудь ихъ помнитъ! Вообще щегольство на водахъ не говоритъ много въ пользу успѣховъ европейскаго образованія, и Шлецеръ могъ бы принять его въ число признаковъ для своего общественнаго термометра. А какую прискорбную противоположность представляла эта пышность, велоколѣпіе, роскошь и расточительность съ грязными картинami окружающей нужды, бѣдности и нищеты.

А какъ одѣваютъ нынѣ дѣтей, такъ нелѣпѣе ничего, кажется, придумать уже нельзя. Я не говорю объ этихъ бантахъ и лентахъ, кушакахъ и шляпахъ, прошивкахъ и прочихъ кукольныхъ убранствахъ, въ которыхъ жалко видѣть невинныя созданія, но послубосыя ноги, въ совершенной противоположности съ изысканностію и роскошью верхняго наряда, представляютъ самую смѣшную картину, какъ будто миниатюру дикости и варварства вмѣстѣ съ цивилизаціею, Америки съ Европою. И не лучше ли уже обнажать руки, чѣмъ ноги?

Мнѣ случилось отъ нечего дѣлать прочесть нѣсколько брошюрокъ, которыя у насъ рѣдки. Чтѣ за нелѣпости пишутъ о Россіи и Русской Церкви. Извѣстный Пужуля въ своемъ разсужденіи: «Франція и Россія въ отношеніи къ святымъ мѣстамъ» забываетъ, — кого вы думаете? Грековъ и Греческую имперію, Константию и Елену и Юстиніана, и основываетъ всѣ свои доказательства на Крестовыхъ походахъ! Ему написать бы еще страничку, такъ оказалось бы, что и Константинополь по праву принадлежитъ Франціи. Этотъ господинъ не хочетъ знать, что Латинамъ доставались здѣшнія мѣста, святая и не святая, только вслѣдствіе завоеваній, временно, и что все должны они были возвратить чрезъ нѣсколько времени Грекамъ, или уступить Арабамъ. Этотъ господинъ не хочетъ знать ничего о тѣхъ козняхъ, посредствомъ которыхъ Западъ бралъ нѣсколько времени преимущество надъ христіанскимъ Востокомъ, и о тѣхъ язвахъ, которыя навесъ ему, вмѣсто Магомета. Пора бы писателямъ оставлять предубѣженія, и смотрѣть на дѣло, какъ оно есть, смотрѣть впередъ,

а не адвокатствовать за старые грѣхи. Точно также, или еще болѣе невѣжества обнаруживаетъ Мишеле, разсуждая о Русской и Польской исторіи. Нельзя читать его безъ негодованія. Намъ непременно надо бы писать противъ западныхъ писателей и отирывать имъ глаза. Въ Европѣ есть теперь и безпристрастные люди, которые готовы слушать правду. А мы все молчимъ! Республиканская Франція помогла ль Италіи соединиться? Нѣтъ — она заняла Римъ. Рада ли была она соединенію Германіи? Нѣтъ — она приняла очень холодно посольство изъ церкви Святаго Павла и показала явное свое нерасположеніе къ ея предпріятіямъ. А Нѣмцы? Нѣмцы въ той же церкви Св. Павла, въ самомъ разгарѣ своихъ мечтаній, присвоивали себѣ, т.-е. ль предѣламъ Германіи, и Познань, и сѣверную Ломбардію и Богемію, не говоря уже о Силезіи, Голштиніи, Люксамбургѣ! А Англія спокойно владѣетъ Ирландіею! Только мы виноваты, воспользовавшись случаемъ возвратитъ себѣ свое, коренное русское достояніе, русскихъ людей съ русскимъ языкомъ и русской вѣрою: ибо такова часть, полученная нами при такъ называемомъ раздѣлѣ Польши. Не говорю уже о политической необходимости, въ которую поставлена была Россія, чтобъ не имѣть въ сосѣдяхъ избирательнаго правленія съ приютомъ для всѣхъ враговъ.

Еще прочелъ я брошюрку маркиза Лароне Жакелена о нынѣшнемъ состояніи Франціи, и другую, какого-то господина противъ Прудона; — рука такъ и рвалась писать и вступить въ состязаніе, но докторъ не велитъ!

По крайней мѣрѣ говорить я не упустилъ случая; одна бесѣда съ ганноверскимъ проповѣдникомъ доставила мнѣ особенное удовольствіе.

Рѣчь зашла какъ-то у насъ о французскихъ поселеніяхъ въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и Касселѣ. Французы-реформаты пришли сюда болшею частію изъ Лангедока, при Лудовикѣ XIV, послѣ того какъ уничтожилъ онъ нантскій эдиктъ. Они получили себѣ отъ нѣмецкихъ князей нѣкоторыя земли, весьма впрочемъ бѣдныя и тѣсныя. Въ 1830 годахъ правительство опредѣлило употреблять имъ въ богослуженіи, судопроизводствѣ и училищахъ языкъ нѣмецкій вмѣсто французскаго. Для Французовъ это было очень прискорбно, и они рѣшились нейти въ церковь. Протестантскіе прихожане, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, собрались въ ихъ церковь, чтобъ литургія могла совершиться и безъ нихъ. Тогда явилось туда и нѣсколько Французовъ изъ любопытства, посмотрѣть, что будетъ. «Я обратился къ нимъ, рассказывалъ мнѣ ганноверскій проповѣдникъ, съ рѣчью на французскомъ языкѣ, и сказалъ

имъ: друзья мои—вы пришли къ намъ, оставивъ свое отечество. Мы приняли васъ. Вы получили себѣ нѣмецкую землю во владѣніе, поля и луга, дома и усадьбы, вы живете подъ нѣмецкимъ небомъ, вы ѣдите нѣмецкій хлѣбъ. Возблагодаримъ Бога за всѣ его милости языкомъ вашихъ отцевъ, языкомъ той земли, откуда вы пришли, и приведемъ ему теплую молитву языкомъ вашего новаго отечества, чтобъ Онъ не оставилъ васъ своими благодѣіями и на будущее время». Французы были очень тронуты и рѣшились ходить въ церковь, говоря, что пасторъ воздалъ честь ихъ языку, а больше онъ ничего сдѣлать не можетъ. «Вотъ видите ли, сказалъ я пастору, какъ вы поступаете и находите нужнымъ поступать съ вашими гостями, а вы помните ли, какой шумъ подняли ваши журналисты, и какъ кричали года два, когда русское правительство не языкъ нѣмецкій вывело изъ употребленія въ Остзейскихъ губерніяхъ, а изъявило только желаніе, чтобъ дѣти въ школахъ, учась новымъ и древнимъ языкамъ, учились вмѣстѣ и по-русски».

Воспользуясь случаемъ, я сообщилъ ученому пастору свѣдѣнія о тѣхъ правахъ, коими пользуются у насъ нѣмецкіе подданные,—и онъ слушалъ меня, не вѣря ушамъ своимъ!

О Русской Церкви также не имѣютъ въ Германіи никакого почти понятія: «Говорятъ ли у васъ проповѣди?» — спросилъ меня однажды пасторъ.—Проповѣдь, отвѣчалъ я, съ древнѣйшихъ временъ составляетъ важную часть нашего богослуженія. «Имѣете ли вы знаменитыхъ проповѣдниковъ?» — Именно этотъ родъ красворчія процвѣтаетъ у насъ, наиболѣе. Многія проповѣди наши отличаются не только краснорчіемъ, но глубокомысліемъ. Читая Филарета, какъ будто летишь съ орломъ въ небо и боишься упасть — такъ смѣль и быстръ бываетъ часто его полеть.—«Ахъ, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ какую-нибудь его проповѣдь на нѣмецкомъ языкъ.» Я обѣщалъ непременно перевести ихъ нѣсколько и доставить ему въ Геттингенъ.

Религія въ сѣверо-восточной части Германіи ослабѣваетъ значительно, по замѣчанію пастора, согласному съ другими отзывами, мною слышанными, а въ сѣверо-западной держится крѣпче.

Пасторъ разсказалъ мнѣ подробно исторію семи геттингенскихъ профессоровъ, которая надѣлала столько шума въ Европѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Она происходила совсѣмъ не такъ, какъ печаталась въ газетахъ. Самолюбіе играло значительную роль, и личное брало верхъ надъ общимъ.

Въ Ганноверѣ десять тысячъ талеровъ ежегоднаго дохода—есть уже великое богатство, и такихъ богачей очень мало. Жить дешево, но потребности все-таки увеличиваются.

Въ-заключеніе нашихъ серьезныхъ разговоровъ пасторъ далъ мнѣ нѣсколько шарадъ, здѣсь имъ сочиненныхъ, и былъ, кажется, очень радъ, когда я похвалилъ ихъ.

Eine zweisylbige Charade.

„O sieh, wie ist das Zweite
 „Das Erste doch so sehr,
 „Und uns der Weg in's Weite
 „Verschlossen rings umher.

* * *

„Und so fast alle Tage
 „Wird's leider hier zu Land'.
 „Ach daß man uns zur Plage
 „Doch hat nach Ems gesandt.“

* * *

So Anna, aber herzlich
 Das liebe Schwesterlein,
 Fällt Otto freundlich scherzend
 In ihre Klagen ein.

* * *

„O laß dich das nicht kränken,
 „Und lern' zum Troste dir
 „Das Eine nur bedenken:
 „Wir sind im Ganzen hier.

* * *

„Was aus der Erde Gränden
 „Hier segnet nah' und fern,
 „Muß man erträglich finden,
 „Kommt's auch von oben gern.“

—

Eine dreisylbige Charade.

Zwei Emser Kurgenossen hatten
 In meinen ersten beiden Schatten
 Nach Tische sich vereint.
 Da sprach der Eine zu dem Andern:
 „Laß uns ein wenig weiter wandern,
 „Wenn dir's behaglich scheint.“—

„Ei wohl!“ sprach dieser, „mit Vergnügen,
 „Nur muß das Ziel zu fern nicht liegen
 „Und schattig sein der Weg;
 „Denn zu den weiten Promenaden
 „Sind mir bis jetzt trotz allem Baden
 „Die Beine noch zu träg.“—

Da wies der Andre auf mein Drittes;
 Und seh', der kräft'ge Jüngling litt es,
 Daß man ihn Knäblein hieß,
 Und ihn als Träger zu dem Wandern
 Aus einem Schatten in den andern
 So klein erscheinen ließ.

Er litt's und lächelte gar heiter,
 Als jener Freund zum andern weiter
 In munterer Laune sprach:
 „Der trägt uns leicht in jenen Schatten,
 „Wo bald ein Pfad uns ohn' Ermatten
 „Zum Ziele führen mag.“—

Und nun beschrieb er ihm das Ganze,
 Wie es im schmucken Waldestranze
 So gastlich lade ein.
 Und bald erschienen da auch Beide
 Und ließen ihre erste Freude
 Ein Täßchen Kaffee sein.—

Eine dreisylbige Charade.

Die 1 Sylbe.

Ich schmücke gar bescheiden
 Den nackten Felsengrund,
 Auch wird von manchem Leiden
 Der Mensch durch mich gesund.

. . .

Die 2 letzten Sylben.

Ich berg' auf dder Heide
 Manch Leben lieb und schön,
 Hab' ich mir auch zum Kleide
 Das Erste nur erseh'n.

. . .

Das Ganze.

Herau zu meiner Höhe!
 Ihr Gäste allzumal,
 Daß weit das Auge sehe
 In's schöne Emser Thal.

. . .

Lernt steigen, immer weiter
Den steilen Bergespfad;
Das macht gesund und heiter,
So spricht der Aerzte Rath.--

4. Eine dreisylbige Charade.

Die 1 Sylbe.

Ich diene freundlich dem Gedächtniß
Auch auf des Wandrers Spur;
Doch Keiner liebt mich als Vermächtniß
Der neckischen Natur.

Die 2 Sylbe.

Ich trage oft in weite Lande
Des Wandrers Blick hinaus,
Auch bind' ich mit gar starkem Bande
An's liebe Waterhaus.

Die 3 Sylbe.

Vor allem Andern dich zu zieren,
Erheb' ich mich mit recht;
Auch darfst du niemals mich verlieren,
Sonst geht's gewiß dir schlecht.

Das Ganze.

Das Erste, Zweite und das Dritte
Siehst du vereint in mir,
Ein Ziel dem Emser Eselritte,
Des Ithales schönste Bier.

Отгадайте !

Еще нѣсколько занимательныхъ разговоровъ имѣлъ я съ однимъ бременскимъ докторомъ.—Что стоитъ прожить у васъ прилично порядочному семейству? спросилъ я его однажды.—Вы можете судить, отвѣчалъ онъ мнѣ, изъ того, что нашъ бургомистръ получаетъ въ годъ жалованья двѣ тысячи талеровъ, а сенаторы, помогающіе ему въ управленіи городомъ, по полуторы тысячи. Съ этою суммою, даже съ тысячею талеровъ, можно жить очень прилично.—А у насъ въ Петербургѣ и Москвѣ что значать нынѣ эти суммы!

Бременъ въ последнее время наживаетъ всего болѣе отъ переселеній. Множество кораблей его взадъ и впередъ бороздятъ море, перевозя въ Америку нѣмецкихъ выселенцевъ и привозя оттуда тамошніе товары. Въ двадцать дней совершается теперь перевѣздъ (а на пароходахъ въ 14), и стоитъ не больше ста рублей серебромъ.

Занимали меня много здѣшнія подати. Я спросилъ сапожника, которому заказывали сапоги, парня лѣтъ 25, недавно заведшаго свое хозяйство, сколько сойдеть съ него всякихъ поборовъ въ годъ.—Около 50 гульденовъ, т.-е. почти сто рублей ассигнаціями!—Удивительно какъ мало мы имѣемъ свѣдѣній о разныхъ здѣшнихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ какъ онъ любопытен, и вмѣстѣ какъ онъ были бы полезны. Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Я употреблялъ, напримѣръ, ванны въ четырехъ разныхъ городахъ; каждое устройство имѣетъ свои особенности; полицейское управленіе также, равно какъ и почта; даже и въ гостинницахъ встрѣчается много различій. Почему бы всѣмъ не сообщаться, не мѣняться свѣдѣніями, и не пользоваться улучшеніями. Одно лучше здѣсь, а другое тамъ. Нѣтъ—какъ попалъ кто въ свою колею, такъ уже и не выдерется изъ нея, и не хочетъ даже посмотреть, какъ другіе пробираются въ своихъ.

За два дня передъ отъѣздомъ, случайно встрѣтился я въ прогулкѣ съ германскимъ профессоромъ философіи Вердеромъ, котораго одну лекцію я прослушалъ лѣтъ тому десять назадъ. Я узналъ его тотчасъ и возобновилъ знакомство. Все остальное время мы провели вмѣстѣ. Съ особеннымъ живымъ участіемъ разспрашивалъ онъ меня о Гр. и другихъ московскихъ моихъ знакомыхъ, съ отличной похвалою отзывался о занятіяхъ философіею нѣкоторыхъ нашихъ студентовъ, и увѣрялъ, что онъ въ способностяхъ рѣшительно отдастъ преимущество Русскимъ. Разумѣется, мнѣ очень пріятно было слышать эти отзывы.

Вердеръ до сихъ поръ еще экстра-ординарный профессоръ, (уже лѣтъ 15), хоть большая часть студентовъ, занимающихся филозофіей,

слушаетъ только его. Для философіи въ Берлинѣ три профессора ординарныхъ и три экстра-ординарныхъ. Габлеръ, вызванный на мѣсто Гегеля, не имѣетъ вовсе слушателей. Бенке также.

На вопросъ мой, чѣмъ занимается теперь Вердеръ, онъ отвѣчалъ, что ставитъ на сцену своего Колумба, трилогію, состоящую изъ трехъ трагедій. Въ второй трилогіи онъ хотѣлъ драматизировать обще-историческое происшествіе. Любопытно будетъ увидѣть, какъ онъ успѣлъ привести мысль свою въ исполненіе, а разсуждаетъ онъ о драматическомъ искусствѣ здраво, и о Шиллеровыхъ, Гетевыхъ драмахъ не имѣетъ общихъ предразсудковъ нѣмецкихъ и нашихъ. Мы говорили много о Русской исторіи и о той блистательной будущности, которая предстоитъ русскому языку, Церкви, исторіи, искусству, праву. Европейцы, по невѣдѣнію, до сихъ поръ отзывающіеся о насъ съ такимъ пренебреженіемъ, должны увидѣть тамъ вскорѣ новый свѣтъ.

Историческое искусство было также предметомъ нашихъ разговоровъ. Вердеръ любитъ болѣе всего біографію. Общихъ, отвлеченныхъ положеній довольно, говоритъ онъ, мы ихъ выразумѣли, и для насъ всего занимательнѣе теперь живыя частности, коими общее представляется. Маколею онъ отдаетъ преимущество предъ многими нѣмецкими историками. Я спрашивалъ также о Шеллингѣ, о состояніи его духа, въ какомъ расположеніи ожидаетъ онъ своей смерти. (Шеллингу слишкомъ 70 лѣтъ). Онъ очень спокоенъ, веселъ, свѣтелъ, и трудится неуспяно. Вотъ лучшее оковчаніе его системъ философіи, если онъ и не успѣетъ обработать своего сочиненія!

Передъ моими окошками строится мостъ чрезъ рѣку Ланъ. Противно смотрѣть на здѣшнихъ работниковъ: гдѣ-то встануть, гдѣ-то подвинутъ руки, гдѣ-то опустятъ ихъ! что за вялость, безучастіе, скука на ихъ лицахъ. Ходятъ какъ разваренные, примѣриваются, пробуютъ. То ли дѣло русскіе каменщики, плотники, печвики, штукатуры, въ ихъ бѣлыхъ или синихъ рубашкахъ, подпоясанные, съ пѣснями и веселыми разговорами. Работа именно кипитъ у нихъ, и всякое дѣло мастера боится, не только мастера, но даже работника. А здѣсь на-оборотъ: всякій мастеръ боится, кажется, дѣла. За то дѣло дѣлается у нихъ прочно, и не оказывается нужды передѣлывать, исправлять, чинить. Всякому свое.

Въ Эмсѣ пришлось мнѣ прожить менѣе, чѣмъ я предполагалъ. Докторъ совѣтуетъ мнѣ отправиться въ Вильдбадъ, и кончить тамъ леченіе ваннами.

Дорога изъ Эмса до Висбадена, чрезъ Нассау и Швальбахъ, очень живописна. Гора, по которой надо подняться, выѣхавъ изъ Нассау, представляетъ много точекъ, съ которыхъ виды на противоположныя горы, долину и замокъ, прелестны.

Подъѣзжая къ Висбадену, видишь на лѣво, вдали, среди окружающей густой зелени, пять главъ, горящихъ какъ жаръ, по-московски. Это церковь, основанная великимъ герцогомъ надъ прахомъ его почившей супруги, нашей великой княжны Елизаветы Михайловны. Мы сняли шляпы, и перекрестясь, помянули почившую. Спутники рассказывали другъ другу чудеса о церкви и о суммѣ, которой стоило золоченье, у нихъ доселѣ невиданное! Мысль прекрасная, построить такую церковь! Вообще желательно видѣть русскія перкви въ главныхъ городахъ европейскихъ, чтобъ жители видѣли наше богослуженіе. Въ послѣднихъ газетахъ прочелъ я, что даже Турки строятъ себѣ особую мечеть въ Парижѣ.

Во Франкфуртѣ посѣтилъ я старую свою знакомую г-жу Глогау, которая здѣсь теперь поселилась. Домъ ея дѣйствительно стоить посѣщенію. Такая чистота, удобство, излщество и вообще цѣлесообразность (zweckmässigkeit) не только въ гостиныхъ и внутреннихъ комнатахъ, но и во всѣхъ службахъ, что нельзя налюбоваться. Погребъ, конюшня, чуланы, сарай, отдѣланы лучше многихъ жилыхъ покосѣвъ. Галлерей съ фонтаномъ и ходомъ въ цвѣтникъ и садъ — просто, прекрасна! Однимъ словомъ — этотъ домъ или домикъ — игрушечка. — А что вамъ все это стоило? спросилъ я хозяйку. — Около 200 тысячъ рублей. — На такія деньги, разумѣется, можно устроить себѣ хорошій покой! Она живетъ въ домѣ одна-одинехонька, и имѣетъ въ услуженіи у себя восемь человекъ — слѣд. и содержать все въ порядкѣ не трудно. Впрочемъ все-таки нельзя не отдать полной справедливости вкусу и порядку! Многие ли богачи у насъ умѣютъ такъ жить, и передвѣя съ растрепанными и оборванными лакеями, съ засаженными дверями около замковъ, и таковыми же столами и лавками, часто ли представляется взорамъ посѣтителя не только въ Москвѣ, но даже и Петербургѣ.

По совѣту одного встрѣчнаго добраго человека, съ которымъ случайно разговорился, изъ Франкфурта рѣшился я ѣхать по желѣзной дорогѣ до Брухзала, а оттуда съ экстра-почтою до Вильдбада.

Цѣны вездѣ очень умѣренныя, (я пришлю вамъ послѣ подробную записку), мѣста преспокойныя и виды прерпятныя. Ёдешь, какъ будто прогуливаешься. Надо сознаться, что жизнь получила здѣсь много удобствъ и удовольствій, доселѣ ни думанныхъ ни гаданныхъ.

Въ Гейдельбергѣ съѣхались мы съ другими русскими, и рѣшились отправиться вмѣстѣ изъ Брухзала, въ двухъ коляскахъ.

На второй станціи, послѣ Вильжердингена, почталіонъ мой заснулъ и повалилъ нашу коляску въ канаву. Насилу мы выѣзли, впрочемъ безъ всякаго вреда, хотъ второй моей ногъ представлялся случай урваньясь съ первую. Почталіоны принялись сперва бравиться между собою, а потомъ поднимать коляску, но не имѣли силъ. Мы отпустили вторую коляску впередъ съ тѣмъ, чтобъ призвать людей изъ ближайшаго селенія, а сами остались середь большой дороги дожидаться. Черезъ часъ пришелъ одинъ помощникъ съ мальчикомъ, и также не успѣлъ ничего сдѣлать. Тогда мы рѣшились идти пѣшкомъ до станціи, и прислать лошадей за пожитками. Станція оказалась дальше, чѣмъ было намъ разсказано. Мы остановились на постояломъ дворѣ, (верстахъ въ двухъ, кажется, отъ нашего приключенія), откуда нашъ почталіонъ взялъ телѣгу, и, плачущій, отправился къ своей увязшей коляскѣ, а мы дождались второй коляски, которая воротилась въ Нейбергъ и довезла насъ туда по дремучему лѣсу, на гору и въ гору, уже въ третьемъ часу по полуночи. Спутники предложили допочевать здѣсь, чему я былъ очень радъ, имѣя нужду въ отдыхѣ. Кое-какъ мы нашли пріютъ и улеглись, а поутру отправились въ дорогу. Путешествіе морское и по желѣзнымъ дорогамъ, въ продолженіе десяти дней непрерывное, совершилось благополучно, а на одной станціи, въ спокойной коляскѣ, пригрозила опасность!

Въ девятомъ часу по прелестной дорогѣ, между горами Шварцвальда, по берегу стремительнаго потока, яснымъ утромъ, пріѣхали мы въ Вильдбадъ.

М. П.

Августа $\frac{15}{3}$.

Дипломатическій миражъ въ степяхъ Востока.—Мечъ Дамоклеса.—Типографическая ошибка въ отчетъ Эрфуртской конференціи.—Чоугемскій лагерь.—Неудовство бѣлыхъ панталонъ и выгоды шотландскаго костюма.—Ричардъ Львиное-сердце въ Гайдъ-паркъ — Выставка дѣжныхъ народовъ.—Англійскіе космополиты.—Успѣхи народнаго просвѣщенія въ Англіи.—Англійскіе Евреи.—Базаръ ветошниковъ въ Лондонѣ.—Милостыня по Талмуду.—Монеты и австральское золото.—Больница идотовъ.—Чтенія съ картинками. Сила воли въ чловѣкѣ и животныхъ.—Этиологія духоманіи.—Отецъ Ромула.—Сарданапалъ и Ниневія.

Нужно ли сказывать, что дѣла на Востокъ до сихъ поръ исключительно занимаютъ вниманіе цѣлой Европы. Въ политическихъ вопросахъ есть одна странная особенность: чѣмъ проще вопросъ, тѣмъ непонятнѣе онъ для глубокомысленныхъ дипломатовъ. Они привыкли видѣть во всемъ заднюю мысль, и ослѣпленные своею мнимою проницательностію, создаютъ себѣ, каждый по своему, великолѣпные миражи. Англія, спокойная сначала, вдругъ увидѣла мечъ Дамоклеса надъ головою султана, и съ скромною самонадѣянностію увѣряетъ, что Русскіе потому только не занимаютъ Константинополь, что она умѣла воспрепятствовать этому вліяніемъ своимъ на дѣла. Франція въ свою очередь провозгласила, что Англія одна не успѣла бы остановить Русскихъ на пути предположенныхъ завоеваній, и что мудрый Альбіонъ, не признавая въ этомъ дѣлѣ могущественнаго вліянія Франціи, повторяетъ славную типографическую ошибку, которая такъ разгнѣвала покойнаго, или, правильнѣе, безпокойнаго Наполеона. Мы припомнимъ читателямъ, въ чемъ состояла эта ошибка: послѣ Эрфуртской конференціи, редакторъ отчета объ этомъ важномъ событіи, говоря объ Императорѣ Александрѣ и Наполеонѣ, сказалъ между прочимъ: «*Ces deux Souverains, dont l'union doit un jour dominer le monde* и проч.» Отчетъ этотъ отослали для напечатанія въ *Journal de l'Empire*. Тогда употреблялись въ типографіяхъ, для наждачи краски на шрифтѣ, вмѣсто введенныхъ теперь валиковъ, ручныя подушки, и одна изъ этихъ подушекъ, намазанная клейкою краскою, выхватила случайно три послѣднія буквы изъ слова *union*. На другой день Европа прочла, что *Un de ces Souverains doit un jour dominer le monde*. Когда Наполеонъ читалъ эту статью, содержатель типографіи рисковалъ гораздо болѣе, чѣмъ Абдулъ Медшидъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Мудрено ли, что въ этомъ воинственномъ настроеніи духа жители Лондона полюбили военные зрѣлища и толпами стекаются на маневры въ Чобгемскій лагерь; даже на Гемптовскихъ скачкахъ, національномъ увеселеніи Бритапцевъ, не было такого стеченія народа. Когда королева была на маневрахъ, зрителей собралось болѣе ста тысячъ.

Нѣсколько тысячъ этихъ зрителей, увлеченныхъ своимъ любопытствомъ, попали, вовсе неожиданно, между колоннами стражающихся, и мирные жители Сити должны были выдержать жаркій огонь обѣихъ сторонъ. — Одинъ изъ полковъ гвардіи, отправленный занять весьма важную позицію, встрѣтилъ на пути своемъ болото, и остановился, боясь запачкать свои бѣлые панталоны... Къ-счастью, шотландскій полкъ, направленный къ той же позиціи, и, благодаря національному костюму, не одержимый водобоязнію, проложилъ путь и подалъ вазидательный примѣръ слишкомъ осторожнымъ гвардейцамъ. Нельзя однако же не отдать должной справедливости выправкѣ и военному образованію англійскихъ войскъ; стройность и совокупность ихъ движеній въ эволюціяхъ вполнѣ заслуживаютъ одобренія.

Во дворцѣ былъ великолепный балъ, у королевы былъ большой выходъ, при дворѣ былъ блистательный концертъ, но всѣ эти торжества блѣднѣютъ предъ тѣмъ лучезарнымъ днемъ, когда королева посѣтила лагерь верхомъ, съ своею блестящею свитою. Воины, бывшіе тогда въ лагерь, говорятъ: «я былъ на этомъ смотрѣ», съ тою же гордостью, какъ французскіе и англійскіе ветераны говорили: и я былъ подъ Абукиромъ, подъ Ваграмомъ, подъ Саламанкою, подъ Витторією и проч. Только въ такія минуты воинственной восторженности жители Лондона могли придумать чудесный памятникъ, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о Лондонской всемірной выставкѣ; они намѣрены, въ память этого событія, поставить въ Гайдъ-паркѣ статую короля Ричарда Левинос-сердце! Возрожденіе въ бронзѣ этого грознаго воеводы, въ 1853 году, послѣ сорокалѣтняго мира и въ воспоминаніе самой мирной эпохи, кому не покажется страннымъ. Еслибы герой Крестопосцевъ, вмѣсто того чтобы красоваться на пьедесталѣ въ Гайдъ-паркѣ, возсѣлъ опять на престолъ Англій, нѣтъ сомнѣнія, что не обошлось бы безъ крестоваго похода, и онъ первый, на челѣ своихъ вѣрныхъ рыцарей, загналъ бы Турокъ за тридцать земель, будь у нихъ опять султаномъ непобѣдимый Саладинъ. Надобно впрочемъ сказать, въ извиненіе этой странной идеи, что въ Лондонѣ есть готовая статуя короля Ричарда, работы славнаго Марокетти, которую не знаютъ куда

двѣать. Молва было пронеслась о статуѣ принца Альберта, но англійскій втикетъ заговорилъ громче народной молвы: какъ посадить принца верхомъ, наравнѣ съ вѣнченосными владыками Англiи; онъ супругъ королевы, но не король. Принцъ помирилъ народную признательность съ національною разборчивостію, отказавшись отъ этой почести. Кажется, что честь и мѣсто останутся за Ричардомъ. *Thou Richard, thou my king!*

Англiя гордится пространствомъ своихъ владѣній и сравниваетъ себя, въ этомъ отношенiи, съ древнимъ Римомъ. Теперь въ Лондонѣ показываютъ множество дикихъ подданныхъ Великобританiи, какъ нѣкогда показывали въ Римѣ подвластныхъ ему варваровъ, съ тою только разницею, что на берегахъ Тибра варваровъ можно было видѣть бесплатно, а на берегахъ Темзы спекулантъ показываетъ вамъ за вашъ шиллингъ какого-нибудь мѣдноцвѣтнаго принца, въ устроенномъ амфитеатрѣ или въ залѣ, какъ показываютъ льва и тигра въ менажерiаль. Въ галлерей Св. Георгiя вы можете видѣть за эту цѣну одиннадцать кафровъ, по милости которыхъ такъ дорого обошлась Англiи основанная ею колонiя на мысѣ Доброй Надежды. Эта семья, привезенная изъ Поръ-Наталь, принадлежитъ къ племени Зулу, обитающему на сѣверѣ отъ Бехуанасовъ. Всѣ они рослы и отличаются удивительною стройностію тѣла. Дайте еще шиллингъ, и вамъ покажутъ первобытныхъ обитателей Австралiи. Вы можете также видѣть двухъ юношей малоизвѣстнаго племени Африки, называемаго *земляными людьми* (*Earth Men.*). По росту они почти пигмеи, и отличаются презрѣніемъ къ нашимъ зданiямъ, побуждаемые своимъ инстинктомъ жить въ норахъ, какъ кролики. Какъ эти *люди-кроты* очень рѣдки, то за входъ къ нимъ платится дороже, то-есть 2 шил. 6 пенсовъ. Кафры очень сильны и ловки въ гимнастическихъ упражненiяхъ.

Въ послѣдней народной переписи Великобританiи есть любопытные факты. Народонаселенiе Великобританiи, не считая Ирландiи, достигло 21,421,967 душъ. Число Англичанъ, поселившихся въ чужихъ краяхъ, замѣчательно. Считая оба пола, въ Греціи находится Англичанъ 1,068; въ Россiи 2,783; въ Соединенныхъ Штатахъ 1,069; въ Европейской Турціи 614; въ Азіатской Турціи 624, въ королевствѣ Обьихъ Сицилій 1,414; въ Китаѣ 649; въ Персіи 33; въ Александрiи 155; въ Каирѣ 85; въ Триполи 23; въ Саксонiи 324; въ Мексикѣ 755; въ Бельгiи 3,828; во Франціи 20,357. Любовь экзотическихъ Англичанъ къ Франціи слѣдуетъ приписать Парижу, который изгладилъ изъ нихъ

памяти Амiенскій трактатъ. Возвратимся теперь къ народонаселенію Великобританіи: въ теченіе пятидесяти лѣтъ оно удвоилось. Теперь, когда въ системѣ народнаго просвѣщенія готовится преобразованіе, любопытно знать, удвоилось ли въ эти пятьдесятъ лѣтъ число народныхъ учебныхъ заведеній. По донесенію, представленному въ парламентъ, оно болѣе чѣмъ удвоилось. Въ этомъ донесеніи видно, что въ 1818 году считалось 19,230 бесплатныхъ училищъ, посѣщаемыхъ 477,225 учениками; въ 1833 году 38,947 училищъ и 1,548,890 учениковъ, и 46,114 училищъ съ 2,407,409 учениковъ въ 1851 году.

Правительство продолжаетъ хлопотать о принятіи Евреевъ въ парламентъ, и они сдѣлались спорнымъ вопросомъ двухъ сильныхъ партій. Патеръ Джонъ Мильсъ издалъ любопытную книгу объ англійскихъ Евреяхъ (*British Jews*, 1 vol). Сочинитель, не смотря на свою пресвитерскую рясу, принимаетъ живое участіе въ этомъ народѣ. Говоря объ участіи Евреевъ въ торговлѣ столицы, г-нъ Мильсъ доказываетъ, что торгъ ветошью почти исключительно въ рукахъ Евреевъ. По самой наружности лондонскихъ ветошниковъ, повторяющихъ по улицамъ свое протяжное *clo'—clo'—old' clo'!*, похожее на заунывный плачь иволги или однообразный звонокъ кукушки, можно догадаться, что они принадлежатъ къ безпріютной семьѣ Израиля. Скупивши посильный запасъ стараго платья, эти торгаши приносятъ его на лондонскій *толкучій рынокъ*, или *базаръ ветошниковъ*, находящійся при улицѣ *Юбки* (*Petticoat Lane*); за входъ въ этотъ базаръ платится пол-пенни (5 коп. мѣдью); сборъ этотъ составляетъ ежедневно отъ 40 до 50 рублей серебромъ. Базаръ ветошниковъ раздѣляется на два отдѣленія: 1-е, гдѣ продается старое платье въ томъ видѣ, какъ куплено ветошниками; во 2-мъ отдѣленіи разложены въ лавкахъ старыя платья, вычищенные, отновленные, передѣланные. Отсюда отправляютъ ихъ, въ первомъ видѣ, въ Ирландію, въ последнемъ — въ Голландію, Бельгію и Францію. Обычный торговый оборотъ этого базара составляетъ до 10,000 р. сер. въ недѣлю. Статья о благотвореніи Евреевъ еще болѣе любопытна въ книгѣ г. Мильса; она назидательна, и можетъ быть прочтена съ пользою для нравственнаго усовершенствованія челоуѣка. Евреи раздѣляютъ благотворительность на восемь степеней, по мѣрѣ заслуги предъ Богомъ. Первая степень (по заслугѣ последняя) есть подаваніе, сопровождаемое сожалѣніемъ: — даръ руки, а не сердца; ко второй степени причисляется подаваніе, предложенное съ удовольствіемъ, не соответствующее однакоже потребности или нуждѣ принимающаго и возможности дающаго;

третья степень есть милостыня, поданная съ удовольствіемъ и щедро, но только просящему. Къ четвертой степени принадлежит подааніе доброхотное, щедрое и не вынужденное просьбою, но подаваемое въ руки нуждающемуся, что можетъ возбудить въ немъ болѣзненное чувство стыда. Къ пятой степени принадлежит вспомошествованіе нуждающемуся, такъ что онъ знаетъ имя своего благодѣтеля, но самъ ему неизвѣстенъ. Къ шестой степени относятся пособія, когда благотворитель знаетъ того, кому помогаетъ, но сей послѣдній не знаетъ своего благодѣтеля. Къ этому разряду принадлежатъ вспомошествованія, приносимыя къ нуждающимся на домъ отъ неизвѣстныхъ лицъ. Въ седьмой степени ни благотворитель, ни облагодѣренный не знаютъ другъ друга. Маймонидъ повѣствуетъ, что въ храмѣ іерусалимскомъ была скинія милостыни, куда благочестивые Израилѣтяне сносили свои дары и подаванія, которыя потомъ втайнѣ раздавались бѣднымъ. Намъ кажется благотвореніе самое богоугодное состоитъ въ томъ, чтобы предупредить и отвратить разореніе и нищету повременнымъ пособіемъ; къ этому разряду благотвореній причисляется забота о воспитаніи юношей и обученіи ихъ какому-нибудь ремеслу, которое обезпечило бы имъ способъ содержанія.

Эта теорія благотвореній, какой бы религіи она ни принадлежала, достойна всякаго уваженія, и гдѣ найдти христіанамъ и Евреямъ болѣе способовъ къ исполненію этого священнаго долга, какъ не въ странѣ, въ которой государственнѣй монетный дворъ съ 1-го января по 31 марта настоящаго года отчеканилъ 4,304,227 сувереневъ (монета въ 6 р. 25 коп. сер.), болѣе 62 т. полу-сувереневъ, и миллионы кроновъ, полу-крупъ, шиллинговъ и другой серебряной монеты. По числу вновь отчеканенной золотой монеты можно судить, каковъ привозъ золота изъ Австраліи. Какъ незначительна эта сумма въ смѣтѣ на военные расходы для какой-нибудь континентальной войны, и какъ велика она въ статьяхъ бюджета, относящихся къ поддержкѣ народнаго благосостоянія. Къ-счастью, политическій вѣтеръ не предвѣщаетъ бури, и сорокалѣтній европейскій миръ, вѣроятно, не будетъ нарушенъ, на зло проголодавшимся коршунамъ д-ра Самуила Джонсона (*).

Въ Эрльсвудѣ, близъ Рейгеля, основано недавно новое благотворительное заведеніе...больница безсмысленныхъ (идіотовъ, глупорожденныхъ). Принцъ Альбертъ присутствовалъ при закладкѣ этого заведенія

(*) Докторъ Самуилъ Джонсонъ, въ апологъ своемъ *Jdler* рассказываетъ, какъ коршунъ учить птенцовъ своихъ отскивать вѣрную добычу на поляхъ, гдѣ раздастся громъ пушекъ и носится стѣнный запахъ пороха.

и положилъ первый камень. Эрльсвудъ есть безспорно самая здоровая и самая живописная мѣстность изъ цѣлой Англій. Въ день открытія собрано 10,000 ф. ст. добровольныхъ приношеній. Вотъ случай выгодно употребить свои деньги, по еврейской теоріи благотворительности, о которой мы только что говорили. Число вкладчиковъ и вкладовъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Знатные люди усердно покровительствуютъ этому заведенію, а въ Англій, надобно сознаться, при сильномъ покровительствѣ, любовь къ ближнему не остается съ пустою сумою. Остроумный лордъ В., уговоривъ своего скупаго простачка— дядю пожертвовать 25 ф. ст. въ пользу заведенія глупорожденныхъ, сказалъ ему: «Прекрасно, дядюшка, — вы сдѣлали доброе дѣло, тѣмъ болѣе похвальное, что никто не отдастъ должной справедливости вашей щедрости. Клубные злоязычники готовы сказать, что и въ этомъ случаѣ «вы эгоистъ и только о себѣ заботитесь.»

Наши читатели знаютъ, какая у Англичавъ страсть къ публичнымъ чтеніямъ, но, вѣрно, никому не придетъ на мысль, что чтенія могутъ быть иллюстрированы, съ картинками! (illustrated lectures), а въ Лондонѣ теперь такіа чтенія сплошь да рядомъ. Да еще о чемъ, думаете вы, эти чтенія? — о столодвиженіи.... На одной изъ такихъ иллюстрированныхъ лекцій въ манчестерскомъ атенеѣ единогласно призвано, что феноменъ вещедвиженія есть проявленіе власти человѣческой воли даже на неодушевленные предметы. Мы надѣемся, что на дняхъ новооткрытая сила будетъ примѣнена къ предметамъ общепользнымъ, гдѣ очень выгодно замѣнить какую-нибудь силою сотни рабочихъ рукъ. Но не только человѣкъ, царь творенія, можетъ силою своей воли приводить въ движеніе неодушевленные предметы: по новѣйшимъ опытамъ доказано, что природа одарила этою способностію и лошадей и коровъ, и собакъ, и овецъ и всякую тварь. Привяжите къ лошади или коровѣ вѣсколку палочекъ и сообщите ихъ прикосновеніемъ съ предметомъ, который хотите привести въ движеніе, — предметъ завертится. Не знаемъ съ достовѣрностію и не беремся объяснить, какую именно роль играетъ въ такомъ случаѣ сила воли, но не въ этомъ штука; предметъ завертится — и дѣло ясно. Экспериментаторы замѣчаютъ впрочемъ, что для приведенія неодушевленного предмета въ движеніе, посредствомъ новопридуманной силы, сообщая ее предмету палочками, привязанными къ животнымъ, нужно гораздо большее число этихъ животныхъ, чѣмъ для обыкновеннаго способа передвиженія тяжестей. Напримѣръ: чтобы привести въ круговращательное движеніе жерновъ кофейной мельницы, съ помощію привязанныхъ къ животнымъ

палочекъ, нужно, кажется, чуть ли не двѣ или три пары воловъ. — Преполозное изобрѣтеніе!

Нѣкто г. Демеръ Кепъ читаетъ ежедневно по вечерамъ, въ маленькомъ театрѣ *Soho*, *этіологію* духоманіи и таинства сообщенія духовъ съ нашимъ міромъ. За входъ въ партеръ платится по 1 шиллингу, а въ ложи 2 шил. 6 пенсаовъ. Очень недорого за удовольствіе *поглядѣть на невидимыхъ*.

Но изо всѣхъ чтеній лондонскаго лѣтнаго сезона наиболее имѣетъ успѣха итальянецъ синьоръ Филопантѣ, римскій профессоръ. О чемъ, вы думаете, онъ читаетъ? На своихъ чтеніяхъ въ 1853 году, г. Филопантѣ возстановляетъ историческую достовѣрность всѣхъ событій, относящихся къ основанію Рима, въ томъ видѣ, какъ повѣствуетъ ихъ Титъ Ливій и другіе римскіе лѣтописцы, которыхъ Нибуру хотѣлось прославить сказочниками. Г. Филопантѣ еще не дошелъ до *locutus bos*, но его исторія Ромула очень прѣвподобна. По документамъ, находящимся, какъ онъ увѣряетъ, въ рукахъ его, итальянскій профессоръ берется доказать, что въ эпоху основанія Рима, и еще прежде, существовало въ Латіумѣ тайное общество, которому были вѣрены, какъ сонму жрецовъ, судьбы образованности вѣковъ грядущихъ. Амулій былъ главою этого общества. Онъ тайно былъ связанъ узами брака съ дѣвою, по имени Реа Сильвія, слѣдовательно, рожденные ею близнецы были законныя дѣти. Кормилицею ихъ была не *Luра*, жена селянина, но настоящая ручная волчица, вскормленная Амуліемъ, который упредилъ Ванъ-Амбурга, Вомбеля и всѣхъ современныхъ намъ укротителей дикихъ звѣрей. Доминусъ Амулій обогналъ и Франклина, и Невтона и Гумбольда. Онъ зналъ всѣ тайны природы, всѣ ея законы. Онъ разумѣлъ и говоръ волвъ, и торжественный глаголъ небснаго грома, и звонкую пѣснь птицы, и благовоный вздохъ цвѣтка, и тайную слезу растенія; онъ зналъ все, но, къ-сожалѣнію, ничего не передалъ сыну своему Ромулу. Сказать правду, романъ г-на Филопантѣ ничѣмъ не хуже другихъ, особливо когда онъ рассказываетъ его съ драматическою декламациею и жестаи соплеменнаго ему уличнаго чичероне вѣчнаго града. По милости г. Филопантѣ, вслѣдъ за Ромуломъ воскреснетъ для насъ и Нума, а Эгерія, переставъ быть нимфой, быть можетъ, будетъ не менѣе занимательною героинею. Жалко только, что, какъ видно, и въ Италиі творческая сила воображенія порядкомъ истощилась, если приходится, для поэтическихъ вымысловъ, разработывать школьныя книги и раскапывать затхлую пыль незапамятной древности. Лондонскіе театры съ большимъ толкомъ пользуются археологическими изысканіями.

Приведемъ въ примѣръ г-на Кива, который поставилъ на театрѣ Королевы *Сарданпала*, драматико-классическій капризъ Байрона, и воспользовавшись наставленіями и совѣтами г-на Даяра, занимавшагося долгое время изысканіями въ Ниневіи, перевезъ на сцену эту столицу царей ассирійскихъ, во всей красотѣ ея первобытнаго величія. Когда Сарданпалъ восходитъ на костеръ и бенгальскіе огни освѣщаютъ все архитектурное великолѣпіе его дворца, зритель невольно радуется при мысли, что еще не разъ удастся ему видѣть эти декорации, настоящій музей колоссальныхъ памятниковъ Ниневіи. Г. Вьеннъ передѣлалъ, кажется, *Сарданпала* для парижской оперы; что бы ему представить тамъ эту пьесу, какъ въ Лондонѣ, со всею роскошью мѣстнаго колорита....

н. п—ж.

ВНУТРЕННЯ ІЗВѢСТІЯ.

Ізъ одессы. Главною новостью Одессы служитъ окончаніе работъ по возобновленію здѣшняго соборно-каедральнаго храма во имя Преображенія Господня, какъ снаружи, такъ и внутри. Производствомъ работъ этихъ занимался архитекторъ Шапинъ. Зданіе вышло превосходное и въ полномъ смыслѣ величественно-изящное, достойное знаменовать величіе Руси древней въ новой Россіи. Особенно прекрасенъ куполь и главный корпусъ. Внутри бѣлизна, лазурь и позолота сливаются въ одно чудное цѣлое и прообразуютъ храмину свѣта чистаго, высоко-христіанскаго. Потолокъ купола, на коемъ изображена горняя обитель Спасителя, проливаетъ на душу зрителя самое отрадное, сладостное чувство. Сегодня происходило освященіе одного изъ приделовъ, во имя св. Іліи. Главный алтарь еще не освященъ, потому что ожидаютъ изъ Москвы кованаго серебрянаго престола.

Въ началъ прошлаго мѣсяца происходило здѣсь, въ церкви Михайловскаго училищнаго монастыря, поставленіе архимандрита Палладія въ санъ епископа одесскаго, викарія херсонскаго и таврическаго. Это первый викаріатъ въ здѣшнемъ краѣ.

Здѣшняя католическая церковь также возобновлена. Въ ней особенно хорошъ запрестольный образъ Вознесенія Пречистой Дѣвы, копія съ мюнхенскаго оригинала Гвидо Рени.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ г. Ковалевскій предпринялъ провести въ Одессу воду изъ-за 12 верстъ отъ нея, съ урочища «Большой фонтанъ». Въ началъ этого года предпріятіе это приведено къ концу и тѣмъ доставило важное удобство жителямъ. Теперь изъ главнаго городского бассейна вода проводится въ другія мѣста.

Литературная дѣятельность Одессы что-то пріумолкла. Въ послѣдніе годы явилась только 2-я часть «Статистики Новороссійскаго края» г. Скальковскаго. Теперь профессоръ Зеленецкій издаетъ небольшую книгу подъ заглавіемъ: «Введеніе въ общую филологію.»

Торговые обороты подвергаются здѣсь, въ это время, удивительнымъ превращеніямъ. Пшеница нѣсколько разъ падала и возвышалась въ цѣнѣ. Теперь съ 4 р. сер. она поднялась до 8-ми. Многіе, конечно, обогатятся.

к. в.

Одесса, 7-го августа.

Въ 105 № Московскихъ Вѣдомостей мы прочли извѣстіе, которое сообщаемъ слово въ слово: «Благодаря нашему Кологривскому корреспонденту, мы можемъ еще указать на *благородные* спектакли въ г. Кологривѣ (Костром. губ.), 24-го и 25-го іюня, въ пользу тамошняго женскаго училища. Мысль устроить эти спектакли принадлежитъ графу Д. І. Толстому, одному изъ помѣщиковъ Кологривскаго уѣзда. Участниками въ спектакляхъ были дворяне того же уѣзда. Для спектаклей были выбраны пьесы: «Женитьба», «Романъ на большой дорогѣ», «Комедія безъ названія», второе дѣйствіе «Ревизора», «Отецъ какихъ мало» и «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ». Первые три пьесы для перваго представленія, послѣднія — для втораго. Цѣль спектаклей привлекла множество желающихъ участвовать въ нихъ; роли были разобраны, выучены, и городъ Кологривъ, заброшенный судьбою въ дремучіе лѣса, въ первый разъ съ своего основанія увидѣлъ театр. Всѣ пьесы были исполнены очень хорошо. Нашъ корреспондентъ говоритъ съ собенными похвалами о г-жѣ Е. С. Верховской, въ роли Агаѣи Тихоновны, и графѣ Толстомъ, въ роли Подколесина.»

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГУЛЯНІЕ 1-ГО АВГУСТА НА ТРУВНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

Какъ у насъ было на улицъ,
Какъ у насъ было на широкой!

(Шпсл).

Надо вамъ знать, (положимъ, что это никому не надо знать, но такъ къ слову пришлось), что я живу на цвѣточномъ бульварѣ, который историчнѣ называется Самотечнымъ. Но я фельетонистъ, а не разыскатель древностей и названій старинныхъ урочищъ. Это не подь силу малознайкъ-фельетонисту. Мое урочище—фельетонъ, и все, что взбрѣдетъ на умъ и безъ большихъ умствованій, скорѣе ложится на бумагу. А вотъ это вамъ не лишне знать, (но, конечно, вы уже знаете), что съ предпрошлогодней весны заботливо-доброе московское начальство, за что и нельзя ему не сказать большого русскаго спасибо, перевело съ каменистой Театральной площади цвѣточный рынокъ на Самотечный бульваръ, съ тѣхъ поръ онъ и усвоилъ себѣ наименованіе цвѣточнаго. Бульварчикъ нашъ поубрался, поззеленѣлъ, зацвѣлъ и началъ уже пробираться гоголемъ—щегелемъ въ разрядъ настоящихъ бульваровъ, а изъ-подъ-тиха, пожалуй, забралъ себѣ въ голову и ту высокомерную идею, что, дай-де только мнѣ поукорениться да поразрастись, то со временемъ засоперничаю и съ Тверскимъ—аристократомъ, старожиломъ изъ всей бульварной братіи. Съ моими молодыми ветвями, съ моимъ плебействомъ, нетребовательностію и простотою нравовъ, съ улицами моими сосѣдками, охотнѣе сдружится молодое поколѣніе, заходитъ, забываетъ, и затолпится по моимъ дорожкамъ, а на долю старожилы и дряхлѣющаго соперника останутся старѣющія деревья, запыленная зелень, тѣ же старыя лица, тѣ же мѣрные шаги отживающаго и только что ноги передвигающаго поколѣнія.

Сначала воздвиглось на нашемъ бульварѣ что-то въ родѣ оранжеекъ, разукрашенныхъ просто, но довольно мило, цвѣтами,

разумѣтся, домашней, а не тропической Флоры; показались букеты и букетики всѣхъ размѣровъ, какъ для балной красавицы, для сценической именитости, такъ и для красотки не высшаго полета. Случалось намъ видѣть и деревца, хотя и съ щедушными, но все-таки съ плодами. Словомъ, тутъ появилась зелень и растительность, доступная по цѣнѣ и среднему небогатому сословію, и жителямъ низменныхъ этажей, и даже квартирнокъ-канурокъ, величаемыхъ громкимъ прозвищемъ нумеровъ. Закопошились около нашего бульвара съ ранняго утра домохозяева-садоводы, покупать деревца въ свои полисадники, и квартиранты ихъ, идиллическіе обожатели зелени и растительности не дороже двадцати копѣекъ за горшокъ; около покупателей засуетились продавцы, разсыпаясь въ приговоркахъ, придакиваньяхъ, съ размашистыми жестами, наклоненіемъ всего туловища, и преимущественно движеніемъ указательнаго перста на свои зеленющія и кудреватыя растенія. Въ полдень забѣгали и заиграли по зелени нашего бульвара дѣти разныхъ возрастовъ; заумничали чопорныя гувернантки, заворчали старообразныя нянюшки, и заходили мѣрными шагами съ грудными херувимчиками (какъ ихъ обыкновенно любятъ величать чадолюбивыя маменьки) дородныя кормилицы, — ужъ подлинно, что кровь съ молокомъ, — въ яркихъ кокошникахъ и бѣлыхъ кисейныхъ фартукахъ. Передъ вечеромъ, ради послѣобѣденной прогулки, зашагала степенной поступью семейная порядочная публика, а въ сумерки... благодѣтельныя сумерки! когда наступаетъ *пора межъ волка и собаки*, засвѣтило, закопошилось веселое и гульливое населеніе столицы. Шляпки, бурнусы, мантили зашмыгали по аллеямъ; къ этому рою стали приравняться фланеры и виверы въ щегольскихъ пальто, пиджакахъ, бѣлыхъ шляпахъ, каскахъ, треуголкахъ и шинеляхъ съ воротниками разныхъ цвѣтовъ. Раздались хохотня и перешептыванье, повторилась на открытомъ воздухѣ маскарадная потѣха, игра въ вопросы и ответы, пискливые голоски завторили хриплымъ басамъ, тенора слились съ сопрано, — а потомъ, потомъ, какъ выразился нѣкогда старикъ Карамзинъ въ *Ильѣ Муромцѣ*:

«Двѣ минуты продолжается,
Въ третьей чудо совершается!...»

А настоящее мѣсто говоруна-фельетониста тамъ, гдѣ весело, гдѣ гулянье, гдѣ толкотня, гдѣ сливается общество и развивается общественность; гдѣ веселятся безъ усталы, думаютъ безъ думы; гдѣ разрываются не вопросы, а одинъ только вопросъ,

какъ бы повеселѣе и разнообразнѣе провести день,—гдѣ избѣгаютъ дѣловыхъ встрѣчъ, озабоченныхъ лицъ и дѣловыхъ разговоровъ, гдѣ острятъ и смѣются простодушно, безъ ироніи; а иная кучка весельчаковъ подѣ-часъ разразится такимъ здоровымъ смѣхомъ, что вчуже любо; гдѣ стремятся туда, откуда мелькнетъ миловидное личико, или покажется знакомая фигура товарища-пріятеля, такого же празднаго шатуна, какъ и самъ, гдѣ гуляютъ, гуляютъ, а къ вечеру иные и подгуляютъ,—словомъ, гдѣ живутъ по пословицѣ: *день мой—вѣкъ мой!* И, право, живутъ по-своему счастливо, а пожалуй и умно.

Нынѣшній праздникъ Перваго Спаса тѣмъ въ особенности замѣчательнъ на Святой Руси, что этотъ день исключительно предназначается патриархальному обычаю — вырѣзыванью изъ ульевъ первыхъ медовыхъ сотовъ, — следовательно, это праздникъ сладкій, лакомый. Было время, когда медовые соты были лакомымъ блюдомъ нашихъ неприхотливыхъ предковъ, служили имъ десертомъ и подавались даже на царскихъ трапезахъ. Изъ меду варились такіе забористые меда, что, бывало, голова кругомъ заходитъ; выпилъ меду, а разбереть такъ, что съ лавки не встанешь, такъ и пригвоздить! Со времени открытія колоній, а съ ними вмѣстѣ и сахарнаго тростника, а впоследствии, благодаря прогрессивному уму-разуму, свеклосахарныхъ заводчиковъ, медовые соты совершенно изгнаны изъ кулинарнаго искусства, и остались достояніемъ простонародья, мелкотравчатыхъ стариковъ-помѣщиковъ, для которыхъ они служатъ и теперь лакомымъ блюдомъ съ свѣжими огурцами, какъ и для бѣдныхъ деревенскихъ барышень-лакомокъ, которыя, за неимѣніемъ конфетъ, довольствуются и медовыми сотами, — живя въ глуши, въ простотѣ первобытныхъ нравовъ, и отчужденныя *отъ вышнихъ изысканныхъ потребностей*,—отъ расстройства желудка, бессонницъ, зубной боли и заложенныхъ имѣній, продаваемыхъ съ публичнаго торга.

Тары-бары раздобары!
 Пишутъ намъ сахаровары;
 А пчела свой вкусный медъ
 Въ улей по просту несетъ,
 И съ цвѣточка на цвѣточекъ
 Перепархиваетъ,
 И въ свой улей свой медочикъ
 Перенашиваетъ!
 Да! теперь не то, что въ старь,
 Какъ простыя вѣя блюда....
 Одержимъ хитрымъ бѣсомъ,

Мы забредли прогрессомъ,
 Исковеркались мы всѣ;
 Прочь обычи вѣковые,
 Подавай намъ *Момласе*
 Отъ *Люке* и отъ *Файе*,
 А не *соты* медовые!

Но обычаи, освященные временемъ, народныя гулянья, древнія повѣрья, не успѣли и не могли еще совершенно изгладиться изъ народной памяти.

Люблю я народныя гулянья! Люблю подмѣчать русскую удаль, подслушивать мѣткую рѣчь и замысловатое слово народного говоруна-краснобая! — Широка, размахиста эта удаль! Какъ будто изъ сказочной богатырской груди создалась русская натура! Какъ не сочувствовать этой беззаботной жизни на-распашку! Какъ не залюбоваться въ праздничные дни разгульемъ Русскаго народа.

Но пора же намъ перейти и на 'Трубную площадь, на сегодняшнее гулянье, тѣмъ болѣе, что сегодня именно *на нашей улицѣ праздникъ*. Прежде всего бросается въ глаза парусинный колоколь съ зеленымъ виномъ, напоминающій старинное кружало; — около него кипима кишать толпы народа, въ разнохарактерныхъ одѣяніяхъ. Короткій сюртукъ, купленный на Ильинкѣ, идетъ рядомъ съ бархатной кучерской безрукавной поддѣвкой; штофная юбка въ широкихъ сборахъ — подлѣ сарафанчика-разстеганчика; декосовое платье съ оборками тѣснится между полосатыми кафтанами мастеровыхъ; а въ сторонѣ кружокъ изъ синихъ и смурыхъ кафтановъ, въ высокыхъ и низкихъ въ родѣ вздернутаго блина поярковыхъ шляпахъ, съ торчащимъ за шляпной бархаткой полевымъ цветкомъ, или обрывкомъ павлиньяго пера; нѣкоторые изъ этого кружка, облизываясь, раздѣдаютъ тощія ломтики медовыхъ сотовъ, облитыхъ иногда съ изобиліемъ густой картофельной патокой. Но идея о медовыхъ сотахъ и о сегодняшнемъ праздникѣ сдобриваетъ смурымъ кафтанникамъ и эту извращенную пищу, утратившую свою первобытность.

А вотъ и салопъ неопредѣленнаго цвѣта, накрытый большимъ синимъ зонтомъ, вѣроятно, отъ загара, изъ-подъ котораго (зонта) выглядываютъ два, какъ свекла красныя лица однородной и дородной четы; эта чета, переваливаясь и перебрашиваясь въ-тихомолку, пробирается къ колоколу, а пожалуй и къ портерной лавочкѣ, съ вычурной вы-

вѣской и съ разноцвѣтными флагомъ. Въ противоположной сторонѣ построено нѣсколько холстинныхъ балагановъ. Это тѣ представленія, которыя простонародье заклеимило мѣтко-вѣрными прозвищемъ: *комедь*. Лицевыя стороны этихъ балагановъ изукрашены громадно-уродливыми вывѣсками, на которыхъ лазурью и охрой, съ примѣсью неизбѣжной муміи, намалеваны разныя хари въ неестественныхъ положеніяхъ корпуса, и непременно въ остроконечныхъ колпакахъ съ различными атрибутами; рядомъ на другой вывѣскѣ красуется что-то въ родѣ звѣрей небывалыхъ породъ и не попавшихъ доселѣ ни въ одну Естественную Исторію, развѣ только въ суздальскія лубочныя картинки и въ изданія нѣкоторыхъ книгъ нашихъ спекуляторовъ-книгопродавцевъ! У льва, на примѣръ, лошадиная шея, у медвѣдя обезьянная морда, а у лошади львиная грива. У всякаго балагана на подпоркахъ торчатъ и какъ-то воздушно льпится досчатый балконъ; на балконѣ не играетъ, а гудеть музыка, покрывающая всѣ звуки турецкимъ барабаномъ и звонкимъ, заливающимся кларнетомъ.

Вотъ на одномъ изъ балконовъ появляется утѣха ротозѣющей публики—самъ мусье паяцъ, великій двигатель всѣхъ вообще балаганныхъ представленій. Одѣтъ онъ, какъ водится, въ чемъ-то такомъ, что не имѣетъ ни опредѣленнаго цвѣта, ни опредѣленнаго покроя, а между тѣмъ блеститъ, уродливо, а потому и смѣшно. Рожа его размазана, или, вѣрнѣе, распчкана! Выходитъ онъ всегда въ сопровожденіи какой-то мнимо-официальной особы съ воинственнымъ видомъ и рѣзкими повелительными тѣлодвиженіями; и они-то ломаными языкомъ тѣшатъ толпы народа, собравшіяся у балагановъ. Паяцъ, махая на всѣ стороны своимъ колпакомъ, и зазывая почтеннѣйшую публику въ свой балаганъ, при чемъ мнимо-официальная особа колотитъ его безпощадно картоннымъ палашемъ, а народъ отъ души смѣется, такъ что иногда животики подведетъ, и, заломивъ шляпу на бекрень, или, и безъ того уже съ заломомъ, залихватскую фуражку, перемигиваясь съ своими любушками-голубушками, у которыхъ въ клѣтчатыхъ платкахъ побрякиваютъ орѣхи и другія такого же рода лакомства,—идетъ, раскачиваясь, въ балаганъ къ затѣйливому зазывальщику-скомороху, и несетъ съ отвагой мѣдную лепту. Да какъ и не пойдешь къ затѣйнику паяцу, какъ не полюбить его, какъ имъ не позабавиться удалому простолодину. Не даромъ же мусье паяцъ *откалываетъ такія колѣна*, — не нарадуется ими сердце бородаатаго зрителя и его размалеванной подруги! Вотъ официальная особа, колотя паяца по спинѣ, говоритъ:

«Ну, мусье паяцу! сзывай публикъ на большой представленій — въ нашъ балаганъ!» Мусье паяць какъ будто не понимаетъ, и кричитъ, наклонясь съ балкона: «ребята! ступай по домамъ!» Публика хохочетъ, а паяцу достается въ спину хлопъ, да хлопъ!—Потомъ та же особа, которую паяць чаще всего величаетъ хозяиномъ, говоритъ: *«Ты чѣмъ занимаешься, мусье паяцу?»* Паяць, ухмыляясь, отвѣчаетъ: *«Я не паяць.—А кто жъ ты?»—Казенный подрядчикъ.—Какіе же ты подряды снимаешь?»—Да въ пустыхъ амбарахъ крысъ стерегу.»* Публика пуще прежняго заливается громкимъ смѣхомъ. А какія штуки дѣлаетъ паяць своимъ валянымъ колпакомъ!... то вскинеть его на воздухъ, то завертитъ имъ, дастъ перевернуться и надвнетъ его на голову—фискъ-фокъ на одинъ бокъ; то будто нечаянно задвнетъ имъ по лицу своего хозяина; хозяинъ безпрестанно его колотитъ, онъ безпрестанно выкидываетъ новыя какія-нибудь штуки; такъ потѣшаются они нѣсколько минутъ и потѣшаются тѣхъ, которые на нихъ глядятъ. Потомъ хозяинъ беретъ паяца за ухо и вталкиваетъ въ балаганъ, а самъ проситъ балаганъ его навѣщать, а паяць кричитъ, строя ему рожи: пора ночевать. Музыка между тѣмъ дребезжитъ, только что-то вовсе не музыкальное, а скорѣе уши-раздирательное; почтеннѣйшая публика знай себѣ плетется въ балаганъ! А шарманка съ собачьей комедіей! Чтò за прелесть! Пуделя, моськи, шпигцы, и даже холопки подворотнія дворняжки,—каждая собачка на заднихъ лапкахъ имѣетъ свою характерную физиономію. Это тотъ же балъ, хотя и провинціальный, или танць-классъ, по полтиннику за входъ: неповоротливый мохнатый пудель, едва передвигающій ноги, положимъ, пріѣзжій изъ провинціи отецъ семейства; сухопарый шпигецъ—старшій сынъ пуделя, побывавшій и за границей; двѣ моськи—только что выпущенныя барышни изъ пансіона давнишней нашей знакомки эмигрантки *Фалбала*; а общипанная дворняжка—или гувернантка, или дальняя бѣдная родственница, живущая изъ благодвѣнія въ домъ зажиточнаго пуделя.... Но вотъ заиграла шарманка, запицалъ кларнетъ, надуваемый изо всей мочи какимъ-то старымъ драбантомъ въ гороховомъ сюртукѣ и какъ-будто по мановенію нарочно на этотъ случай приглашеннаго танцмейстера, съ виду весьма похожаго на продавца халатовъ или турецкаго табаку, заходила въ кружки собачья комедія, выплясывая кадрили и всякаго рода польки, подстрекаемая въ танцахъ длиннохвостой плеткой танцмейстера, щедушнаго итальянца. Нельзя также не поглазѣть и на этотъ волшебный ящикъ преимущественно синяго или зеленаго цвѣта, съ окопечками въ родѣ бычачьихъ глазъ, окаймленными цвѣтною бумагой. Носить его, обыкновенно за плечами, или отставной драбантъ, служивый,

или вольвоотпущенникъ съ небритой щетинистой бородой и почти всегда въ бѣлой тряпкѣ вмѣсто галстука, или промотавшійся пьянюга мѣщанинъ. Ящикъ этотъ ставится на складныя пальчики въ родѣ бывалыхъ садовыхъ стульевъ; и за прикладываніе къ нему зрачка, то-есть за смотрѣніе въ волшебное стеклышко взимается съ добротныхъ дателей по копѣйкѣ, а много что по три серебра, и чего не показывается въ этой фантазмагорической будочкѣ: такія дива дивныя, заморскіе ландшафты, видописи, словомъ—уму разуму помраченье, а между тѣмъ все сушая истина, и всякаго рода художественность. Какъ, напримѣръ: Константинополь съ московскими башнями, и съ казанскими мечетями. Вмѣсто Босфора намалевана сурикомъ, означающимъ солнечное сіянье, яркая полоса,—а внизу подписано: рѣка Прутъ; на ней лодки, на лодкахъ Турки, или казаки, или что-то въ родѣ этого, только съ бородами, въ высокихъ шапкахъ, широкихъ шароварахъ, и съ кривыми саблями; а вотъ и *Андеръ-Маниръ*, Эриванъ и тутъ же Балканы, горящій корабль и гора Везувій, а потомъ и наша матушка Москва, и Иванъ Великій, и сорокъ сороковъ церквей, и Наполеонъ Бонапарте во время пожара съ подозрительной трубкой, и проч. и проч. Однако же что ни говори, а все историческія достопамятности, и все это видишь обыкновеннымъ глазомъ за самую умѣренную цѣну. Неправда ли, и дешево и сердито! А сколько при томъ наслушаешься прибаутокъ, присказокъ, и ужъ настоящей, самобытной всякой всячины, отъ расторопнаго, смышленаго и всюду бывалаго хозяина. «Вотъ, извольте видѣть, гнусить или басить расказчикъ: вотъ изображается большая баталья, что была при тетушкѣ Натальѣ, когда горшками воевали....» Потомъ перевертывая другую картину: «а вотъ тутъ, извольте взглянуть, изображенъ самъ французскій Наполеонъ, котораго Англичанъ взялъ въ полонъ и отправилъ на островъ Еленцію за худую поведенцію....»

Пожалуй, расказчикъ прилететь вамъ и современность,—такъ, напримѣръ, показывая въ своемъ ящикѣ изображеніе подобія желѣзной дороги, онъ приговариваетъ: «а вотъ это, извольте видѣть, чугунная дорога, по ней народу ѣдетъ много»; а къ этому и сострить чисто въ русскомъ духѣ: «вотъ до чего, посмотришь, народъ доходить: самоваръ въ упряжкѣ ходитъ!»

Зрители и тѣмъ, что насмотрѣлись и наслушались, довольны. А иной, отходя отъ волшебнаго ящика и почесывая затылокъ или приложивъ указательный палецъ ко лбу, повторить съ глубокомысленнымъ видомъ замысловато-поучительную надпись известной картины:

чуденъ въ свѣтъ человѣкъ, суетится цѣлый вѣкъ.... и проч. и проч. все въ такомъ же поучительномъ родѣ.

А кукольная комедія, въ которой главную роль играетъ самъ хозяинъ, опять тотъ же пудель—лоскутный полишинель съ палкой, и супруга его Аксинья въ огромномъ чепчикѣ и спальнѣ кофѣ. Полишинель съ незапамятныхъ временъ именуется Петрушкой, а иногда по усмотрѣнію комедіанта и собственнымъ его именемъ. Хозяинъ кричитъ неестественнымъ голосомъ, полишинель и жена его передражниваютъ и кричатъ еще дичѣе и неестественнѣе, Петрушка бьетъ всѣхъ палкой, которую держать не въ рукѣ, а подъ мышкой; выскакиваетъ пудель, кусаетъ всѣхъ за носъ, подымается суматоха, а въ заключеніе спектакля является самъ чортъ съ рогами, или въ видѣ дракона, и тащитъ всѣхъ въ преисподнюю, — тѣмъ и оканчивается комедь. Въ сторонѣ отъ комедіи воздвигнуто настоящее раздолье и утѣха русской размашистой натуры, — круглыя качели, на которыхъ молодцы-качалычики то подкинутъ любителей и любительницъ, сидящихъ въ будочкахъ, къ поднебесью, то въ мгновенье спустятъ ихъ опять на прозячную мостовую.

Забылъ было сказать, что на многихъ народныхъ гуляньяхъ съ нѣкоторой поры *самокатъ* сталъ видимо вытѣснять чистое народное увеселеніе—качели. Чтò будешь дѣлать съ прогрессомъ! онъ всюду самъ втирается, и вытѣсняетъ простые, но, право, хорошіе обычаи старины. А лучше ли намъ становится отъ его непрошеннаго вмѣшательства, это еще вопросъ, который разрѣшить время.

Но какъ нѣтъ той радости, за которой бы по пятамъ не слѣдовало разочарованіе, нѣтъ и того народнаго гулянья, на которомъ бы не было шуму, гаму, а иногда и весьма занимательныхъ сценическихъ дракъ—то у мужа съ женой за излишне-издержанный двугривенный, которымъ попрекаетъ жена, а мужъ отвѣчаетъ кулаками, то уподгулявшаго селадона-благопріятеля съ раскраснѣвшейся зазубой съ подбитымъ глазомъ, и другимъ таковымъ же благопріятелемъ, и все это кончается безобидно миролюбивой сдѣлкой всѣхъ троицъ въ ближайшемъ трактирѣ или портерной лавочкѣ. Иногда вмѣшивается въ это казусное дѣло и самъ хожалый, и тогда кончается какъ въ кукольной комедіи: тамъ чортъ тащитъ всѣхъ въ преисподнюю, а тутъ для благочинія всѣхъ уводятъ въ ближайшую будку. Всякая комедія есть вѣрнѣйшее воспроизведеніе нашей обыденной жизни, а кукольная комедь взята цѣликомъ изъ народнаго быта.

Весьма же часто и самая погода, какъ будто на зло гуляющей публикѣ, разнѣвается вовсе не кстаѣ, и разстроитъ все гулянье въ самомъ его разгарѣ, что случилось и сегодня. Гулянье на Трубной площади и на цветочномъ бульварѣ было прервано мелкимъ и хлесткимъ дождемъ. Грустно и смѣшно было видѣть, какъ посыпались въ разныя стороны толпы гуляющихъ. При этомъ надо замѣтить, что не боязнь простуды, ревматизмовъ и прочихъ лихихъ болѣзней такъ понукала укрываться отъ дождя небоязливую русскую публику; дѣло было не въ самомъ человечествѣ, а въ наружной его оболочкѣ. Тутъ дѣйствовало не самосохраненіе, а сбереженіе одежды, добытой трудомъ, бережливостію и даже многими лишеніями. Иныя рѣшились надѣть съ иголки новое платье для этого только достопамятнаго дня, другіе, скрѣпя сердце, вытащили изъ заветныхъ сундуковъ давнымъ-давно береженное; тотъ боялся, что достанется отъ воркуна-отца или злой мачихи; другой—отъ старшаго брата въ семействѣ, или сварливой снохи; та побаивалась ревниваго мужа, а эта расфуфыренная гулена заложила последнее домоводство—самоваръ съ подносомъ и съ узорочными, плоскодонными единственными чашками, и лишилась всей своей хозяйственности для того только, чтобы о Первомъ Спасѣ щегольнуть обновкой; а няня, чего добраго, въ-тихомолку напялила платье и съ хозяйскаго плеча, а теперь загрязнила, подмочила, и что будетъ и какъ домой глаза показать? Много такихъ и подобныхъ вопросовъ и выводовъ прихлестнуло умы и сердца той же самой публики, которая за минуту передъ тѣмъ преспокойно себѣ разгуливала, наслаждаясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ и убаюкивая тревожную совѣсть общепринятой формулой: *«Авось пройдетъ, а если и спросятъ, отвѣтъ всегда на языкъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!»* «Брань на вороту не виснетъ!» а если, паче чаянья, дадутъ колотушку? то опять пословица на выручку: *«За всякимъ тычкомъ не гонись, за одного битага двухъ небитыхъ даютъ!»* Вообще пословицы—великое подспорье въ простомъ быту всякаго простонародья. Но какъ ни утѣшительны пословицы, какъ ни стараются ими убаюкать свои опасенья, но хлынулъ дождь,—существованность вступаетъ въ права свои. Пробудилась, заговорила совѣсть, возникли, какъ призраки, вопросы за вопросами! настоящее является въ безобразной своей наготѣ; изъ-за угла высматриваетъ нищета, а въ перспективѣ иногда и рабочій домъ.

И за-чѣмъ и для чего вздумалось тебѣ дождю идти нежданному, непрошенному! очень тебѣ было нужно прерывать всѣ радости, къ

которымъ иные готовились въ продолженіе цѣлаго года, всѣ веселья съ ихъ заливыми пѣснями, любовныя шашни и свиданья, а можетъ быть, и самую любовь!.. истинную, безкорыстную, ничѣмъ пока еще не затѣвленную, не запятнанную, изъ которой, почему знать, легко создастся бы и настоящее счастье,—семейная тихая жизнь, умѣренное довольство безприхотливыхъ желаній.

Прощай и ты, 1-е августа—медовый праздникъ по преданьямъ! Для иныхъ ты былъ воистинну медовый, а для нѣкоторыхъ, пожалуй, и хрѣновый съ перчикомъ. Прощай и ты, дождемъ разогнанное гулянье! Говорунъ-фельетонистъ кладетъ перо, пожелавъ всѣмъ гулявшимъ, загулявшимся, и теперь еще въ глубокую полночь, когда онъ дописываетъ статью, весело гуляющимъ, медовыхъ сновъ, безтревожныхъ грезъ и спокойной ночи до будущаго 1-го Спаса!

2 августа, 1853 года.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЗАГРЯНИЧНЫЯ.

Безымянная сила человеческой дѣятельности. — Опредѣленіе любопытства. — Путешественники безъ путеводителей. — Различные роды путеводителей. — Руководство для фельетонистовъ. — Парижскіе театры. — Панорама Сѣверной Америки. — Новости литературныя. — Новый Донъ-Кихоть. — Славянскія письма. — Исторія Лплл. — Конн Іенскаго моста. — Парижъ строится. — Раздача наградъ глухо-нѣмымъ. — Всемирный языкъ. — Ванъ-ки-и. — Кто будетъ пѣть въ Парижѣ. — Пророчаніе г-жи Ленорманъ. — Какъ строятся во Франціи желѣзныя дороги. — Золотой вѣкъ.

Всѣмъ вѣдомо и каждому известно, что любопытство есть одинъ изъ самыхъ сильныхъ дѣятелей въ нашей жизни. Исторія міра со временъ первозданной жены до нашихъ современницъ включительно, представляетъ неотразимыя тому доказательства. А странное дѣло, до сихъ поръ ни одинъ физиологъ, ни одинъ философъ не придумали точнаго, полнаго опредѣленія этому побужденію нашей духовной или животной природы. Одинъ глубокомысленный нѣмецъ сказалъ, что любопытство *есть врожденная, безсознательная потребность неизвѣданныхъ нами ощущеній*. Мудрено, а не ясно.... Трудно понять, чтобы въ человекѣ могла зародиться потребность ощущеній, вовсе ему незнакомыхъ. Принимая это опредѣленіе, должно было бы согласиться, что любопытство есть побужденіе чисто животное, какъ голодь, жажда, сонъ и пр. и проч. Какъ бы ни было, а нельзя не сознаться, что родъ человеческій одоленъ любопытству многими свѣдѣніями и открытіями, да и самая любознательность — не то ли же любопытство въ докторской тогѣ? Здѣсь читатели позволяютъ намъ сдѣлать отступленіе и разсказать имъ, какъ опредѣляетъ *любознательность* одинъ изъ нашихъ московскихъ гастрономовъ-философовъ. Любознательность, говоритъ онъ, это сильный аппетитъ, неопасный для людей, которыхъ желудокъ здоровъ и варитъ пищу исправно, но гибельный для слабыхъ желудковъ.

Теперь возвратимся къ любопытству, о которомъ мы начали разсуждать, не совсѣмъ предвидя, куда приведетъ насъ это разсуж-

деніе. По праву фельетониста, мы схватили первую мысль, попавшую намъ подъ перо. Впрочемъ, выводъ нашъ примѣнить не трудно: онъ ко всему пригодится. Напримѣръ: не правда ли, что господствующая въ наше время страсть путешествовать, родная, законная дочь любопытства? Кому не хочется поглядѣть, что дѣлается въ чужихъ краяхъ, лично провѣрить все, что ему извѣстно изъ книгъ о иноземцахъ, взглянуть на все *собственнымъ* взглядомъ, изучать на мѣстѣ государственную и общественную жизнь посѣщаемой имъ страны, осмотрѣть памятники, — гранитныя строки народныхъ лѣтописей, поучительныя, но не всемъ понятныя, какъ гіероглифы древнихъ Египтянъ. Кто не желаетъ узнать обычай чужой страны, сравнить ихъ съ обычаями родины и привезти домой или полезный урокъ, или утѣшительное убѣжденіе, что дома многое лучше. Къ-сожалѣнію, не всѣ за этимъ ѣздить въ чужіе края, и многихъ, очень многихъ *врожденная потребность неизвѣданныхъ ощущений* водить по свѣту безъ всякаго толку. Есть путешественники, которые отправляются на чужбину не людей посмотрѣть, а себя показать, — для того, чтобы убить время, а не для того, чтобы имъ пользоваться. Протѣзжая какой-нибудь городъ, замѣчательный въ историческомъ или художественномъ отношеніяхъ, они вписываютъ въ свой дневникъ его названіе, только какъ почтовую станцію на дорогѣ въ Дрезденъ, Берлинъ или Парижъ. А все это потому, что эти *многіе* путешественники не запасаются заблаговременно свѣдѣніями, необходимыми для того, чтобы путешествовать съ пользою. Добрые Нѣмцы сжалились надъ ними и первые начали составлять *путеводителей*, книги весьма полезныя для такого рода странниковъ, если они не хотятъ *быть въ Римъ и не видать папы*.

Примѣру Нѣмцевъ послѣдовали и другіе. Англичане издають иллюстрированныхъ *путеводителей*, съ такою роскошью, съ такими изящными гравюрами, что ихъ изданія можно положить вмѣсто *кисека* въ любой гостиной. Виды Шотландіи, береговъ Рейна и Швейцаріи въ англійскихъ путеводителяхъ могутъ служить картонами для лучшихъ пейзажистовъ. Французы не отстали въ этомъ отношеніи отъ Англичанъ, и, какъ люди изобрѣтательныя, придумали издавать специальныхъ путеводителей для каждаго рода путешественниковъ. У нихъ есть: путеводитель для артиста, путеводитель для археолога, для купца, есть путеводитель по улицамъ Парижа, путеводитель по парижскимъ рестораціямъ, по кофейнымъ, по загороднымъ гульбищамъ и проч. и проч. Но какъ бы то ни было, самолюбивый французъ, всегда первый во всѣхъ начинаніяхъ, не могъ простить нѣмцу первенство изобрѣтенія путеводителей по

Европѣ; ему хотѣлось перещеголять услужливаго германца, затмить его славу и побѣдить его собственнымъ его оружіемъ; французъ задумалъ издать путеводителя на поприщѣ практической жизни.

Но какъ составить путеводителя для страны, гдѣ столько путей, столько тропинокъ, ведутъ къ одной цѣли? Какъ же указать дорогу, не зная, которую выберутъ? Умѣть жить значитъ знать все, что умѣютъ дѣлать люди, или дѣлать только то, что самъ дѣлать умѣешь. Какъ же научить человека умѣнью въ дѣлахъ ему незнакомыхъ. Французы придумали для этаго *руководства*, и эти руководства составляютъ для всего и для всѣхъ. Выбирайте любое ремесло, любую промышленность, какую хотите науку, любое искусство, купите руководство, прочтите его и съ Богомъ принимайтесь за дѣло. Хотите быть хлѣбникомъ, — руководство научитъ васъ, какъ мѣсить тѣсто; вы выбраны мирнымъ судьей, — берите руководство подъ мышку, а въ руки мечъ и вѣсы Фемиды, и будьте увѣрены, что вы не промахнетесь въ виновнаго и никого не обвѣсите; вы пристрастились къ охотѣ, къ рыбной ловлѣ — травите и удьте по руководству, и вы перехитрите осторожную щуку и смышленную лису.

Да, во Франціи есть на все руководства: руководство для служащихъ, руководство выводить цыплятъ, руководство, какъ обогатить государство, какъ обмануть мужа, какъ любить, какъ нравиться, какъ составлять руководства и пр. Не доставало только руководства для фельетонистовъ.

Одинъ изъ этой многочисленной братіи жалился надъ своими товарищами и написалъ краткое руководство для редакторовъ занимательнаго отдѣла газетъ и журналовъ, въ которомъ помѣщаются *разныя извѣстія*. Теперь парижскому фельетонисту нечего задумываться, о чемъ бесѣдовать съ читателями. Парижъ *à l'habitude*; онъ живетъ по программѣ, которая почти не измѣняется. У парижанъ на каждый мѣсяць есть занятія освященные обычаемъ, на-примѣръ: будь мѣсяць май холоднѣе ноября, парижанинъ непременно ѣздитъ по праздникамъ за городъ, лишь бы не было дождя.

Съ наступленіемъ каждаго мѣсяца, фельетонистъ, прочтя руководство, впередъ уже знаетъ, что писать, а чтобы избѣгнуть однообразія, ему стѣдуетъ только взглядывать на эту однообразную жизнь съ разныхъ сторонъ, только поворачивать калейдоскопъ парижскаго дѣятельнаго *far niente*. Вотъ краткое содержаніе руководства для парижскихъ фельетонистовъ на цѣлый годъ.

Въ январѣ поздравительныя визиты; исторія этого обыкновенія, нѣсколько словъ *pro* и *contra*; семейныя сцены у бабушекъ и

тетушекъ, сюрпризы и конфекты для внучекъ и племянницъ. Отчетъ о театрахъ за прошлый годъ, придворные и частные балы. Но помните, что въ январь Парижъ не ѣздитъ въ театръ; онъ поздравляетъ, онъ пируетъ, онъ предается наслажденіямъ семейной жизни.

Въ февраль маскарады, ихъ происхождение и исторія; маскарадные мистификаціи, забавныя встрѣчи на балахъ большой оперы, анекдоты, объявленіе о возвращеніи г-жи Рашель; *Mardi gras*, прогулка по парижскимъ улицамъ карнавальнаго быка, драматическіе случаи изъ уличной жизни, иногда журнальная утка. Не говорите только, что Парижъ посѣщаетъ театры — вы ошибетесь; онъ полкируетъ, дебардерствуетъ, кутитъ; — онъ на стезь грѣха.

Въ мартъ постъ. — Парижъ на пути покаянія. Проповѣди, духовные концерты, благотворительность во всѣхъ ея замысловатыхъ проявленіяхъ, подвиги самопожертвованія патронессы; Рашель больна; Парижъ не ѣздитъ въ театръ, онъ посѣщаетъ храмы, онъ постится.

Въ апрѣль можно поговорить о засѣданіяхъ академіи Наукъ, о сочиненіяхъ, поступившихъ на состязаніе; назовите получившихъ преміи. Если одинъ изъ сорока безсмертныхъ умеръ, скажите, кто избранъ на его мѣсто, разберите вступительную рѣчь и отвѣтъ, говорите о новыхъ модахъ, о весеннихъ гуляньяхъ, о погодѣ. Актеры разъѣзжаются въ провинціи; Рашель выздоравливаетъ. Парижъ забылъ театры, онъ рядится въ кисею и нанку и ѣздитъ въ поле за насморкомъ, кашлемъ и лихорадками.

Въ май весна въ полномъ развитіи. Большая смертность по случаю ранней весны; некрологи, — Парижъ не ѣздитъ въ театръ, онъ въ деревнѣ, пашетъ и сѣетъ; въ городѣ хоронить.

Въ іюнь. Наступаютъ жары. Парижъ собирается на воды; Рашель увѣжаетъ. На сценѣ появляются удивительныя пьесы, съ цѣлыми звѣринцами. Парижъ разбрелся въ разныя стороны.

Въ іюль. Лѣтніе балы, концерты въ Елисейскихъ поляхъ; въ кофейныхъ домахъ появляются доморощенные Дюпре; въ ипподромахъ состязаніе обезьянъ съ волтижерами; изъ-за границы приходятъ бюллетени о здоровьи, прогулкахъ и успѣхахъ г-жи Рашель; въ приморскихъ городахъ регаты; звѣри еще на сценѣ, но Парижъ на нихъ не смотритъ, онъ пляшетъ подъ открытымъ небомъ и купается. Флотилія аэростатовъ.

Въ августъ. Плаваніе на водѣ и на воздухѣ продолжается. Въ садахъ и на сценѣ раздаются хоры Богемцевъ, пѣсни Тирольцевъ, кастаньеты испанскихъ танцовщиковъ обоюга пола. Парижанина можно встрѣтить повсюду, кромѣ театровъ; — публичная жизнь въ полномъ разгарѣ.

Въ сентябрь. Фельетонистъ можетъ поговорить о берегахъ Рейна, объ урожай винограда, объ охотѣ. Рашель въ Лондонѣ, и Парижа вы не увидите въ театрахъ; онъ путешествуетъ и охотится.

Въ октябрь начинаются дожди, холода, слякоть. Фельетонистъ вмѣстѣ съ небесами плачетъ о красныхъ дняхъ минувшаго лѣта и рассказываетъ о скачкахъ въ Шантильи, о возвращеніи актеровъ, о предстоящихъ театральныхъ новостяхъ, и повторяетъ молву о возвращеніи Рашели. Но Парижъ не ѣздитъ въ театр: онъ ожидаетъ, пока львы, медведи и тигры уберутся со сцены.

Въ ноябрь. Отъ постоянныхъ дождей разливаются рѣки; появляются незваные гости: лихорадки, гриппъ, холера; въ поляхъ и садахъ все блекнетъ, за то процвѣтаетъ биржа: въ ноябрь всегда повышаются фонды. Парижу нѣкогда ѣздитъ въ театр; онъ лечится и спекулируетъ.

Декабрь наконецъ наступаетъ. Аристократія родовая и денежная возвращаются изъ своихъ замковъ. Начинаются давно ожидаемыя великолѣпныя представленія. Женщины соперничаютъ нарядами. Въ этотъ мѣсяць обыкновенно кто-нибудь изъ актеровъ женится, которая-нибудь изъ актрисъ выходитъ замужъ за богатаго и знатнаго иностранца; Рашель по своему обыкновенію занемогаетъ; обо всемъ печатаются отчеты; нѣкоторые журналы угощаютъ своихъ читателей годовымъ некрологомъ, и Парижъ, ожидая новаго года, скупится и отказывается себѣ въ удовольствіи ѣздить въ театр.

Но неужели Парижъ никогда не ѣздитъ въ театр?

Я этого не говорю; говорить это руководство для фельетонистовъ; но когда и какія руководства говорятъ правду? Вѣдь для кого-нибудь играютъ же въ театрахъ, гдѣ безпрестанно ставятъ новыя пьесы и возобновляютъ старыя. Театръ *Французской комедіи* поставилъ недавно новую комедію въ стихахъ: *Демонъ и Писій*, соч. г-на *Белуа*, въ которой авторъ подсластилъ греческіе нравы приторною сытою сицилійской идилліи. На дняхъ откроются, или, какъ выражаются парижане, разцвѣтутъ подъ осеннимъ дыханіемъ октября, два театра. Первый изъ нихъ *Одеонъ*. Это новорожденное дитя драматическаго свѣта никакъ не выберется изъ своей колыбели; хорошо еще, что, благодаря новому распоряженію, малютка освободился по крайней мѣрѣ изъ пеленокъ *Комитета Читенія*. Въ залѣ Вантадуръ ставятъ греческую трагедію, переведенную искуснымъ поэтомъ. Попытка смѣла, и, надобно надвѣяться, будетъ прибыльна. Лѣтніе водевили пролетѣли въ прочихъ театрахъ, какъ метеоры, какъ балладные призраки, — безъ возврата. На театрѣ *Биржи* играли *Золоченый Орехъ*, обратившійся, благодаря искусству акте-

ровъ, въ гнилой свищъ; въ вознагражденіе за эту неудачу тамъ появился клоунъ *Флексморъ*, который стрелою летаетъ по воздуху, и, прыгая съ полу подъ самый потолокъ, нашель тайну не сломить себѣ шею. Сотрудница г. Флексмора въ этой головоломной работѣ, дѣвица *Оріоль*, достойно поддерживаетъ славу своего родителя, известнаго въ Европѣ клоуна; мадемуазель *Оріоль* блондинка, была, нѣжна и граціозна какъ ундиа.

На театрѣ *Varietés* давали *Поэтъ и Чеботарь*. Это пьеса, какихъ много. Актриса италіанскаго театра любитъ талантливаго, но еще безвѣстнаго поэта, и печется о немъ. Онъ боленъ, онъ бѣденъ — и, натурально, пишетъ элегіи. Въ этой крайности актриса предлагаетъ ему свою руку. — По рукамъ, и дѣлу конецъ. — Успѣхъ.

Вотъ еще успѣхъ, и успѣхъ замѣчательный. Въ театрѣ *Монтансье* играли *Шляпа въ полетъ*. У кого-то втѣрь унесъ шляпу въ сосѣдній садъ, и сосѣдъ былъ тѣмъ вынужденъ выдать за этого кого-то свою дочь. Безсмыслица, но успѣхъ.

L'homme entre deux airs имѣлъ успѣхъ только потому, что главную роль игралъ знаменитый *Равель*. Дѣв женщины назначили ему свиданіе, и каждая предложила условнымъ сигналомъ пѣсню. Любovníкъ забывъ мотивы этѣхъ пѣсень. (Видно, былъ влюбленъ *безъ памяти*). Въ пьесѣ есть пресмѣшное положеніе, когда этотъ господинъ изигрываетъ на шарманкѣ, припоминая себѣ заветный напѣвъ. Но смѣшонъ тутъ не влюбленный пѣсень, а *Равель*, который, какъ *Медея*, можетъ сказать: *pour tant de succès, que te faut-il? — moi.*

Панорама Сѣверной Америки привлекаетъ многочисленную публику. Прекрасные виды движутся передъ вами, какъ будто вы плывете по рѣкѣ въ лодкѣ. Пейзажи чрезвычайно разнообразны и оживлены прекрасно отдѣланными фигурами. Вотъ вы выплываете на средину рѣки; пристань, откуда вы отправились, быстро бѣжитъ отъ васъ и наконецъ скрывается изъ глазъ вашихъ. По берегамъ мелькаютъ фермы плантаторовъ, тянутся тяжелые обозы переселенцевъ. Далѣе взоры ваши поражены печальнымъ зрѣлищемъ: бѣдный путникъ почилъ вѣчнымъ сномъ на берегу рѣки, и его товарищи, насыпавъ надъ нимъ могильный холмъ, спѣшатъ продолжать путь свой въ новое *Эльдорадо*, въ *Калифорнію*. Но вотъ кто-то кинулъ неосторожно сигару, сухая трава загорѣлась, пожаръ пламенной пеленою стелется по лугамъ, и цѣлая степь затлилась. Вы все далѣе и далѣе несетесь по быстрой рѣкѣ, день склоняется къ вечеру, волны темнѣютъ, тѣнь мачты и трубы парохода становится длиннѣе, луна выплываетъ во всемъ своемъ величій, и свѣтлый лучъ ея, живописно играя по зыбкой поверхности рѣки, освѣщаетъ толпу

краснокожих Павлийцевъ, которые недружелюбно смотрятъ на васъ. Вотъ вдали начинаютъ показываться горы, берега становятся обрывистые, точно какъ развалины титанскихъ замковъ; загорается розовая заря разсвѣта, чаще встрѣчаются вамъ группы людей; обратите вниманіе на этихъ трехъ живописцевъ; это господа *Ménard, Louis* и *Ferier*, творцы панорамы. Вы еще не успѣли взглянуть въ нихъ, какъ необычный шумъ и плески отвлекаютъ взоры ваши на волны, которыя все выше и выше начинаютъ подымать свои опъенные гребни. Вдали изъ-за горъ несется черная туча; она ближе и ближе подходитъ къ вамъ, вы содрогаетесь, забывая, что эта буря не дѣйствительная, а рисованная. Но вотъ небо проясняется, вдали виднѣется обширный городъ; передъ вами знаменитый Нью-Йоркъ. Парижане смотрятъ и не насмотрятся на эту панораму.

И такъ, въ настоящее время Парижъ мало занимается своими театрами; драматическая литература отдыхаетъ; но не заснула литература книжная, не дремлетъ чудовищно-плодовитая производительность французскихъ писателей.

— Сравнивая итогъ литературныхъ произведеній настоящаго времени съ обычнымъ числомъ издѣлій книжно-литературной дѣятельности Французовъ, нельзя не согласиться, что отрасль этой производительности въ лѣтніе мѣсяцы слабѣетъ. Вотъ послѣдніе труды французскихъ литераторовъ:

Донъ-Кихоть Фернандеза Авеланеды, переведенный съ испанскаго Жермондомъ де-Лавиенъ, знатокомъ испанскаго языка и испанской литературы. Мы расскажем исторію этой книги Фернандеза Авеланеды. Безсмертный творецъ Донъ-Кихота Ламанскаго, Сервантесъ, написалъ первую часть своего творенія въ пятидесяти семи главахъ. Онъ заставилъ цѣлый міръ смѣяться надъ своимъ героемъ, сочувствовать рыцарю печальнаго образа и удивляться этому оригинальному произведенію. Но исторія Донъ-Кихота была не кончена. Судьба благороднаго Гидальго интересовала всѣхъ, а Сервантесъ, отдыхая на лаврахъ, не принимался за перо. Вдругъ, неожиданно для него и для читателей, какой-то господинъ Фернандезъ Авеланеда начинаетъ рассказывать продолженіе похождения забавнаго рыцаря. Сервантесъ воспрянулъ какъ внезапно пробужденной левъ; ему показалось обиднымъ, что другой осмѣлился разработывать его собственное поле; онъ садится писать, и не переводя духу, такъ сказать, однимъ махомъ, сочинилъ восемьдесятъ четыре главы, составляющія вторую часть его безсмертнаго творенія; но увы! многіе критики, многіе литераторы, въ томъ числѣ и извѣстный Лесаажъ, авторъ Хромаго Бѣса, предпочли продолженіе Авеланеды оконча-

нію Сервантеса. По видимому, Жермонъ де Лавинь держится этого же мнѣнія.

Христіанъ Островскій издалъ *Славянскія письма*, книгу съ одностороннимъ взглядомъ;—она не обратила на себя большаго вниманія парижской публики.

Исторія Лилля, написанная г-мъ Брюне, исторія города, который былъ то фламандскимъ, то бургундскимъ, австрійскимъ, испанскимъ, французскимъ, снова австрійскимъ, потомъ опять французскимъ и проч., эта исторія имѣетъ интересъ мѣстный. Не болѣе значенія имѣетъ и второй томъ *Eraives litteraires*, книги того же автора. Это отрывки изъ неизданныхъ его сочиненій.

Шарль Рено издалъ собраніе стиховъ, подъ заглавіемъ: *Contes epitres et pastorales*. Въ этой книгѣ много поэтическихъ описаній природы, есть вдохновеніе, и стихъ, ежели не вездѣ безукоризненно гладокъ, за то почти вездѣ согрѣтъ неподдѣльною теплою чувствъ.

Авторъ *Les nuits de Londres* Мери, написалъ *Les nuits italiennes*; книга хороша, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера Мери. Альфонсъ Каръ затѣялъ перевоспитать женщину и издалъ свое новое твореніе *Les femmes*; книга прекрасная, остроумная, достойная язвительнаго пера автора *Ось*, но ему ли перевоспитать прекрасную половину человѣческаго рода; развѣ можно увѣрить женщину, что у ней есть недостатки? «Если мы не хороши, зачѣмъ же вы насъ такъ любите, говоритъ женщина, и, не смотря на наши теоріи и наставленія, продолжаетъ проказничать по прежнему.

Вотъ почти всѣ литературныя новости; въ области художествъ ихъ еще менѣе.

На Іенскомъ мосту поставили четырехъ коней, изъ которыхъ два обращены на набережную Бильи, а другіе два на Марсово поле; эти кони—произведеніе не одного художника, и потому эти четыре помысла, не имѣя ничего между собою общаго, лишены единства идеи, необходимаго условія орнаментальныхъ группъ. Кони, обращенные на набережную, произведеніе г. Жанъ Фемера и г. Дево. Въ группѣ Фемера какой-то нумидіецъ держитъ подлѣ узды широкаго фризскаго коня; Дево подлѣ своей лошади поставилъ римлянина въ шлемѣ. Поза вожатаго прекрасна; конь нѣсколько манеренъ и тяжелъ. Домъ и Прео изваяли другія двѣ группы. Лошадь Домъ слишкомъ длинна, лошадь Прео слишкомъ коротка; у первой хвостъ жидокъ и грива рѣдка, у второй грива до земли. За то вожатый у Прео лучше другихъ. Французы любятъ лошади Іенскаго моста, и очень ихъ хвалятъ; что сказали бы они, увидѣвъ коней Анничковскаго моста, этихъ четырехъ красавцевъ, превратившихся въ

бронзу, въ минуту самаго пылкаго разгула ихъ жизни и силы, какъ будто волшебникъ Клотъ обдалъ ихъ металлическимъ токомъ въ то самое мгновѣніе, когда они готовы были вырваться и унести въ заповѣдныя луга свои. Это не ваяніе, а опытъ гальванопластики на живомъ существѣ.

Перейдемъ къ зодчеству. Народонаселеніе Парижа усиливается, и Парижъ принялся проводить новыя улицы, раздвигаетъ каменныя рамы своихъ площадей и рынковъ, отдѣлываетъ и передѣлываетъ свои загородныя гульбища, и наконецъ задумалъ соединить въ одно цѣлое Лувръ съ Тюльери. Это будетъ исполинское зданіе, чуть ли не обширнѣе чертоговъ покойной Семирамиды.

Праздникъ 15 августа, по словамъ Монитера, стѣитъ 700,000 франковъ; половина расходовъ легла на городъ, другая была выдана изъ государственнаго казначейства. Парижане не могли вдоволь наглядѣться на затѣйливое конное представленіе на Марсовомъ полѣ, исполненное труппами Цирка и Ипподрома, и на великолѣпный фейерверкъ на площади Согласія. Последняя пиротехническая картина изображала бивуакъ Наполеона въ одну изъ его побѣдъ. (Новый императоръ Французовъ крѣпко держится за славу своего дядюшки). Тюльери и Елисейскія поля были роскошно иллюминированы, въ особенности Елисейскія поля. Вся аллея была какъ бы залита огнемъ. Театры были открыты для народа бесплатно.

За пять дней до этого праздника былъ другой, праздникъ христіанской благотворительности, торжество всевластной мысли чело-вѣка. Мы говоримъ о раздѣлѣ награды въ институтѣ глухо-нѣмыхъ.

Да будетъ благословенна память твоя, благотельный аббатъ Лэпе. Въ твоемъ сердцѣ, глубоко проникнутомъ любовью къ чело-вѣчеству, зародилась первая мысль объ умственномъ образованіи существъ, которыхъ, казалось, сама природа лишила всякой къ тому возможности. Мысль созрѣла, приведена въ исполненіе и принесла обильные плоды. Мало того, что несчастные, лишенные дара слова и слуха, могутъ читать, — они могутъ краснорѣчиво говорить, и мимика доведена до такого совершенства, что нѣтъ народа въ мірѣ, который не повялъ бы ихъ всемірнаго языка, о которомъ мечтали Декартъ и Лессингъ. Профессоръ института глухо-нѣмыхъ, Пелисье, имѣетъ полное право гордиться своими воспитанниками: они изумили и глубоко тронули публику, собравшуюся на ихъ торжественный актъ. Воспитаникъ Аскардо прочелъ, или, лучше сказать, представилъ басню Лафонтена—*Два голубя*; четырнадцатилѣтній Альфредъ Панааръ также передалъ знаками басню Лафонтена—*Дубъ и Трость*, и наконецъ, Фердинандъ Бернье продекламировалъ молча благодар-

ственную рвчъ. Лицо юноши ясно выражало тѣ высокія чувства, которыя созрѣли въ благовоспитанной душѣ его, согрѣтой лучемъ науки. Этотъ праздникъ окончился раздачею наградъ воспитанникамъ обоюго пола.

Въ числѣ зрителей на этомъ торжествѣ человеческого разума находился китаецъ Ванъ-Ки-И, пріѣхавшій въ Парижъ для своего образованія; его сопровождалъ синологъ Баршъ. Сынъ поднебесной имперіи былъ умиленъ этимъ необыкновеннымъ для него зрѣлищемъ; его восторгъ выразился такъ ярко, что онъ самъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія.

Парижскіе меломаны приходятъ въ отчаяніе и утверждаютъ, что на эту зиму они съ радостію готовы сдѣлаться глухонемыми. И какъ не горевать, когда на предстоящій сезонъ ничего не приготовлено, чтобы усладить взыскательно-раздражительный слухъ гг. дилеттантовъ. Бѣдный Рокепланъ совсѣмъ рвхнулся, и просто не знаетъ, что дѣлать. Онъ приглашалъ Тамберлика, но тотъ отказался пѣть даже и за 145 т. франковъ. Петербургъ платитъ ему за зиму 80 т. франковъ, Лондонъ за лѣто 68 т. фран.; это не болѣе предложенной Рокепланомъ платы, но у насъ и въ Лондонѣ онъ поетъ итальянскую музыку, которая не надорветъ его груди, какъ убійственные для голоса партіи Мейербеера. Знаменитый басъ Формесь тоже отказался; г-жа Крувелии рвшително не хочетъ пѣть по-французски и куда-то уже ангажирована. Итальянской оперѣ такая же удача, какъ и Рокеплану: Маріо и Гризи потребовали по 150 т. фран., и то, если американцы не вздумаютъ увезти ихъ за океанъ; тогда они предоставляютъ себѣ право нарушить условіе; но кромѣ того они требуютъ пятимѣсячнаго отпуска; имъ предложено 225 т. франк., но они не согласились. Альбони проситъ по 2,000 фр. за представленіе съ тѣмъ, что будетъ пѣть только въ свободное отъ другихъ занятій время. Восхитительную г-жу Лагранжъ, это восходящее свѣтило Большой Оперы, Петербургъ переманилъ изъ Парижа къ себѣ. Согласитесь послѣ этого, что меломанамъ въ Парижѣ нечего дѣлать; имъ придется переселиться въ Петербургъ, чтобы не умереть съ тоски на своей беззвучной родинѣ.

Но есть люди, которые никогда не выѣзжаютъ изъ Парижа; какъ же быть тѣмъ? Что будетъ дѣлать, напримѣръ, графъ NN, этотъ истый парижанинъ, который ни за что въ мірѣ не выѣдетъ за черту своего любимаго Парижа. *Façon de parler*, скажутъ читатели: какъ ни за что въ мірѣ? Да, милостивые государи и государыни, ни за что въ мірѣ; слушайте и судите сами: когда графъ былъ еще молодъ, состояніе его было порядкомъ разстроено, но у него былъ

богатый дядя, послѣ котораго онъ надвѣлся получить наследство. Старикъ захворалъ; ему пожелалось, чтобы племянникъ ухаживалъ за нимъ, какъ сидѣлка. Имѣя прекрасное состояніе, которое онъ оставлялъ племяннику, старикъ, конечно, могъ прихотничать: онъ имѣлъ на это полное право, и другой племянникъ не потяготился бы собственноручно закрыть глаза дядюшки и собственными глазами присмотрѣть за тѣмъ, что оставить ему достопочтенный родственникъ; но графъ поступилъ иначе: онъ не могъ расстаться съ Парижемъ, и дядя графа, умирая, завѣщалъ все свое имѣніе другому родственнику. Прошло нѣсколько лѣтъ; графъ влюбился. Ему понравилась очень милая, обаятельная, богатая и знатнаго рода дѣвушка. Его исканія принимали благосклонно; предметъ его разсчетливой страсти улыбался ему пріятно, ласково встрѣчали его ея родители, и когда настало лѣто, звали его къ себѣ въ деревню; — графъ не повхалъ; онъ не повхалъ, не смотря на возможность упительныхъ прогулокъ, при свѣтѣ луны, въ темныхъ аллеяхъ парка; не повхалъ, не смотря на вѣроятность, что гдѣ-нибудь въ уединенной рошѣ ему, можетъ быть, удастся сорвать украдкой первый поцѣлуй съ малиновыхъ устъ своей красавицы; не повхалъ дышать однимъ съ нею воздухомъ, быть неразлучно съ своей любезной, говорить ей этотъ милый вздоръ, который и говорить и слушать такъ пріятно. Онъ не повхалъ беречь, охранять это преданное ему сердце отъ новыхъ впечатлѣній, отъ сѣтей соблазна, отъ навѣтовъ враговъ. А вѣдь графу было тогда только 24 года отъ роду!... Да, онъ не повхалъ — и къ концу осени получилъ извѣстіе, что владычица его сердца вышла за-мужъ...

Спустя нѣсколько лѣтъ, графъ былъ обиженъ, какъ водится, своимъ искреннимъ пріятелемъ. Честь его была оскорблена и требовала удовлетворенія. Секунданты были выбраны, мѣсто назначено, и графъ поблѣднѣлъ какъ полотно, когда узналъ, что кровавый расчетъ не можетъ быть иначе, какъ за городомъ, онъ былъ готовъ отказаться отъ ноединка, готовъ былъ заклеить себя позоромъ и принять названіе труса, лишь бы не выѣзжать за городъ. Къ счастью, секунданты уладили кой-какъ дѣло. У одного изъ нихъ былъ на предмѣстьѣ уединенный домъ съ пространнымъ садомъ; туда отправились дуэлисты. Они бились на шпагахъ; противникъ графа лучше его владелъ этимъ оружіемъ, но графъ его ранилъ. Графъ и теперь живетъ безвыздно въ Парижѣ, и только въ стѣнахъ города пользуется сельскими удовольствіями, но никогда не выходитъ за заставу и отъ роду не видалъ ни одной деревни. Онъ любитъ ѣздить верхомъ; каждый день галопируетъ по пыльнымъ

улицамъ, но никакая красавица не уговорить его сопутствовать ей даже въ Булонскій лѣсъ. Многіе добивались причины этой странности, и наконецъ узнали слѣдующее: въ молодости своей графъ вздумалъ разъ погадать о своей участи у извѣстной дѣвицы Ленорманъ. Она предсказала ему, что онъ будетъ жить счастливо и долго, но что ему предстоитъ неминуемая смерть, какъ только онъ оставитъ Парижъ. Многія предсказанія знаменитой ворожеи сбылись надъ знакомыми графа; онъ убѣдился, что Сивилла предрекла ему правду, и рѣшился, во что бы то ни стало, ни на одну минуту не покидать Парижа.

Вотъ еще чудесная дѣль: героя нашего разсказа зовутъ..... но что намъ нужды до прозванья? назовемъ его, пожалуй, Филиберомъ и станемъ продолжать разсказъ. Онъ учился плохо, ничего не имѣлъ, опредѣлился отъ нечего дѣлать въ военную службу, дрался въ Алжиръ, какъ слѣдуетъ храброму французу, получилъ чинъ капитана, но не добился богатства, и вышелъ въ отставку. Что было ему дѣлать? искать тепленькаго мѣстечка? Фи! Какъ это можно? Какъ можно ему, капитану Филиберу, низкопоклонничать изъ мѣста, когда въ головѣ его роилась блистательная идея. А идеи, какъ всѣмъ извѣстно, ловятъ въ Парижѣ на-подхватъ, съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ китовъ въ Тихомъ океанѣ и моржей на Ледовитомъ морѣ. Что же касается до осуществленія идеи, — это дѣло случая, а за случаемъ гоняться—устанешь.

Въ Парижѣ можно жить чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь; тяжелы только первые мѣслцы, покуда не осмотришься, а тамъ.... Ну, а тамъ, можетъ, и Богъ пошлетъ. Капитанъ Филиберъ жилъ этою жизнью, иногда цѣлый день голодалъ, закусивъ наканунѣ кускомъ сыра проглоченный на-скоро въ какомъ-нибудь *Cabaret* стаканъ кислаго вина, иногда онъ роскошничалъ въ лучшей рестораціи. Мѣсто его жительства было вездѣ и нигдѣ, но чаще всего онъ обиталъ на бульварахъ. Тамъ, похаживая и покуривая сигару, онъ смотрѣлъ зоркимъ глазомъ корсара по сторонамъ, и наконецъ онъ высмотрѣлъ удобную минуту для своей идеи. Вотъ какъ это было:

Разъ повстрѣчался онъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей, и почувствовалъ, что настала рѣшительная минута, что успѣхъ ожидаетъ его теперь или никогда. Капитанъ рѣшительно подошелъ къ этому пріятелю.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій, — каково поживаете?

— А! капитанъ! здравствуйте. Благодарю. Что скажете новаго?

— Радъ, что васъ встрѣтилъ; мнѣ надобно поговорить съ вами; у меня вертится въ головѣ прекрасная идея.

— Идея? въ чемъ же заключается эта идея?

— Я предполагаю устроить желѣзную дорогу отъ X до Z, и хочу предложить вамъ сотоварищество.

— Идея прекрасная! Объ этомъ надобно поговорить серьезно; пойдѣте бесѣдовать въ Тюльерійскій садъ.

Оба пріятели отправились.

— Послушайте, Филиберъ, толковать о дѣлѣ стоя не ловко; возьмемте стулья.

— Съ удовольствіемъ. У васъ есть четыре су, чтобъ заплатить за два стула?

— Нѣтъ, а у васъ?

— И у меня нѣтъ.

Пріятели по неволѣ удовольствовались скамейкой, на которыхъ позволается сидѣть даромъ. У этихъ проектеровъ не было четырехъ су заплатить за стулья.

— Что же, вы предполагаете, капитанъ, желѣзную дорогу на общественный капиталъ?

— Да. — ее надобно устроить на акціяхъ.

— А много надобно капитала?

— Я еще этого вполне не сообразилъ, но вотъ выгоды этой дороги. — И капитанъ Филиберъ краснорѣчиво представилъ государственную и частную пользу своего предпріятія. Собесѣдникъ его былъ вполне въ этомъ убежденъ. Они разстались съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать.

Скоро они завербовали еще двухъ человекъ, богатаго легитимиста и желѣзнаго фабриканта, который принадлежалъ къ партіи республиканцевъ. Пріятель капитана былъ бонапартистъ, онъ самъ орлеанистъ. И такъ, при самомъ началѣ этого предпріятія, всѣ политическіе элементы Франціи имѣли своихъ представителей. Эти четыре дѣйствующія лица, каждый въ своемъ кругу, говорили о предполагаемой желѣзной дорогѣ отъ X до Z, и наконецъ они добились, что проектъ этого сообщенія былъ утвержденъ и значеніе компаніи акредитовано на биржѣ.

Филиберъ потребовалъ вознагражденія за свою идею; ему дали бесплатно нѣсколько акцій; онъ остался недоволенъ, кричалъ, что обидѣли несчастнаго отца семейства, *обремененнаго* женою и полу-дюжиной дѣтей, хотя никто никогда не видалъ ни супруги капитана, ни его юнаго поколѣнія; однакожь нельзя же было лишать куска хлѣба дѣтей изобрѣтателя желѣзной дороги и многочисленнаго семейства.

Капитану прибавили еще нѣсколько акцій, и, какъ человекъ предприимчиваго и смѣтливаго, избрали директоромъ.

Для капитана пошло хорошо; онъ въ миллионъ, у него безплатная квартира, щегольской экипажъ, лошади; онъ всегда отлично объѣдаетъ и роскошно угощаетъ людей, ему нужныхъ; онъ постоянный покровитель театровъ, но болѣе всего бываетъ въ театрѣ марионетокъ, забавляется продылками деревяннаго арлекина и Коломбины на пружинахъ; подкуетъ леденцомъ своихъ малолѣтнихъ сосѣдей, приговаривая, что они удивительно похожи на его дѣтей, которыхъ однако никто еще не видалъ.

Въ XV столѣтіи капитанъ Филиберъ былъ бы, вѣроятно, отличнымъ кондотьери; онъ завоевалъ бы для папы Миланъ, взялъ бы для императора Римъ и оставилъ бы для себя Феррару, а въ наши времена подобные люди задумываютъ желѣзныя дороги и выдумываютъ дѣтей, чтобы вырвать у капиталистовъ кусокъ насущнаго хлѣба. Настало царство золота; за что же въкъ нашъ называютъ желѣзнымъ? ужь не за дороги ли?

И. П.—Ж.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЫСТАВКѢ СЕЛЬСКИХЪ И ФАБРИЧНЫХЪ (ЗАВОДСКИХЪ) ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВЪ НИЖНИМЪ-НОВГОРОДѢ, ВЪ 1853 ГОДУ. Нынѣшняя выставка (*), а равно и ярмарка, начались при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: холера имѣла вліяніе на ту и на другую. Выставка, говорятъ, поотстала отъ прежнихъ, да и ярмарка, по той-же причинѣ, не достигла развитія прошлыхъ годовъ. Но мы займемся только первой: во всякомъ случаѣ, это *новость*, и сказать о ней нѣсколько словъ не будетъ лишнимъ. Конечно, я не стану распространяться о пользѣ подобныхъ выставокъ, — дѣло очевидное: онѣ развиваютъ соревнованіе, улучшаютъ вкусъ, служатъ мѣрилами производительности края, открываютъ новые таланты и проч. Все это—вещи извѣстныя; остается только благодарить правительство, устрояющее мѣры, столь вѣрно и прочно достигающія высокой цѣли. Я не обещаю полного подробнаго описанія выставки, которое скоро, вѣроятно, появится въ Нижегородскихъ вѣдомостяхъ; спѣшу только подѣлиться съ Москвитяниномъ своими *личными* впечатлѣніями, представляя не болѣе, какъ одинъ поверхностный, бѣглый взглядъ.

Предметы (ихъ примѣрно до 3000 номеровъ) размѣщены въ двухъ обширныхъ залахъ, въ ярмарочномъ главномъ домѣ. Въ первомъ со входа находятся болѣею частію сельскія произведенія, включая только пожарныхъ машинъ (**) извѣстнаго арзамасскаго мастера *Лысковцева*, да еще кой-какихъ предметовъ, напр. вѣсовъ (коромысель) прекрасной отдѣлки *Въсовицкова* и однихъ довольно-порядочныхъ на лежащихъ рессорахъ пролетокъ (цѣна въ 150 р. с.) того же мастера. Во второмъ залѣ преобладаютъ заводскія произведенія. Съ чего начать? глаза невольно разбѣгаются и не знаютъ вдругъ, на чемъ остановиться... Начнемъ по порядку. Возвращаемся въ первый залъ. Со входа, на право,—упомянутыя машины, вѣсы; далѣе, прекрасной, отчетливой отдѣлки чугунная рѣшетка, съ заводовъ *Шене-*

(*) Выставка происходила съ 6-ти губерній: Нижегородской, Вятской, Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской. Участвовали также и другія губерніи.

(**) Высшая цѣна 200 р. сер.

левыхъ. На лѣво, тоже со входа, самое скромное мѣстечко занимаютъ: крестьянское тельжное колесо (ходъ 3 р. с.), отлично-сплетенный лапоть и еще кой-что. Но самое значительное пространство отведено *пярковымъ издѣліямъ*, преимущественно *валеннымъ*, (сапоги, колоши, женскія валенки, ботинки, чулки, крестьянскія шляпы) и *кожевеннымъ* (кожи, юфть, полупубки, ергаки). Работа первыхъ необыкновенно хороша и составляетъ гордость Нижняго: села *Гордещь*, *Катунки* и другія славятся этими издѣліями. Цѣна не высока, напр. прекрасныя дамскія ботинки стоятъ 75 к. сер. Лучшими признаются—мастера *Бурова*. Кожи арзамасскихъ заводовъ очень хороши; полупубки дубленныя и узорочно-выстроченныя, съ необыкновенно-мягкою мездрую, по цѣнѣ въ 5 р. сер., не дороги. Напротивъ, обширный прилавокъ занятъ разными сельскими продуктами и отчасти цвѣтами и плодами. Здѣсь особенно отличаются своею отличною добротою *крупы* всѣхъ сортовъ, нижегородскаго помѣщика г. *Астафьева*; *сноты* гречихи, овса, ячменя, необыкновеннаго роста и колоса—изъ имѣнія также Нижегородскаго помѣщика г. *Бобарыкина*; тутъ же смиренно замѣшался порядочной величины мѣшокъ *сѣмянъ клевера*—но какого! отличнаго качества,—сельскаго священника *Севѣрова*. Цвѣты (отличныя георгины и проч.) и плоды (замѣчательны два дерева «персидскихъ» сливъ, съ чудесными плодами) изъ городской оранжереи г. *Шнейберга* (*). Въ немалое удивленіе приводилъ также толпу выставленный русскимъ кондитеромъ *Воронцовымъ* (тамбовецъ) ящикъ съ конфектами: фигурки самой мелкой величины и довольно-отчетливой отдѣлки. Но ничто столько не занимало въ первомъ залѣ посѣтителей, какъ выставленные помѣщикомъ *Мессингъ* *стекляныя улы*, съ живыми пчелами! Трудолюбивсе насѣкомое, вовсе не обращая вниманія на любопытныхъ, продолжало свою работу.... Улы простой крестьянской работы, но тѣмъ не менѣ весьма удобны — цѣна 5 р. сер. Тутъ же, въ промежуткахъ, находятъ: *клей мездровый* (нижегородскаго мастера) отличной выдѣлки; *мыло* (розовое) въ коробочкахъ, казанскаго купца *Юносова*, давно извѣстное своимъ превосходнымъ качествомъ. Заднюю стѣну зала занимаютъ *пеньковыя* издѣлія, съ заводовъ нижегородскаго купца г. *Пятова*: канаты, веревки и проч. отличной работы. Тутъ же на полу размѣщены издѣлія нижегородскаго рабочаго дома: крестьянскія *полосушки*, пеньковые ковры и половики. Остальныя стѣны этого зала увѣшаны также *издѣліями нижегородскаго рабочаго дома*: очень хорошія ковры (цѣна въ 40—42 р. сер.), половики и проч.

(*) Подгородное село *Печоры* выставило: арбузы, груши, сливы, капусту, морковь необыкновеннаго роста.

Переходимъ во второй залъ. Здѣсь берутъ перевѣсъ *стальные* и *железные издѣлія* Нижегородской губерніи. Села: *Павлово*, *Ворсма*—кому не известны? и они вполне заслужили свою славу. Стальные вещи прекрасно помѣщены— въ шкафахъ и ящикахъ, за стеклами. Истинно, можно подивиться отчетливой, превосходной отдѣлкѣ стальныхъ издѣлій: какія крохотныя всевозможныхъ формъ ноженки! Ножи, бритвы и разные рабочіе инструменты — чистоты изумительной! Я отъ души готовъ вѣрить, что наши стальные издѣлія мало чѣмъ уступаютъ англійскимъ. Какая кропотливая работа, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая чистота и красота отдѣлки!... Да то ли еще способенъ смастерить русскій мужичокъ, крѣпко вѣря въ свою *смылку* и терпѣнье: При мнѣ одинъ какой-то господинъ заказывалъ мастеру, стоявшему за ящикомъ для продажи вещей— вотъ что:

— Можешь ты мнѣ сдѣлать, любезный, ноженки — да такія, какихъ меньше и на свѣтѣ не бываетъ.... понимаешь?

Мастеръ, мужикъ красивой наружности, съ окладистою русой бородой, отвѣчаетъ:

— Понимаемъ—съ... какихъ вашей милости требуется?

— Ну, сказалъ — меньше какихъ на свѣтѣ нѣтъ.... острее не толще швейной иглки.... не такія, какъ у тебя здѣсь—гораздо, гораздо тоньше. Можно? понялъ ты, чего я хочу?

— Слушаю—съ. Почему и не сдѣлать—можно. Будутъ готовы—съ; не сумлевайтесь.

Глядя на это множество стальныхъ вещей— глаза невольно разбѣгаются. Издѣлія *Завьялова*, *Гориковыхъ* и особенно— *Залыина* (привилегированныя) преимуществуютъ. Наиболее понравились мнѣ *садовые ножи*, съ ручками изъ рога, съ серебряными насѣчками— чудо искусства и терпѣнья!... Стальные издѣлія, вмѣстѣ съ коженными, валенными и каватными, составляютъ конѣкъ Нижегородской губерніи. Между прочимъ останавливаютъ на себѣ вниманіе огромные замки, весьма хитраго устройства и необыкновенно—прочныя (въсомъ, думаю, не менѣе 10 фунт.), и довольно—высокой цѣны — 15 р. сер. Какія сокровищницы запираютъ такими великанами?... Не дурны также замки круглой формы, также особеннаго устройства, работы двороваго челоуѣка здѣшняго помѣщика, г. Аверкіева. Въ противоположность этимъ «машинамъ» есть крохотныя замочки-игрушки, прекрасной отдѣлки (ц. 1 р. с.). Но съ особеннымъ удовольствіемъ остановился мой взоръ на произведеніяхъ *вятскаго ремесленнаго училища*, Яранскаго уѣзда, *слоб. Кукарки* (мѣсто, весьма хорошо мнѣ извѣстное); это— ящики, очень чистой работы, съ разными столярными инструментами (топорикъ, долѣта, струги,

пила, подпилка и пр.—съ прекрасными ореховыми черепками); — работа—заглядывнѣ!.. Жаль, что не выставлено имя мастера: вѣкторыхъ изъ нихъ я зналъ лично, и мнѣ пріятно было бы теперь встрѣтить знакомое имя. Цѣна всему ящику—умѣренная: 20 р. сер. Хороши очень *аптекарскіе вѣски* (*) подъ стекляннымъ колпакомъ, издѣліе нижегородскаго часоваго мастера *Тихановскаго*, которымъ также выставлены прекрасныя часы стѣнные — во 100 р. сер. Далѣе, достойны замѣчанія: полосовая *сталь* нижегородскихъ заводовъ; пучки *провода* замѣчательной длины: трудно представить, чтобы въ такомъ, по видимому, небольшомъ пучкѣ находилось — около 1500 сажень!.. Отличны мѣдныя *проволочныя сплѣти*: работа удивительная, и съ перваго взгляда весь кусокъ представляется какою-то шолковою золотистою тканью, а отнюдь не проволочною свѣткой. Издѣлія съ заводовъ *Шепелѣвыхъ*: чугуныя—котлы, сковороды, заслонки и пр. Въ самомъ углу, на лѣвой сторонѣ, помещены большой весьма хорошей отдѣлки *токарный станокъ*, желѣзный, цѣн. въ 300 р. сер. Надъ нимъ, почему-то, повѣшенъ *портретъ* извѣстнаго русскаго механика Ив. Петр. *Кулибина*: замѣчательное стариковское лицо, съ сѣдою окладистою бородой, въ кафтанѣ, обложенномъ мехомъ, и съ Екатерининскою медалью, на голубой лентѣ, на шеѣ. Взоръ его устремленъ на висящую предъ нимъ зрительную трубу.... На столѣ, куда онъ положилъ одну руку — атрибуты его мастерства. Кулибинъ, уроженецъ Нижняго, тутъ похороненъ, и надъ могилой его досель стоитъ очень хорошій памятникъ (**). Вместе съ незабвенными Пожарскимъ и Мининымъ — Иванъ Петровичъ Кулибинъ долженъ составлять справедливую гордость Нижегородцевъ. Портретъ, писанный масляными красками, сдѣланъ очень не дурно—особенно для *двораго челоуѣка*, который его писалъ.—Перейдемъ теперь къ *деревянныимъ издѣліямъ*. — Столярныя: Ардатовскаго узда, дворовый челоуѣкъ, *Бочкаревъ* выставилъ очень хорошенкія вещи: столъ съ мѣстомъ или рамой, для зеркала (или для картины). Работа необыкновенно чистая и красивая; цѣна 20 р. сер. Его-же—стѣнные часы, пюпитры и пр. Городъ *Сельеновъ*, отличающійся вообще деревянными издѣліями — особенно кухонной посудой, выставилъ: чашки, ложки (отдѣльно и вмѣстѣ съ вилкою), гребни, дѣтскія бездѣлушки — изъ пальмы и простаго дерева, чудесной отдѣлки и необыкновенно дешевой цѣны (чашка простая средней величины 1½ к. сер.) и пр.

На выставкѣ обратили на себя справедливое вниманіе образцы *сахара* въ головкахъ, нижегородскаго помѣщика *Соймонова* (цѣна

(*) Цѣною отъ 30 р. сер. (**) На Петропавловскомъ кладбищѣ.

за 20 ф. отъ 8 — 9 р.), отличнаго качества. Помѣщикъ *Эвеніусъ* представилъ *сахаръ въ плиткахъ* (свекловичный), правда, доброты невысокой, за то и цѣна — 7 р. сер. за пудъ. Хорошъ *сыръ* (сел. Парамзина) помѣщика *Лукина*; отличные *Городцкіе* пряники (*) (ц. 15 к. сер. за фунтъ). Стѣны втораго зала также сплошь завѣшены коврами — издѣлія нижегородскаго Работнаго дома: коверъ въ 14 арш. длиной и 12 шириной, очень хорошъ, но и цѣна изрядная — 600 р. сер. Вообще должно сказать, что нижегородскій Работный домъ вполне отличился на нынѣшней выставкѣ и достойно оправдываетъ свое благотѣльное назначеніе: работы его заслужили всеобщую похвалу. На многихъ вещахъ наколоты билетки съ надписью: *Продано*. Выставка продолжится до 1-го сентября.

АЛЕКС. МАРТЫНОВЪ.

Нижній.

27 августа, 1853 г.

О РЫБНОЙ ЛОВЛѢ ВЪ ОЗЕРѢ ИЛЬМЕНѢ ().**

Рыбная ловля на озерѣ Ильменѣ въ зимнее время производится подъ руководствомъ ватамановъ нижеслѣдующимъ порядкомъ:

1) Крестьянинъ, исправный въ капиталъ и опытный какъ въ ловлѣ рыбы, такъ и въ поставкѣ невода, объявляетъ намѣреніе свое зимнимъ временемъ ловить неводомъ рыбу съ приготовкою имъ самимъ заблаговременно потребныхъ къ неводу припасовъ (кромя

(*) Кажется, были и тульскіе, обыкновенно привозимые на ярмарку.

(**) Въ Журналъ М. Вн. Д., 1850 года, №6, помѣщена была любопытная статья о рыбной ловлѣ въ озерѣ Ильменѣ. Въ свое время эта статья обратила на себя вниманіе публики иррнмъ изображеніемъ одного изъ важнѣйшихъ промысловъ Новгородской губерніи; по всему должно было заключать, что авторъ ея долго и внимательно изучалъ на мѣстѣ бытъ новгородскихъ рыбаковъ, ихъ приемы и обряды, соблюдаемые при ловлѣ рыбы, и имѣющіе весьма важное этнографическое значеніе. Недавно я получилъ отъ одного моего знакомаго, А. И. Тарасова, предлагаемую здѣсь записку о рыбной ловлѣ въ Ильменѣ. По сличеніи этой рукописи съ упомянутою статьею Ж. М. В. Д. оказалось, что послѣдняя цѣлкомъ заимствована изъ первой, съ измѣненіемъ лишь нѣкоторыхъ фразъ, такъ что вся заслуга автора извѣстной статьи состояла только въ томъ, что онъ придалъ литературную форму настоящей запискѣ, которая представляется теперь читателямъ Москвитянина въ своемъ первобытномъ видѣ. Можетъ быть, она грѣшитъ мѣстами противъ правильности и чистоты языка; но, безъ сомнѣнія, читатели извинятъ ея автору недомогость изложенія за занимательность содержанія, тѣмъ болѣе, что, по дошедшимъ до меня свидѣніямъ, настоящій ея авторъ, мещанинъ Снѣтковъ, обучался грамотѣ на мѣднѣя деньги, болѣе самоучкою. Рукопись моя писана лѣтъ тридцать тому назадъ, а можетъ быть и болѣе *Siuis siique. K.*

сѣтей), т.-е. тетивы, веревокъ, кнею и проч.; употребленную имъ для того сумму при первомъ двлежѣ изъ выловленной общей суммы получаетъ обратно; такой крестьянинъ называется *ватаманъ*. Къ нему собираются ловцы, и, по его усмотрѣнію, имъ самимъ выбираются исправные. Для одного невода ставится комплектъ съ ватаманомъ: восемь *коневщичковъ*, каждый коневщикъ имѣетъ *третчика* или работника, что и составляетъ 16 человекъ и 8 лошадей, и называется неводъ *одинокъ*. Названія, учрежденныя для работъ, слѣдующія: ватаманъ 1, рельщикъ 1, пихарей 6 и кожеуровъ 8. Пихари и кожеуры каждодневно, поочередно, переменяются въ работахъ; пихари распиливаютъ ледъ или разбиваютъ его пѣшными, а кожеуры опускаютъ неводъ въ воду и тянутъ до высохи вѣртами. Изъ числа ихъ, при вытяжкѣ невода, двое складываютъ неводъ на дровни, а двое на поноръ, у самой высохи, тянутъ верхнюю тетиву и называются *поноришками*; изъ нихъ же одинъ называется *мокрякомъ*, и долженъ ночевать на озерѣ для караула, если рыба не продается.

2) Для удобства и лучшей ловли, одинъ ватаманъ сговаривается съ другимъ ватаманомъ же ловить другъ на друга, т.-е. чтобы неводъ шелъ противъ невода, и вытягивать въ одну высоху, рыбу продавать вообще изъ обоихъ неводовъ, также и деньги дѣлить на людей обоихъ неводовъ по-ровну. Въ такомъ случаѣ два невода называются *двойникомъ*, и утверждается изъ двухъ ватамановъ одинъ старшимъ и полнымъ властелиномъ невода, а другой младшимъ.

3) Приготовленіе къ зимней ловлѣ бываетъ весною, на недѣль Св. Пасхи. Приходитъ младшій ватаманъ съ прочими ловцами къ старшему ватаману въ его домъ съ приносомъ ему въ гостинецъ изъ горячихъ напитковъ. По утвержденіи настоящимъ порядкомъ добровольнаго согласія, всѣ обоихъ неводовъ 32 человека угощаются первоначально у старшаго ватамана на счетъ будущаго благополучія, потомъ у младшаго. Послѣ такового подвыпитія ловцы облызаются братскою любовію другъ къ другу, разъѣзаютъ на коняхъ одинъ къ другому цѣлой ватагой съ пѣснями, и рѣдкій, чтобы остался безъ потери чего-нибудь изъ платья; другихъ же домашніе вытягиваютъ изъ грязи и убираютъ по домамъ. Таковыя угощенія или *почестки* между ловцами двойническаго невода бывають не рѣдки: гдѣ только встрѣтятся, на праздническихъ ли, или въ питейныхъ домахъ; ватаманы же, если встрѣтятся на праздническихъ, то угощаются въ палаткахъ, а если въ городѣ, то въ трактирѣ, что только заблагоразсудятъ, тѣмъ и угощаются на общій братскій счетъ. Между тѣмъ, во время лѣта, всякій братъ приготовляетъ сѣти изъ пеньки, въ одну прядь владанныя, а ватаманы, каждый для своего невода, покупають

въ городѣ кнеи, каждую цѣлковыхъ по 45 и болѣе, также тетивы, крутиверевокъ длиною до 200 сажень; къ онимъ привязываются еще веревки потоньше, длиною до 400 сажень.

4) При замерзаніи озера всѣ ловцы съ своими сѣтями собираются къ своему ватаману, и подъ его распоряженіемъ спиваютъ сѣти и ставятъ невода, глядя по глубинѣ озера. Когда же совершенно озеро замерзнетъ и освидѣтельствуютъ толщину льда ватаманы, то вывозятъ невода къ озеру, и на берегу останавливаются; старшій ватаманъ добываетъ огонь и зажигаетъ клокъ сѣна, которымъ и приготовленную изъ соломы, сѣна, вересу и травы, полезной отъ уроковъ, кучу; въ оную кучу кладутъ роснаго ладану, завязаннаго въ мѣшечкахъ; ставятъ лошадей по вѣтру для того, чтобы этотъ дымъ шелъ на лошадей и на запасъ; сами же, начиная съ главнаго ватамана, идутъ вокругъ этой зажженной кучи всѣ гусемъ, поднявши шубы и кафтаны, дабы прошелъ дымъ промежъ ногъ. Таковая окурка огнемъ продолжается во всю зиму по понедѣльникамъ, или на каждой недѣль въ первый день выѣзда на озеро, гдѣ и куражатся ватаманы, пережидая другъ друга, по замѣчаніямъ; если лучший знатокъ изъ ватамановъ не выѣзжаетъ впередъ, то и всѣ прочіе остаются на берегу бражничать. Иногда по капризамъ между ватамановъ откладывается выѣздъ на озеро до вторника или до среды. Послѣ окурки, помолившись Богу и сѣвши на передовыхъ лошадей, старшій и младшій ватаманы пускаются въ озеро, а въ слѣдъ за ними 4 лошади рельныхъ, потомъ 4 бабныхъ лошади съ воротами, и 6 лошадей везутъ два невода. Выискавши гладкое мѣсто на пространствѣ не менѣе 3 верстѣ, гдѣ удобно запустить оба невода, главный ватаманъ со всею артелью, помолившись Богу, велитъ пхать ледъ и готовить подковку, или такую прорубь, въ діаметръ полтора аршина, въ которую запускаютъ двѣ жерди, длиною 12 сажень; привязываютъ къ нимъ веревки, называемыя *мычками*, къ мычкамъ *круги*, а къ кругамъ—неводъ; потомъ ватаманъ разставляетъ пихарей направо и налево, кони и пробиваютъ въ обѣ стороны полукружіемъ ледъ до воды, или, по ихъ названію, *бьютъ углы*, т.-е. дыры, одну отъ другой въ разстояніи 10 сажень, въ кои запущенныя въ воду жерди съ веревками прогоняютъ *кутами* (такъ называется инструментъ)—съ правой руки—самъ ватаманъ, а съ левой—рельщикъ, по направленію тѣхъ прорубей. Привязанныя къ нимъ мычныя веревки продергиваютъ кожеуръ, доколѣ весь неводъ не распространится въ водѣ около своего центра. Когда уляжется неводъ въ водѣ, тогда выдергиваютъ привязанную къ мычной круговую веревку, закладываютъ ее на воротъ и тянутъ воротомъ; на-

тягиваемую же веревку опять спускаютъ съ ворота, и такимъ образомъ продолжаютъ гнать мычную веревку съ круговой впередъ, и, не переставляя ворота, тлнуть до самой высохи. Такимъ же порядкомъ и младшій ватаманъ, по распоряженію старшаго и по размѣру мѣста, свой неводъ опускаетъ въ воду противъ невода-жъ перваго ватамана, и оба тлнуть другъ на друга къ пробитой посрединѣ у встрѣчи неводовъ высохъ. Младшаго ватамана неводъ нѣсколько не дотягивается до высохи, потому что впередъ вытягиваютъ старшаго ватамана неводъ. Когда вытянуть въ высоху кнеи, къ которымъ пришить неводъ, тогда всѣ кожеуры и пехтери обоихъ неводовъ становятся на оба крыла, по 13 человекъ на каждое, и тлнуть крестообразно, т.-е. правое крыло влево, а левое вправо. Два рельщика передъ высохой на крылья невода опускаютъ въ особыя дыры по жердинѣ стоймя, на концахъ оныхъ придѣланы желѣзные кольца, коими оттискивается у крыльевъ нижняя титева; сквозь эти кольца тетива протискивается по самому дну, а потому неводъ идетъ въ водѣ, распространивши крылья, и подъ низъ рыба уже не уходитъ. Ватаманы-жъ у самой высохи расчищаютъ ледокъ и грязь, расправляютъ неводъ, а между тѣмъ, если старшій ватаманъ замѣтитъ какую-либо ошибку въ неводѣ, учиненную кожеурами при отпускѣ въ воду невода, или чьи сѣти въ дырѣхъ и не почилены, или слабо тлнуть пехтери и кожеуры, тогда изъ своей гортани выпускаетъ съ крикомъ всѣ накопленные имъ въ теченіе своей жизни ругательства, а въ случаѣ недостатка оныхъ, помогаетъ ему въ томъ и младшій ватаманъ; за всѣмъ тѣмъ часто случается, что старшій ватаманъ соскакиваетъ съ своего мѣста къ пехтерямъ и кожеурамъ и своимъ *сваломъ* съ порядочнаго размаха прикладывается къ спинамъ виновныхъ и лѣнливцевъ. иногда приговаривая: въ кабакъ помиримся. Претензій по сему случаю никогда не бываетъ, потому что послѣ ни одинъ ватаманъ не возьметъ строптивца къ себѣ въ ловцы. Вытаскиваемый неводъ прямо изъ воды 4-мя человекъ укладывается на дровни; по вытяжкѣ перваго точно такимъ же порядкомъ вытягиваютъ другой неводъ. По разсортированіи рыбы старшій ватаманъ надвѣяетъ просящихъ, глядя по человекъ; тутъ же и продается рыба, а не то, если поторопятся дѣлать другую тоню, остается по-часту рыба на мѣстѣ подъ надзоромъ мокрика, и тогда продаются объ тони вечеромъ или на другой день.

5) Покупаютъ рыбу рыбаки, крестьяне одновотчинные съ ловцами, поозеры, а стороннихъ никого не бываетъ, по древнимъ ихъ правиламъ. Во время зимняго лова каждодневно на озерѣ бываетъ отъ 200 и до 500 рыбацкихъ коней, въ числѣ коней изъ рыба-

ковъ другой одинъ имѣть 5 коней, и на каждую лошадь долженъ посадить человека, потому что лошадь безъ человека въ счетъ рыбачій не входитъ; и потому рыбаки, если имѣть 3 или 4 лошади, то своихъ дѣтей, а если ихъ нѣтъ, то и стороннихъ ребяташекъ нанимаютъ, разсаживаютъ ихъ на каждую лошадь порознь: на одну—мальчика, на иную—дѣвочку, а иногда и большія садятся дѣвки. Ребята на стану, одѣтые въ прабабушкины костюмы, кучами играютъ по озеру и ѣдятъ сайки, кои привозятся торгошами, а большіе рыбаки, скопившись на стану въ одну кучу, считаютъ, сколько въ озерахъ налову того дня двойничкихъ неводовъ и какіе именно ватаманы, потому что иногда ихъхъ не бываетъ, — и если неводовъ, примѣрно, 10, а рыбачихъ коней 200, то они раздѣляются на *пай*, по 20 коней на неводъ; потомъ кидаютъ между собою жеребей, на какого именно ватамана достанется каждому паю вѣсть. Когда раздѣдется каждый пай на своего ватамана, то рыбаки, глядя на рыбу, смекнуть между собою о цѣнѣ, и, по общему согласію, положить *слазу* на лишнихъ лошадей, которыя нейдутъ при покупкѣ въ жеребей, — при хорошей рыбѣ рублей по 5 асс. или по 1 р. сер. на каждую лошадь, а иногда и по гривеннику, — выдадутъ съдокамъ деньги, и тѣ разѣзжаются, а сами, остающіеся покупатели, покупаютъ рыбу сообща и прилагаютъ къ сему числу, что выдано слазу, и рассчитываются между собою.

б) Ватаманы съ ловцами, по накопленіи за уловъ двойничкаго невода общей братской суммы не менѣе 2 или 3 тысячъ ассигнаціями, дѣлятъ деньги на однихъ коней въ неводу бывшихъ, т.-е. на 16 долей; но прежде сочтутъ, сколько прогуляно на попойкахъ и ирѣдено на сайки, кои изъ кучи отложатъ, а остатки уже и раздѣлятъ по-ровну. Для этой цѣли учреждены у нихъ *расправы* въ домахъ ватамановъ; ватаманы получаютъ равную долю съ прочими ловцами. Послѣ расправы тутъ же у ватамана въ домѣ садятся за обѣдъ, на который полагается 25 р. съ общества, угощаются виномъ, и за послѣднимъ сладкимъ пирогомъ сама ватаманша, нарядившись и при блѣомъ фартуку, держа въ рукахъ штофъ со сладкой водкой, подносить по рюмкѣ ловцу, и каждый изъ нихъ, принимая оную, провозглашаетъ: «Ахъ, ты моя пирожница! твой мужъ мнѣ отецъ, а ты мать,» — любя выпиваетъ до дна и кладетъ подносицу въ фартукъ серебряную монету. Послѣ угощенія разѣзжаются, иной на конѣ, а иной на природной четверинкѣ, ракушкомъ, отмораживая руки и ноги.

Сообщ. И. КУПРИАНОВЪ.

Новгородъ

ВО ВЛАДИМИРѢ, при копаніи земли въ бульварномъ саду, съ южной стороны, найдено много старинныхъ монетъ, но онѣ рабочими розданы разнымъ лицамъ. На нѣкоторыхъ монетахъ надписи: «*Великій Князь Иванъ*»; на лицевой же сторонѣ изображенъ всадникъ, ѣдущій на конѣ, замахивающійся саблею. Рабочіе разсказываютъ, что одна монета отдана кому-то съ надписью: «*Князь Александръ*». Если это правда, то монета, вѣроятно, принадлежитъ времени княженія Александра II Михайловича, получившаго въ 1326 году отъ хана Узбека грамоту на великое княженіе Владимірское.

НАДГРОВНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ВО ВЛАДИМИРСКОМЪ ДМИТРІЕВСКОМЪ СОВОРѢ. Этотъ памятникъ устроенъ надъ могилою, или, вѣрнѣе, подлѣ могилы графа Романа Иларіоновича Воронцова, дѣда Его Святлости нынѣшняго Намѣстника Закавказскаго края Михаила Семеновича Воронцова (*). Памятникъ находится при южной стѣнѣ, на которую падаетъ таинственный полусвѣтъ сквозь узкое окно западной стѣны, устроенное подлѣ самою аркою храмовой галлерей или хоровъ, гдѣ находятся древнія библейскія и евангельскія изображенія. Главное лице памятника изображаетъ сѣдующую женщину, но въ сѣтованіи ея прекрасно выражается тихая, кроткая печаль съ надеждою на жизнь замогильную, съ надеждою, что тамъ снова соединится близкіе сердцу. Правую рукою она оперлась на урну. У ногъ ея сидятъ, съ премилымъ, безмятежнымъ личикомъ, съ головкою, покрытою волнистыми волосами, младенецъ, при видѣ котораго невольно вспоминаешь слова Шиллера:

Взгляни на младенца: просторъ и покой
Въ его колыбели, качаемой няней,
Но вы пролетите, какъ сонъ золотой,
Невинные годы...

Подлѣ младенца изображенъ, и, можетъ быть, какъ символъ материнской нежной любви, пеликанъ (**).

Вся эта группа изъ драгоценнаго Каррарскаго бѣлаго мрамора производитъ прекрасный эффектъ; она стоитъ на превосходно устроенномъ пьедесталѣ изъ бѣлаго же мрамора; низъ пьедестала укра-

(*) При возобновленіи Дмитріевскаго собора, когда выносили изъ него землю, насыпанную на аршинъ, и, конечно, въ позднѣйшія времена, ибо цоколь зданія и краски стѣнъ скрывались подлѣ землею,—оказалась и могила графа, сводъ которой, осипанный слюдою, простирался почти до самаго пола. По разборкѣ свода, виднѣн былъ дубовый гробъ графа, обложенный маляновымъ бархатомъ. Нынѣ сводъ опущенъ и лежитъ надъ самымъ гробомъ.

(**) Птица, нежно-любящая своихъ дѣтей.

шаетъ свѣрый мраморъ. Въ средину его вдѣлана черная мраморная же доска, на которой золочеными чрезъ огонь буквами начертана слѣдующая надпись:

«Почивающему Графу Роману Ларионовичу Воронцову, Генералъ-Аншефу, Сенатору, Дѣйствительному Камергеру, Владимірскому и Костромскому Государеву Намѣстнику, орденовъ: Св. Апостола Андрея, Александра Невскаго, Св. Владиміра, Польскаго бѣлаго Орла и Св. Анны кавалеру, родившемуся въ 1717 году Іюня 17 дня, скончавшемуся во Владимірѣ, Ноября 30 дня, 1783 года».

«Надгробную сію поставили сыновья его Графы Александръ и Семень Воронцовы, въ лѣто 1804».

«Возобновилъ внукъ Графъ Михаилъ Воронцовъ въ 1841 году».

Плита, къ которой придѣланъ памятникъ, изъ свро-дикаго мрамора, имѣетъ видъ пирамиды и возвышается надъ памятникомъ, опоясаннымъ съ трехъ сторонъ чугуною рѣшеткою, на которой съ лицевой стороны блеститъ бронзовый, превосходно вызолоченный гербъ графа.

Въ срединѣ герба изображены два розана и вѣтка съ тремя листочками, а надъ ними, между треугольниками—три звездочки. Верхъ герба украшенъ коронованнымъ двуглавымъ орломъ. По обѣимъ сторонамъ герба стоятъ кони съ графскими коронами на грудяхъ, надъ которыми помѣщена арматура, а внизу лента.

Вся южная стѣна, до самой арки, съ древними изображеніями ея, росписана темными красками; онѣ изображаютъ какое-то загадочное строеніе въ видъ грота. Памятникъ помѣщается среди мрачнаго входа въ него, а потому эффекта гораздо болѣе.

ВЪ ПЕРЕСЛАВЪ-ЗАЛЪСКОМЪ, 17 августа, совершилась година, когда владимірское дворянство праздновало торжественное открытіе памятника Императору Петру Великому на берегу Плещеева озера, близъ села Велькова, — событіе, достойное патриотическихъ чувствъ русскаго дворянства.

Подъ особымъ наблюденіемъ его превосходительства г. губернскаго предводителя дворянства С. Н. Богданова и переславскаго уезднаго предводителя дворянства Ѳ. П. Малова, мѣсто, гдѣ воздвигнутъ памятникъ Петру I-му, находится въ величайшемъ порядкѣ и священной сохранности, равно какъ и драгоценные остатки бывшей тамъ флотилии. Любопытно взглянуть, что здѣсь, чрезъ годъ, ничего не измѣнилось. Всюду чистота, всюду опрятность и рѣдкая внимательная заботливость ко всему, тутъ находящемуся. Тотъ, кто былъ при торжествѣ въ 1852 году, августа 17, вѣроятно, не мало

удивился бы теперь, не встрѣтивъ рѣшительно никакой перемѣны, кромѣ того, что съ лѣвой стороны отъ ботика виднѣется вновь начатое каменное зданіе для пріѣзда посѣтителей, заложненное въ июль нынѣшняго года г. губернскимъ предводителемъ С. Н. Богдановымъ, сооружаемое изъ матеріаловъ, пожертвованныхъ переславскимъ купечествомъ. Тѣ же разноцвѣтные флаги морскихъ дивизій окружали памятникъ и развѣвались въ воздухѣ надъ павильономъ и зданіемъ, гдѣ хранится ботикъ Петра I-го; тотъ же ясный прохладный день, та же толпа любопытныхъ и гуляющихъ, и наконецъ почти то же общество дворянъ и начальниковъ, какое было назадъ тому годъ! Да, переславское дворянство не забыло этого дня! Признательное къ благому минувшему, оно составило особую денежную подписку съ тѣмъ, чтобы день 17 августа провести въ приличномъ удовольствіи при ботикѣ въ воспоминаніе бывшаго торжества и незабвенныхъ дѣяній Великаго Монарха.

По предварительному приглашенію переславскаго уѣзднаго предводителя дворянства, г. начальникъ губерніи генералъ-лейтенантъ Владиміръ Егоровичъ Анненковъ, прибывшій въ городъ Переславль по дѣламъ службы, и губернский предводитель дворянства статскій совѣтникъ С. Н. Богдановъ отправились отсюда въ назначенный часъ къ ботику Петра Великаго. Около 3-хъ часовъ собрались уже все окружныя помѣщики и дворяне Переславскаго уѣзда. Въ это время привезены были изъ г. Переславля найденныя тамъ старинныя двѣ пушки и три фальконета, которые и расположены близъ памятника, какъ рѣдкость, относящаяся къ временамъ Петра Великаго. Переславскій дворянинъ г. Скиаданъ представилъ губернскому предводителю также старинную книгу подъ названіемъ: «Морской Уставъ Петра I-го», для храненія, какъ вещь, соответственную своему назначенію при ботикѣ.

Археологъ г. Савельевъ, въ бытность свою въ селѣ Вельковѣ, взрывая курганы, гдѣ былъ дворецъ Петра Великаго, нашелъ вещи, относящіяся ко временамъ Петра: желѣзную шпору, качадыкъ—орудіе для плетенія лаптей, и пули; кромѣ того открылъ въ нижнихъ слояхъ кургана мѣсто, гдѣ, до введенія христіанства, жители, обитавшіе на берегу Плещеева озера, известные въ исторіи подъ именемъ племени «Яри», сожигая тѣла умершихъ, клали прахъ въ горшочки въ родѣ урны, и прикрывали мхомъ. Такихъ гробницъ г. Савельевъ открылъ цѣлый рядъ, и одинъ изъ горшковъ, вмѣстѣ съ вышеозначенными найденными имъ вещами, представилъ при оффиціальной бумагѣ г. предводителю.

Какъ и въ прошедшемъ году, мѣсто это оживилось. Нѣсколько раскинутыхъ палатокъ свидѣтельствовали объ открытіи однодневной ярмарки. Тишина и уединеніе, господствующія здѣсь почти во весь годъ, были прерваны шумомъ общаго говора, звонкимъ и пріятнымъ смѣхомъ дамъ, которыхъ изысканные наряды такъ мило разнообразили толпу, движущуюся по аллеѣ, окаймленной прелестными цвѣтами. Картина мѣстоположенія увлекательна: предъ вами величественно разстилается огромное озеро съ пвнящимися волнами, и далеко уноситъ взоръ вашъ, исполненный наслажденія; нѣсколько десятковъ рыбацкихъ лодокъ, безопасно скользящихъ по этой колеблющейся стихіи, дополняютъ картину.

Въ павильонѣ, на столахъ, украшенныхъ фруктами, плодами, конфектами и натуральными цвѣтами, приготовлено было до 80-ти приборовъ. Музыка (*) заиграла маршь, гости по приглашенію хозяина праздника заняли мѣста за обвденнымъ столомъ. Послѣ первыхъ блюдъ слѣдовали задравные тосты: Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника Цесаревича и всего Августѣйшаго Дома. При произнесеніи этихъ первыхъ тостовъ, музыка проиграла гимнъ «*Боже Царя храни*» и туши; присутствующіе прокричали громкое *ура*, которое отозвалось столь же единодушно и въ народъ, окружавшемъ павильонъ. Потомъ были предложены тосты: за здоровье его высокопревосходительства г. министра внутреннихъ дѣлъ, его превосходительства г. начальника губерніи генералъ-лейтенанта Владиміра Егоровича Анненкова, его превосходительства г. губернскаго предводителя Сергѣя Никаноровича Богданова, переславскаго предводителя Феоносія Петровича Малова и тамошняго дворянства, сопровождавшіеся обычными привѣтствіями.

По окончаніи обѣда, спустя нѣсколько времени, начались танцы. Это небольшое общество видимо было одушевлено непритворною веселостію и любезностію.

Аллея, идущая отъ памятника къ павильону, освѣтилась разноцвѣтными фонарями, а лицевая и боковая стороны самаго павильона были убраны также разныхъ цвѣтовъ стаканчиками. По озеру плавала иллюминированная огнями лодка. Паркъ и прочія окрестности освѣщены были множествомъ плашекъ. Но этимъ не окончилось. Переславскій помѣщикъ г. Грузиновъ, любитель потѣшныхъ огней и знатокъ этого дѣла, приготовилъ подъ своимъ руководствомъ фейерверкъ, который и приказалъ сжечь по случаю этого праздника.

(*) Выписанная изъ Владиміра.

Превосходно устроенный и украшенный разноцвѣтными бенгальскими огнями вензель Государа Императора былъ предметомъ восторженнаго крика въ народъ *ура!* При чемъ музыка играла гимнь: *«Боже Царя храни!»* При непроницаемой темнотѣ ночи, пущенныя ракеты, зажженныя римскія свѣчи, капризы, колеса и проч., произвели прекрасный эффектъ, но въ особенности возбудилъ всеобщее громкое одобреніе буракъ, вмѣщавшій въ себѣ до 7 фунтовъ пороху. До самаго окончанія фейерверка погода была благоприятная, но тутъ измѣнилась, и проливной дождь заставилъ веселыя толпы гражданъ и народа возвратиться въ свои дома, и тамъ, подъ зашитую отъ непогоды, рассказывать о видѣнныхъ ими диковинкахъ. Дай Богъ, чтобы и на будущее время это мѣсто, священное по воспоминаніямъ о подвигахъ Ввѣченоснаго Предка нынѣ благополучно Царствующаго Августѣйшаго Государа Императора Николая Павловича, было хранимо, какъ залогъ народной благодарности къ памяти Великаго, и посвящено въ день 17 августа всѣми Его чтящими

(Влад. Губ. Взд.)

А. ТАНКОВЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

БѢДНАЯ НЕВѢСТА, — КОМЕДІЯ ОСТРОВСКАГО, НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНѢ.

Еще пріятное явленіе на нашей сценѣ, еще торжество талантливыхъ Московскихъ актеровъ. 20 августа шла въ первый разъ на нашемъ театрѣ комедія Островскаго: *Бѣдная невѣста*, давно уже извѣстная нашимъ читателямъ. Мы не станемъ рассказывать ея содержанія; а скажемъ только объ игрѣ артистовъ, въ высшей степени замѣчательной, отдѣланной, ровной. Съ перваго взгляда было видно, что всякій изъ нихъ проникнутъ любовью къ своей роли, взвѣшиваетъ и чувствуетъ каждое слово; было видно, какъ благотворно подвѣствовало на нихъ явленіе на сценѣ первой пьесы того же автора, и трудъ, употребленный тамъ, далъ плоды и здѣсь. Съ самаго начала до конца зритель рѣшительно забывалъ, что онъ въ театрѣ: передъ нимъ проходила настоящая жизнь, дѣйствительная драма жизни. Мы даже думаемъ, что игра нашихъ артистовъ въ этотъ разъ была никакъ не хуже лучшихъ представленій первой пьесы Островскаго: *Не въ свои сами не садись*. Это, можетъ быть, единственная серьезная пьеса, которая пошла такъ съ перваго разу.

Роль невесты занимала умная и образованная артистка Е. Н. Васильева, и исполнила ее такъ, что ничего не остается лучше желать. Главное достоинство ея игры — простота и естественность отъ начала до конца, умные сказать самое обыкновенное, *какъ бы незначащее слово*, такъ, что оно откликается въ сердце зрителя и зритель его запоминаетъ. Это гораздо труднѣе, чѣмъ вызвать рукоплесканія патетической сценой, которая и безъ того выдается впередъ, и нѣтъ возможности пропустить ее мимо. И такъ вотъ въ чѣмъ, въ этомъ умныи—заставить зрителя выслушать *все, что требуется пьесой*, — заключается главное достоинство игры г-жи Васильевой, и потому трудно указать, что у нея было лучше. Что касается до насъ — по нашему мнѣнію въ особенности хорошо была сыграна сцена объясненія съ матерью, — гдѣ эти слова *не могу, не могу, не могу...* и вслѣдъ за тѣмъ разговоръ съ Меричемъ, въ которомъ потрясающими звуками отдались въ сердце каждаго слова: *что же мнѣ сказать тебѣ: женись на мнѣ? Пощади меня!* и потомъ: *я къ тебѣ бросаюсь на шею, а ты оглдываешься, не увидаль бы кто!* И многія, и многія другія. Необыкновенно хороша была сцена игры въ карты съ Милашинымъ. Какое широкое поле представлялось тутъ рутинѣ, этому известному истерическому сивуху сквозь слезы, отъ котораго иногда бѣжалъ бы изъ театра, а между тѣмъ какъ вѣрна осталась сама себѣ артистка въ этой трудной сценѣ, гдѣ одинъ лишній жестъ могъ все испортить. Нѣмая сцена, заключающая это явленіе передъ приходомъ матери, когда Марья Андреевна задумывается, утираетъ лицо платкомъ и потомъ спрашиваетъ у Милашина: *кому ходить? мнѣ?* — эта сцена выше всякихъ похвалъ.

А какъ хорошъ былъ Шумскій въ роли старика Добротворскаго. Лучшее мѣсто у него — разговоръ съ невестой послѣ ссоры съ матерью, рассказъ о томъ, какъ онъ зналъ старика отца, и что онъ сказалъ, умирая. Удивительно-натуральны были эти всхлипыванья, замиранія слабого стариковскаго голоса, прерываемаго чувствомъ воспоминанія. Хороша также бесѣда съ матерью невесты за чаемъ. Какъ неподражаемо было произнесено: *хорошій человекъ взялъ (шестипалую) — и ничего!* Роль Беневоленскаго занималъ Садовскій. Мы рѣдко видали исполненіе отчетливѣе, добросовѣстнѣе. Трудность заключалась въ томъ, чтобы явить особенный типъ чиновника, который довольно близко граничитъ съ подъячимъ, но все-таки не подъячій, онъ занесъ ногу выше, онъ хочетъ казаться чиновникомъ облагороженныхъ формъ, однако же и не такой чиновникъ; типъ въ высшей степени трудный, чуть не дотянуль — и все пропало, и нѣтъ никакой роли, и передъ вами избитое, бездушное ли-

цо. Но побѣдителемъ вышелъ отсюда Садовскій, онъ не сбился ни разу. Онъ представилъ именно то лицо, которое выведено авторомъ. Походка, голосъ, поклоны. — все соответствовало исполняемой имъ роли. Монологъ его передъ публикой въ послѣднемъ актѣ — верхъ совершенства. Заслуженная артистка А. Г. Сабурова, занимавшая роль матери, была преимущественно хороша въ томъ мѣствѣ, когда она слышитъ отъ Хорьковой о посвященіи Мерича, и потомъ выговариваетъ дочери. Роль Милашина занималъ Васильевъ. Эта роль гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляду. Какъ въ Беневоленскомъ подъячій граничить съ облагороженнымъ чиновникомъ, такъ здѣсь влюбленный молодой человекъ недалежнаго ума граничить съ обидчивымъ глупцомъ. Эти срединныя, эти лица ни то, ни се — всего труднѣе для артиста. И надо признаться, Васильевъ угадалъ этотъ характеръ какъ нельзя лучше. Сквозь личину худо скрываемаго спокойствія у него ярко проглядываетъ недовольство своимъ положеніемъ, любовь къ Марьѣ Андреевнѣ, движущая всѣми его поступками, слышится въ тонѣ въ голосѣ. Трудно лучше попасть въ тонъ. Особенно же хорошъ г. Васильевъ въ сценѣ, когда невѣста диктуетъ матери письмо къ жениху: молча весь кипитъ и волнуется Милашинъ, и нельзя его не видѣть, хотя главное дѣйствіе въ эту минуту происходитъ въ другомъ концѣ сцены. Все, что мы можемъ замѣтить ему, — это нѣсколько комическихъ жестовъ, проскользнувшихъ вначалѣ. Но это конечно исчезнетъ въ послѣдующія представленія. Г. Васильевъ обладаетъ такимъ талантомъ, которому доступно разрѣшеніе тайнъ искусства и въ которомъ много драматическаго. Хорькова — Полтавцевъ, говоря вообще, была очень хороша, прекрасно произнесъ этотъ прекрасный прощальный монологъ передъ невѣстой. Но къ чему эти трагическія размахистыя паденія на колѣни? Отъ чего бы не стать просто?... Г. Черкасовъ не дурень въ роль Мерича, но не мѣшало бы придать еще болѣе небрежной развязности этому лицу, еще болѣе свѣтскихъ приемовъ избалованнаго волокиты. Со стороны, такъ сказать, держанія себя, эта роль представляеть не мало игры и затрудненій. Г-жа Акимова въ роляхъ бойкихъ, заносчивыхъ барынь, какъ напримѣръ Хорькова, неподражаема. Трудно сыграть лучше сцену объясненія за сына съ матерью невѣсты, какъ сыграла она. А слово *Миша!*, съ которымъ уходитъ она изъ сада, напоминая сыну, чтобы не звалъ, — просто удивительно. Остаются — г-жа Кашина (Дарья), г-жа Кавалерова (сваха Карповна) и г-жа Нѣмчинова (сваха Панкратьевна). Всѣ они были на своихъ мѣстахъ и играли удовлетворительно, но какъ лица второстепенныя, нѣсколько скрылись за тѣми, на которыхъ держится интересъ драмы.

Вообще этотъ день есть день памятный для истинныхъ любителей драматическаго искусства. Театръ, несмотря на лѣтнее время — былъ полонъ самой образованной публикой. Въ заключеніе вызвали автора. Артисты же были вызываемы послѣ всякаго акта *съ эмствъ* — единодушными рукоплесканіями.

В.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЗА ГРАНИЧНЫЯ.

Последній мѣсяцъ лондонскаго сезона.—Смотръ флота.—Корабль-исполнѣе.—Флотская милиція. Возстаніе въ Китаѣ.—Соборъ Англиканскаго духовенства.—Иудеи на Босфорѣ.—Гибель Константинополя за корицу и смородину.—Англичане, миткаль, Греки и пудинги.—Английскія гувернантки въ гаремѣ.—Танцовщица-гувернантка.—Выгоды быть раздавленнымъ на желѣзной дорогѣ.—Пари за жизнь при говоренныхъ къ смерти. Страховыя плутни.—Английскіе журналы.—Англія подъ хрустальнымъ колпакомъ.—*Times* и трактирщики.—Журналы-врачи.—*Qui compte avec son hôte, compte deux fois*.—Москва за столомъ.—Комета театральнаго міра.—Севильская ласточка.—Танецъ на столѣ.—*La Perla di Andalusia*.—Соловей, поцѣлуй и рюмка.—Слезы матери.

Въ послѣдній мѣсяцъ лондонскаго сезона собралось туда множество туристовъ: Русскіе, Нѣмцы, Французы и проч.

Смотръ флота показалъ, въ огромныхъ размѣрахъ, новую его систему, осуществленіе многихъ улучшеній, введенныхъ наукою въ кораблестроеніе, примѣненіе пара и всѣхъ изобретеній, содѣйствующихъ этому двигателю, неизвѣстному морякамъ за полвѣка предъ симъ, противъ котораго многіе ветераны флота, не болѣе какъ за двадцать лѣтъ, противопоставили въ возраженіе рутину. Введеніе почти безусловно свободной торговли такъ же удивительно въ Парламентъ, какъ введеніе спиральнаго винта въ парходномъ флотѣ. Такъ же неожиданно совершенное преобразованіе системы податей, произведенное въ этомъ году канцлеромъ казначейства г-мъ Гладстономъ, отсрочившимъ еще на семь лѣтъ подать съ доходовъ и распространившимъ обязательную силу этого закона даже на Ирландію, съ незначительными измѣненіями. Пошлина съ наслѣдствъ признака образцомъ самыхъ глубокомысленныхъ соображеній, въ странѣ, гдѣ

собственности завѣщанная остается и теперь неприкосновенною святынею. Тарифы переправлены г-мъ Гладстономъ еще съ большою свободою, чѣмъ его наставникомъ сэромъ Робертомъ Пилемъ; пошлина съ мыла отменена, равно какъ пошлина съ газетныхъ объявленій; теперь достаточно одного штемпеля для корпуса журнала и для приложений. Биль на счетъ Остъ-Индской хартіи приготовляетъ переворотъ, который окончательно устранить знаменитую компанію; управление огромнымъ капиталомъ въ *пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ* стерлинговъ, составляющимъ основаніе благотворительныхъ вкладовъ, перешло изъ рукъ частныхъ вкладчиковъ въ распоряженіе правительственной комисіи. Не говоримъ уже о множествѣ административныхъ и судебныхъ биллей, составленныхъ комитетами Нижней Палаты.

Упадокъ странный и неожиданный, это — упадокъ манжурской династіи въ Китаѣ. Лондонскіе журналы не сомнѣваются болѣе въ ея гибели, потому что собрать ихъ, журналы гонгъ-конгскіе и другихъ портовъ *Срединной имперіи*, измѣнили языкъ, и называютъ китайскихъ мятежниковъ уже не мятежниками, а патриотами. Признакъ вѣрнень. Между тѣмъ послѣднія извѣстія, вмѣсто того чтобы разрѣшить наши недоумѣнія на счетъ причинъ возмущенія, еще ихъ усиливаютъ. Ничто не удостоверяетъ въ томъ, что инсургенты возстали подъ хоругвию Креста. Кажется, что подъ знамя мятежа, какъ это и всегда бываетъ, собрались отверженцы всѣхъ сектъ и всѣхъ партій, (каково! секты и партіи въ Китаѣ!)

Но возвратимся въ Лондонъ. Тамъ чуть было не составилъ соборъ англиканскаго духовенства, которое признаетъ, что королевскій актъ, созывающій ежегодно парламентъ, относится и къ нему. Разумѣется, что духовенство отсрочиваетъ свои засѣданія такъ, чтобы королева успѣла распустить палаты. Въ этомъ году архіепископъ конторберрійскій назначилъ съездъ 18 августа. Нѣсколько духовныхъ лицъ явились въ собраніи, но число ихъ было такъ мало, что они не рѣшились открыть свой духовный парламентъ. Никогда духовенство не имѣло лучшаго случая поспорить и привести въ замѣшательство кабинетъ, но оно и не помышляетъ о томъ; даже въ сокращеніи богатыхъ окладовъ на содержаніе епископовъ англиканское духовенство сдѣлалось уступчиво.

Одинъ изъ духовныхъ писателей Англіи М. Г. С. Феберъ общааетъ Европѣ новое библейское царство, въ сочиненіи своемъ:

Паденіе Турціи и возвращеніе десяти племенъ Израэля. Идея истинно люминозная! Преобладаніе Евреевъ начинается быть ощутительно въ европейскомъ обществѣ; Византійской имперіи Европа возстановитъ не хочетъ. Зачѣмъ же стало дѣло? попросить Турокъ перебраться въ Азію и на ихъ мѣсто возстановитъ Израэля и Іудею. Исполать вамъ, г. Феберъ; славную штуку вы придумали!

Въ Лондонѣ есть еще молодець, ужъ подлинно ходокъ по дѣламъ восточнаго вопроса. Это *Е. Е. Кроу*; онъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Греки и Турки, или будущность Востока*. Вотъ что онъ предлагаетъ: выправить Турокъ въ Бруссу, или въ Адрианополь, скрыть до основанія великолѣпный Константинополь, совмѣщающій всѣ выгоды Лондона съ его Темзою, Неаполя съ его заливомъ, Дублина съ его бухтою, Венеціи съ ея морскими укрѣпленіями. Онъ совѣтуетъ на первомъ конгрессѣ распорядиться такъ: отдать Франціи всю малую Азію, а Англии уступить западный Пелопонесъ... и знаете ли, почему? Англичане, говоритъ онъ, болѣе всѣхъ народовъ потребляютъ коринки и известнаго рода смородины, *currants*, которую нарочно для нихъ сушатъ на островахъ Архипелага. Надобно знать, что король Оттонъ, въ одну бѣдственную для Англичанъ минуту, обложилъ высокою пошлиною эти произведенія, необходимую приправу всей многочисленной семьи пудинговъ. Г. Кроу не можетъ этого простить королю Оттону, котораго подданные такъ дешево покупаютъ манчестерскій миткаль. О безсмертныхъ тѣни Пелопида и Сиднея, Тимолеона и Гемидена, выслушайте неотразимые поводы, побуждающіе автора желать слѣдствія судебъ воинственнаго Пелопонеса съ судьбами либеральной Англии: «Англія и Пелопонесъ, гласитъ г. Кроу,—кажется, созданы одна для другаго. Англичане болѣе всѣхъ народовъ любятъ коринку и сущенную смородину; ихъ жадность къ пудингамъ съ надлежащею приправою—безпредѣльна. Грекъ расточителемъ въ употребленіи главнаго издѣлія Англии, бумажныхъ тканей, то на объемистые шальвары, въ видѣ сбористой юбки такъ граціозно окутывающіе его станъ, то на простыни, на занавѣски, на мебель и проч. По-этому необходимо, чтобы Англичанинъ былъ въ Патрасѣ какъ дома, а Грекъ былъ не чужой въ Манчестерѣ.» Что касается до Турокъ, г. Кроу твердо убѣжденъ, что имъ не выбрести изъ грязи невѣжества, если они не вздумаютъ поручить воспитаніе своихъ дѣтей англійскимъ гувернанткамъ. Онъ требуетъ, чтобы *Гауупъ* гарема (старшая нянька) была непременно Англиканскаго исповѣданія. Лордъ Страдфордъ, рассказываетъ г. Кроу, вы-

писаль было изъ Англїи гувернантку для одного папы, своего друга, но она опоздала. Когда она прїѣхала въ Константинополь, папа уже принялъ въ наставницы французенку, женщину, какъ его увѣряли, съ отличными достоинствами. Вышло на повѣрку, что гувернантка-французенка была танцовщицей на театрѣ парижской Большой оперы, погосорилась съ директоромъ и прїѣхала въ Константинополь преподавать уроки танцевъ и нравственности. Изъ этого видно, что преобразование Турокъ приличнѣе ввѣрить англійскимъ миссіонерамъ, чѣмъ десяти племенамъ Израэля и парижскимъ отставнымъ танцовщицамъ.

Поѣдмте въ Англїю, читатель. Чтѣ за страва! чудеса на каждомъ шагу. Мы, пожалуй, возьмемъ быть вашимъ чичероне, все показать, все разсказать вамъ, но предупреждаемъ, что мы и шагу не сдѣлаемъ, не войдемъ ни въ одинъ вагонъ желѣзныхъ дорогъ, не застраховавъ предварительно свою жизнь. Да и кто же не сдѣлалъ бы этого на нашемъ мѣстѣ. Не утѣшно ли туристу знать, что онъ въ продолженіи двѣаго мѣсяца стѣдитъ тысячу фунтовъ стерлинговъ. Повзжайте изъ Лондона въ Дублинъ, заплатите пять шиллинговъ (1 р. 75 к. с.) и засыпайте спокойно съ первой станціи. Васъ можетъ взорвать на воздухъ съ паровымъ котломъ, васъ можетъ расплюснуть въ красный блинъ встрѣчный повздъ, вашъ трупъ будетъ изувѣченъ, изуродованъ, такъ что родная мать его не признаетъ,— все это не бѣда—пусть принесутъ его въ контору страховаго общества съ привѣщеннымъ къ нему, вмѣсто ярлыка, страховымъ билетомъ, и контора выплатитъ вашимъ наследникамъ 6,125 рублей серебромъ. Если же наследниковъ не окажется, и вы предвидѣли этотъ случай при застрахованіи, тогда васъ похоронятъ со всѣми почестями, со всѣмъ великолѣпїемъ, какое только можно имѣть за этъ деньги въ Англїи. Теперь вошло въ моду застраховывать себя, отправляясь по желѣзной дорогъ. Съ такимъ билетомъ въ карманъ, человекъ, даже вовсе не честолюбивый, чувствуетъ свою посмертную стоимость. Вы улыбаетесь, слушая разсказы вашихъ спутниковъ о бѣдственныхъ случаяхъ, какъ недавно улыбались пассажиры въ дилижансахъ при разсказахъ о разбойникахъ. Застраховать себя на нѣсколько лѣтъ обошлось бы слишкомъ дорого и какъ-то совѣстно: кто рвнится обирать на-вѣрняка страховое общество? но на одинъ мѣсяць—игра ровная; это лоттерей, и выплаченная за васъ премія не будетъ лежать на вашей совѣсти при жизни, и не прибавитъ вѣсу вашему надгробному камню по смерти. Хотите? рекомендуемъ вамъ: *Railway passengers assurance, old Broad street N 3.*

Замѣьте притомъ, что застраховавъ себя на одинъ сезонъ путешествій, противъ непрошенныхъ встрѣчъ и прочихъ неконфертабельныхъ случаевъ на желѣзной дорогѣ, вамъ ничто не мѣшаетъ застраховать себя, кромѣ того, на цѣлое странствіе по пути жизни, говоря метафорой, которой переносный смыслъ часъ отъ часу болѣе приближается къ точному, благодаря кочевымъ привычкамъ нашего времени. Застрахованіе—это характеристическая особенность англійскихъ нравовъ, и нечему дивиться, что въ Англии слишкомъ полтораста страховыхъ обществъ на жизнь, которыхъ капиталъ составляетъ въ совокупности 200 мил. ф. ст. (слишкомъ 1,200 мил. р. сер.). Г. Френси, издавшій уже *Исторію Биржи и Исторію Банка*, вздумалъ написать *Исторію страховыхъ обществъ на жизнь*. Если бы книга эта была такъ хороша, какъ двѣ первыя, она разошлась бы въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ; каждый застрахованный охотно бы купилъ ее, тѣмъ болѣе, что г. Френси собралъ множество и трагическихъ и забавныхъ анекдотовъ. Свранно однако же, что страховыя общества, даже въ этой странѣ спекулантовъ, съ трудомъ дошли до настоящаго успѣха. Злоупотребленія были главнымъ тому препятствіемъ. Нашлись спекулянты, которые вводили публику въ обманъ мнимыми капиталами и потомъ исчезали съ казною акціонеровъ. Правительство должно было вмѣшаться въ это дѣло и прекратить множество злоупотребленій, а въ томъ числѣ нѣкоторыя очень замысловатыя. На-примѣръ: какой-нибудь спекулантъ застраховывалъ васъ безъ вашего вѣдома, на свое имя, предполагая, что вы будете долговѣчные кощей, или ваше слабое сложеніе скоро сведетъ васъ въ могилу. (*) Это были просто пари, которыя исказились до того, что спекулянты начали держать заклады на жизнь подсудимыхъ преступниковъ, которымъ угрожала смертная казнь. Когда разстрѣляли адмирала Бинга, смерть его причинила огромныя потери тѣмъ, которые не хотѣли вѣрить, что христіанская Англія въ состояніи поступить съ побѣжденными ею генералами, какъ языческой Каррагенъ. Въ 1809 году сэръ Маркъ Сайксъ, подгулявъ на званомъ обѣдѣ, обязался противъ заклада въ сто гиней, платить по гиней въ сутки, пока будетъ живъ императоръ Наполеонъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ принялъ пари, отсчиталъ сэру Марку

(*) Представя обществу капиталъ, вы, или другой по вашему назначенію, можете получить на жизнь извѣстную ежегодную пенсію, далеко превышающую обычныя проценты, и на-оборотъ, платя ежегодно извѣстную сумму, вы можете завѣщать кому угодно соответственный капиталъ, который общество выплатитъ послѣ вашей смерти.

сто гиней и получалъ три года по гиней въ день, но по прошествіи трехъ лѣтъ сэръ Маркъ отказался платить. Завязалась тяжба, и судъ освободилъ сэра Марка отъ этого процентнаго погашенія, по поводу незаконной нормы процента, и съ этого времени весь такого рода долговыя обязательства воспрещены особымъ закономъ. Г. Френси рассказываетъ также, что молодой человекъ изъ Йоркшейрскаго графства, проигравъ свой страховой билетъ въ карты, застрѣлился для того, чтобы лишить премію игрока, котораго онъ подозрѣвалъ въ мошенничествѣ, предваривъ компанію, гдѣ онъ былъ застрахованъ, о своемъ намѣреніи. Четыре плута сладили мистификацію болѣе замысловатую и не такъ печальную. Они пустились кататься по Темзѣ въ сумерки и умышленно опрокинули свою лодку. Это было не далеко отъ Блекѳіерскаго моста, гдѣ всегда собирается множество лодочниковъ, которые немедленно подоспѣли на крикъ утопавшихъ. Трехъ спасли, но четвертаго искали, искали до самой ночи, и не найдя его, отложили поиски до утра. На другой день отыскали трупъ утопленника. Оставшіеся въ живыхъ выхлопотали свидѣтельство въ тождествѣ утонувшаго товарища съ трупомъ и получили значительную сумму отъ общества подъ фирмою *Феникса*. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, погибшій въ волнахъ Темзы началъ появляться въ спектакляхъ и публичныхъ собраніяхъ Парижа, гдѣ онъ велъ веселую жизнь. Вскорѣ онъ промоталъ премію и отправился въ Ливерпуль, застраховать себя подъ другимъ именемъ; потомъ вторично утонулъ, но на этотъ разъ общество произвело изслѣдованіе и открыло, что этотъ господинъ тонулъ обыкновенно возлѣ моста, гдѣ онъ заготовлялъ себѣ скрытый пріютъ, а его товарищи запасались трупомъ, который одѣвали въ его платье и бросали ночью въ рѣку, чтобы на другое утро лодочники его поймали. Г. Френси не забылъ исторію г. Вэнрайта, бывшаго сотрудникомъ *London Magazine* въ то время, когда Лэмбъ (*Lamb*) писалъ для этого журнала. Г. Вэнрайтъ былъ самый утонченный злодѣй, казавшійся по наружности только беззаботнымъ повѣсою. Онъ отравилъ своего дядю, котораго былъ на свидникомъ. У него были двѣ прекрасныя сестры. Сдѣлавъ завѣщаніе въ его пользу, онъ началъ чувствовать изнуреніе силъ и въ скоромъ времени истлѣвъ, безъ всякой видимой болѣзни. Жизнь ихъ была застрахована въ 18,000 ф. ст. Вскорѣ потомъ Вэнрайтъ былъ уличенъ въ подлогъ и вынужденъ былъ бѣжать въ Булонь, въ этотъ гостепріимный городъ, который такъ великодушно даетъ убѣжище англійскимъ *добровольно-ссылнымъ*. Тамъ подружился онъ съ офицеромъ, котораго застраховалъ въ обществѣ *Пеликана*; офицеръ

черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Вэнрайтъ отправился въ Парижъ подѣ чужимъ именемъ. На него донесли, и когда его задержали, онъ не могъ объяснить, за чѣмъ имѣлъ при себѣ значительное количество стрихнины. Освободившись изъ-подъ ареста, онъ отважился пуститься въ Лондонъ, гдѣ, какъ онъ полагалъ, успѣли забыть его фальшивые банковые билеты, но по его прїездѣ прежнее дѣло возобновилось, онъ былъ снова преданъ суду и сосланъ въ Австралію, гдѣ наконецъ умеръ въ городѣ Сидней.

Въ Лондонѣ появился карманный театръ. Какъ? спросите вы, какой карманный театръ? Да, ММ. ГГ., настоящий карманный театръ;—это—*the British cabinet of 1853*. Въ этой книгѣ описаны и наружность и нравственныя качества всѣхъ актеровъ конституціонной комедіи, разыгрывающейся теперь въ Англии, — это портреты министровъ. Похвала и осужденіе смѣшаны въ этой біографіи съ безпристрастіемъ истинно философическаго взгляда. Мы выпишемъ портретъ сэра Джона Росселя, написанный имъ самимъ въ стихъ, который онъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, влагаеть въ уста инквизитора Вальдеца:

I neither lov'd, nor feasted, nor played dice;
Power was my feast, my mistress, my game.

«Я никогда не любилъ, не пировалъ, не игралъ: власть была моею игрою, моимъ пиромъ, моею любезной.»

Сэръ Джонъ неумышленно, но вѣрно описалъ себя въ этихъ словахъ.

Теперь поговоримъ объ англійскихъ журналахъ:

Древніе обвиняли въ нескромности — эхо. Мы осуждаемъ за болтливость—женщину.

И древніе, и мы неправы. Эхо пересказываетъ только, что слышитъ, и никакъ не проболтается о томъ, что ему удалось подглядѣть; женщина не всегда расскажетъ даже то, что слышала, и часто смолчитъ о томъ, что подсмотрѣла.

Но есть существо во сто разъ болтливѣе эха и женщины; это—англійскій журналъ: онъ все видитъ, все слышитъ и все перескажетъ.

Сэръ Джорджъ, или Сэръ Робертъ отправился на охоту и застрѣлялъ двадцать *grouse* и шесть куропатокъ. Онъ не успѣлъ еще

перечестъ свою дичь, какъ газеты рассказали уже число его удачныхъ выстрѣловъ и пуделей.

Лордъ Г... женился. Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ свадьбы молодая супруга спѣшитъ обрадовать его извѣстіемъ, что она въ почтенномъ положеніи. Но это для него не новость; онъ еще вчера прочелъ о томъ въ *Times* или въ *Morning-post*.

Не вздумайте, любезныя читатели, увезти англійскую красавицу; прежде чѣмъ вы добѣдете экстреннымъ повозомъ до перваго путеаго двора желѣзной дороги, вся Великобританія, въ томъ числѣ Шотландія, Ирландія и всѣ заморскія колоніи соединенныхъ королевствъ узнаютъ подробности похищенія. Газеты расскажутъ родителямъ вашей невесты, куда вы увезли ее, прежде чѣмъ вы туда добѣдете, и отравятъ вашъ медовый мѣсяць горечью злословія и насмѣшекъ.

Однимъ словомъ, цѣлая Великобританія, столь пространныя и такъ двятельная, движется и дѣйствуетъ въ огромномъ хрустальномъ замкѣ. Замокъ этотъ такъ обширенъ и такъ высокъ, что величественныя дубы растутъ въ немъ свободно и широко раскидываютъ зеленый шатеръ свой, какъ въ прозрачномъ трансептѣ гайдъ-паркскаго Хрустальнаго дворца.

Вотъ уже другой мѣсяць газета *Times* посвящаетъ ежедневно два и три пирамидальные столбца статьямъ о счетахъ гостинницъ (*Hôtel charges*). Жалоба одного путешественника на безсовѣстные счета гостинницъ всполошила цѣлую стаю недовольныхъ, и со всѣхъ сторонъ сыплются въ редакцію этого журнала филиппики на трактирщиковъ и хозяевъ гостинницъ. Еще нѣсколько номеровъ—и нѣтъ сомнѣнія, что эти пренія создадутъ лигу, *anti-hôtel league*, которая признаетъ *Times* своимъ агитаторомъ.

Впрочемъ, правду сказать, есть за что созвать митингъ и составлять *resolutions*. Если вѣрить истцамъ этой тяжбы, Англичане, прежде чѣмъ попадаютъ въ разработку золотопромышленниковъ материка, не разъ бывають порядкомъ промыты во-своихъхъ.

Вотъ, на-примѣръ, какъ учатъ уму-равуму жителей Лондона въ провинціяхъ: Обитатель Сити отправляется въ субботу вечеромъ въ Брайтонъ, останавливается въ *Bedfort hôtel*, почти на чердакъ, проводить тамъ воскресенье и выезжаетъ въ понедѣльникъ утромъ. Вотъ счетъ, поданный ему при отъѣздѣ:

		Шилл.		Серебромъ.	
		руб.	коп.		
Суббота, 3 сентября.	Эль	1	6	0	15
	Прислуга	1	6	0	45
Воскресенье, 4 сент.	Завтракъ	2	0	0	60
	Говядина	0	9	0	22½
	Сандвичъ	1	0	0	30
	Обѣдъ	6	6	1	95
	Эль	1	6	0	45
	Хересь	3	0	0	90
	Десертъ	2	0	0	60
	Прислуга	2	0	0	60
Понедѣльникъ, 5 сен.	Завтракъ	2	0	0	60
	Эль	0	6	0	65
	Водка	1	0	0	30
	Номеръ	6	0	1	80

Итого. 1 ф. ст. 10 ш. 3 д. 9 руб. 7½ к.

Нужно ли указывать, какъ искусно сочтено за завтракъ вообще и за каждое блюдо завтрака въ особенности, и что обѣдъ заплаченъ три раза, какъ *dinner, dessert* и *service*.

Другой прислалъ сравнительную таблицу цѣвъ въ гостинницахъ Канады, Соединенныхъ-Штатовъ и Англии. Онъ останавливался въ лучшихъ гостинницахъ, путешествовалъ съ своею женою и велѣлъ подавать все въ свой номеръ. Въ этотъ счетъ входятъ: утреннй завтракъ, закуска, обѣдъ, чай, квартира и прислуга,—словомъ, все дневное потребленіе, кромѣ вина:

КАНАДА.

	ф. ст.	шилл.	д.
Монреаль и квебекъ (въ день)	1	0	0
Кингстонъ	»	17	6
Торонто	»	15	0

СОЕДИНЕННЫЕ-ШТАТЫ.

Ніагара	»	12	6
Буффало (общій столъ)	»	18	0
Рочестеръ	»	15	0
Сиракузы	»	15	0
Альбани	1	2	0
Нью-Йоркъ (Дельмонико)	1	5	0

АНГЛІЯ.

Ливерпуль	1	18	6
Бирмингхемъ	2	0	0

Чельтенгемъ.	2	0	0
Батъ.	1	12	0
Лондонъ.	2	5	0

Всѣ припасы въ Америкѣ несравненно лучше англійскихъ.

Этотъ путешественникъ сообщаетъ два случая, достойные замѣчанія:

Въ Бирмингхемѣ, возвратившись изъ театра, онъ спросилъ свѣчу и пошелъ ложиться спать. Проходя гостиную, слуга гостиницы зажегъ двѣ свѣчи, стоявшія на каминѣ, но путешественникъ сей-часъ приказалъ ихъ погасить. За эту *негорѣвшую* свѣчу онъ долженъ былъ заплатить 2 шил. 6 д., т.-е. 75 коп. сер.

Въ Чельтенгемѣ онъ увидалъ подъ окномъ разнощика съ апельсинами и приказалъ слугѣ купить ихъ для него. Онъ видѣлъ, какъ слуга заплатилъ за нихъ 4½ д. (11¼ к. сер.). Ихъ подали къ обѣду съ мелкимъ сахаромъ. Въ счетъ было написано: апельсины 2 шил. (60 к. с.), сахаръ 1 шил.

Одинъ каноникъ, котораго свѣдѣнія и опытность въ этомъ дѣлѣ наводятъ на мысль, что онъ самъ содержалъ когда-нибудь гостиницу, увѣряетъ, что англійскіе трактирщики получаютъ отъ 200 до 500 процентовъ на каждой статьѣ, и этому не трудно повѣрить, когда хересь, стоящій въ лавкѣ 90 коп. сер., продается въ трактирахъ по 2 р. 70 к. сер., а на чѣв и на свѣчахъ, какъ каждый самъ можетъ разсѣсть, барышъ составляетъ по крайней мѣрѣ 500 процентовъ.

Содержатели гостиницъ и трактировъ защищаются отчаянно въ презабавныхъ статьяхъ. Одинъ изъ нихъ, пользуясь свободой книгопечатанія и срывая маску псевдонима съ одного изъ жалующихся, пишетъ, что превелебный мистеръ Кноксъ останавливался у него въ-семеромъ, завтракалъ, обѣдалъ, занималъ номеръ, и всѣ семеро дали для прислуги только 2 шил. Такіе люди, говоритъ трактирщикъ, имѣютъ ли право жаловаться на безсовѣстность хозяина!

И вотъ превелебный м-ръ Кноксъ и его семь дамъ, названныя понянно, *приняты къ свѣдѣнію* всеми содержателями гостиницъ въ соединенныхъ королевствахъ Великобританіи.

Хозяева гостиницъ объявили между прочимъ, что они рѣшились и впредь извлекать изъ своей торговли всѣ выгоды, слѣдующія имъ по праву, отнюдь не чрезмѣрные и вполне законныя, и что эту *декларацию* они постановили подписать *всѣмъ* соборомъ, напечатать, оправить въ рамку и повѣсить надъ каминными залъ въ гостиницахъ всѣхъ трехъ соединенныхъ королевствъ.

Вот что прекрасно, пишет *Times*, в статье, которую не грех присвоить перу Стерна. Содержатели гостинниц собрались на конгрессъ и рѣшили, что они честнѣйшіе люди въ свѣтъ. Завтра двѣсти негровъ, черныхъ какъ смоль, соберутся также и рѣшать, подтвердивъ это печатнымъ за общей подписью объявляемъ, что они бѣлы какъ кипень или какъ снѣга альпійскихъ вершинъ.

Если бы ремесленники вздумали держаться метолы трактирщинокъ, шляпы продавались бы по сту рублей серебромъ, а извозчики брали бы по три рубля за каждый гонъ.

Однако Москвитянинъ не можетъ посвятить, какъ *Times*, листъ печати на расправу англійскихъ трактирщинокъ съ лондонскими газетами, и мы ограничимся на этотъ разъ сообщенными нами здѣсь свѣдѣніями объ этой распрѣ. Хотѣлось бы намъ примолвить къ слову кое-что о московскихъ гостинницахъ и трактирахъ, но здѣсь это будетъ не у мѣста. Мы давно собираемся написать о Москвѣ статью въ родѣ бальзаковской: *Paris à table*. Отъ клубовъ, гостинницъ Шевалье и Мореля, до обжорнаго ряда—поле обширное; была бы охота писать, а матеріаловъ много. Намъ въ особенности хочется познакомить иногородныхъ подписчиковъ нашего журнала, прѣзжающихъ иногда погостить въ нашу столицу, съ московскими *Hotels-garnis*, которыхъ размножилось несчетное число, и которыхъ большая часть, не смотря на конкуренцію, или по поводу конкуренціи, никуда не годится. Собранныя нами свѣдѣнія по этой части мы побережемъ для московскихъ извѣстій одного изъ слѣдующихъ номеровъ этого года, завѣрая, что такъ же, какъ *Times*, никому не дадимъ потачки.

Но мы еще ничего не сказали о новой кометѣ. — Виноваты—теперь уже поздно. И къ-чему говорить о кометѣ, которую никто изъ насъ не увидитъ въ этой жизни? Мы расскажем лучше о другой кометѣ, появившейся на западѣ нашего театральнаго міра.— Это — *Петра Камара*.

Петра Камара—танцовщица изъ Андалузій, ласточка Севильи, мотылекъ Гренады. Она не звезда первой величины,—звездъ много на небѣ.... Она комета, рѣдкая гостья въ нашей артистической вселенной:—такія танцовки, какъ Петра Камара, являются вѣками, ей нѣтъ теперь равной;—такіхъ артистокъ не бываетъ по двѣ въ одно время.

Петра Камара быстрее, летуче всѣхъ колибри, отъ Цейлана до Кашемира;—она легче, воздушнѣе всѣхъ райскихъ птицъ отъ Бомбея до Шандернагора.

Но не воображайте видѣть въ этой испанкѣ соперницу Гальони, Эльслеръ, Черито, Приоры;—она плясунья, не танцовщица.

Ея пляска—не тщетное усиліе передать зрителямъ какую-нибудь мысль безъ помощи слова и звука; это бѣглый мимическій разговоръ, это цѣлая поэма, гдѣ чувства и страсти выражены тѣмъ вытнтымъ словомъ, какого ни звуки, ни кисть не имѣютъ.

Чтобы передать читателямъ особенности испанской пляски, мы выпишемъ ихъ изъ разсказа Александра Дюма, который видѣлъ Петру Камара въ Севильѣ, въ 1847 году. Вотъ что пишетъ даровитый разсказчикъ къ одной изъ парижскихъ почитательницъ хореографическаго искусства:

«Въ этомъ письмѣ я буду говорить о большихъ черныхъ глазахъ и о маленькихъ ножкахъ.

Вы догадались, что я въ Севильѣ.

Здѣсь живутъ теперь три безподобныя существа; ихъ зовутъ *Петра*, *Анита* и *Кармень*.

У нихъ глаза и ножки, какихъ я никогда не видывалъ. Свѣтъ звезды и алмаза блѣднѣе свѣта ихъ черныхъ очей; обѣ ножки каждой изъ нихъ войдутъ въ одинъ башмачекъ Сандрилоны или дѣвицы Дежазе.

Андалузскія ножки—чудеса, какихъ нѣтъ во Франціи. Красавицы Андалузій издѣваются надъ башмаками парижанокъ, уверяя, что изъ этихъ башмаковъ дѣлаютъ лодки, въ которыхъ Гвадалквивиръ уноситъ цѣлыя семейства изъ Севильи въ Кадиксъ.

Мнѣ хотѣлось вблизи поглядѣть на эти глаза и ножки, и я перешелъ изъ кресель за кулисы, гдѣ меня приняли какъ султана въ гаремъ. Ободренный этимъ пріемомъ, я взялъ за руки сильфиду-Петру и хотѣлъ поцѣловать ея ручку, но эта любезность, такъ обыкновенная во Франціи, почитается преступленіемъ въ Испаніи; Петра вскрикнула, и рука ея, вмѣсто того, чтобъ попасть подъ мои губы, упала на мою щеку!

Вотъ какъ мы познакомились съ дѣвицею Камара....

Я забылъ вамъ сказать, сударыня, что двѣ Андалузій безжалостно цѣломудренны. Въ этомъ случаѣ французенки, въ свою очередь, могутъ вдоволь посмѣяться надъ ними.

И знаете ли, для кого эти Лукреціи берегутъ свои прелести?—У каждой изъ нихъ есть обожатель, въ родѣ жениха. На берегахъ Гвадалквивира такихъ жениховъ называютъ *novio*. Этотъ *novio* избирается обыкновенно изъ работниковъ какого-нибудь мастера-ваго; онъ даетъ серенады, перемигивается съ своею любезною сквозь рѣшетку балкона, пробирается, подъ эгидію своего ремесла, за кулисы, и забравшись туда, стережетъ свое сокровище, какъ стерегетъ Аргусъ сокровище Юпитера, съ тою только разницею, что Аргусъ

стеречь Io за Юнону, а испанскіе аргусы стерегутъ своихъ любезныхъ за себя.

Послѣ этого вы можете понять, милостивая государыня, какой суматохи надѣлали мои парижскія привычки въ странѣ идилической любви. Я осмѣлился съ перваго знакомства поцѣловать руку, то-есть похитить награду, которую какой-нибудь *novio* получаетъ не прежде, какъ послѣ двулѣтней постоянной любви.

Однако спокойствіе вскорѣ возстановилось. Спросили, кто этотъ невѣжа, осмѣлившійся сдѣлать дерзость, неслыханную даже въ закулисныхъ сплетняхъ, и на отвѣтъ, что я французъ, мое незнаніе неприличій показалось уже нѣсколько извинительнымъ; а когда попытались, что меня зовутъ Александръ Дюма, никто уже не дивился моему поступку.

Петра первая подошла ко мнѣ съ очаровательною улыбкою и подставила подъ мой поцѣлуй—не руку, а свое прекрасное чело, осыпанное густыми косами шелковистыхъ волосъ; за нею слѣдовала Анита, и наконецъ дитя—Кармень, которую я поцѣловалъ въ ея розовыя губки.

Я усѣлся возлѣ милыхъ сифидъ, и у насъ завязался живой разговоръ. Между тѣмъ я замѣчалъ, что что-то замышлялось въ толпѣ окружавшихъ насъ молодыхъ испанцевъ, взоры которыхъ вспыхнули огнемъ, когда я хотѣлъ поцѣловать руку Петры, но имя мое вполне ихъ успокоило.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, г. Бюисонъ, поселившійся въ Севильѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: эти господа и я намѣрены дать тебѣ праздникъ, любезный Александръ; Петра и ея подружки будутъ танцовать на этомъ балѣ.

— Гдѣ же это будетъ?

— Въ залѣ. Испанская пляска хороша на сценѣ, но тотъ не видалъ ее, кто не видалъ ее въ комнатѣ.

— И я увижу эту пляску?

— Да, я о томъ только и хлопоталъ, неблагодарный.

— Милый Бюисонъ! ты мой добрый геній.

— Благодари не меня, а здѣшнюю молодежь.

Я пошелъ жать руки и кланяться моимъ новымъ знакомцамъ; жрицы Терпсихоры дали свое согласіе, и балъ назначенъ на слѣдующій вечеръ, въ кофейной; хозяинъ уступилъ намъ свою залу, вышнюю кирпичнымъ плитникомъ и выбѣленную по стѣнамъ извѣстью.

Когда я вошелъ, зала была полна и сумрачна.

Четыре кенкета съ закопченными стеклами освѣщали эту залу;

выгнать, съ окуркомъ сигары въ зубахъ и съ опертою на колено гитарой, замѣнялъ оркестръ.

Встарину, въ подобныя собранія нельзя было показаться безъ національнаго костюма, который состоялъ изъ вышитыхъ узорами шпензера и жилета, короткаго вишняго платья съ бархатною оторочкою, изъ открытыхъ внизу щиблетовъ, въ отверстія которыхъ видны были узорчатая струйки чулка. Но что же двалтъ: мода преобразуетъ и часто уродуетъ все, что несообразно съ ея прихотью; французскіе лакированныя сапоги, какъ сказочныя сапоги-самоходы, зашли въ самыя отдаленныя страны свѣта, а наши безобразныя панталоны давно уже смѣнили испанское нижнее платье. Теперь въ Севильѣ мода быть французомъ отъ подошвы по поясъ, и андалузцемъ отъ пояса по верхій ленточный бантъ *sombrero*, граціозной андалузской шляпы. Костюмъ этотъ очень смѣшонъ, и севильскій фронтъ чрезвычайно похожъ на парижскаго извозчика, только что слѣзшаго съ козелъ уличнаго фіакра.

При входѣ въ залу, бѣдность убранства, плохое освѣщеніе, темный костюмъ поствителѣй, такъ резко противоположный блѣлой окраскѣ стѣнъ, производили какое-то грустное впечатлѣніе.

Но впереди этой толпы яснѣли, какъ три свѣтящіяся точки, какъ три блестящія звезды на темномъ пологѣ неба, три царицы праздника: *Петра, Анита и Карменъ*. Ихъ газовыя юбочки, ихъ бархатныя корсеты, шитые золотомъ и серебромъ, ихъ головной уборъ, усыпанный блестящими съ волнующеюся бахрамою, отражая свѣтъ, производили чудесный эффектъ. Матери, тетки, сестры и *полю*, составляли ихъ свиту.

Когда собрались всѣ званые гости, звуки гитары раздались въ залѣ. Карменъ встала, не ожидая приглашенія, сила и отдала матери свою мантилью, и вступила въ кружокъ, образованный поствителѣями, который былъ не шире восьми футовъ въ поперечникъ. Первый рядъ зрителей сидѣлъ на полу, второй на стульяхъ, третій стоялъ, а прочіе громоздились, какъ кто умѣлъ, на стульяхъ, на скамейкахъ, на окнахъ, такъ что кружокъ около танцовщицы представлялъ родъ древняго амфитеатра, или, правильнѣе, внутренность воронки, стѣнки которой унизаны головами.

Пляска Кармены была только вступленіе. Карменъ не было еще пятнадцати лѣтъ отъ роду; ее пустили въ кружокъ, какъ пробный, бумажный шаръ передъ полетомъ огромнаго аэростата. Зрители одобрили ее, но восторгъ былъ умѣренный.

Встала Анита. Нѣсколько голосовъ закричали: *el vito! el vito!* Я вместе съ другими кричалъ *el vito!* самъ не понималъ, чего я прошу этимъ словомъ.

Анита вошла въ кружокъ.

Я не зналъ, что такое *el vito*, но по первымъ аккордамъ гитары я разгадалъ, я вполне оцѣнилъ эту пляску; описать ее невозможно: ни перо, ни кисть не напишеть ее нашему воображенію: у пера не достанеть красокъ, кисть не передастъ движенія. Нельзя ни рассказать, ни изобразить этихъ изгибовъ стана, этихъ внезапныхъ движеній головою назадъ, этихъ пламенныхъ взглядовъ, свойственныхъ однимъ только дочерямъ солнца, дѣвамъ Андалузій. И что всего удивительнѣе, чему трудно повѣрить намъ сынамъ сѣвера, запада и востока, эти странныя движенія, невиданныя и неслыханныя нами, полны сладострастной нѣги, но чужды распутнаго безстыдства, какъ вагота древней статуи чужда непристойности.

Успѣхъ Аниты былъ блистателенъ. Шляпы зрителей посыпались къ ея ногамъ, а это въ Севильѣ замѣняетъ аплодисменты. По мѣстному обычаю, танцовщица благодаритъ за такое одобреніе слѣдующимъ образомъ: она выбираетъ одну изъ разсыпанныхъ на полу шляпъ и мнетъ и комкаетъ ее своими крохотными ножками съ судорожною быстротою.

Тотъ, чью шляпу сомнетъ артистка, становится царемъ вечера.

Вѣрная законамъ гостепримства, Анита бѣшенымъ скачкомъ прыгнула на мою шляпу, и въ секунду превратила ее въ сплюснутую до невозможности лепешку.

El vito кончилось. Анита граціозно откланивалась за похвалы и рукоплесканія. Изъ всѣхъ торжественныхъ похвалъ, казалось, ей наиболѣе нравилось, когда ее называли *солёной*,—*salada*, и я поспѣшилъ порадовать ее этимъ эпитетомъ, въ благодарность за доставленное удовольствіе.

Между тѣмъ Петра готовилась. Съ необычною у насъ скромностію, Анита и Карменъ, признавая превосходство Петры, уступили ей самое видное мѣсто—послѣднюю ступень въ храмѣ ихъ хореографической славы.

Ole, ole! раздалось въ залѣ; всѣ зрители повторяли *ole*.— Я также кричалъ *ole*, но признаюсь, съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ *el vito*. Я предчувствовалъ, что эта пляска заключаетъ въ себѣ что-нибудь необыкновенное.

Испанская театральная цензура не допускаетъ *ole* на сцену, но мы были дома, и летунья Петра, Анита и Карменъ порхали предъ нами неощипанными птичками.

Не полагайте однакожь, чтобы верховные жрецы капища Терпсихоры изгнали оттуда эту пляску за какое-нибудь слишкомъ бойкое движеніе своевольной ножки, или испугались какой-нибудь запретной позы; въ *ole* нѣтъ ничего подобнаго. Все очарованіе этой пляски состоитъ въ совокупности движеній гордыхъ и сладострастныхъ вмѣстѣ, призывныхъ и раздражительныхъ до невѣроятности, но пристойныхъ, скромныхъ, стыдливыхъ, даже робкихъ. Въ нихъ не видно безумныхъ порывовъ страсти, но явно выражается борьба сердца и воли, желаній и цѣломудрія, мечты и разсудка. Вы видите предъ собою не баядерку, которая въ пылу самозабвенія съ безумною радостію предается своему увлеченію, а юную дѣву, что робкимъ, невѣрнымъ шагомъ идетъ по незнакомой ей стезѣ чувства: желанія зараждаются, роятся въ душѣ ея, но еще въ формахъ неопредѣленныхъ, неясныхъ, какъ призраки грезы, какъ далекое марево. Она боится идти впередъ, но скользитъ по крутому склону незнакомой дороги, и каждый ея шагъ — споткновеніе. Это пляска въ первобытной ея простотѣ, усыпанная яркими цвѣтами безъ искусственнаго выраженія, еще неощипанными невѣжественною рукою нашихъ балетмейстеровъ. Это *пиррика* Грековъ, *шика* Индіанъ, пляска, опьяняющая Испанцевъ, которую они видятъ не чаще пяти или шести разъ въ годъ, и которую, какъ бой быковъ, они видятъ всегда съ новымъ удовольствіемъ, съ новымъ восторгомъ.

Посудите теперь, какое впечатлѣніе должна сдѣлать эта пляска на иноземца.

Я увидѣлъ снова невѣроитно-восторженное изступленіе, котораго былъ свидѣтелемъ на Торерахъ. Bravo, крики, аплодисменты раздавались хоромъ. Пятдесятъ пятокъ лежали у ногъ танцовщицы въ этомъ тѣсномъ кругу, и она съ неимовернымъ искусствомъ скользила межъ ними, не зацѣпивъ ни одной своими маленькими ножками, какъ Миньона Гѣте прыгала между разсыпанными по полу яйцами.

Пляска эта восхитительна, и Петра въ ней неподражаема. Наши танцовщицы прыгаютъ съ видимымъ усиліемъ, хотя и съ вѣчною улыбкою на устахъ, какъ будто приколотою булавками. У нихъ одна цѣль — превзойти въ высотѣ прыжка хотя одною линіею, — воспоминанія, оставленныя намъ госпожами Тальони и Эльслеръ. Онѣ танцуютъ ногами и изрѣдка руками. Но въ Испаніи пляска есть

наслажденіе для самой артистки, и въ ней все пляшетъ: и голова, и взоры, и руки, и станъ; всѣ движенія ея соответствуютъ и дополняютъ движеніе ногъ; она то приближается къ зрителю, то отдалится отъ него, то снова приближается быстро, неожиданно, смѣло, граціозно, переливаетъ въ него свое вдохновенное увлеченіе, и оно проявляется въ немъ радостными криками и громкими рукоплесканіями. Опіумъ и гашишъ доводятъ насъ до какого-то усладительнаго изступленія, но оно блѣдно, безцвѣтно, холодно въ сравненіи съ неистовымъ восторгомъ пятидесяти испанцевъ, аплодирующихъ Петръ Камара на чердакъ севильской кофейной.

Одна изъ самыхъ граціозныхъ фигуръ *Ole* состоитъ въ слѣдующемъ:

Петра держала въ рукѣ мужскую шляпу одного изъ зрителей. Прошу васъ, не смѣшивайте нашей пошлой шляпы съ граціознымъ андалузскимъ *sombbrero*. Это сомбреро надѣваетъ она на всевозможные манеры: то на бекрень, какъ щеголь времянь директоріи; то назадъ, какъ денди туманной Англій; то на глаза, какъ членъ академіи, недовольный выборомъ въ собраты талантливаго писателя, не смотря на его отрицательный голосъ.

Иногда снимала она съ себя эту шляпу и подходила къ кому-нибудь изъ насъ, какъ бы желая надѣть ее на счастливаго избранника, но едва онъ дѣлалъ движеніе, чтобы упредить ея привѣтливость, Петра быстро увертывалась, отскакивала отъ него и летѣла къ другому, чтобы и его обмануть въ свою очередь. Крики, смѣхъ, аплодисменты сопровождали каждое предательское движеніе ловкой Петры. Никогда ни пчела, ни бабочка, ни стрекоза, собирая ароматическій сокъ съ цвѣтовъ, не порхали съ одного на другой съ такою быстротой, съ такою внезапностію, какъ Петра перелетала отъ одной жертвы ея прихотливой фантазіи къ другой.

Подали ужинъ.

Эти балы, эти праздники, даваемые въ честь кого-нибудь и повторяющіеся не болѣе трехъ-четыреухъ разъ въ годъ, праздники, за которые сыновья лучшихъ фамилій готовы были бы сдѣлать пирамидальную глупость, эти балы отличаются первобытною простотою.

Ужинъ состоитъ изъ немногихъ простыхъ блюдъ и дюжины бутылокъ монтильскаго вина, которое посятители распиваютъ втроемъ или вчетверомъ изъ одной рюмки. Не улыбайтесь,— въ этой простотѣ есть что-то братское. Можетъ быть, рядомъ со мной, по правую сторону, сидѣлъ какой-нибудь гвидальго, которому ничего не стоило бросить пять-сотъ луидоровъ въ одинъ вечеръ, но съ лѣвой могъ сидѣть бѣдный дворянинъ, для котораго одинъ *дауро* опла-

чиваль содержаніе двухъ-трехъ дней. Въ этомъ праздникѣ и тотъ и другой могли участвовать, не опасаясь раскаянія или сожалѣнія на другой день, и богатый гидальго и бѣдный дворянинъ могли братски дѣлиться взорами и улыбками напихъ очаровательницъ, что сыпались изъ ихъ очей и съ ихъ устъ, какъ перлы съ плаща классическаго расточителя герцога Букингемскаго. Каждый изъ насъ покупалъ не дорогою цѣною право подышать этимъ воздухомъ, насыщеннымъ любовью и нѣгою.

Я выпилъ мой стаканъ вина, какъ и другіе. Въ это время Петра только прихлѣбнула изъ своего и передала его сосѣду, который подалъ его мнѣ.

Вамъ прислала это Петра, сказалъ онъ.

Я взглянулъ вопросительно на Бюисона. — Пейте, отвѣчалъ онъ это лестное вниманіе къ вамъ царицы праздника.

Я выпилъ. Петра поблагодарила меня взоромъ. Чтѣ за глаза? Это глаза испуганной серны.

Черезъ пять минутъ мнѣ принесли бокаль вина отъ Аниты.

Дошла очередь до Карменъ. Это милое дитя не имѣло еще такой свиты поклонниковъ, какъ ея подруги; ей не съ кѣмъ было переслать мнѣ бокаль, — она принесла его сама.

Сдѣлайте мнѣ ту же честь, какъ Петръ и Анитѣ, сказала она мнѣ, хотя у меня и нѣтъ ихъ таланта.

Я поспѣшно схватилъ рюмку и захватилъ немножко милую ручку вмѣстѣ съ рюмкой.

Когда я выпилъ вино и возвратилъ бокаль, Карменъ сказала мнѣ, нѣжно улыбаясь свѣтленькими глазками: «я *сохраню эту рюмку цѣлую жизнь!*» и возвратилась на свое мѣсто.

Я рассказываю вамъ это съ тою простотою, съ которою это было сказано и сдѣлано.

Ужинъ былъ шумно весель, хотя ни одинъ изъ насъ не выпилъ и полубутылки вина. Летуньи андалузянки пили и ѣли какъ летуньи птички — очень мало.

Собесѣдники пѣли подь звуки гитары, говорили стихи. Кастильскій языкъ такъ сладкозвученъ, что въ Испаніи, какъ въ Италиі, всѣ поэты.

Наши поэты воспѣвали Петру, царицу праздника. Мадригалы, сонеты, оды, похвалы, сравненія, метафоры смѣнялись криками

браво, рукоплесканіями. Зачѣмъ тутъ вино? съ этихъ криковъ, съ этого обаятельнаго восторга пьянѣли и поэты и богини ихъ пѣсень. Лучи блестящаго вѣнца Петры ярко падали на ея подругъ.

Восторгъ усиливался приливомъ. Я началъ думать: чѣмъ все это кончится, когда двадцать голосовъ воскликнули: Петра, Петра! *el vito, el vito!* Петра, *эль вито* на столъ!

Петра вскочила на стулъ и прыгнула на столъ, какъ бенгали порхають съ вѣтки на вѣтку.

Бутылки, тарелки, приборы волною хлынули съ середины на конецъ стола; *эль вито* начался.

На этотъ разъ я не берусь описывать восторга зрителей: невозможно! Но это опьянѣніе безъ вина вовсе меня не удивляло:— я понималъ его, когда рѣзвая Сильфида начала прыгать, дрожать, топтать атласною ножкой, метаться и виться какъ всплескъ рѣзвой волны, но такъ легко, такъ воздушно, что на концѣ стола не брякнула ни одна тарелка, не зазвенѣла ни одна рюмка, и шаги ея беззвучно мелькали на изумленныхъ взорахъ толпы. Петръ подали стулъ и перенесли ее въ залу танцевъ.

Петра, Анита!—фанданго, фанданго! закричала опять толпа.

Фанданго танцуютъ обыкновенно мужчина и женщина,—Анита взялась быть кавалеромъ.

Чтó же я скажу вамъ теперь, когда у меня не доставало выражений, чтобы описать *качучу* Кармень, *эль вито* Аниты, *оле* Петры?

Вообразите себѣ двухъ ласточекъ, двухъ колибри, которыя гонятся другъ за другомъ, встрѣчаются, выются, трепещутъ крыльями, вися на воздухѣ одна возлѣ другой. Вообразите себѣ въ лунную лѣтнюю ночь на берегу широкаго озера, двухъ ундиновъ, рѣзвящихся по верхушкамъ тростника, который не гнется подъ ихъ розовыми, прозрачными ножками; слѣдите за ними, всмотритесь, какъ ловко увертывается одна отъ другой, какъ рѣзво другая ее догоняетъ, какъ послѣ множества круговъ онѣ постепенно сближаются, движенія ихъ становятся медленнѣе, томнѣе, наконецъ онѣ сходятся, дыханіе ихъ слилось, кудри смѣшались въ одну густую прядь, уста замерли на устахъ, и ранній вѣтерокъ понесъ по волнамъ легкой звукъ сладкаго поцѣлуя....

Этотъ поцѣлуй—внѣць фанданго....»

Петра Камара прѣѣхала въ Брюссель, и танцевала тамъ на театрѣ Водевья въ балетъ *La perla di Andalusia* и свой народный танецъ *La Madrilená*.

Зачѣмъ же Петра прѣѣхала одна? Гдѣ Кармень, гдѣ Анита?

Анита умерла. Бѣдная, она съ дѣтства страдала грудью. Только она могла быть соперницею Петры, въ цѣлой Испаніи,—въ цѣломъ свѣтѣ. Теперь у Петры нѣтъ соперницы!

Кармень бѣжала съ молодымъ красавцемъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ о нихъ вѣсти.

Цѣла ли у ней рюмка, изъ которой пилъ Дюма?

Нѣтъ.—Вотъ какъ это было.

Въ теплую весеннюю ночь, когда въ тѣнистыхъ садахъ Альказара звѣнѣла, лилась и журчала громкая пѣснь соловья, когда на улицахъ Севильи серенада брѣнчала своими побрякушками, на балконѣ дитяти Кармень прошепталъ звукъ тайнаго поцѣлуя. Рюмка Дюма, стоявшая на каминѣ ближней комнаты, сама собою треснула и распалась, какъ лопаесть сама собою струна оставленной арфы.

На другой день свѣтлица дитяти Кармень была пуста.

Н. П.—ГК.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСТАВКА СЕЛЬСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Къ числу новостей у насъ въ Воронежѣ принадлежитъ выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій. Это первая очередная для Воронежа выставка, назначенная для губерній: Воронежской, Тульской, Орловской, Рязанской и Тамбовской. Она открыта была у насъ 25 августа и продолжалась до 1 сентября. Слухъ о выставкѣ этой, какъ о дѣлѣ необыкновенномъ въ Воронежѣ, сначала мало обратилъ на себя вниманіе жителей Воронежской губерніи. Многіе не знали и не понимали, что такое выставка, для чего она назначается. Кажется, мѣстному начальству много стоило труда убѣдить нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ представить на выставку хотя что-нибудь изъ естественныхъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій. «Что мы представимъ на выставку?—спрашивали многіе,—вѣдь у насъ все вещи обыкновенныя? У насъ ничего нѣтъ особеннаго: хлѣбъ зерновой, мука, полевые и домашнія орудія,—вотъ и все.»—Да этого-то и требуютъ на выставку. (Какъ будто для выставки нужно представлять только одно необыкновенное). Цель выставки сельскихъ произведеній не то, чтобы представлять на нее одно только необыкновенное,—а все, чѣмъ богато сельское хозяйство, чтобы каждый хозяинъ могъ видѣть, гдѣ и что есть въ цѣлой губерніи, что въ другой, и чего нѣтъ; какъ и въ какой мѣрѣ производится что-либо; гдѣ и какъ идутъ наши мануфактурныя издѣлія; усовершенуются ли наши полевые орудія, и пр. и пр. Словомъ—на выставкѣ есть что посмотреть, есть на что порадоваться и есть чему понаучиться. Благодаря вниманію нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, къ 25 августа мало-по-малу многіе изъ нихъ стали присылать для выставки свои произведенія; и вотъ 25 авг. въ 10 часовъ утра, послѣ молебствія, выставка произведеній была окроплена св. водою, и за тѣмъ последовало самое открытіе ея для публики. Для обозрѣнія выставки впускались все безъ различія и

бесплатно. Распределеіе предметовъ по отдѣленіямъ, въ систематическомъ порядкѣ, и самая разстановка ихъ сдѣланы, какъ видно, съ знаніемъ дѣла. Произведенія разставлены и разложены были въ залъ дома, въ которомъ помѣщалась выставка, на трехъ-ярусныхъ этажеркахъ, устроенныхъ кругомъ вдоль стѣнъ и по срединѣ залы, въ одинъ рядъ, и въ добавокъ украшены оранжерейными деревьями, что придавало выставкѣ видъ сада. Предъ самымъ входомъ въ залу выставки, у крыльца, по обвѣмъ сторонамъ стояли въ кадкахъ два кипарисныя дерева, какъ будто для пріивѣтствія посѣтителей на выставку.

Народъ шелъ толпами смотреть произведенія. О выставкѣ пошли толки и разговоры по городу. Только и слышишь: «а видѣли ли вы пальто?—Каково?»—Чудо, что за пальто,—отвѣчаетъ другой, —Да, говоритъ третій, его ужъ купили за 20 р. сер., а сегодня уже какой-то любитель подобныхъ вещей просилъ уступить ему, и предлагалъ купившему 30 р. сер. — «А каковы коврики? — право, любо-дорого посмотреть.»—Нѣтъ, говоритъ одна пожилая дама,—а видѣли ли вы коровокъ?—а?!.. каковы?—Чудо что за коровки, подхватила молодая сосѣдка;—что за милашки! Какой у нихъ взглядъ, какая шерсть, какія ушки! ну, право, такъ сей-часъ бы и купила!» —Да говорятъ, что одну сегодня ужъ купили, кто говоритъ—за 60, а кто говоритъ—за 75 р. сер.—Что вы! неужели такъ дорого?—Да какъ же, вѣдь онѣ тирольской породы. — «Нѣтъ, а каковы бѣговья дрожки, говоритъ страстный охотникъ до рысаковъ?—преlestь, что это за дрожки. Жаль, что я не былъ при открытіи выставки. Вообразите,—ихъ купили уже за 100 р. сер.»—Что же въ нихъ замѣчательнаго, спрашиваютъ его нѣкоторые?—«Да то, что оси и подпорки сдѣланы, говорятъ, изъ лучшихъ костей; вотъ ихъ и достоинство.»—А знаете ли, говоритъ одинъ любитель сельскаго хозяйства, вѣдь у насъ въ Воронежской губ. растетъ виноградъ?—«Не можетъ быть,» отвѣчаетъ недоверчивый домохозяинъ.—Увѣряю васъ; я видѣлъ на выставкѣ цѣлый боченокъ съ виноградомъ, (только еще не такъ спѣлымъ); виноградъ этотъ присланъ однимъ какимъ-то крестьяниномъ; да и у насъ въ ботаническомъ саду (въ воронежскомъ питомникѣ) растетъ же виноградъ:—что жъ тутъ удивительнаго?—Подобнаго рода разговоры о выставкѣ много было по городу. Какъ же послѣ этого не побывать на выставкѣ и не сказать нѣсколько словъ объ этомъ благодѣтельномъ учрежденіи? Думаю, что нѣкоторымъ изъ читателей «Москвитянина» будетъ интересно узнать, что у насъ было на выставкѣ. Вотъ предметы оной.

Съ самаго прихода въ залу выставки, по правую сторону, шло отделение *механическихъ издѣлій*. Здѣсь первыми представителями женскихъ постоянныхъ занятій были самопрялки. Надо замѣтить, что въ Воронежской губерніи веретено, кажется, совсѣмъ изгнано у сельскихъ пряхъ: всѣ вообще придуть на самопрялкахъ. На ярмарку, каждый годъ около 29 августа, привозятъ этихъ прялокъ огромное количество, а покупателей на нихъ едва ли бываетъ не больше. Изъ представленныхъ на выставку прялокъ въ особенности одна замѣчательна своимъ новымъ устройствомъ, именно тѣмъ, что она о трехъ скалкахъ; но какое ихъ назначеніе, на это отвѣта никто не далъ. Тутъ же видѣли мы модели плуга, вѣтряныхъ мельницъ, модель образцовой крестьянской избы, крытой соломой подъ стрижку. Тутъ же лежала скрипка, со струнами и смычкомъ,—самодѣльщина унтеръ—офицера баталіона воронежскихъ кантонистовъ;—машина, которая рѣжетъ и гнетъ проволоку, представленная государственнымъ крестьяниномъ Малыхановымъ, имъ самимъ устроенная и усовершенствованная. Намъ понравился деревянный кранъ къ бочкѣ. Вотъ это изобрѣтеніе въ хозяйствѣ важная вещь. Форма его проста и отдѣлка хороша. Два такихъ крана представлено на выставку Землянскаго уѣзда селенія Большаго Дола крестьяниномъ Н. Щербаковымъ; одинъ изъ нихъ дубовый, а другой, кажется, изъ пальмы; цѣна послѣднему 70 к. сер. Давно бы пора бросить мѣдные краны, какъ вредные, и ввести въ употребленіе деревянные, какъ безвредные; особенно на это должны обратить вниманіе торговцы разными винами и откупщики. Въ тамошнемъ быту для квасныхъ боченковъ во всякомъ случаѣ лучше употреблять деревянный кранъ, нежели извѣстный трубки и ливера,—это чище и опрятнѣе. Рядомъ съ кранами лежали два биллиардные шара (небольшие) изъ пальмы, работы Полозанцева, чрезвычайно вѣрно выточены и отлично отполированы. Между механическими и столярными издѣліями, по какому-то случаю, замѣшалось химическое вещество, подъ названіемъ *синькаль* (синеродистый кали) (5 ф. цѣна 1 р. 50 к. сер.), съ заведенія крестьянина графа Шереметьева, Ивана Самодурова, изъ Острогожска. Вотъ какія вещества добываются у насъ въ Воронежской губерніи. Переходя къ произведеніямъ *огородничества* и *садоводства*, каждый изъ посѣтителей выставки съ любопытствомъ разсматривалъ разныя съмена растений: табакъ листовой разныхъ сортовъ и видовъ, картофель и пр.; тутъ же лежали и коконы шелко-вичныхъ червей;—все это преимущественно представлено изъ воронежскаго питомника—садовникомъ г. Бемомъ. (*) Особенное же внима-

(*) Жаль, что г. Бемъ не показалъ намъ всѣхъ сортовъ картофеля, котораго у

ніе многихъ посѣтителей обращалъ на себя виноградъ, представленный государственнымъ крестьяниномъ Острогожскаго уѣзда изъ слободы Новой Калитвы Михайломъ Гьяльновымъ. Виноградъ этотъ, какъ видно изъ надписи, разведенъ собственными трудами крестьянина въ саду. Честь и слава трудолюбивому хозяину. Желательно, чтобы съ его легкой руки принялись и другіе садоводы разводить виноградныя лозы. По *пчеловодству* представлены были разные ульи пустые и съ медомъ. Соты были довольно бѣлы. Но вообще надо замѣтить, что этою отраслю сельскаго хозяйства Воронежская губернія похвалиться не можетъ, особенно качествомъ и чистотою меда. Такъ называемый *медъ лицецъ* у насъ почти рѣдкость. Здѣсь лучшимъ считается такъ называемый *подситъ*. — Свекловичный сахаръ (8 р. сер. пудъ). свеклосахарный песокъ представлены были съ завода Горійнова, Павловскаго уѣзда изъ селенія Петровки. Сахаръ довольно бѣлъ, но песокъ незавидный. Близкою и чистотою своею свеклосахарный песокъ отличался на выставкѣ съ завода воронежскихъ помѣщиковъ гг. Тулиновыхъ. Изъ *металлическихъ издѣлій* довольно хороши настольныя лампочки и большія висячія лампы, представленныя Фрике. Самоваръ работы мастера Прохуркина можетъ поспорить съ любымъ тульскимъ. Изъ произведеній *живописи* масляными красками, представленныхъ изъ слободъ Алексѣевки и Репьевки, особеннаго вниманія заслуживаютъ образа: «Святое семейство», «Распятіе» и «Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ»... Они исполнены тщательно, въ особенности образъ «Св. Семейство», въ которомъ сохранены, вѣрно съ оригиналомъ, характеры въ лицахъ Іосифа и Св. Богородицы. Но *рѣзному* искусству особенно привлекала къ себѣ вниманіе многихъ рѣзная рама для образа, представленная изъ Коротоякскаго уѣзда, селенія Краснаго, Василиемъ Арыкинымъ. Рама, дѣйствительно, стоить вниманія. Искусство рѣзца видно въ каждой чертѣ. Простота, легкость рѣзбы, изящность, ничего болѣе не заставляютъ требовать. Рама не золоченная, но не смотря на это, она имѣетъ много прелести и дѣлаетъ честь художнику. Изъ произведеній *земледѣлія* представлено множество сѣмянъ всѣхъ сортовъ и видовъ. Здѣсь же были снопы американскаго проса, снопы яровой пшеницы (1853) изъ имѣнія князя И. В. Гагарина. Пшеница эта отличается крупнымъ, ровнымъ колосомъ, а самый снопъ имѣетъ особенно кра-

сно, какъ извѣстно, находится до 20 видовъ. Вообще у насъ съ огородными растениями еще мало знакомы жители, тогда какъ стоило бы только посмотреть на выставкѣ и записаться сѣменами, тогда все можно было бы разводить и самимъ.

сивый видъ. Два снопа пшеницы турки, представленные Горляновымъ, отличались крупнымъ колосомъ (4 р. сер. за четверть). Вообще зернового хлѣба было вдоволь, за то муки было очень мало. Здѣсь мука пшеничная славится *елецкая*; здѣшняго же издѣлія мука много уступаетъ елецкой. Пшена лучшаго, самаго крупнаго, вовсе нѣтъ, и не было на выставкѣ. Хлѣба въ печеномъ видѣ ни бѣлаго, ни чернаго на выставкѣ не было. Кстати, замѣтимъ мимоходомъ, въ Воронежѣ ни калачники, ни хлѣбники наши своими издѣліями похвалиться не могутъ: калачи и хлѣбы большею частію бывають плохо выпечены, не говоря уже о вкусѣ. По отдѣленію *одежды* и *обуви* всѣхъ занимало пальто изъ дубленыхъ овчинъ, съ хорошимъ котиковымъ воротникомъ, наподобіе бобра, и опушенное тѣмъ же звѣркомъ. Выдѣлка овчинъ чиста, фасонъ и работа хороши. — «А вотъ и лапти здѣсь, сказалъ одинъ крестьянинъ, да какіе лапти-то хорошіе!» — «Развѣ у васъ въ деревнѣ мало такихъ?» говоритъ ему городской житель. — «Эти больно хороши; видно, что мастеръ работалъ, да еще сплелъ изъ молодыхъ лыкъ, да узенькихъ, оттого-то они и красивы. Въ этихъ лаптяхъ только къ обѣднѣ ходить.» — Такъ крестьянинъ былъ заинтересованъ этими лапотками, которые, дѣйствительно, можно назвать щегольскими. Цѣна 25 к. сер. Представлены Елецкаго уѣзда, изъ слободы Васильевки, крестьяниномъ Семеновъ Сидѣльниковымъ. Изъ деревенскихъ нарядовъ бросаются въ глаза головные уборы, шитые жемчугомъ, золотомъ и другими различными украшеніями, оплечья рубахъ, шитыя разными шерстями, юбки, тканыя очень разнообразно и довольно красиво; нѣкоторыя изъ нихъ похожи на ковры. Вообще надо сказать, что въ женскихъ костюмахъ Воронежской губерніи столько разнообразія, столько замѣчательнаго, столько стариннаго и новаго, что невольно станешь удивляться изобрѣтательности деревенскихъ щеголихъ. Полное собраніе костюмовъ Воронежской губерніи вполне стѣбитъ художественной кисти, и мы отъ души рады, что этимъ дѣломъ уже занялись люди вполне опытные. Изъ подобнаго собранія раскроется полная картина исторической жизни жителей Воронежской губерніи съ ихъ нравами, обычаями, домашнимъ бытомъ и общественнымъ и пр. и пр. Изъ шерстяныхъ издѣлій обратили на себя вниманіе ковры разныхъ цѣнъ и разнаго достоинства; изъ нихъ особенно можно указать на коверъ, представленный помѣщицею Струковою, цѣна которому 120 р. с., и на коверъ, представленный помѣщикомъ Лисаневичемъ, цѣною въ 115 р. с. Нѣтъ спору, — ковры очень хороши, производители вполне заслуживають пальму первенства на нашей выставкѣ; но надо замѣтить, — цѣна слишкомъ

высока. Не въ томъ достоинство вещи, что она слишкомъ дорога, а въ томъ, что она и хороша и дешева. Не удивительно, что персидскій коверъ дорогъ: это всякъ знаетъ и никто не можетъ требовать отъ него дешевизны; но отъ мѣстныхъ нашихъ издѣлій мы вправдѣ ожидать дешевизны, особенно отъ мануфактурныхъ издѣлій, приготовленныхъ у помѣщиковъ, у которыхъ, по большей части, все свое, непокупное, не говоря уже о мастеровыхъ. Замѣчательнѣе по добротѣ и выдѣлкѣ двойной черной фризъ съ Фабрики тайной соавѣтницы Толстой (по 1 р. 25 к. с. за арш.); онъ хорошъ, пожалуй, даже для осенняго пальто. Изъ льняныхъ издѣлій особенно обратили на себя вниманіе носовые льняно-батистовые платки (коихъ было 4), съ вышитыми коймами, гладью, работы дворовой женщины полковника Халютина, Прасковьи Вороновой. Платки дѣйствительно превосходны, какъ по матеріи, такъ и по вышиванью; но что болѣе всего удивляло многихъ,—это полотно, изъ котораго сделаны платки: чистота, прочность ткани, тонина необыкновенно хороши; но едва ли ткань эта принадлежитъ одной и той же мастерицѣ, а не другой какой-нибудь; вѣроятнѣе всего — это лино-батистъ заграничный. Что касается до вышиванья, то искусству мастерицы надобно отдать полную справедливость; но цѣна платкамъ чисто-баснословная, а именно — двумъ назначена по 30 р. сер., одному 25, и остальному 15 р. сер. Помилуйте, какъ бы чисто и искусно ни былъ вышитъ платокъ, какой бы ни былъ узоръ шитья,—все-таки это непомерно дорого, если даже взять въ расчетъ и время для вышиванья. Мы не отнимаемъ достоинства и изящества въ этой работѣ: искусство мастерицы очень высоко;—наше дѣло замѣтить только то, что и цѣна непомерно высока. Тою же мастерицею представлена юбка къ платью бѣлая коленкоровая, подолъ которой вышить тоже гладью, шириною болѣе *четверти* аршина. Узоръ, отдѣлка, чистота бросаются въ глаза каждому. Цѣна 25 р. сер. Кроме платковъ Вороновой, представленъ былъ еще одинъ съ подобнымъ шитьемъ дворовою женщиною г-жи Сталь, Прасковьею Громовой. Вышить тоже превосходно, но цѣны не назначено. Полотенъ было мало. Столовое бѣлье представлено было Горяиновымъ, за дюжину отъ 15 до 17 р. сер. Въ отдѣленіи *земледѣльческихъ орудій*, которыя находились въ нижнемъ этажѣ, замѣчательны плуги о пяти небольшихъ лемехахъ, расположенныхъ въ два ряда, а именно—въ переднемъ 2 лемеха, а въ заднемъ 3, такъ что всѣ вмѣстѣ они должны дѣлать пять бороздъ вдругъ. Каково это новое изобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій, безъ приложенія къ практикѣ сказать ничего нельзя. Экипажи представлены были каретнымъ

мастеромъ Поповымъ. Устройство, чистота отдѣлки, фасонъ этихъ экипажей дѣлають честь нашему русскому мастеру. Въ особомъ сарае можно было видѣть коровъ тирольской породы и быка, представленныхъ воронежскимъ помѣщикомъ г. Халютинымъ. Коровы, какъ говорятъ, будто всѣ проданы въ продолженіе выставки; но за то коровъ русской породы ни одной не было на выставкѣ. Да и многого не видно было, многихъ произведеній, коими изобилуетъ Воронежская губернія.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ КОЛЦОВА.

Думаю, что для читателей «Москвитянина», да и для всехъ вообще любителей народной поэзіи, будетъ не лишнимъ сказать пару словъ и о памятникѣ, который сооруженъ надъ могилою Колцова. Могила нашего любезнаго поэта находится на Новомъ кладбищѣ, (что при нововыстроеннейшей церкви во имя св. Митрофана), по правую сторону алтаря. Надъ могилою возвышается не пышный, но скромный чугунный памятникъ, который поставленъ на каменной плитѣ, покрытѣ черною масляною краскою. При подножій памятникъ имѣетъ форму четырехгранной призмы, шириною въ 3 четв. аршина; на этомъ четырехгранникѣ лежитъ другой, немного меньше нижняго; потомъ памятникъ идетъ въ видѣ круглой тумбы; изъ нея выдается небольшой четырехгранникъ, на которомъ находится надгробная надпись поэту; тумба кончается въ видѣ небольшой урны, изъ которой возвышается чугунный вызолоченный крестъ. Вся вышина памятника отъ основанія 2 арш. 3 четв. Памятникъ обнесенъ чугуною же черною рѣшеткою. Вотъ и самая надпись, которую передаю съ самымъ точнымъ и строгимъ соблюденіемъ оригинальнаго ея текста, длины строкъ и самаго правописанія. Вотъ она:

(1-я, съ западной стороны).

1842 г. ноября 3 подсимъ
памятникомъ погребено тело
мещанина алексея василье-
вича Колцова сочинителя и
поета воронежскаго.

(2-я, съ южной).

Просвещеной безнаукъ при-
родою награжденъ монаршею
милостию, скончался 33 годовъ
и 26 дней въ 12 часу брака
неимель.

(3-я, съ восточной).

Рождень отродителей, ва-
силы петрова и прасковин
Иванови Кольцови жителю
воронежескихъ.

(4-я, съ сѣверной).

Покояся любезныи сынъ сте-
ннщи родители приклоннои
старости молимъ всещедрова
упокоить душу твою внад-
рахъ авраамовыхъ.

Въ 18 N Русск. худож. Листка, изд. Тиммомъ (1853), помѣ-
щенъ видъ города Воронежа, а въ текстъ, гдѣ содержится краткій
очеркъ этого города, между прочимъ указывается и на могилу
Кольцова. «Когда будете проезжать этотъ городъ, говорить соста-
витель очерка, разспросите, гдѣ его (Кольцова) могила, и отпра-
вьтесь, ради прогулки, поклониться покойнику; если *безграмотная*
надпись на его памятникѣ *заставитъ васъ улыбнуться*, вспомните
одну изъ его грустныхъ мелодическихъ пѣсень, и знайте, что въ
устахъ вашихъ *стихи поэта* есть лучший для него *памятникъ*.»
Не знаемъ, всякаго ли заставитъ эта надпись улыбнуться; — лучше,
еслибъ она вызвала желаніе почтить память Кольцова сооруженіемъ
ему новаго памятника, по добровольной подпискѣ. А Воронежъ,
которому всѣхъ ближе память Кольцова, первый долженъ принять
живое участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИМѢРЪ СМЕРТИ.

Въ 5 N «Москвитянина» (1853) переданъ былъ мною замѣ-
чательный примѣръ смерти одной помѣщицы; недавно слышалъ я
разсказъ о смерти одной крестьянки.

Въ наше время примѣры, чтобы человекъ предсказывалъ о
своей собственной смерти, очень рѣдки; въ патріархальныя времена
примѣровъ подобной смерти довольно. Изъ житія св. угодниковъ
мы знаемъ, что многіе изъ нихъ предсказывали не только день, но
и послѣдній часъ своей жизни, — и дѣйствительно оставляли этотъ
міръ въ назначенный часъ. Если мы теперь мало имѣемъ подоб-
ныхъ примѣровъ, то это оттого, что эти примѣры остаются не

обнародованными; но они у насъ есть и будутъ въ жизни православныхъ. Подобные примѣры умирающихъ, для насъ, остающихся въ живыхъ, очень поучительны: они могутъ служить для насъ живымъ урокомъ, что мы не бояться должны смерти, а готовиться къ ней и встрѣчать ее съ радостію.

Передаю читателямъ «Москвитянина» разсказъ о смерти одной крестьянки, которая предсказала, когда она умретъ, — какъ она готовилась къ смерти, и съ какимъ спокойнымъ духомъ ожидала ее. (Разсказъ этотъ переданъ мнѣ одною благородною особою, которая слышала его отъ ближайшей родственницы и односельянки умершей).

Саратовской губерніи, Камышинскаго уѣзда, въ деревнѣ Самоудиновкѣ, въ одномъ семействѣ жила крестьянка (объ имени ея и фамиліи разсказщица не поинтересовалась спросить или узнать); она была замужняя, не молодыхъ лѣтъ, (около 40). Крестьянка эта, въ бывшую 1848 г. холеру, почувствовала обыкновенные припадки, тогда какъ холера повсемѣстно почти прекратилась. Припадки ея были довольно легкіе. Въ такомъ состояніи она находилась въ постель нѣсколько дней. Только, въ одно время, она говоритъ мужу, что ей душно въ избѣ, и проситъ, чтобы онъ вывелъ ее на дворъ. У мужа въ это время происходила постройка хозяйственныхъ заведеній. Больная спрашиваетъ его: «А остались ли у тебя тѣ доски, которыя здѣсь лежали?» — Нѣтъ, отвѣчаетъ мужъ, онѣ всѣ пошли въ дѣло. «Ну, а есть ли брусья?» Есть. «Покажи мнѣ ихъ». Мужъ подвелъ ее къ брусьямъ; она указала ему на одинъ, который былъ лучше и чище другихъ, и сказала: «вели, пожалуйста, распилить этотъ брусъ, а изъ досокъ сдѣлать мнѣ гробъ; я скоро умру, такъ хочу видѣть за-живо, хорошо ли его сдѣлаютъ.» «Что ты, говорить мужъ, ты бредишь?» — Нѣтъ, я тебя прошу, сдѣлай милость, вели поскорѣ сдѣлать; я съ тобой говорю не шутя; мнѣ скоро придется умереть. «Мужъ ея, которому подобная просьба жены очень не понравилась, разумѣется, отказался исполнить ея желаніе, говоря, что за-живо никому гроба не дѣлаютъ. Больная не переставала просить его объ этомъ со слезами на глазахъ. Братья его, вѣроятно, желая успокоить больную, говорятъ ему: — «да обьшай сдѣлать, исполни только ея желаніе: что за бѣда сдѣлать гробъ; — отъ этого еще смерти не будетъ; — стоить только насыпать его пшеницей, раздать этотъ хлѣбъ нищимъ, а гробъ отдать первому умершему бѣдняку. По крайней мѣрѣ ты ее-то успокоишь, а гробъ-то пойдетъ вмѣсто милос-

тины». При такихъ убѣжденіяхъ братъ ихъ обѣщался наконецъ для жены сдѣлать гробъ. Когда дѣлался гробъ, больная часто молилась и какъ будто собиралась куда-то. Не смотря на то, что во время самой холеры (недавно) она исповѣдывалась и приобщалась Св. Таинъ, она желала вторично исполнить этотъ христіанскій долгъ. Такъ прошелъ день, въ который начали готовить ей гробъ. На другой день она попросила священника исповѣдать ее и причастить. На третій день она спрашиваетъ, готовъ ли ей гробъ? — Готовъ, отвѣчаютъ. — «Ну, теперь выведите меня опять на дворъ». — Вывели. — «А покажите мнѣ гробъ-то мой?» — Ее подвели къ нему. Она перекрестилась и сказала: «ну, слава Богу!» Потомъ, пройдя нѣсколько, она остановилась и начала прощаться съ видимою природою: «Прости ты, солнце красное, прости, свѣтель мѣсяць, прости, звезды ясныя... прости, мой вольной свѣтъ... прости, и садъ зеленой мой...» Постоявъ немного, она обращается къ мужу и говорить: «Прости меня Христа ради, если я тебя чѣмъ обидѣла, прости меня». То же привѣтствіе сказала братьямъ, снохамъ и сыну, и такъ спокойно, такъ тихо, какъ будто она разстается съ ними ни надолго, какъ будто отъѣзжаетъ въ другую деревню. Наконецъ благословляя сына, говорить ему: «Вотъ, сыночекъ, я умираю, а на душѣ моей остается одно неисполненное обѣщаніе: я дала обѣтъ Богу сходить въ Кіевъ на поклоненіе мощамъ св. угодниковъ. Богу угодно другое... пришелъ мой смертный часъ... такъ ты, пожалуйста, на будущій годъ сходи за меня въ Кіевъ, да сдѣлай милость — не забудь... исполни же мое желаніе, прими на себя мое обѣщаніе; — да сходи, да сходи же: Богъ тебя не оставитъ за это.» Когда ее привели въ избу, она просила, чтобъ ей дали чистое бѣлье: — сама одѣлась, обулась во все новое, повязалась бѣлымъ платкомъ, велѣла внести гробъ въ избу и поставить его на скамейку. Когда все это было исполнено по ея желанію, она подходитъ къ гробу, и, перекрестившись трижды, ложится въ него тихо, спокойно, какъ-будто садится въ экипажъ и отправляется въ путь: «Вотъ я теперь-то разстанусь съ вами,» — и начинаетъ опять прощаться со всѣми: «Простите, простите меня, говорить она, молитесь обо мнѣ...», а сама не перестаетъ креститься. Потомъ нѣсколько успокоилась, осмотрѣла кругомъ, — кинула какъ бы прощальный взглядъ на предстоящихъ и на всѣ окружающіе ее предметы, перекрестилась еще разъ, — глаза закрылись, — она какъ-будто начала засыпать: — дыханіе дѣлалось рѣже и рѣже; наконецъ, она сильно вздохнула — и ея больше не стало....

Слышавшая этотъ разсказъ объ умершей такъ была заинтересована ея смертію, что любопытствовала наконецъ узнать отъ родственницы умершей объ образъ ея жизни. «Ввроятно, была какая-нибудь добродѣтель ея, за которую она и получила прозрѣніе своей смерти и умерла такъ спокойно?» — спрашивала слушавшая. «Мы, отвѣчала родственница умершей, ничего особеннаго за ней не замѣчали, какъ только то, что она была очень сострадательна къ бѣднымъ: бывало, ни одному нищему не откажетъ, и всегда, бывало, отдѣляла каждаго или деньгами, или мукой; никто отъ нея не уходилъ съ пустыми руками; даже иногда наши домашніе на нее роптали, что она слишкомъ щедро раздаетъ муку. «Пошла ужь, иногда говорили ей деверья, опорожнить суськи-то; а ты, смотри, да побольше насыпай.»—«Ну, ужь у васъ нельзя сдѣлать и добра-то,— бывало, скажетъ она—тотчасъ погасятъ его.»—Другое доброе дѣло, продолжала родственница, было у ней то, что она каждый вечеръ при закатѣ солнца выходила на дворъ и молилась. Вотъ все, что мы знаемъ.»

КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

Воронежъ.
10 сент. 1853.

ДВА СЛОВА О ВОДЯНОМЪ БЫКЪ.

Не такъ давно занималъ всѣхъ вопросъ о ласточкахъ, теперь постоянно говорятъ въ газетахъ о водяномъ быкѣ; позволяемъ и себѣ сказать два-три слова о немъ.

Водяной быкъ (*buteur d'Europe, ardeastelaris*)—птица слишкомъ обыкновенная въ Малороссіи, Новороссійскомъ краѣ, — она водится почти во всѣхъ болотахъ, рвчкахъ, особенно покрытыхъ камышемъ. Мѣстное ея названіе—*бугай*; бугай, собственно некладенный быкъ; называется же и птица этимъ именемъ по сходству ея оглушающаго крика съ рычаньемъ быка, отыскивающаго стадо. Она издаетъ крикъ большою частію въ тихіе вечера, стоя на ногахъ, засунувъ носъ въ воду; ее трудно видѣть: она всегда прячется въ камышахъ. Она принадлежитъ къ породѣ цапель по формѣ, но бѣльшаго объема, летаетъ тяжело, вообще безобразнѣе. Владимірскій корреспондентъ Моск. Вѣд. П. П. опредѣляетъ длину ея ногъ $4\frac{1}{2}$ или 5 вершковъ, величину же ея съ кровшпека: въ нашихъ мѣстахъ она гораздо больше, впрочемъ различіе величины объясняется различіемъ климата.

Водяной быкъ, можетъ быть, явленіе рѣдкое въ сѣверныхъ губерніяхъ: отъ того-то его уханье обратило общее вниманіе; у насъ же на тепломъ югѣ, повторяю, эта птица слишкомъ обыкновенна; крику ея дѣйствительно приписываютъ что-то зловѣщее, — слышавъ его, говорятъ обыкновенно: *на свою голову, на свою голову*. Но придавать какое-то таинственное значеніе ея крику, пускаться въ объясненія, изслѣдованія, трудъ едва-ли благодарный. **В. Н.**

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ЗА ГРАНИЦЕЙ, ВЪ 1852 ГОДУ.

Юля 29, на пароходъ. Пишу къ тебѣ, милый другъ, а рука такъ и дрожить; внутреннее волненіе еще не утихло. Ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело и грустно. Я не могу успокоиться, не могу унять страшную тревогу души; ищу кругомъ знакомаго лица, сердце такъ и хочетъ высказаться... напрасно!... все чужіе, и мнѣ дѣлается такъ холодно, не смотря что здѣсь въ каютѣ, я думаю, жаръ доходитъ едва-ли не до тридцати градусовъ. Никогда не забуду я, какъ сжалось мое сердце, когда двинулся пароходъ и англійская набережная стала скрываться изъ вида. Въ Россіи я оставляла все милое и дорогое моему сердцу; одинокое путешествіе въ землю незнакомую пугало меня. Но мнѣ не пересказать тебѣ, что сдѣлалось со мною, когда изъ Кронштадта сталъ удаляться пароходъ, на которомъ возвращались провожавшіе путешественниковъ, не передать эту тяжелую, мучительную тоску, которая обхватила всю мою душу.... Но полно объ этомъ.... ты поймешь, что есть минуты, когда удивляемся, откуда берутся силы и какъ пережить ихъ. Долго слѣдила я за клубившеюся струею дыма, который вылеталъ изъ трубы парохода, буро рисуясь на ясномъ небѣ; — и наконецъ все скрылось въ бездонной синевѣ залива. — До пяти часовъ ждали почту изъ Петербурга, — наконецъ она пришла; все засуетилось, колеса зашумѣли, и гордо понесся пароходъ, съ шумомъ разбѣгая волны. День былъ чудесный; легкій вѣтеръ едва рябилъ воду; брызги отъ колесъ парохода блестя на солнцѣ серебряною пылью. Долго смотрѣла я на море, которое отдѣлило меня отъ всего дорогаго. Стлалось оно ровное, гладкое, округляясь къ краямъ горизонта, какъ опрокинутая чаша. Хорошо море, но видѣть его долго—наводитъ страшную тоску. Его томительное однообразіе падаетъ нестерпимо-тяжело на сердце; такъ и хочется вырваться изъ этой массы, которая давитъ васъ своею бѣзконечностью.... Ты непременно хотѣла, чтобъ я описывала тебѣ все, а главное—людей, съ которыми я буду встрѣчаться, да что же тутъ любопытнаго: все это люди незнакомые.... Но ты сказала: я *хочу этого*, и надобно тебя слушаться. Послѣ обѣда я отправи-

лась курить въ павильонъ. Онъ построенъ на палубѣ, очень красивъ; кругомъ мягкіе зеленые диваны, въ углу пьянино, подлѣ него зеркало, столикъ, и на немъ постоянно горящая лампочка для закуриванья папирось. Это маленькое, вѣчно дрожащее пламя, не знаю отъ чего, ужасно раздражало мнѣ нервы. Я молча сидѣла въ углу подлѣ пьянино; меня томило мое одиночество. На диванѣ, прислонясь спиною къ подушкѣ, полулежала дама, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ безчисленнымъ множествомъ волановъ. Черное платье *est de rigueur en voyage*. Мода занесенная къ намъ Англичанками, которыя къ этому присоединяютъ соломенную шляпку и непременно зеленый вуаль. Дамѣ казалось на видъ около тридцати лѣтъ; у нея было блѣдное плоское лице. Сидя на диванѣ почти у ея ногъ, съ нею разговаривала другая дама, женщина лѣтъ тридцати пяти, въ розовомъ кисейномъ платьѣ; цвѣтъ и весь складъ ея лица доказывали южную породу. Она съ жаромъ разсказывала по-русски, употребляя иногда странныя выраженія, какую-то исторію чьей-то несчастной любви, занимательную для нихъ, но для меня томительно скучную. Во все время разсказа она не переставала курить папиросы, часто вскакивала съ своего мѣста и вообще много суетилась.

....—Ну вотъ, чѣмъ же я виновата, говорила она: вѣдь странно же, вѣдь я ей не мать, не могу жъ ее удержать; а они на меня за это сердятся; ну какой же онъ женихъ; говорятъ, и фамилія не такая важная, и не генераль.—Дама въ черномъ отвѣчала на все одобрительнымъ и томнымъ голосомъ. На пароходѣ еще инженерный генераль, съ женою и племянницей. Онъ говоритъ хорошо и занимательно; еще двѣ дамы-нѣмки, обѣ женщины хорошаго общества; еще полурусская нѣмка,—мать съ двумя взрослыми дочерьми, очень миленькими, которыя немного оживляютъ монотонность переезда игрою и пѣніемъ; молодая дама, тоже въ черномъ, съ маленькимъ сыномъ, который играетъ на палубѣ, какъ дома; купецъ, грекъ съ желтымъ шафраннымъ лицомъ, страдающій печенью, съ женою, молоденькой женщиной, страдающей нервами, а кажется, больше капризами; еще какой-то русскій помѣщикъ, который постоянно говоритъ по-французски, съ женою и блѣдною больною дочерью; наконецъ *chargé d'affaires*, котораго я приняла сначала за купца; англійскій курьеръ весь въ полосатомъ, начиная съ фуражки и кончая только что не сапогами, высокій, съ ярко-краснымъ носомъ; другой англичанинъ также съ большимъ носомъ, только не краснымъ; къ вечеру онъ надѣваетъ на себя сѣрый полосатый платокъ, который также служитъ ему одѣяломъ; еврей банкиръ, который подчуетъ папиросами даму въ розовомъ платьѣ.... и еще кое-кто,

теперь хорошенько не припомню.... еще французенка, должно быть, содержательница моднаго магазина; съ матерью.

Вечеромъ всѣ были на палубѣ. Погода стояла чудесная; солнце тихо спускалось въ море. Вдали чуть-чуть виднѣлось что-то. «Это Рига», сказалъ капитанъ, англичанинъ съ краснымъ носомъ, вынувъ изъ футляра, который висѣлъ у него черезъ плечо, подзорную трубу, и молча сталъ наводить ее. Всѣ бросились къ борту, всѣ смотрѣли, я также, но ровно ничего не видала. Солнце потонуло въ морѣ, горизонтъ блѣднѣлъ,—мнѣ казалось, что и море какъ будто засыпало, на небѣ слабо вырѣзался блѣдный рогъ мѣсяца; было тихо кругомъ, только колеса парохода шумѣли, пролагая дорогу въ морѣ, и облокотившись на бортъ, я смотрѣла на прорѣзъ волнъ, который мы оставляли за нами, смотрѣла на далекій горизонтъ.... а сердце такъ и рвалось назадъ, въ Петербургъ.

Почти совершенно стемнѣло, какъ только можетъ темнѣть у насъ въ Россіи въ іюньскія ночи. Вдали показался пароходъ; онъ возвращался изъ Стеттина въ Петербургъ. Съ обонхъ пароходовъ посылали ракеты, и ночью на морѣ эти огни дѣлали чудесный видъ. Пароходъ быстро скрылся; я съ завистью слѣдила за нимъ глазами.

Но прощай: уже два часа ночи; желаю тебѣ спать лучше, чѣмъ буду я. Въ ящикъ, который называютъ каютою, уснуть нѣтъ никакой возможности; придется спать наверху. Шумъ колесъ напоминаетъ мнѣ шумъ запруды на мельницѣ въ . . . въ; пусть онъ меня убаюкаетъ, какъ этотъ родной шумъ убаюкивалъ меня въ дѣтствѣ. Прощай.

30 числа. Ничего не можетъ быть несноснѣе плаванія въ морѣ; можно съ ума сойти отъ скуки; какъ выносить это тѣ, которые должны быть на пароходѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ я бы бросилась за бортъ; меня и то такъ и тянетъ посмотреть, что тамъ дѣлается подъ этими волнами, а онѣ такія тяжелыя, не прозрачныя. Запахъ каменнаго угля меня преслѣдуетъ, не могу отъ него отдѣлаться; даже читать не могу.—Къ-тому же началась качка.

Небо стало такое сврое, точно не бѣленая холстина: жена греческаго купца кричитъ въ страшиномъ нервномъ припадкѣ; дама въ розовомъ мятомъ капотѣ лежитъ почти безъ чувствъ, покрытая шинелью капитана; всѣ больше или меньше больны; только двѣ молодыя дѣвушки стараются пройти по одной доскѣ, не качаясь; имъ помогаетъ и говорить по-французски любезности русскій помѣщикъ. Дама въ черномъ, полулежа и страдая, рассказываетъ томио протяжнымъ голосомъ скому *chargé d'affaires*, что она вовсе не

кокетка, и тотъ слушаетъ ее, флегматически улыбаясь. Оба англичанина, полосатый съ краснымъ носомъ, да другой въ шали, быстро ходятъ взадъ и впередъ, показывая изрѣдка бѣлые длинные зубы. Партія наша въ преферансъ разстроилась; я играла съ женою генерала и купцомъ, который мнѣ рассказывалъ про свою печень. Скучно.... голова у меня тоже начинаетъ кружиться.... и тяжело и противно; писать больше не могу.

Стеттинъ. 31 числа. Сегодня въ ночь шумъ и свистъ выпускаемыхъ паровъ разбудилъ меня. Мы прѣехали въ Свинемюнде; прусскіе таможенные чиновники взопли на пароходъ, и прусскій кормчій замѣнилъ нашего. Пароходъ входилъ въ рѣку Свине. Солнце встало, и всѣ пассажиры вышли на палубу. Рѣка такъ узка, что пароходъ шелъ у самаго берега. Я съ любопытствомъ смотрѣла на новую землю и новую природу. Рожь уже складывали въ снопы. На берегу все жило и шевелилось. Пароходъ шелъ тихо; крестьянки, въ коротенькихъ юбкахъ и уродливыхъ шляпкахъ, омотрѣли на насъ съ любопытствомъ; босые мальчишки возились съ свѣчами, стоя по колено въ водѣ. Тростникъ, которымъ обросъ весь берегъ, качался отъ движенія воды, волнуемой колесами парохода, и точно кланялся намъ.—Бѣлыя и желтыя бабочки порхали надъ нимъ, и только что не садились на бортъ. Глаза мои отдыхали отъ безпредѣльности и однообразія моря, на зелени, деревьяхъ, коровахъ, которыя паслись на нивахъ такія толстыя, здоровыя, отдыхали на живомъ, однимъ словомъ.—Въ девять часовъ утра пароходъ остановился у стеттинской пристани, противъ отеля *С.-Петербургъ*. Пассажиры засуетились, всѣ страшно спѣшили. Ко мнѣ подошла французенка, которая общала вѣхъ со мною до Берлина. Мы отправились смотрѣть наши чемоданы. Явились грязные комиссіонеры въ блузахъ. *Nach eisenbahn, nach eisenbahn?* кричали они, суетясь около чемодановъ. Французенка, не понимая ни слова по-нѣмецки, отыскивала какіе-то свои ящики, которые она вообразила потерянными. Ящики не отыскивались. «*Une grosse caisse!*» *пожалуйста*, твердила она въ отчаяніи. Нѣмцы смотрѣли на нее, не понимая, конечно, ни слова. Наконецъ ящикъ нашелся. Ну, вотъ вѣдь здѣсь ея ящикъ, а кричить!—сказалъ грубымъ голосомъ офицеръ парохода. Мы пошли въ гостиницу; старуха французенка тащила двѣ пуховыя подушки,—зачѣмъ, я до сихъ поръ не знаю. Насъ привели въ комнату довольно опрятную. Я попробовала лечь на одну изъ кроватей; но чуть не утонула въ пуховикъ; ощущеніе очень пріятное, когда жаръ на улицѣ и въ комнатахъ только что не доходилъ до жара крови по Реомюру.—Французенка была очень довольна, что лакей въ отелѣ говорилъ по-французски, но смѣлась

надъ комнатою и городомъ, говоря: *ce n'est pas comme en France, — quelle ville et c'est un port de rien*. Намъ подали завтракъ довольно скверный, а для десерта вишень въ половину незрѣлыхъ. Стеттинъ—старинный нѣмецкій городъ, который мнѣ очень не нравится; привыкшую къ щеголеватости Петербурга, меня поразили его грязныя улицы и грязные дома; впрочемъ, я могу судить только о томъ, что было видно изъ оконъ гостинницы. Пароходъ стоитъ у пристани прямо противъ меня; его чистятъ, моютъ, снаряжаютъ, чтобы мнѣ вернуться въ субботу,—какъ ты думаешь? Что за сумасшедшая? скажешь ты.—Ахъ, еслибъ ты знала, какъ мнѣ тяжело и грустно одной; даже этотъ чужой языкъ на улицъ раздражаетъ мнѣ нервы. Француженка болтаетъ безъ умолку. На улицъ суета страшная; длинныя коляски на плоскихъ рессорахъ безпрестанно подѣзжаютъ къ гостинницѣ. Но мнѣ пора кончить; меня ждуть; прощай; въ двѣнадцать часовъ мы должны быть на желѣзной дорогѣ.

Берлинъ. 1-го юля. Только Нѣмцы могли выдумать, даже по желѣзной дорогѣ ѣхать тихо,—и останавливаться, я думаю, на каждой милѣ. Сомной въ каретѣ сидѣли какія-то нѣмки, въ страшныхъ нарядахъ, *des toilettes de l'autre monde*. И гдѣ онѣ покупаютъ эти невыразимые ситцы, изъ которыхъ кроютъ свои уродливые покровы; подобные я видѣла только на И.....ской ярмаркѣ. Моя спутница француженка, очень прилично одѣтая въ черное шелковое платье, смѣясь показывала мнѣ на толстую красную нѣмку, которая сидѣла противъ меня; нѣмка все закрывала томно глаза; ее, видно, укачивало; лице ея лоснилось отъ пота.

Въ четыре часа мы прѣехали въ Берлинъ. Столица Пруссiи-- Петербургъ въ дурномъ видѣ; Петербургъ безъ роскошной набережной и красавицы Невы. Улицы широкія, дома правильные и довольно-опрятные. Въ Берлинъ, на дебаркадерѣ, встрѣтилъ меняий; онъ прѣехалъ ко мнѣ на встрѣчу изъ Дрездена; ты можешь себя представить, какъ я ему обрадовалась. Онъ провелъ насъ въ *hôtel de Rome*, на улицѣ, которая называется *Unter den Linden*, потому что по всему ея протяженiю красивая липовая аллея. Я такъ устала, что скоро заснула какъ убитая. Француженка долго возилась въ другой комнатѣ. Сегодня утромъ мы побѣжали смотрѣть городъ. Прежде всего отправились въ музей. Онъ мнѣ напомнилъ нашъ своими размѣрами и лѣстницею; пѣтъ только той роскоши. Много античныхъ статуй; мнѣ особенно понравилась дѣвочка, играющая въ кости; а изъ новыхъ Психел Кановы, въ родѣ той, которая въ Петербургѣ, помнишь, съ опадающими крылышками? Что за прелесть! Какая грація въ этвхъ полу-дѣтскихъ, полу-женскихъ формахъ! Картины музея я едва

видѣла: мы ужасно спѣшили. Дворецъ— старинное строе зданіе, съ обвалившеюся штукатуркою; но очень хорошъ видъ съ крыльца музеума на площадь передъ дворцемъ и театръ. Мы только проѣхали чрезъ *Thier-garten*. Въ немъ чудесныя высокія деревья, много тѣни и прохлады.

Дрезденъ. 3-го іюля. Вотъ уже два дня, мой другъ, какъ я здѣсь, въ *миломъ* Дрезденѣ, какъ называютъ его, помнишь, кто.... И въ самомъ дѣлѣ это милый городъ, это не то, что сухой, скучный Берлинъ. Въ немъ такъ много симпатичнаго; здѣсь такъ и хочется отдохнуть, остаться, пожить подольше. Изъ Берлина везли насъ, по обыкновенію, тихо, — и останавливались безпрестанно. Ты знаешь, что мною въ дорогѣ овладѣваетъ всегда странное безпокойство; я все спѣшу куда-то, хотя знаю, что меня тамъ никто не ждетъ; — такъ и теперь — я страшно торопилась въ Дрезденъ; машина, какъ будто раздѣлая нѣмецкое хладнокровіе, скорѣе не двигалась. По обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги тянулись гладкія, плоскія поля, иногда смѣняясь болотами. Природа Пруссіи напомнила мнѣ Россію, особенно....скую губернію, и мнѣ иногда казалось, что я ѣду домой; только шумъ и свистъ машины напоминалъ печальную дѣйствительность и разрушалъ мои сны на яву.—Наконецъ мы вѣхали въ Саксонію, и передо мной открылась гористая и живописная мѣстность. Горы, усаженныя виноградниками, которые всходятъ по нимъ уступами; а внизу, въ долину, красивыя бѣленькіе домики, съ черепичными кровлями, потонувшіе въ зелени; даль совершенно синяя. Это милое, живописное мѣстоположеніе такъ нравилось мнѣ, привыкшей къ бѣдной природѣ нашихъ западныхъ губерній, что я любовалась имъ какъ ребенокъ, нисколько не скрывая своего восторга. Въ восемь часовъ мы пріѣхали въ Дрезденъ. Солнце садилось, золотя послѣдними лучами далекія горы Саксоніи; въ половину пересохшая Эльба едва катила свои лѣтнівыя волны. Я съ любопытствомъ смотрѣла кругомъ, между тѣмъ какъ наша коляска, нагруженная чемоданами, прыгала по неровной мостовой. Хорошъ Дрезденъ; дома высокіе, иные въ восемь этажей; улицы узкія; онъ мнѣ напомнилъ Дерптъ, который, помнишь, мы такъ любили; здѣсь католическій соборъ *Frauen-Kirche*—первая готическая церковь, которую удалось мнѣ видѣть. Здѣсь, еслибъ меня не торопили, я бы осталась цѣлый день, любуясь этими длинными узкими окнами, темнымъ, въковымъ цвѣтомъ стѣнъ, граціозною и величественною крышею, уставленною статуями. Провѣхавъ подъ сводами дворца, который отдѣляетъ *Alten Marck platz* отъ *Neue-Marck*, коляска подкатилась къ красивому дому, довольно затѣливой архитектуры; поднялся страшный звонъ въ огромныхъ сѣняхъ,

убравныхъ цвѣтами; встрѣтили насъ швейцарь и толпа лакеевъ; этотъ домъ былъ гостинница Викторія. Вотъ тебѣ и прїездъ мой въ Дрезденъ.

На другой день утромъ, мы пошли, разумеется, въ галерею. Она на *Alten Marck platz*, противъ *Hôtel de Saxe*, известной гостинницы въ Дрезденъ. Галерея — старинное и грязное зданіе; совершенно потемнѣвшее отъ времени; картины освѣщены дурно; стѣны грязно-краснаго цвѣта, точно растертый кирпичъ съ золою (теперь строятъ новый музей въ Цвингеръ); но за то на этихъ стѣнахъ какія картины! Ты такъ много читала, такъ много слышала о дрезденской галерее, что все, что я скажу тебѣ, будетъ не ново; но вѣдь ты не публика, тебѣ не нужны краснорѣчивыя, артистическія описанія; тебя, я знаю, занимаютъ мои впечатлѣнія, и потому я расскажу тебѣ только то, что меня особенно поразило. Слушай же. Въ одной изъ первыхъ комнатъ, направо отъ двери, повѣшена довольно низко (такъ что я при всей моей близорукости могла хорошо ее рассмотреть), Мадонна Луки-Донги, итальянскаго живописца, до Рафаэля. Мнѣ понравилась безыскусственная грація и простота этой картины. Божественный Младенецъ, сидя на колыняхъ Матери, протянулъ руку и беретъ за подбородокъ св. Іоанна, также ребенка, который какъ бы съ молитвою, сложа на груди руки, смотритъ на Иисуса съ благоговѣніемъ. Положенія, выраженіе лицъ обонхъ дѣтей, тихая задумчивость, разлитая на лицъ Мадонны, дѣйствуютъ на душу какъ-то благотворно и успокоительно. Мысль, созрѣвшая въ кроткой душѣ художника, вылилась на полотно такъ просто и наивно; ни малѣйшей претензіи на эффектъ, ничего изысканнаго и ложнаго. Въ слѣдующей комнатѣ, прямо противъ входа, Мадонна Рафаэля; она подъ стекломъ и немного отдѣлена отъ стѣны, такъ что свѣтъ падаетъ на нее слѣва. Никогда дѣйствительность не отвѣчала тому, что создавало мое воображеніе; постоянное разочарованіе наступало для меня при взглядѣ на все известное и хваленое; но только здѣсь, только при взглядѣ на сикстинскую Мадонну, я поняла, что кромѣ природы, созданія Божія, есть произведенія человеческого генія, предъ которыми надобно преклониться съ благоговѣніемъ. Какъ передать словами божественно-задумчивое выраженіе лица Мадонны; величавое спокойствіе, разлитое во всей фигурѣ; глубокую думу Ея кроткихъ взоровъ, — думу, полную какого-то успокоительнаго всезнанія; руки Мадонны поддерживаютъ Младенца и какъ будто служатъ ему престоломъ. Васъ поражаетъ лице Иисуса; взглядъ его строгій, почти грозный, проникаетъ въ душу. Этѣмъ младенческимъ чертамъ художникъ умѣлъ придать выраженіе лица

Иговы; кажется, такъ и чувствуешь, какъ въ этой слабой, дѣтской оболочкѣ трепещетъ душа Всемогущая. Внизу два ангела, какъ бы пораженные величьемъ явленія, смотрятъ на него съ благоговѣніемъ, и глубокая серьезная мысль выражается на ихъ дѣтскихъ лицахъ. Да, въ рѣдкія минуты жизни сходитъ на душу вдохновеніе, подъ вліяніемъ котораго создалась эта картина; какой божественный идеалъ должно носить въ себѣ, чтобъ передать такъ осязательно мысль на полотнѣ, и если она производитъ на насъ, хладнокровныхъ зрителей, такое сильное впечатлѣніе, такъ чтѣ же должно было совершаться въ воображеніи самаго художника? Долго не могла я отвести глазъ отъ Мадонны,—и смотря на нее, мнѣ невольно приходили на память стихи Жуковского. Великій поэтъ понималъ великаго живописца; души художниковъ родныя:

«Онъ лишь въ рѣдкія мгновенья
 «Бытія слетаетъ къ намъ,
 «И приноситъ откровенья,
 «Благодатныя сердцамъ.
 «Чтобъ о небѣ сердце знало
 «Въ душевой области земной,
 «Лучшей жизни покрывало
 «Приподъемлетъ онъ порой.
 «А когда насъ покидаетъ,
 «Въ даръ любви, у насъ въ виду,
 «Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
 «Онъ прощальную звезду.

Съ сикстинской Мадонны какой-то художникъ снималъ копію.... Нѣтъ, одни мазки кисти, безъ просвѣщенія душевнаго, никогда не подарятъ насъ прекраснымъ. Люблю я также Мадонну Мурильо; съ горячею вѣрою подняла она взоры къ небу; въ ней уже какъ будто пробуждается предчувствіе будущаго страданія, — и она испрашиваетъ силы перенести его. Божественный Младенецъ беззаботно припалъ къ груди Матери и играетъ ея покрываломъ, но взглядъ его уже задумчивъ. Мадонна Гольбейна,—нѣмецкій типъ того времени, но въ ней много простоты и величія.—Въ Мадоннѣ Корреджіо мнѣ особенно понравилось лице св. Себастіана; взоръ мученика горитъ восторгомъ; все лице исполнено безпредельнаго блаженства. Погруженный въ экстазъ, не чувствуя земныхъ мученій, онъ созерцаетъ небесное видѣніе; ангелъ, наклонясь къ нему изъ облаковъ, указы-

васть ему на Божественнаго Младенца, который протягиваетъ къ мученику руки, какъ бы благословляя его.

Знаменитая ночь Корреджіо поразила меня не такъ, какъ я ожидала; можетъ быть, потому, что отъ времени краски на ней совершенно потемнѣли, такъ что надобно очень пристально вглядываться, чтобы рассмотреть что-нибудь. Но какъ хорошо освѣщеніе, которое все какъ бы выходитъ отъ Спасителя, и падаетъ ярко на лице Св. Двѣи, которая склонилась надъ нимъ, кротко и дѣтски улыбаясь.

Хороша также Магдалина Піетро-Ротари. Люблю я тоже Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, Гвидо-Рени. Амуры Альбана вовсе не такъ хороши, какъ я думала. Картины Ребейра поражаютъ своею энергіею и мрачнымъ колоритомъ. Здѣсь есть еще моя любимица св. Цецилія, Карла Дольче; что за милое лице, полное вдохновенія и дѣвственной прелести.

Я не люблю фламандской школы, и потому ничего не скажу о ней; къ-тому же ты видѣла петербургскій музей, который довольно богатъ въ этомъ отношеніи. Здѣсь есть портреты Рембрандта точно живые: такъ и кажется, что они сейчасъ заговорятъ. Пейзажи Поль-Потера и Рюиздаля, мимо которыхъ я прошла бы прежде, не останавливаясь, теперь въ особенности привлекали мое вниманіе. Какъ надобно любить и понимать природу, до какой степени надобно прочувствовать всю красоты ея, всю малѣйшіе оттѣнки, чтобы такъ художественно-вѣрно воспроизвести ихъ. Здѣсь много портретовъ въ *pastel*, одинъ другаго лучше и граціознѣе; особенно хороши: темнорусая головка, съ птачкою на плечъ, и другая, подъ названіемъ *la belle chocoladière*; но все они носятъ печать своего времени, *la bouche en covur*, и головки жеманно склонены на бокъ.

Вчера мы ѣздили смотреть Цвингеръ, старинный дворецъ, въ которомъ хранятся теперь древности. Одинъ изъ павильоновъ былъ сожженъ во время революціи 1848 года, и до сихъ поръ еще не реставрированъ. Цвингеръ—граціозное, великолѣпное зданіе, украшенное каріатидами, барельефами, рѣзбою, которая стелется по немъ, тонкая, прозрачная какъ кружево. Весь дворъ заставленъ померанцевыми деревьями, которыя, къ большому моему сожалѣнію, уже отцвѣли. Дворецъ окруженъ садомъ, чрезвычайно живописнымъ. Оттуда мы отправились на *Brülsche Terrasse*, мѣсто здѣшняго гулянья. Терраса такъ называется отъ дворца того же имени, къ которому она примыкаетъ; она устроена Руппинимъ въ то время, когда онъ былъ здѣсь генералъ-губернаторомъ въ 13 году. Вотъ

тебѣ и историческій фактъ: можетъ быть, ты этого еще не слышала; а мое русское сердце порадовалось тому, что самое красивое гулянье въ нѣмецкомъ городѣ устроено русскимъ, и я не могла удержаться, чтобъ не написать тебѣ объ этомъ. Терраса надъ самою Эльбою и вся усажена бѣлыми акаціями; какъ должно быть хорошо здѣсь, когда онѣ цвѣтутъ. На нее ведетъ широкая каменная лѣстница. Въ глубинѣ террасы устроенъ красивый воксалъ, въ которомъ каждый вечеръ играетъ музыка. Вся терраса была покрыта гуляющими. Дрезденскія дамы, большею частью очень не красивыя, совершенно опровергая пословицу: *Sachsen, vo die schönen Mädchen wachsen*, неловко одѣтыя, прохаживались по аллеямъ, или скромно и молча сидѣли за круглыми столиками; но только не везли чулокъ. Мужчины, поодаль отъ дамъ, курили и страшно пили пиво.— Мы сидѣли на верхней террасѣ, до насъ, раг *bouffées*, долетали звуки музыки. Въ Эльбѣ отражались огни съ моста; темное небо, усыянное милліонами звездъ, стлалось надъ Дрезденомъ. Было такъ тихо, что казалось, листья на акаціяхъ окаменѣли. — На водѣ ни малѣйшей зыби, точно она застыла; никакой свѣжести въ воздухѣ, а уже было десять часовъ вечера. Здѣсь теперь стоятъ африканскіе жары; на солнцѣ иногда бываетъ 40 градусовъ. Поздно-вечеромъ возвращались мы домой; было темно и жарко; узкія улицы Дрездена казались мнѣ совершенно корридорами. Здѣсь нравы патриархальныя; магазины запираются въ семь часовъ, и женщина можетъ идти одна ночью по улицамъ. Представить себѣ не могу, какъ могъ шумѣть и волноваться этотъ мирный народъ; и неужели этѣ тихія улицы Дрездена были свидѣтельницами кровавыхъ раздоровъ. А къ несчастью, это было однакожъ; всѣ стекла во дворцѣ были разбиты; полъ въ *Hôtel de Saxe* весь залитъ кровью.

5 іюля. Мы сейчасъ только вернулись изъ саксонской Швейцаріи, и я хочу описать тебѣ нашу повздуку.

Мы отправились вчера изъ Дрездена на пароходѣ, и черезъ часъ были въ Пильницѣ (загородный дворецъ короля). Оттуда, послѣ обѣда, мы сѣли на лошадей и пустились въ путь въ сопровожденіи двухъ жокатыхъ. Одинъ изъ нихъ, въ черномъ, уморительнаго покроя, фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ лицомъ совершенно почернѣвшимъ отъ загара, несъ очень граціозно на зонтикъ мою шляпку. Другой жокатый, менѣе джентльменъ и немного пыльный, находилъ какое-то особенное удовольствіе безпрестанно бить хлыстомъ мою лошадь, которая отъ этого пускалась самою безпокойною рысью. *Einführer*, въ черномъ фракѣ, съ важностью его уговаривалъ прекратить эту неприличную забаву. Ты знаешь мою привычку къ верховой ѣздѣ,

но рысь маленькой лошади до того была невыносима, что мы при-
нуждены были ѣхать шагомъ, и потому джентльменъ вожатый съ
приличною въжливостью объявилъ намъ, что мы должны будемъ
ночевать въ Бастей. Сначала мы ѣхали широкой аллеей, точно пар-
комъ; солнце жгло и пекло невыносимо; мнѣ уже это начинало на-
доѣдать. Наконецъ мы повернули на узенькую тропинку; съ обѣихъ
сторонъ обступили насъ скалы, поросшія дубами и елями; внизу,
подъ нашими ногами, бѣжалъ ручей, съ шумомъ пробирался между
камней; въ иномъ мѣствѣ огромныя каменные глыбы совершенно
нависли надъ головою,—такъ и казалось, что онѣ сейчасъ рухнуть
въ долину. На половинѣ дороги въ Бастей мы остановились, чтобъ
дать отдохнуть людямъ и лошадамъ. На этомъ *Ruhe Platz*, въ са-
момъ дикомъ и живописномъ мѣствѣ, на берегу ручья, который тутъ
образуетъ небольшой водопадъ, построено что-то въ родѣ хар-
чевни; намъ сейчасъ же предложили пива и воды съ кислымъ крас-
нымъ виномъ. Харчевня портила для меня всю прелесть мѣстополо-
женія. Жаръ упалъ; тихій и теплый вечеръ спускался на землю;
въковыя дубы и ели наклоняли надъ водой свои темныя верхушки,
ивы купали въ ней свои трепетныя листья, и глухо шумѣлъ водо-
падъ, навѣвая на душу сладкую дремоту. Я долго лежала на травѣ,
на самомъ берегу ручья, стараясь не думать и не чувствовать: я
хотѣла, чтобъ душа моя отдыхала вмѣстѣ съ тѣломъ; но на бѣду
грязный столъ, воткнутый въ землю, и на немъ стаканы съ пивомъ,
ужасно сердили меня и никакъ не давали забытья. Почти совер-
шенно стемнѣло, когда мы стали подъѣзжать къ Бастею. Какъ хо-
роши были этѣ скалы, чернѣя въ сумракъ; лошади осторожно сту-
пали по камнямъ, моя нѣсколько разъ оступилась, — я испугалась
и пошла пѣшкомъ. Провожатый въ черномъ фракѣ, когда нужно
было идти въ гору, все толкалъ меня въ спину рукою; онъ гово-
рить, что для этого и надѣвъ бѣлыя перчатки и всегда такъ по-
могаетъ дамамъ ходить въ горахъ. Надобно было покориться своей
печальной участи, и медленно шествовать, толкаемой провожатымъ.
Послѣ жаркаго лѣтняго дня, здѣсь въ лѣсу, окруженномъ громад-
ными скалами, было свѣжо и прохладно; свѣтящіе червяки такъ и
блестѣли въ темной зелени. Въ иномъ мѣствѣ, въ скалѣ открывался
темный гротъ и чернѣлъ во мракъ. Здѣсь справедливо названо одно
мѣсто *la cuisine du diable*. Наконецъ усталая, изнуренная, мы до-
брались до Бастей. Мнѣ отвели опрятную комнату. Вставъ въ три
часа утра, изнуренная бессонницею, я подошла къ окну и отворила
его; влажный, душистый воздухъ освѣжилъ немного мое разго-
реченное лицо. Я пожалѣла, что тебя нѣтъ со мною: что за чудная

картина была передъ моиими глазами! Солнце вставало за скалами, красное, безъ лучей; верхушки горъ покрывались какъ бы золотомъ, внизу было еще сыро и холодно. Птицы просыпались на вѣткахъ, и радостно чирикала, порхала между листьевъ и вьющихся растений, еще влажныхъ отъ росы. Гостинница надъ самою пропастью; кругомъ ея все скалы. Какіе-то путешественники уже спускались по тропинкѣ; они остановились, посмотрѣли кругомъ; солнце поднялось выше, и горячіе лучи такъ и облили всю окрестность.

Adieu schöne Bastei! сказалъ одинъ изъ путешественниковъ, высокій молодой человекъ, снимая свою круглую сѣрую шляпу. — Позже мы отъправились гулять; но страшный жаръ принудилъ насъ скоро вернуться.

Въ двѣнадцать часовъ мы стали спускаться по тропинкѣ, которая вела къ Эльбѣ. Эта дорога чрезвычайно живописна; она окружена скалами самыхъ разнообразныхъ формъ, только не всегда граціозныхъ; между ними виднѣются развалины рыцарскаго замка; сохранилось только одно основаніе, и еслибъ мнѣ не сказали, то я никакъ бы не догадалась, что это развалины; такъ мало отличаются онѣ отъ скалъ и камней, которые ихъ окружаютъ. Онѣ надъ самою Эльбою. Воображаю, какъ въ средніе вѣка феодальныя бароны тѣшились, стрѣляя изъ своихъ узкихъ оконъ въ бѣдныхъ путешественниковъ по Эльбѣ. На скалахъ тысячи именъ путешественниковъ, и въ числѣ ихъ я нашла нѣсколько знакомыхъ. Видя эти имена, вырезанныя на самыхъ дикихъ ущельяхъ, мнѣ вдругъ стало жаль и досадно, что эта живописная страна такъ знакома, такъ опошлена путешественниками, и потому она въ глазахъ моихъ теряетъ почти всю свою поэзію и прелесть. Какъ скучна Европа, вся изрѣзанная желѣзными дорогами, вся воздѣланная какъ огородъ. Нѣтъ, люблю я больше мою холодную родину, съ ея безпредѣльными полями и болотами, съ дикими, заглохшими лѣсами, не разчищенными какъ англійскій паркъ. Люблю эту простую и дикую природу, гдѣ можно найти уединеніе, гдѣ не встрѣчаемъ великолѣпныхъ *points de vue*, — предметъ заказнаго восторга и глупыхъ общихъ мѣстъ, гдѣ несносный чичероне не рассказываетъ вамъ скучныхъ достопримѣчательностей.

A Francfort sur le Mein, l'on entre et l'on s'étonne,
De ne voir qu'élégance, éclat, faste emprunté;
O Francfort, qu'as-tu fait de la vieille beauté?
Marraine des Césars, où donc est ta couronne?

Франкфуртъ на Майнѣ. 9-го іюля. Вотъ тебѣ, милый другъ, письмо съ эпиграфомъ, ты знаешь мою несчастную страсть

всюду вклеивать стихи; ведь сама же ты говорила, что у меня, какъ въ старинномъ водевилѣ *Стряпчій подъ столомъ*, всегда есть куплеты на всякій случай. Ахъ! à propos къ стряпчему и куплетцамъ: — помнишь этотъ холодный балаганъ, пресерьёзно называемыйскій театръ, этѣ маленькія клетка, обитыя краснымъ краповымъ сукномъ..... ложи, должно быть; а по срединѣ театра, точно огромныя троечныя сани, и коверъ сзади болтаётся, — *Jöge gouvernementale*. А *jeune premier*, съ вывернутыми локтями и вѣчно отставленной одной ногой назадъ; а *jeune premier*, съ талією подъ мышками и гнусливымъ выговоромъ... помнишь, какъ у насъ страшно мерзли ноги въ этомъ балаганѣ, и ты такъ серьёзно спрашивала, для чего все это дѣлается? на чье удовольствие ломается эта комедія? Но ты, читая это письмо, вѣрно спрашиваешь, по какому случаю, вмѣсто того, чтобы говорить о Франкфуртѣ, я пишу объскомъ театрѣ, особенно, начавъ такъ торжественно стихами St. Beuve: *marraine des Césars* и проч. Отвѣчаю тебѣ, какъ говорятъ дѣти: а такъ....., и продолжаю мое повѣствованіе. Начну съ того, что отъ Дрездена до Франкфурта, гдѣ вѣды по желѣзной дорогѣ всего полтора сѣтокъ, немного больше, чѣмъ отъ Петербурга до Москвы, мы проѣхали, я думаю, черезъ пять или шесть королевствъ и герцогствъ. Пограничные столбы мелькали какъ заборъ, — то желтые съ чернымъ, то голубые съ бѣлымъ, то, кажется, красные, я уже не припомню какіе. Подъѣзжая къ Лейпцигу, я смотрѣла на эти поля, удобренныя человеческою кровью; я такъ много слышала отъ отца моего о знаменитомъ Лейпцигскомъ сраженіи, что мнѣ казалось — я его вижу; но этому прошло сорокъ лѣтъ, — и говорятъ, самая мѣстность совершенно измѣнилась. Ночевавъ въ Эрфуртѣ, мы, на другой день вечеромъ, пріѣхали во Франкфуртъ. Это совершенно европейскій городъ, съ блестящими магазинами и красивыми садами. Говорятъ, что въ еврейскомъ кварталѣ сохранился еще средневѣковой Франкфуртъ; но я тамъ не была. *Рёмеръ* — старинное зданіе, въ которомъ избирались императоры; въ архитектурѣ его нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. Передъ *Рёмеръ* на площади, на которой провозглашали избраніе императора, бывали, и теперь бываютъ, двѣ ярмарки, одна въ сентябрѣ, а другая на Св. недѣль. Я не была внутри *Рёмера*, зато видѣла здѣшній соборъ, и хотя онъ очень древень, построенъ въ 12 столѣтіи, но мнѣ нисколько не понравился. Внутри голыя бѣлыя стѣны; окна безцвѣтныя; сухо и холодно. Больше всего мнѣ понравился во Франкфуртѣ садъ Ротшильда, хотя онъ и не такъ замѣчательнъ, чтобы стоило упоминать о немъ въ *guide*.

des voyageurs, и показывать какъ рѣдкость. Въ немъ очень разнообразная растительность, много тѣни и прохлады, и бѣлыя гладкія стѣны Ротшильдова загороднаго дома совершенно въ итальянскомъ стилѣ, такъ хорошо отдѣляются на темной зелени. Вечеромъ, мы были въ *Mainlust*, мѣстѣ здѣшняго гуллня; порядочная музыка; освѣщенный воксаль, наполненный нѣмками и нѣмцами; прескучно.

Эмсъ. 13-20 іюля. Не понимаю, почему Викторь-Гюго называетъ дорогу отъ Франкфурта до Майнца патриархальною; развѣ потому, что она въ иныхъ мѣстахъ обсажена яблонями; но вѣдь и по всей Германіи желѣзныя дороги проходятъ точно чрезъ огороды; такъ и кажется, что нити отъ огурцовъ цѣпляются за рельсы. Въ Майнцѣ въ первый разъ увидѣла я Рейнъ; знаменитая рѣка, прославленная поэтами и туристами, предметъ спора двухъ націй, произвела на меня на первый взглядъ самое непріятное впечатлѣніе. Зеленая, грязная, не очень широкая, она текла какъ-то вяло и лѣнливо, не отражая въ своихъ мутныхъ волнахъ старинныхъ зданій Майнца. Я вспомнилакую, ея голубыя, свѣтлыя волны, ея гордое теченіе, и превосходство осталось за неизвѣстной рѣкой, не привлекающей ни одного путешественника. Но чѣмъ дальше вѣхали мы по Рейну, тѣмъ больше и больше сглаживалось первое впечатлѣніе, и вотъ наконецъ высокіе утесистые берега, къ которымъ прицѣпились развалины, какъ орляны гнѣзда, обступили Рейнъ съ обѣихъ сторонъ, и какъ показался онъ мнѣ тогда красивымъ и поэтическимъ. Направо виноградники вились по уступамъ скаль, налѣво чернѣли дубовый лѣсъ. Старинныя нѣмецкіе города живописно тѣснились въ долинахъ, и высоко на небѣ, четко вырѣзывались тонкіе шпили готическихъ церквей и башенъ. Пароходъ несся по Рейну; безпрестанно приставали къ нему лодки, то привозя, то увозя путешественниковъ. Дѣятельность кипѣла страшная; намъ безпрестанно попадались пароходы и лодки всѣхъ возможныхъ видовъ; для меня эта суета, эта индустрія, опять портитъ дикую поэзію Рейна. Небо становилось темнѣе и темнѣе; скалы въ полусумракѣ какъ бы тѣснились въ рѣкѣ; а на нихъ такъ гордо чернѣли развалины рыцарскихъ замковъ. У *St.-Goar* на пароходѣ выстрѣлили изъ пистолета, и выстрѣлъ нѣсколько разъ повторился въ горахъ съ ужаснымъ трескомъ. Хорошъ былъ Рейнъ вечеромъ; онъ самъ какъ будто засыпалъ, весь полный фантастической прелести, окруженный развалинами, изъ которыхъ съ каждою соединено какое-нибудь преданіе. Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Кобленцъ, и на другой день утромъ были на дорогѣ въ Эмсъ. Я такъ была рада, что мы вѣхали наконецъ въ экипажъ, а не по желѣзной дорогѣ. Дорога отъ Кобленца до Эмса идетъ сначала по берегу Рейна, а

потомъ по берегу Лана. Эмсъ, маленькій опрятный городокъ, построенъ въ лощинѣ; дома примыкаютъ къ горамъ. Прямо изъ моихъ оконъ видна высокая гора, поросшая кустарникомъ. Это хорошенкое уединенное мѣсто, гдѣ можно бы съ наслажденіемъ провести лѣто, еслибъ оно не было такъ людно и шумно. Для меня толпы народа портятъ самую лучшую природу, самую красивую мѣстность.

14-го іюля. Давно мнѣ не было, милая моя, такъ хорошо, какъ сегодня утромъ. Я встала рано и пошла въ садъ, или скорѣе пратеръ; который находится прямо противъ моихъ оконъ. Въ саду почти никого не было; изрѣдка проходили дамы, закутанныя въ шали, отправляясь пить воду. Воздухъ былъ свѣжъ и душистъ; я впивала его въ себя съ наслажденіемъ. Горы, которыя окружаютъ Эмсъ со всѣхъ сторонъ, защищаютъ его отъ всѣхъ бурь и непоголь; здѣсь даже не такъ жарко, какъ было въ Дрезденѣ. Небо надъ моею головою стлалось такое голубое, ясное; ни одного облачка; листья на деревьяхъ не шевелились; левкой и гвоздики наполнили воздухъ легкимъ и свѣжимъ запахомъ. Я сидѣла на скамьѣ, подъ высокой бѣлой акаціею: тѣнь отъ ея листьевъ такъ и дрожала на пескѣ, подъ моими ногами. Этотъ чистый, ароматный, немного влажный воздухъ такъ благотворно проникалъ мнѣ въ грудь, и болѣзненная раздражительность моихъ нервъ успокоивалась въ этомъ отдыхѣ природы. Я чувствовала физическій *bien-être*, мнѣ было такъ хорошо. Какъ счастливы животныя; вотъ свернулся бы тутъ на солнцѣ, да и пролежалъ бы такъ, ни о чемъ не думая, положимъ—хоть цѣлый день; а завтра опять то же; такъ нѣтъ, не только завтра, а черезъ какіе-нибудь полчаса придуть и заботы, и волненія, и тоска Какое жалкое созданіе человекъ, какъ подумаешь!

Мой bien-être продолжался не долго; я сама, неизвѣстно почему, очень скоро вернулась домой; ахъ, да, чтобъ одѣться и идти, скучая, смотрѣть, какъ скучаютъ другіе, на гуляньѣ и въ Cirsaal.

Теперь вечеромъ, по случаю рожденія герцога нассаускаго, городъ иллюминированъ; а въ Cirsaal балъ; я только что вернулась оттуда, не выдержала и пяти минутъ, такъ въ залѣ скучно и нестерпимо жарко. Ночь темная и теплая, совершенно южная; разноцветные фонари на деревьяхъ ярко блестятъ въ темной зелени. Горы, освѣщенныя снизу, кажутся еще выше и чернѣе. Сейчас пробило двѣнадцать часовъ; иллюминація потухла; въ городѣ совершенно тихо. Я стою у отвореннаго окна; миллионы звѣздъ горятъ на небѣ; онѣ кажутся мнѣ больше и ярче нашихъ. Надъ высокимъ зданіемъ съ двумя башнями, направо отъ меня, ярче всѣхъ и ниже на горизонтѣ блестятъ одна звѣзда; не полярная ли это? подумала.

я, и всѣ мысли, всѣ думы полетѣли къ милому Северу. Исчезла природа Германіи съ своими виноградниками и скалами; передо мною лежали гладкія безконечныя поля; а надъ ними блѣдно-голубое июльское небо. Отчего же ты такъ дорога мнѣ, моя родина? Страна, въ которой я видѣла такъ много горькихъ дней,—отчего, при одномъ воспоминаніи о тебѣ, такъ бьется мое сердце? Нѣтъ: мнѣ кажется, что даже кости мои не были бы спокойны, еслибъ мнѣ пришлось лежать въ чужой землѣ. Жить еще можно кое-какъ вездѣ, но умереть надо на родинѣ.

15 июля. Вчера я ѣздила по окрестнымъ горамъ на ослѣ. Очень покойное путешествіе; сидишь какъ на стулѣ, а осель, понукаемый дикими криками вожатыхъ, очень скоро и осторожно взбирается на горы. Виды красивыя, но однообразныя, начинаютъ мнѣ надоедать. Сегодня утромъ мы ѣздили въ Нассау; дорога идетъ по берегу Лана; съ правой стороны рѣка, а съ лѣвой высокія горы, на которыхъ растутъ виноградъ. Въ описаніи иные предметы гораздо лучше, чѣмъ въ дѣйствительности. Не правда ли, какъ тебѣ въ Россіи должно казаться хорошо: горы, покрытыя виноградниками, растеніемъ, которое у насъ съ трудомъ добываютъ въ оранжереяхъ,—а на самомъ дѣлѣ въ этомъ нѣтъ ровно ничего красиваго. Рольи песчаный утесъ, и на немъ торчатъ тычинки, обвитыя листьями. Нассау грязный и дрянной городъ, но въ очень живописномъ мѣстоположеніи.—Вечеромъ были въ *Cursaal*, въ комическомъ представленіи Левассера. Въ числѣ разныхъ фарсъ, Левассеръ представилъ пародію на *Lucie de Lammermoor*, подъ названіемъ *la Lucie de la mère Moreau*. Онъ былъ чрезвычайно забавенъ, прозвоня на распѣвъ: *une clarinette en cet mineur, annonce cette fille majeure*; но мнѣ стало досадно, когда, въ концѣ, онъ пѣлъ свои глупости, на голосъ последней аріи Эдгара; я такъ люблю финалъ Лючин, эту мелодію, полную тоски и страсти, эту двойную агонію любви и жизни! Не понимаю, чтò за охота въ такое чудное время тѣсниться въ душной залѣ, чтобъ слушать фарсы Левассера: они довольно забавны, но не до того, чтобъ терпѣть для нихъ пытку.

Въ объявленіи было сказано: *les familles ne doivent pas craindre d'amener leurs demoiselles le choix des scènes comiques de M. Levasseur étant de bonne compagnie*. Эта предосторожность и заботливость показались мнѣ очень трогательными.

Маггеймъ. 18-го июля. Въ Кобленцѣ мы сѣли на пароходъ, и опять открылись намъ кругомъ живописныя берега Рейна. Погода была пасмурная, но теплая; я почти все время сидѣла на палубѣ, читая путешествіе по Рейну Гюго, и сравнивая описаніе поэта съ дѣйствитель-

ностию. Я вполне согласилась съ Викторомъ Гюго, что для того, чтобы насладиться вполне красотою Рейна и его очаровательныхъ горъ и долинъ, надобно путешествовать какъ онъ, т.-е. не Рейнъ, а Гюго: ходить пышкомъ по всемъ горнымъ тропинкамъ, останавливаться по нѣскольку часовъ въ каждой, или почти каждой изъ развалинъ. А это что за путешествіе? пароходъ быстро несется по Рейну; горы, долины, города, развалины замковъ, мелькаютъ передъ глазами, какъ китайскія тѣни.

Вотъ эта развалина, такъ хорошо рисуетъ готическіе зубцы свои на свромъ небѣ; вотъ другая, такъ гордо высится на скалѣ надъ самымъ Рейномъ; вотъ старинный Бухарахъ; *St. Goar* съ своими башнями; Цфальцъ, выходящій изъ воды; красивый Бингенъ, *Mäuseturm*, свидѣтель страшной легенды о зломъ епископѣ... Хочешь насмотрѣться на все, напечатлѣть въ своей памяти, чтобы живо представлялся красивый, фантастическій Рейнъ въ долгіе осенніе вечера, когда вьюга завываетъ на дворъ, а мелкій дождь бьетъ въ окна.... напрасно; пароходъ все несется, и одни виды смѣняются другими.

Сегодня утромъ мы опоздали на машину, и это дало мнѣ время писать къ тебѣ. и видѣть паркъ герцога нассаускаго; лучшій садъ, какой мнѣ удалось видѣть въ Германіи, гдѣ все въ маленькихъ размѣрахъ. Этотъ садъ напомнилъ мнѣ царскосельскій; онъ почти такъ же великъ; въ немъ широкія аллеи и высокія чудесныя деревья, но только далеко не такъ хорошо содержатъ. На пароходѣ по Рейну меня ужасно забавляла одна англичанка, которая, взгромоздясь на верхнюю палубу, рисовала оттуда виды съ натуры, а каждый видъ остается передъ глазами много-много минутой.... Вотъ совершенно новый родъ живописи, скорѣе дагерротипа.... Легенды мнѣ не давали покоя, т.-е. мнѣ ихъ не рассказывали; но онѣ создавались въ моемъ воображеніи, фантастическій міръ, казалось, обступилъ меня со всѣхъ сторонъ, и чѣмъ мрачнѣе и темнѣе становилось небо и окрестныя горы, тѣмъ яснѣе мелькали передъ глазами, ундины, виллисы, гномы, весь сказочный міръ преданій. По этому случаю я вспоминаю одну легенду, когда-то написанную мною, въ одну изъ счастливыхъ минутъ моей жизни; прочитайъ посвященіе, ты увидишь, когда и для кого она была написана. Это легенда русская; посылаю ее тебѣ, хотя я сомнѣваюсь, чтобы она замѣнила тебѣ мои рейнскія.

РУСАЛКА.

Посвящено Д. А. . . . вой.

Я расскажу вамъ странную мечту моей молодости, мою любовь къ русалкѣ.

Кто же вѣрить теперь существованію русалокъ, скажете вы: развѣ есть онѣ?

Вотъ видите ли, для патуръ мечтательныхъ фантастическое всегда играетъ важную роль, и такъ тѣсно мѣшается съ дѣйствительностію, что онѣ сами не знаютъ, гдѣ границы міра дѣйствительнаго, гдѣ начинается міръ сказочный.

Вы читали *Memoires d'outre tombe*, и, вѣрно, помните чудный рассказъ о любви автора къ сильфидѣ.

Развѣ она не жила? не существовала для него? развѣ любовь его къ ней не была любовью дѣйствительной, полною тревогъ, наслажденій, страданій. Неужели для насъ должно существовать только то, что можно осязать руками, видѣть глазами тѣлесными, и неужели этотъ фантастическій міръ, въ который любить улетать мысль поэта, только созданіе разстроеннаго воображенія. И намъ ли, съ нашимъ ограниченнымъ кругомъ знаній, говорить: это есть, этого нѣтъ; изучили ли мы всѣ законы природы; проникли ли во всѣ ея тайны; знаемъ ли мы наконецъ, что наполняетъ пространство (*le vide*) и какая связь между нами и этимъ невидимымъ міромъ, котораго не признаетъ нашъ гордый разумъ, и который, между тѣмъ, напоминаетъ о себѣ и невольнымъ страхомъ, и странными необъяснимыми видѣніями, и самою нашею любовью къ фантастическому.

Въ дѣтствѣ и въ первой молодости я былъ странно суевѣренъ; мысль моя всегда носилась въ міръ сказочномъ, и я слѣпо вѣрилъ всѣмъ преданіямъ и рассказамъ о духахъ и привидѣніяхъ.

Я вѣрилъ въ существованіе домоваго, который, какъ говоритъ народъ, ходитъ по ночамъ, вездѣ осматриваетъ, всегда принимая видъ хозяина дома; въ лѣсу мнѣ часто слышалось аukanье лѣшаго, и не разъ, сбивая меня съ дороги, блисталъ онъ предо мной блуждающимъ огнемъ. Но болѣе всего нравилось мнѣ преданіе о русалкѣ, объ этомъ странномъ, причудливомъ созданіи, полномъ прихоти, которое манитъ васъ обѣщаніемъ блаженства, и въ то самое время, когда бѣдный, очарованный ею, бросается въ ея холодныя объятія, зачекотываетъ его до смерти, и злобно и звонко смѣется надъ его предсмертными муками.

Долгіе часы простаивалъ я на берегу озера, пристально всматриваясь въ его темную глубину, и все ожидая: вотъ вздуется волна и

вынесеть на влажномъ хребтѣ своемъ русалку, съ длинными золотистыми волосами, въ которые вплелась осока, съ лукавымъ и обаятельнымъ взглядомъ. Напрасно: озеро оставалось спокойнымъ, только смотрѣлись въ него звѣзды и голубое июльское небо. Желаніе приняло у меня видъ страсти; я видѣлъ русалку во снѣ; каждый вечеръ долго сидѣлъ на берегу въ мучительномъ ожиданіи и уходилъ домой съ тоскою въ сердца. Я былъ тогда еще очень молодъ, почти ребенокъ, именно въ томъ возрастѣ, когда жаждой любви волнуется кровь, а воображеніе создаетъ себѣ идеалъ женщины, и любить, и лелѣть этотъ образъ. Русалка была моимъ идеаломъ; въ ней я просто любилъ любовь; но въ то время я не могъ понять причины этого тревожнаго волненія, которымъ было полно все существо мое. Безумная мысль развивалась съ каждымъ днемъ сильнѣе. Дикій и застычивый отъ природы, я никому не говорилъ; о моей нелюбимой страсти:—кто бы понялъ ее? кто бы не сталъ надомной смѣяться? Я сжился съ этой мыслию и она сдѣлалась для меня и отрадой и мученіемъ.

Я былъ близокъ къ сумасшествію. Разъ я долго сидѣлъ на берегу озера. Ночь была тихая и теплая; легкій вѣтерокъ чуть-чуть рлбилъ волны; однозвучно плескались онѣ о берегъ, а полный мѣсяцъ купалъ въ нихъ лучи свои. Сердце во мнѣ бжлось и замирало отъ ожиданія. Неподвижно смотрѣлъ я на озеро, все ожидая чуда. Волны дрожали, всѣ облитыя блѣднымъ свѣтомъ. Въ лѣсу было тихо, только изрѣдка раздавался изъ глубины печальный крикъ ночной птицы. Длинные тѣни ложились отъ деревьевъ, а далеко на островъ, обросшемъ ивами, которые склонялись къ водѣ, щелкалъ и свисталъ соловей. Вдругъ легкій плескъ волны заставилъ меня вздрогнуть, и вотъ на поверхность озера тихо всплыла женщина, вся облитая лучами мѣсяца. Длинные волосы падали съ головы ея, покрытые блестящими каплями воды, точно алмазами. Ея грудь и плечи, бѣлыя и прозрачныя какъ фарфоръ, такъ и блестяли.

Она казалась легче и воздушнѣе волны, которая несла ее ко мнѣ. И вотъ она подплыла почти къ самому берегу, и лукаво улыбаясь, простирала ко мнѣ свои руки, сквозь которыя, мнѣ казалось, свѣтился мѣсяцъ.

Я чувствовалъ какое-то невзяснимое томительное наслажденіе; странные глаза призрака такъ и просились мнѣ въ душу.

Неуловимо было ихъ выраженіе; то загарались они нѣгою и страстью, то вдругъ свѣтились такіе холодные, вонзались въ сердце такъ дико и пронзительно, наполняя его мучительною, жгучею болью. Странна была улыбка ея, то лукавая и злая, то полная

какой-то загадочной любви. Долго смотрѣли мы другъ на друга, она качалась на волнахъ и все манила къ себѣ, а я, любясь ею какъ очарованный, и не смѣя сдѣлать движенія, боясь, чтобъ не исчезло милое видѣніе.

Съ тѣхъ поръ началась для меня странная и мучительная жизнь. Каждую ночь приходилъ я на берегъ озера, и каждую ночь на призывъ мой являлась русалка, улыбалась, манила къ себѣ; но при малѣйшемъ моемъ движеніи видѣніе исчезало, и звонкій, дикій хохотъ раздавался по лѣсу.

Безумная страсть горѣла во мнѣ; мучительное ожиданіе, вѣчно настроенное воображеніе, страшно дѣйствовали на мое здоровье. Я худѣлъ съ каждымъ днемъ, не спалъ ночи, нервы мои раздражались все болѣе и болѣе; странная галлюцинація продолжалась. Невозможность схватить неуловимое, удержать то, что не существовало въ дѣйствительности, страшно терзала меня.

Мечта моя приняла форму, но оставалась для меня недосыгаемою. Мысль о самоубійствѣ стала закрадываться мнѣ въ голову; сколько разъ хотѣлъ я броситься въ воду, въ ту минуту, когда исчезалъ милый призракъ.

Не знаю, сколько времени продолжалось это болѣзненное состояніе моего духа, но мнѣ казалось, что я прожилъ столѣтія. Прошло лѣто, дни становились короче; я какъ тѣнь бродилъ на берегу. Разъ сильная буря поднялась на озерѣ, волны ходили такія свѣія и грозныя, все кипѣло и волновалось оно. Чайки, какъ испуганныя, носились надъ водою, вдали мелькала лодка, паруса на ней гнулись, брызги летѣли черезъ край.

Вѣтеръ гвалъ волны, и разбивалъ ихъ съ шумомъ и плескомъ о берегъ, брызгами и вѣною покрывая прибрежную осоку. Деревья качались отъ вѣтра, пригибая къ водѣ свои длинныя вѣтви, и какъ будто стонали отъ его бурныхъ усилій.

Я не замѣчалъ ни бури, ни вѣтра, а все ждалъ: вотъ явится она; но она не являлась. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; грозныя волны ходили по озеру. Нѣтъ ее. Не придетъ больше, забыла. Сердце сжималось тоскою. Вотъ показалось что-то вдали. Нѣтъ, это бѣлѣтъ парусъ. Вотъ Кто-то хохочетъ! нѣтъ, это вѣтеръ гудитъ по лѣсу.... Кто-то манитъ.... это вѣтки пригибаются къ водѣ. Ахъ, неидетъ она! Но вотъ опять что-то бѣлѣтъ. Нѣтъ, это только волна разбивается о берегъ, и брызгами покрываетъ мнѣ ноги. Раскрылась и манитъ меня глубина. Голова моя закружилась, бросился въ воду. Больше я ничего не помню.

Люди, бывшіе на лодкѣ, спасли меня отъ смерти. У меня сдѣлалась горячка. Два мѣсяца пролежалъ я въ постель. Когда я выздоровѣлъ, меня увезли изъ деревни. Такъ кончился безумный романъ моего дѣтства. Я выросъ, состарѣлся, много прожилъ, много испыталъ; но до сихъ поръ сердце мое трепещетъ при видѣ родимаго озера, и встаетъ передо мною странная мечта моей молодости.

Баденъ—Баденъ. 20 іюля. Начну письмо мое съ того, что я сейчасъ вернулась изъ концерта Зонтагъ и Терезы Миланолло. На другой же день моего пріѣзда въ Баденъ мнѣ выпало на долю такое счастье. Въ первый разъ слышала я Зонтагъ; голосъ у нея чистый, звучный, молодой, не смотря на ея сорокъ лѣтъ; но онъ не трогаетъ и не волнуетъ сердца; онъ милый, но не страстный, нѣтъ въ немъ этихъ рыдающихъ и энергическихъ звуковъ, которые просятся въ душу, какъ въ голосъ Віардо; Зонтагъ необыкновенно мило и граціозно пропѣла романсъ: *Ah, vous dirai-je tatan, se qui cause ton tourment?* Ея тонкій высокій сопрано звучалъ почти дѣтски весело, носился такъ легко, словно весенній ароматъ въ красиво-освященной концертной залѣ. Не знаю почему, мнѣ голосъ ея напоминалъ запахъ цвѣтовъ, особенно фіалокъ. За то игра Терезы Миланолло болѣзненно потрясла мои нервы, подняла съ сердца жгучія слезы. Какія рыданія, отчаянія слышались въ звукахъ ея смычка; какъ видно было, что эта мрачная, томительно-грустная пѣснь создавалась подъ влияніемъ безнадежной горести о потерѣ существа страстно любимаго (*) Мнѣ даже казалось странно, что она рѣшилась это играть въ публикѣ; неужели въ ней умерло даже воспоминаніе прошедшаго страданія; а оно, кажется, было такъ глубоко и такъ истинно. Но мнѣ стало жаль и досадно, когда въ послѣдней пьесѣ *le carnaval de Venise*, вѣроятно, желая угодить публикѣ, Миланолло дѣлала на скрипкѣ разные *tours de force*, фарсы, недостойные истиннаго таланта. Талантъ—лучшій Божій даръ; на него должно смотреть серьезно,—и артистъ не имѣетъ права дѣлать изъ себя скомороха для потѣхи праздной, скучающей толпы; для этого Виоль съ компаніей.

23 іюля. Въ прошломъ письмѣ я говорила тебѣ только о концертѣ Зонтагъ, и ни слова не сказала о Баденѣ. Лучше, очаровательнѣе мѣста я еще не видала въ Германіи; высокія горы, поросшія густымъ лѣсомъ, окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, съ права чернѣетъ *Schwarz-Wald*, а вдаль на горизонтѣ, въ прорѣзъ между горъ, вѣется Рейцъ, какъ серебряная лента. Самъ Баденъ весь въ горахъ, дома всходятъ

(*) A la mémoire de ma soeur Marie.

по нимъ уступами; а если смотреть на городъ съ какой-нибудь вы-
соты, то онъ кажется потонувшимъ въ зелени; самая богатая расти-
тельность покрываетъ его горы и холмы; возлѣ гульбища огромный
акаціи,—право, толщиною съ дубъ. Особенно хорошо ходить здѣсь
вечеромъ, по излучистымъ горнымъ тропинкамъ, когда издали доле-
таютъ звуки музыки, и весь Бадень словно лежитъ у вашихъ ногъ,
пріютясь въ своей лощинѣ. Я живу въ отелѣ *Zöringer-Hoff*. Подъ
моими окнами садъ, который весь расположенъ террасами. Видъ съ
самой верхней террасы чудесный; на право, высоко на гору, чер-
нѣютъ развалины *Altenschloss*; а прямо передо мною, между зеле-
ными какъ изумрудъ лугами, вьется дорожка вверхъ по косогору,—
и все какъ будто машитъ меня туда, въ лѣсъ, далеко. Время тихое
и теплое; воздухъ въ саду душистый и свѣжій. Въ три часа начи-
наетъ играть музыка на гульбищѣ; но я туда не хожу въ это время:
довольно вечеромъ. Но вотъ что для меня всего интереснѣе: сюда
ждутъ Рашель, и завтра она даетъ здѣсь драматическій вечеръ въ
Конверсаціонной залѣ. Ты можешь себѣ представить мое нетерпѣніе
и мое любопытство: я такъ давно хотѣла видѣть и слышать Рашель.

24 іюля. Зала была уже полна, когда я пріѣхала съ ной.
Мы насилу пробрались на наши мѣста. Конверсаціонная зала чрезвы-
чайно красива; одна сторона ея вся зеркальная, и хрустальныя люстры
придаютъ ей много блеска; много цвѣтовъ, зелени; а ты знаешь,
какъ это красиво при большомъ освѣщеніи. Туалеты большею частію
были очень щеголеваты. Ждали прусскаго принца и герцогскую фа-
милію; наконецъ они пріѣхали. Я такъ давно хотѣла видѣть Рашель,
и потому съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидала начала. Является
какая-то фигура толстая, невзрачная, и аффектированнымъ голосомъ
произноситъ нѣсколько словъ на-распѣвъ: это наперсница; но вотъ
раздается голосъ, полный тоски и тревоги, и передъ мною Рашель.
Она худа страшно, и на ея блѣдномъ, изрытомъ страстями и стра-
даніями лицѣ, блестятъ черные, глубокіе глаза, которые наводятъ
ужасъ въ минуту гнѣва. Когда въ послѣднемъ актѣ *Виргиніи* она
произноситъ: *la Romaine vous hait! l'amante vous meprise!* не-
вольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; такая ненависть, такое глубокое
презрѣніе слышатся въ этомъ голосѣ; но не люблю я Рашель въ
тѣ минуты, когда она должна выражать любовь; въ голосѣ ея нѣтъ
мягкихъ женскихъ звуковъ, полныхъ задумчивой нѣжности; у нея
крикъ страсти скорѣе крикъ ярости; нѣтъ, не такъ должна говорить
Федра: *Oui, prince, je languis, je brûle pour Thésèe, je l'aime!*
Женщина любилъ, хотя и незаконно и тревожно, какъ Федра,
скажетъ это иначе, нѣжнѣе, мягче вырвется у нея это горячее

призваніе. А въ молитвѣ Эсэри какая-то гордость, смѣшанная съ какимъ-то желчнымъ негодованіемъ, слышится въ голосъ Рашели; гдѣ же покорность Провидѣнію въ кроткой душѣ Эсэри, такъ хорошо выраженной въ этой молитвѣ о страждущихъ братьяхъ? гдѣ робость женщины, которая борется съ самоотверженіемъ гражданки? Но за то какъ хороша Рашель въ III дѣйстви Аталіи, когда рассказываетъ свой сонъ. Какимъ ужасомъ дышетъ рассказъ, то трепетный и прерывистый, то глухо замирающій, полный невыразимаго ужаса. Какъ мѣняется это выразительное лице; какъ страхъ, ненависть, гордость, покрываютъ его попеременно, то блѣдностью, то румянцемъ; какъ судорожно дрожатъ эти губы.... Какъ будто присутствуешь при этомъ снѣ, и видишь его страшныя и отвратительныя подробности. Рашель производитъ сильное впечатлѣніе; но какъ жаль, что въ этой великой страстной натурѣ такое отсутствіе нѣжности и любви, и потому игра ея не трогаетъ сердца; ей удивляешься, но не любишь ея.

26 іюля. Сегодня утромъ мы ходили смотреть развалины *Altenschloss*; время было чудесное, тепло и тихо; дорога идетъ въ гору и все лѣсомъ. Развалины очень хорошо сохранились, устроены переходы и можно взойти на самую высоту замка; оттуда видъ чудесный прямо на Баденъ, весь потонувшій въ зелени; кругомъ красивыя долины; на лѣво высокая гора, поросшая темнымъ лѣсомъ, и на ней развалины Меркуріева храма; а на право, далеко на горизонтѣ, зеленый Рейнъ. Замокъ такъ высокъ, что вѣковыя деревья, которыя окружаютъ его, кажутся съ верхней галлерей кустарниками. Въ одномъ изъ этажей устроена золова арфа, и ея тихіе, заунывные звуки раздаются въ развалинахъ и по лѣсу, точно пѣніе духовъ, обитателей стараго замка. — Вчера мы ѣздили въ Герольздау; это не далеко отъ Бадена; въ лѣсу, совершенно дикомъ, пробираясь между пней и корней, бѣжитъ ручей, и далѣе падаетъ съ шумомъ въ лощину. Дикость мѣстоположенія придаетъ водопаду много прелести; но и тутъ, какъ и вездѣ, вы встрѣчаете толпы путешественниковъ, особенно Англичанъ. Галлерей передъ *Cursaal*, въ Баденѣ, легкой и красивой архитектуры, вся украшена фресками; сюжеты картинъ взяты изъ мѣстныхъ легендъ. Картины вообще очень недурны.... Прощай: мнѣ пора одѣваться на балъ....

Сейчасъ вернулась домой усталая, но только отъ скуки, а не отъ танцевъ. Ты все спрашиваешь у меня, какое общество на водахъ. Оно многочисленно, но не скажу, чтобы очень блестящее. *C'est une société très mêlée*; туалеты вообще довольно просты. — Танцовали въ одной изъ боковыхъ залъ, называемой *salon des fleurs*; очень красивая комната; кругомъ зеркала, а вдоль по стѣнамъ гирлянды изъ цвѣтовъ, разу-

мѣется, фальшивыхъ, и все это уже не очень свяжо. Балъ былъ предрянной; зала почти пустал; монотонно, скучно. А какъ здѣсь танцуютъ? — Весь шикъ состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно больше походить на французскихъ гризетокъ. Нѣмки въ Баденъ такія-же, какъ и вездѣ: неловки, одѣты безъ вкуса; французенки, — большею частію лоретки, одѣты щеголевато; но ихъ не пускаютъ на маленькіе балы; двѣ или три американки, довольно хорошенькія и, говорятъ, чрезвычайно богатыя, и множество англичанокъ въ уродливыхъ шляпкахъ. Вотъ баденское общество; особенно блестящаго и красиваго я не встрѣчала. На балъ я много говорила съ маленькимъ лысымъ французомъ, съ которымъ познакомилась у ...ной; не помню его фамилію; онъ знаетъ цѣлый свѣтъ и довольно забавно рассказываетъ всякій вздоръ. Особенно же его допотопныя понятія о Россіи и русскихъ женщинахъ меня чрезвычайно смѣшили; онъ представляетъ ихъ себѣ чѣмъ-то въ родъ римлянковъ послѣднихъ временъ Рима: гордыхъ, жестокихъ, роскошныхъ, утопающихъ въ восточной нѣгѣ; онъ увѣрялъ, что судить о русскихъ дамахъ по тѣмъ, которыхъ встрѣчалъ въ Парижѣ.

29 іюля. Здѣсь каждый вечеръ слушаютъ музыку, которая играетъ въ круглой бесѣдкѣ, передъ Конверсаціонной залой; гульбище и терраса уставлены стульями; публики всегда такъ много, что едва можно найти свободное мѣсто. Въ залахъ тѣснота страшная; игорные столы окружены всегда толпою муштинъ, иногда и дамы ставятъ на *rouge et noir*. Душно, тѣсно и вовсе не весело; охота ходить туда каждый вечеръ. Сегодня играла австрійская военная музыка; я слушала ее съ удовольствіемъ, особенно потому, что она напомнила мнѣ Россію. Воображеніе перенесло меня на родину; мнѣ видѣлось и знакомое шоссе, окруженное болотами, красныя казармы, толпы народа, — и громкіе звуки военной музыки живѣе олицетворяли для меня прошедшее и далекое. Зачѣмъ нѣтъ крыльевъ, чтобы перелетѣть туда, гдѣ тепло душъ, — хотя это и на сѣверѣ; зачѣмъ сильное и горячее желаніе не можетъ уничтожить разстояніе; неужели воля человека имѣетъ меньше силы, чѣмъ паровая машина. Прошай; завтра мы увѣжасемъ изъ Бадена; докторъ велѣлъ мнѣ купаться въ море, и потому я ѣду въ Діеппъ; буду писать тебѣ изъ Парижа.

5/ъ августа. Парижъ. Мы прѣехали сюда вчера въ часъ ночи, и первое впечатлѣніе, которое сдѣлалъ на меня Парижъ, было самое непріятное. Я совершенно падала отъ усталости; а тутъ еще песноспые таможенные чиновники стали разбирать чемоданы. Потомъ долго странствовали мы въ омнибусъ по тускло-освященнымъ улицамъ. Еслибъ омнибусы существовали во времена Данте, то,

конечно, онъ бы помѣстилъ вѣду въ нихъ въ число мученій своего ада. Всѣ отели были наполнены путешественниками; ни одной свободной комнаты. Наконецъ, въ *hotel d'Angleterre* мнѣ отвели маленькую комнату въ третьемъ этажѣ; я и тому была рада. Не смотря на ея неудобство, я уснула какъ убитая.

На другой день, отыскавъ двѣ опрятныя комнаты, мы велѣли перенести туда наши вещи, а сами пошли ходить по городу. Это было 15 августа, день національнаго праздника въ память Наполеона.

На улицъ не давали покоя продавцы программъ увеселеній и медалей, выбитыхъ въ честь президента. Парижъ показался мнѣ не такъ громаденъ, какъ я воображала; но все-таки въ сравненіи съ нимъ Петербургъ—красивая игрушка. Особенно поражаетъ васъ это множество магазиновъ; право, въ каждомъ пассажѣ, мнѣ кажется, ихъ больше, чѣмъ на всемъ Невскомъ проспектѣ. Кафе на каждомъ шагу и всѣ наполнены. Толпы народа покрывали площадь *de la Concorde* (*de la Révolution*) и тѣснились къ церкви св. Магдалины. Ожидали выезда президента изъ церкви;—вотъ, наконецъ, показалась его свита.—*Chapeau bas, chapeau bas!* кричали многіе, и президентъ проѣхалъ, кланяясь на всѣ стороны; я видѣла только плюмажъ его шляпы и уланъ, которые скакали сзади очень неловко. Цѣлый день весь Парижъ былъ на улицѣ; національная гвардія не сходила съ площади. Мы обѣдали въ Пале-Рояль, который показался мнѣ довольно грязенъ. Тамъ у *Frères Provençaux* ѣла я знаменитую *saule au gratin*, въ которой не нашла ничего особеннаго. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, на бульварахъ всѣ деревья были увѣшаны цветными фонарями, точно гирляндами, вездѣ горѣли, окруженные огнями: N., Arcole, Wagram, и проч. Вандомская колонна, точно окруженная огненною змеею, то вспыхивала, то потухала; вѣтеръ безпрестанно гасилъ плашки.

Мы едва пробрались въ тюллерійскій садъ. Его темныя аллеи казались еще темнѣе при сильномъ освѣщеніи всего города; въ саду было довольно пусто; но террасы были покрыты народомъ. Смотря на нихъ, мнѣ все приходило на память стихи Жуковскаго:

«Играетъ на широкой
«Геррасъ Тюльери
«Младенецъ свѣтлоокій,
«Сынъ Франціи дофинъ.»

И какая жалкая судьба всѣхъ этихъ дофиновъ, которыхъ когда-то съ такимъ восторгомъ встрѣчало это вѣтреное племя. Убитый жестокимъ обращеніемъ, посмѣшище и потѣха изверга, исчезнулъ въ

тюрмъ Людовикъ XVII. Далеко, отъ родины разлученный съ великимъ отцемъ, въ холодной атмосферѣ вѣнскаго двора, угасъ римскій король, бѣдный юноша, которому въ колыбели служила игрушечная корона. Въ изгнаніи выросъ и возмужалъ герцогъ бордосскій, котораго рожденіе встрѣчали какъ милость Божию; — и что ждетъ графа парижскаго, который уже ребенкомъ узналъ, какъ мало можно доверять во Франціи любви народной. И вотъ на этой самой террасѣ кричалъ изступленный народъ, провозглашая свою вольность, разбивая все въ королевскихъ комнатахъ, и теперь этотъ же самый народъ кричитъ *chapeau bas* передъ президентомъ. Видя все это, хочется и мнѣ сказать великому народу:

«Гы жалкій и пустой народъ!»

Ракеты хлопали и разноцвѣтными огнями рассыпались по небу, освѣщая высокія деревья и темныя пруды сада. Издали неся шумъ большаго города, точно шумъ и гудъ моря. Не знаю отчего, но мнѣ вдругъ сдѣлалось нестерпимо грустно! Скажи мнѣ, милый другъ, отчего въ жизни народовъ точно такъ же, какъ въ жизни человека, все повторяется. Отчего то же самое Провидѣніе, которое создало такое разнообразіе въ природѣ, что нѣтъ одного листа, похожаго на другой, — такъ однообразно въ судьбѣ государствъ и въ судьбѣ человека? Отчего этотъ законъ неумолимой необходимости, этотъ *fatum* древнихъ, — всегда увлекаетъ насъ въ одні и тѣ же ошибки, въ одні и тѣ же несчастія; и самъ опытъ служить только къ тому, чтобы сказать намъ, что съ нами при такихъ-то обстоятельствахъ случится непременно то же самое, что прежде, — конечно, съ небольшими измѣненіями. Нѣтъ, эта мысль слишкомъ неутѣшительна; скажи мнѣ, увѣрь меня, что я ошибаюсь; мнѣ бы такъ хотѣлось надѣяться.

Руанъ. 5 августа. Пріѣхавъ сюда вчера очень поздно, мы сегодня утромъ отправились осматривать Руанъ. Явился неизвестно откуда проводникъ, предлагая свои услуги. Я вообще не люблю ихъ заученные рассказы; но совершенно не зная города, надобно было согласиться принять его помощь. Онъ повелъ насъ сперва въ соборъ. Тамъ были похороны; мрачное пѣніе раздавалось подъ высокими готическими сводами; но яркіе лучи солнца, проходя чрезъ цвѣтныя стекла, набрасывали на все какой-то веселый, блестящій колоритъ. Еслибъ ты видѣла соборъ и особенно церковь *St. Ouen* въ Руанѣ, ты бы согласилась со мною, что готическая церковь — поэма, полная глубокаго значенія. Таинственный сумракъ царствуетъ

подъ ея высокими сводами, напоминая торжественную поэзію въковыхъ лесовъ; колонны, точно высокія деревья, обступаютъ кругомъ, гордо распуская вверху, какъ листья, свои узорочныя капители. Фантастическій міръ мѣшается съ дѣйствительнымъ. Каріатиды, горгоны, головки ангеловъ, точно стремятся къ вамъ со всѣхъ сторонъ. И вмѣстѣ съ этимъ какая неизъяснимая грація дышетъ во всѣхъ деталяхъ; эта рѣзная лестница на хоръ, легкая, прозрачная, точно сотканная изъ кружева, затѣйливые рисунки на стеклахъ, которыхъ краски такъ живы, какъ будто они дѣланы вчера; и наконецъ тяжелыя дубовыя двери, съ рѣзбою знаменитаго Гужона. Жаль, что церковь *St. Ouen* въ половину реставрирована. Очень удачно сохраненъ готическій характеръ; рѣзба почти такъ же хороша, какъ старинная; но бѣлый, чистый цвѣтъ стѣнъ лишаетъ ее того мрачнаго колорита, который такъ идетъ къ храмамъ среднихъ вѣковъ.

На площади, гдѣ была сожжена Іоанна д'Аркъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился костеръ, стоитъ теперь ея статуя. Поза и выраженіе лица благородныя и гордыя. Противъ статуи старинный дворецъ, изъ оконъ котораго (по словамъ проводника) герцогъ бедфордскій смотрѣлъ на казнь Іоанны. — *Palais de justice* тутъ же на площади, чудное готическое зданіе, все изукрашенное самою тонкою рѣзбою. Въ Руанѣ еще не утратился средне-вѣковой характеръ: множество старинныхъ зданій мѣшается съ новыми; улицы большею частию чрезвычайно узки и мрачны; но окрестности города очаровательны, — и оттого-то такъ красива эта древняя столица Нормандіи. Руанъ, такъ же какъ и Парижъ, наполненъ магазинами; эти легкія шляпки и чепчики дѣлаютъ странный контрастъ съ окружающими ихъ готическими зданіями. Но такъ же какъ и въ Парижѣ, и даже болѣе, улицы Руана страшно неопрятны; я никакъ не могла бы жить здѣсь, потому-что имѣю, къ-несчастью, очень тонкое обоняніе.

Отели вообще во Франціи, начиная съ Страсбурга, не то, что въ Германіи: они своею дороговизною и неопрятностію съ-родни нашимъ. Всего больше сердятъ меня здѣсь притязанія на роскошь. Коверъ въ комнатѣ, каминъ, обитый бархатомъ; но на всемъ этомъ пыли въ палецъ толщиною; въ водѣ плаваютъ разныя постороннія тѣла; а къ гардинамъ на окнахъ, мнѣ кажется, не прикасались съ тѣхъ поръ, какъ ихъ повѣсили.

Діепъ. 10 августа. Уже нѣсколько дней какъ я здѣсь, и не писала къ тебѣ, потому что все время была больна. Діепъ—небольшой городокъ, съ готическою церковью, съ узкими, грязными улицами, какъ почти весь города Франціи и Германіи; но у него

рѣдкое, дорогое украшеніе—море. Изъ окна моей комнаты я смотрю на него теперь. Безбрежно и ровно стелется оно, безпрестанно мѣняясь въ цвѣтъ: то зеленое, то синее, то свѣтлое, то безцвѣтное, какъ облако; въ послѣднемъ случаѣ нельзя отличить, гдѣ кончается море, гдѣ начинается небо, — и судя, которые скользятъ по немъ, точно какъ будто плаваютъ въ воздухѣ. Глухо и однообразно шумитъ оно; а когда подымется вѣтеръ, что случается здѣсь очень часто,—какъ хороши эти сердитыя, свѣдлыя волны, которыя со стономъ разбиваются о берегъ. Часто и долго смотрю я на море, любясь его измѣнчивыми переливами; какъ разнообразно оно въ своемъ величественномъ однообразіи, какъ никогда не надоесть и не наскучитъ! Это не то, что Балтійское море, вѣчно стальное и какъ будто мутное; — это океанъ во всемъ своемъ величіи. Налѣво отъ меня красивыя бѣлыя скалы и на нихъ крѣпость; дальше, направо, также высокій каменистый берегъ, и когда лучи солнца падаютъ на него, онъ блеститъ какъ мраморъ. На самомъ берегу построены три павильона, соединенные галлереями. Зданіе довольно легкое и красивое, но кажется такъ мало, такъ ничтожно передъ этою необозримостію моря. Галлерей, павильоновъ, большой лугъ передъ ними, всегда наполнены толпами гуляющихъ. Здѣсь особенно много дѣтей, и они составляютъ лучшее украшеніе гулянья. Они бѣгаютъ, играютъ, учатся гимнастикѣ, даже дѣвочки лазятъ по веревкамъ, висятъ на рукахъ. Одна бѣдненькая, вся красная, со слезами на глазахъ, дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы подняться по двумъ веревкамъ на верхъ высокаго столба; ея нарядная маменька смотрѣла съ низу на эту попытку довольно равнодушно. Я вздохнула свободнѣе, когда бѣдный ребенокъ достигъ наконецъ благополучно конца своего труднаго путешествія. Но этимъ не удовольствовались; ее заставили потомъ повиснуть на рукахъ и перевернуться черезъ голову. Говорятъ, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей опасности; но на меня эти гимнастическія упражненія произвели непріятное впечатлѣніе.

Вчера я была здѣсь на *steeple chase*, который происходилъ въ окрестностяхъ Діеппа, по дорогѣ въ Аркъ. Толпы народа покрывали всю дорогу и все обширное поле, на которомъ должны были скакать. Лошади чудесныя; препятствія трудныя; но вмѣсто двухъ часовъ, назначенныхъ въ объявленіи, скачка началась въ три. Мѣста для зрителей были очень дурно устроены, скамейки небезпокойныя. Прежде скакали жокеи, потомъ *gentlemen Riders*, но я такъ устала, что не дождалась конца.

Въ *journal des Baigneurs* съ обыкновенною французскою хвастливостію писали объ этомъ *steeple chase*, какъ о государственномъ

двѣ; но мнѣ поправилось больше всего во всемъ фельетонѣ, что препитствія сначала были устроены такого рода, что одинъ изъ участниковъ въ скачкѣ сказалъ префекту: *«Il paraît M. le Prefet que vous avez un intérêt quelconque dans les pompes funéraires.»*

Общество на водахъ состоитъ большею частію изъ французовъ; иностранцевъ очень мало, исключая англичанъ, которые, мнѣ кажется, вездѣ, кромѣ Англии. Ими наполнена гостинница, въ которой я живу.

Въ три часа здѣсь передъ павильонами играетъ музыка; галереи наполнены нарядными дамами и мужчинами, одѣтыми съ необыкновенною небрежностью; шляпы и костюмы самыя фантастическіе и вовсе не изящныя. Вечеромъ, послѣ обѣда, опять собираются на край террасы, на берегу моря. Всѣ больше молчатъ, вѣроятно погруженные въ созерцаніе волнъ, которыя глухо шумятъ подъ ногами.

15 августа. Сегодня, милый другъ, я была здѣсь въ театрѣ. Давали Гартюфа. Во время антрактовъ былъ страшный шумъ; говорили, кричали въ партеръ; но особенно въ райкѣ, какъ на улицѣ; въ маленькихъ, темныхъ и тѣсныхъ ложахъ было чрезвычайно жарко. Играли очень порядочно, особенно для провинціального театра.

Вчера здѣсь былъ народный праздникъ, по желанію президента; онъ забавляетъ Французовъ какъ дѣтей игрушками. Съ самаго утра толпы народа покрывали все взморье; бѣгали, вѣззали на *mats de cocagne*, устроенныя на лугу; но больше всего страшно шумѣли и кричали. Потомъ здѣшніе артиллеристы стрѣляли въ лодку на море, но чрезвычайно неудачно; рѣдкій выстрѣлъ попадалъ въ цѣль; эта потѣха продолжалась болѣе часа, и наконецъ насилу успѣли потопить несчастную лодку. Весь берегъ былъ покрытъ зрителями, большею частію въ грязныхъ синихъ блузахъ, — обыкновенный нарядъ народа съ этимъ они надѣваютъ иногда черную круглую шляпу. Кстати о народѣ: — онъ мнѣ нравится. Но традиціи хорошаго тона совершенно исчезли во французскомъ обществѣ.

Я здѣсь вѣдила раза два верхомъ за городъ; окрестности Діеппа довольно живописны, къ-тому же я такъ рада вырваться изъ города, и вмѣсто асфальта и черепичныхъ крышъ видѣть наконецъ небо и зеленя поля. Вчера мы вѣдили довольно долго. Чѣмъ-то чуждымъ дышала кругомъ меня сама природа; эти поля, всѣ изрѣзанныя на маленькіе лоскутья, точно шахматная доска, дома съ остроконечными кровлями, высокіе тополи, прорѣзывающіе небо, самыя линіи горизонта, все напоминало мнѣ, что я далеко отъ родины. Отчего мнѣ все здѣсь какъ будто тѣсно и душно? простора просить мое русское сердце, рвется оно къ роднымъ лугамъ и полямъ безъ конца.

Если бъ здѣсь не было моря, въ которое я должна погружаться каждое утро, я бы давно бѣжала изъ Діеппа, такъ онъ мнѣ надоевъ, и все, чтѣ въ немъ: гулянья, публика, а болѣе всего отель, въ которомъ я живу. Ахъ, забыла тебѣ сказать: на дняхъ я была здѣсь въ концертѣ; это прелюбопытно. Вхожу: —зала, маленькая и очень некрасивая, публики не много направо отъ дверей, впереди всѣхъ на креслѣ (всѣ остальные сидѣли на стульяхъ) какая-то маленькая женщина, съ чрезвычайно важнымъ и гордымъ видомъ, —должно быть, жена префекта, а можетъ быть и самаго министра. На эстрадѣ, за фортепiano, какая-то фигура играетъ плохо. Является двушка очень худая, въ бѣломъ платьѣ. Зрители и особенно зрительницы ей улыбаются какъ знакомой; она потупляетъ глаза, жеманится и, наконецъ, начинаетъ тоненькимъ голосомъ: «*Ce bouquet de roses....*» Слова эти безпрестанно повторялись въ романсѣ; произнося ихъ, она улыбалась, дѣлая наивный видъ, протягивала впередъ головку; но отъ этого нисколько лучше не пѣла. Ей сильно аплодировали. Потомъ кто-то игралъ на скрипкѣ, ему тоже аплодировали; я ушла. Никогда я не думала, чтобы серьезно можно было назвать это концертомъ.

До моего пріѣзда былъ здѣсь Вьѣтанъ, и давалъ концерты; зала была пуста; но за то дворъ былъ наполненъ слушателями *gratis*; они воспользовались открытыми окнами. Здѣшніе журналы съ большимъ негодованіемъ писали объ этой любви къ музыкѣ и пятифранковой монетѣ.

23 августа. Вчера мы ѣздили въ Э, бывшій замокъ покойнаго короля Луи Филиппа. Э продается теперь съ публичнаго торга. Паркъ мнѣ очень понравился; онъ довольно обширенъ; старинныя, высокія деревья, —и изъ него видно вдали море. Въ замкѣ комнаты совершенно пустыя; вся мебель собрана въ какіе-то сараи и тамъ продается по частямъ; картины и фамильные портреты отосланы къ орлеанскому семейству; остались однѣ надписи, и тѣмъ досаднѣе смотрѣть на этѣ голыя стѣны. Старикъ-сторожъ, который показывалъ намъ дворецъ, служилъ еще при покойномъ королѣ, и любитъ вспоминать пріѣздъ королевы Викторіи, прибавляя къ каждому слову: «*Lorsque Victoria a été ici.*» Видъ этѣхъ пустыхъ комнатъ, когда-то полныхъ жизни и движенія, наводитъ тоску; онъ такъ страшно, такъ живо доказываютъ непрочность счастья. Въ память объ Э я сорвала розу на чудесномъ розовомъ кустѣ, высокомъ какъ дерево, который закрываетъ собою почти всю стѣну одного изъ павильоновъ. Въ природѣ вѣчная жизнь, вѣчная радость. Такъ же ярко и пышно цвѣ-

туть розы въ опустѣвшемъ Э, какъ цвѣли онѣ въ то время, когда здѣсь все кипѣло жизнью.

Сегодня, гуляя въ Діеппѣ, я вдругъ увидѣла въ одномъ изъ магазиновъ, которые устроены на берегу моря, наши крестьянскія деревянныя чашки и ложки; ихъ здѣсь продаютъ какъ рѣдкость, и здѣшнія дамы покупаютъ ихъ такъ же охотно, какъ мы—китайскія вещи. Магазины здѣсь очень порядочные, особенно хороши вещи изъ слоновой кости; это специальность Діеппа; ими наполнено множество лавокъ; иныя изъ этихъ вещей художественно хороши.

Сегодня въ ночь поднялась буря; море со стономъ билось о берегъ, и потому поутру нельзя было купаться. Я пошла на берегъ. Купальщикъ, котораго я встрѣтила, сказалъ мнѣ, что даже они въ такую погоду боятся войти въ море. Волны поднимаютъ камни со дна и бросаютъ ихъ вверхъ какъ щепки. Видъ былъ чудесный; съдые валы, какъ бышечные, набѣгали на берегъ и подымались выше палатокъ. Море было совершенно свинцовое, а по немъ такъ и ходили бѣлые волны. На дняхъ мы ѣдемъ отсюда; изъ Діеппа я уношу только воспоминаніе о морѣ; долго будетъ мнѣ слышаться его глухой и однообразный шумъ, долго будутъ рисоваться въ воображеніи его измѣнчивыя переливы.

Парижъ. 3 сентября. Не знаю отчего въ этотъ разъ Парижъ показался мнѣ и громаднѣе и блестяшѣе. На другой день нашего приѣзда, отслушавъ обѣдню въ русской церкви, мы отправились смотреть *Palais des Thermes*. Въ одномъ изъ его отдѣленій устроенъ *musée de clynny*. Не многіе, даже изъ постоянно живущихъ въ Парижѣ, видѣли этотъ древній дворецъ римскихъ императоровъ. Внизу показываютъ залы, которыя служили банями. Они чрезвычайно мрачны и совершенно не соответствуютъ понятію, которое я составляла о римскихъ баняхъ. Въ верхнихъ комнатахъ собраны разныя рѣдкости, языческія и христіанскія. Огромные шкафы, дрессуары, *bahts*, черного и дубоваго дерева, покрытые самую чудною рѣзбою, уставлены разными старинными вещами, амфорами, вазами, то граціозной, то странной формы,—блюдами, статуетками, кубками, рѣдкостями всѣхъ возможныхъ видовъ. Стулья, креслы, столы, кровати среднихъ вѣковъ, образа византійскіе, доспѣхи, латы, цѣлыя вооруженія рыцарскія и римскія наполняютъ эти огромныя залы; не знаешь, право, на что больше смотреть. — Антикварій умеръ-бы здѣсь отъ восторга, преклонился бы предъ каждою чашкою, каждымъ кускомъ рѣзнаго дерева, потому что здѣсь каждой вещи нѣсколько сотъ лѣтъ.

Въ тотъ же день мы повхали по желѣзной дорогѣ въ Версаль. Дворецъ построенъ полукругомъ; передъ нимъ широкій мощный дворъ, посреди котораго конная статуя Людовика XIV, а кругомъ статуи Баарда, Дюгеслена и проч. Дворецъ снаружи не такъ хорошъ и роскошенъ, какъ царскосельскій; внутри я не могла его хорошо разсмотрѣть; мы только прошли черезъ всѣ комнаты, не останавливаясь ни передъ одною картиною, которыми покрыты всѣ стѣны. Мы, по обыкновенію, опоздали; а въ три часа запирають дворецъ. Огромная галлерей, въ которой одна стѣна вся зеркальная, поразила меня своимъ великолѣпіемъ и грандіозною граціею размѣровъ. Я жалѣла, милый другъ, что тебя не было со мною, гуляя по широкимъ аллеямъ версальскаго парка. Онъ такъ живо переноситъ насъ во времена Людовика XIV, котораго такъ не любитъ Сю. Чтò касается до меня, то я люблю этотъ вѣкъ за его блескъ и роскошь, за красивую одежду, за поэзію наружную, за красоту формъ. Однимъ словомъ, широкія, правильныя аллеи Версаля, бассейны, обложенныя мраморомъ, великолѣпныя террасы, — все дышетъ величіемъ и роскошью того времени. Мнѣ становилось досадно, когда я видѣла толпы мѣщанъ и мѣщанокъ въ этихъ самыхъ аллеяхъ, гдѣ гулялъ блестящій дворъ Людовика XIV, и грубую обувь на тѣхъ самыхъ дорожкахъ, до которыхъ легко касалась маленькая ножка въ атласномъ башмакѣ, или гремѣла шпора красиваго *мускетера*. Казалось, уныло смотрѣли фавны, дриады и тритоны сада, Нептунъ посреди широкаго бассейна какъ-то неохотно правилъ своими борзыми конями, которые не бросали вверхъ изъ раскрытыхъ ртовъ своихъ блестящихъ и высокихъ водяныхъ столбовъ (*). *Autre temps, autres moeurs.*

5 сентября. Нигдѣ и никогда я такъ не уставала, какъ въ Парижѣ. Утромъ толкаешься по магазинамъ, которыхъ здѣсь такое множество, потомъ считаешь себя обязаннымъ видѣть все примѣчательное въ городѣ; обедаешь поздно въ какомъ-нибудь ресторанѣ; вечеромъ въ театрѣ, въ безпокойной, маленькой ложѣ, потому что здѣсь во всѣхъ театрахъ, кромѣ опернаго, ложи узкія, маленькія, вовсе не комфортабельныя. Особенно меня утомляетъ удивленіе отъ картинъ въ Луврѣ и разныхъ церквахъ; у меня отъ нихъ кружится голова; я бы хотѣла, чтобъ онѣ вдругъ всѣ исчезли и мнѣ бы не нужно было идти ихъ смотрѣть, а главное, хвалить; а вотъ, хочешь-не хочешь, а говори тебѣ о томъ, чтò я видѣла въ Луврѣ; тебѣ и дѣла нѣтъ, что я умираю отъ усталости. Описывать наружный

(*) Только въ дни большихъ торжествъ пускають фонтаны, *les grandes eaux de Versaille*, какъ ихъ называютъ Французы.

видѣ Лувра я тебѣ не стану: ты видѣла его на тысячахъ гравюръ; скажу тебѣ только, что теперь его соединяютъ съ Гюльери, и многое тамъ передѣлывается вновь. Президентъ живетъ теперь въ *Elysée Bourbon*; но переведетъ сюда. По счастью, я сегодня не опоздала въ Лувръ, а то всегда имѣю обыкновеніе прѣзжать во дворцы и галереи, когда ихъ запираютъ. Лѣстница мраморная, широкая, великолѣпная, какъ всѣ лѣстницы всѣхъ дворцовъ въ мірѣ, исключая, можетъ быть, маленькихъ нѣмецкихъ. Въ нижнемъ этажѣ нѣсколько огромныхъ залъ уставлено античными статуями. Мнѣ особенно понравились *Bachus Jeune*, *Vénus Victorieuse*, Діана и Полинія. О Венерѣ милосской и говорить нечего. Полинія совершенно одѣта, что чрезвычайно рѣдко въ античныхъ статуяхъ; она стоитъ, облокотясь на мраморный пьедесталъ; складки платья и покрывала граціозно обнимаютъ тѣло, легкія, мягкія, точно сдѣланныя изъ самаго тонкаго полотна. Хочется тронуть, чтобъ удостовѣриться, что это точно мраморъ. *Bachus jeune* и *Venus Victorieuse* хороши, какъ боги: что за чистота, что за юношеская свѣжесть формъ; какою нѣгою дышетъ полуоткрытый ротъ Бахуса, и какъ граціозно опрокинулась назадъ въ какомъ-то томленіи, эта юная и гордая голова, увѣнчанная гроздьями винограда.

Въ одной изъ комнатъ Лувра, въ старинныхъ шкапахъ изъ чернаго дерева, собраны разныя рѣдкости; кубки, ожерелья, кольца, разныя туалетныя вещи. Все болѣею частью украшено драгоценными камнями, каждая вещь — драгоценностию какъ исполненіе и драгоценностию какъ матеріалъ. Ничего не можетъ быть красивѣе и граціознѣе этихъ агатовыхъ и сердоликовыхъ чашекъ; и каждая изъ этихъ бездѣлицъ стоить годоваго содержанія цѣлаго семейства.

Верхняя галерея Лувра чудесное, легкое зданіе, освѣщенное сверху, увѣнчанное отъ потолка до пола картинами лучшихъ мастеровъ. Здѣсь особенно богата испанская школа; что касается до французской, то ей посвящено цѣлое отдѣленіе галереи и еще нѣсколько залъ, въ которыхъ я не была; къ-тому же я не люблю сухости и жеманности французскихъ живописцевъ. — Что особенно хорошо здѣсь, такъ это въ первой комнатѣ — картина Мурилльо: Зачатіе Богородицы. Фигура Св. Дѣвы какъ-бы отдѣляется отъ полотна; легкая, прозрачная, обитая голубымъ покрываломъ, она такъ и несется къ небу, окруженная яркимъ сіяніемъ. Лицо дышетъ благоговѣйнымъ восторгомъ, головки ангеловъ видны изъ облаковъ, и всѣ они съ удивленіемъ смотрятъ на совершеніе чуда. — Здѣсь также одна изъ Мадоннъ Рафаэля, подъ названіемъ *la belle Jardinière*; граціозно и просто, какъ все великое. Лицо архангела Михаила, поражающаго

драконъ, также Рафаэля, полно грознаго и вмѣстѣ спокойнаго величія. Нога ангела попираетъ дракона, крылья его поднялись отъ напряженія руки, которая вонзаетъ копье въ демона. Въ небесномъ существѣ художникъ необыкновенно удачно соединилъ быстроту и полетъ орла съ силою и формами человѣка. Выраженіе лица его выше человѣческаго; не видно на немъ ни злобы, ни торжества побѣды; величавое, спокойное, почти кроткое, оно совершенно безстрастно, и видно, что не человѣческое сердце бьется въ этой вѣчноюю груди.—Много картинъ Рубенса, и всѣ почти аллегорическаго содержанія—родъ, который я ненавижу. Фламандская школа вообще бѣднѣе, чѣмъ въ петербургскомъ музее. Хороши пейзажи Рюнсдала; виды Венеціи, Камалетта, переносятъ подъ ея голубое небо.

Но полно о Луврѣ; я боюсь, что уже надоела тебѣ; ну, что бы было, если бъ я видѣла всѣ его залы и принялась бы тебѣ описывать все.

Я была здѣсь въ четырехъ церквахъ: *St. Germain d'Auxerrois*, *St. Sulpice*, *St. Eustache* и *Notre-Dame*. Была также и въ этомъ мнимомъ греческомъ храмѣ, который называютъ *St. Madeleine*; богато и сухо, и точно такъ же похоже на церковь, какъ на театр, залу, что угодно. Всѣ старинныя церкви возобновляются, чистятся, реставрируются. вездѣ наклеиваются орлы, вензеля президента; даже на рѣшеткѣ, которая отдѣляетъ въ *Notre-Dame* хоры отъ церкви, наклеены огромныя золотыя *N*. Всѣ эти церкви болѣе или менѣе хороши; особенно въ *St. Sulpice* замѣчательны фрески и приделъ Св. Дѣвы; во всѣхъ чудесныя цвѣтныя стекла. Но того, кто видѣлъ *St. Ouen* въ Руанѣ, не удивить уже никакая готическая церковь, даже *Notre-Dame*, не смотря на огромность ея размѣровъ.—Въ *sacristie* намъ показывали церковныя одежды, утварь, дарованныя разными королями, а въ томъ числѣ и Наполеономъ. Намъ русскимъ, привыкшимъ къ великолѣпію нашихъ ризницъ, все это кажется необыкновенно бѣдно; Французы, особенно французенки, ахали отъ удивленія. Въ числѣ рѣдкостей, въ шкапу также хранится ребро архіепископа д'Афрѣ, убитаго во время революціи 1848 года; черезъ него прошла пуля. Оно продѣто на золотую стрѣлу, и эта почернѣвшая кость, въ которой даже нельзя узнать, что она человѣческая, дѣлаетъ грустное и непріятное впечатлѣніе.

Notre-Dame, съ своими двумя башнями и величественнымъ порталомъ, особенно хороша снаружи; темная, мрачная, она облечена поэзіею древности и тою, которую придалъ ей Викторъ Гюго. Невольно ищешь Клавимодо на ея высокой, рваной колокольнѣ; мрач-

наго *fatum*, вырезаннаго на ствѣ Клодомъ Фролло. Не далеко отъ нея Гревская площадь, на которой пролилось такъ много крови.

Также недалеко отъ церкви, на самомъ берегу Сены, маленькое, невысокое зданіе, и въ немъ вѣчно отворенное окно, точно глазная впадина въ мертвой головѣ; это—*la Morgue*.

Въ *Notre-Dame* особенно замѣчательны *boiseries* около хоръ и каедреа, подарокъ Людовика XIV. Каждый медальонъ — картина самая отчетливая, выраженіе лицъ, складки одежды, все сдѣлано съ необыкновеннымъ искусствомъ; кругомъ медальоновъ идутъ гирлянды изъ цвѣтовъ, и, право, каждый изъ этихъ цвѣтковъ и листьевъ такъ сдѣланъ, что его можно положить на любой письменный столъ или этажерку, какъ художественное произведеніе.

Теперь расскажу тебѣ о здѣшнихъ театрахъ, конечно, не обо всѣхъ, потому что ихъ тридцать два, можетъ быть, и болѣе, а я была только въ трехъ, и завтра вду въ Оперу.

Маленькій Водевиль—довольно неопрятный театръ; давали двѣ ничтожныя пьески; но онѣ были хорошо исполнены. Въ театрѣ шумъ страшный; въ антрактахъ не даютъ покоя противные и пронзительные голоса продавцевъ афишъ, газетъ, лимонада, мороженаго.... Эти господа, безъ всякой церемоніи, ходятъ по скамейкамъ, шагая только что не черезъ головы зрителей. Вообще я замѣтила, что въ Парижѣ очень мало заботятся объ удобствѣ и настоящемъ комфорта. Здѣсь все вниманіе обращено на наружный блескъ. Всѣ магазины, всѣ рестораны освѣщены великолѣпно, всѣ въ зеркалахъ съ огромными цѣльными стеклами. Съ улицы они кажутся чѣмъ-то магическимъ. Войдите въ любой изъ этихъ кафе или ресторановъ, къ *frères Provençaux* или въ кафе *de la Rotonde* въ Пале-Рояль, или въ одинъ изъ бульварныхъ, кромѣ *Maison dorée*, гдѣ очень хорошо; войдите въ любой изъ нихъ,—внутри грязно, полъ отвратительный, мебель старая, гардины и сторы вѣчно въ пыли. А въ театрахъ.... развѣ можно назвать ложами эти маленькія, темныя кѣтки; а партеръ, гдѣ надобно быть непременно чрезвычайно худощавымъ, чтобъ и то съ трудомъ пройти на свое мѣсто. — Мѣста даже въ ложахъ не нумерованныя, и потому выйдя въ антрактъ и возвратясь къ представленію, вы легко можете имѣть удовольствіе видѣть свое мѣсто занятымъ.

Gymnase dramatique—маленькій, но очень красивый театръ; публика порядочная. Давали *Le Diable du Foyer*, Жоржъ Занда. Пьеса миленькая и трогательная, не то комедія, не то драма, написанная тѣмъ блестящимъ языкомъ, которымъ знаменитый авторъ пишетъ все. Разыграна была пьеса чрезвычайно хорошо. *Rose Chéri*

была очень мила и трогательна въ роли Камиллы. Она имѣетъ очень нравятся: у нея въ приемахъ, словахъ, движеніяхъ, вообще во всей игрѣ, много простоты и благородства. А это чрезвычайно рѣдко въ актрисѣ, особенно не первостепенной, потому что, по моему, первостепенная актриса только Рашель; я уже и говорить не хочу о нашей Плесси; какъ будто объ ней писалъ Грибоедовъ, «*словечка въ простоту не скажешь, все съ ужимкой.*»

Циркъ меньше и хуже нашего. Скачки на лошадяхъ, перепрыгиванья черезъ шарфы, кольца, картинные круги тѣ же самыя, штуки и фарсы паяцовъ, каррикатуры на Англичанъ, все одно и тоже.

Въ Ипподромѣ я видѣла бѣгъ на греческихъ колесницахъ; это очень красиво, но погода много мѣшала удовольствію; дождь такъ и лилъ на голыя шеи и руки несчастныхъ наѣздницъ; иногда доставалось и зрителямъ.

10 сентябрѣ. Сейчасъ вернулась изъ оперы; голова моя полна звуками; хочу подблаться съ тобою, милый другъ, моими впечатлѣніями; хочу, чтобъ и ты, со словъ моихъ, полюбила Мейербера. Оперная зала очень красива: красная съ золотомъ, освѣщена великолепно; оркестръ чудесный, огромный, занимаетъ почти половину партера. Жаль, что эта прекрасная опера *Le Prophète* исполнена не первоклассными артистами; да и могутъ ли Французы спѣть хорошо эту музыку, глубокую, торжественную, почти религіозную. Какъ хороша арія Іоанна Лейденскаго, въ концѣ перваго акта, *Toujours, mes seules amours!* Роже выполнилъ ее очень хорошо, Это торжество любви надъ всѣми увлеченіями честолюбія и славы, этотъ крикъ страсти въ отвѣтъ на всѣ убѣжденія, глубоко потрясаютъ сердце. А помнишь ли ты Марію, въ концертѣ 1851 года? Онъ пѣлъ эту самую арію; помнишь ли этотъ голосъ, созданный, чтобъ выражать любовь, чистый, юный, мягкій голосъ, который словно ласкаетъ васъ своими звуками... У Роже не было этой страстной вѣжвости; но за то больше энергій; въ немъ видна была любовь чловѣка съвера, грустная, глубокая, какъ бы сдержанная фанатизмомъ сектатора, а у Марію—безпечная, итальянская, полная наслажденія.

Великолепнымъ, торжественнымъ гимномъ замыкается второй актъ; народъ преклоняетъ колѣна; на сценѣ ночь не такая, какъ на нашихъ театрахъ, а совершенная ночь, едва можно различать предметы. Горизонтъ краснѣетъ; на этомъ яркомъ полѣ начинаютъ вырзывать темныя шпили готическихъ башенъ; громче и торжественнѣе становится пѣніе, ярче и ярче становится небо,—и вотъ изъ за высокыхъ зданій стариннаго города показывается солнце, какъ багровый шаръ; медленно подымается выше и выше, и когда звучно

разносится молитва, полная огня и экстаза, горячіе лучи солнца вдруг падают также ярко и торжественно на преклоенный народъ. Вся сцена горитъ огнемъ и гармонію. — Гедеско не дурна въ роли матери, но въ голосъ ея есть рѣзкіе, крикливые звуки. Какъ бы я хотѣла слышать въ этой роли Віардо. — Многія мѣста произвели на меня сильное впечатлѣніе; но все это не то, чего я ожидала; наслажденіе было не полное. Отчего? я вполне не могу объяснить тебѣ: я не знатокъ въ музыкѣ, я сужу объ ней только по тому впечатлѣнію, которое она на меня производитъ, — и мнѣ кажется, что это внутреннее мое чувство вѣрно; только истинно, безукоризненно прекрасное, приводитъ меня въ восторгъ. Особенно помню я два раза, когда музыка потрясла всю мою душу, — два музыкальныя наслажденія, живыя, ясныя, какъ бы поющія въ моей памяти. Ты, вѣрно, также не забыла Віардо и Рубини въ *Отелло*? — Это была первая опера, которую я слышала; я была тогда еще очень молода. До сихъ поръ иногда, въ рѣдкія минуты жизни, раздается въ ушахъ моихъ раздирающій плачъ Дездемоны, слышится пѣснь ея «*Assise al piè d'un salice*», эта страстная, молящая пѣснь, въ которой сказывается вся грусть, вся тревога души любящей; вижу вдохновенное лицо Віардо, и снова чувствую, какъ широкіе звуки ея голоса проникаютъ мнѣ въ сердце, какъ удары кияжала, наполняя его неизъяснимымъ страданіемъ. И вдругъ эта лебединая пѣснь Рубини, этотъ голосъ, который дрожить, какъ струна, котораго каждая нота, кажется, хватается за сердце, то замираетъ такъ грустно, словно прерываясь отъ внутренняго волненія, то опять гремитъ въ залѣ, звучный, гордый, полный огня и вдохновенія.

Опера кончилась, занавѣсъ давно опустился; петербургская публика, которая, кажется, не любила *Отелло*, аплодировала холодно; а мнѣ все еще казалось, что я слышу трогательныя жалобы Дездемоны, все еще раздавался въ сердцѣ страстный голосъ Рубини.

Слышала я потомъ и Персіани, и Маріо; видѣла, какъ дрожалъ театръ, когда вызывали Фреццолини въ *Beatrice di Tenda*; видѣла, какъ жадно ловили, особенно женщины, каждый звукъ, каждый взглядъ Маріо; все кругомъ меня ахало и восхищалось. Звучалъ его чистый теноръ; онъ улыбался, дѣлалъ глазки; хорошо, но все не то; сердце мое не билось, не расширялось въ груди, не было во мнѣ отвѣта на эти полные, гармоническіе звуки, въ которыхъ не слышно было вдохновенія.

Потомъ, въ другой разъ, года два тому назадъ, въ маленькой залѣ пѣвческой капеллы, я слышала придворныхъ пѣвчихъ. Вотъ настоящая музыка, — вотъ она, не страстная и волнующая только нервы,

а не душу, но успокоивающая страданія и тревоги, чистая как молитва, великая, неизяснимая, таинственная как вѣчность. Как неслись къ небу эти звонкіе дѣтскіе голоса, безстрастные как голоса ангеловъ, то ярко отдвляясь на темномъ фонѣ басовъ, то сливаясь въ одинъ громкій, гармоническій хоръ. — Какъ теперь слышу это божественное пѣніе, вижу эту маленькую, простую залу, и худощавое, словно изрытое внутреннимъ огнемъ, лицо начальника капеллы, котораго я узнала по тому неизяснимому отпечатку, который Провидѣніе кладетъ на чело своихъ избранныхъ, вижу его разсѣянный и грустный взоръ, изрѣдка оживающій при удачномъ исполненіи знакомыхъ гимновъ.

Ты, вѣрно, не забыла это музыкальное утро, милый другъ: не забыла этихъ сладкихъ слезъ, этого благодатнаго впечатлѣнія. Да, истинно хороша только та музыка, которая заставляетъ насъ забывать наши земныя тревоги, научаетъ любить и молиться.

11. Пари держу, что никогда не угадаешь, какъ я провела сегодняшній день. Чрезвычайно оригинально; утромъ была на кладбищѣ *Père Lachaise*; а вечеромъ... *je te le donne en cent*,—ну, скорѣе не угадываешь?—на *bal Mabille*. Начну съ кладбища. Изъ него чудесный видъ на весь Парижъ; къ нему ведетъ широкая кипарисовая аллея; много прекрасныхъ памятниковъ, тысячи склеповъ, крестовъ, часовенъ, которые вытѣсняють одни другіе. Особенно любопытнаго я ничего не нашла; къ-тому же я не люблю кладбищъ, и темъ болѣе такихъ многолюдныхъ...

Вечеромъ мы повхали въ Мабилъ. Красивый садъ, аллеи, бесѣдки, множество цвѣтовъ, и все это освѣщено чрезвычайно мило, въ зелени спрятаны газовые рожки, и огонь будто выходитъ изъ цвѣтовъ. Въ залѣ никого не было; танцовали въ саду, посреди широкой площадки; бесѣдка, и въ ней оркестръ, который играетъ съ такимъ увлеченіемъ, что мнѣ кажется, можетъ заставить танцовать мертваго. Теперь ты, можетъ быть, думаешь, судя по слухамъ и описаніямъ, что я буду тебѣ говорить о веселости и живости танцующихъ;—ничуть не бывало; скучнѣе, монотоннѣе этого болѣе ничего быть не можетъ. Представь себѣ нѣсколько паръ, которыя танцуютъ французскій кадрили съ самыми странными, уродливыми и даже вовсе не смѣшными тѣлодвиженіями, и все это, не улыбаясь, съ самыми серьезными лицами. Въ обезьянахъ смѣшны ихъ кривлянья и гримасы на неулыбающихся мордахъ; но въ людяхъ, и особенно веселящихся, по крайней мѣрѣ, думающихъ, что они веселятся, а бы хотѣла видѣть что-нибудь подобное этому и на лицахъ. Я не нашла даже, чтобъ ихъ странныя кривлянья были забавны; не понимаю,

что тут нравятся? Подлиз меня нашъ диеспскій знакомецъ баронъ... безпрестанно повторялъ: чудо, чудо, какъ въ Парижѣ весело! Онъ былъ внѣ себя отъ восторга, отъ чего? я не знаю; къ-тому же эти женщины, которыми онъ такъ восхищался, не обращали на него ровно никакого вниманія. Въ числѣ ихъ было много хорошенькихъ и очень нарядныхъ; только ихъ длинныя платья были все запачканы внизу отъ мокраго песку на дорожкахъ. Въ саду было такъ сыро, холодно, что я едва могла согрѣться въ бурнусъ; а онъ носилъ съ открытою головою, какъ ни въ чемъ не бывало, заворачивая при каждомъ поворотѣ какъ-то странно назадъ ногу, и при этомъ всегда стараясь выказать шитый рубецъ своей юбки. Граціознаго въ этомъ движеніи не было ровно ничего; къ-тому же оно такъ часто повторялось, что переставало быть смѣшнымъ. Началась полька; веселые, рѣзвые звуки неслись изъ бесѣдки; каждый изъ мужчинъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, одинъ во фракъ, другой только что не въ блузѣ, схватилъ свою даму, и пошли вертѣться около бесѣдки. Они вертѣлись, покамѣстъ играла музыка, не перемѣняя дамы и не останавливаясь. Музыка перестала играть, и они перестали вертѣться, точно остановили машину, которая заставляла ихъ двигаться. Гуляя по аллеямъ, я стала довольно пристально лорнировать группу молоденькихъ женщинъ въ красивыхъ платьяхъ, кажется, дамы, и въ шляпкахъ очень богатыхъ, надѣтыхъ совершенно на затылкѣ. Видно имъ это не понравилось!... «*Qu'est ce qu'elle à nous lorgner ainsi; cette grande dame!*» сказала одна изъ нихъ, *je n'aime pas ça, moi!*—*Laisse donc*, отвѣчала другая: *c'est une étrangère*. Я была очень рада этому заключенію; наглый взоръ первой женщины невольно смутилъ меня. Поѣдемте, поѣдемте, говорила я безпрестанно, до того что надобѣя своимъ спутникамъ, и наконецъ, къ большей моей радости, мы оставили Мабиль. Баронъ провожалъ насъ до дверей, все повторяя свое: чудо, чудо. А что именно чудо въ Парижѣ, такъ это не гризетки и не Мабиль, а *Jardin des Plantes*. Вообрази, мой другъ, огромный садъ, наполненный самыми рѣдкими произрастеніями, въ числѣ ихъ кедръ ливанской, посаженный *Jussieu*. Въ этомъ саду, на свободѣ, отдѣленные легкими рѣшетками, живутъ всевозможные звѣри и птицы. Ничего не можетъ быть милѣе этихъ дикихъ козъ и газелей, которыя ласково протягиваютъ къ зрителямъ свои красивыя головки. Если бъ не было этихъ рѣшетокъ, то можно бы подумать, что гулешь въ какомъ-нибудь изъ льсовъ Америки. Крикъ животныхъ раздается со всѣхъ сторонъ. Я бы готова провести здѣсь цѣлый день.

Баденъ-Баденъ. 14. Страсбургскій Мюнстеръ такъ извѣстенъ,

что говорить о немъ, значить — повторять то, что было сказано сто тысячъ разъ. Кто же не знаетъ, что его колокольня самая высокая въ Европѣ, что въ ней знаменитыя астрономическія часы? Не высота и не часы его поразили меня, а лѣсъ колоннъ, грандіозность и мрачность сводовъ, темный, въковой цвѣтъ стѣнъ, все то, что я такъ люблю въ готическихъ церквахъ и что въ болѣе громадныхъ размѣрахъ я нашла въ страсбургскомъ соборѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ мы были въ Баденѣ. Здѣсь теперь совершенно тихо и уединенно, почти всѣ разѣхались. — Мои окна выходятъ въ садъ; въ немъ много цвѣтовъ, особенно георгинъ; и осень разукрасила своими пестрыми узорами всѣ листья на деревьяхъ. Ни малѣйшаго шума, ни стука экипажа, ничего, что папоминаетъ городъ. Я могу думать, что я въ деревнѣ, и еслибъ постоянное безпокойство о тѣхъ, кто далеко, не мучило меня, я была бы здѣсь почти счастлива.

9 октября. Баденъ.... Я вду завтра и возвращаюсь въ Россію. Другъ, я не вврю себѣ, я рада, рада какъ ребенокъ, и между тѣмъ.... какъ странно создано сердце человѣческое!... мнѣ жаль Бадена, который какъ бы нарочно сегодня прощается со мной во всемъ своемъ блескѣ; мнѣ жаль этихъ горъ, покрытыхъ такою богатою растительностію; развалины *Altenschloss*, куда я недавно ѣздила верхомъ, этого замка, обросшаго гирляндю вьющихся растений и плющемъ, который обвиваетъ всѣ его зубцы и окна; жаль красивой аллеи Лихтенваль; излучистыхъ дорожекъ и тропинокъ въ уединенныхъ долинахъ Бадена; даже опустѣвшаго гульбища и Конверсаціонной залы. Погода чудесная, теплая, какъ у насъ въ началѣ августа. Солнце такъ и играетъ на зеленыхъ и уже въ половину желтыхъ листьяхъ; какъ нарочно время пережилось: нѣсколько дней тому назадъ было такъ холодно, что я мерзла въ своей комнатѣ. Прощай, Баденъ, увижу ли я тебя когда-нибудь; занесетъ ли меня опять судьба изъ далекой, холодной родины въ твои густыя рощи, на твои высокія горы, увижу ли опять твое уединенное кладбище и въ немъ опустѣвшую могилу Жуковского? Я не любила тебя шумнаго, блестящаго, *rendez-vous* цѣлой Европы и мнимыхъ больныхъ; я люблю тебя теперь, когда людскія заботы и суеты не нарушаютъ поэзію твоихъ очаровательныхъ окрестностей. Какъ бы здѣсь можно быть счастливой, милый другъ; какая поэтическая рама для самаго поэтическаго чувства!

15 октября. Мюнхенъ.... Кто не видалъ Гейдельберга? или кто, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о его развалинѣ? По моему, она даже слишкомъ хорошо сохранилась; но нигдѣ я не видала такого

чуднаго плюща, какъ тотъ, который обвиваетъ всѣ ея окна; точно рама изъ самыхъ свѣжихъ зеленыхъ листьевъ. Намъ показывала замокъ старая привратница, и преважно рассказывала, какъ въ огромной бочкѣ, въ погребѣ, утонулъ какой-то пьяный баронъ; и не мудрено: эта бочка—цѣлый домъ. — Когда мы вѣхали въ замокъ по тѣснымъ улицамъ Гейдельберга, въ коляску маленькіе оборванные мальчики и дѣвочки бросали крошечные букеты изъ флялокъ и резеды; мнѣ понравился этотъ способъ просить милостыню. Выходя изъ замка, мы встрѣтили толпу студентовъ; я сейчасъ ихъ узнала: на нихъ какой-то особенный отпечатокъ. Въ Гейдельбергѣ еще совершенно сохранился характеръ стариннаго нѣмецкаго города; особенно улицы такъ узки, что два экипажа никакъ не могутъ разъѣхаться.—Дорога отъ Гейдельберга до Штутгарта очень живописна. Виртембергскія Альпы красиво рисуются на горизонтѣ. Въ Штутгартѣ я была у обѣдни въ придворной церкви и видѣла нашу красавицу Великую Княгиню, наследную Принцессу виртембергскую.—Родное богослуженіе и видъ дочери русскаго Царя отрадно успокоили на чужбинѣ мое русское сердце, которому уже становилось такъ грустно отъ всего нѣмецкаго.

Погода переменилась; все время нашего путешествія отъ Штутгарта до Мюнхена шель мелкій осенній дождь, и гладкія, ровныя поля Баваріи казались оттого еще скучнѣе. Наконецъ мы прѣехали въ Мюнхенъ, эту пародію Аѳинъ, городъ съ греческими колоннами и портиками, окруженный болотами, подъ самымъ скучнымъ и сырмъ небомъ. Уже два дня, какъ я здѣсь и дождь не перестаетъ; я видѣла здѣсь все, что можно видѣть въ два дня. Пинакотека, красивое зданіе, разумѣется, въ греческомъ вкусѣ, освещенное артистически съ верху, увѣшанное картинами, которыя стоить видѣть даже послѣ дрезденской галлерей и Лувра. Но я не люблю мюнхенскую пинакотеку, потому что тамъ виситъ картина Рубенса: Страшный судъ; отвратительнѣе ея я ничего не видала. Уродливыя, почти животныя лица грѣшниковъ, странная поза Іисуса Христа, ничего не выражающія лица праведниковъ; этотъ діаволь съ собачьей мордой, который тащитъ за волосы двухъ толстыхъ грѣшницъ, все это въ высшей степени безобразно. Я не была въ глиптотеку: опоздала.

Видѣла я базилику мюнхенскую, очень богатую, съ мраморными стѣнами и колоннами,—говорятъ, подражаніе базилики св. Павла въ Римѣ,—и новую церковь въ готическомъ вкусѣ, и колоссальную статую Баваріи. Она стоитъ, опираясь на льва, на высокомъ пьедесталѣ, на холмѣ, къ которому ведетъ широкая лѣстница; съади ея, полукругомъ строятъ *Rhöemer saal*, въ которомъ будутъ стоять

бюсты всѣхъ знаменитостей Баваріи. И зала и статуя окружены болотистыми черными полями; мнимо-греческіе портики Мюнхена вырываются вдали, на сѣромъ, точно плачущемъ небѣ. На все, и на храмъ славы, и на Баварію со львомъ, и на греческіе портики льетъ мелкій осенній дождь. Я была въ Мюнхенѣ, въ мастерской Каульбаха.... Мнѣ въ ней чрезвычайно понравилась картина: Взятіе Іерусалима Титомъ; нигдѣ я не слыхала и не читала объ ней; но она чудо какъ хороша, особенно хорошо лицо первосвященника и группа христіанъ на первомъ планѣ.

Въ новомъ Мюнхенѣ улицы широкія и правильныя, но вѣчно лустыя. рѣдко увидишь экипажъ; здѣсь должно быть страшно скучно. Особенно поразила меня эта мертвенность большаго, столичнаго, города послѣ парижской жизни. Прощай; мы сей-часъ вѣдемъ, буду писать къ тебѣ изъ Дрездена.

20. *Дрезденъ.* А Дрезденъ все милый, не смотря на дождь и дурную погоду, которая помѣшала мнѣ идти на *Brülsche terrasse*. Какъ много здѣсь жизни и движенія. Сегодня утромъ ходила смотреть Мадонну... Увидѣла въ галлерей опять всѣхъ своихъ старыхъ знакомцевъ и любимцевъ, и грустно простилась съ ними: можетъ быть, никогда больше не придется увидѣться. Вечеромъ повхала въ театръ; давали оперу; конецъ перваго акта. На сценѣ что-то красное, не то пламя, не то печь, гдѣ разжигаютъ кирпичъ; Богъ знаетъ, чтѣ такое! Посреди этого женщина, довольно толстая, въ розовомъ коротенькомъ платьѣ, съ распущенными волосами, очень некрасивая, поетъ плохо, страшно размахивая руками. Аѣишка говоритъ, что это Венера. Всѣ эти крики и странные жесты обращены къ человѣку въ черномъ, который ей въ чемъ-то отказываетъ; онъ держитъ въ рукахъ лиру; потомъ поетъ и бросаетъ лиру на полъ. Венера, въ розовой юбкѣ, начинаетъ опять размахивать руками, и съ послѣднимъ страшнымъ взвизгиваньемъ уходитъ подполь. Декорація перемѣняется, на сценѣ лѣсъ; человѣкъ въ черномъ молчитъ и смотритъ по сторонамъ; является что-то въ родѣ пастуха и начинаетъ играть на кларнетѣ; раздается церковное пѣніе, пастухъ все играетъ, являются пять или шесть монаховъ и начинаютъ ходить около креста, который стоитъ на правой сторонѣ сцены; ходятъ, кланяются и поютъ; пастухъ все играетъ на кларнетѣ; человѣкъ въ черномъ, все съ лирою въ рукахъ, которую онъ, вѣроятно, поднялъ, когда Венера ушла подполь, становится на колѣни; пастухъ, соскучась играть на кларнетѣ, также становится на колѣни, дамы въ ложахъ начинаютъ сморкаться. Второй актъ: огромная зала, и съ правой стороны что-то въ родѣ трона и множество кресель, стульевъ, скамеекъ; выходитъ дама очень

худощавая, въ бѣломъ атласномъ платьѣ и въ длинной голубой мантии съ шлейфомъ, на который она безпрестанно наступаетъ; она долго, жалко и пронзительно поетъ, обращаясь все больше къ кресламъ и стульямъ. Дамы плачутъ. Отворяются двери залы, начинаются съѣзжаться гости, — рыцари и дамы, съ длинными шлейфами, одна другой хуже. *Princessine* (такъ написано въ афишѣ) всѣхъ ихъ встрѣчаетъ, раскланивается и усаживаетъ на мѣста; мантия ея такъ и раздувается, какъ парусъ. Эта сцена продолжается болѣе получаса; всѣ молчатъ, даже музыка не играетъ. Наконецъ всѣ усѣлись. Являются минезингеры, и, въ числѣ ихъ, человекъ въ черномъ. Каждый изъ нихъ поетъ болѣе или менѣе дурно; потомъ поетъ человекъ въ черномъ, довольно пріятнымъ голосомъ, и, наконецъ, бросаетъ свою лиру на полъ: видно уже у него такая привычка. Всѣ кричатъ и кидаются на него съ поднятыми шпагами. Принцесса бросается съ своего трона, и закрываетъ его своею голубою мантиею; при этомъ, конечно, страшно визжитъ, наконецъ падаетъ безъ чувствъ и лежитъ такъ очень долго въ самомъ неловкомъ положеніи. На сценѣ страшная суматоха, оркестръ гремитъ, занавѣсъ опускается, нѣмки плачутъ, я увѣжаю. Жаль, что даютъ такія оперы, потому что оркестръ въ Дрезденѣ чудесный и первый теноръ Чихачекъ очень хорошъ. «*Comment avez vous trouvez l'opéra d'hier, madame?*» спрашивала у меня на другой день, за *table d'hôte*, моя сосѣдка, какая-то французская графиня. «*Je n'y ai rien compris. — Mais c'est que c'est inopi, au lieu d'entendre de la musique, nous voyons une longue dame bien raide, recevant son vilain monde; il n'y a que les allemands pour inventer des choses pareils.*»

Графиня датчанка происхожденіемъ, а мужъ ея французъ, и потому она часто повторяетъ: *nous autres français.*

Варшава; 30 октября. Три дня, какъ я здѣсь, въ англійскомъ отелѣ, грязно и холодно. Уже въ Мисловицахъ начало пахнуть жидомъ; на границѣ, въ темной залѣ, тускло освѣщенной салнымъ огаркомъ, гдѣ я пила скверный *herbata*, запахъ усилился; а въ Ченстоховѣ, гдѣ я имѣла несчастье ночевать, уже пахло жидомъ *pur sang.*

На другой день, около вагона насъ обступаетъ толпа жидовъ, каждый хватаетъ что-нибудь изъ нашихъ вещей и тащить. Наконецъ повозка тронулась, я читала французскій романъ, *Histoire d'un poète russe*, оказалось прескучно; чтобъ онъ не занималъ даромъ мѣста, бросаю его въ окно; жида кидаются на книгу и одинъ у другаго рвутъ ее; русскій поэтъ подвергся, въ рукахъ жидовъ, четвертованію. Погода страшная, вѣтеръ реветъ какъ бѣшеный; мелкій осенній дождь

стучить въ окна, небо мутное, сврое, поля черныя, грязныя, дома еще грязнѣе. Привъжаемъ въ Варшаву; темно, грязно; опять толпа мальчишекъ, факторовъ, которые рвутъ наши вещи; таможенные чиновники открываютъ чемоданы, но роятся въ нихъ чрезвычайно несходительно, не то что на австрійской таможнѣ, гдѣ принимаютъ лексиконъ за стихи противъ правительства. Завтра, милый другъ, я уѣзжаю отсюда; мнѣ уже взяли мѣсто въ мальпостъ, который идетъ въ Москву.

Въ Рогачевѣ, покаместъ мы обѣдали въ гостинницѣ, наполненной жидами, грязной до невыразимой степени, оторвался плотъ на Днепрѣ, и дилижансъ нельзя было перевезти на ту сторону. Что дѣлать! надобно почевать въ Рогачевѣ! На другой день надобно ѣхать, плота не починили, дилижансъ нельзя перевезти; кондукторъ предлагаетъ ѣхать въ телѣгахъ, и такимъ образомъ, милый другъ, я довѣхала до Пропойска; какъ я осталась жива, сама не знаю. Въ Пропойскѣ я оставила своихъ спутниковъ, и отправилась дальше, но уже на саняхъ въ почтовомъ брикѣ, рядомъ съ какимъ-то жидомъ, который все время курилъ папирасы и спрашивалъ, знаю ли я Ирку Матіасъ? прибавляя: вѣдь она еврейка.

Потомъ узнавъ, что я вду изъ-за границы, жидъ-спутникъ все спрашивалъ, видѣла ли я тамъ Мейербера, прибавляя съ гордостью: вѣдь онъ также жидъ.

А когда я, отъ нечего дѣлать, удивлялась, что онъ путешествуетъ въ субботу, такъ онъ преважно отвѣчалъ мнѣ: кто же теперь вѣрить, кромѣ чернаго народа.

Добрались мы наконецъ до Малоярославца; тамъ жидъ, мой спутникъ, остался, а я, усталая, измученная, послѣ семидневнаго путешествія, пріѣхала въ пять часовъ утра въ Москву. Улицы были пусты, но громкій звонъ многочисленныхъ церквей московскихъ уже разносился по всему городу.

Ж Д

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ИЗЪ НОВГОРОДА.

Посѣтивъ нынѣшнимъ лѣтомъ нѣкоторыя изъ окрестностей Новгорода, считаю себя обязаннымъ сообщить вамъ краткій обзоръ того, что во время моихъ разъездовъ удалось мнѣ видѣть на пути замѣчательнаго. Не претендую, впрочемъ, на полноту и многосторонность своихъ путевыхъ замѣтокъ, но очень радъ буду, если найдется въ нихъ что-либо полезное въ какомъ-нибудь отношеніи для науки.

Прежде всего я отправился въ г. Старую Русу. Сообщенія Новгорода съ этимъ городомъ очень удобны и дешевы: воднымъ путемъ, черезъ Ильмень, и потомъ вверхъ по рѣкамъ Ловати и Полисти, на пароходѣ или на соймѣ (крытая, особаго устройства лодка), можно прѣвхать въ Русу скоро и весьма пріятно, но только въ хорошую погоду, въ дурную же путь этотъ представляетъ извѣстныя непріятности всякаго воднаго путешествія, и потому опасующійся припадковъ морской болѣзни долженъ избрать для себя сухопутье, вокругъ озера, въ почтовомъ экипажѣ по гладкому шоссе. Впрочемъ, съ юля мѣсяца послѣдній сухопутный способъ сообщенія Новгорода съ Русою сдѣлался почти единственнымъ, ибо частный пароходъ (казенные уже совсѣмъ прекратили у насъ свои рейсы) пересталъ возить пассажировъ, а буксировалъ только суда; вхать же по бурливому озеру на лодкѣ не безопасно, и потому не всякій на то рѣшится. Самый опасный на Ильмень вътеръ называется *шалонникъ* или *межевельникъ*, т.-е. юго-западный; вотъ, кстати, и прочія мѣстные названія вътеровъ: *меженецъ*—восточный, *зимнякъ*—юго-восточный, *полденникъ* или вътеръ *съ-полдень*—южный, *мокрикъ*—юго-западный, *сѣвернякъ* сѣверный, *противень*—противный, *пдвѣтеръ*—попутный, и *боковикъ*—боковой. До старой Русы добрались мы на пароходѣ безъ особенныхъ приключеній, если не считать важнымъ приключеніемъ порядочной среди озера качки съ ея послѣдствіями, впрочемъ тотчасъ прекратившимися при въѣздѣ парохода въ р. Ловать. Въ Русу въехали мы въ обвѣдшую пору, употребивъ на весь путь не болѣе 6 часовъ.

Изъ городовъ Новгородской губерніи Старая Руса занимаетъ, безспорно, первое мѣсто послѣ Новгорода; весьма даже вѣроятно, что она вскорѣ и превзойдетъ его многочисленностію своего населенія, торговыми оборотами, числомъ зданій и другими существенными признаками благоустройства, коими обыкновенно измѣряютъ значительность и важность городовъ.

За то Новгородъ, этотъ дѣдъ русскихъ городовъ, никогда не утратитъ своего историческаго значенія; и доколѣ будетъ существовать Россія, она не забудетъ старика Новгорода, призвавшаго благодѣтельную для общаго блага власть, подчинившаго ея державному скипетру всю сѣверную Европу, и удерживавшему грудью своихъ сыновъ долгое время напоръ чужеземщины, пока Россія благоустроилась внутри, такъ сказать, отъ центра къ окружности. Но все идетъ въ свой чередъ, — такъ и Новгородъ останется навсегда знаменитъ только по историческимъ воспоминаніямъ.... Старая же Руса годъ отъ году улучшается; торговля ея постепенно увеличивается: въ прошломъ году одного льну отправлено отсюда въ С.-Петербургъ для заграничнаго отпуска на сумму 135,000 р. с.; кромѣ того вывозится изъ Русы въ Петербургъ много овса и сѣна. Вообще здѣсь видна торговая дѣятельность: незначительная сама по себѣ и мало способная для судоходства р. Полисть, въ лѣтнее время запружена бываетъ соминами и соймами, въ кои складываютъ пеньку, ленъ и другія мѣстныя произведенія природы для дальнѣйшей отправки въ Петербургъ. Достопримѣчательностей Старой Русы на этотъ разъ я вамъ описывать не стану, потому что о томъ уже однажды писалъ. Въ настоящемъ случаѣ сообщу вамъ два историческихъ анекдота, слышанныхъ мною отъ тамошняго любителя древностей А. А. Северикова.

Государь Петръ Великій, въ бытность свою въ г. Старой Русы, возымѣлъ надобность перебраться чрезъ р. Перерытвицу; до моста идти было далеко (а можетъ быть его тогда вовсе не было), лодки тоже близко не случилось, — и Великій Государь рѣшился тогда перейти рѣку въ бродъ. Граждане, окружавшіе Монарха, примѣтя его намѣреніе, перенесли на рукахъ обожаемаго Государя на другой берегъ рѣки. Петръ Великій сказалъ тогда Старорусчанамъ слѣдующія памятные для нихъ слова: «Живите съ Богомъ, старорусскіе лапотники, доколѣ васъ московскіе башмачники не узнали!»

Другой случай относится къ царствованію Императрицы Екатерины II. Во время путешествія Великой Екатерины по Россіи, она посѣтила, между прочимъ, и Старую Русу. Послѣ торжественнаго пріема, сдѣланнаго ей гражданами Русы, Государыня удостоила допустить къ своей рукѣ жителей города. Какая-то женщина съ

груднымъ ребенкомъ на рукахъ также приблизилась къ Монархинѣ, но, подойдя ближе къ ней, растерялась и не знала, что ей дѣлать. Въ замѣшательствѣ она протянула лице свое къ Императрицѣ съ явнымъ намѣреніемъ поцѣловать ее въ уста. Окружавшіе Государыню хотѣли было оттолкнуть эту женщину, но она сама, спохватившись, такъ перепугалась, что поблѣднѣла, затряслась и готова была упасть въ обморокъ; ребенокъ ея заплакалъ. Государыня въ одно мгновеніе прекратила эту суматоху, сказавъ своимъ приближеннымъ: оставьте ее; сама подошла къ испуганной женщинѣ, обласкала ее пріятнымъ взглядомъ, сказала ей нѣсколько ласковыхъ словъ и поцѣловала въ губы сперва ее, а потомъ и ребенка. Не распространяюсь о такомъ великодушномъ, глубоко-христіанскомъ поступкѣ Великой Государыни (*). Какъ жаль, что мы мало собираемъ такихъ свѣдѣній.

Изъ Старой Русы я поѣхалъ въ Демьянскъ. Дорога къ этому городу пролегаетъ по мѣстамъ исторически примѣчательнымъ: курганы, или, по мѣстному, правильнѣйшему названію, *сопки*, разсыпаны въ этихъ мѣстахъ во множествѣ, свидѣтельствуя о боевыхъ дѣйствіяхъ Новгородцевъ съ Литовцами, Нѣмцами и Шведами. Деревская и Шелонская пятинны господина Великаго Новгорода вмѣстѣ съ областью его младшаго брата Пскова должны были удерживать наплывъ иноземщины съ юга и запада и не впускать ее въ нѣдра отечества. Случалось, однакоже, нерѣдко, что плотина эта, состоявшая изъ богатѣйшей новгородскихъ, была внезапно прорываема напоромъ чужеземныхъ волнъ, и тогда околорусье напоялось кровію сражавшихся. Городища, коихъ остатки и теперь еще можно видѣть, устроивались по берегамъ рѣкъ, на высокихъ, природою укрѣпленныхъ мѣстахъ, и служили опорными пунктами въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Въ тревожныя, но полныя героизма и поэзіи, времена съдой древности международное право вообще слабо уважалось, и стоило только захотѣть какому-либо удалцу поискать себѣ славы и добычи, и онъ производилъ съ горстью своихъ единомышленниковъ опустошительный набѣгъ на сосѣдей, кои, въ свою очередь, при первой возможности, оплачивали нашимъ тою же монетою. Вотъ причина происхожденія здѣсь большей части сопокъ; кургановъ же до-исторической эпохи, я полагаю, у насъ не много. Изъ мѣстностей исторически замѣчательныхъ я видѣлъ нынѣ село Налючи. Оно распо-

(*) Г. Ив. Писаревъ рассказываетъ нечто подобное, случившееся съ Императрицею Екатериною II въ г. Коломнѣ. Не знаю, одно ли и то же это происшествіе съ мною описаннымъ, или совершенно иное. У г. Писарева происшествіе это кончилось смѣхомъ. Во всякомъ случаѣ я передаю происшествіе такъ, какъ слышалъ самъ.

ложено на рѣкѣ Поля, имѣеть деревянную церковь во имя Георгія Побѣдоносца съ придельюмъ при ней во имя св. мученицы Доросен; дворовъ въ селѣ 49, жителей мужскаго пола 176 человекъ. Вблизи отъ этого села лежитъ деревня Малая Налюча или Дубовицы. Налючи упоминаются въ лѣтописи подъ 1200 г., когда Литва произвела набѣгъ на Новгородскую область; памятникомъ этого нашествія остались двѣ сопки. Народное преданіе ничего не говоритъ о времени ихъ насыпки, и не соединяетъ никакого религіознаго значенія съ ихъ происхожденіемъ. Впрочемъ, по причинѣ кратковременнаго моего здѣсь пребыванія, не удалось разспросить о томъ стариковъ, отъ коихъ всегда обстоятельнѣе можно узнать что-либо изъ давнoproшедшаго. Этотъ набѣгъ Литвы на Новгородскую область до сихъ поръ мало разъясненъ учеными; причиною тому, кажется, сбивчивость чтенія упоминаемыхъ въ лѣтописи мѣстностей. Вотъ подлинныя слова лѣтописца: «Ловатъ взяша Литва и до Налюча, съ Бѣлѣмъ до Свинорта, и до Ворча Середу». Предположенія гг. Невольина и Надеждина, что набѣгъ этотъ произведенъ Литвою по двумъ воднымъ путямъ, по Шелони и по Ловати, вполне подтверждаются мѣстными наблюденіями. Затрудненіе здѣсь представляется только въ приисканіи мѣста Ворчи, но это затрудненіе произошло отъ явно неправильнаго чтенія издателей лѣтописей: существуетъ и теперь еще село Доворець на границѣ Новгородской губерніи съ Псковскою, при рѣчкѣ Иловенькѣ, вливающейся въ Шелонь. Доворець былъ встарину укрѣпленнымъ городкомъ; остатки укрѣпленія замѣтны еще и теперь. Вся прочія, упоминаемая въ лѣтописи мѣстности, и перечисленные вами въ IV томѣ Исследованій, существуютъ и по сіе время; многія изъ нихъ были городищами и записаны особымъ приложеніемъ въ лѣтописи по Воскресенскому списку; опредѣлить эти старинныя мѣстности новгородской области можно безъ большихъ затрудненій. Даже загадочный Игнатъ-Крестъ, до коего дошли Монголы въ 1238 году, можетъ быть отысканъ: полагаю, что лѣтописецъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ не нынѣшній гор. Крестцы, какъ думаютъ гг. Невольинъ и Надеждинъ, а огромной величины камень съ высѣченнымъ на немъ крестомъ, лежащій, съ незапамятныхъ временъ, при деревнѣ Сухая Нива по старинной дорогѣ изъ Крестецъ въ село Семеновщину или Семеновское въ Вудрицахъ. Разстояніе отъ этого камня до г. Новгорода болѣе 120 верстъ, а если считать извороты прежняго пути, то выйдетъ и до 100 верстъ прежнихъ, 1,000-саженныхъ. Жалюю, что нынѣшнимъ лѣтомъ я не имѣлъ возможности обозрѣть многихъ историческихъ достопримѣчательныхъ мѣстъ Новгородской губерніи,

а можно бы надвяться, что такое археологическое путешествие по захолюстьямъ нашей губерніи не было бы безполезнымъ для науки. Сообщаю нѣсколько преданій, слышанныхъ мною на пути отъ крестьянъ. При деревнѣ Пески Демьянскаго уезда находится Княжа гора, насыпанная, по преданію, какою-то княгинею; высота этой горы болѣе 100 футовъ. Что гора эта насыпанная, а не природная, доказываетъ правильность ея формы и устройство кругомъ ея уступовъ или террасъ. При основаніи этой высокой насыпи, размываемомъ ежегодно весеннимъ паводкомъ, находятъ много человѣческихъ и конскихъ костей; вѣроятно, это общая могила на мѣствъ какого-либо страшнаго побоища. Близъ Молвицъ, говорятъ, есть Поклонная гора, на которой Новгородцы встрѣтили съ поклономъ Царя Ивана Васильевича. При въездѣ въ село Бурегі существуетъ могила какого-то богатыря: это огромной величины гранитъ, брошенный будто-бы исполиномъ въ своего соперника.

Мѣстоположеніе Демьянскаго уезда болѣею частію живописное, и потому весьма живописное: прекрасныя картины природы открываются здѣсь глазамъ путника почти на каждой верстѣ; особенно привлечетъ его вниманіе живописными своими видами рѣка Пола, извилисто пробирающаяся между отрогами Валдайской возвышенности. Деревни лепятся по отлогостямъ ея береговъ; полосатыя нивы стелются золотистыми коврами; хвойныя лѣса тянутся на значительныя пространства, доставляя путнику отрадную прохладу и неутомкаемое пѣніе птицъ. Стреноженные кони пасутся по опушкѣ лѣса безъ всякаго призора; глухой звякъ ихъ бубенчиковъ и звонкое ржаніе жеребятъ далеко раздаются по окрестностямъ. Далѣе расположилось среди дороги стадо телятъ, и нехотя, нехотя подымается съ своего пыльнаго ложа, какъ будто негодуя на путника за то, что онъ потревожилъ ихъ сладкое бездѣйствіе. Не рѣдко встрѣтятся вамъ на дорогѣ толпа поселянъ; они издали еще снимутъ передъ вами свои шапки и отдадутъ поклонъ. Чтѣ за нужда этимъ бѣднымъ людямъ кланяться незнакомцу, котораго они впервые видятъ и, можетъ быть, никогда болѣе не встрѣтятъ? Здѣсь ужъ такъ заведено, отвѣтять вамъ: да съ поклономъ, вѣдь, и голова не заболитъ. Прекрасная черта добраго Русскаго народа!

Изъ множества живописныхъ мѣствъ Демьянскаго уезда въ особенности картинно мѣстоположеніе деревни Корбовой, разбросанной по горѣ того же имени и по берегу рѣки Полы: тутъ даже обойметъ боязливаго путешественника страхъ, когда ему придется въ полномъ смыслѣ слова спазывать съ значительной крутизны прямо въ рѣку на паромъ; перевхавъ же рѣку, вы должны будете взбѣ-

ратся винтообразною дорогою на Корбову гору. Впрочемъ не бойтесь за себя: здѣшнія лошади привыкли къ неровностямъ своей дороги: въ первомъ случаѣ онѣ вывезутъ вашу повозку на крестцѣ, а во второмъ внесутъ ее летомъ на гору. Очень можетъ случиться, что возницей посадятъ вамъ такого малыша, который свободно пройдетъ подъ брюхомъ лошади, обуютъ его въ отцовскіе сапожищи, надѣнутъ на ручки испанскія рукавицы, и вверятъ вашу особу его благоразумію и распорядительности. Тщетно будете вы возражать противъ такого злоупотребленія отцовской власти. Э, сударь, отвѣтитъ вамъ длиннородый отецъ: да чѣмъ малой-отъ не ямщикъ? такъ провезетъ, что на булку сами ему пожалуете. Вѣдь у насъ, сударь, лошади не то что какія-нибудь: покажетъ малецъ только имъ отцову рукавицу, не токмо что кнутъ, ужъ онѣ свое дѣло поймутъ. Извольте садиться безъ всякаго сумнѣнія; лихо провезетъ, и т. д.

Идѣвая къ Демьянску, вы едва ли подумаете, что глазамъ вашимъ представляется городъ, а не посредственное село; и дѣйствительно, это бѣднѣйшій уездный городъ Новгородской губерніи, расположенный по обоимъ берегамъ незначительной рѣчки Явони. Подъ именемъ Демана, онъ извѣстенъ въ летописяхъ уже съ XV вѣка. Въ настоящее время городъ этотъ не имѣетъ никакихъ остатковъ древностей. Церквей въ Демьянскѣ двѣ: одна соборная, каменная; другая деревянная, упраздненная за ветхостію. Домовъ каменныхъ въ городѣ не болѣе 6, прочіе всѣ деревянные; жителей въ Демьянскѣ около 600 человекъ; главное занятіе ихъ есть земледѣство; другихъ промысловъ въ городѣ почти не существуетъ. Уездъ же Демьянскій довольно богатъ; земледѣліе, не смотря на суровость климата, въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что избытки хлѣба и особенно овса въ значительномъ количествѣ отправляются въ Петербургъ. Въ гербѣ этого города изображенъ снопъ ржаного хлѣба, означая тѣмъ эмблему господствующаго занятія сельскихъ жителей. Скота содержится у крестьянъ весьма достаточно, такъ какъ здѣшняя почва, песчаная и боровая, требуетъ сильнаго удобренія. По уезду съется также, хотя болѣе для собственнаго потребленія жителей, тѣмъ для сбыта, греча, пшеница и ленъ. Уездъ богатъ кромѣ того льсомъ и травами, и оба эти продукта служатъ важнымъ предметомъ торговли съ столицею и Новгородомъ. Прибрежные обитатели рѣкъ Полы и Ловати занимаются и судостроеніемъ, хотя не въ большихъ размѣрахъ.

Въ заключеніе представляю двѣ историческія пѣсни, сообщенныя мнѣ А. Сьвериковымъ.

I.

По загуменью тропинка лежитъ,
 По тропинкѣ дѣтвнка ишелъ,
 Дѣтвнка, удалой молодець.
 Ко молодой онъ ко вдовушкѣ ходилъ,
 Много злата, много серебра носилъ,
 Безъ разсчета золотой парчей дарилъ.
 Ты камочка, камочка моя,
 Ты камочка мелкотравчатая!
 Не давай, камка, развертывать
 Ты ни плюсу, ни бархату,
 Что ни той ли парчи на злотъ.
 Ты голудьба, голудьба молодець!
 У голудьбы столбы точеные,
 А верхи позолоченные,
 Ворота были стекольчатые,
 Подворотенка серебряная.
 Въ подворотенкѣ бѣлъ камушекъ лежитъ,
 Изъ-подъ камушка быстра рѣка бѣжитъ,
 Что по рѣченкѣ насадичекъ плыветь,
 Во насадъ-то немного людей:
 По мому-то счету—шесть человекъ,
 А седьмой кашеваръ кашу варилъ,
 А восьмой водолей воду лилъ,
 А девятый—удалой молодець,
 А десятый—красна дѣвица душа.
 На кормѣ дѣвка посиживала,
 Кормовымъ весломъ приправливала,
 Всѣмъ насадомъ поворачивала;
 Калену стрѣлу натягивала,
 Каленой стрѣлѣ наказывала:
 Ты лети, лети, каленая стрѣла,
 Выше лѣса,—по поднебесью;
 Ты убей, убей, каленая стрѣла,
 Сѣру утицу на тихой на водѣ,
 Добра молодца въ высокомъ терему,
 Красну дѣвицу во зеленомъ во саду:
 Сѣра утица—то кушанье мое,
 Красна дѣвица—досадушка моя,
 Добрый молодець—забавушка моя.

II.

Какъ на славныхъ черноморскихъ островахъ
 Собиралися охотники, люди вольные,
 Становилися охотники во единъ кругъ,
 Они думали думушку единую:
 Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть.

Атаманомъ быть Ермаку Тимофеевичу.
 А Ермакъ говорить, что труба трубить:
 «Вы думайте, ребятушки, подумайте,
 А меня, Ермака, вы послушайте.
 Какъ проходить у насъ, братцы, лѣто теплое,
 Настаетъ у насъ, братцы, зима холодная.
 А и гдѣ-то мы ребята, зимовать будемъ.
 На Яикъ намъ идти—переходъ великъ,
 А на Волгу идти—ворами слѣтъ,
 Ворами слѣтъ, переловленнымъ быть,
 И по разнымъ городочкамъ поразосланнымъ,
 И по разнымъ тюрьмамъ поразсаженнымъ,
 А мнѣ Ермаку быть повѣшену.»
 Тутъ Ермакъ рѣчь снова говорить:
 «Полно намъ, ребятушки, здѣсь вольничать;
 Пора намъ и время испокаяться,
 Пойдемъ мы, ребята, подъ Казань городъ.
 А слышно, братцы, стоитъ тамъ грозный Царь,
 Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
 А какъ намъ, ребята, города пройти?
 Астраханскую губерню ввечеру пройдемъ,
 Черноморской городокъ въ глуху полночь,
 А Камышенку пройдемъ—кочета вспоютъ,
 А Царицынъ городокъ на бѣлой зарѣ;
 А самой Волгъ матушкѣ поклонимся.
 Какъ придемъ мы, ребята, подъ Казань городъ,
 Мы явимся, ребята, къ самому Царю.
 Ты батюшка, Надежа православный Царь,
 Не казни Ермака со казаками;
 Мы отслужимъ тебѣ вѣрой-правдою,
 И возьмемъ тебѣ Казань городъ въ три часа.»
 Тогда подкапывалъ Ермакъ у города стѣны каменны,
 Онъ закатывалъ подъ стѣны бочки съ порохомъ.
 И взялъ-то такъ Ермакъ Казань городъ.
 Тутъ Ермаку Царь рѣчь возговорилъ:
 «Чѣмъ тебя, Ермакъ, дарить, чѣмъ жаловать
 За твою службу за вѣрную?»
 —Вы не жалуйте меня генералушкой,
 И не хочу я вашей золотой казны,
 А пожалуйте меня рѣкой Дономъ,
 Прикажете заселиться людьми вольными,
 И назваться Донскими казаками.

И. КУПРИНОВЪ.

Новгородъ.
 17 сентября, 1853 г.

Е М Ъ С Ь.

ДОЧЬ БЕДУИНА.

АФРИКАНСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Николая Ежика (Josika). Съ Венгерскаго.

I.

«Латурь!» говорилъ одинъ высокій офицеръ съ рыжею бородою, отпывая зрительную трубку отъ своихъ глазъ, «кто это стоитъ близъ фланга этой массы пѣхоты? Ядро упало три раза возлѣ него, такъ что взрытая земля окружала его облакомъ пыли, и онъ стоитъ такъ же хладнокровно, какъ-будто курить свою сигару передъ кофейнею во тысячѣ колоннъ.»

«Это Барбру, капитанъ Египетскаго пѣхотнаго полка,» отвѣчалъ небольшого роста толстый офицеръ, поднимая свои глаза, чтобы удобнѣе смотрѣть на своего высокаго товарища.

«Барбру? Я, кажется, слышалъ уже это имя.»

«Можетъ быть,» отвѣчалъ другой:—«теперь о немъ много говорятъ.»

Въ это время ядро прошумѣло надъ сжатымъ въ массу батальономъ, къ которому принадлежали разговаривавшіе. Они наклонили немного головы; потомъ Латурь продолжалъ съ равнодушіемъ:

«Барбру, это герой романа, другъ мой, и еще романа совершенно оригинальнаго, который происходилъ здѣсь въ Африкѣ.»

«Герой романа? Это любопытно! Да, я вспоминаю теперь:—его жена—бедуинка, на которой онъ женился при особенно странныхъ обстоятельствахъ; но я не знаю подробностей этого происшествія. Corbleu! Бей защищаетъ съ ожесточеніемъ этотъ чертовскій притонъ!»

Нѣсколько ядеръ просвистѣло снова надъ головами разговаривающихъ.

«Становись!» скомандовалъ Тавернуа. «Смотри, Латурь! ядро свалило фельдфебеля! Отнесите его назадъ! А! у него оторвало только ногу! Назадъ, къ докторамъ!»

Батальонъ сталъ въ ряды. «Маршъ!» вскричалъ колоссальный капитанъ. «Здѣсь они въ насъ превосходно цѣлятся; они приучились къ этому мѣсту.»

Масса подвинулась нѣсколько шаговъ впередъ, съ тою хладнокровною храбростію, которая составляетъ отличительное, всѣмъ извѣстное качество французскихъ солдатъ. Старый фельдфебель остался позади; четыре человека тотчасъ положили его на ружья. Тавернуа подбѣжалъ къ нему: «Віардо! сказалъ онъ съ необъяснимымъ дружескимъ чувствомъ: — помнишь, ты обѣщалъ мнѣ свои послѣдніе дни? Я ожидаю тебя въ Шомонѣ, старый товарищъ,» — продолжалъ онъ, положивъ свою лѣвую руку на плечо храбраго старика, «если у тебя выростетъ нога!»

«Капитанъ, сказалъ фельдфебель, подвиньте батальонъ немного влѣво; ядра ложатся прямо въ этомъ направленіи. До свиданія, на деревянной ногѣ, — если палачи, тамъ назади, не замучаютъ меня до смерти.»

«До свиданія, храбрый старикъ!» отвѣчалъ Тавернуа, торопясь возвратиться къ своимъ войскамъ, которыя чрезъ нѣсколько мгновеній спокойно подвинулись влѣво.

«Ну, Латуръ! я очень хотѣлъ бы слышать еще кое-что о бедуинкѣ,» — началъ Тавернуа, скусывая конецъ сигары.

«Въ этихъ частныхъ сраженіяхъ, которыя здѣсь ежедневны между нами и арабами, Барбру взялъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ повозками, дочь шейка одного племени; — очарованный ея восхитительной красотою, онъ изъ властителя сдѣлался невольникомъ, и на коленяхъ умолялъ свою плѣнницу о любви. Молодая дѣвочка защищалась долго; наконецъ, невинная, воспламененная сама любовью, не могла устоять противъ предложенія выдти за него за мужъ; — послѣ этого она слѣдуетъ за нимъ во всѣхъ походахъ, во всѣхъ сраженіяхъ; и Барбру сдѣлался однимъ изъ счастливейшихъ супруговъ. А! надобно послушать его самаго.

—

Дайте мнѣ аэростать! дайте мнѣ кондора, на крыльяхъ котораго я могъ бы унести въ высоту, чтобы изъ глубины горячаго неба погрузить свой взглядъ въ Константинополь, и парить надъ войскомъ, которое штурмуетъ этотъ городъ! — Кто изрылъ это мѣсто? — Это не жилище человека! не заступъ вырылъ въ скалахъ эту глубину,

не порохъ разметалъ камни этой пропасти! Это работа левіафана! Здѣсь бездны ада сврннымъ огнемъ своимъ разорвала гранитный холмъ, и открыли въ немъ долину.

Только одни мечети, одни тонкіе минареты, одни круглыя крыши показываютъ, что за этимъ рвомъ, въ гранитной колыбели, живутъ львы, которые защищаютъ теперь свои жилища съ остервененіемъ отчаянія.

»Матуръ! вскричалъ Тавернуа: смерть моей жизни! смотри туда! Батальонъ Барбру дробится въ колонны. Слышишь барабанъ! идутъ на штурмъ. Ровъ полонъ уже фашинами,—а мы стоимъ еще.»

Въ это время адъютантъ подскакалъ къ разговаривающимъ.

»Господа! вскричалъ онъ, — идите на право, слѣдуйте за мною! штурмъ начинается!»

»Да здравствуетъ король!« вскричала масса батальона, который по громкой командѣ Тавернуа раздѣлился на колонны.

»Да здравствуетъ король!« загремѣло со всѣхъ сторонъ; штыки склонились на руку, и египетскіе егеря, въ ихъ синихъ мундирахъ, въ ихъ красныхъ легкихъ фуражкахъ, перешли углубленіе натурального скалистого рва до воротъ Константины, гдѣ Барбру, съ своими солдатами, уже сражался.

»Стрѣляйте въ шейка!« кричалъ Барбру, блестящій молодой человекъ, загорѣлый, превосходно сложенный, — указывая на одного мусульманина, у котораго на головѣ была красная феска, а въ рукъ сверкала сабля.

»Выпей, капитанъ!« проговорилъ среди самой горячей схватки серебристый, гармоническій голосъ молодой, поразительной красоты женщины, которой восточно-смуглое лицо было съ любовію обращено къ молодому капитану, между тѣмъ какъ ея круглыя, полныя руки подносили ему флажку, обдѣланную въ зеленую жель.

»Зюлейка! ты здѣсь? какая смѣлость!«

»Аллахъ великъ!« отвѣчала молодая женщина: »пей, капитанъ: сегодня жаркій день, и этотъ напитокъ хорошъ.»

»Гдѣ ты нашла эту воду?«

»Когда другъ ея томится жаждою, сайга пробѣгаетъ золотой песокъ пустыни, пока не отыщетъ источника.»

Барбру бросилъ на нее взглядъ, полный глубокаго чувства, взялъ флажку и выпилъ.

»Теперь, сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ, — удались! — Впередъ, впередъ!» закричалъ онъ солдатамъ.

Передъ воротами была самая сильная схватка. Сражающіеся, окруженные дымомъ, исчезали на нѣкоторое время, пока вѣтеръ не разгонялъ сѣрое облако. Съ другой стороны орудія ревели непрерывно.

Часы шли, солнце отвратило лицо свое отъ бесплодныхъ песчаныхъ холмовъ; шумъ сраженія изрѣдка переставалъ, какъ стоны умирающаго, потомъ опять звучалъ, какъ пробуждающаяся буря; вопли мщенія слышались въ стѣнахъ Константины.

Отдѣльные рѣдкіе пушечные выстрѣлы, глухіе, глубокіе, послѣ которыхъ наступало на нѣсколько мгновеній могильное молчаніе, прерывали звукъ оружія, этотъ сомнительный гулъ битвы.

На высотахъ развѣвались знамена. Въ разныхъ мѣстахъ слышались веселые звуки музыки нѣсколькихъ полковъ; бой барабана раздавался по всемъ улицамъ. Константины была во власти Французовъ.

—

II.

Шумъ дня не замолкъ еще совершенно. Между неправильными массами укрѣпленій было живое движеніе. Франки отворили двери гарема бея. Начальники войскъ объявили съ парижскою вѣжливостію разсерженнымъ дамамъ, что онъ теперь свободны, что онъ могутъ возвратиться изъ залъ, устланныхъ мягкими коврами, наполненныхъ благоуханіями розоваго масла, ладона и амвры, въ свои степныя палатки, въ улицы, въ хижины.

Подъ покровомъ ночи бродили солдаты и отнимали у напуганныхъ жителей деньги, дорогія матеріи, благоухающій табакъ и вкусныя финики.

Далѣе, въ узкихъ грязныхъ улицахъ, задыхающіеся отъ страха евреи укладывали свои имущества: ловкіе грабители съ вѣжливостію освобождали бѣглецовъ отъ тяжелыхъ ношъ; другіе ловили женщинъ, выпущенныхъ изъ гаремовъ.

Иногда слышалось на стѣнахъ рѣзко: кто идетъ! — и потомъ шумъ шаговъ военнаго обхода. Тамъ и здѣсь звучала веселая музыка, и между древними стѣнами бедуиновъ раздавались напѣвы любимыхъ оперъ Парижа. Легкія тѣни офицеровъ пробѣгали по стѣнамъ домовъ, рисуемая на нихъ свѣтомъ, выходившимъ изъ противуположа-

щихъ брешей. Нѣсколько выстрѣловъ разряжаемыхъ ружей прерывали этотъ глухой гулъ, пролетая черезъ него съ ожесточеніемъ.

Была спокойна только одна комната въ западной улицѣ крѣпости, уставленная вдоль стѣнъ низкими диванами, украшенная цвѣтами и освѣщенная двумя свѣчками. Сладкій говоръ былъ тамъ слышенъ; на одномъ изъ длинныхъ тюфяковъ покоились Барбру и Зюлейка. О, какъ хороша была эта смуглая гурія! Какъ вѣчная юность! Изъ ея черныхъ алмазныхъ глазъ лилась жизнь, распространялось сіяніе! — Ея нѣжныя руки погружены въ черные волосы Барбру; она притягиваетъ голову прекраснаго молодаго человека на свою волнующуюся грудь; ея уста дышатъ благоуханіемъ; всѣ ея нервы трепещутъ; ея глаза блещутъ слезами. Какое упоеніе, какое забвеніе самой себя! Какая безумная страсть, какая расточительная любовь, — нѣмое блаженство, боящееся пробудиться! Наслажденія, для которыхъ нѣтъ выраженій, счастливое забвеніе, утомленіе и смерть, гдѣ начинается жизнь!

Но что съ нею? Что случилось съ этою женщиною? — Она оттолкнула отъ себя молодаго человека, быстро встала, упала на мягкій коверъ и заплакала. «Аллахъ!» вскричала она, раздирая на своей груди бѣлый какъ снѣгъ батистъ. Эта женщина безумствуетъ противъ самой себя! Она не видитъ, она не слышитъ; ея восторженная душа стремится изъ этой комнаты за желтую степь, за вѣчныя гранитныя горы; — она пробѣгаетъ палатки своей родной земли; летитъ на встрѣчу благородныхъ коней; останавливается передъ бедуинами, сидящими подъ широкою короною листьевъ; она созерцаетъ снова эти дуга, откуда выходятъ, стремится внизъ съ быстротою стрѣлы, какъ облако, масса бѣлыхъ фигуръ, съ черными лицами, на ржущихъ коняхъ, съ сверкающими саблями.

Куда летишь ты, дочь востока? остановись! возвратись на этотъ мягкій диванъ, въ эти упоющія объятія, въ это роскошное море любви, — возвратись, возвратись! — Все бесполезно: — Барбру стоитъ передъ нею; его восторженный, пламенный взглядъ поглощаетъ ея прелести; онъ въ недоумѣніи, онъ трепещетъ; онъ говоритъ ей: «Зюлейка, блаженство моей жизни, сокровище востока! ко мнѣ, ко мнѣ!» Красавица встаетъ, бросается на грудь его, какъ желающій умереть бросается въ кипящія волны.

«Барбру!» говоритъ она, вздыхая: моя надежда, мое блаженство, — скажи мнѣ, можешь ли ты сдѣлать для меня одну

жертву? О супругъ мой! мнѣ она необходима. Ты все даешь рыбѣ моря, исключая воды. Ты согреваешь небесную птицу на своей груди, и лишаешь ее воздуха. Ты купаешь въ бальзамѣ чешую саламандры, и не даешь ей огня. Свѣтъ души моей, говори, можешь ли ты для меня всѣмъ пожертвовать?»

»Требуй моей жизни, Зюлейка! Все твое.«

»Прими мою вѣру, молодой человекъ! Богъ одинъ и одинъ пророкъ Его! Подъ нашими палатками женщина всегда твоя невольница; для нея повиновеніе — счастье; она цѣлуетъ твою руку, если ты бьешь ее; протягиваетъ къ тебѣ свои ласкающія объятія, если ты на нее ропщешь; и когда ты умираешь, она на твоей могилѣ вонзаетъ кинжалъ въ свою грудь. Если ты заръжешь ее, она испускаетъ послѣдній вздохъ, ползая у ногъ твоихъ и благословляя твою руку. Она не хочетъ свободы, не раздѣляетъ твоихъ правъ, не имѣетъ желаній. Ты ея вселенная; ея жизнь сливается съ твоєю: она перестаетъ думать и желать, потому что имѣетъ мужа! Она не ревнива, не требуетъ преимуществъ, ея любовь никого не исключаетъ; она раздѣляетъ ее съ сотнею другихъ, если ты этого хочешь. Она довольна однимъ твоимъ взглядомъ, — и однакоже ея страсть — море, которое никогда не высыхаетъ!«

»Требуй всего, Зюлейка, исключая этого. Христіанинъ вѣренъ и великодушенъ. Данное имъ слово — святыня; его клятва—вѣчная истина;—его вѣра глубока и чиста, какъ лазурь неба; его любовь, его сердце принадлежатъ только одной. Мой начальникъ уважаетъ меня; я ношу крестъ короля на груди своей; мои товарищи съ удовольствіемъ называютъ меня своимъ товарищемъ: — и все это промѣняю ли я на презрѣніе къ самому себѣ и отъ другихъ? — любишь ли ты меня, чтобы этого потребовать?«

»Но моя любовь, моя жгучая, безумная страсть, развѣ это ничто? не вознаграждаетъ ли она?... Моя грудь проситъ у тебя дыханія, мое сердце твоей крови, чтобъ биться, моя душа твоего сознанія.— О Барбру! во имя Аллаха, прими мою вѣру!« Зюлейка съ сложеными руками ползла къ его ногамъ. »Знаешь ли, продолжала она: »мой отецъ богатъ; по его слову, тысячи скрещаютъ руки на груди своей; могущественныя орды — его данники; тысячи жеребцовъ ржутъ въ его пустыняхъ; передъ его палаткою тысяча невольницъ ждуть его знака, — и онъ меня любитъ. Онъ проститъ намъ, онъ

усыновить тебя. О, какъ ты будешь хороша, когда твое лицо загоритъ отъ нашего солнца; когда ты будешь мчаться на жеребцѣ бѣломъ какъ снѣгъ, съ красноватыми какъ розовая вода отливами, когда его кровь разгорячится; его грива мягка какъ шелкъ, и глаза блестятъ какъ у газели. Какъ бѣлая одежда будетъ волноваться на твоихъ гибкихъ членахъ, и какъ эта сталь засверкаетъ! Когда ты понесешься буйно въ главъ бедуиновъ! — Когда ты возвратишься съ богатою добычею, въ полночь твой гаремъ отворится; и Зюлейка будетъ первая изъ тѣхъ, которыя будутъ обезумлены любовью, и послѣдняя изъ тѣхъ, которыя будутъ имѣть требованія!

»Я все сдѣлаю, исключая этого! вскричалъ молодой человекъ, обнимая свою супругу и заглушая поцѣлуями ея увлекательное краснорѣчіе.

»Нѣтъ!« вскричала она. »Нѣтъ!« повторила она умирающимъ голосомъ: — если бы ты зналъ, христіанинъ, какое слово, какой судъ произнесъ ты! Смотри! эта книга—Коранъ: я прочту его тебѣ. Еще одно! Ты обещалъ все сдѣлать для меня, исключая одной вещи.»

»Все, прервалъ Барбру.«

Все? — обещай повхаты со мною къ моему отцу; его племя теперь на вашей сторонѣ.»

»Зюлейка!« вскричалъ молодой человекъ: »хорошо! пусть это будетъ стоить мнѣ жизни; я далъ слово, и послѣдую за тобою!«

III.

Сироко реветъ! Знаете ли вы этотъ порывъ вѣтра, который гонить холмы песку въ пустынь, какъ легкіе мячи? Въ отдаленіи одна точка: вы ее принимаете за орла, парящаго въ воздухъ; но она приближается, вырастаетъ, дѣлается облакомъ, холмомъ, горою. Солнце темнѣетъ, и красное какъ кровь блуждаетъ подь дикимъ, мутнымъ покровомъ. Караванъ останавливается; верблюды, навьюченный товарами, зарываютъ свою голову въ песокъ, и сыны степей падаютъ ницъ на землю, между тѣмъ какъ песчаный ураганъ мететъ надъ ними и покрываетъ длинную нить животныхъ и людей слоємъ жгучаго пепла. Волны поднятыхъ атомовъ летятъ за степь; каждая палатка, каждая мечеть, всѣ жилища наполняются дыханіемъ урагана, горло живаго существа высыхаетъ, зрѣніе потемняется, голосъ слабеетъ, умираетъ. Легкія сайги тѣснятся у источниковъ; если бы туда же

пришелъ левъ, трепещущее животное не замѣтило бы его; но царь звѣрей, съ золотою гривой, не приходитъ, потому что въ степи клопочетъ сирокко.

И вы, бедуины, живущіе вѣчно на лошади, въ вашихъ бѣлыхъ покрывахъ, — чего ищете вы въ этомъ морѣ жгучаго песку; далеко отъ прохладныхъ оазисовъ, которые возникаютъ какъ зеленныя звѣзды здѣсь, въ землѣ бурь. Видите ли вы точку, которая съ быстрою бѣгущихъ мгновений надувается въ колоссальный шаръ. Источникъ, который утолитъ вашу жажду, далекъ; островъ, окруженный благоуханіями, который напоитъ васъ своимъ медомъ и кокосовымъ молокомъ, который накормитъ васъ своими финиками и винными ягодами, далекъ также.

»Барбру! — сирокко приближается, остановись, сойди съ лошади!« сказалъ одинъ изъ бедуиновъ, молодой, стройный, благородной восточной красоты.

Барбру остановилъ лошадь; оба сошли съ коней и бросились ницъ на землю. Два жеребца, взрослые въ степяхъ Варваріи, знали уже дыханіе смертельнаго вѣтра, легли, и, не дыша, зарыли свои головы въ песокъ.

Сирокко реветъ, стонетъ; кругомъ ночь, глаза закрыты; иначе можно ослышать. Стѣна желтаго песку стремится впередъ; тягостный жаръ обезсиливаетъ члены; океанъ воздуха, наполненнаго пескомъ, съ ожесточеніемъ несется надъ двумя бедуинами. — Наконецъ буря слабѣетъ. Столбы воздуха мгновенно прохлаждаются; нервы успокоиваются, грудь расширяется, дыханіе становится свободнѣе. —

»Зюлейка! далеко ли еще?« спрашиваетъ Барбру, вставая и строя хая песокъ съ своего платья.

»Черезъ два часа мы будемъ у палатокъ племени,« отвѣчаетъ Зюлейка.

Солнце село, и безлунная ночь мгновенно одѣла мракомъ окрестности. Звѣзды показываются одна послѣ другой. Какъ огонь хороши на воздушномъ сводѣ, мрачномъ и глубокомъ. Два бедуина продолжаютъ путь.

»Зюлейка, жизнь моей жизни! говоритъ Барбру: куда ведешь ты меня? Я боюсь, чтобы это приключеніе не было послѣднимъ въ моей жизни. Мавры не любятъ насъ; думаешь ли ты, что этотъ гордый народъ потерпитъ въ рукахъ франка прелестнѣйшую дочь бедуина, какой когда-либо улыбалось небо?«

»Мужчина!« отвѣчала надменно Зюлейка. Она приблизила свою лошадь къ своему мужу, обняла правою рукою его шею, и съ выраженіемъ, въ которомъ ея душа какъ бы сошла на ея губы, — она сказала: »я люблю тебя!«

»Ты меня любишь, Зюлейка; клянусь, ты умѣешь любить! Но чѣмъ кончится это посвещеніе, чего ты надѣешься?«

»Ты будешь нашъ гость, алмазь моего сердца!—Чего ты боишься, христiанинъ, подъ шатромъ араба? Развѣ ты не знаешь: у нашихъ племенъ убѣжище гостя, кто бы онъ ни былъ, есть святилище міра? Клянусь этимъ оазисомъ, свѣжимъ и богатымъ, котораго благоуханія я уже вдыхаю, ты будешь свободенъ. Съ тобою не случится ни малѣйшаго несчастія. Но я—я!!

»Что говоришь ты?« вскричала Барбру, останавливая вдругъ свою лошадь, которая, предчувствуя берегъ покоя, радостно ржала: »ты можешь быть въ опасности?«

»Смотри, это черное облако въ отдаленіи образовалось не отъ испареній земли; тамъ палатки моего отца. Тише! слышишь ли ты ржаніе жеребцовъ, которые отвѣчаютъ нашимъ лошадямъ? — Смотри, изъ среды ночнаго мрака вырываются колонны огня, — это костры.«

»Вотъ бедуинъ! проговорилъ шопотомъ Барбру.

»Это первый часовой; мы сейчасъ будемъ дома. Не бойся, дочь шейка съ тобою.«

»Боятся?« сказалъ Барбру надменно: »женщина, ты видѣла меня на стѣнахъ Константины!«

»Не произноси этого имени, прошептала Зюлейка: »оно заставляетъ теперь краснѣть каждаго бедуина, друга и недруга.«

»Привѣтствую!« сказала Зюлейка очаровательнымъ голосомъ, полнымъ доброты, обращаясь къ часовому арабу, который съ пистолетомъ въ рукахъ скакалъ къ нимъ на встрѣчу; но услышавъ голосъ, онъ отвѣчалъ тихо: седлимъ алейкюмъ!

»Проснулся ли шейкъ?« спросила она.

»Я полагаю,« отвѣчалъ отрывисто сынъ пустыни, поворачивая свою лошадь и возвращаясь на свое мѣсто часоваго: »въ этотъ часъ проснулся уже каждый бедуинъ.«

О, если бы я владѣлъ вдохновеніемъ поэзіи, если бы мое перо была кисть, которую я могъ бы окунуть въ пламени и начертать

волшебна эту дивную картину, съ тысячами измѣненій, которая выходила здѣсь изъ глубины ночи.

Самое небо благопріятствуетъ картинѣ. Звезды ночи, луна, ядутъ чистыя, блестящія, царственныя! Песокъ кончился, бархатная мурава, насыщенная влагою, волнуется подъ ногами лошадей, роскошная зелень благоухаетъ, и между палатками возвышаются стволы исполинскихъ растений, махая своими крыльями въ тихомъ порывѣ вѣтра. Высокіе костры пылаютъ и разливаютъ кругомъ свѣтъ рубиновъ. Передъ кострами, въ дверяхъ палатокъ, мужчины въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, одни или окруженные женщинами, стоятъ, или, скрестивъ ноги, сидятъ широкими кругами, куря изъ длинныхъ чубуковъ. Рядъ высокихъ верблюдовъ щиплетъ траву; возлѣ нихъ тюки товаровъ и състныхъ припасовъ уложены въ огромныя кучи. Волшебна освѣщенные огнемъ, благородные, восточные кони безчисленною толпою лежатъ, стоятъ или бѣгаютъ, ржа и фыркая. И за этимъ первымъ рядомъ, взглядъ пронзаетъ неизмѣримое отдаленіе до самаго горизонта, который сливается наконецъ съ ночью постепенно уменьшающіеся предметы, раздѣленные большими пятнами тѣни.

»Отецъ мой, я привела къ тебѣ моего мужа,« сказала Зюлейка трепещущимъ голосомъ.

»Абдуль-шейкъ! я гость твой!« произнесъ Барбру по-арабски; — слова, запечатлѣнныя въ его памяти любовью: »судьба, мнѣ ее дала; я пришелъ просить твоего одобренія.«

»Миръ съ тобою, чужестранецъ!« отвѣчалъ холодно шейкъ: »миръ съ тобою!—повторилъ онъ съ любовію, прижимая дочь къ своему сердцу: отдохните!«

IV.

Шейкъ, человекъ полный энергіи, почтенной наружности, имѣлъ болѣе пятидесяти лѣтъ; его борода была черна какъ уголь; живописное, неподражаемое одѣяніе приковывало къ нему вниманіе съ перваго взгляда. Но восточныя, правильныя черты его лица имѣли выраженіе холоднаго, строгаго равнодушія, которое для европейца, болѣе общезнательнаго, болѣе откровеннаго, всегда неприятно. Это принужденіе и холодность были тѣмъ болѣе тягостны для Барбру, что они измѣнялись въ своихъ тѣняхъ и свѣтъ тотчасъ же, какъ взглядъ бедуина переходилъ на лицо дочери. Физиономія Зюлейки

показывала опасенія и нѣжность. Торжественныя мелочи, которыми шейкъ хотѣлъ заставить чувствовать свое гостепрѣимство, видимо соединялись въ одно общее, размѣренное и разсчитанное для впечатлѣнія на Барбру. Это поразило тотчасъ же Француза и сдѣлало его подозрительнымъ. Юный герой вспомнилъ дѣятельность своей души, и сталъ анализировать выраженіе каждаго лица, которое показывалось передъ палаткою. Его страстный взглядъ часто покоился на Зюлейкѣ, глаза которой, полныя величія, дѣлали еще болѣе понятными ея ясныя, очевидныя опасенія. Она также наблюдала тѣхъ, которые приходили и уходили; иногда ея сжатые губы показывали нетерпѣніе: но число проходящихъ бедуиновъ не уменьшалось.

Шейкъ рѣдко обращался къ Барбру; не было произнесено ни одного слова объ осадѣ Константины, объ отношеніи шейка къ Французамъ, — и что еще болѣе удивило молодого человѣка, — шейкъ ни разу не упомянулъ объ Абдель-Кадерѣ. Разговаривали о лошадахъ, о верблюдахъ, объ уменьшающихся пастбищахъ; наконецъ нѣсколько дѣвушекъ оканчивали бесѣду протяжною, печальною пѣснію; потомъ все замолкало; что-то особенное было въ этой сценѣ, отличающееся отъ всего, что образованный Французъ когда-либо видѣлъ. Сыны степей, которыхъ онъ встрѣчалъ только на коняхъ, съ копьемъ въ рукѣ, на полѣ битвы, здѣсь въ семейномъ кругу сбросили съ себя свой жестокой характеръ, и были кротки и задумчивы, исключая шейка, на лицѣ котораго, холодномъ какъ мраморъ, были ледъ и спокойствіе.

Палатка опустыла поздно; огонь, который ночью, не смотря на жаркій климатъ, очень любимъ арабами, горѣлъ еще. Шейкъ хранилъ непрерывное молчаніе; эта нѣмота была утомительна; Зюлейка ждала хотя одного слова отца. Наконецъ Абдуль обратился къ своему гостю. «Капитанъ, сказалъ онъ, соседняя палатка приготовлена для тебя; твоя жена останется сегодня съ моими женщинами; миръ съ тобою!»

Арабъ поднялся съ помощію дочери, и стоялъ, ожидая нѣкоторое время выхода Барбру. Молодой человѣкъ бросилъ безпокойный взглядъ на свою жену, которая не смѣла поднять на него глазъ, — и удалился. Зюлейка осталась одна съ своимъ отцемъ.

Она почувствовала, что ея грудь облегчилась; она шевелила губами, какъ бы желая объясниться и сдѣлать вопросы, давно задуманные въ ея сердцѣ, но страхъ зажималъ ей уста.

»Да будетъ миръ съ тобою, Зюлейка!« сказалъ шейкъ, цѣлуя въ лобъ свою дочь, и вышелъ.

Проснись, проснись, солнце, увѣнчанное лучами, очаровательное, хотя бы твое сіяніе дробилось о льдистыя скалы съвера, или твои пламенные волны озаряли бы сады юга, любимое на востокъ и западъ, животворящее, воскрешающее, — возстань надъ песчаными холмами и разлей свой пурпуръ на бархатъ оазиса! — Видите ли, изъ этихъ пѣмныхъ палатокъ выходятъ люди одни за другими; бѣлыя одѣянія не покрываютъ ихъ членовъ; въ легкихъ, красныхъ полукафтаныхъ, безъ кривыхъ саблей, безъ ятагановъ, они разсыпались между лошадыми, которыя, поднимаясь съ лугового ложа, вытягиваютъ свои гибкіе члены, трясутъ серебристыми гривами, и, вдыхая воздухъ, поднимаютъ свои широкія, красныя ноздри. Дромадеръ встаетъ на колѣни, опять опускается на лугъ, валается на немъ, и потомъ упираясь мордою о землю, подымается и отрясается.

Передъ палатками разводять огни; невольницы, съ высокими желтыми вазами на головахъ, спѣшаютъ къ ближайшимъ колодцамъ. Повсюду жизнь обновляется, шаги раздаются, голоса звучатъ. Встань, утро! — А ты, путеводная звезда, убѣгаешь; за тобой идетъ царь въ мантии кроваваго цвѣта, опоясанный радугою; его глава разлиываетъ сіяніе. — Начальники племенъ собираются передъ палаткою шейка, въ глубинѣ которой сидитъ Зюлейка; бѣлое арабское покрывало одымо стройные члены Барбру; онъ стоитъ въ легкомъ одѣяніи сыновъ пустыни, ловкій, блестящій, гордый болѣе, чѣмъ кто-либо изъ нихъ.

Были ли вы на Кавказъ? видели ли вы черкесскаго властителя, принимающаго у себя богатаго сосѣда: если вы не видели, какъ онъ выказываетъ передъ гостемъ свои богатства, и съ надменностію читаетъ удивленіе на его лицъ, — придите сюда! Абдуль-шейкъ начальствуетъ надъ тремя племенами; его богатства безчисленны; одинъ мигъ его глаза всемогущъ! Этотъ шейкъ имѣетъ гостя, француза, иностранца, котораго арабъ, даже другъ, ненавидитъ и презираетъ, котораго заставить краснѣть отъ стыда есть для него торжество; теперь смотрите!

Невольники, блестящіе богатствомъ одежды, подводили по очереди жеребцовъ; начальникъ бедуиновъ ласково гладилъ ихъ по лбу,

называлъ каждого по имени и давалъ имъ ѣсть изъ своихъ рукъ. Послѣ нихъ шли верблюды, которыхъ онъ велѣлъ вести на болѣе отдаленное пастбище: высокіе тюки, одѣтые покрывами яркихъ цвѣтовъ, были навьючены на ихъ спины; перья украшали ихъ головы, и на шеяхъ колокольчики звенѣли серебряными звуками.

Безчисленное множество народа занимаетъ кругомъ пространство передъ шатромъ: тамъ, гдѣ вчера лежали лошади и горѣли костры, теперь разстилается равнина, и молодые бедуины на пылкихъ коняхъ показываютъ свою военную ловкость. Они срываютъ выстрѣломъ подкову своей лошади, разрубаютъ саблею пополамъ брошенный вверхъ апельсинъ, касаются копьемъ головки гвоздя, и на всемъ скаку, наклонясь, поднимаютъ съ земли монету.

Впродолженіе всего дня ковры покрываютъ землю, неистощимые въ ихъ множествѣ, какъ волшебные покровы. Барбру находится въ непрерывномъ ослѣпленіи; его глаза, его душа, его вкусъ заняты: онъ упоенъ, восхищенъ! онъ какъ будто говорить: о, какая здѣсь жизнь, какъ она воинственна! сколько рождаетъ она силы! — И это, вѣроятно, краска стыда, которая пробѣжала по его лицу.

Чувство національной гордости наполняетъ грудь Зюлейки: ея видъ величественъ; ея глаза обращаются отъ чарующихъ предметовъ и отъ благородной игры на лицо ея супруга, и летятъ туда снова. Ея лицо выражаетъ нѣмой вопросъ: »Что ты скажешь объ этомъ ?«

Промежутковъ нѣтъ: музыка слѣдуетъ за пѣснями и пѣсни за музыкой; новые бѣги лошадей, стрѣльба, борьба, до тѣхъ поръ, пока солнце съ послѣднимъ взглядомъ бросаетъ прощальный лучъ на живописную картину, и умираетъ.

Воскличеніе вырвалось изъ груди Барбру; онъ не знаетъ самъ, какъ попалъ въ свою налатку; Зюлейка возлѣ него; она протягиваетъ къ нему свои руки, и съ жаромъ ненасыщенной любви, таившейся 24 часа, бросается на грудь молодаго челоувѣка. »Барбру! говорить она: не правда ли, ты останешься съ нами.«

Лицо молодаго челоувѣка было блѣдно, ледъ тяготѣлъ въ груди его; онъ, казалось, пробуждался отъ сна, какъ-будто освобождался отъ волшебныхъ чаръ. Онъ бросилъ на свою жену взглядъ, отъ котораго она затрепетала.

»Зюлейка!« проговорилъ ошцерь: »увдемъ отсюда, убъжимъ изъ этой волшебной страны! Жена моя, слушай меня: кланусь живымъ Богомъ, я, Александръ Барбру, я останусь вѣрнымъ своему отечеству, своей религии, своему королю и закону, до послѣдняго вздоха!«

»Это твое послѣднее слово?« спросила Зюлейка, обнимая его коленни: о, говори! — Да, да, продолжала она трепеща: я знаю тебя, это твое послѣднее слово.« Потомъ она встала, и качаясь какъ обезумленная, вышла изъ палатки мужа къ своему отцу, который не спалъ еще.

Абдуль-шейкъ сидѣлъ на коврѣ и выколачивалъ пепель изъ полувыкуренной трубки съ длиннымъ чубукомъ, на желѣзную дощечку, наполнялъ ее снова спокойно табакомъ, и сказалъ: »Зюлейка, дай огня.« Зюлейка особеннымъ инструментомъ, похожимъ на ложку, собрала только что выколотенный, горѣвшій еще табакъ, и положила его на вновь набитую трубку; потомъ изъ кошелька, блестящаго золотомъ, взяла своими маленькими пальцами табакъ черно-краснаго цвѣта и посыпала имъ огонь.

Отецъ спросилъ ее: »дочь моя, когда возвратишься ты съ своимъ мужемъ?«

»Никогда!« прошептала молодая женщина.

Бедуинъ хранилъ въ некоторое время молчаніе, пустилъ нѣсколько клубовъ дыму, и продолжалъ спрашивать.

»Какую дала ты мнѣ клятву, Зюлейка, когда я въ первый разъ пошелъ въ битву, вмѣстѣ съ Абдель-Кадеромъ, и молва говорила, что Французы ведутъ войну истребленія противъ Магомета и Африки?«

»Что если меня возьмутъ....«

»Повтори свою клятву, Зюлейка.«

Молодая женщина произнесла: »кланусь Аллахомъ, Кораномъ и Магометомъ, потому что Богъ одинъ и одинъ пророкъ Его....«

»Продолжай.«

Зюлейка продолжала: »что если въ продолженіе этой истребительной войны Франки возьмутъ меня въ плѣнь, я убью того, кто возьметъ меня, и если онъ соблазнитъ меня, я обращу его въ вѣру Магомета; если же онъ будетъ противиться....«

»Продолжай!«

»Если онъ будетъ противиться, — о, отецъ мой! это была безумная клятва, не требуй повторенія!....«

»Продолжай!» сказалъ шейкъ съ ледянымъ хладнокровіемъ.

»Я все-таки убью его!» произнесла Зюлейка съ раздирающимъ крикомъ, и упала къ ногамъ отца.

»Завтра утромъ ты поедешь съ своимъ мужемъ.»

»Къ нему?» спросила Зюлейка, бросая взглядъ сомнѣнія на своего отца.

»Да, завтра; повторилъ шейкъ: помни свою клятву!»

»Пожалей меня!» умоляла молодая женщина. »Убей меня, отецъ мой, — это разрѣшитъ меня отъ моей страшной клятвы.

»Аллахъ великъ!» сказалъ шейкъ: »миръ съ тобою!»

V.

»Миръ съ тобою!» сказала дочь пустыни съ трепетомъ: но миръ былъ далекъ отъ нея. Въ ея груди кипѣла страшная борьба между религіознымъ фанатизмомъ и пламенною любовью. Барбру былъ передъ нею какъ султанъ арабскихъ сказокъ, какъ гевій: во всѣхъ его движеніяхъ было что-то благородное, изящное, болѣе возвышенное, чѣмъ въ этихъ сынахъ пустыни, между которыми она жила до сихъ поръ; она не могла надѣяться оторвать такого человѣка отъ его правилъ и понятій! Ея клятва, эта страшная клятва, произнесенная надъ Кораномъ, отягощенная проклятіями противъ самой себя и противъ отца, когда она въ первый разъ произнесла ее, съ рѣшимостію ее исполнить, — потому что тогда волшебный міръ любви не зеленѣлъ еще въ ея невинномъ сердцѣ, — эта клятва была неизмѣнима.

Молодая женщина упала съ пронзительнымъ крикомъ на землю. »Аллахъ, Аллахъ!» произнесла она, »просвѣти умъ мой!» — Мы видали, что она искала въ шумъ сраженій смерти, чтобы хотя ею быть освобожденной отъ своей клятвы: но смерть убѣгала ея, какъ счастье убѣгаетъ того, кто надѣется. »Убить его? — сказала она: это ужасно! Но если бы онъ принялъ мою вѣру? — Онъ не сдѣлаетъ этого никогда. Я открыла всѣ сокровища своей любви, я его вела всѣми степенями наслажденій, я окружила его пламенемъ моей страсти, и онъ остался какъ скала, какъ эти свидѣтели тыщелѣтій, пирамиды отцевъ нашихъ, — о, какъ я уважаю это величіе

мужа! и однако же я отдала бы свою жизнь, чтобы видѣть его болѣе ничтожнымъ.»

Зюлейка бросилась на диванъ. Въ борьбѣ съ самой собою она провела ночь души своей и ночь времени. — Равнинъ утромъ, на лучшемъ жеребцѣ своего отца, она уже свала, вмѣстѣ съ Барбру, далеко отъ цвѣтущаго оазиса. На ней было женское одьяніе; ея конь несъ любимую дочь богатаго шейка.

»Остацовись!« вскричала Зюлейка.

Ея мужъ, бросивъ на нее подозрительный взглядъ, остановилъ свою лошадь.

»Видишь ли ты каменные развалины на этомъ холмѣ, гдѣ нѣкогда обиталъ Озирисъ?«

»Вижу.«

»Здѣсь половина нашего пути, здѣсь мы должны разстаться, — я должна сказать тебѣ еще одно, послѣднее слово.«

»Послѣднее?! Зюлейка, какой злой духъ волнуешь тебя? — говори, чего ты желаешь?«

»Моя жизнь принадлежитъ тебѣ, Барбру! Надежда изсохла въ моемъ сердцѣ, какъ сохнетъ водяная лилія подъ дыханіемъ сирого, какъ гаснетъ блескъ звезды съ восходомъ солнца. Это не надежда, это только ея блѣдная тѣнь, безъ цвѣта и голоса, которая шепчетъ еще разъ, — одинъ разъ и послѣдній! — возвратимся! мой супругъ, моя жизнь! возвратимся, — будь властелиномъ этихъ равнинъ, и этого сердца, которое безъ тебя пустынно какъ степь!«

»Зюлейка! довольно, — довольно! Одна мысль, борясь, подымается изъ глубины души моей, — ты меня не любишь!«

»Жестокій! я скована клятвою; она тяготитъ надъ моею душою, какъ левъ надъ своею добычею. — Я клялась Кораномъ! — ты долженъ умереть!«

»Безумная!« отвѣчалъ Барбру съ сожалѣніемъ, и погналъ свою лошадь.

»Франкъ! я говорю тебѣ: ты долженъ умереть!«

Барбру вхалъ не отвѣчая.

Бедуинка, удерживая свою лошадь, вынула пистолетъ и прицѣмилась въ своего мужа: Барбру среди молчанія пустыни слышалъ, какъ курокъ щолкнулъ, и остановился. Онъ холодно и спокойно устремилъ свой взглядъ на свою жену, рука которой дрожала.

»Убей меня!« вскричала Зюлейка. »Барбру! это моя последняя просьба, убей меня! О, сдѣлай для меня хоть это!«

»Жена мол!« отвѣчала французскій офицеръ, приближаясь къ ней: забудь свою клятву, блаженство моей жизни! Богъ никогда не требуетъ исполненія нечестивыхъ клятвъ.«

»Барбру! отвѣчала она, держа пистолеть у его груди: »теперь поздно! часъ выбора наступилъ; между любовью, какой никогда не бывало, и смертью — выбирай!«

»Женщина, ты сошла съ ума! Я не боюсь тебя, ты меня не убьешь!« отвѣчалъ Барбру. Потомъ онъ далъ шпоры своей лошади, и повѣхалъ.

Выстрѣлъ раздался. Барбру вздрогнулъ и оглянулся. Зюлейка упала съ лошади. Пуля прошла близъ ея сердца. Барбру услышалъ слѣдующія слова:

»Ты правъ, я не могу убить тебя!«

И она стала безмолвна.

Лошадь, видя свою госпожу на землѣ, сдѣлала нѣсколько прыжковъ, и съ страшною быстротою понеслась назадъ къ оазису.

КУХОННЫЯ ЗАПИСКИ АНГЛІЙСКАГО ПОВАРА ДЖОНА РОБЕРТА БЕТТЛИ *).

С Т О Л Ъ XI.

1. *Супъ*. Это раковый супъ. Онъ готовится изъ внутренностей сваренныхъ въ соленомъ отварѣ раковъ, какъ они обыкновенно варятся. Надобно каждаго рака выпотрошить, то-есть вынуть мясо изъ клещей, очистить раковыя шейки и выскоблить ножомъ брюшную внутренность раковъ. Все это слѣдуетъ положить въ крѣпкій морковный отваръ, сваренный заранее изъ тертой на теркѣ моркови,

*) Джонъ Робертъ Беттл изготавляетъ обѣдъ изъ пяти блюдъ каждый — ни болѣе, ни менѣе. Десять столовъ изъ его кухонныхъ записокъ, заслуживающихъ вниманія читателей по особенностямъ содержанія, напечатаны въ журналѣ *Общепольныхъ Свѣдѣній*. Джонъ Робертъ Беттл не хотѣлъ печатать продолженія ихъ, но убѣдительныя просьбы гастрономовъ склонили его къ этому, — и вотъ еще восемь столовъ его кухни.

процѣженный и остуженный. Послѣ этого, отваръ, вмѣстѣ съ опущенными въ него раковыми внутренностями, долженъ быть еще разъ прокипяченъ на легкомъ огнѣ—и супъ готовъ.—Къ нему подаются маленькіе пирожки изъ обыкновеннаго кислаго крупитчатаго тѣста, начиненные тѣми же раковыми внутренностями.

2. *Соусъ*. Дѣлается изъ солонины. Ее надобно совершенно разварить, распарить, и, разваренную, изрубить мелко-на-мелко, привести въ такое состояніе, чтобы она не была похожа на мясо, такъ точно, какъ фаршъ, а болѣе походила на жидкую волокнистую массу. Этотъ солонинный фаршъ слѣдуетъ смѣшать потомъ съ протертымъ сквозь терку варенымъ горохомъ, половина на половину, и выложить на соусникъ, въ видѣ каши размазни. Она будетъ имѣть красно-желтый цвѣтъ, отъ смѣшенія солонины съ горохомъ.—При подачѣ этого соуса на столъ, должно подавать къ нему въ особомъ сосудѣ подливку. Подливка составляется изъ свареннаго въ уксусъ тертаго хрѣна, съ примѣсью, въ небольшомъ количествѣ, крупитчатой муки, и въ небольшомъ же количествѣ воды, для ослабленія уксусной кислоты и ѣдкости.—Само собою разумѣется, что соусъ долженъ быть воданъ на столъ горячій, такъ же какъ и подливка.

3. *Каша*. Изготавливается изъ сваренныхъ въ прѣсномъ, а не соленомъ отварѣ, каштановъ, протертыхъ потомъ сквозь терку, и изъ сваренныхъ же въ соленомъ отварѣ сухихъ турецкихъ бобовъ, также протертыхъ сквозь терку. Количества бобовъ и каштановъ должны быть равныя. Каша подается на столъ въ соусникъ, намащенная довольно жирно растопленнымъ коровьимъ масломъ. — Ее нельзя употреблять въ посты, потому что никакое другое масло, кромѣ коровьяго, къ ней не годится; а вовсе безъ масла, или съ сахаромъ вмѣсто масла, она не имѣетъ уже того вкуса, который такъ обворожаетъ гастрономовъ.—Каштановая каша многимъ нравится.

4. *Жаркое*. Поджаренныя на сковородѣ въ коровьемъ маслѣ большія головки или корни лука (луковицы), исеченныя прежде въ пекчѣ. Онѣ накладываются на блюдо въ видѣ горки. Вмѣсто салата подается искрошенная съ свежимъ лукомъ кочанная капуста, въ томъ видѣ, какъ она готовится всегда на зиму въ прокъ.—Луковицы, въ постные дни, могутъ быть поджариваемы и въ одномъ какомъ-нибудь изъ постныхъ маселъ, и тогда онѣ уже составляютъ настоящее постное жаркое.

5. *Пирожное*. Это обыкновенное клеевое желе въ дынного сока. Какъ составляется или готовится клеевое желе, уже показано

выше, въ одномъ изъ прежнихъ рецептовъ *)); но, кажется, способъ изготовленія его такъ извѣстенъ всемъ и всякому, что не нужно бы было и изъяснять его. Выжатый изъ дыни сокъ служитъ пастоемъ для этого желе, вмѣсто сливокъ, употребляемыхъ на бланманже, или винъ, вливаемыхъ въ заливныя этого рода. Но какъ одной сладости дыннаго сока недостаточно для того, чтобы желе могло быть наименовано сладкимъ пирожнымъ, то этотъ сокъ, прежде смѣшенія его съ клеевымъ огваромъ, разводится мелкимъ сахаромъ, или разсиропливается. — Желе выливается въ одну большую и въ нѣсколько маленькихъ формъ, остываетъ въ нихъ, перекладывается на блюдо въ симметрическомъ видѣ, и подается на столъ. Оно имѣетъ дынный цвѣтъ. — Не мѣшаетъ, разливая его въ формы, опускать въ каждую изъ нихъ по нѣскольку кругленькихъ шоколадныхъ лепешечекъ, продающихся въ кондитерскихъ лавкахъ. — Къ этому желе подается мадера. Она наливается каждымъ объедающимъ на тарелку, въ видѣ подливки къ заливному.

С Т О Л Ъ XII.

1. *Творожный пирогъ.* Знаете ли вы, какъ пекутся творожныя алады? Точно такъ же печется и творожный пирогъ. Онъ кладется на сковороду въ видѣ горы, или коровая. Но въ творожныя алады не кладется яицъ, а въ творожный пирогъ выпускается нѣсколько (пять, шесть) яичныхъ желтковъ. Потомъ онъ печется въ коровьемъ маслѣ и остуживается. Творожныя алады подаютъ всегда, вмѣсто сладкаго пирожнаго, въ концѣ стола, и употребляютъ ихъ горячія, съ мелкимъ сахаромъ; но Джонъ Робертъ Беттли подаетъ свой творожной пирогъ при началѣ стола, холодный, и приказываетъ кушать его безъ сахара. — Скушавши кусокъ этого пирога, вы можете, съ разрѣшенія повара, выпить рюмку столоваго вина.

2. *Молочный супъ.* Это, просто, вскипяченное цѣльное молоко. Надобно, чтобы въ него напущены были вареные крупитчатые пирожки (пильмени), начиненные рублеными яйцами. Больше ничего не нужно къ этому супу, кромѣ развѣ толченой корицы, которую Джонъ Робертъ Беттли употребляетъ иногда на это кушанье. — Надобно замѣтить, что столъ нумера двѣнадцатаго былъ стряпанъ знаменитымъ поваромъ нашимъ на масляницѣ, и потому-то онъ состоялъ преимущественно изъ молока, творога и яицъ. — По этой же

*) См. Журн. Общ. Свѣд.

самой причинѣ и мѣсто соуса заступали блины, которые сей-часъ изготовимъ. — Джонъ Робертъ Беттли привыкъ уже къ русскимъ обыкновеніямъ, живя въ Россіи, и, принаравливаясь къ обычаямъ новаго своего отечества, изготовляетъ въ посты постные обвды, въ мясовдѣ скоромные, на масляницѣ масляничные, и такъ далѣе.

3. *Блины.* Это обыкновенные гречневые или крупитчатые блины, которые англичанинъ выучился изготовлять въ Россіи, и изготовляетъ прекрасно; но онъ примѣшиваетъ въ нихъ тертую сквозь терку вареную морковь, любимую приправу его ко всемъ возможнымъ кушаньямъ. — Къ блинамъ велитъ подавать онъ топленое коровье масло, въ особомъ молочникѣ, и также на особой тарелкѣ тертый зеленый сыръ. — Каждый обѣдающій обливаетъ блины своимъ масломъ и посыпаетъ сыромъ.

4. *Жаркое.* Жареные въ коровьемъ маслѣ на сковородѣ комки творога, перемѣшанные, на половину, съ особо-обжаренными на другой сковородѣ комками же чернаго хлѣба, напитанными молокомъ и яичными желтками. Тѣ и другіе комки или глыбы раскладываетъ онъ на блюдѣ въ видѣ каменистаго холма и осыпаетъ ихъ обжаренными въ коровьемъ же маслѣ ветками свѣжей зелени, укропу или петрушки. За неизмѣнимъ зелени, во время масляницы, если зелень не выращена въ теплицахъ, можно пересыпать эти глыбы толчеными въ ступкѣ сухарями. Это надобно дѣлать тогда, когда творогъ и хлѣбъ прожариваются на сковородахъ. — Салата не подается къ творожному жаркому никакого.

5. *Сладкое пирожное.* Въмѣсто сладкаго пирожнаго, Джонъ-Робертъ Беттли, при столѣ нумера двѣнадцатаго, подаетъ всегда свѣжую смѣтану, посыпанную толченымъ сахаромъ, корицею и ванилью. Но къ этой смѣтанѣ приготавливаетъ тоненькіе блины, называемые у насъ обыкновенно творожниками, но только безъ творога, а также посыпанные сахаромъ. — Надобно, чтобы смѣтана подавалась холодная, а блины горячіе. — Послѣ этого кушанья, онъ приказываетъ пить малагу, бисшофъ или какое-нибудь другое сладкое вино.

С Т О Л Ъ XIII.

1. *Пирогъ изъ каштановаго тѣста.* Вотъ, вы опять скажете, что Джонъ Робертъ Беттли настоящій проказникъ! Надобно же сочинить пирогъ изъ каштановаго тѣста, и притомъ не сладкій пирогъ, не тотъ, который подается въ концѣ стола, послѣ жаркова, а пирогъ, подаваемый въ началѣ стола, вмѣсто кулебяки, вмѣсто пастета!

Ну, да что же прикажете дѣлать? Джонъ Робертъ Беттли никого не слушаетъ, не признаетъ никакихъ гастрономическихъ законовъ, а дѣлаетъ все какъ попало, по своему, какъ ему вздумается. Да: пирогъ изъ каштановаго тѣста — и какой же прекрасный пирогъ! Вотъ какъ онъ старается: умѣете ли вы изготавлять обыкновенное прѣсное тѣсто изъ крупитчатой муки? Безъ сомнѣнiя, умѣете. Такъ вотъ, возьмите же прежде каштановъ, сварите ихъ, до-мягка, въ прѣсномъ отварѣ, разумѣется, очистивъ прежде отъ скорлупы, растолките въ ступкѣ мелко-на-мелко, такъ, какъ только можно растолочь сваренные или мягкiе каштаны (ихъ даже можно нарезать ломочками, для того чтобы удобнѣе было растолочь), и изъ густоватой массы толченыхъ каштановъ составьте прѣсное тѣсто, съ примѣсью лучшей крупитчатой муки, менѣе нежели на половину. Изъ этого тѣста свалайте потомъ пирогъ, придавъ ему, по приказанiю Джона Роберта Беттли, не круглую, то-есть пастетную, и не продолговатую, то-есть кулебячную, но четырехугольную форму. Начините этотъ пирогъ мясомъ индѣйки, очищеннымъ отъ костей, съ присыпкою, въ видѣ мелкой начинки, вареныхъ, мелко нарубленныхъ каштановъ, оставшихся у васъ при изготавленiи тѣста, такъ же мелко нарубленныхъ сушеныхъ грибовъ и такъ же мелко нарубленныхъ яицъ, сваренныхъ въ густую. Когда начинка для пирога будетъ готова и мясо индѣйки распределиться въ ней по мѣстамъ, тогда накройте начинку коркою изъ того же самаго тѣста, изъ котораго сдѣланъ пирогъ, и защиплите корку по краямъ, вмѣстѣ съ краями нижней корки пирога, такъ, какъ всегда защипывается пирожное тѣсто. Вы, можетъ быть, спросите: «что же потомъ?» потомъ положите пирогъ на противень и поставьте въ печь: только и всего. Вы, можетъ быть, даже спросите, что же надо дѣлать съ пирогомъ, когда онъ совсѣмъ испечется и вынется изъ печки? Разумѣется, что надо положить его на блюдо (нѣтъ, не на блюдо: Джонъ Робертъ Беттли велитъ подавать на столъ этотъ пирогъ на подносѣ четырехугольной формы), поставить на столъ, разрезать и кушать. Послѣ этого, вы, можетъ быть, спросите и о томъ, какъ надо кушать пирогъ? Такъ ужъ тогда не будетъ конца вашимъ вопросамъ. Кушайте зубами, при помощи языка, и потомъ разжеванное тѣсто пропускайте въ горло. Такъ обыкновенно ѣдятъ люди. Никто не училъ ихъ ѣсть: сами научились. Джонъ Робертъ Беттли учить стараться, а наука ѣсть или кушать вовсе не входитъ въ составъ его курса.— Чудо изъ чудесъ, радость изъ радостей пирогъ

изъ каштановаго тѣста , начиненный каштанами же съ индѣчнымъ мясомъ! Позовите на обѣдъ какого-нибудь китайскаго мандарина, или, пожалуй, хоть турецкаго муфтія, кого хотите, такъ и они вамъ то же скажутъ. — Съ Джономъ Робертомъ Беттли было одинъ разъ происшествіе вотъ какого рода: онъ испекъ каштановый пирогъ на большомъ противнѣ, придавъ пирогу, по своимъ причудамъ, четверугольную форму. Когда надо было подавать пирогъ на столъ, онъ потребовалъ у хозяйки дома четырехугольнаго подноса подъ пирогъ; а такого подноса на ту пору въ домъ не было. Хозяйка стала требовать, чтобы пирогъ былъ положенъ на блюдо, а Джонъ Робертъ Беттли рѣшительно объявилъ, что онъ не подастъ гостямъ своего каштановаго пирога на блюдо: надо подать на подносъ. Между нами произошла схватка, одна изъ тѣхъ кухонныхъ схватокъ, какія нерѣдко бывають въ кухняхъ. Хорошо, что этого сраженія никто не видалъ, а знали о немъ только хозяйкичъ чепецъ да поваровъ колпакъ. Известно, что чепцы и колпаки не надѣлены отъ природы даромъ слова, поэтому они ничего и не высказали. Пока происходило сраженіе, — двѣ блудни, кошки, да еще какія, — не свои, а сосѣдскія кошки, замѣтивъ аванпостную перестрѣлку, впрыгнули въ окно — и съѣли каштановый пирогъ почти дѣ-чиста. Тутъ-то пошла перепалка! Но Джонъ Робертъ Беттли, мужественный боецъ въ кухонныхъ перепалкахъ, выгналъ хозяйку изъ кухни, велѣлъ ей непремѣнно сыскать четырехугольный подносъ во что бы то ни стало, послалъ къ хозяину дома приказаніе, чтобы онъ не сажалъ гостей своихъ за столъ ранѣе какъ черезъ часъ, испекъ новый пирогъ изъ каштановаго тѣста, еще больше стараго, съѣденнаго кошками, выпросилъ подъ него большой подносъ у сосѣдки, но не у той, которой принадлежали блудни кошки и которой онъ съ гнѣвомъ отослалъ кошачьи оглодки, а у другой, и подалъ гостямъ пирогъ *не на блюдо, а на подносъ*, то-есть поставилъ на своемъ. Этотъ пирогъ былъ испеченъ на славу. Обѣдавшіе въ тотъ день у Джона Роберта Беттли до сихъ поръ съ умиленіемъ вспоминають о каштановомъ пирогѣ, наскоро состряпанномъ англійскимъ поваромъ; а дѣло его съ хозяйкою стало известно только по чепцу да колпаку, сохранившимъ на себѣ масляные отпечатки сраженія. — Когда вы будете стряпать пирогъ съ индѣйкою, изъ каштановаго тѣста, то выгоните изъ кухни всѣхъ кошекъ, и своихъ и сосѣдскихъ, вмѣстѣ съ хозяйками дома. Жалко, право, когда хорошій каштановый пирогъ съѣдятъ кошки!

2. *Миндальный супъ.* Тоже принадлежит къ породѣ сладкихъ суповъ, хотя не совсѣмъ сладкій супъ. Онъ дѣлается изъ миндального молока, а какъ дѣлается миндальное молоко, это всякій знаетъ. Надобно сдѣлать сначала миндальное молоко, а потомъ вскипятить его — и супъ готовъ. Но въ этотъ супъ Джонъ Робертъ Беттли опускаетъ обыкновенно маленькіе вареные пирожки изъ крупитчатой муки (пильмени), начиненные истолченнымъ въ иготи миндалемъ, посыпаннымъ сахаромъ. Отъ этого можно назвать супъ сладкимъ. За то къ нему уже не подается особыхъ пирожковъ.

3. *Соусъ.* Соусъ изъ жареной баранины, и вотъ какъ изготавливается онъ: прежде всего, часть баранины, приготовленная на соусъ, варится въ соленомъ отварѣ; потомъ сваренная баранина, разрезанная на ломти, такъ, какъ надо положить ее на соусникъ, оставляется на блюдѣ до времени изготовленія соуса или подливки; а этотъ соусъ, или эта подливка, изготавливается изъ растолченныхъ въ иготи каленыхъ ореховъ, разведенныхъ мучною пригиркою, въ которую выпускается нѣсколько яичныхъ желтковъ. Когда этотъ соусъ, въ видѣ каши размазни сваренный въ костреолѣ, такъ, какъ всегда варятся соусы, выложится на соусникъ, тогда на него накладывается сверху баранина. — Въместо баранины можно употребить, конечно, и телятину и всякое другое мясо.

4. *Жаркое.* Это кушанье всегда приносило честь и славу Джону Роберту Беттли. Въ самомъ дѣлѣ, кому придетъ въ голову мысль сострипать жаркое — изъ чего бы вы думали? изъ ореховъ: да, изъ ореховъ. Джонъ Робертъ Беттли сваритъ сначала въ соленомъ отварѣ кусокъ говядины; потомъ разрубить эту говядину мелко-на-мелко, такъ, какъ она обыкновенно изготавливается для фрикаделекъ; потомъ, или не потомъ, а заранее, велитъ начистить фунта два, три, четыре, сколько надобно, кедровыхъ орешковъ, и потомъ, смѣшавъ рубленую говядину съ орешками такъ, чтобы говядина составляла меньшую, а орехи большую половину, поджариваетъ эту смѣсь на сковородѣ въ коровьемъ маслѣ, въ видѣ или въ формѣ небольшихъ кирпичиковъ. Масла для прожариванія этой смѣси онъ употребляетъ не много, а подливку, образующуюся изъ сока мяса и масла, выливаетъ на блюдо, на которое выкладываетъ свое жаркое. Нужно, чтобы орехи были хорошо вычищены, то-есть освобождены отъ покрывающей ихъ плевы или кожицы: они должны сохранять въ кушаньѣ свой бѣлый цвѣтъ. — Въместо салата къ этому жаркому Джонъ Робертъ Беттли подаетъ всегда мелкіе огурчики, изготов-

ленные въ-прокъ въ уксусъ , и утверждаетъ , что никакой другой салатъ не приличенъ къ этому блюду. — Онъ позволяетъ кушать ореховое жаркое безъ салата: это , по его мнѣнію , лучше , нежели испортить кусъ кушанья другимъ салатомъ. Впрочемъ , мелкіе огурчики въ уксусъ , вѣроятно , есть во всякомъ порядочномъ домѣ.

5. *Сладкое пирожное.* Странный вкусъ у Джона Роберта Бетгли! Онъ какъ примется за какіе-нибудь однородные или одновидные припасы , то изготавляетъ изъ нихъ цѣлые столы , не примѣшивая тутъ припасовъ другаго рода. Читая его записки , вы , вѣроятно , замѣтили это. Можно бы , кажется , придавать болѣе разнообразія каждому столу: изготавляя , наприимѣръ , супъ изъ говядины , заливное изъ рыбы , жаркое изъ ореховъ , сладкое пирожное изъ ягодъ , и такъ далѣе; а онъ , напротивъ: ужъ когда принялся за молоко , такъ все изъ молока; взялъ рыбу , такъ все изъ рыбы; купилъ говядины , такъ все изъ говядины; запасся грибами , такъ все изъ грибовъ! Но нечего на него смотреть! Сначала , когда его стряпня оставалась тайною , то надо было приновляться къ вкусу повара , и вѣсть то , что онъ велитъ; а теперь , когда записки его обнародованы , можно заимствовать изъ нихъ тѣ кушанья , которыя понравятся тѣмъ ли , другимъ ли читателямъ , и изготавлять ихъ въ разбивку , а не по нумерамъ , назначеннымъ для нихъ упрямымъ англичаниномъ. — Здѣсь , въ столѣ нумера тринадцатаго , вышло опять то же , что и въ другихъ столахъ. Здѣсь пошло дѣло на орехи: и супъ изъ ореховъ , и пирогъ изъ ореховъ , и соусъ изъ ореховъ , и жаркое изъ ореховъ,—здѣсь все изъ ореховъ! Вотъ вамъ и сладкое пирожное — тоже изъ ореховъ. — Это сладкое пирожное изъ ореховъ Джонъ Робертъ Бетгли страпаетъ вотъ какъ: онъ беретъ орехи миндальные , грецкіе , каленые , фундуки или полуфундуки , кедровые и каштаны , приказываетъ вычистить ихъ или освободить отъ скорлупы и отъ кожицы , которою нѣкоторые изъ нихъ бывають покрыты подъ скорлупою , истолочь все вмѣстѣ въ иготи , такъ , какъ толкутся для миндального молока миндальные орехи , и всю эту смѣсь выкладываетъ на протевень въ видѣ большаго продолговатаго праника. Въ этомъ видѣ онъ слегка поджариваетъ ее на угольяхъ , и праникъ или пирогъ , какъ хотите , состряпанъ. Онъ разрезывается на четырехугольные куски или квадратики , ужъ на столѣ , поданный на столѣ въ видѣ праника , и обливается на тарелкахъ растопленнымъ бѣлымъ медомъ , подаваемымъ въ особомъ молочникѣ. Каждый

изъ обвѣдающихъ беретъ на тарелку кусокъ пряника или пирога, и обливаетъ его медомъ, по своему вкусу, сколько захочетъ. — Многіе хвалятъ этотъ сладкій пирогъ, который, впрочемъ, самъ собою, безъ меда, не имѣетъ сладости, а имѣетъ только ореховый вкусъ; а многіе не хвалятъ, говоря, что пирогъ не имѣетъ ни вида, ни сладости. У всякаго свой вкусъ. Впрочемъ, для вида пирога, можно придать ему форму какую угодно, не слѣдуя слѣпо указаніямъ Джона Роберта Беттли; а для разслащенія можно напиткивать ореховую сбойню сахаромъ или медомъ, тогда, когда она ставится въ печь, и пирогъ или пряникъ разсластится. Тогда не надо уже подавать къ нему оттопленнаго меда. — Многіе недовольны тѣмъ, что ихъ угощаютъ за обвѣдомъ пряникомъ вмѣсто пирога, потому что, какъ ни стряпайте его, въ самомъ дѣлѣ—онъ все будетъ больше пряникомъ, нежели пирогомъ. — Это обвиненіе справедливо.

С Т О Л Ъ XIV.

1. *Заливное или холодное.* Джонъ Робертъ Беттли смѣется надъ обыкновеніемъ русскихъ готовить щуку съ хрѣномъ въ видѣ холоднаго кушанья, подаваемого въ началѣ стола, и употреблять щуку иначе, какъ мы это увидимъ ниже, но ему нравится наружный видъ этого блюда, то—есть щука, свернутая кольцеобразно, и потому онъ изготавливаетъ заливное изъ телячьихъ мозговъ, обманывая обвѣдающихъ внѣшностію этого кушанья, уложеннаго на блюдо въ видѣ щуки, свернувшейся кольцомъ.—Поваръ варитъ телячьи мозги, какъ водится, въ соленомъ водяномъ отварѣ, перемѣшиваетъ ихъ, почти на половину, съ сыромъ, истолченнымъ въ иготи миндалемъ, такъ, какъ онъ толчется на молоко или на пирожное, выливаетъ изъ этой смѣси фигуру наподобіе рыбы, съ головою и хвостомъ, и обливаетъ ее на блюдо застывшимъ студнемъ, свареннымъ изъ мяса, но процѣженнымъ и уже не заключающимъ въ себѣ частицъ мяса. Желе, или студень, должно быть наложено на миндально-мозговую щуку густо, въ большомъ количествѣ; а въ середину блюда слѣдуетъ наложить соленыхъ и отваренныхъ въ уксусъ мелкихъ огурчиковъ. — Къ этому заливному подается сырой хрѣнъ, натертый на теркъ и разведенный въ уксусъ, въ томъ видѣ, какъ обыкновенно подается хрѣнъ къ ветчинѣ или солонинѣ, въ особомъ молочникѣ.— Многіе часто обманываются внѣшнимъ видомъ этого кушанья, и полагаютъ, что имъ въ самомъ дѣлѣ подана холодная щука; но не

многіе угадываютъ съ перваго раза, по вкусу, изъ чего составлено оно. А между тѣмъ, это заливное прекрасно.

2. *Усыпительный супъ.* Изъ чего, вы думаете, составляется этотъ усыпительный супъ? Разумется, изъ мака. Онъ имѣетъ бѣлый, или, лучше сказать, бѣловато-сѣрый цвѣтъ, потому что макъ варится въ молокѣ, и потомъ молоко процеживается. Макъ изъ него выбрасывается. Впрочемъ, при варкѣ этого супа, надобно употребить большое количество мака, чтобы вкусъ его слышенъ былъ въ молокѣ. Въ супъ кладется вермишель, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по вкусу повара. Само собою разумется, что соль здѣсь вовсе не нужна, ни при варкѣ супа, ни при употребленіи его во время обѣда. Въ супъ опускаются также комки мака, изготовленнаго въ меду, наподобіе такихъ маковниковъ, какіе продаются въ подвижныхъ торговыхъ шалашахъ или въ приличныхъ лавкахъ, для простаго народа. Эти комки должны имѣть видъ клецонокъ или фрикаделекъ, а иногда могутъ быть и неправильной, угловатой формы. — Къ маковому супу подаются пирожки изъ слоенаго тѣста, начиненные макомъ же и мелкою коринкою, а иногда вовсе безъ начинки.

3. *Соусъ.* Надобно поджарить на сковородѣ въ коровьемъ маслѣ съ водою и солью порядочное количество крупитчатой муки, такъ чтобы соусъ былъ довольно, но не слишкомъ, густъ, однакожъ и не жидокъ. Въ него кладется небольшое количество толченаго перца, а для духа, еще меньшее (очень маленькое) количество тертаго мускатнаго орѣха. Этимъ соусомъ обливается ветчина или солонина, нарезанная ломтями. Этимъ же соусомъ можно обливать сосиски, колбасу, разрезанную ломтями, говяжье вареное мясо, телячьи мозги, что случится. Джонъ Робертъ Бетгли приправляетъ иногда этии же соусомъ жареную дичь: куропатокъ, рябчиковъ, тетеревей, утокъ.

4. *Жаркое.* Возьмите двѣ щуки, обжарьте ихъ въ коровьемъ или даже, въ постъ, въ маковомъ маслѣ, такъ, какъ всегда жарятъ всякую другую рыбу, и положите ихъ кольцеобразно на блюдо, головами одна къ хвосту другой — вотъ и жаркое изъ щукъ. Въ середину блюда съѣдуетъ положить салатъ, какой угодно, а лучше кочанный, изготовленный, какъ водится, съ масломъ, уксусомъ, перцемъ, сахаромъ, и, пожалуй, горчицею. — Джонъ Робертъ Бетгли не велитъ варить щукъ на холодное, но любитъ ѣсть жареныя щуки, а иногда употребляетъ ихъ и на соусы. — Можетъ быть, онъ въ этомъ случаѣ

правъ: въ самомъ дѣль, странноеъ обычай употреблять вареную щуку съ хрвиомъ, — потому что вареная и холодная, она больше всѣхъ другихъ рыбъ отзывается во вкусъ сыростью, и меньше всѣхъ другихъ рыбъ имѣетъ вкуса; а жареная утрачиваетъ свой сырой запахъ, и, пропитавшись масломъ, пріобрѣтаетъ болѣе вкуса. Англійскій поваръ велитъ осыпать жареныхъ щукъ толченными въ иготи сухарями. Это придаетъ болѣе вида кушанью.

5. *Сладкая похлбка.* Это кушанье подается въ чайныхъ чашкахъ, большихъ, называемыхъ бульонными. Оно варится изъ свѣжихъ вишней. Надобно, чтобы вишни были очищены отъ косточекъ, и, по возможности, отъ кожицы или плены, покрывающей ихъ сверху, и сварены въ тонкомъ красномъ столовомъ винѣ, съ сахаромъ. Никакой другой примѣси здѣсь не нужно. — Здѣсь не нужно даже слоеныхъ пирожковъ или дутыхъ аладьевъ, какъ ихъ подаютъ много къ вишневой похлбкѣ Джона Роберта Беттля. Беда вамъ, если нашъ поваръ узнаетъ, что вы искажаете его изобретенія своими прибавочными кухонными затѣями; онъ разгнѣвается и на васъ, и на весь родъ человѣческой! Онъ велитъ подавать вишневою похлбку безъ пирожковъ.

С Т О Л Ъ Х V.

1. *Супъ.* Просто овсяный супъ, обыкновенный овсяный супъ, такой, какъ... да кто же не знаетъ овсянаго супа? Кто не съуметъ изготовить овсянаго супа? А кто не знаетъ, какъ готовится овсяный супъ, тотъ можетъ справиться объ этомъ въ какой угодно больницѣ, въ какомъ угодно богоугодноиъ заведеніи. И такъ, вамъ не нужно рассказывать, какъ варится овсяный супъ, а только нужно рассказать, какъ подается на столъ изъ кухни Джона Роберта Беттля. Онъ подается объдающимъ въ чашкахъ, но не въ чайныхъ, а въ бульонныхъ, которыя только тѣмъ отличаются отъ первыхъ, что немножко побольше ихъ, горячій, какъ следуетъ, и подается съ условіемъ, что каждыйъ объдающій долженъ влить въ свою чашку супа рюмку мадеры. Это непремѣнное условіе Джона Роберта Беттля. За то онъ не кладетъ въ зготъ супъ ни изюму, ни черносливу, какъ дѣлаютъ обыкновенные повара и поварихи, а подаетъ, въ особой корзинкѣ или сухарницѣ, бисквиты. Отъ этого супъ дѣлается какъ бы какимъ-то сладкимъ кушаньемъ, хотя онъ вовсе не сладокъ, потому что въ него не кладется сахара ни при варкѣ, ни за столомъ. Известно, что овсяный супъ питателенъ, пріятенъ на вкусъ и не

отягощаетъ желудка; употребленіе же его съ виномъ, и непременно съ мадерою, введено Джономъ Робертомъ Беттли, и прежде него не было извѣстно въ Россіи.—Овсяный супъ медики прописываютъ всегда больнымъ: следовательно, онъ полезенъ; вино также дается больнымъ: следовательно и вино полезно; а смѣшеніе двухъ полезныхъ вещей уже, по законамъ здраваго разсудка, преполезно. Подчивайте же такимъ овсянымъ супомъ больныхъ, только не иначе, какъ съ разрѣшенія пользующаго ихъ медика; что же касается до здоровыхъ, то они могутъ кушать его на здоровье по столько, сколько думгь угодно, безъ разрѣшенія медиковъ.

2. *Соусъ.* Для изготовленія этого соуса нужно взять большую часть говядины, нашпиговать ее рубленными орѣхами, миндальными, американскими и волошскими, и сварить въ соленомъ отварѣ. Сваренную, слѣдуетъ положить ее на блюдо цѣлымъ кускомъ, не разрывая на части, и облить хрѣномъ, свареннымъ въ кофейномъ отварѣ (процѣженномъ, то-есть очищенномъ отъ гуши. Кофейнымъ отваромъ называется здѣсь обыкновенный кофей въ томъ видѣ, какъ онъ варится для употребленія по утрамъ или послѣ обѣда), и въ красномъ, или такъ называемомъ пивномъ уксусѣ. Уксусу слѣдуетъ положить въ соусъ третью долю на двѣ кофейнаго отвара. Кофейный отваръ долженъ быть кровокъ. Гастрономы кушаютъ съ большимъ аппетитомъ нашпигованную орѣхами говядину, облитую кофейно-хрѣвовой подливкою.

3. *Каштановая каша.* Каштановая каша варится изъ перловой крупы, пополамъ съ протертыми сквозь терку каштановыми орѣхами — разумеется, очищенными заранее, какъ слѣдуетъ, отъ скорлупы и плевы или внутренней кожицы. Она ставится для варки въ печку, въ горшкѣ, по обыкновенному способу варки всѣхъ кашъ на свѣтъ, и подается на столъ въ горшкѣ же, обвернутомъ салфеткою. Къ ней подается въ особомъ сосудѣ или молочникѣ растопленное коровье масло. — Эта каша очень пріятна для вкуса, особенно же если сварена на молоко, а не на водѣ; впрочемъ, и сваренная на водѣ прекрасна. Ее можно даже варить на миндальномъ молокѣ, постною; но тогда она теряетъ вкусъ отъ употребленія ея безъ масла, потому что съ постными ее кушать нельзя, не вкусно, а съ сахаромъ, вмѣсто масла, тоже не такъ хорошо, какъ съ оттопленнымъ коровьимъ масломъ.

4. *Жаркое.* Джонъ Робертъ Беттли изготовляетъ его изъ свеклы и моркови, и вотъ какъ: сначала вымоетъ ихъ и вычиститъ,

есть оскребеть ножомъ , потомъ начинить или нашпиговать свинымъ саломъ , потомъ обернуть бумажками , обвязать ниточками , сварить въ соляномъ рассолѣ , развязать , снять бумажки , и поджарить эту морковь и свеклу на сковородѣ . Онѣ , то-есть морковь и свекла , не разрѣзываются на части , а остаются цѣлыми . Отъ нихъ можно отрубать только хвостики , если хвостики ихъ очень тонки . Той и другой должно брать по равной части , то-есть , если готовится на жаркое десять корней свекольныхъ , то нужно столько же и морковныхъ . Во время обжариванія ихъ на сковородѣ , въ коровьемъ маслѣ , поваръ осыпаетъ ихъ истолченными въ ступкѣ сухарями . Поджаренныя и разложенныя на блюдо въ симметрическомъ видѣ , концами вмѣстѣ , а толстыми краями ствола врознь , онѣ обкладываются кругомъ какимъ-нибудь свѣжимъ зеленымъ салатомъ , изготовленнымъ , какъ слѣдуетъ , съ уксусомъ , прованскимъ масломъ , горчицею , перцомъ и сахаромъ .—Это жаркое славится теперь во всей Малороссіи .

5. *Компотъ* . Обыкновенный компотъ , но только не изъ однихъ яблоковъ или не изъ одного чернослива , а изъ яблоковъ , чернослива , грушъ , изюма , шапталы , фигъ , финиковъ и винограда вмѣстѣ .—Если этотъ компотъ готовится лѣтомъ , то Джонъ Робертъ Беттль подаетъ къ нему на особыхъ маленькихъ тарелочкахъ свѣжія , а не вареныя , ягоды , малину и клубнику , и прибавляетъ сверхъ того въ самый компотъ нарѣзанныхъ кусками дыни и арбуза , а зимою , вмѣсто свѣжихъ ягодъ , арбуза и дыни , варить въ компотъ сверхъ того , что здѣсь названо , апельсины , нарѣзанные четвертушками , и въ томъ же видѣ лимоны , придающіе кушанью пріятную кислоту .

С Т О Л Ъ XVI .

1. *Холодный гусь* . Гуся надо выпотропить до чиста ; потомъ нашпиговать гусинымъ же саломъ и начинить внутренность солеными вишнями , огурцами (мелкими) , грибами , брусникою и яблоками ; въ зобъ можно налить сырыхъ яицъ , не раздѣляя бѣлки съ желтками . Когда гусь начинится и зашьется какъ слѣдуетъ , чтобы начинка не выплыла изъ него , тогда надо его сварить въ соляномъ отварѣ , и вынести въ погребъ , чтобы простудить . Должно наблюдать , однакожъ , чтобы онъ не ооченьмъ или не замерзъ въ погребъ на льду . Положа на блюдо , для подачи на столъ , слѣдуетъ посыпать его свѣжею зеленью и обложить по краямъ блюда солеными ягодами и плодами , то-есть огурчиками , брусникою ,

шнями, яблоками и грибами, всемъ тѣмъ, чѣмъ онъ начиненъ. — Кушать этого гуся можно съ горчицею и съ хрѣпомъ, какъ кому угодно.

2. Супъ. Изъ тертаго хрѣва. — Известно, что хрѣвъ, при варкѣ, утрачиваетъ горечь свою. Его надо, уже протертый сквозь терку, сварить въ соляномъ отварѣ, съ примѣсю въ этотъ отваръ небольшого количества уксуса, напримѣръ, на три бутылки отвара полбутылки уксуса, и процѣдить сквозь тонкое кухонное полотепце. Передъ подачею на столъ, слѣдуетъ еще разъ вскипятить этотъ отваръ, съ чесночною колбасою, наръзанною тоненькими круглыми ломточками. Надобно, однако жъ, кипятить его недолго, чтобы колбаса не слишкомъ разварилась, не утратила своей соленоватости, не распалась на части. — Къ этому супу Джонъ Робертъ Бетгли печеть булки изъ ржанаго теста, паружною формою своею походящія на соленыя булки изъ крупитчатой муки, и также посыпаетъ ихъ крупною солью. Онъ вкусны и приличествуютъ къ колбасному супу.

3. Соусъ. Посолите рябину, такъ, какъ она готовится въ прокъ, на зиму. Эту соленую рябину сварите потомъ въ собственномъ разсолѣ ея: вотъ и будетъ соусъ. Когда же вы положите его въ соусникъ, то наръжьте ломточками бѣлый хлѣбъ (французскія булки), и на каждый ломточекъ хлѣба положите по ломточку паюсной икры. Эти ломтки хлѣба съ икрою вы наложите потомъ на рябину — и пусть ваши гости кушаютъ на здоровье стряпню по рецепту доктора Джона Роберта Бетгли.

4. Жаркое. Обжарьте-ка, попробуйте, на сковородѣ, въ коровьемъ маслѣ, вареную ветчину, наръзавъ ее напередъ ломтами, и намазавши ломти съ обѣихъ сторонъ яичными желтками — и вы увидите, какое это будетъ лакомое блюдо! Почему ветчину никогда не подаютъ жареную? Невѣсть почему. А она имѣетъ отличный вкусъ, обжаренная въ коровьемъ маслѣ. — Джонъ Робертъ Бетгли раскладываетъ всегда ломти жареной ветчины у краевъ блюда, а въ середину его кладетъ, вмѣсто салата, мелкіе огурцы, изготовленные въ уксусѣ.

5. Сладкое пирожное. Вотъ это сладкое пирожное, ужь конечно, такое, которое всякому понравится, но котораго прежде Джона Роберта Бетгли никто не кушалъ. На изготовленіе его надобно много снадобьевъ, и вотъ слушайте: надо сначала сдѣлать миндаль-

ное молоко: это всякій знает. Надобно послѣ того сварить янца круто, а не въ смятку: вы это сами знаете. Надобно потомъ испечь яблоки. Испеките яблоки. Не рассказывать же вамъ опять, какъ пекутся яблоки: сами знаете. Наконецъ надобно сварить въ прѣсномъ , а не соляномъ отварѣ , цветную капусту. Не рассказывать же вамъ, наконецъ , какъ варится въ водѣ цветная капуста: что за диво сварить цветную капусту? сварите ее. — Теперь, все ли сдѣлано? Капуста сварена, янца тоже, яблоки испечены и молоко вытодчено и выжато. Стало быть все сдѣлано. Хорошо. Разомните же цветную капусту въ мякиво, такъ , какъ можно размять ее , не выдавая сока, а, лучше , растреплите ее руками; снимите же съ яблоковъ кожицу и вычистите изъ нихъ сѣмена и внутренность; очистите же янца отъ скорлупы , но не разрезывайте ихъ , а оставьте цѣлыми. Да это сдѣлали вы! О! такъ вы много сдѣлали , а , однако жъ , далеко еще не все. Теперь , положите же янца на блюдо , а на янца накидайте капусты и яблочнаго мякива. Послѣ того , пересыпьте все это мелкимъ сахаромъ , истолченнымъ въ ступкѣ , съ ванилью, и пересыпьте какъ можно больше, такъ , чтобы и янца, и капуста, и яблоки совершенно просахарились. Пересыпали? хорошо. Вы, можетъ быть, думаете, что ужъ и все сдѣлано? Нѣтъ, не все! погодите! Вы еще не сварили мелкаго горошка, самаго мелкаго горошка, сушенаго горошка, который продается въ лавкахъ, гдѣ торгуютъ зеленью: сварите же горошка какъ можно больше , и сварите въ сахарномъ отварѣ, почти въ сиропѣ сахарномъ. Сварили? хорошо. Теперь выложите этотъ горошекъ на капусту и яблоки , и опять насыпьте на него мелкаго сахара съ ванилью какъ можно больше. Что же? насыпали? хорошо. Теперь облейте все это теплымъ , нагрѣтымъ , только не кипяченымъ , слышите ли, не кипяченымъ миндальнымъ молокомъ , и прикажите нести на столъ ваше сладкое пирожное. Знаете ли , какъ оно хорошо? ахъ , какъ оно хорошо! Джона Роберта Беттли нѣсколько разъ обнимали и цѣловали его поклонники за это пирожное , хотя , правду вамъ сказать , надо затаить въ себѣ невольную изгаду или быть уже слишкомъ сыту , чтобы рѣшиться поцѣловать Джона Роберта Беттли , гадкаго, засаленнаго, выпачканнаго жиромъ Джона Роберта Беттли! Вы не знаете еще, каковъ онъ собой: преотвратительная наружность! Лице у него , какъ у бульдога, широкое и красное, носъ предлинный, напѣтанный табакомъ , глаза сонные , какъ у селѣдки, волосы рыжіе.... Но кушанье подано: кушайте.

С Т О Л Ъ XVII.

1. *Калья*. Вы имѣете понятіе о томъ , что такое калья? Кальею называютъ русскіе люди постный супъ , или , лучше сказать , уху , дымаемую изъ паюсной или такъ называемой мышечной икры съ солеными огурцами. Почему этотъ супъ или уха называется кальею , и что значить слово калья, — объ этомъ , конечно , не слѣдуетъ спрашивать у Джона Роберта Беттли , какъ у иностранца , а слѣдуетъ спросить у какого-нибудь русскаго повара , филолога или этолога — которые тѣ же повара , только изъ книжной кухни. Известно , что у русскихъ людей есть обыкновеніе готовить калью одинъ разъ въ годъ , и именно въ Лазарево Воскресеніе , то-есть въ одну изъ субботъ , наканунѣ Вербнаго Воскресенія. Отчего произошло это обыкновеніе , Джонъ Робертъ Беттли тоже не знаетъ , да не его дѣло и знать , и если вы овлять спросите у него объ этомъ , то онъ опять отошлетъ васъ въ этологическую кухню. — Какъ бы то ни было , а Джонъ Робертъ Беттли также стряпаеть калью или уху изъ икры , только вовсе не въ праздникъ Лазарева Воскресенія , а такъ , когда случится. Онъ стряпаеть эту калью вовсе не такъ , какъ стряпають ее русскія кухарки , а вотъ какъ : во-первыхъ , онъ беретъ для своей ухи не паюсную или мышечную икру , а свѣжую , или сигаовую , красную; во-вторыхъ , онъ не кладетъ въ нее соленыхъ огурцовъ , разрезанныхъ на частички , а кладетъ , вмѣсто огурцовъ , соленую бруснику и соленыя яблоки , очищенные отъ кожи и отъ сменной ихъ внутренности , разрезавъ ихъ также на мелкія частички , и варить это все въ прѣсной водѣ , точно такъ , какъ варятъ калью. Въ прѣсной же водѣ , а не въ соленомъ отварѣ , готовить онъ эту уху потому , что икра и соленая брусника сами собою придадутъ солоноватость отвару , точно такъ же , какъ варится и калья безъ примѣси въ воду соли. Но въ кальѣ , паюсная икра , нарезанная кусочками , сообщаетъ отвару или ухѣ только свой вкусъ и солоноватость , оставляя его безцвѣтнымъ и жидкимъ , какъ всякій водяной отваръ; уха же Джона Роберта Беттли; не смотря на то , что послѣ вскипяченія своего процеживается сквозь кухонное полотенце и уже не вмѣщаетъ въ себя ни ягодъ , ни зеренъ икры , ни яблоковъ , все-таки бываетъ нѣсколько густовата отъ икраной слизи и имѣетъ сѣровато-красноватый цвѣтъ отъ цвѣта икры и брусники. На вкусъ этотъ отваръ очень пріятенъ. Джонъ

Робертъ Беттли опускаетъ также въ него сушеную булку, разрыванную на мелкіе кусочки (крупитчатые сухари). Если же эта уха готовится не въ постъ, а въ скоромные дни, то онъ позволяетъ еще опускать въ нее густо сваренныя яйца, разрыванныя на половинки или даже цѣлыя, неразрыванныя. Къ калъ своей онъ, сверхъ того, подаютъ еще пирожки, испеченные изъ слоенаго тѣста и начиненные иногда свѣжею, а иногда паюсною икрою, съ рубленными густо сваренными яйцами, если она готовится въ скоромные дни, и безъ яицъ, если готовится постомъ.

2. *Ревенный соусъ.* Вы, можетъ быть, кушали когда-нибудь соусъ изъ ревеня? Вотъ ужъ вы и испугались! Не пугайтесь! соусъ изъ ревеня не есть изобрѣтеніе Джона Роберта Беттли и давно извѣстенъ въ Россіи, давно готовится въ русскихъ кухняхъ и любимъ гастрономами. Только англійскій поваръ изготовляетъ его по-своему. Онъ беретъ зелень растенія, называемаго ревенемъ, а не корень, употребляемый фармацевтами на промывку человѣческихъ внутренностей, варить ее въ соленомъ отварѣ съ репсковымъ уксусомъ (на полбутылки воды полбутылки уксусу) точно такъ, какъ варятъ шпинатъ или другую зелень для соусовъ, долго, пока не разварится (NB зелень варится уже изрубленная), перемъшиваетъ ее съ мелко искрошенными, или, лучше сказать, истертыми густо сваренными яйцами, и выкладываетъ на соусникъ. При варкѣ зелени съ яйцами, употребляетъ онъ небольшое количество коровьяго масла. На этотъ соусъ, такъ, какъ на соусъ изъ шпината, накладываетъ Джонъ Робертъ Беттли густо сваренныя и очищенныя отъ скорлупы яйца, и поджаренные въ коровьемъ маслѣ, посыпанные толчеными сухарями телячьи мозги, или сосиски, или, наконецъ, какъ онъ называетъ, фаршники, то-есть котлетки, составленные изъ фарша и изъ размоченной въ молоко и потомъ смятой булки (половина фарша, половина булки), и поджаренныя, какъ водится, въ коровьемъ маслѣ. — Вотъ вы сами видите, что совершенно напрасно испугались наименованія «ревенный соусъ», и что Джонъ Робертъ Беттли вовсе не имѣетъ намѣренія шутить съ вами, изготовляя свои столы, или вызывать вашу признательность за обѣдъ тѣмъ путемъ, которымъ никогда не производятъ благодарности за обѣды, то-есть *in rectum*; а напротивъ, зная цѣлительную силу ревеня по фармакопеямъ самыхъ знаменитыхъ англійскихъ терапевтовъ, изучаемымъ имъ съ особенною тщательностію, онъ приписываетъ сейчасъ послѣ этого соуса подавать красное вино (лучше

медокъ , нежели портвейнъ) , имѣющее силу вазать попадающія въ брюшныя реторты кладя и производящее на человѣческой желудокъ вліяніе , совершенно противное вліянію ревеня. Выкушайте рюмку медаку послѣ ревеннаго соуса , и вы будете чувствовать себя какъ нельзя лучше: самоваръ вашъ (такъ называетъ Джонъ Робертъ Беттли человѣческой животъ) не расплается отъ обидовъ Джона Роберта Беттли и перекипятятъ все , что въ него попадетсѣ . — Разказываютъ о ревенномъ соусѣ Джона Роберта Беттли вотъ какой случай: у одной барыни , малороссіянки , была кухарка , на бѣду свою грамотная , да еще и педаатка. А барыня была изъ числа тѣхъ барынь (еще болѣе на бѣду — и свою и чужую!) , которыхъ лордъ Байронъ называлъ синими чулками. Барыня и кухарка находились въ ежедневномъ противоборствѣ , — обѣ доказывали другъ другу , что каждая изъ нихъ умнѣе одна другой , больше видѣла , больше читала , больше училась , больше знаетъ. Такая вражда между женщинами не рѣдкость — все равно , барыни ли онѣ , или кухарки. Барыня и кухарка вздумали сострапанъ ревенный соусъ по запискамъ Джона Роберта Беттли , тогда еще не напечатаннымъ , а находившимся въ рукописи автора на клочкахъ сальной бумаги , измаранной и не четко исписанной на англійскомъ языкѣ. По неотступнымъ просьбамъ барыни , Джонъ Робертъ Беттли выдалъ ей рецептъ ревеннаго соуса. Этотъ рецептъ читали вмѣстѣ и барыня и кухарка. Преданіе умалчиваетъ о томъ , которая изъ нихъ лучше знала англійскій языкъ и которая хуже , которая изъ нихъ переспорила соперницу свою и которая уступила соперницѣ , но оно передало молвъ , а молва разнесла по свѣту , что соусъ былъ сострапанъ не изъ зелени ревеня , а изъ корня его , изготовленнаго на извѣстное употребленіе въ фармацевтической кухнѣ ; а что случилось послѣ обѣда или вечеромъ съ гостями , обѣдавшими въ тотъ день у барыни — въ томъ добрый Джонъ Робертъ Беттли былъ во-все невиноватъ . — Читатели его записокъ , изданныхъ на русскомъ языкѣ , не должны опасаться неприятныхъ послѣдствій отъ ревеннаго соуса.

3. Ватрушки. Ватрушки , какъ извѣстно , пекутся всегда изъ кислаго тѣста и начиняются , или , лучше , намазываются сверху творогомъ , а потому и называются ватрушками ; но Джонъ-Робертъ-Беттли изготовляетъ ихъ иначе. Онъ , во-первыхъ , перемѣшиваетъ творогъ для намазки ватрушекъ съ развареннымъ или преобразеннымъ въ сбойню черносливомъ , а во-вторыхъ , изготовляетъ для

нихъ тѣсто изъ крутосваренной въ молоко манной каши, съ примѣсью крупитчатой муки, сырыхъ яицъ и коровьяго масла. Манное тѣсто очень хорошо. Ватрушки пекутся по обыкновенному способу печенія пироговъ или ватрушекъ. Онѣ складываются на блюдо въ безпорядкѣ и подаются послѣ соуса въ столѣ нумера семнадцатаго.

4. *Жареная икра.* Вы должны нарезать паюсную икру плиточками, наподобіе четырехугольныхъ дощечекъ, употребляемыхъ на паркетъ, облить ихъ сверху самымъ тоненькимъ слоемъ изъ обыкновеннаго слоенаго тѣста и поджарить на сковородѣ въ коровьемъ (пожалуй, въ постѣ, въ маковомъ) маслѣ: вотъ и будетъ жареная икра. Джонъ Робертъ Беттли накладываетъ это жаркое на блюдо, въ безпорядкѣ, между кочнями соленой въ укусъ цвѣтной капусты, служащей салатомъ къ поджаренной икрѣ.

5. *Корнваллійскія птички.* Это любимое сладкое пирожное Джона Роберта Беттли, и потому онъ называетъ свои пирожники корнваллійскими птичками, припоминая, при печеніи ихъ, объ отечествѣ своемъ, которое уже навсегда оставилъ. Мысль о печеніи ихъ онъ заимствовалъ здѣсь, въ Россіи, узнавъ обыкновеніе русскихъ печь птичекъ (жаворонковъ) въ день Сорока Святыхъ, 9-го марта. Вы, безъ сомнѣнія, видали такихъ птичекъ въ известной въ Петербургѣ хлебобекарнѣ Иванова, что у Семеновскаго моста, покупали ихъ и кушали. Вотъ точно такъ же печеть Джонъ Робертъ Беттли своихъ корнваллійскихъ птичекъ, только дѣлаетъ ихъ немного поменьше ивановскихъ и употребляетъ не то тѣсто. Тѣсто изготовляетъ онъ прѣсное, круто натертое коровьимъ масломъ, и составляетъ его изъ крупитчатой муки съ протертыми на теркѣ сырыми морковью и свеклою. Надобно, чтобы муки была взята такая часть, какая только нужна для твердости тѣста, то-есть по возможности меньшая противъ морковнаго и свекольнаго мякива. Если бы одно это мякиво могло дать тѣсто, если бы изъ него было возможно свалить твердую массу наподобіе тѣстаной, то муки бы вовсе было не надо; мука здѣсь необходима для связи и отвердѣнія мякива. Птички, составленныя изъ свекольнаго мякива, выходятъ красноватаго цвѣта, а изъ морковнаго — желтоватыя. Джонъ Робертъ Беттли раскладываетъ ихъ на блюдо между листьями какой-нибудь свѣжей зелени (разумѣется, служащей только для украшенія блюда, а не для употребленія ея) такъ, какъ бы онѣ казались летающими въ кустахъ. Глазки онѣ имъ вставляетъ изъ ягодъ сушеной черники. Къ нимъ подается за столѣ въ сахарницѣ мелкій сахаръ, истолченный съ корицею и ванилью,

варенье и взбитыя сливки. Всякій можетъ употреблять ихъ по своему вкусу, или съ сахаромъ и сливками, или съ вареньемъ. — Джоуъ Робертъ Беттли требуетъ также, чтобы къ этому пирожному непременно подаваемо было какое-нибудь сладкое вино, и преимущественно малага. Корнваллійскія птички Джона Роберта Беттли стали разлетаются по всей Малороссіи.

С Т О Л Ъ XVIII.

1. *Хрѣновая лепешка.* Подается вначалѣ стола, вмѣсто холоднаго или заливнаго. Она составляется изъ тертаго хрѣна, вымоченнаго въ уксусъ, и смѣшаннаго съ размятымъ ложкою ржанымъ хлѣбомъ, также напитаннымъ ренсковымъ уксусомъ. Надобно дѣлать ее такъ, чтобы на двѣ трети хрѣна приходилась одна треть хлѣба. Это мѣсиво укладывается на блюдо въ видѣ лепешки. Къ нему подаютъ на особомъ блюдѣ сваренныхъ въ соляномъ отварѣ куропатокъ, но холодныхъ, простуженныхъ, и мелкіе огурчики, изготовленные въ уксусъ, въ-прокъ.

2. *Чечевичный супъ.* Чечевичный супъ варится изъ чечевицы, въ соленомъ отварѣ съ частью баранины, какая нужна для крѣпости отвара. Его можно точнѣе наименовать кашницею, нежели супомъ, и, при варкѣ его, надобно наблюдать, чтобы чечевицы было положено такое количество, какое нужно на кашницу, а не такое, какое употребляется въ супы, для приправы ихъ, когда они варятся съ какою-нибудь крупкою. — Баранина, варившаяся въ чечевичной кашницѣ, разрѣзывается ломотками и опускается въ миску. Мучной притирки къ этому супу не дѣлается. — Къ нему подаются пирожки изъ обыкновеннаго слоенаго тѣста, съ бараньимъ фаршемъ.

3. *Телячьи ножки.* Соусъ изъ телячьихъ ножекъ готовится на обыкновенныхъ кухняхъ съ поджаренною въ коровьемъ маслѣ крупитчатою мукою; а Джонъ Робертъ Беттли варитъ ихъ въ соленомъ отварѣ изъ уксуса (ренсковаго), безъ примѣси воды, но съ примѣсью тертаго хрѣна. Соусъ долженъ быть почти такъ же густъ, какъ размазня каша, а ножки должны вариться вмѣстѣ съ хрѣномъ, а не врознь, для того, чтобы онѣ напитались хрѣновою горечью и уксусною кислотою. Онѣ выкладываются на соусникъ горячія, въ хрѣну, и посыпаются сверху, для вида, рубленою свѣжею зеленью.

4. *Жаркое.* Возьмите рыбу, какую угодно, сварите ее въ соленомъ отварѣ, выпотрошите или очистите отъ костей и изрубите съчкою въ корытѣ, однимъ словомъ, изготовьте ее на фаршъ; потомъ возьмите сухихъ турецкихъ бобовъ, тоже сварите ихъ до мягка въ соленомъ отварѣ и тоже изрубите мелко въ корытѣ съчкою; потомъ возьмите свѣжихъ лимоновъ, тоже сварите ихъ въ соленомъ отварѣ, и тоже разрубите въ корытѣ съчкою, какъ можно мельче, не снимая съ нихъ кожи, не выбирая изъ нихъ сѣмянъ; потомъ смѣшайте все это вмѣстѣ, пересыпьте толченымъ перцемъ, не очень много, однако жъ такъ, чтобы горечь перца была слышна въ кушаньѣ, и молотымъ кофеемъ въ большомъ количествѣ, такъ чтобы онъ порядочно засыпалъ всю эту смѣсь, сомните изъ нея комъ или коровай и поджарьте на сковородѣ въ коровьемъ маслѣ, осыпавъ со всѣхъ сторонъ толчеными сухарями. Забудьте, что количество рыбы должно быть здѣсь одинаково съ количествомъ бобовъ, а количество лимоновъ вдвое меньше противу количества рыбы или бобовъ. — Когда комъ или коровай поджарится въ маслѣ, тогда выложите его, горячій, на блюдо и облейте сокомъ, составившимся изъ рыбьяго жира и коровьяго масла. — Приличнѣйшій къ этому жаркому салатъ — мелкіе огурчики, приготовленные въ прокъ въ уксусъ. Джонъ Робертъ Беттли запрещаетъ употреблять при этомъ жаркомъ другіе салаты.

5. *Хръновникъ.* Вотъ вамъ и сладкій пирогъ изъ хръна, или, пожалуй, хръновникъ. — Натрите хръну и насыпьте сахару какъ можно больше, не жалѣя его, такъ, чтобы хрънъ какъ бы разсыропился сахаромъ; возьмите ржаного хлѣба, высушите его, истолките въ порошокъ, насыпьте въ него мелкаго сахару какъ можно больше, не жалѣя его, смѣшайте хрънъ съ хлѣбомъ или хлѣбнымъ порошокомъ (падо, чтобы хлѣба было вдвое болѣе, нежели хръна) и свалайте тѣсто. Когда оно будетъ свалено, то поломите его на сковороду, загните края, такъ, какъ они обыкновенно загибаются у круглыхъ пироговъ изъ слоенаго тѣста, свалайте изъ этого же тѣста продольныя и поперечныя перекладняки, какія всегда дѣлаются на пирогахъ этого рода, и поставьте его въ печь на угольа. Когда пирогъ испечется, то снимите его со сковороды на блюдо, и въ гнѣзда, образовавшіяся между перекладнѣй, положите разныхъ вареньевъ, какъ онъ всегда кладутся въ сладкіе пироги: тогда и будетъ хръновникъ. Къ нему подаются взбитыя сливки.

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ И ДРУГИХЪ НЕСООБРАЗНОСТЕЙ, ВСТРѢЧАЕМЫХЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ МНОГИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. (Продолженіе).

Страсть новаго поколѣнія русскихъ писателей, или, какъ нынѣ пишутъ, какой-то *фуроръ*, щеголять, въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ, уродливыми словами собственной своей работы, выкроенными изъ чужестранщины, переступаетъ за все предѣлы, не смотря на то, нужно, или нѣтъ, для выражаемаго понятія, новое слово. Независимо отъ искаженія этимъ роднаго нашего языка, спросимъ, какъ теперь читателямъ, не знающимъ иностранныхъ языковъ, понимать русскіе сочиненія и переводы? Ужь, право, писателямъ этого разряда следовало бы, хотя изъ состраданія къ помянутымъ читателямъ, присоединять къ каждому литературному своему произведенію словотолкователь, гдѣ бы объяснялось значеніе словъ новаго издѣлія.

Примѣры такой самодѣльности читатели найдутъ въ слѣдующемъ первомъ пунктѣ.

1) *Ненужныя новосоставленныя слова иностраннаго происхожденія.*

»Онъ не станетъ вамъ *бравировать* всѣмъ, всѣмъ на свѣтъ, какъ другіе....« (От. Зап. Апр. 1853. Кто жъ остался доволенъ; стран. 180). Ну ужъ подумайте только, явилось и слово *бравировать*! А *пренебрегать*, *презирать*, *ставить ни во что*? Развѣ все эти слова устарѣли, вымерли? Умилосердитесь, господа, слова эти живутъ по прежнему, да и все юны. — Еще: *вамъ* — вовсе излишне.

»Атласъ необходимъ и для каждаго *туриста*, посѣщающаго Москву; иначе ему трудно будетъ *ориентироваться* и избѣжать *зависимости овладѣвшаго* имъ извозчика.« (Тамъ же. Библиограф. Хрон., стр. 46). Здѣсь, вмѣсто *туриста*, можно было бы употребить которо-нибудь изъ общихъ названій: *пріѣзжій*, *путешественникъ*; а вмѣсто: *ориентироваться*—*знать мѣстность*, *знать дорогу*. Далѣе: если извозчикъ *овладѣетъ* нами, то, по самому здравому смыслу, не поможетъ ни атласъ и ни что. — Наконецъ: не *зависимость извозчика*, а *зависимость отъ извозчика*; первое значить, что извозчикъ находится въ зависимости, последнее же,—что отъ извозчика находятся въ зависимости; а последнее-то и надобно было сказать.

»Древней резиденціи русских Царей.« (Тамъ же). Куда же дѣлось родное наше слово *столица*?

»Сказалъ совѣтникъ и сконфузился.« (От. Зап. Май, 1853. Кто жь остался доволенъ, стр. 29). — »Совѣтникъ былъ сконфуженъ, какъ двушка.« (Тамъ же, стр. 38). — »Воронскій былъ, казалось, сконфуженъ болѣе Нины.« (От. Зап. Апр. 1853. Словесн., стр. 180). Почему бы, вмѣсто: *skonфyзиться*, не употребить: *смутиться, смѣшаться, прийти въ смущеніе, въ замѣшательство*?

»Цивилизованное общество.« (С.-Пб. Вѣд. 1853. Фѣлет., стр. 429). *Просвѣщенное, образованное* не только не хуже, но еще лучше, чѣмъ *цивилизованное*; потому что первое прилагательное не заморское, а наше родное.

»Наши оппоненты.« — »Плохо же г. оппонентъ отстаиваетъ интересъ науки.« (От. Зап. Мартъ 1853. Смѣсь, стр. 34 и 36). Когда есть *противники*, то можно бы обойтись и безъ *оппонентовъ*. Да и вмѣсто *интересъ*, можно бы сказать: *пользы, достоинство* науки.

»Небольшія модификаціи въ мнѣніяхъ уезднаго города.« (От. Зап. Апр. 1853. Слов., стр. 92). А на что же *видоизмѣненія*? Да *модификаціи* не идуть здѣсь и потому, что искусные писатели и слова приноравливають къ предметамъ, о которыхъ они говорятъ. Здѣсь рѣчь объ обществѣ уезднаго города. Ну, гдѣ вы тамъ услышите слово *модификаціи*!

»Событія обыкновенно представляются въ двойственномъ видѣ: сначала въ общемъ и отвлеченномъ, а потомъ въ ихъ живой конкретности.« (Тамъ же; критика, стр. 38). *Конкретность* противоположна *отвлеченности*; а потому, не яснѣе ли и не лучше ли было бы сказать: въ *вещественности*, и притомъ не *ихъ, а своей*?

»Дѣйствовать на природу культурою.« (Тамъ же, стр. 45). Понятіе, заключающееся въ словѣ *культура*, выражается удовлетворительно словомъ: *воздѣланіе*.

»Изъ всѣхъ естественныхъ опредѣлений самое сильное и твердое то, которое принадлежитъ самой расѣ или породѣ людей.« (Тамъ же, стр. 49). Что такая за *раса*? Хорошо еще, что прибавлено: или *порода*; да есть и еще: *племя*. Къ чему же *раса* слово не нужное и смѣшное? Послѣ этого, перекраивайте всѣ иностранныя слова на русскую мѣрку, составляйте новый языкъ, новую азбуку, новый словарь, и проч. Названіе этому языку будетъ: *Искаженный Русскій языкъ*.

»Эти мальчишки ужасно выросли; они васъ (свою мать) *компрометируютъ*.« (Тамъ же. Дина, стр. 30). Здѣсь вмѣсто *компрометируютъ*, надобно было сказать: *выставляютъ васъ въ неблагопріятномъ видѣ*; нужды нѣтъ, что нѣсколько словъ, за то понятно и по-русски. Если же хотите, то можете выразиться и однимъ словомъ, сказавъ: *выдаютъ* васъ.

»Иллюзія скоро падаетъ.« (От. Зап. Мартъ; 1853. Дина, стр. 63). Почему же *иллюзія*, когда у насъ есть *обаяніе*, *обольщеніе*, *очарованіе*? Не *падаетъ*, а *разрушается*, *пропадаетъ*.

»Тогда въ ней былъ *экстазъ*.« — »Здѣсь онъ весь *экстазъ*.« — »Мишель же усѣлся въ нѣмомъ *экстазѣ*.« — »*Экстазъ* молодой дѣвушки.« — »Въ горестномъ *экстазѣ*.« (Тамъ же, стр. 92, 96, 97, 118). Этимъ *экстазамъ* въ романѣ *Дина* нѣтъ конца. А что бы писать чисто и по-русски: *восторженность*; да и не всѣхъ поминутно надѣлять *экстазомъ*?!

»Хаджи отличается своимъ *тривіальнымъ* остроуміемъ.« (От. Зап. Апр. Библиогр. Хрон. стр. 83). Не лучше ли было бы, вмѣсто: *тривіальнымъ*, сказать: *пошлымъ*, *площаднымъ* остроуміемъ.

»*Мотивировать* дѣйствіе самою природою созданныхъ характеровъ.« — »Но мы хотѣли, чтобъ героизмъ послѣдняго былъ болѣе *мотивированъ*.« (Тамъ же, стр. 102 и 106). Вмѣсто *мотивировать* дѣйствіе самою природою, и т. д., мы сказали бы: *основать* дѣйствіе на самой природѣ, и т. д. Подобно тому, и въ послѣдней изъ двухъ приведенныхъ фразъ, хорошо выразилась бы мысль автора словами: чтобъ героизмъ послѣдняго *имѣлъ болѣе основаній*.

»Она (Марья Андреевна — лицо изъ комедіи: »Не въ свои сани не садись«), къ несчастью, даже не лишена нѣкоторой наклонности къ *резонерству*.« (Тамъ же, стр. 107). Зачѣмъ намъ иностранное *резонерство*, когда есть русское *умничанье*?

»Въ Хлестаковѣ тоже не Богъ-знаетъ какъ великъ нравственный *фондъ*.« (Тамъ же, стр. 110). Мы оставили бы здѣсь въ покоѣ *фондъ*, если бы не было у насъ, въ смыслѣ, здѣсь принятомъ, слова: *запасъ*.

»Ознакомься съ *фабулою*, которая послужила основою.« — »Художественно-развитая *фабула*.« (Тамъ же, стр. 117 и 118). Но почему же *фабула*, а не *басня*; это слово здѣсь самое соответственное, употреблялось и нынѣ употребляется въ этомъ значеніи.

»Онъ не боится никакого скандала.« (Моск. Вѣд. 1853. № 43; Лит. Отд., стр. 444). Скандалъ могъ бы здѣсь удовлетворительно замѣниться *огласкою*.

»Астрономовъ и навигаѳоровъ.« (Тамъ же; № 40; Лит. Отд., стр. 409). Зачѣмъ же *навигаторовъ*, а не *мореходцевъ*, *мореплавателей*?

»Сдѣлавъ нѣсколько *туровъ* взадъ и впередъ.« (От. Зап. Мартъ, 1853. Тяжба, стр. 245). А лучше бы, безъ нужды, не заимствоваться у другихъ, а довольствоваться своимъ добромъ, и сдѣлать нѣсколько, не *туровъ*, а *переходовъ*.

»Нѣмцы странные *характеристы*.« (Отеч. Зап. Дина, стр. 49). Новое слово *характеристъ* употреблено здѣсь въ смыслъ челоуѣка, узнающаго по характеру другаго, какой онъ націи. Но скорѣе *характеристъ* можетъ означать челоуѣка, подмѣчающаго вообще особенности въ другихъ.

»Катерина Михайловна была нѣсколько *ажитирована*.« (От. Зап. Апр. 1853. Словесн. стр. 226). *Ажитирована* — слово вовсе не нужное, когда у насъ есть: *взволнована*.

Какой наплывъ новыхъ, и все заимствованныхъ у иностранцевъ, словъ! Вѣроятно, почти ни одно изъ этихъ словъ не усвоится русскому языку; это словесное наводненіе минетъ, и нашъ богатый родной языкъ всплыветъ на верхъ въ прежней своей чистотѣ. Но все же не утѣшительно такое ложное направленіе бѣльшей части современнаго юнаго поколѣнія писателей.

2) *Еще новыя неудачныя слова, но не иностраннаго, а русскаго происхожденія:*

»Разметать въ нихъ (въ первыхъ основаніяхъ историческихъ обществъ) разныя народныя *особи*.« (От. Зап. Апр. 1853. Критика, стр. 50). Слова *особъ* нѣтъ; *особенности*—другое дѣло.

»Сдѣлать *войнолюбіе* господствующею страстью на долгое время.« (Тамъ же; стр. 58). *Войнолюбіе*—слово новое, составленное по образцу словъ: челоуѣколюбіе, трудолюбіе, и пр.; но слово это какъ-то неблагозвучно; намъ кажется, слѣдовало бы выразиться просто: *заставить народъ пристраститься къ войнѣ*. Или, не лучше ли было бы слово: *воинственность*?

3) Галлицизмъ:

»Сдѣлали ему репутацію. (Соврем. Май. 1853. Литер. характеръ, стр. 105). Эта фраза есть чистый галлицизмъ—faire la réputation; на хорошемъ русскомъ языкѣ говорится: *доставили ему извѣстность*.

4) Неестественныя и неправильныя метафоры:

»Васильевъ стоялъ предъ нимъ съ печатью страшной истомы на лицѣ.« (От. Зап. Янв. 1853. Дина, стр. 45). Знаю, что метафора эта во всеобщемъ употребленіи, но считать ее ложною я имѣю слѣдующую причину: *печать* налагается только на *одномъ* извѣстномъ мѣстѣ, письма или чего бы то ни было; слѣдовательно, она можетъ служить отличительнымъ признакомъ не *цѣлаго*, а только *части* его; а истома разливаема на *всеми* лицѣ. Вотъ почему, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, я считалъ бы болѣе естественнымъ, существительное *печать* замѣнять словомъ: *выраженіе*.

»Этотъ вздохъ, не разъ *мелькая* въ его воспоминаніяхъ, *былъ* ему самому смѣшонъ.« (Тамъ же, стр. 57). *Вздохъ мелькаетъ въ воспоминаніяхъ*—натянута и неестественно; при томъ, въ соответствіе съ главнымъ глаголомъ *былъ*, нужно было двепричастіе употребить въ прошедш. времени: *мелькавъ, промелькнувъ*. Чтѣ бы выразиться безъ натяжки: *приходитъ на память?*

»Наша публика, господа, какъ Янусъ, въ эту минуточку смотритъ въ двѣ совершенно противоположныя стороны—одной стороною головы повернулась она къ станціямъ желѣзныхъ дорѣгъ, а другою глядитъ на острова и высматриваетъ дачи. Куда *глядитъ*, туда и *стремится*.« (Спб. Вѣд. 1853. № 105, стр. 429). Какимъ образомъ публика, имѣя, какъ Янусъ, одно лице сзади, другое спереди, и глядя, въ одно и то же время, въ двѣ совершенно противоположныя стороны,—куда *глядитъ* туда и *стремится*? Какъ *одному и тому же*, въ одно и то же время, бѣжать въ двѣ противоположныя стороны? Непостижимо!

»Глаза большіе, яркіе, съ густыми, прямыми рѣсницами, рѣзко *выдающіеся* (*выдававшіеся*) на *фарфоровомъ* блякѣ.« (От. Зап. Мартъ, 1853. Дина, стр. 7). *Фарфоровый блякъ!* Можно ли возвысить твореніе природы сравненіемъ его съ произведеніемъ искусства?

Разумется, нѣтъ. На оборотъ — правда: никогда искусство не достигнетъ того совершенства, которое проявляется въ самыхъ малыхъ произведеніяхъ природы. Она обладаетъ такими тайнами, которыхъ не проникнуть человѣку вовекъ. Да и помилуйте, что за похвала главному блоку названіе его *фарфоровымъ*? Блокъ глаза имѣетъ свой блескъ, свою жизненность, а самый превосходный фарфоръ мертвень.

»Быть-можетъ, двадцать разъ чувство *стучалось* въ ея жизнь.» (Тамъ же, стр. 24). — »Онъ *стучался* въ дверь каждой ея мысли.» (Тамъ же, стр. 35). Чувство (не *чувство*, а *чувствованіе*) *стучится* въ жизнь — натянуто, неестественно: чувствованія истекаютъ *изнутри* человѣка, а не *входятъ снаружи*, какъ представлено авторомъ. Такъ же не естественно, принужденно выраженіе: человѣкъ, *стучащійся въ дверь* мысли другого.

»*Зажечь* улыбку.» (Тамъ же, стр. 25). Улыбка не *горитъ*, а потому ее нельзя *зажечь*; улыбка *играетъ*; ее можно *пробудить*, *вызвать*.

»Она страдала при одной мысли, что онъ можетъ *оставить ее за рубежомъ его привязанности*. (Тамъ же, стр. 27). Не странно ли, въ обыкновенномъ разсказѣ, вмѣсто того, чтобы написать: *не любить*, выражаться такою, очевидно насильственной фразой: *оставить за рубежомъ привязанности*; не *ею*, а *своей*.

»Глаза тихіе и глубокіе, какъ *грустная мысль*.» (Тамъ же, стр. 34). Никогда не должно брать сравненій отъ *отвлеченныхъ* предметовъ: можетъ ли безжизненное придать жизнь и картинность? Для достиженія сего послѣдняго, заимствуйте предметы изъ *видимой природы*. Это оживотворить, олицетворить вашу мысль.

»Бллая акація *облокачивается* на крышу. (Тамъ же, стр. 119). Ну ужъ, какъ хотите, а акація никогда не *облокачивается*, потому что у ней нѣтъ ничего похожаго на локти.

5) Несоотвѣтственные слова и выраженія:

»Жизнь не *оборвала* еще ни одного листка поэзіи съ души его.» (От. Зап. Янв. 1853. Дина, стр. 57). Одинъ листокъ *срываютъ*, а *н. обрывать* выражаетъ, что сорвано много.

»Никогда еще не представляется онъ (фельетонъ) въ такомъ смѣлшемся состояніи.» (Тамъ же; Критика, стр. 49). Фельетонъ въ

силыящяся состоящиі—выраженіе неприличное и смѣшное. Не правыливе ли и благороднѣе было бы сказать: въ *напряженномъ* состоящиі ?

»Голова, которая хочеть сама все *видѣть*, непременно обратится къ помощи ногъ.« (Спб. Вѣд. 1853. № 105, стр. 429). Кто же скажетъ: *голова видѣть?* Видятъ *глаза*, а не голова.

»Съ каждымъ новымъ произведеніемъ авторъ *пріобрѣтаетъ* все болѣе и болѣе *вниманіе* читателей.« (Пант. Апр. 1853. Петерб. Вѣстн., стр. 7). *Пріобрѣтатъ вниманіе* — не говорятъ; *обращать* на себя *вниманіе*—такъ; а *пріобрѣтатъ*, напр., *довѣріе* читателей—было бы выраженіе правильное.

»Для *храбраго*, *всею* *моцью* *читательской* *силы*, *одоленія*, во второй или третій разъ ея изученія, какой бы то ни было книги, необходимы первоклассныя высшія ея достоинства.« (Т.-же, стр. 52). *Храбраго*, *всею* *моцью* *читательской* *силы*, *одоленія* — да это выраженіе такъ тяжеловѣсно, что рѣдкій изъ читателей вынесеть его на своихъ плечахъ. Разродиться такимъ выраженіемъ подъ силу было бы только Тредьяковскому.

»Человѣкъ весьма *рѣзкаго* характера.« (Тамъ же, стр. 53). Какой это *рѣзкій* характеръ — не понимаемъ.

»А что такое были эти *слова*? обыкновенныя *вещи*.« (От. Зап. Май. 1853. Кто жь остался доволенъ, стр. 6). Писатели наши такъ во зло употребляютъ слово *вещь*, что и выразить того нельзя: у нихъ, и явленія природы, и системы, и умъ, и даже человекъ — все *вещи*. Вотъ здѣсь, напр., *слова* названы *вещами*; а похожи ли *слова* на *вещи*? *Слова* выражаютъ понятіе *отвлеченное*, а *вещи* доступны *чувствамъ*.

»Воронскій *слегка* *вытаращилъ* глаза.« (Тамъ же, стр. 11). — Воронскій *немного* *вытаращилъ* глаза.« (От. Зап. Апр. 1853. Кто жь остался доволенъ, стр. 186). — »Онъ опять *немного* *вытаращилъ* глаза.« (Тамъ же). Если *вытаращилъ*, то ужь не *слегка* и не *немного*; можно бы сказать: глаза его *нѣсколько* *разширились* или *раздвинулись*.

»Измученная тремя недѣлями напрасныхъ ожиданій, безплодныхъ встрѣчь, *далекихъ* *поклоновъ*.« (Тамъ же, стр. 13). *Поклоновъ* не *далекихъ*, а *издалека*.

»Советникъ не зналъ, куда ушла его *несмыслость*.« (От. Зап. Май. 1853. Кто жь остался доволенъ, стр. 283). Въмѣсто отрицательнаго слова, выражаютъ мысль эту прямо: *робость*, *застѣнчивость*.

»Но можемъ ли мы, въ извѣстныхъ чертахъ ребенка, угадать будущую фizioномію человека, и въ самомъ темпераментѣ гeнiя открыть *задатки* его будущаго характера.« (Совр. Май 1853. Лытер. Характеръ, стр. 93). *Задатки*, здѣсь слово вовсе неумѣстное, употребляемое въ *обыкновенныхъ практическихъ житейскихъ дѣлахъ*, а не тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о *гeнiи*. *Проявленіе, зародыши* просятся въ вашу фразу.

»Желаніе мое побѣгать по двору должно было оставаться не болѣе, какъ желаніемъ, *преимущественно* потому, и т. д.« (От. Зап. Мар. 1853. Святки, стр. 2). *Преимущественно* — слово, годящееся въ *ученую* рѣчь, а въ обыкновенномъ разсказѣ неумѣстно.

»*Опускаемъ* затѣмъ слѣдующіе два нумера.« (От. Зап. Май, 1853. Крит. стр. 13). — »Почему онъ *опустилъ* здѣсь *фельдшеровъ*.« (Тамъ же, стр. 19). Не *опустить*, а *пропустить*, *выпустить* *пройти молчаніемъ*.

»Геперь, счастливый и любя самъ, онъ былъ еще *способиле* на *участіе*.« (От. Зап. Май. 1853. Кто жъ остался доволенъ, стр. 38). *Способиле* относится къ *уму*, а *участіе* дѣло *сердца*; и потому, *способиле на участіе* сказать нельзя. Напишите: »Онъ былъ еще болѣе *расположенъ* къ участію, — и было бы прекрасно.

»Съ *мрачныхъ волненіемъ* во взоръ.« (Тамъ же, стр. 45). *Волненіе* выражаетъ *движеніе*, *мрачность*—*отсутствіе свѣта*; какое же соответствіе между волненіемъ и мрачностію? *Слѣдовательно, мрачнаго волненія* во взоръ не бываетъ. *Мрачный* можно бы замѣнить прилагательнымъ *превозжнный*.

»Бѣлагипъ смотрѣлъ на нее *долго* и *пристально*; она не видала этого *взгляда*.« (От. Зап. 1853. Май. Кто жъ остался доволенъ, стр. 6). — Вдругъ встрѣтилъ яркіе глаза доктора, которые *впихались* въ него *давно* съ выраженіемъ глубокаго отчаянія. Онъ понялъ все, что было въ этомъ *взглядѣ*.« (Тамъ же, Февр. Дина; стр. 38). — »Только *взглядъ* нѣмага отчаянія остановился на *фигурѣ* большаго.« (Тамъ же, стр. 45). — »*Взглядъ* этотъ *обвелъ* *медленно* каждую красивую черту этого лица.« (Тамъ же, Мартъ. Дина; стр. 55). Во всѣхъ этихъ четырехъ фразахъ слово *взглядъ* унотреблено не кстатѣ; потому что взгляду не соответственны ни *смотреть долго* и *пристально*, ни *впихаться* въ предметъ, ни *останавливаться* на немъ, ни *обводитъ* его *медленно*; со *взглядомъ* соединенно понятіе о *блжлости, скоротечности*; *взглядъ бросають*. Здѣсь вездѣ, вмѣсто *взгляда*, должно было писать: *взоръ*. Сей послѣдній выражаетъ *продолжи-*

тельное устремленіе, и онъ можетъ и долго вливаться въ предметы, и останавливаться на нихъ, и обводитъ медленно предметъ, и смотритъ долго и пристально. Далѣе: что за фигура большаго; скажите просто: взоръ отчаянія остановился на больномъ.

»Мое *мраморное* спокойствіе.« (Тамъ же; стр. 46). Нѣтъ, *спокойствіе* нельзя называть *мраморнымъ*; *мраморность* относится къ *вещественности*, а *спокойствіе* выражаетъ *отвлеченное* понятіе.

»Театръ *отпичаль* городу и вкусу его жителей.« (Тамъ же; стр. 48). Не *отпичаль*, а *соотвѣтствоваль*, *согласовался*.

»Ряды *молодыхъ* и *поблѣклыхъ* глазъ, которые *сверкали* какъ нити *брильянтовъ*, *сверкали* согласнымъ *блескомъ*.« (Тамъ же; стр. 48). Ну, подумайте только, какое соотвѣтствіе между *поблѣкlostью* и *сверканіемъ*, независимо отъ того, что *поблѣкlostь* относится къ *цвѣту*, а *сверканіе* — къ *свѣту*; *поблѣклое*, какъ лишенное *яркости*, *сверкать* не можетъ.

»Воротникъ его *нелюбаго* сюртука. (Тамъ же; стр. 54). Для *любовности* нужно быть существомъ *разумнымъ*, одареннымъ *волею*; а сюртукъ — *вещь*.

»Мы живемъ такъ *коротко*.« (Тамъ же; стр. 64). Ктѣ же говорить: *жить коротко*; говорить: *жить малое время, не долго*.

»Отдали ужъ свой *приговоръ*.« (От. Зап. Мартъ. 1853. Тяжба, стр. 242). *Приговоръ* не *отдаютъ*, а *произносятъ*, *объявляютъ*.

»Перемѣшанные цвѣты иногда не совсѣмъ *гармонизуютъ другъ съ другомъ*.« (Моск. Вѣд. Лит. Отд. 1853. № 40, стр. 411). Почти вообще употребляютъ у насъ выраженіе: *другъ съ другомъ*, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о предметахъ *бездружныхъ* и *оталеченныхъ*; но, по нашему мнѣнію, это дѣлается неправильно; выраженіе: *другъ съ другомъ*, прилично, какъ показываетъ и самое существительное имя *другъ*, только въ отношеніи къ *человѣку*, или другимъ существамъ, одареннымъ *жизнію*; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, надобно *другъ съ другомъ* замѣнять словами: *одинъ съ другимъ, между собою*.

»Высоко *взбѣгала* къ небу башня, *распустивъ* въ воздухъ *вычурныя крылья*.« (От. Зап. Мартъ. 1853. Китай въ 1849—50 г.; стр. 20). Если башня стремилась вверхъ, *распустивъ крылья*, то уже она не *взбѣгала*, а *влетала*.

»*Сплыхъ* колосьевъ.« (Моск. Вѣд. 1853. № 50. Лит. Отд., стр. 513). Яблоки, груши — *сплхютъ*, а колосья — *зрхютъ*.

»Геній родится съ человекомъ и покоится въ особенностяхъ его организма. (Совр. Май. 1853. Литер. характеръ, стр. 88). *Особенность* слово отвлеченное, а здѣсь нужно слово, выражающее вещественность. Да притомъ, *особенность* совсѣмъ не то, что *отдѣльная часть*, а это послѣднее авторъ и имѣлъ въ виду.

»Философствующій Локкъ или *арифметическій* де-Муавръ.« (Тамъ же, стр. 87). Задачу можно назвать арифметическою, а человеку не идетъ прилагательное *арифметическій*. *Арифметикъ* де-Муавръ — было бы правильно.

»Въ рѣчи его не замѣчается недостатка словъ, и нѣтъ ни малѣйшей *распущенности*.« (Отч. Зап. Апр. 1853. Критика, стр. 32). *Распущенность* значитъ *расплываемость*, и не идетъ здѣсь къ рѣчи, а нужно слово въ противоположность *недостатку словъ*, напр., *излишняя плодovitость*, *растянутость*.

»Въ путешествіи по Сѣверной Персіи, часто *случается* слово *пешкешъ*.« (От. Зап. Апр. 1853. Библ. Хрон., стр. 87). Нѣтъ: слово не можетъ *случаться*; слово можетъ *встрѣчаться*, *попадаться*; или же *случается* *встрѣтить* какое-нибудь слово.

»Всякое новое, добросовѣстное изслѣдованіе о *строй* русскаго языка вноситъ новый элементъ въ грамматику, какъ въ науку.« (Тамъ же, стр. 94). *Строй* вовсе не имѣетъ того значенія, въ которомъ онъ здѣсь употребленъ; здѣсь требовалось слово: *устройство*, *строеніе*.

»Старикъ *размичается*.« (Тамъ же, стр. 111). Въ отвлеченномъ смыслѣ, употребляется глаголъ: *смигаться*; а *размичаться* относится, въ буквальномъ смыслѣ, къ вещественности.

»Послѣ того, какъ первый *порывъ озорченія* немного утихъ.« (От. Зап. Мартъ, 1853. Тяжба, стр. 299). *Озорченіе* почти то же, что *неудовольствіе*, и есть чувствованіе не глубокое; но *порывъ* можетъ быть только у сильныхъ ощущеній; поэтому, *порывъ* не *озорченія*, а *горести*.

»Она стояла твердо и спокойно, смотря на *встрѣчу* грозному небу и бурь.« (Тамъ же, стр. 300). На *встрѣчу* мы можемъ смотреть только тому, что къ намъ подвигается, чего въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. *Взирая* прямо на грозное небо и бурю — было бы лучше.

»Зной *ниспадаетъ*.« (От. Зап. Мартъ, Китай въ 1849—50 г., 1853. Стр. 6). Подумаешь, что авторъ хотѣлъ сказать, что *зной*

сходить на землю, а онъ имѣлъ въ мысли совсѣмъ противное, т.-е. что зной проходить.

»Надобно по-крайней-мѣрѣ, чтобъ она (исторія) *прошла* напередъ очень *долгую школу.*» (От. Зап. Апр. 1853. Критика, стр. 55). Ни *пройти школу*, ни *домая школа* сказать нельзя; надобно было выразиться просто: *чтобы она долго изучала.*

»Между ними *проходить* очень тѣсная *связь.*» (Тамъ же). Связь не *проходить*, а *находится, существуетъ*: *связь* выражаетъ понятие отвлеченное; *проходить* относится къ вещественности.

»Званіе его (доктора) *сближало* (кого?) съ домашней жизнью *пациентовъ*; онъ былъ невольнымъ *повѣреннымъ* многихъ нравственныхъ *язвъ.*» (От. Зап. Февр. 1853. Дина, стр. 36). Скажите по милость, могутъ ли *язвы* имѣть *повѣренныхъ*? Развѣ *свидѣтелей.* — Слово *пациентъ* годится только въ лечебникъ, а на обыкновенномъ языкѣ не только пишутъ, но и говорить: *больной.*

»Онъ закрылъ глаза и *позволилъ звѣздамъ смотреть на себя.*» (Тамъ же, стр. 38). Любопытно было бы знать, что за цѣль была тутъ въ виду у этого челоука? Ну да ужъ въ сторону цѣль, а попробуйте-ка не *позволить звѣздамъ смотреть на себя*? Развѣ вы сами спрячетесь отъ нихъ куда-нибудь въ подземелье, а ужъ звѣзды васъ не послушаютъ, сколько ни запрещайте имъ *смотреть на васъ.*

»*Гнусныя* заботы, окружающія меня, *гложутъ* мое сердце.» (М. Вѣд. 1853. № 50. Лѣт. Отд., стр. 514). *Гнусный*—слово неблагородное; между *окружающія* и *гложутъ* нѣтъ соответствія; скажите: заботы, *инльдцѣлся* во мнѣ, *гложутъ* мое сердце.

6) Грамматическія неправильности:

»Г. Бибииковъ *выступаетъ* съ того *положенія.*» (От. Зап. Мартъ, 1853. Критика, стр. 1). *Выступать* съ чѣмъ, а не съ *чего*; здѣсь настоящее слово: *начинаетъ.*

»Что за охота пугать дѣтей *исчисленіемъ* всѣхъ *страховъ*, могущихъ встрѣтиться челоуку.» (Тамъ же; Библ. Хрон. стр. 26). — »*Страхи*, *страхи* и *страхи.*» (Тамъ же, стр. 36). *Страхъ* не имѣетъ множествъ, числа, а потому нельзя писать: *страховъ.* Легко было избѣжать этого, сказавъ: *исчисленіемъ* всѣхъ *случаевъ*, могущихъ *навести на челоука страхъ.*

7) *Ложныя сужденія, мысли и мнѣнія:*

«Мы не присвоиваемъ себѣ права быть *исключительными защитниками* чистоты русскаго языка, особенно *чистоты условной*; мы разумѣемъ просто характеръ русскаго языка, который существовалъ до *появленія грамматикъ* и останется неприкосновеннымъ *по смерти этихъ грамматикъ*» (От. Зап. Мартъ, 1853. Библ. Хрон., стр. 27). Скольکو *ложнаго* въ одной этой фразѣ! *Первое:* какимъ образомъ, не только г. критикъ «Отечественныхъ Записокъ», но и кто бы то ни было, присвоить себѣ право быть *исключительнымъ защитникомъ* чистоты русскаго языка? Кто дастъ ему это право, и какъ запретить онъ другимъ, — что именно значить: *исключительный*, — отстаивать чистоту русскаго языка? Не только одного человека, но и цѣлаго заведенія съ такими правами не существуетъ. Сама наша Академія Наукъ не только не присвоиваетъ себѣ этого права, но еще всевозможно поощряетъ писателей къ охраненію отечественнаго языка нашего отъ искаженія. — *Второе:* что за *условная* чистота языка? Такой чистоты мы не признаемъ, а знаемъ только чистоту языка, истекающую изъ началъ его, и соответственную съ его духомъ; и эта чистота не *условная*, но *истинная*. — *Третье:* г. критику нашему пришло въ умъ первому отстаивать ту чистоту языка, которая *существовала до появленія грамматикъ* и *останется неприкосновенною по смерти этихъ грамматикъ*. Откуда почерпнулъ онъ такую премудрость? Ему извѣстно не только то, что было до основанія гражданскихъ обществъ, но даже и то, что будетъ не вѣсть когда; потому что это именно значить: *до появленія* и *по смерти грамматикъ*. — Наконецъ: все даетъ поводъ заключать, что г. критикъ ставить грамматику ни во что. Дѣло! Пишите въ добрый часъ! Смѣемъ только сказать, что, пока будетъ существовать образованность, грамматика не умретъ. Приведемъ еще г. критику слѣдующія слова одного отличнаго французскаго писателя: «Les humanités sont ainsi appelées, humaniores litterae, parce qu'elles rendent plus poli. La grammaire est la base des humanités.» (Génin). А сущность этой фразы заключается въ томъ, что грамматика есть основаніе словесныхъ наукъ, литературы.

«Первое, на что долженъ *мѣтить* сочинитель историческаго романа, это — душевное спокойствіе и *личная безопасность* читателя. Всякій знаетъ, что въ наше время не легко испугать читателя. Живемъ мы въ обществѣ благоустроенномъ, и, слѣдовательно, не

опасаемся за жизнь того, чью исторію начинаемъ читать. Такою увѣренностію читатель обезпечиваетъ себя отъ всевозможныхъ волненій. Слѣдовательно, первое, что долженъ сдѣлать сочинитель романа — перенести дѣйствіе въ то время, когда никто не можетъ поручиться ни за чью жизнь.» (Тамъ же, стр. 31). Все это разглагольствіе, и многое еще дальнѣйшее въ томъ же родѣ, чего мы не выписываемъ, явилось по поводу историческаго романа: *»Алексѣй Однорогъ.«* Какая связь между нашимъ благоустроеннымъ обществомъ и нынѣшнюю нашу безопасность, и между историческимъ романомъ, гдѣ описываются событія давно минувшихъ лѣтъ? Далѣе: какимъ образомъ личная безопасность читателя можетъ зависѣть отъ чтенія историческаго романа? Наконецъ: *Млѣтять на что* значитъ: *стараться чего достигнуть*; а авторъ употребляетъ это въ смыслѣ: *стараться что-либо разрушить*.

»Но этихъ метафизиковъ мы можемъ сравнить съ тѣми анатомами, подъ ножомъ которыхъ всѣ люди похожи другъ на друга; они видятъ въ каждомъ человѣкѣ тѣ же мускулы, тѣ же кости, тѣ же нервы; — но *невидимое начало жизни ускользаетъ отъ ихъ наблюдений.*« (Соврем. Май. 1853. Лит. Характеръ, стр. 8). Нечего сказать, и премудро и правосудно — порицать анатомовъ за то, что *невидимое начало жизни ускользаетъ отъ ихъ наблюдений!!!* Да вѣдь анатомъ дѣлаетъ наблюденія надъ трупомъ, слѣдовательно, надъ тѣломъ безжизненнымъ, какъ же ему въ *безжизненномъ* уловить *начало жизни*?

»Искусство, *подобно чловѣку*, тогда только можетъ уважать себя, когда его уважаютъ.« (Моск. Вѣд. 1853. № 50. Лит. Отд. стр. 514). Нѣтъ, бывали самые добродѣтельные люди жертвою всеобщаго презрѣнія, но неужели они *теряли самоуваженіе*? Я принимаю выраженіе: *уважать себя*, въ благородномъ и христіанскомъ значеніи, а не въ смыслѣ: *высоко ставить себя, возноситься*.

»Онъ любить говорить о смерти, и смотреть ей прямо въ лицо, какъ рѣшительный путникъ глядитъ на *тѣя*, *стрегущаго* его въ концѣ дороги, и идетъ къ нему *на встрѣчу* безъ удовольствія, но и безъ страха.« (Тамъ же). Благоразумный путникъ, если онъ знаетъ, что, въ концѣ дороги, *подстерегаетъ* его *разбойникъ*, не пойдетъ ему *на встрѣчу*, а *поспѣшитъ назадъ* или *скроется въ сторону*. *Тѣя* — слово, въ обыкновенной рѣчи неумѣстное, а должно быть замѣнено, какъ я только-что выразился, словомъ *разбойникъ*, да и не *стрегущій*, а, какъ тоже сказала я, *подстерегающій*.

8) Не-русскіе обороты рѣчи и выраженія:

»Ангулемская префектура, которую сынъ префекта, мой школьный товарищъ, показывалъ мнѣ однажды *объ вакаціяхъ*.« (Спб. Вѣд. 1853. № 103. Фельет., стр. 421). *Объ вакаціяхъ* — неправильно и употребляется только людьми не довольно грамотными и простонародіемъ. Предлогъ *о* (*объ*) вовсе не имѣетъ значенія: въ продолженіе, въ теченіе; можно было сказать: *въ вакаціи*.

»*Два другіе человека* были Теодоръ Бюреттъ и Просперъ Меньеръ.« (Тамъ же). На чистомъ русскомъ языкѣ, вмѣсто: *два другіе человека*, мы читали бы: *двое другихъ*.

»*Не написать* ни одной порядочной мысли.« (С.-П.-б. Вѣд. 1853. № 105. Фельет. стр. 429). *Написать мысль* — выраженіе не русское; по-русски: *выразить, изложить мысль*.

»Тутъ (во введеніи къ сочиненію г. Ковальскаго) читатели *найдутъ* вмѣстѣ нравы и занятія Русскихъ и коренныхъ жителей, Зырянъ, Остяковъ и Самоѣдовъ, ихъ мужскую и женскую одежду, ихъ свадебные и похоронные обряды, трудности и удобства сообщенія, состояніе погоды, и т. д.« (От. Зап. Май. 1853. Критика, стр. 13). *Нѣтъ, тутъ не найдешь* ни того, ни другаго, и ничего изъ всего этого, а *прочтешь* только *описаніе* вышесказаннаго.

»Можно было *наскучиться* до-сыта.« (Тамъ же. Кто жъ остался доволенъ, стр. 2). *Наскучиться* — такого слова у насъ нѣтъ; *скучать, соскутиться* — есть.

»Одно не нужно, другое *не должно*.« (Тамъ же, стр. 5). Другое *не должно* — неправильно; надобно было добавить: *быть*.

»*Науковый* организмъ.«—Особые *науковыя* приемы.«—»*Научными* выводами.« (От. Зап. Мартъ, 1853. Смѣсь, стр. 34 и 35). Оба эти новыя слова хороши, благозвучны, и потому, можетъ-быть, будутъ усвоены языкомъ, тѣмъ болѣе, что они замѣнили бы слово иностраннаго происхожденія: *сциентифическій*. Жаль только, что писатели употребляютъ безразлично одно вмѣсто другаго, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Между тѣмъ, *науковый* должно бы значить: собственно принадлежащій наукѣ, а *научный* — замѣствованный изъ науки.

Музыка-поэтъ. »Тамъ, говоритъ авторъ, надо всеѣмъ носится глубокой *принципъ* души поэта—*грусть глубокая* и безропотная: такова музыка Шопена.« (От. Зап. Мартъ 1853. Дипа, стр. 49).

Музыка-поэтъ! Какъ дѣлать составное слово изъ *музыки* и *поэта*? Поэтъ—лице, музыка—искусство; *музыка-поэзія*—на что-нибудь было бы похоже; а настоящее здѣсь выраженіе—*поэтическая музыка*. Далве: неужели всякая поэтическая музыка непременно выражаетъ *глубокую грусть*; и *веселая* музыка можетъ быть поэтической: въ *радости* столько же поэзіи, какъ и въ *грусти*; *улыбка* заключаетъ въ себѣ столько же поэтического, какъ и *слезы*. Еще: ко *грусти* не идетъ прилагательное *глубокій*: *глубокую* бываетъ только *горестъ*, а *грусть* — чувство *легкое*, *поверхностное*. Наконецъ: *принципъ* свой, вовсе не долженствующій быть въ Русскомъ языкѣ, ужъ хотя ограничьте учеными и философическими статьями, а въ изящной литературѣ онъ просто невыносимъ. — *Тамъ все соединяется.* — *Съ чѣмъ?*

Не свойственно духу нашего языка, составлены также, по образцу *музыки-поэта*, *музыка-благовоніе*, *музыка-страсть*, *музыка-своекравіе*, *музыка-исторія*. (Тамъ же, стр. 49, 50).

9) Неправильное словосочиненіе:

»*Приворотъ* г. Ковальскаго *о трудахъ* гг. Иванова, Березныхъ и Крузенштерна.« (От. Зап. Май. 1853. Библ. Хроника, стр. 3). *Приворотъ* не *о чѣмъ*, а *чему*.

»*Трепеща* *улышиашь*.« (Пант. Апр. 1853. Петерб. Вѣстникъ, стр. 52). Не *трепеща*, а *страиашь* услышать; *трепетать* — *чего*, управляетъ не глаголомъ, а существительнымъ именемъ.

»*Вся вспыхнувъ* на это привѣтствіе.« (Отч. Зап. Май. Кто жь остался доволенъ, стр. 16). Развѣ *вспыхнуть* на *что*? По-русски говорится: *вспыхнувъ при этомъ привѣтствіи*.

»*Выплясываетъ* потомъ по раскаленному желѣзу.« (Соврем. Май, 1853. Литерат. характеръ, стр. 81). Если вы написали: *выплясываетъ*, то скажите: *что*? одинъ не употребляется этотъ глаголь.

»*Успокоиваетъ* ужъ не я, а онъ меня.« (От. Зап. Апр. 1853. Ст. стр. 168). *Успокоиваетъ* я?

»*Благиня попросилъ* у нея *мазурку* на первомъ слѣдующемъ балѣ.« (Тамъ же, стр. 204). Нѣтъ, онъ *не просилъ* у нея *мазурки*, а *попросилъ* ее на *мазурку*.

»*При входѣ* въ деревню, *насъ* привѣтствовало все народонаселеніе.« (От. Зап., Февр. 1853. Мовбланъ, стр. 80). По этому слово-

сочиненію, мы должны думать, что все народонаселеніе входило въ деревню, а между тѣмъ, входили въ нее лица, означенныя словомъ *намъ*. Слѣдовало сказать: при входѣ *нашемъ* въ деревню, или: мы были *присутствуемы* всѣмъ народонаселеніемъ.

»*Не зная искусства править, намъ случалось не одинъ разъ на срединѣ пути перевернуться и скатиться головою внизъ.*» (Тамъ же, стр. 79). Здѣсь нужно было мѣстоимевіе въ именительномъ падежѣ, а не дательный *намъ*, и вышло бы: мы не разъ перевертывались и скатывались.

»*Совершенно-равнодушенъ для всѣхъ чувствъ.*» (От. Зап. Мартъ 1853. Дина, стр. 52). Равнодушенъ не для чего, а къ чему; да и не къ чувствамъ, а къ чувствованіямъ.

»*Чужія дыла дѣлаются спуска рукава.*» (От. Зап. Мартъ, Дина, стр. 108). Неужели дыла спускаютъ рукава, а по этому словосочиненію выходитъ такъ.

»*Основываясь на тѣхъ же самыхъ правахъ, имъ не трудно, и т. д.*» (От. Зап. Мартъ, 1853. Тяжба, стр. 240). Опять, вмѣсто именительнаго падежа: они, дательный: имъ.

»*Онъ подвергъ свои опыты на разсмотрѣніе Араго, Біо и Гейлюссака.*» (Москов. Вѣд. 1853. № 58, Лѣт. Отд., стр. 593). Подвергъ — чему, а не на что.

»*Когда вникаешь въ то, что говорится, что дѣлается, о чемъ думаютъ или будто думаютъ, важи овладѣваетъ чувство нравственнаго упадка и безнадежности.*» (Моск. Вѣд. 1853. № 42, Лѣт. Отд. стр. 43). Если вникаешь, то не важи, а тобою. Сверхъ того, важи овладѣваетъ чувство нравственнаго упадка значитъ: вы чувствуете въ себѣ нравственный упадокъ, а между тѣмъ, авторъ имѣлъ намѣреніе сказать, что вы чувствуете нравственный упадокъ другихъ.

»*По окончаніи университетскаго курса, дядь мой отправилъ моего отца путешествовать по чужимъ краямъ.*» (Москов. Вѣд. 1853. № 50, Лѣт. Отд., стр. 501). Подумаешь, что дядь кончилъ университетскій курсъ, а между тѣмъ, кончилъ его сынъ этого дяди. Чтò бы написать: отецъ мой отправленъ былъ моимъ дядомъ.

»*Постарье и поопытныя играютъ въ шахматы, молодые бьются на шпагахъ.*» (От. Зап. Янв. 1853. Пѣснь о Роландѣ, стр. 4). Здѣсь постарье и поопытныя кажутся нарѣчіями, относящимися къ глаголу играютъ, а это прилагательныя къ модямъ; т.-е. надо было, для правильности и ясности, сказать: *которые постарье и поопытныя, тѣ* играютъ въ шахматы.

10) Разнаго рода ошибки и неправильности.

»Чтобъ уловить звуки знакомаго голоса, говорившаго, казалось, тихимъ, но довольно-веселымъ тономъ.« (От. Зап., Мартъ, 1853. Тяжба, стр. 302). Голось не *говорить*, а только *издаетъ звуки*; *говорить же человекъ*.

»Покупаетъ *есть черепахи*.« (Тамъ же, Китайъ въ 1849 и 1850 г., стр. 40). По грамматикѣ: *естьхъ черепахъ*; это не вещь, не отвлеченный предметъ.

»*Нью-Йоркъ*.« (Моск. Вѣд. 1853. № 50. Литер. Отд., стр. 513). Предъ гласною *о* должно стоять не осмеричное *И*, а десятиричное *І*.

»*Ничего* въ хозяйствѣ не подавало повола къ дурному отзыву.« (Тамъ же, стр. 501). Здѣсь нуженъ именительный падежъ, и потому не *ничего*, а *ничто*.

»А все это *дивныя чудеса*.« (Сѣв. Пч. 1853. № 108. Пчелка, стр. 431). Видно *чудеса* бываютъ и не *чудесныя* (*дивныя*).

»*Закрываетъ покровомъ* изящнаго.« (Тамъ же, № 105. Пчелка, стр. 418). *Маслитъ масломъ!!!*

»Ахъ! какія тутъ *правды!*« (Тамъ же). *Правда* не имѣетъ множественнаго числа.

»Онъ (Индвѣць) *рисуетъ* свое тѣло.« (Отеч. Зап. Мартъ, 1853. Смѣсь, стр. 63). *Рисовать тѣло* значить: *начертывать его изображеніе*; а здѣсь было въ виду сказать: испещрять свое тѣло красками, что выражается словами: *разрисовываетъ, расписываетъ*.

»А то, пожалуй, *супружеское счастье*, подражая некоторымъ философамъ древности, вы *опредѣлите чѣмъ-нибудь* въ родѣ числа равнократноравнаго.« (Тамъ же, стр. 83). »*Опредѣлить* супружеское счастье *чѣмъ-нибудь*,«—не по-русски; »*признать* супружеское счастье *чѣмъ-нибудь*« — такъ.

»*Все, что я знаю, я самъ догадался о томъ*.« (От. Зап. Январь, Шанфоръ, стр. 20). *Буквальный* переводъ съ французскаго; а на чистомъ русскомъ языкѣ, фраза эта замѣнялась бы слѣдующею: »обо всемъ, что я знаю, я догадался самъ.«

»Совершенно *потерялъ голову*.« (Отеч. Зап., Февр. 1853. Дина, стр. 235). И это чистый галлицизмъ: *perdre la tête*; скажите: *совершенно растерялся*.

Новгородъ. 6-го июня 1853 г.

ИВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

С И Ъ С Ъ.

ОКТАБРЬСКІЕ ДНИ ВЪ КРЫМУ.

Письма иностраннаго путешественника.

I. Изъ Одессы въ Крымъ.

Наконецъ я пріѣхалъ въ Одессу. Когда я выѣхалъ изъ Александріи, которая находится почти на концѣ Кременчугской степи, тамъ была уже полная зима. Но чѣмъ болѣе приближался я къ югу, тѣмъ пріятнѣе становился воздухъ, а въ Одессѣ я засталъ лѣто въ полномъ разгарѣ. Акаціи были еще совершенно зелены; одесскіе денди въ легкихъ одеждахъ катались въ открытыхъ экипажахъ или прогуливались по бульвару или Итальянской улицѣ. Голубое небо съ самою веселою улыбкою смотрѣло на землю. Короче, здѣсь все представляло рѣзкую противоположность съ недавно оставленною Україною, гдѣ осенніе вѣтры уже давно лишили деревья лѣтняго украшенія.

« Видите ли вы тамъ въ гавани », сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, съ которымъ я рука объ руку прогуливался по бульвару, « корабль Петръ Великій? Послѣ завтра онъ отправляется въ Крымъ. Поѣзжайте туда; я вамъ паспортъ достану. Море и горный воздухъ вознаградитъ васъ за скуку, причиненную вамъ долгою ѣздою въ телегахъ и тарантасахъ. Поѣзжайте: Крымъ — прекрасная страна.

Я тѣмъ охотнѣе принялъ предложеніе, что мнѣ еще оставалось довольно времени осмотрѣть городъ.

На путешественника, утомленнаго вѣчнымъ однообразіемъ русскихъ городовъ, Одесса производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. По наружности она едва ли похожа на прочіе русскіе города. Все сходство ея съ ними ограничивается только большею частью церквей и нѣсколькими другими зданіями. Здѣсь нѣтъ даже гостиннаго двора, этой необходимой принадлежности русскаго города; ибо здѣшній Пале-Рояль, мینیатюрное воспроизведеніе парижскаго, едва ли его замѣняетъ.

Вопреки русскому обычаю, магазины разбросаны здѣсь по различнымъ частямъ, хотя лучшіе изъ нихъ и сосредоточиваются въ улицахъ, прилегающихъ къ биржѣ и Пале-Роялю. Даже и населеніе Одессы состоитъ по преимуществу изъ иностранныхъ элементовъ: по крайней мѣрѣ русскій языкъ услышишь здѣсь рѣже другихъ. На биржѣ царствуетъ итальянскій языкъ; улицы вмѣстѣ съ русскими названіями имѣютъ и итальянскія; въ театрѣ поочередно играютъ русская и итальянская труппы, и большой свѣтъ, конечно, отдаетъ преимущество послѣдней. Изъ книгопродавцевъ всего лучше везетъ французамъ, и уличные букинисты по преимуществу торгуютъ французскими и итальянскими книгами.

Въ день моего отъѣзда въ Крымъ погода была превосходная. Рано поутру отправился я съ своимъ другомъ въ канцелярію градоначальника, чтобы взять паспортъ. Потомъ я сѣлъ на дрожки и стрѣлою помчался къ гавани. На палубѣ моего корабля господствовалъ страшный безпорядокъ. Суматоха, неизбежная при такихъ случаяхъ, на русскомъ кораблѣ еще болѣе усиливается вслѣдствіе громкихъ изліній, безъ которыхъ Русскіе не могутъ обойтись при прощаньи съ родственниками и друзьями. Гдѣ другіе, болѣе спокойные народы довольствуются пожатіемъ рукъ, тамъ русскіе необыкновенно нѣжны: лобзаньямъ и увѣреніямъ изъ въ искренней дружбѣ и любви нѣтъ конца. Эту манеру усваиваютъ себѣ и долго живущіе въ Россіи иностранцы. — Скоро верхнее пространство корабля до того наполнилось всякаго рода предметами, что негдѣ было ступить. Не смотря на то, палубные пассажиры кое-какъ размѣстились между экипажами и разными ящиками и чемоданами. Наконецъ съ Ришельевской площади раздается выстрѣлъ изъ пушки. Пассажиры, находящіеся на берегу, спѣшатъ на корабль: Шумъ совершенно умолкаетъ и въ тишинѣ слышится только многословная команда капитана. Корабль снимается съ якоря и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ пробирается между другими кораблями. Наконецъ онъ выбирается на открытое море и направляется къ югу.

Я долго прохаживался по палубѣ. Но наконецъ стало слишкомъ свѣжо, и я рѣшился отправиться въ свою комнату, находившуюся въ первой каютѣ.

Передъ входомъ въ каюту я невольно остановился, снялъ шляпу и низко поклонился. Передо мною сидѣлъ за столомъ старикъ въ архіерейскомъ облаченіи. Его сѣдые волосы длинными прядями спускались на плеча и смѣшивались съ ослѣпительною бѣлою, прекрасною бородою,

оканчивавшеюся на груди. Это былъ севастопольскій епископъ. Я не помню, чтобы когда-нибудь видѣлъ болѣе красиваго старца. Онъ занимался чтеніемъ какой-то старинной славянской книжки; но когда я вошелъ, онъ взглянулъ на меня и дружески поклонился. Я тихонько спросилъ слугу о моей комнатѣ. Но она уже была занята. Дѣлать было нечего, — я принужденъ былъ, какъ могъ, расположиться въ общей каютѣ. Но и въ ней было довольно трудно; ибо она была биткомъ набита. Оставалось одно только пустое мѣсто между ногами епископа и какого-то другаго путешественника, и я поспѣшилъ занять его. — Кюта безпрерывно наполнялась занемогавшими морскою болѣзью. Мнѣ что-то также не здоровилось. Добрый епископъ привалъ во мнѣ искреннее участіе; онъ теръ мнѣ голову, предложилъ свои подушки, и вообще всячески старался облегчить мои страданія. Онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ по Германіи, Франціи и Италіи, но къ сожалѣнію, все говорилъ по-русски, такъ что мнѣ трудно было съ нимъ объясняться. Наконецъ онъ помолился, перекрестился, пожелалъ мнѣ доброй ночи и спокойно уснулъ. — Въ первыя минуты болѣзни я ощущалъ страшную муку; для меня были невыносимы непрерывные удары волнъ о корабль и колебаніе всѣхъ предметовъ въ каютѣ. Но потомъ я мало по малу успокоился; я задремалъ, и въ воображеніи моемъ оживились сцены и картины, видѣнныя мною во время путешествій. Я какъ бы снова увидалъ ослѣпительное зеркало Невы и зеленые берега Волги, изысканія улицы Петербурга, Москву съ ея тысячами блестящихъ куполовъ, пеструю толпу, наводняющую мостъ въ Пижнемъ, Новгородъ и Китай-городъ въ Москвѣ, красивую татарскую башню, на западномъ углу казанскаго кремля, затемняющую своею красотою все прочія зданія этого города; потомъ всѣ эти картины уступили мѣсто бѣлымъ украинскимъ мазанкамъ, съ осыпавшимися ихъ плодовыми деревьями, и наконецъ воспоминавія мои исчезли въ безконечной степи.

На слѣдующее утро мы пристали къ берегу у Евпаторіи.

II. Евпаторія (Козловъ) и Севастополь.

Русскіе обыкновенно называютъ Евпаторію Козловымъ. Городъ этотъ есть главное мѣстопребываніе Караимовъ. Неподалеку отъ него находятся, какъ мнѣ говорили, дѣлительныя грязи. При взглядѣ на городъ прежде всего бросается въ глаза обширный куполь мечети съ своимъ минаретомъ. За нимъ возвышается множество другихъ различныхъ минаретовъ съ зелеными куполами, оканчивающимися полумѣсяцемъ.

Противъ главной мечети, у самаго морскаго берега, стоятъ греческая церковь, а по правую сторону города разбросано множество вѣтрянныхъ мельницъ.

Достаточно одного взгляда, чтобы увидать, что въ городѣ господствуетъ восточный характеръ. Пройдя мимо главной мечети, вы прежде всего видите татарскую кофейню, сзади которой находится базаръ кожаныхъ издѣлій. Вверху на балконѣ сидятъ, поджавши ноги, татары, и безопасно курятъ свои трубки. Изъ улицы, ведущей во внутренность города, выходятъ двѣ женщины, съ ногъ до головы укутанныя въ куски бѣлой матеріи; изъ всего ихъ лица видны только глаза, которыми онѣ съ любопытствомъ насъ озираютъ. Ноги ихъ обуты въ сафьянные башмаки, съ верху которыхъ надѣты туфли. Мы любопытнѣе ихъ, ибо мы останавливались, чтобы рассмотреть рѣдкое явленіе, между тѣмъ какъ онѣ мѣрными шагами продолжаютъ свою дорогу.

Вотъ мы приходимъ въ маленькую, узкую улицу, представляющую совершенно восточный характеръ. Черепичныя кровли домовъ далеко впередъ выдаются на улицу и тѣмъ доставляютъ тѣнь пѣшеходу. Намъ безпрестанно попадаются на встрѣчу страшно изувѣченные, одѣтые въ рубища нищія, которые съ громкими воплями и дикими тѣлодвиженіями просятъ подаванія.

Кромѣ ихъ мы встрѣчаемся съ Караимами, одѣтыми въ длинныя голубыя талары. Гордая походка ихъ ясно показываетъ, что они богачи въ городѣ. Поворотивши на-право, мы входимъ въ широкую грязную улицу, въ которой все напоминаетъ намъ востокъ. Это базаръ, но, конечно, не такой, какой можно видѣть въ Константинополь или Каирѣ. Здѣсь уже нѣтъ блестящихъ лавокъ, наполненныхъ драгоценными товарами. Здѣсь все чрезвычайно просто. По правую и лѣвую сторону высокихъ каменныхъ воротъ расположены рядомъ открытыя лавки. Первая лавка на-лѣво, построенная прочнѣе другихъ, принадлежитъ будочнику, вторая, подлѣ, цирульнику; остальные заняты шорникомъ, токаремъ, кузнецомъ, мясникомъ и др. Всѣ они исправляютъ свои дѣла сидя, поджавши ноги, что на первый разъ кажется очень комическимъ. Вы, напр., что-нибудь спрашиваете: купецъ ни на минуту не выйдетъ изъ своего спокойнаго положенія; онъ даже не взглянетъ на васъ и предѣставитъ вамъ самимъ взять товаръ въ руки, осмотрѣть его и снова положить на мѣсто, если онъ вамъ не понравился. По другую сторону воротъ находится прекрасный овощной рынокъ. Здѣсь вы найдете все въ большомъ количествѣ; въ особенности всего болѣе привлекаютъ ваши взоры большія теляги, наполненныя

прекраснѣйшимъ крымскимъ виноградомъ, который продается здѣсь необыкновенно дешево. Во множествѣ найдешь также арбузы. Куда ни обернешься, вездѣ увидишь праздныхъ парней, съ жадностью пожирающихъ ломти арбуза. Но мнѣ болѣе понравились чудесныя вишни и красивыя сладкія яблоки и гранаты.

Пестрое движеніе базара еще долго приковывало къ себѣ мои взоры; я безпрестанно прохаживался по нему взадъ и впередъ и на каждомъ шагу облегчалъ продавцевъ винограда отъ ихъ тяжелой пошп. Но времени уже оставалось не много, и я поспѣшилъ на корабль, не осмотрѣвши даже знаменитой караимской синагоги.

Корабль снялся съ якоря не за долго до полудня. Наше плаваніе было не продолжительно. Уже въ шестомъ часу развернулся передъ нами городъ Севастополь. Корабль направляется въ гавань среди грозныхъ укрѣпленій и вооруженныхъ фрегатовъ и бросаетъ якорь почти въ 1000 шагахъ отъ берега. Не знаешь, на что обратить вниманіе, на грозныя-ли укрѣпленія, пзъ которыхъ выглядываютъ тысячи пушекъ, или на городъ, который живописно расположенъ на горѣ, идущей вдоль берега. Нѣтъ, лучше погляжу я на живое движеніе въ гавани, которую во всѣхъ направленіяхъ перерѣзываютъ боты, лучше погляжу я на Императорскую яхту Орианду, которая стрѣлою мимо насъ пролетѣла и въ нѣкоторомъ разстояніи стала на якорь.

Севастополь представляетъ видъ довольно пріятный. Передъ самою гаванью устроены великолѣпныя ворота въ греческомъ вкусѣ. Къ нимъ примыкаетъ широкая улица, ведущая къ обширнымъ укрѣпленнымъ казармамъ. Напротивъ казармъ, прекрасныя песчанковыя лѣстницы ведутъ на гору, на которой устроены гулянья. По обѣимъ сторонамъ улицы возвышаются чистенькіе домики, обвитые кругомъ розовыми кустами и виноградными лозами.

На самой вершинѣ горы находится морская бібліотека. Отсюда открывается прекраснѣйшая картина, которой вечернее освѣщеніе придаетъ еще болѣе очарованія. Представьте себѣ пурпуровое небо, проливающее яркій свѣтъ на желтые дома, выстроенныя изъ песчаннику. Оно представляетъ рѣзкій контрастъ съ темноглубымъ моремъ, сливающимся съ горизонтомъ. Среди парка возвышается бесѣдка съ разноцвѣтными окнами. На лѣво, у подошвы горы разстилается старая часть города, къ которой примыкаютъ казармы, новый городъ, ворота передъ гаванью, и красивая, недавно выстроенная церковь. Съ правой стороны кругозоръ ограничивается великолѣпнымъ зданіемъ морской бібліотеки. Въ средину гавани выходитъ коса, крайняя вершина которой

равплась первоначально вершинъ горы. Но теперь она только нѣсколькими футами выше поверхности моря. На передней части ея возвышается каменная стѣна, къ которой примыкаетъ адмиралтейство съ своими укрѣпленіями. На другой сторонѣ бухты возвышаются великолѣпные магазины, а между ними и адмиралтейскою площадью устроенъ докъ для военныхъ кораблей. Входъ въ гавань ограждается сильными кронверками.

Въ 10 часовъ «Петръ Великій» долженъ былъ продолжать свое плаваніе. Но я рѣшился ѣхать въ Алуку сухимъ путемъ. Ибо князь Г., который ѣхалъ со мною отъ самой Одессы, предложилъ мнѣ своей экипажъ. Простившись съ севастопольскимъ епископомъ, мы сѣли въ карету, и, взявъ на гору, помчались по направленію къ Балаклава.

РАЗСВѢДЕНІЯ ПРОШЕДШИХЪ ВѢКОВЪ.

Любопытно послушать умнаго старика-крестьянина о дѣлахъ давно минувшихъ дней, — не о тѣхъ дѣлахъ, которые были совершаемы вѣдьмами, привидѣніями и другими жидыцами сказочнаго міра (правда, на такіе рассказы всегда скупъ нашъ приволжскій крестьянинъ; онъ вѣрить, что вѣдьмы и привидѣнія разгуливаютъ иногда по свѣту, — но фантазія его не трудится разгадывать, — зачѣмъ и для чего; онъ слышалъ, что въ былыя времена вѣдьмы путешествовали съ *Лысой* горы на *Роценскую* (*), — но не захотѣлъ разспросить, для чего путешествовали онѣ изъ-подъ Кіева въ наши стороны) — но о дѣлахъ живыхъ

(*) Гора *Роценская* (*Роценъе*) въ 40 в. отъ Калазны на Ю. З., между селами Будимировымъ и Яренскимъ, вътѣ Алуцкой возвышенности. О высотѣ ея можно судить по тому, что, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ на вершинѣ ея росъ вязъ, то съ него въ ясное весеннее утро можно было видѣть кресты и главы Троицко-Сергіевой лавры (за 60 в.). Нельзя не обратить вниманія на названія двухъ селъ, разделяемыхъ этою горою. Эти названія, кажется, свидѣтельствуютъ, что на одной горѣ, гдѣ теперь с. *Яренское*, произошла *яра* битва; на другой, гдѣ с. *Буди-мирово*, заключенъ *миръ*. Но между кѣмъ и когда? — Въ несчастныя времена удѣльныхъ междоусобій такъ часто былъ заключаемъ миръ между князьями и такъ еще чаще возобновлялись ссоры, что, вѣроятно, летописцы и не успѣвали замѣчать всѣхъ. Можно только предположить, что тутъ бились Новгородцы и Суздальцы, потому что Новгородцы вторгались и еще далѣе въ области Суздаля. Такъ Всеволодъ Изяславичъ въ 1134 г. сражился и заключилъ миръ съ Суздальцами на Ждановой горѣ.

людей, о томъ, какъ жили его дѣды, отъ кого они видѣли зло и добро, о благодѣтеляхъ и злодѣяхъ ихъ. И чудно-запимательны и страшно-поразительны бываютъ эти рассказы. Послушайте, какъ начнеть рассказывать крестьянинъ Ржевскаго или Старицкаго уѣзда о злодѣйствахъ *окалнои* Литвы (**),—вы невольно содрогнетесь, какъ ни простъ, какъ, повидимому, ни грубъ рассказъ его. Но что въ XIV и XV вв. были для Россіи Литовцы, то впоследствии разбойники. Трудно повѣрить, чтобы не больше, какъ за полгора вѣка, было совершаемо столько ужасныхъ злодѣйствъ шайками ненасытныхъ грабителей, адски-безжадныхъ убійцъ; но не льзя не вѣрить, потому что правительственныя распоряженія тѣхъ временъ буквально подтверждаютъ рассказы стариковъ-крестьянъ. Кровью обливается сердце, когда видишь несомнѣнное свидѣтельство того, до чего—до какой невыразимо-ужасной степени зла и ожесточенія можетъ дойти человекъ. Ни Татары, ни Поляки не были такъ изобрѣтательны на истязанія русскихъ, какъ русскіе разбойники. И почти цѣлыхъ два столѣтія зло это терзало Русь; не рѣдко достигало самыхъ обширныхъ размѣровъ; и много усилій, много трудовъ пужно было употребить, чтобы истребить его наконецъ.

Разбой особенно усилились въ Россіи въ XVII и въ началѣ XVIII вв. По всему пространству ея были разсыпаны большія или меньшія шайки злодѣевъ—грозы селъ и деревень, а нерѣдко и самыхъ городовъ. Между безчисленными шайками ихъ никогда не было ничего общаго,—каждая дѣйствовала отдѣльно; но злодѣйства ихъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, вездѣ были одинаковы.—«...Карелы (°) (близь

(**) Не мѣшало бы прислушаться къ этимъ рассказамъ и тѣмъ историкамъ-фантазерамъ, которые говорятъ: «...Въ XIV в. Литва была, безъ сомнѣнія, самую колоссальную державою въ Европѣ. Ея владѣнія простирались... отъ Нѣмана и Буга до Твери и почти до самой Москвы (противъ этого ни слова) ... Она была *чисто русская* держава и по происхожденію народа и по *правительственнымъ формамъ* и по образованности и по *вѣрѣ*...» Бабл. для Чт. Т. XIII, отд. V, стр. 36.—Но откуда же между народамъ *единоплеменнымъ, единовернымъ* и т. п. эта страшная ненависть, которая пережила столько вѣковъ? Отчего Литовцы такъ тяжело терзали юго-западный край Тверской губерніи,—такъ тяжело, что имя ихъ и доселѣ синонимъ самыхъ страшныхъ злодѣйствъ? Развѣ это могло бы быть между народамъ, у котораго одны и тѣ же правительственныя формы?

(°) «*Paganos carelos, qui.... latrocinia, spolia, et infinita enormia, nulli*

береговъ Балтійскаго моря) совершаютъ разбои, грабежи, убійства и безчисленныя злодѣйства, не щадя ни пола, ни состоянія, ни возраста, — до того, что у живыхъ вырзываютъ внутренности, снимаютъ кожу.... придумываютъ всѣ роды истязаній». а) Но что дѣлали прибалтійскіе разбойники, то же дѣлали разбойники и внутри Россіи: — та же звѣрская изобретательность на всѣ роды истязаній и мукъ!

На первый разъ сдѣлаемъ очеркъ того, что рассказываютъ объ нихъ лишь только въ двухъ узздахъ — Бѣжецкомъ и Калазинскомъ; — и изъ этого очерка можно будетъ понять, почему крестьяне содрогаются всякій разъ, когда наведешь разговоръ на подобныя дѣла минувшихъ дней. Для полноты этого очерка, а главное для того, чтобы видѣть, что рассказы, на которыхъ основанъ онъ, нисколько не преувеличены, сдѣлаемъ извлеченія изъ нѣкоторыхъ официальныхъ актовъ того времени, къ которому относятся рассказы и тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершались эти страшныя дѣла.

Въ глубинѣ лѣсовъ, среди непроходимыхъ болотъ, въ ущельяхъ и оврагахъ были обыкновенно *станы* (такъ они называли свои притоны) разбойниковъ. Шайки ихъ были не всегда многочисленны, но всегда отчаянно-дерзки въ своихъ нападеніяхъ. — Впрочемъ скопища ихъ бывали иногда и довольно значительны, — человекъ въ 50, во 100 и до двухъ сотъ. (1) Преступники, избѣгшіе наказанія, бѣглые холопы, бездомовые горожане и обнищавшіе крестьяне, — таковъ былъ обыкновенный составъ разбойничьихъ шайкъ. Но случалось — въ ихъ страшное общество вступали люди и другихъ сословій; среди нихъ иногда встрѣчались преступныя потомки родовъ, нѣкогда славныхъ въ Россіи. (2) Общая

parcentes sexui, statui vel aetati, utpote vivos excoiando, captivos plurimos eriscerando diversorum tormentorum genera. . . inferebant.... Цѣер spec. jug. publ. p. CLXXIV.

1)а) «Воры и разбойники ходятъ большими артелями человекъ по 50 и больше....» Пам. изъ ратуши отъ 9 іюня, 1707 г.; въ архивъ бѣжецкаго магистрата подъ N 11.

б) «Грамата отъ Царей Іоанна и Петра Ал. Бѣжецкаго верху губному старостѣ Паму Суворову отъ 2 марта 1687 г. о учиненіи розыска по челобитью Іоанна Глазатова, что въ ноябрь м. на его пустоши пріѣзжали воровскіе люди человекъ съдѣвсти....» Въ Бѣж. уззд. судъ подъ N 1.

в) «Разбойники ходятъ человекъ по сту и по двѣсти....» Память изъ ратуши земскихъ дѣлъ бурмистромъ отъ 3 мая, 1703 г. Въ маг. подъ N 9.

2) Указъ углицкой провинц. канцеляріи бѣж. воеводѣ Улыбишеву отъ 13

цѣль—буйства и грабежей уравнивала всѣхъ ихъ. — Дѣйствіями ихъ руководила столько же жажда корысти, сколько звѣрская жажда крови. Они считали недостаточнымъ съечь или разграбить какое-нибудь селеніе; вѣтъ, — они не удалялись отъ него, пока не успѣвали истребить большую часть жителей его. Не было пощады ни старцу, ни женщинѣ, ни ребенку; напротивъ, — чѣмъ слабѣе была жертва, тѣмъ страшнѣе муки ея. Вооруженные съ головы до ногъ (3), они чаще всего нападали врасплохъ. Для этого выбирали бурную ночь; при завываніяхъ вѣтра, при раскатахъ грома, они врываются въ селеніе, обреченное на гибель; несчастные видѣли бѣду, когда она уже разражалась надъ ихъ головами, и не могли даже и думать о своемъ спасеніи, — пораженные паническимъ страхомъ. — Но случалось, — они нападали днемъ (4); бывали примѣры даже большей дерзости: они назначали окупъ (5), и горе тѣмъ, кто къ назначенному ими сроку не хотѣлъ или не могъ представить требуемыхъ денегъ: мечь страшная, неутомимая постигала его. Они обыкновенно прибавляли къ своимъ требованіямъ: «иначе все поднимемъ»

іюня 1740 г. за N 1337, коимъ сыскивались разбойники и смертные убійцы князь Иванъ Лихудевъ и товарищъ его г. Зарайска дьячковъ сынъ Михайло Аеонасьевъ, которые пытанн и жжены огнемъ и за учиненные ими неоднократные разбой и смертные убійства приговорены къ смерти... разбивъ ручные и ножные кандалы и съ часовыми солдатами... бѣжали. Въ бѣж. узд. судъ подъ N 23. Св. «о боярскомъ сынѣ Романѣ Богдановѣ Волжинѣ», Кар. IX пр. 819.

3)а) «Привѣждали въ имѣніе (Глазатова) воровскіе люди... съ ружьями, пиццалами, копьями, бердышами, рогатинами и топорами, и тѣмъ крестьянъ его били и грабили....» Грам. отъ 2 марта, 1687 г. Въ узд. с. подъ N 1.

б) «Разбойники.... ходятъ со знаменами (даже со знаменами!!), копьями, пиццалами, пистолетами, фузеями, бердышами, рогатинами» и пр. Память.... бурнистромъ отъ 3 мая, 1703 г. Въ узд. с. N 9.

в) «Съ ружьемъ, фузеями, винтовками» и пр. Челоб. старосты г. Заборовскаго, отъ 29 августа 1720 г. Въ магист. подъ N 29.

4) «28 мая 1723 г. къ погосту Николю.... воры и разбойники пришли деннымъ разбоемъ....» Въ маг. подъ N 24. Тоже въ село Рамешки «деннымъ разбоемъ.... человекъ 30....» Въ маг. подъ N 45.

5) Разграбивши дер. Палкино, принадлежавшую г. Заборовскому, «тѣ воры похвалялись: знайте атамана Фирса.... еще вамъ не то будетъ; да скажите своему барину, чтобы онъ прислалъ къ намъ на станъ денегъ 300 р., а не пришлетъ, и мы у него выжжемъ с. Дубровку....» Явоч. челоб. стар. Заборовскаго. Въ маг. подъ N 29. Деньги имъ не были высланы и они буквально выполнили угрозу. «12 август. 1722 г. воры и разбойники въ с. Дубровку дома

па вѣтеръ,» и буквально исполняли свою угрозу: — сжигали селеніе и всѣхъ до одного жителей его и пепель развѣвали. Такъ близъ г. Калязина погибли двѣ деревни; даже признаковъ не осталось, что тутъ были селенія!... И этого мало: они смѣло и небоязненно являлись въблизи городовъ и грозили — разграбить и сжечь ихъ (6).

Ворвавшись въ селеніе, они начинали съ того, что поджигали его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и, ползуясь суматохой, хватали и вязали жителей его и начинали допытываться денегъ и имущества. Въ чемъ же состояли эти пытки? Однихъ жгли медленнымъ огнемъ (7); другимъ забивали спицы подъ ногти рукъ и ногъ; съ третьихъ сдирали кожу; нѣкоторымъ вколачивали гвозди въ пятки, и, привязавъ къ хвосту лошади, заставляли бѣгать въ такомъ положеніи; выкалывали глаза, вырѣзывали языки, ломали челюсти; нѣстязавія женщинъ начинались позоромъ ихъ и оканчивались еще болѣшими муками ихъ; потому что злодѣи въ отношеніи къ женщинамъ были еще изобрѣтательнѣе на мученія (8)... У бѣжецкихъ разбойниковъ былъ еще особенный родъ пытокъ, который

господскій и церковныхъ причетниковъ разорили ... людей побили и пожитки и деньги разграбили. Явоч. челоб. въ маг. подъ N 39. При такихъ обстоятельствахъ было выжжено все с. Корокино — подъ N 30 въ маг., — также д. Пруды — тамже подъ N 38, — и многое множество другихъ селъ и деревень, — тамже подъ NN 14, 16, 26, 40 и пр. и пр.

6) «Воровскіе люди стоятъ станомъ на Мологѣ и похваляются разбить бѣжецкій верхъ....» Указъ по приказу СПБ. губери. Мешникова въ маг. подъ N 23. Точно такъ похвалялись сжечь и Калязинъ.

7) «Крестьянъ били и мучили и жгли огнемъ....» (въ д. Палкивъ). -- «Память пзъ Преображенскаго приказа отъ 2 іюня 1709 г.... по отпискѣ старосты съ крестьянами вотчины Новодѣвичьяго м. Городецкаго уѣзда с. Блѣны, что 22 мая часу въ первомъ двѣ приходили воровскіе люди многимъ собраніемъ.... то село разбили, прикащика и крестьянъ жгли и мучали.... и разбоемъ взяты сборныя деньги, письма и лошади... Въ магистр. подъ N 16.

8) Многихъ подробностей, сохранившихся въ преданіяхъ, и передать невозможно, — до того онѣ отвратительно-ужасны. Въместо этого сдѣлаемъ подробную выписку изъ «Памяти бѣжецкаго верху буривстромъ с товарищи отъ 13 іюня 1702 г. «Сего іюня въ 8 день къ Великому Государю писалъ изъ бѣжецкаго верху воевода Никита Титовъ.... (о сборѣ денегъ и пошлинъ) и для тѣхъ де платежей и выслокъ въ Бѣжецкій уѣздъ нынѣ ему посылать служилыхъ людей и которыми дѣломъ не можно, для того что де въ бѣжецкомъ уѣздѣ ходятъ великимъ собраніемъ воровъ и разбойники человекъ по сту и больше, и помещиковъ и вотчинниковъ и монастырскіе селы и деревни разоряютъ и жгутъ, и

они употребляли чаще другихъ; опъ состоялъ въ слѣдующемъ: когда заѣваченный ими, не смотря на все эти угрозы и побои, не открывалъ, гдѣ скрыто его имущество (котораго, можетъ быть, никогда и не было), они кричали: «на вѣники его!» и вслѣдъ за этимъ собирали костеръ сухихъ вѣниковъ, клали на него истязуемаго и поджигали.... Оканчивалось тѣмъ, что страдалецъ или открывалъ, если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь имѣлъ, или задыхался въ огнѣ и дымѣ. Эти слова остались пословицей въ Бѣжецкѣ и уездѣ его; и доселѣ говорятъ о человѣкѣ, который не хочетъ сознаться въ чемъ-нибудь: «на вѣники бѣ его!»

Особенно тяжки были муки священниковъ и бояръ. Первые должны были отвѣчать за свое и церковное имущество; горе было тѣмъ священникамъ, у которыхъ въ церквяхъ разбойники находили не многое! Подозрѣваемые въ томъ, что успѣли скрыть имущество церковное, — они были предаваемы еще болѣе тяжкимъ истязаніямъ, чѣмъ крестьяне; оканчивалось всегда тѣмъ, что, захвативши изъ церкви все, что привлекло ихъ жадность, они зажигали ее и въ самый пылъ бросали священника; и сколько такимъ образомъ погибло церквей и священниковъ (9)! — Горе было и помѣщикамъ, которые попадали въ руки этихъ злодѣевъ. Для бѣглыхъ холопей было истиннымъ торжествомъ тѣшиться надъ невыразимыми страданіями господъ; и съ какимъ звѣрскимъ

в тѣхъ селѣхъ и деревняхъ крестьянъ огнемъ жгутъ до смерти и пожитки ихъ грабятъ и церкве Божіи и святыхъ иконы и церковную всякую утварь грабятъ же и жгутъ, и надъ женами и надъ дѣтками блудное дѣло творять и дѣвкамъ въ тайне уди спицы колотятъ и.... и бѣжецкаго де уезда почтъички с люци ихъ и монастырскихъ вотчинъ прикащики и крестьяне с женами и с дѣтми живутъ по лѣсамъ, и многіе, покипя дома свои, выѣзжаютъ в города от такого великаго разоренія и варугательства, и на тѣхъ воровъ и разбойниковъ бѣжецкане всякихъ чиновъ люди падаютъ в разоренье и в пожаръ и многихъ смертныхъ убійствахъ подаютъ явочное челобитье, и видя де такое разоренье, соединилъ дворцоваго села Чамерова с сыщикомъ съ Иваномъ Сумароковымъ и съ иными с уездными людьми для поимки ихъ в Бѣжецкій уездъ ѣздилъ и навхалъ во дворцовой пятницкой вѣласти в корельское деревнѣ Млкъшевой, и с тѣми де ворами былъ у нихъ бой, и тѣ де воры ево Микиту и сыщика и которые с нимъ люди были, побилъ до смерти, а иныхъ посильныхъ людей порубилъ до смерти и перестрелялъ до смерти, и битца де противъ нихъ тѣхъ воровъ не с кимъ и не чимъ.... да они же тѣ воры говорятъ, что бѣжецкій городъ и уездъ и въ с. Чамеровъ людей порубить и выжечь все хотятъ без остатку....»

9) «И многіе села и деревни и храмы пожгли и разорили....» Пам. изъ рат. въ маг. подл. N 9.... «7 июля 1721 г. Б. уезда Александровскаго м. при-

наслаждениемъ они разнообразили эти страданія!... Вѣрно у самаго ревностнаго искателя сильныхъ ощущеній кровь застыла бы въ жплахъ, еслибъ передать ему разсказъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ устъ крестьянина, о мести одного холопа своему помѣщику въ лицѣ его жены и двухъ дочерей.... Но да покроется забвеніемъ эти дѣла, болѣе отвратительныя, больше возмущающія душу, чѣмъ всѣ misteres, наводнившія въ последнее время литературы Европы.

Когда передъ глазами злодѣевъ оставались только трупы, или томившіеся въ смертельной агоніи; когда все селеніе охвачено было пламенемъ, — они бросали въ самый пылъ его дѣтей, умирающихъ и все, чего не могли захватить съ собою; и — одни изъ нихъ съ крикомъ и пѣснями удалялись изъ селенія; другіе оставались вблизи его, выжидая возврата тѣхъ, которые въ общей суматохѣ успѣвали скрыться. И горе было тѣмъ, которые, вынужденные голодомъ, оставляли свои убѣжища; ихъ схватывали и уводили на станъ. Здѣсь несчастнаго ожидали страданія не въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, а въ продолженіе цѣлыхъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Хладнокровно обдумывали они муки для своей жертвы и одинъ передъ другимъ старались выказать свое умѣніе, разнообразить ихъ до безконечности; сколько можно долѣе старались они продлить жизнь страдальца; но когда видѣли, что конецъ его близокъ, — привязывали къ дереву и дѣлали изъ него цѣль для стрѣльбы; съ хохотомъ смотрѣли на его предсмертныя конвульси, и не прежде оставляли, когда похолодѣвшій, изуродованный трупъ распался на части.... Вотъ одинъ изъ безчисленнаго множества разсказовъ, доселѣ передаваемыхъ изъ рода въ родъ. «Вотъ въ этомъ оврагѣ (близъ Волги, въ 6 верстахъ отъ Калязина) былъ притонъ разбойниковъ; посмотрите на эту сосну, — къ ней была прикована жевщина; она хотѣла было спастись съ двумя младенцами — дѣтьми; они схватили ее, привели сюда, приковали, но такъ, что она могла только сидѣть; а въ заднюю часть тѣла вбили желѣзныя гвоздья, и оставили такъ, и съ дѣтьми, на голодную смерть....» Такъ разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ. — Но откуда ты знаешь это? — спросилъ я его. «Отъ роднаго дѣда. Онъ тоже былъ захваченъ ими; видѣлъ все, что сдѣлали они съ несчастной жевщиной; семь дней томилась она; въ осьмую почь, когда всѣ злодѣи

сецкой вотчины въ подгородной макарьевской слободѣ воронжкіе люди разграбили церковь и сожгли....» Подъ N 37. — Тоже въ яв. чслобитѣ.... попова сына Кирьяка, — подъ N 49, и пр. и пр.

перепилсь, Богъ помогъ ему распутать себѣ руки, развязать ноги, добраться до Волги и переплыть черезъ нее. Три дня скрывался онъ въ дѣсахъ, и спасся. А когда, черезъ годъ, царскіе воеводы разогнали шайку, онъ отправился къ этой соснѣ, нашелъ около нея уже одиѣ кости съ цѣпью и гвоздями и самъ зарылъ ихъ близъ этой сосны». — Но съ твоимъ дѣдомъ ужли они ничего не сдѣлали? — «О, нѣтъ; раскаленнымъ желѣзомъ выкололи у него правый глазъ, за то, что, падѣясь убѣжать, онъ не хотѣлъ съ ними пить; подъ ногти запустили гвозди, и отъ этого у него всѣ пальцы на рукахъ и ногахъ обгнили...»

Но ужли правительство того времени не употребляло никакихъ мѣръ и средствъ къ уничтоженію этого страшнаго зла? «Нѣтъ, были употребляемы мѣры; только рѣдко сопровождался онъ успѣхомъ. И не удивительно. Чтб могъ сдѣлать сыщикъ съ горстью служилыхъ людей противъ отчаянной, жесточенной, нерѣдко многочисленной шайки? Смѣло бросались на него разбойники; разбивали служилыхъ людей; немощіе избѣгали страшной смерти; а сыщикъ развѣ чудомъ могъ спастись, потому что всѣ дѣйствія главнымъ образомъ были направлены на него (10). Въ началѣ XVIII вѣка дошло до того, что воеводы не только не могли ничего предпринять противъ нихъ, но сами трепетали при приближеніи шайки; они запирались въ стѣны города (*) и предавали окрестныя селенія ихъ собственной судьбѣ. Впрочемъ и города не были совершенно безопасны отъ разбойничьихъ нападеній. Случалось, они врывались въ нихъ; разграбляли нѣсколько домовъ и церквей, и удалялись прежде, чѣмъ встревоженные жители и воевода успѣвали сдѣлать что-либо противъ нихъ (11).

(10) Бѣжецкій воевода Петръ Бутурлинъ доноситъ отъ 9 іюня 1709 г.:... «Изъ посланныхъ пристава Аппку Хахилева застрѣлили (разбойники) до смерти, поймать же ихъ невозможно во малолѣдству служилыхъ людей, и когда онъ воевода служилыхъ людей ни пошлетъ, то ихъ воры убиваютъ....» 11. Ст. пр. 8.

(*) Въ 1617 г. построенъ въ Бѣжецкѣ новый острогъ на мѣсто сожженнаго Литовцами. Книга достопр. вѣщ. при Бѣж. в. пр. канц. Въ Кашинѣ былъ также острогъ.

(11) 6 января 1723 г. разграбленъ бѣжецкій соборъ и увесены изъ него ризы, стихарь, одежды съ престоловъ, пелены... посуда серебряная и казенныя деньги, — всего на 475 р. N 43. То же и въ Воздвиженской ц. 30 сентября 1723 г. похищены серебряныя позолоченныя сосуды, ризы, серебряный крестъ съ мощами съ образа Богоматери—страстной убрूसъ жемчужной, и пр. и пр.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было совершенное разореніе тѣхъ городовъ и селеній, вблизи которыхъ основывались эти скопища злодѣевъ. Тѣ, которые успѣвали спастись, не смѣли уже возвратиться на свои пепелища; въ глуши лѣсовъ они искали себѣ безопасности; нерѣдко холодъ и голодъ доканчивали то, чего не успѣвали сдѣлать разбойники, если скитальцы не могли проникнуть въ городъ (12). Торговля остановилась: отправиться куда-либо за товаромъ, или вести свое на продажу, значило обрекать себя на вѣрную и неизбѣжную гибель (13). Остановился и сборъ казенныхъ пошлинъ: ни подъ какимъ конвоемъ не былъ безопасенъ сборщикъ; рѣдко бывало даже, чтобы онъ возвратился въ городъ: и онъ и собранное почти всегда были жертвой разбойниковъ (14).

Лишь только въ половинѣ XVIII в. начали водворяться спокойствіе и безопасность въ селеніяхъ, бывшихъ доселѣ легкой добычей разбойниковъ. Сильныя и энергическія мѣры Правительства ободрили крестьянъ. Доселѣ они не могли и думать о содѣйствіи воеводамъ въ искорененіи зла, такъ страшно терзавшаго ихъ. Они знали, или, лучше сказать, на опытъ видѣли, что воеводы не въ силахъ были спасти ихъ отъ страшной, неумолимой мести разбойниковъ; не вооружая ихъ противъ себя, они имѣли слабую надежду остаться въ цѣлости. Вотъ почему они рѣдко дѣйствовали за одно съ служилыми людьми; вотъ почему, — зная о мѣстахъ разбойничьихъ притоновъ, они не отрывали ихъ сыщикамъ. Но когда они увидѣли, что на защиту ихъ явились цѣлыя команды солдатъ, тогда и они стали дѣйствовать смѣло и рѣшительно. Иногда они присоединялись къ этимъ командамъ для поимки разбойниковъ; случалось, отправлялись и одни. Такъ уничтожено было ими самое страшное скопище бѣжцевъ разбойниковъ, имѣвшихъ станъ близъ села Чамерова (*).

На что имъ были ризы и стихари? Преданіе говоритъ, что они отдавали ихъ женщинамъ, которыхъ не мало бывало въ ихъ станахъ, или даже жившимъ въ селеніяхъ, съ которыми имѣли связи (бывало и это!), а онѣ употребляли ихъ на сарафаны и ползавки. Объ участіи женщинъ въ разбойничьихъ буйствахъ будетъ сказано въ слѣд. статьѣ.

(12) См. пр. 8.

(13) «Торговые люди отъ воровъ и разбойниковъ и бѣжцкіе жители никуда съ товаромъ взятъ не смѣютъ....» Довес. отъ 7 авг. 1722 г. подъ N 35.

(*) Удѣльное с. Чамерово стоитъ при р. Суховѣткѣ, которая впадаетъ въ р. Черную, — Черная въ Ламъ, а Ламъ въ Мологу.

(14) Объ этомъ доносилъ воевода Никита Титовъ. См. пр. 8. То же доносилъ воевода Петръ Бутурлинъ отъ 8 іюня 1707 г. подъ N 11.

Вотъ разсказъ объ этомъ дѣлѣ, который можно слышать отъ всякаго чамеровскаго крестьянина.

Разбойники пріувыли, когда увидѣли себя стѣсненными со всѣхъ сторонъ. Непрестанно, то тамъ, то здѣсь, были разбиваемы шайки ихъ, и чамеровскіе увидѣли близость своей гибели. Еще крестьяне соседнихъ селеній, подъ вліяніемъ ужаса отъ неизбежной мести ихъ, не смѣли донести сыщикамъ объ этомъ притонѣ, но вмѣсто этого рѣшились дѣйствовать сами. Чтобы не подать повода къ подозрѣнію, они — жители каждаго селенія, собирались по почамъ; съ величайшею осторожностью передавали, отъ одной деревни до другой, свои намѣренія, и наконецъ назначили время и планъ дѣйствій. Была выбрана ими бурная осенняя ночь. Они окружили со всѣхъ сторонъ разбойничій станъ, и напали совершенно врасплохъ, такъ что разбойники не успѣли и подумать о своей защитѣ. Большую часть ихъ схватили тутъ же; нѣкоторые изъ разбойниковъ бросились въ р. Суховѣтку; но она лишь только покрывалась льдомъ, и для нихъ не было никакой возможности ни переплыть, ни перейти чрезъ нее; взяты были и эти. Успѣлъ было скрыться атаманъ въ банѣ близъ-лежащаго селенія; но его открыла здѣсь женщина. Когда крестьяне окружили баню, атаманъ вскочилъ на потолокъ ея, разобравъ было кровлю; но видя, что прорваться сквозь толпу будетъ невозможно, рѣшился защищаться до послѣдней крайности. Крестьянамъ не было и нужды вступать съ нимъ въ борьбу. Немедленно они навзлили около бани костры дровъ и соломы, и зажгли. Разбойникъ бросился было оттуда; но его привяли на вилы и отбросили въ огонь. Къ утру на этомъ мѣстѣ оставался уже только пепелъ. Съ прочими разбойниками они распорядились также по-своему. Надѣлали нѣсколько срубовъ, и въ нихъ сожгли всѣхъ. На мѣстѣ каждаго сруба навалили камней, земли, отчего образовались небольшіе курганы, сохранившіеся досель. Ихъ число 8; всѣ они въ самомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, на самомъ берегу Суховѣтки.

Къ концу XVIII в. разбой не прекратился совершенно; но разбойники не имѣли уже прежней отчаянной дерзости. Убійства и поджоги были не рѣдки; но они не сопровождались страшными подробностями, такъ обыкновенными въ прежнія времена. Висѣлица, поставленная въ с. Чамеровъ (вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ) была страшнѣе для нихъ, чѣмъ всѣ прежніе сыщики и воеводы.

Сравнивая прошедшее съ настоящимъ, — ужасы, среди которыхъ жили наши предки, и глубочайшій миръ и совершенную безопасность, среди

которых живемъ мы, — невозможно отъ самой глубины сердца не благословлять святое Провидѣніе, что оно призвало насъ къ жизни въ такое славное и благодатное время для Россіи. Подъ кровомъ Правительства мудраго и могущественнаго каждый членъ общества мирно отправляетъ обязанности своего званія, всегда спокойный на счетъ своей личной безопасности; безтрепетно засыпаетъ онъ послѣ дневныхъ трудовъ своихъ; довѣрчиво просыпается, зная, что, кромѣ Провидѣнія небснаго, его покой охраняетъ Провидѣніе земное — страшное для злодѣя, чудно благотворное для всякаго честнаго и добраго. Теперь проѣхать Россію изъ конца въ конецъ значитъ сдѣлать прогулку спокойную и пріятную; а даво ли было то время, когда отправившагося верстѣ за двѣсти отъ мѣста своего жительства оплакивали какъ обреченнаго на вѣрную гибель? И нельзя было не оплакивать, потому что не многіе путешественники возвращались цѣлыми и неприкосновенными подъ родной кровъ. Никакія предосторожности не спасали, если не отъ убійства, то по крайней мѣрѣ отъ грабежа. Съ трепетомъ путешественникъ въѣзжалъ въ лѣсъ, приближался къ оврагу; изъ глубины лѣса, изъ расщелины оврага раздавался крикъ и свистъ, и не было спасенія несчастному.... Тутъ не помогутъ никакія мольбы, никакія слезы; злодѣи оставляли только трупъ, изуродованный и обезображенный. Названія многіхъ овраговъ: «бѣдовый, грѣховой, страшный» и т. п., сохранились досель, какъ свидѣтельства ужасныхъ дѣлъ, которыя совершились въ нихъ.....

Не безопасны были для путешественника многія села и деревни. Случалось не рѣдко, что остановившись въ какомъ-нибудь домѣ на ночной покой, онъ успокоиванъ былъ на вѣкъ.... Еще нѣтъ пол-столѣтія, что въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, при въездѣ и выездѣ, стояли красные столбы — кровавыя доказательства кровавыхъ дѣлъ, которыми отличались жители этихъ селеній. Теперь, къ счастью, все это только преданія, да еще и «вѣритса имъ съ трудомъ....» Но не забудемъ, кому обязаны мы этимъ счастьемъ.

Благословямъ великихъ своихъ Монарховъ, которые своею отечески-неусыпною заботливостію, чудно-высокою мудростію такъ несокрушимо-крѣпко оградили миръ и безопасность всѣхъ и cadaго; правдиво передадимъ потомкамъ своимъ, — какъ жили наши дѣды и какъ живемъ мы, да благоговѣютъ и они предъ свѣтлымъ и невыразимо-славнымъ именемъ Того, предъ Которымъ отъ самой глубины благодарнаго сердца такъ свято, такъ справедливо благоговѣемъ мы.

И. ВЕДЛОСТИНЪ.

2 февр. 1853 г. Калезинъ.

ЕЩЕ СПРАВКА О ДѢВИЦѢ ЛУПОЛОВОЙ.

Сообщивъ въ 10 N Москвитянина настоящаго года краткое извѣстіе о мѣстѣ погребенія въ Новгородскомъ Десятинскомъ монастырѣ дѣвицы Луполовой, извѣстной Парашы Сибирячки, я нашелъ въ томъ же N журнала статью, въ которой выражено сомнѣніе, на основаніи современныхъ журналовъ, какъ о мѣстѣ погребенія Луполовой, такъ и о годѣ ея смерти. Хотя въ 13 N это недоразумѣніе уже достаточно разъяснено выпискою изъ бумагъ покойнаго О. И. Козодавлева и изъ журнала Сѣверной Почты 1810 г., тѣмъ не менѣе считаю не бесполезнымъ присоединить къ упомянутымъ свѣдѣніямъ еще слѣдующія, для окончательнаго уничтоженія возникшаго сомнѣнія. Прежде всего, однакожь, я долженъ сознаться въ невольныхъ ошибкахъ, кои вкрались въ мое извѣщеніе изъ статьи г. Игнатъева, писанной имъ, по обыкновенію, *по слухамъ*, а не по документамъ. Вотъ какими невѣрностями наполнена небольшая статья г. Игнатъева: 1) что звали *Парашу Сибирячку Елизаветой*—не вѣрно; 2) что скончалась она въ 1802 г. 11 мая, 20-ти лѣтъ отъ рожденія—не вѣрно; 3) что въ Десятинскомъ монастырѣ находится каменная могильная плита съ надписью, свидѣтельствующею, что подъ нимъ погребена дѣвица Елизавета Лупалова — не вѣрно; 4) что, возвращаясь изъ Петербурга, Лупалова снова гостила у игуменіи Паллади, но здѣсь опасно занемогла и, послѣ продолжительной болѣзни, скончалась—не вѣрно. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ извѣстій, сообщенныхъ г. Игнатъевымъ, вѣрно только то, что Параша Сибирячка погребена въ Новгородскомъ Десятинскомъ монастырѣ. Правда и то, что въ Десятинскомъ монастырѣ жива еще монахиня, современница Луполовой; но она не сообщила г. Игнатъеву никакихъ объ ней свѣдѣній. Безъ всякаго сомнѣнія, г. Игнатъевъ собралъ напечатанныя имъ извѣстія отъ тѣхъ лицъ, которыя помнятъ еще о Луполовой, а ея самой не знали. Представляю теперь свѣдѣнія, слышанныя мною отъ почтенной старицы, современницы Луполовой, съ которой она была близко знакома, жила съ ней вмѣстѣ, ходила за ней во время ея болѣзни, и въ числѣ прочихъ сестеръ монастыря отдала послѣдній долгъ покойницѣ, т.-е. обмывала и одѣвала ее по смерти. Луполову звали не Елизаветой, а Параскевой, по батюшкѣ Григорьевной; жила она въ Десятинскомъ монастырѣ послушницей не долго, нѣсколько мѣсяцевъ; первоначально она жила нѣкоторое время въ Новгородскомъ Духовъ монастырѣ (въ этомъ извѣстіи я сомнѣваюсь: можетъ быть, Луполова только гостила въ Духовъ у игуменіи, нося, какъ это часто случается,

монашеское платье, и посѣщала въ это время десятинскую игуменію Евпраксію; но старушка о томъ, вѣроятно, запямятовала; впрочемъ ниже все это разъяснится изъ документа). Луполова умерла отъ чахотки; съ жизнью разставалась она тяжело и неохотно; года ея смерти самовидица не помнитъ; память ея сохранила только, что Параша умерла до Фравпузскаго нашествія. Въ день ея смерти прїѣхала изъ Петербурга фрейлина А. П. Самарива и присутствовала при ея погребеніи. Похоронена Луполова въ оградѣ Десятинскаго монастыря по особому разрѣшенію высшаго начальства (документа о томъ, однако жъ, въ монастырскомъ архивѣ не найдено). Память о знаменитой Парашѣ сохранялась въ народѣ не долго: политическія бури, гремѣвшія надъ Европой въ началѣ текущаго столѣтія и разразившіяся потомъ ураганомъ надъ Россією, отвлекли вниманіе отъ безвременной ея могилы, завшія ея при жизни монахини частію перемерли, частію и звали-то ее ескользь, недолго, по слухамъ, а потому скоро объ ней забыли; надгробный памятникъ заросъ травой и углубился въ землю такъ, что его нельзя было даже видѣть. Во время пристройки въ Десятинскомъ монастырѣ придѣла во имя Великомученицы Варвары въ 1824 г., при возведеніи капитальной алтарной стѣны рабочіе нашли надгробную плиту: оказалось, что подъ ней погребено тѣло Прасковіи Луполовой. Измѣнить плана строящейся церкви было уже невозможно, а потому могилу задѣлали; теперь она находится подъ алтаремъ Варваринской церкви и видѣть ее уже нельзя. Вотъ изустное сказаніе о Луполовой, передаваемое мнѣ ея самовидицей.

Теперь представляю документъ о пріятіи Луполовой въ монастырь, — извлеченный мною изъ монастырскаго архива; вмѣстѣ съ напечатанными въ 13 N Москвитянина свидѣніями объ отстранити возможность всякаго сомнѣнія о пребываніи и погребеніи здѣсь въ Десятинскомъ монастырѣ Парашы Сибирячки.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Новгородской Духовной Консисторіи Десятинскаго Дѣвпча монастыря игуменіи Евпраксіи.

Поданнымъ Пресвященному Антоію Епископу Старорусскому и Кавалеру Нижегородской губерніи умершаго отставнаго Поручика Григорія Луполова дочь дѣвпча Параскева Луполова и Нижегородскаго жъ Архіерейскаго служителя Петра Павлова сына Березина дочь дѣвпча Агриппина Петрова прошеніемъ просили о опредѣленіи ихъ въ оный Десятинъ Дѣвпчъ монастырь въ число сестеръ, по которымъ прошеніямъ

резолуціею Его Преосвященства вельно: опредѣлить, буде по справкамъ сомнѣнія не откроется. И для того въ Новгородской Консисторіи опредѣлено: въ Нижегородское Губернское Правленіе сообщить (и сообщено) съ тѣмъ, дабы оное благоволило, чрезъ кого слѣдуетъ, учинить выpravку: нѣтъ ли въ опредѣленіи просительницъ въ монастырь и къ постриженію ихъ со-временемъ въ монашество какого препятствія, и коликихъ онъ нынѣ отъ роду лѣтъ, и что окажется, Консисторію сію увѣдомить, а между тѣмъ онымъ просительницамъ въ ономъ монастырѣ жительство имѣть дозволить, и о томъ къ вамъ игуменія послать указъ.

Ноябра 5 дня 1809 года. Подлинный подписали: Амвросій Архимандритъ Антоніева монастыря; Губернскій Секретарь Журавлевъ. N 4,700.

И. КУПРИАНОВЪ.

Новгородъ, 25 августа.

ВЪРНЫЙ ИСПЫТАННЫЙ СПОСОБЪ НИКОГДА НЕ ИМѢТЬ СЪДЫХЪ ВОЛОСЪ.

Не обинуясь сообщаемъ этотъ способъ изъ Херсонскихъ вѣдомостей. Такия важныя открытія со скоростью молвіи должны распространяться по всему свѣту.

«Возьмите по равнымъ частямъ на мѣру лучшаго рому, прованскаго, а за немѣнимъ его, деревяннаго масла, и лимоннаго соку. Слейте все это вмѣстѣ и, не смотря на то, что эти разнородныя вещества не могутъ соединиться въ одну массу, перетрите смѣсь какъ можно старательнѣе мраморнымъ пестикомъ или серебряною ложкою; а передъ употребленіемъ снова всякій разъ ее размѣшивайте. Этому помадою надобно натирать голову, а также, у кого есть, усы и бакенбарды каждый день, или непременно черезъ день. Дѣйствія такого простаго средства изумительны: волоса перестаютъ сѣдѣть даже у людей пожилыхъ, а кто начнетъ заблаговременно употреблять эту помаду, тотъ можетъ быть увѣренъ, что ему никогда не придется видѣть себя сѣдоватымъ. Одинъ изъ опытовъ, сдѣланныхъ для испытанія этой помады, служить разительнымъ тому доказательствомъ. Нѣкто, имѣя нѣсколько сѣдыхъ волосъ на всемъ пространствѣ головы, рѣшился цѣлый годъ мазать этою помадою только одну половину головы, а другую ея половину намазывать обыкновенною помадою: а для вѣрности испытанія онъ напередъ выдернулъ у себя всѣ сѣдые волоса, какіе у него были. Не прошло шести мѣсяцевъ, какъ первая половина головы отъ дѣйствія предлагаемой здѣсь помады нисколько не потеряла первоначальнаго натуральнаго своего цвѣта, тогда какъ другая половина, въ то же время помаженная обыкновенною помадою, по прежнему, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе принимала видъ дорогаго боброваго воротника (можно вообразить, какой прекрасный видъ принялъ этотъ господинъ!), такъ, что нѣкогда пріятель нашъ, не выждавъ году, по-выдергалъ на этой половинѣ сѣдые волоса, и чтобъ не имѣть признаковъ

двуличія или двусторонности, принялся натирать всю голову смѣсью изъ рому, масла и лимоннаго соку.

«Должно однако предварить, что эта помада имѣетъ свойство скоро портиться, особенно въ лѣтнее время: по-этому никогда не надобно готовить ея въ большомъ количествѣ для запаса. Матеріалы, потребныя для ея состава, всегда находятся подъ рукою; слѣдовательно, если постоянно брать каждаго изъ составныхъ ея веществъ по одной или по двѣ чайныя ложки, то приготовленіе ея въ этой пропорціи никому не наскучитъ, а она сохранитъ свою свѣжесть и дѣйствительность. Всего важнѣе соблюдать, чтобы мѣра взятыхъ веществъ была непременно равная. Надобно и еще присоветовать, что немаловажное достоинство этой помады состоитъ въ томъ, что она нисколько не грязнитъ головы, какъ большая часть обыкновенныхъ помадъ; напротивъ, она сохраняетъ голову въ постоянной чистотѣ и опрятности, а это само собою уже благопріятно дѣйствуетъ на здоровье. Между тѣмъ, въ то же самое время она придаетъ волосамъ чрезвычайно пріятный натуральный лоскъ и гляцовитость, укрѣпляетъ и раститъ ихъ.»

А вотъ кстати рекомендуемъ еще вамъ и

«ДѢВИЧЬЕ МОЛОКО (LAIТ VIRGINAL.)»

«Подъ этимъ названіемъ извѣстно косметическое средство, способствующее сохраненію свѣжести и цвѣта лица, уничтожающее сухость и вялость кожи и дѣлающее ея болѣе бѣлою и нѣжною.

«Въ прежнее время для приготовленія этого молока употребляли перуанскій бальзамъ, стираксу, амбру и проч. Теперь же жидкость, извѣстная въ торговлѣ подъ именемъ дѣвичьяго молока, есть не иное что, какъ обыкновенная вода, къ которой не много прибавлено спиртной настойки роснаго ладона. Эта жидкость сохраняется долго, по съ другой стороны невыгода ея состоитъ въ томъ, что она иссушаетъ кожу и оставляетъ на ней смолистыя части, засоряющія поры.

«Слѣдующій предлагаемый нами составъ не имѣетъ этихъ неудобствъ, и слѣдовательно съ большою пользою можетъ замѣнять обыкновенное продаваемое дѣвичье молоко.

«Возьмите: миндаля сладкаго 7 золотниковъ, миндаля горькаго 2 золотника, — и сдѣлайте изъ нихъ обыкновеннымъ способомъ миндальное молоко на 42 золотникахъ розовой воды, процѣдите сивозъ тоненькую чистую холстину, и прибавьте туда $\frac{1}{4}$ золотника цвѣтовъ роснаго ладона.»

Но какъ рѣдко бываетъ горе безъ всякой отрады, такъ едва ли не еще рѣже радость, не отравляемая какой-нибудь грустью. Такъ и при этой радости намъ почему-то грустно стало, что нѣтъ болѣе маститыхъ сребровласыхъ гомерическихъ старцевъ, передъ лицомъ которыхъ насъ учили вставать, нѣтъ тѣхъ, изрытыхъ прекрасными морщинами опыта и отъневныхъ смуглотою долгой трудолюбивой жизни старческихъ лицъ, которыя насъ учили почитать, — нѣтъ болѣе почтенной сѣдины и старости.

Печатать позволяется. Москва, Сентября 25 дня, 1853 года.

Цензоръ Д. Ражевскій.

Въ типографіяхъ: Университетской, В. Готье и Степановой.

М О Д Ы.

— Осенній холодъ засталъ насъ совершенно въ-распlohъ, въ кружевныхъ шляпахъ, въ легкихъ кисейныхъ и барежевыхъ платьяхъ и пардесю. Что бы было думать, если бы наши предусмотрительныя модистки не приготовили заранее хорошенькіе модные и теплые плащики изъ сѣраго альпагу, обшитые тремя рядами бархатной тесьмы, изъ коихъ одна, средняя, широкая, а двѣ крайнія узенькія; да красивыя осеннія шляпки атласныя, вышитыя *en application* атласомъ же другаго цвѣта или бархатомъ.

— Осеннихъ матерій для платьевъ совсемъ еще не видно. Вотъ описаніе нѣсколькихъ платьевъ послѣдняго фасона:

— Платье синяго гласе, съ оборками, затканными чернымъ матовымъ узоромъ, въ видѣ блонды, а въ край небольшой синей бахромочкой; лифъ *à la vierge*, открытый до середины, отдѣленъ буфой, затканной чернымъ узоромъ и обшитою съ обѣихъ сторонъ синей бахромочкой; рукава широкіе, убранные бахромой и буфами.

— Платье сѣро-пыльнаго пу-де-суа; юбка въ четыре оборки; лифъ съ баскою; и оборки и баски затканы каймой розоваго цвѣта; передъ лифа и рукава отдѣланы бантами сризovýchъ лентъ.

— Платье изъ сѣраго гласе съ зеленымъ отливомъ; юбка гладкая; лифъ съ высокимъ воротомъ и баской; баска эта, равно какъ и обшлага длинныхъ рукавовъ, обшиты буфами зеленыхъ муаровыхъ лентъ; передъ лифа застегнуть золотыми пуговками съ зеленой эмалью.

— Мы уже говорили выше, что осеннія атласныя шляпы вышиваются *en application* атласомъ же по атласу или бархатомъ. Впрочемъ, эти шляпы будутъ самыми модными, потому что, согласитесь, ничего не можетъ быть красивѣе чернаго атласнаго капота, шитаго лиловымъ или синимъ атласомъ.

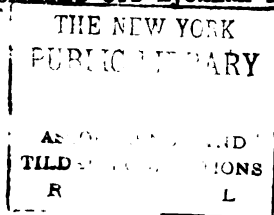
— Вотъ все, что мы могли собрать новаго по части осенняго туалета. Читательницы, впрочемъ, согласятся, что настоящее время—самая глухая пора для модныхъ наблюдений.

Описаніе картинки:

— Платье для вечера шелковое; лифъ *à la Jeannette* съ крепкой манишкой; на головѣ гирлянда розъ. — Визитное платье шелковое, отделанное чернымъ кружевомъ и черными бархатными лентами; шляпа бѣлая пу-де-суа, украшенная цвѣтами, блондой и чернымъ бархатомъ.

Опечатка въ 16 номеръ: Въ отдѣлѣ Журналистики, на стран. 67, стр. 11 и 12, вмѣсто: обязанъ хорошему приему публикою и критикомъ только новизной и рельефностью, — надо читать: обязанъ хорошимъ приемомъ отъ публики и критики только новизнѣ и рельефности.

Печатать позволено. Москва. Сентября 7-го дня 1853 года.

Целзоръ Д. Ржевскій.

Въ типографіяхъ: Университетской, Готье и Стыпановой.

